

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

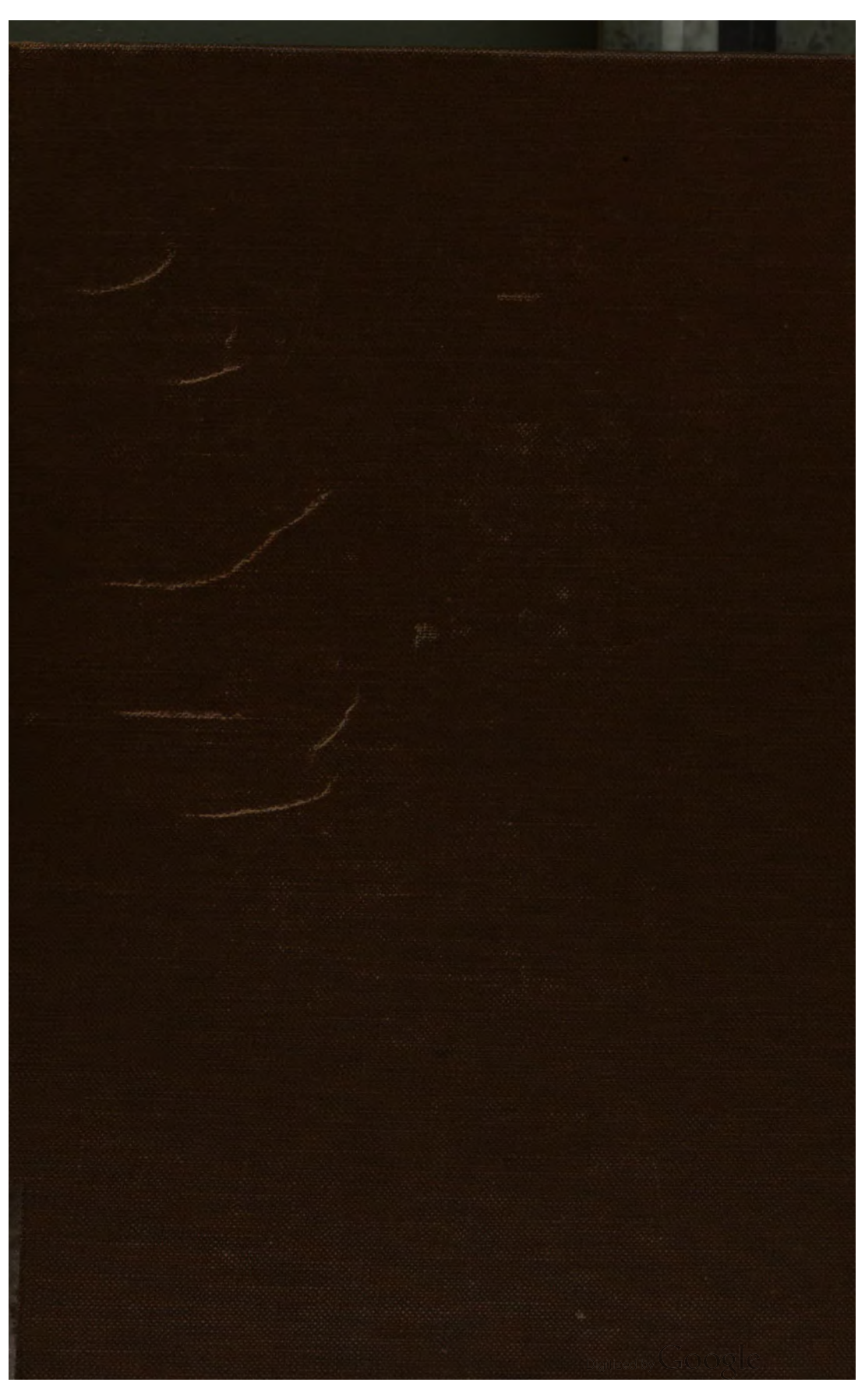
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**UNIV. OF CALIFORNIA
WITHDRAWN**

РУССКАЯ

1-2
1908

МЫСЛЬ.

*University of California
Library*

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Berkeley, Cal.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пимен. ул., соб. домъ.

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА.	1
II. СТИХОТВОРЕНИЯ.— В. Малахѣевой-Мировичъ.	10
III. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Сигурда (Жейденшерна).—Перев. со шведск. М. П. Благовѣщенской.	13
IV. СТИХОТВОРЕНИЕ.—А. М. Федорова.	52
V. ИСТОРИЯ О ТОМЪ, КАКЪ МОННА ПИА-ДИ-ТОЛОМЕИ, БУДУЧИ НЕВИННОЙ, ПОГИБЛА ПО ВОЛЪ ЖЕСТОКАГО СУПРУГА.— Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.	53
VI. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Федора Сологуба.	71
VII. РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМѢ. Уехътера Патера.—Перев. П. П. Муратова.	72
VIII. ДѢВУШКА СЪ ЗОЛОТОЙ РѢЧКИ. Изъ жизни Печоры.—К. Д. Носилова.	91
IX. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Л. М. Василевскаго.	110
X. НА ОЗЕРѢ.—Н. М. Тимовскаго.	111
XI. СТИХОТВОРЕНИЯ.—К. Д. Бальмонта.	146
XII. УТРО.—А. М. Федорова.	147
XIII. ЕВНУХИ. Андрия Нехезевскаго.—Перев. съ польск. В. М. Л.	155
XIV. СТИХОТВОРЕНИЕ.—Влад. Фишера.	190
XV. СУЗДАЛЬСКАЯ БРѢПОСТЬ ИЛИ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ СПАСО-ЕФИМЬЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.—А. С. Пругавина.	1
XVI. РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ. (1813—1883 гг.). Къ 25-лѣттю со дня его смерти.—Винтора Вальтера.	17
XVII. ПРОБЛЕМЫ НОВАГО РЕЛИГИОЗНАГО СОЗНАНИЯ. I. О сладчайшемъ Иисусѣ и горькихъ плодахъ міра. В. В. Розанова. II. Христосъ и міръ. Отвѣтъ В. В. Розанову.—Николая Бердяева.	33
XVIII. ПАТРИОТИЗМЪ И КОНСТИТУЦІЯ.—Н. А. Гредескула.	56
XIX. ВЪ ОБЕЗЪЯНЬИХЪ ЛАПАХЪ. О Леонидѣ Андреевѣ.—Д. С. Меремжовскаго.	75
XX. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕННІИ. („Исторія Россіи въ XIX в.“. Изданіе А. и И. Гранатъ. Вып. I—II).—А. А. Низоветтера.	99
XXI. „ЛИКВИДАЦІЯ“.—А. С. Изгоева.	119
XXII. ВЕЛИКАЯ РОССІЯ. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества.—Петра Струве.	143
XXIII. УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ 1906 г.—А. А. Кауфмана.	158
XXIV. ТРЕТЬЯ ДУМА.—А. Вергежскаго.	176
XXV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. Айхенвальда.	184
XXVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ф. К. Арнольда.	192
XXVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда.	203
XXVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго.	219
XXIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознаніе.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.	1
XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

UNIV. OF
CALIFORNIA

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИГА I

МОСКВА.

1908.

TO THE
ADMINISTRATOR

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/84

Тито-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пяменовская ул., соб. д.
Москва—1908.

AP50
R875
v. 29:1-2
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА.	1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Малахіевой-Мировичъ.	10
III. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Сигурда (Хейденшерна.)—Пер. съ шведск. М. П. Благовѣщенской	13
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Федорова	52
V. ИСТОРИЯ О ТОМЪ, КАКЪ МОННА ПІА-ДИ-ТОЛОМЕИ, БУДУЧИ НЕВИННОЙ, ПОГИБЛА ПО ВОЛЪ ЖЕСТОКАГО СУПРУГА.— Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	53
VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Ведора Сологуба.	71
VII. РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМЪ. Уольтера Патера.—Перев. П. П. Му- ратова.	72
VIII. ДЪВУШБА СЪ ЗОЛОТОЙ РЪЧКИ. Изъ жизни Печоры.— К. Д. Носилова.	91
IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. М. Василевскаго.	110
X. НА ОЗЕРЪ.—Н. И. Тимковскаго	111
XI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—К. Д. Бальмонта.	146
XII. УТРО.—А. М. Федорова.	147
XIII. ЕВНУХИ. Андрея Немоевскаго.—Перев. съ польск. В. М. Л.	155
XIV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Влад. Фишера	190
XV. СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ ИЛИ АРЕСТАНТСКОЕ ОТДѢЛЕ- НІЕ СПАСО-ЕФИМІЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.—А. С. Пруга- вина.	1

	Стр.
XVI. РИХАРДЪ ВАТЧЕРЪ: (1813—1883 гг.). Къ 25-лѣтію со дня его смерти.—Виктора Вальтера.	17
XVII. ПРОБЛЕМЫ НОВАГО РЕЛИГИОЗНАГО СОЗНАНІЯ. I. О Сладчайшемъ Иисусѣ и горькихъ плодахъ міра. В. В. Розанова. II. Христось и міръ. Отвѣтъ В. В. Розанову.—Николая Бердяева.	33
XVIII. ПАТРИОТИЗМЪ И КОНСТИТУЦІЯ.—Н. А. Гредеснула . . .	56
XIX. ВЪ ОБЕЗЪЯННЫХЪ ЛАПАХЪ. О Леонидѣ Андреевѣ.—Д. С. Мережковского.	75
XX. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ. («Исторія Россіи въ XIX в.». Изданіе А. и И. Гранатъ. Вып. I—II).—А. А. Низоветтера	99
XXI. «ЛИКВИДАЦІЯ».—А. С. Изгоева.	119
XXII. ВЕЛИКАЯ РОССІЯ. Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества.—Петра Струве	143
XXIII. УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ 1906 Г.—А. А. Кауфмана	158
XXIV. ТРЕТЬЯ ДУМА.—А. Вергемскаго	176
XXV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. М. Айхенвальда	184
XXVI. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ф. Н. Арнольда	192
XXVII. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	203
XXVIII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго	219
XXIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія. — Политическая экономія. — Публицистика. — Естествознаніе.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.	1
XXX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Для личныхъ переговоровъ, приѣма и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки пзвѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА ЧЕХОВА *).

5 октября.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ!

Мнѣ очень нужно васъ видѣть. Если это письмо, которое я посылаю на удачу, вы получите раньше 12 октября, и если вы продолжаете еще быть земскимъ начальникомъ, то не откажите телеграфировать мнѣ возможно скорѣе, въ какой день и въ какомъ мѣстѣ Нижегородской губерніи я могу застать васъ. 12 октября я буду въ Нижнемъ и въ тотъ же день, если найду вашъ адресъ, выйду къ вамъ.

А. Чеховъ.

11 декабря.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, вотъ вамъ исторія моего неудавшагося путешествія къ вамъ. Я собирался ѣхать къ вамъ не съ корреспондентскими цѣлями, а по порученію, или вѣрнѣе, по соглашенію съ небольшимъ кружкомъ людей, желавшихъ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ. Дѣло въ томъ, что публика не вѣритъ администраціи и потому воздерживается отъ пожертвованій. Ходитъ тысяча фантастическихъ сказокъ и басенъ о растратахъ, наглыхъ воровствахъ и т. п. Епархіальнаго вѣдомства сторонятся, а на Красный Крестъ негодуютъ. Владѣлецъ незабвеннаго Бабкина, земскій начальникъ, отрѣзалъ мнѣ прямо и категорически: «въ Москвѣ въ Красномъ Крестѣ воруютъ!» При такомъ настроеніи администрація едва ли дождется серьезной помощи отъ общества. А между тѣмъ публикѣ благотворить хочется, и совѣсть ея потревожена. Въ сентябрѣ московская интеллигенція и плутократія собирались въ кружки, думали, говорили, копошились, приглашали для совѣта свѣдущихъ людей; всѣ

* Оглашаемыя письма А. П. Чехова, относящіяся къ „годовалому году“, представлены редакціи г-жей Н. Егоровой, вдовой земскаго начальника Нижегородской губ.

Прим. ред.

толковали о томъ, какъ бы обойти администрацію и заняться организаціей помощи самостоятельно. Рѣшили послать въ голодныя губерніи своихъ агентовъ, которые знакомилсь бы на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, устраивали бы столовые и проч. Нѣкоторые главари кружковъ, люди съ вѣсомъ, ѣздили къ Дурново просить разрѣшенія, и Дурново отказалъ, объявивъ, что организація помощи можетъ принадлежать только епархіальному вѣдомству и Красному Кресту. Однимъ словомъ, частная инициатива была подрѣзана въ самомъ началѣ. Всѣ повѣсили носы, пали духомъ; кто озлился, а кто просто омылъ руки. Надо имѣть смѣлость и авторитетъ Толстого, чтобы идти наперекоръ всякимъ запрещеніямъ и настроеніямъ, и дѣлать то, что велить долгъ.

Ну-съ, теперь о себѣ. Я съ полнымъ сочувствіемъ относился къ частной инициативѣ, ибо каждый воленъ дѣлать добро такъ, какъ ему хочется; но всѣ разсужденія объ администраціи, Красномъ Крестѣ и проч. казались мнѣ несвоевременными и непрактическими. Я полагалъ, что при нѣкоторомъ хладнокровіи и добродушіи можно обойти все страшное и щекотливое, и что для этого нѣтъ надобности ѣздить къ министру. Я поѣхалъ на Сахалинъ, не имѣя съ собой ни одного рекомендательнаго письма, и однако же сдѣлалъ тамъ все, что мнѣ нужно; отчего же я не могу поѣхать въ голодающія губерніи? Вспоминалъ я также такихъ администраторовъ, какъ вы, какъ Киселевъ и всѣ мои знакомые земскіе начальники и податные инспектора—люди въ высшей степени порядочные и заслуживающіе самаго широкаго довѣрія. И я рѣшилъ, хотя на небольшомъ районѣ, если можно, сочетать два начала: администрацію и частную инициативу. Мнѣ хотѣлось поскорѣе съѣздить къ вамъ и посоветоваться. Мнѣ публика вѣритъ, повѣрила бы она и вамъ, и я могъ разсчитывать на успѣхъ. Помните, я послалъ вамъ письмо. Тогда въ Москву пріѣхалъ Суворинъ; я пожаловался ему, что не знаю вашего адреса. Онъ телеграфировалъ Баранову, а Барановъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ вашъ адресъ. Суворинъ былъ боленъ инфлуэнцей; обыкновенно, когда онъ пріѣзжаетъ въ Москву, мы цѣлые дни проводимъ неразлучно и толкуемъ о литературѣ, которую онъ знаетъ превосходно. И на сей разъ толковали, и кончилось тѣмъ, что я заразился отъ него инфлуэнцей, легъ въ постель и сталъ неистово кашлять. Былъ въ Москвѣ Короленко и засталъ меня страждущимъ. Осложненіе со стороны легкихъ сдѣлало то, что я маялся цѣлый мѣсяць, безвыходно сидѣлъ дома и ровно ничего не дѣлалъ. Теперь дѣла мои пошли на поправку, но все еще я кашляю и худѣю. Вотъ вамъ и вся исторія. Если бы не инфлуэнца, то, быть можетъ, намъ вмѣстѣ уда-

юсь бы сорвать съ публички тысячи двѣ-три или больше, смотря по обстоятельствамъ.

Ваше раздраженіе противъ печати мнѣ понятно. Разсужденія газетчиковъ васъ, знакомаго съ истиннымъ положеніемъ вещей, такъ же раздражаютъ, какъ меня, медика, разсужденія профана о дифтеритѣ. Но что прикажете дѣлать? Что? Россія не Англія и не Франція. Газеты у насъ не богаты и въ своемъ распоряженіи любятъ очень немного людей. Послать на Волгу профессора Петровской академіи, или Энгельгарда—это дорого; послать дѣльнаго и даровитаго сотрудника тоже нельзя—дома нуженъ. *Times* на свой счетъ устроилъ бы въ голодающихъ губерніяхъ перепись, посадилъ бы въ каждой волости Беннана, платя ему по 40 руб. суточныхъ—и вышелъ бы толкъ, а что могутъ сдѣлать *Русскія Вѣдомости* или *Новое Время*, которыя доходъ въ сто тысячъ считаютъ уже крзовскимъ богатствомъ? Что же касается самихъ корреспондентовъ, то вѣдь это горожане, знающіе деревню только по Глѣбу Успенскому. Положеніе ихъ фальшиво въ высшей степени. Прилети въ волость, поюхай, пиши и валяй дальше. У него ни матеріальныхъ средствъ, ни свободы, ни авторитета. За 200 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ онъ скачетъ, скачетъ, и молитъ Бога только о томъ, чтобы на него не сердились за его невольное и неизбежное вранье. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ. Но виноватъ вѣдь не онъ, а русскія потемки. Къ услугамъ западнаго корреспондента—превосходныя карты, энциклопедическіе словари, статистическія изслѣдованія; на западъ корреспонденціи можно писать сидя дома. А у насъ? У насъ корреспондентъ изжеть почерпать свѣдѣнія только изъ бесѣдъ и слуховъ. Вѣдь у насъ во всей Россіи до сихъ поръ изслѣдованы только три уѣзда: Череповскій, Тамбовскій и еще какой-то. Это на всю-то Россію! Газеты врутъ, корреспонденты-саврасы, но что же дѣлать? *А не писать нельзя.* Если бы печать наша молчала, то положеніе было бы еще ужаснѣе, согласитесь съ этимъ.

Ваше письмо и ваша затѣя насчетъ покупки скота у крестьянъ сдвинули меня съ мѣста. Я всей душой и всѣми моими силами готовъ слушаться васъ и дѣлать все, что вы хотите. Я долго думалъ, и вотъ вамъ мое мнѣніе. На богатыхъ людей разсчитывать нельзя. Поздно. Каждый богачъ уже отвалилъ тѣ тысячи, которыя ему суждено было отвалить. Вся сила теперь въ среднемъ человѣкѣ, жертвующемъ полтинники и рубли. Тѣ, которые въ сентябрѣ толковали о частной инициативѣ, нашли себѣ пріютъ при разнаго рода комиссіяхъ и комитетахъ и уже работаютъ. Значить, остается средній человекъ. Давайте объявимъ подписку. Вы напишете письмо въ редак-

цію, и я напечатаю его въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Новомъ Времени*. Чтобы сочетать два вышеписанныхъ начала, мы можемъ оба подписаться подъ письмомъ. Если это для васъ неудобно въ служебномъ отношеніи, то можно написать отъ третьяго лица корреспонденцію, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ 5 участкѣ организовано то то и то то, что дѣла идутъ, слава Богу, успѣшно и что жертвованія просятъ высылать земскому начальнику Е. П. Егорову, живущему тамъ-то, или же А. П. Чехову, или въ редакцію такихъ-то газетъ. Надо только подлиннѣе написать. Напишите подробнѣе, а я прибавлю свое что-нибудь—и дѣло въ шляпѣ. Нужно писать о жертвованіяхъ, но не о займѣ. На заемъ никто не пойдетъ: жутко. Дать трудно, но взять назадъ еще труднѣе.

Въ Москвѣ у меня есть одинъ только знакомый богатъ—это В. А. М., извѣстная благотворительница. Вчера я былъ у нея съ вашимъ письмомъ. Говорилъ, обѣдалъ. Она увлечена теперь комитетомъ грамотности, который устраиваетъ столовыя для школьниковъ, и все отдастъ туда. Такъ какъ грамотность и лошади—величины не соизмѣримыя, то В. А. пообѣщала мнѣ содѣйствіе комитета въ случаѣ, если вы пожелаете устроить столовыя для школьниковъ и пришлете подробныя свѣдѣнія. Мнѣ *неловко* было просить у нея денегъ сейчасъ же, такъ какъ у нея берутъ и берутъ безъ конца, и треплютъ ее, какъ лисицу. Я только попросилъ ее, что въ случаѣ, если у нея будутъ какіе-либо комиссіи и комитеты, то чтобы она не забывала и насъ, и она дала мнѣ обѣщаніе не забывать. Ваше письмо и ваша идея сообщены также редактору *Русскихъ Вѣдомостей* Соболевскому—это на всякій случай. Всюду я трезвоню, что дѣло уже организовано.

Если будутъ рубли и полтинники, то я буду высылать ихъ вамъ безъ всякой задержки. А вы распорядитесь мной и вѣрьте, что для меня было бы истиннымъ счастьемъ хотя что-нибудь сдѣлать, такъ какъ до сихъ поръ для голодающихъ и для тѣхъ, кто помогаетъ имъ, я ровно ничего не сдѣлалъ. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

14 декабря.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ! Посылаю вамъ собранные мною 116 руб. Продолженіе будетъ. Списокъ жертвователей я пришлю въ слѣдующій разъ.

Собираю я втихомолку, безъ какого-либо шума, и думаю теперь, что письмо въ редакцію, или корреспонденцію, о которой я писалъ, слѣдуетъ помѣстить въ газетѣ не раньше января. Я по-

загаю, что въ январѣ у васъ уже прочно будетъ стоять лошадиное дѣло, картина будетъ ясна, а слѣдовательно и для жертвователей все будетъ ясно; въ январѣ я приѣду къ вамъ *непрѣменно* и вмѣстѣ сочинимъ что-нибудь. Во всякомъ случаѣ, сочинить что-нибудь нужно.

Напишите же насчетъ школьниковъ и ихъ кормленія. Я тотчасъ же пошусь въ комитетъ грамотности, который поможетъ вамъ. Вообще пишите. Безъ вашихъ распоряженій я не ступлю самостоятельно ни одного шага. Я вашъ агентъ, такъ вы и смотрите на меня и почаще пишите руководства ради.

Вашъ А. Чеховъ.

20 декабря.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, посылаю вамъ пока еще 17 руб. Продолженіе будетъ. По полученіи отъ васъ письма я обратился конфиденціально къ предсѣдателю нашего литературнаго фонда, имѣющаго 200 тысячъ основного капитала, съ вопросомъ: нельзя ли мнѣ получить въ ссуду 500 руб.? Эти деньги хотѣлъ я послать въ ссуду вамъ. Но предсѣдатель отказалъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ. На бѣду я никакъ не могу узнать адреса А. Н. Плещеева-поэта, который теперь за границей. Онъ, какъ вамъ извѣстно, получилъ миллионное наслѣдство и мнѣ бы не отказалъ. Когда весною мы съ нимъ встрѣтились въ Парижѣ, онъ просилъ меня взять у него займы.

26 декабря я уѣзжаю въ Петербургъ, гдѣ буду жить до 10 января. Въ случаѣ надобности адресуйтесь такъ: Петербургъ, Малая Итальянская, 18, кв. Суворина, Чехову. Въ Петербургѣ я попытаюсь достать денегъ.

14 декабря я послалъ вамъ 116 руб., а ранѣ послалъ длинное письмо и отвѣта не получилъ. Все, что мною до сихъ поръ было собрано, жертвователи просятъ употребить на кормежку скота. Желая вамъ всего хорошаго.

Вашъ А. Чеховъ.

26 декабря.

Посылаю еще 11 рублей. А отвѣта отъ васъ нѣтъ и нѣтъ, такъ что я начинаю думать, что мои письма не доходятъ по адресу. Сегодня я уѣзжаю въ Петербургъ. Благоволите адресоваться туда.

Вышелъ сборникъ въ пользу голодающихъ, который далъ чистыхъ 18 тысячъ. Если бы вы поскорѣ отвѣтили мнѣ, въ какомъ положеніи у васъ дѣла, и уполномочили бы меня, то я могъ бы обратиться въ редакцію *Русскихъ Вѣдомостей*, чтобы онѣ выслали хотя бы 100—200 руб. У меня еще осталось вашихъ 20 коп. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

3 января.

Уважаемый Евграфъ Петровичъ, уже давно въ отвѣтъ вамъ я послалъ заказное письмо и нѣсколько денежныхъ пакетовъ. Долго не получая отъ васъ отвѣта и теряясь по этому поводу въ догадкахъ, я остановился на томъ, что вы не получили моихъ писемъ. И эта послѣдняя моя догадка оказалась весьма основательной. Дѣло въ томъ, что я посылалъ вамъ свою корреспонденцію по такому адресу: «Станція Богоявленное, Нижегородскаго уѣзда». Между тѣмъ, оказывается по справкамъ, что ст. Богоявленное въ Нижегородской губ. нѣтъ, а есть станція Богоявленье. Пожалуйста, наведите справки, получите мои письма и напишите мнѣ. Ваше продолжительное молчаніе совсѣмъ парализовало мою волю и мои чувства. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

26 января. Москва.

По подписному листу № 28 вы, добрый Евграфъ Петровичъ, получили уже съ меня 25 руб. въ Бѣлой. Теперь по тому же листу посылаю еще 60 руб. Остальные 22 руб. собраны однимъ моимъ пріятелемъ; списокъ жертвователей прилагаю: такъ какъ они не вошли ни въ одинъ изъ подписныхъ листовъ, то благоволите прислать расписочки. 41 коп. осталась у меня до слѣдующаго транспорта.

Можете себѣ представить, я пріѣхалъ домой совсѣмъ больнымъ. Жестокая боль въ обѣихъ лопаткахъ, между лопатками и мышцахъ груди. Должно быть, простудился въ Нижнемъ, послѣ того какъ проспалъ ночь подъ тропически-горячимъ дыханіемъ отдушины. Не могу ни сидѣть согнувшись, ни писать, ни надѣвать сапоги. Просто бѣда. Будьте здоровы.

Вашъ А. Чеховъ.

29 января.

По подписному листу № 28 имѣете получить 25 руб., пожертвованные *Русскою Мыслью*. Расписки не нужно. Отъ Е. И. Коновницера — 1 руб. Расписка нужна. Итого 26 руб.

Всѣмъ вашимъ привѣтъ.

Устройте столовые.

Вашъ А. Чеховъ.

Воронежъ, 6 февраля.

Добрый Евграфъ Петровичъ, пишу вамъ это изъ Воронежской губ. Произошло то же самое, что и въ Нижнемъ, т.-е. губернаторъ пригласилъ меня обѣдать и мнѣ пришлось много говорить и

слышать о голодѣ. Лошадиное дѣло поставлено здѣсь такъ. Губернаторъ Куровскій скупаеъ лошадей, гдѣ только возможно, по вашему способу, и скупилъ ихъ уже около 400 головъ. Цѣна Нижегородская. Если выписать изъ Донской области, то каждая лошадь безъ кормежки обойдется въ 50—60 руб. Куровскій лошадей при себѣ не держитъ, а раздаетъ ихъ мужикамъ тотчасъ же послѣ покупки. Онъ выписываетъ изъ голодныхъ уѣздовъ безлошадниковъ и говоритъ имъ: «Вотъ тебѣ лошадь. Ты будешь возить хлѣбъ». Безлошадникъ возитъ и такимъ образомъ зарабатываетъ на себя и на лошадь. Весною ему скажутъ: «Заработалъ ты столько-то. Лошадь стояла въ покупкѣ столько-то. Значитъ, за тобой осталось еще столько-то (или же имѣешь дополучить столько-то)». Однимъ словомъ, лошадь дается въ ссуду и ссуда выплачивается мало-по-малу теперь.

Воронежъ кипитъ. Голодное дѣло поставлено здѣсь гораздо основательнѣе, чѣмъ въ Нижегородской губерніи. Выдаютъ не только хлѣбъ, но даже переносныя печи и каменный уголь. Устроены мастерскія, много столовыхъ. Вчера въ театрѣ былъ спектакль въ пользу голодающихъ, сборъ полный. Куровскій интеллигентный и искренній человѣкъ; работаетъ такъ же много, какъ Барановъ. Онъ штатскій, а для губернатора—это большое удобство: онъ чувствуетъ себя свободнѣе. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ при свиданіи.

Видѣлъ я Софью Александровну Давыдову и далъ ей вашъ адресъ. Дама дѣловая, добрая и скромная. Она многое можетъ сдѣлать.

Мое письмо о Нижегородской и Воронежской губерніяхъ будетъ напечатано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Поклонъ вашимъ. Будьте здоровы. Пишите. Въ Москвѣ я буду около 10—12.

Вашъ А. Чеховъ.

25 февраля.

Посылаю вамъ, Евграфъ Петровичъ, 12 рублей. На-дняхъ буду писать вамъ подробно, а пока извините. Укладываюсь. Вашимъ сердечный привѣтъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Посылаю не 12, а 14. Вотъ списокъ жертвователей, которымъ благоволите прислать расписки: Н. И. Ѳедоровъ—2 руб., редація *Спорта*—1 руб., П. В. Петровъ—1 руб., Б. А. Суворинъ—10 руб. Итого 14 руб.

Воронежскій губернаторъ Куровскій сказалъ мнѣ, что въ случаѣ падежа какой-либо лошади нужно составлять актъ. Этою формальностью вы интересовались и потому сообщаю вамъ ее.

4 марта.

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, пишите мнѣ теперь по такому адресу: ст. Лопасня, московск.-курской дороги, А. П. Чехову.

Въ девяти верстахъ отъ Лопасни и 20—25 верстахъ отъ Серпухова я купилъ себѣ имѣніе. 213 десятинъ. 5 тысячъ наличными и 8 банк. долгу.

Не пишу вамъ подробно, потому что спѣшу. Сажу въ ресторанѣ. Изъ дому напишу очень подробно. Поклонъ вашимъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Простыя письма желательнѣе заказныхъ.

Ст. Лопасня, 29 марта.

Значить, лошадиное дѣло трахнуло? Вы пишете, что если бы мы начали съ ноября, то дѣло было бы въ шляпѣ. Знаете, когда я въ февралѣ былъ въ Хрѣновскомъ заводѣ, то управляющій его Иловойскій, большой лошадиный знатокъ, сказалъ мнѣ, что ничего нельзя сдѣлать; то же самое говорилъ мнѣ и воронежскій губернаторъ, у котораго были и средства и помощники и всетаки, кажется, ничего не вышло. Суть въ томъ, что тѣмъ дешевле и раньше вы покупаете лошадь, тѣмъ дороже обходится ея кормежка и, стало быть, она сама. Какъ ни вертись, ничего не подѣлаешь.

Статья моей въ печати не было. Принимался я писать двадцать разъ, но выходило такъ фальшиво, что я всякій разъ бросалъ. Въ статьѣ я не лгалъ, но былъ какой-то фальшивый, натянутый тонъ, какого я не выношу ни въ своихъ, ни въ чужихъ статьяхъ. Выходить, какъ будто я даромъ проѣхался къ вамъ и даромъ ѣлъ ваши сдобные пироги (очень вкусные—скажу въ скобкахъ). Да, для васъ и для вашего дѣла моя поѣздка оказалась бесполезной, но зато я вспоминаю о ней съ большимъ удовольствіемъ. Она мнѣ пригодится, ибо дала она мнѣ немало интересныхъ впечатлѣній.

Конечно, приѣзжайте ко мнѣ. У меня 213 десятинъ земли, много плохого лѣсу, просторный домъ, садъ, въ саду прудъ, липовая аллея, фрукты, малина, всѣ постройки новыя и вся усадьба (4 дес.) вдоль и поперекъ огорожена частоколомъ, который преждемъ владѣльцу обошелся въ 700 руб. Такъ что въ садъ нибябая курица не пробѣжитъ. Уютно. Домъ не изъ важныхъ, но вполне культурный; хотя, впрочемъ, ватеръ-клозета не имѣется. У меня въ кабинетѣ три большихъ окна съ сплошными окнами, какъ въ магазинахъ. Стѣны оклеены обоями. Тепло. Железная дорога въ 9 верстахъ, а Серпуховъ въ 23. Отъ Москвы—2½ часа пути. Ходитъ 6 поѣздовъ. 3 лошади, одна корова, 4 гуся, 2 собаки и 10 дохлыхъ

гурь. Посѣяно 14 десятинъ ржи. Запахано подъ яровое тоже 14. Доходы получаютъ со сдачи въ аренду покосовъ и продажи хвороста, фруктовъ, расады и всякихъ пустяковъ. Впрочемъ, доходность меня мало интересуетъ, такъ какъ созданъ я дачникомъ, а не помѣщикомъ. Процентовъ нужно мнѣ платить 480 руб. въ годъ, т.-е. вдвое меньше, чѣмъ я платилъ въ Москвѣ за квартиру. Черезъ 2 года внесу въ погашеніе 5 тысячъ. Впрочемъ, поживемъ, увидимъ. Если продадутъ имѣніе съ аукціона, то уѣду на югъ.

Вотъ что. Пріѣзжайте-ка въ Московскую губ. со всѣми чадами и домочадцами. Продайте вашу Бѣлую и купите что-нибудь недалеко отъ Москвы; тутъ и службу найдете. Вѣдь въ Бѣлой ни сада, ни парка—значить, жалѣть нечего, а Московская губернія мила вамъ по воспоминаніямъ.

На Ооминной недѣлѣ будетъ у меня А. С. Киселевъ.

Буду по ржи сѣять клеверъ.

Непремѣнно пріѣзжайте, буду ждать. Отдамъ вамъ свой кабинетъ въ полное ваше распоряженіе. Всѣмъ вашимъ нижайшій поклонъ. Будьте здоровы и благополучны.

Вашъ А. Чеховъ.

15 июля, ст. Лопасня.

Добрѣйшій Евграфъ Петровичъ, ничего хорошаго я написать вамъ не могу, такъ какъ не знаю ни одного врача, который теперь не былъ бы занятъ, а студентовъ-медиковъ знакомыхъ у меня нѣтъ. Если же и встрѣчу кого-нибудь изъ медиковъ, то мое посредничество едва ли будетъ имѣть успѣхъ, потому что врачъ едва ли согласится ѣхать въ уѣздъ за 250 руб.

Мы тоже хлопочемъ во всю ивановскую. У насъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ врачей такъ мало, что во время холеры уѣздъ будетъ сидѣть почти безъ помощи. Заграбастали и меня раба Божьяго и назначили санитарнымъ врачомъ. Разъѣзжаю теперь по деревнямъ и читаю лекціи. Послѣ завтра на санитарномъ совѣтѣ будемъ рѣшать вопросъ: гдѣ можно достать врачей и студентовъ. И, вѣроятно, никакъ не рѣшимъ этого вопроса.

Значить, вамъ не удастся отдохнуть послѣ голодовки. Досадная и грустная исторія.

Бду сейчасъ въ монастырь просить, чтобы построили баракъ. Будьте здоровы и небожъ хранимы. Вашимъ поклонъ.

Вашъ А. Чеховъ.

Б е р е з а .

Могильное дерево, слезы твои
Люблю я осенней порой.
Плавающих вѣтвей золотыя струи
Надъ мраморно бѣлой корой.

Усталому сердцу отрадно уснуть
Подъ кровомъ печальнымъ и нѣжнымъ,
И снится мнѣ—конченъ томительный путь
И близокъ покой безмятежный.

И снится мнѣ: Кто-то не можетъ уйти
Съ могилы моей—и тоскуетъ...
И въ позднемъ раскаяннѣ шепчетъ: «прости»...
И плачетъ и землю цѣлуетъ...

В. Мирвичъ.

Передъ грозой.

Темныя ризы у Господа,
Взоръ омраченный поникъ,
Ангелы съ крыльями черными
Въ страхъ тѣснятся вокругъ.

Слава померкла небесная,
Стелется вихрь по землѣ...
Съ темнаго Лица Господняго
Тяжко упала слеза.

В. Мировичъ.

Три Ларки.

Вынула жребій Лахезисъ слѣпая,
Блото прядущая нити взяла;
Блото безмолвная, Блото глухая,
Черныя нити покорно свила.

Парва сѣдая, привратница Ночи,
Пряжи коснулась Атропа сквозь сонъ.
Черная мгла застилаетъ мнѣ очи...
Слышу, какъ веслами плещетъ Харонъ...

В. Миревичъ.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.

Сигурда (Хейденшерна.)

(Съ шведскаго.)

I.

Объщанія и обязанности.

Троицынъ день наступилъ поздно,—въ началѣ іюня,—но зато онъ принесъ съ собой лѣто въ полномъ разгарѣ, какъ это бывало въ добрыя старыя времена, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Деревья цвѣли, хлѣбныя поля зеленѣли, трава на лугахъ становилась выше изо дня въ день и понемногу скрывала отъ взоровъ камни и давала пищу бѣднымъ коровамъ, истощеннымъ зимней голодовкой.

Въ усадьбѣ Брантелидъ всѣ весенія работы были закончены наканунѣ Троицына дня, и нехитрыя полевые орудія стояли на пригоркѣ въ полномъ праздничномъ уборѣ. Возвращаясь съ поля по окончаніи послѣдней весенней работы, работники украсили телѣгу, плугъ, борону и катокъ зелеными вѣтвями.

Усадьба Брантелидъ была очень живописна въ эту раннюю весну, какъ бываетъ живописенъ всякій уголокъ въ деревнѣ на сѣверѣ въ такую пору. Но въ сущности мѣсто это не отличалось красивымъ положеніемъ,—тамъ не было ни озера, ни горъ. Небольшой низкій, длинный и покосившійся деревянный домъ стоялъ на пригоркѣ, отъ котораго усадьба и получила свое названіе. Какъ домъ, такъ и прилегающіе къ нему два флигеля были выкрашены въ вульгарный красный цвѣтъ, успѣвшій вылиться на солнцѣ. Изъ-за дома видѣлся садъ, въ которомъ росли молодыя и старыя плодовые деревья; въ этомъ саду попережку были расположены розовыя клумбы и грядки съ овощами. Весь садъ производилъ впечатлѣніе запущенности, и это впечатлѣніе усиливали поломанныя изгороди и устѣянные камни луга. Но, несмотря на это, въ этотъ весенній день все казалось

красивымъ въ праздничномъ уборѣ изъ молодой зелени и цвѣтовъ. На сѣрыхъ поляхъ, тамъ и сямъ, живописно выдѣлялись курчавыя березки и ярко зеленыя пятна молодой травы, а вдали виднѣлась темная стѣна еловаго лѣса.

Около шести часовъ у восточнаго флигеля начали жужжать пчелы, а изъ ближней рощи раздалось веселое кукованіе кукушки. Но за исключеніемъ этихъ звуковъ ничего не было слышно: все было еще погружено въ тяжелый отдыхъ послѣ утомительной и долгой рабочей поры.

Но вотъ наверху въ мезонинѣ стукнуло окно, и длинная, худая дѣтская рука открыла половину окна. Вслѣдъ за этимъ въ окнѣ показалось лицо съ полуоткрытыми губами, которыя съ жадностью вдыхали свѣжій утренній воздухъ, напоенный благоуханіемъ цвѣтовъ.

Однако лицо это едва ли можно было назвать дѣтскимъ. Большіе синіе глаза смотрѣли серьезно, щеки утратили дѣтскую округлость и были очень блѣдны, да и на всей длинной, гибкой, неразвившейся фигурѣ лежалъ отпечатокъ вялости и утомленія. Если бы не прекрасныя необыкновенно густыя каштановыя волосы и мягкое выраженіе лица, то едва ли можно было бы заключить, что существо въ ночной рубашкѣ, стоявшее у окна, — женскаго пола. Слишкомъ длинная и слишкомъ широкая рубашка открывала тонкую и неестественно длинную шею и спускалась до самыхъ ключицъ, рѣзко обрисовывавшихся подъ кожей. Черты худого лица были изящны, но слишкомъ рѣзки, а прекрасныя и глубокіе глаза имѣли страдальческое выраженіе. Вся внѣшность говорила о томъ, что это — благородное тепличное растеніе, которое по какому-то недоразумѣнію попало въ грунтъ и чахнетъ; и хотя во многихъ отношеніяхъ оно представляетъ собою почти карикатуру своего прообраза, но всетаки сохранило природное изящество въ мельчайшихъ чертахъ.

Однако въ это мгновеніе на блѣдномъ лицѣ можно было прочесть нѣчто, напоминающее о радости и оживленіи, которыя, казалось, боролись съ вялостью и грустью, присущими этому ребенку съ лицомъ страдающей женщины. Когда дѣвушка до-сыта надышалась ароматнымъ утреннимъ воздухомъ, она надѣла крючокъ на раскрытую половину окна, быстро проскользнула между двумя кроватями, на изголовьяхъ которыхъ покоились двѣ головы — обѣ моложе и свѣтлѣе ея — и, подойдя къ катушкѣ, черезъ которую былъ вбитъ въ углу гвоздь, она сняла платье, которое долго и внимательно разсмотривала, — сперва лифъ, а потомъ юбку.

Затѣмъ она снова повѣсила его съ такимъ движеніемъ, которое

запоминало ласку. Черезъ нѣсколько времени она снова подошла къ углу, гладко причесанная и одѣтая настолько, что оставалось только облачиться въ это странное одѣяніе. Она надѣла на себя юбку и лифъ съ торжественной серьезностью; она обтягивалась и ровняла складки, причемъ дѣлала многія попытки увидать заразы, по возможности, большой кусокъ своей маленькой персоны въ старое зеркало семи дюймовъ въ ширину и семи дюймовъ въ длину и со стертой мѣстами амальгамой.

Но вотъ одна кровать заскрипѣла, бѣлокурая, всклокоченная дѣтская головка приподнялась съ подушки и воскликнула тономъ самаго искренняго восхищенія:

— Ахъ, Эва, какая ты нарядная!

На Эвѣ было платье изъ стараго добраго чернаго камлота, который вмѣстѣ съ «бумазеей» и «индіаной» представлялъ собою матеріалъ для торжественныхъ платьевъ бѣднаго женскаго населенія Швеціи лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Оно было слишкомъ длинно спереди и слишкомъ коротко сзади, подъ мышками были мѣшки, а вдоль худой покатои спины собиралось множество складокъ, причемъ на матеріи ясно выдѣлялись шитыя внутри лифа кости. Форма рукавовъ и ихъ объемъ напоминали собою взбитую перину, а воротъ былъ такъ узокъ, что едва обхватывалъ даже тоненькую шею Эвы Бергъ.

Но, что бы тамъ ни было, а платье это было замѣчательно и великолѣпно, ибо оно было первое одѣяніе Эвы Бергъ въ продолженіе ея шестнадцатилѣтней жизни, которое было шито изъ матеріи, нарочно купленной для этой цѣли въ лавкѣ, а не представляло собою стараго тряпья, доставшагося ей по наслѣдству отъ мамы, тетушекъ и другихъ родственницъ.

Вскорѣ съ другой постели поднялся также и маленькій соня; онъ потеръ себѣ глаза и сказалъ:

— О, какъ это ужасно красиво! Ты теперь взрослая, Эва?

Братцу Акселю было всего шесть лѣтъ, и онъ въ своей жизни не видалъ ничего, кромѣ усадьбы Брантелидъ.

Сестрицѣ Элинъ, которая передъ тѣмъ поднялась съ другой постели, пошелъ одиннадцатый годъ.

Эва была уже совершенно готова, а до завтрака оставалось еще немного времени. Она протянула къ комоду свою маленькую, некрасивую ручку, на которой уже лежала печать работы, и взяла тоненькую маленькую книжку съ рваными листами.

Потомъ она спустилась по скрипучей лѣстницѣ, вышла на дворъ и прошла въ садъ, гдѣ сѣла на ветхую скамью. Развернувъ книгу

на колѣняхъ, она начала бормотать нервнымъ и неувѣреннымъ шепотомъ: «Богъ есть духъ, вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный, всеблаженный...» Въ книгу она заглядывала только въ тѣхъ случаяхъ, когда память измѣняла ей.

Но вотъ конюхъ Иоганнъ привелъ съ поля лошадей, и она услышала, какъ изъ сарая вытащили коляску. Пора было идти завтракать.

Въ сѣняхъ стояла мама и ждала ее. Мама была старая и сѣдая съ увядшимъ лицомъ и довольно полная. Ей было не болѣе 45 лѣтъ, но она казалась старше, несмотря на то, что принадлежала къ распространенному типу бѣлогурыхъ женщинъ, которыя долго сохраняются. Ни она сама, ни папа не замѣтили, какъ она состарѣлась, — имъ было не до того среди множества заботъ и работы. Это случилось незамѣтно за двадцать лѣтъ тяжелой жизни и упорнаго труда для поддержанія маленькаго имѣнія, доходы съ котораго должны были удовлетворять скромнымъ нуждамъ всей семьи.

Фру Матильда Бергъ нѣжно обняла свою дочь и сказала:

— Добраго утра, милое дитя! Да благословить тебя Богъ въ этотъ важный для тебя день!

А потомъ она прибавила:

— Теперь для моей маленькой Эвы начинается серьезная жизнь. Помни, что съ этого дня ты должна быть маминой помощницей какъ въ работѣ, такъ и въ присмотрѣ за всѣмъ домомъ!

«Серьезная жизнь! Работа!» Въ головѣ Эвы пронеслась мимолетная мысль, и она съ удивленіемъ спросила себя, неужели жизнь была когда-нибудь для нея несерьезной и не наполненной работой?

Въ столовой у накрытаго стола стоялъ помѣщикъ Арвидъ Бергъ, здоровый, коренастый и темноволосый человекъ съ добродушнымъ и привѣтливимъ лицомъ. На него-то Эва и походила по внѣшности, и все-таки, какая громадная разница была между ними! Внѣшность пятидесятилѣтняго мужчины свидѣтельствовала о здоровьи и силѣ, и сходство его съ дочерью можно было сравнить со сходствомъ между текстомъ, написаннымъ дрожащей рукой, и тѣмъ же текстомъ, напечатаннымъ самымъ жирнымъ шрифтомъ.

Онъ также прижалъ Эву къ своей груди. Потомъ, отодвинувъ ее отъ себя и не спуская своихъ рукъ съ ея плечъ, онъ воскликнулъ:

— Да, что и говорить! У тебя прямо слишкомъ великолѣпное платье! Ты должна его очень беречь! Матильда, ты, конечно, оставила большіе запасы во всѣхъ швахъ? Такую роскошь нельзя себѣ позволять каждый день.

Эва бросилась сперва на шею отцу, потомъ матери и благодарилъ.

ла ихъ горячо и искренно. Ея страхъ запачкать платьѣ яйцомъ, которое она ѣла, былъ трогателенъ. А когда на ея худую грудь упало нѣсколько хлѣбныхъ крошекъ, то она стряхнула ихъ съ такимъ ужасомъ, какъ если бы это были ядовитыя насѣкомыя.

Но вотъ къ крыльцу подали старую, высокую, тряскую коляску, запряженную маленькими оландками, Броной и Турой. Мама влѣзла въ коляску, а папа собрался уже послѣдовать ея примѣру, какъ вдругъ его осѣнила великолѣпная мысль:

— Садись *ты* съ мамой, мое дитя. Вѣдь сегодня твой торжественный день.

И папа полѣзъ на козла, а Аксель и Элинъ усѣлись на заднемъ сидѣннѣ въ коляскѣ. Возлѣ мамы сѣла Эва, вся красная отъ чувства гордости.

Черезъ часъ она стояла у алтаря въ кругу тридцати восьми своихъ товарищей. Но всѣ остальные были дѣти простолюдинъ, такъ что дочка помѣщика изъ Брантелида стояла ближе всѣхъ къ алтарю съ лѣвой стороны, куда июньское солнце изливало цѣлые снопы лучей.

Пасторъ, стоявшій въ серединѣ круга, былъ старый школьный учитель, который подъ старость облачился въ священническое одѣяніе, чтобы болѣе спокойнымъ образомъ зарабатывать свой хлѣбъ послѣ того, какъ спина его согнулась и голова посѣдѣла. Это былъ простодушный старикъ патриархальнаго образа жизни, который шелъ по жизненному пути, оставаясь во многихъ отношеніяхъ наивнымъ, какъ ребенокъ. Его понятія были здравы и разговоръ его у себя дома былъ сухъ; но сегодня, въ день священныхъ обѣтовъ передъ алтаремъ, онъ былъ растроганъ и говорилъ искренно и горячо.

Экзаменъ продолжался долго. Эва становилась все блѣднѣе, ей казалось, что у нея отнимаются ноги отъ долгаго стоянія, и она готова была лишиться сознанія. Механически, но вѣрно отвѣтила она на нѣсколько «основныхъ вопросовъ», а когда она читала нѣкоторые тексты наизусть, то ей казалось, что какое-то невидимое существо отвѣчаетъ за нее въ то время, какъ сама она въ нѣмомъ восторгѣ лежитъ, распростертая, передъ алтаремъ.

Но вотъ настала очередь наставленіямъ и предостереженіямъ: противъ лжеученій, противъ невѣрія, противъ утѣхъ жизни и противъ порока, противъ соблазновъ плотскихъ и духовныхъ и противъ вождельннй ока, однимъ словомъ, чуть ли не противъ всѣхъ радостей жизни, какія только можно себя представить. Затѣмъ наступилъ перечетъ обязанностей: по отношенію къ Богу и къ себѣ самой; послѣднее заключалось въ томъ, чтобы сохранить чистоту сердца,

«ибо это источникъ жизни», той жизни, для которой короткая земная жизнь служитъ лишь подготовленіемъ. Затѣмъ пошелъ перечень обязанностей по отношенію къ отцу и матери, къ дому и домашнему очагу, къ учителямъ, начальникамъ, обществу и всему свѣту.

Наконецъ настала чередъ обѣтамъ завѣтнымъ и святымъ...

Тогда измученное тѣло Эвы перестало бороться, и ею незамѣтно овладѣла галлюцинація. Изображеніе Христа въ терновомъ вѣнцѣ тихо отдѣлилось отъ стѣны надъ алтаремъ, вышло изъ золоченой рамы и поплыло прямо къ ней на золотыхъ снопахъ лучей лѣтняго солнца въ то время, какъ раздавалось рыданье растроганныхъ дѣтей, стоявшихъ у алтаря. Ея обѣты просилъ и принялъ Онъ Самъ. Эва закрыла глаза, и ей казалось, что было бы блаженствомъ умереть именно въ это мгновеніе.

Когда раздались густые звуки органа, она подняла голову и увидала, что у алтаря снова стоитъ одинъ старый священникъ, ослабѣвшій и утомленный послѣ долгаго душевнаго напряженія и необычнаго волненія.

Тогда она въ первый разъ за все время церковной службы бросила взглядъ по направленію къ скамьямъ, гдѣ сидѣли ея милые родные. Папа казался утомленнымъ, и ему, повидимому, было жарко, Аксель спалъ, а Элинъ проявляла нетерпѣніе. Но у мамы въ глазахъ стояли слезы.

Когда Эва вышла на паперть, то къ ней подошли съ поздравленіями многіе знакомые: члены семьи священника, капитана, коронаго фохта и другіе. Всѣ дамы выражали надежду на то, что маленькая Эва, которую онѣ всегда считали хорошей и благоразумной дѣвушкой, теперь ясно сознаетъ свою обязанность стать для мамы настоящей и надежной помощницей.

Дома Эву ждалъ хорошій обѣдъ и неожиданный сюрпризъ. Стина, «комнатная дѣвушка», сказала ласково и немного лукаво:

— Мамзель Эва, вѣроятно, очень устала сегодня въ церкви?

«Мамзель!» «Мамзель!» Эва смущенно отвернулась, и лицо ея, только что такое блѣдное, покрылось густой краской, а худая грудь наполнилась гордостью. Въ первый разъ одна изъ прислугъ назвала ее не по имени только. Она посмотрѣла на свое длинное платье и улыбнулась.

Гостей за обѣдомъ не было, и вина, конечно, также не было. Здоровье Эвы никто не пилъ въ этотъ торжественный для нея день, но за ближниками папа сказалъ, что онъ очень радъ, что она такъ хорошо отвѣчала въ церкви.

Потомъ, послѣ обѣда онъ высказалъ надежду на то, что горнич-

ная Стина, которая до сихъ поръ никогда не помогала въ полевыхъ работахъ, можетъ теперь отлучаться изъ дому въ самое горячее рабочее время, «теперь, когда Эва стала взрослой дѣвушкой».

Мама подавила маленькій вздохъ и сказала, что и она надѣется на это. Эва хорошая дѣвушка, работающая и добросовѣстная, и, конечно, она постарается исполнять свои обязанности по отношенію къ родителямъ.

Къ головѣ Эвы ни на одно мгновеніе не пронеслась мысль о томъ, что она уже давно помогаетъ во всемъ, въ чемъ только можетъ; не подумала она также и о томъ, чтобы сосчитать всѣ обѣщанія, которыя ее сегодня заставили дать, всѣ обязанности, которыя сегодня на нее возложили, или же задуматься надъ тѣмъ, не имѣютъ ли и *другіе* по отношенію къ *ней* извѣстныя обязанности.

Развѣ ей не подарили новое черное платье, новую библію и молитвенникъ съ золотымъ обрѣзомъ! Развѣ не назвала ее горничная Стина «мамзель!»

Когда она улеглась и когда брать и сестра заснули, она долго еще думала надъ тѣмъ, какъ сдѣлаться полезнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ прежде,—вѣдь это была ея обязанность.

А потомъ она рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы оберегаться отъ грѣха и порока. Она учинила себѣ допросъ по всѣмъ десяти заповѣдямъ, и къ своему ужасу она никакъ не могла понять, какимъ образомъ она согрѣшила противъ нихъ всѣхъ, что присуще каждому человѣку. Дѣло было въ томъ, что она не могла понять двухъ, трехъ изъ нихъ.

Потомъ она начала допрашивать себя, не виновна ли она въ одномъ изъ семи смертныхъ грѣховъ... о, вотъ оно, вотъ оно! Гордость!... Гордость...

Тихо, тихо, чтобы не разбудить маленькихъ, прокралась она къ своему нарядному черному платью, которое ея глаза безсознательно ласкали въ полумракѣ лѣтней ночи, сняла его съ гвоздя и повѣсила его въ чуланѣ на чердакѣ.

II.

Тетушка Густава.

Одна обязанность за другой непосильной тяжестью ложились на слабыя плечи Эвы Бергъ; но эту тяжесть было легче нести въ мирной обстановкѣ домашняго очага въ атмосферѣ любви, нежели гдѣ-нибудь въ чужомъ домѣ.

Однако, нельзя сказать, чтобы родители расточали ласки или сло-

ва признательности. Ихъ собственная жизнь проходила безъ всякихъ развлеченій и была полна лишеній, тяжелого труда и заботъ, особенно у матери. И если имъ удавалось кое-какъ сводить концы съ концами и даже откладывать крохи, то вѣдь это дѣлалось для дѣтей, для нихъ и работали. Награда была въ будущемъ, а пока Эва должна была довольствоваться тѣмъ, что папа и мама, а также и сосѣди, называли ее «славной дѣвушкой».

И это они дѣлали отъ всего сердца.

Совѣсть у Эвы была чуткая и чувствительная. Правда, она очень скоро убѣдилась въ томъ, что камлотовое платье не можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ высоколѣтня и гордости; а такъ какъ люди легко привыкають къ великолѣпю и блеску, то и она вскорѣ надѣвала это роскошное одѣяніе безъ особыхъ размышлений. Но она зорко слѣдила за малѣйшими побужденіями своего сердца и за каждой мимолетной мыслью, которая вызывало въ ней все то, что находилось за предѣлами ея узкаго домашняго круга. А когда ея измученное тѣло и переутомленная нервная система громко протестовали противъ иглы и твѣцкаго станка, противъ работы въ кухнѣ и въ кладовыхъ, или противъ большихъ и тяжелыхъ корзины съ провизіей, которая ей приходилось таскать рабочимъ въ поля, то она считала себя погибшимъ созданіемъ, и вечеромъ она судорожно кусала уголь своей небѣленой простыни, чтобы заглушить рыданія и не разбудить сестру и брата.

Собственно говоря, мать не требовала отъ нея ничего необыкновеннаго. Тысячи деревенскихъ дѣвушекъ переносятъ подобную жизнь великолѣпнѣйшимъ образомъ; но она была повидимому изъ другого матеріала, потому что она чахла, становилась прозрачной и худой, и грудь у нея была впалая.

Обитатели Брантелида водили знакомство съ хорошими и честными людьми, но которые были въ то же время старосвѣтскими и простыми. Тетушка Лина (она была просто другомъ дома, но въ тѣ патриархальныя времена люди сердечнѣе относились другъ къ другу), жена священника, сказала однажды:

— Милая Матильда, Эва становится сутуловатой, обрати на это вниманіе. По воскресеньямъ, когда у дѣвочки не такъ много дѣла, ты могла бы привѣшивать къ ея косѣ небольшой утюгъ.

Мама подумала немного, потомъ сказала:

— Пожалуй, ты и права, милая Лина. Но въ ближайшія два воскресенья этого сдѣлать нельзя, потому что ей придется гонять коровъ съ картофельнаго поля, — вѣдь онѣ у насъ пасутся уже въ загороженномъ полѣ.

Позже осенью другая «тетя» обратила вниманіе мамы на то, что у Эвы навѣрное малокровіе, иначе она не была бы такъ блѣдна. Тогда сейчасъ же и очень охотно для Эвы приобрѣли «железные пилюли», и эти пилюли она употребляла всю осень. Когда же къ новому году оказалось, что счетъ въ аптекѣ городка, находящагося въ двухъ миляхъ отъ Брантелида, достигаетъ 17 риксдалеровъ, то бѣдный папа вздохнулъ; но надо прибавить, что онъ сейчасъ же сказалъ съ великодушіемъ, которое къ нему такъ шло:

— Это ужасно; но чего только не дѣлаешь для своихъ дѣтей!

Эва чувствовала себя очень виноватой и несчастной, и дня два послѣ этого она ходила болѣе молчаливая, нежели обыкновенно.

Снова наступила весна, а потомъ пришло и лѣто. И вотъ въ одинъ прекрасный день въ усадьбѣ Брантелидъ началась необыкновенная чистка и уборка. Изгородь починили, на дворѣ скосили траву подъ самый корень, а въ самомъ домѣ комнаты украшались и прибирались самымъ тщательнымъ образомъ.

Въ самый разгаръ хлопотъ мама вдругъ выбѣжала къ папѣ, который сидѣлъ на крыльцѣ и наблюдалъ за внѣшней уборкой, и озаченно спросила:

— Не знаешь ли ты, любить она виноградь?

Папа отвѣтилъ, что если виноградь хорошо приготовленъ, то нельзя себѣ представить, чтобы она его не любила. Черезъ нѣсколько времени онъ всталъ съ мѣста, открылъ дверь въ залъ и сказалъ:

— Присмотрите за тѣмъ, чтобы въ ея комнатѣ не было книгъ, которыя ее раздражаютъ. Романовъ она терпѣть не можетъ. Спрячьте всѣ книги «Піетиста»; она находитъ, что онъ слишкомъ «жидокъ», или какъ она тамъ выражалась.

Черезъ мгновеніе мама стояла въ сѣняхъ у лѣстницы, ведущей наверхъ, и кричала:

— Стина, положи поверхъ перины лучшій волосяной матрацъ! Она терпѣть не можетъ слишкомъ мягкой постели.

Было ясно, что ждали гостю, которую хотѣли принять какъ можно лучше.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный іюльскій вечеръ на гору въѣхала старая высокая коляска, къ кузову которой былъ привязанъ настоящий американскій сундукъ, и которая была завалена узлами и картонками до самыхъ возель съ возсѣдавшимъ на нихъ конюхомъ Іоганномъ. Когда экипажъ поворачивалъ къ крыльцу, то изъ-подъ опущеннаго колпака раздался рѣзкій голосъ:

— Ты ослѣпъ, что ли, дуралей! Развѣ ты хочешь, чтобы лошади топтали полотно, которое бѣлится!

У крыльцá изъ коляски выльзла высокая, прямая и тонкая дама съ сѣдыми волосами, въ платьѣ страннаго покроя, съ дождевымъ и солнечнымъ зонтиками и съ прижатымъ къ сердцу мѣшкомъ внушительныхъ размѣровъ. Лицо у этой дамы было худощавое и рябое и черты были неграсивы, но сѣро-голубые глаза были большіе, добрые и умные. Помѣщикъ Бергъ казался очень растроганнымъ, когда онъ принялъ ее въ свои объятія съ высокой подножки, и онъ сказалъ:

— Добро пожаловать, милая сестра Густава. Восемь долгихъ лѣтъ не видались!

— Нельзя постоянно разгуливать по бѣлу-свѣту, у людей есть и другія занятія. Здравствуй, Арвидъ! Здравствуй, Матильда! Никакъ ты собираешься отъѣзжать, прежде чѣмъ отвязали сундукъ, простофиля ты этакій! Арвидъ, посмотри, цѣла ли подкова на лѣвой задней ногѣ у пѣгой. Я только что замѣтила, что она припадаетъ на одну ногу.

Матильда Бергъ горячо обняла свою золовку, которая стояла прямо и неподвижно и какъ бы отдала себя въ распоряженіе родственникововъ. Потомъ она замѣтила:

— На вишневомъ деревѣ—черви. Противъ этого хорошо мазать стволъ смолой заблаговременно, мой милый Арвидъ. А, вотъ и дѣти. Маленькаго Акселя я еще никогда не видала, а Элинъ стала большой дѣвочкой! Да, пожалуй, вы можете не желать быть лучше. Но гдѣ же...

Въ сѣняхъ послышались торопливые шаги, Эва бросилась на шею старушки и воскликнула радостно:

— Здравствуй! Добро пожаловать, милая тетушка Густава!

— Вотъ какъ, такъ ты еще помнишь меня,—сказала тетя,—и въ голосъ ея прозвучала болѣе ласковая нотка.—Но скажи на милость, что съ тобой, дитя мое? Ты больна?

И потомъ она прибавила, бросивъ укоризненный взглядъ на фру-Матильду:

— Въ мое время семнадцатилѣтнія дѣвушки были не такія.

Между тѣмъ всѣ перешли въ сѣни, гдѣ удалось, наконецъ, снять съ тетушки Густавы верхнее платье.

Густавъ Бергъ было пятьдесятъ семь лѣтъ; когда ея отецъ овдовѣлъ, то она стала матерью для своего младшаго брата, и съ тѣхъ поръ она всегда помогала ему и маленькими ссудами, и всѣмъ, чѣмъ только могла, когда было нужно. Это было все равно, писали ли они другъ другу два раза въ годъ, или одинъ разъ въ мѣсяць, и сколько разъ солнце всходило и заходило между ихъ свиданіями: они знали, гдѣ найти другъ друга.

Эва пошла вмѣстѣ съ тетужкой Густавой наверхъ въ ея комнату, чтобы помочь ей выложить вещи изъ корзины. Но когда онѣ поднялись наверхъ, то тетка взяла ее за плечи, подвела къ открытому окну и покачала головой. Потомъ ея большія, загорѣлыя, костлявыя руки утонули въ громадномъ саквояжѣ и вытащили оттуда кусокъ сахару и большую зеленую бутылку. Накапавъ изъ бутылки нѣскольکو капель на сахаръ, она сунула его Эвъ въ ротъ, затѣмъ вылила себѣ на лѣвую ладонь ложечку той же жидкости, потеряла ею виски молодой дѣвушки и скомандовала:

— Ложись на диванъ и лежи, пока я буду выкладывать вещи!

Нѣсколько минутъ спустя она выпрямилась, подбоченилась и замѣтила:

— Этотъ одеколонъ я приготавливаю сама.

Фру Бергъ приложила всѣ старанія къ тому, чтобы ужинъ былъ какъ можно лучше, и тетужка Густава отдала должное ея хлопотамъ. Когда она кончила ѣсть, то она положила указательный палецъ на скатерть возлѣ своей тарелки и сказала:

— Пропущена нитка во всемъ полотницѣ! Да, нечего сказать, ужъ эти служанки!

Тетужка Густава чувствовала себя въ Брантелидѣ совсѣмъ, какъ дома, и не стѣсняясь высказывала свое мнѣнiе обо всемъ, даже и о сосѣдяхъ, которые приходили ее навѣщать и которые приглашали ее къ себѣ.

— Мамзель Густава, разрѣшите мнѣ узнать ваше мнѣнiе относительно сегодняшней проповѣди моего Юганна, — сказала однажды пасторша, которая вмѣстѣ со своимъ мужемъ прiѣхала въ воскресенье послѣ обѣда въ Брантелидъ.

— Какъ вамъ сказать? Пасторъ былъ бы хорошимъ проповѣдникомъ, — отвѣтила тетужка Густава, — если бы онъ бросилъ эту ужасную манеру говорить безъ подготовленiя. Старанiе у него есть, и ему удастся иногда довольно долго говорить очень складно, но вдругъ у него точно заколодитъ, онъ останавливается и начинаетъ заминаться и спотыкаться, совсѣмъ, какъ когда ѣдешь въ саняхъ по ухабистой дорогѣ.

Два раза въ двѣ недѣли тетужка Густава ныряла на самое дно своего большого саквояжа и вытаскивала на свѣтъ Божiй старый бу-мажникъ изъ телячьей кожи. Въ первый разъ дѣло касалось большой бороны, которую она непремѣнно хотѣла подарить брату Арвиду, а во второй разъ — матерiи для обивки мебели въ гостиной золовки. Оба раза необходимая сумма была высчитана до послѣдняго эре, такъ что брату Арвиду, на примѣръ, пришлось дать сдачи восемнадцать

шиллинговъ, такъ какъ у тетушки не было ровно той суммы, которая была ассигнована ею заранѣе.

Но вотъ однажды она высказалась въ томъ смыслѣ, что на слѣдующей недѣлѣ ея уже не будетъ больше въ Брантелидѣ.

— Что ты говоришь? А я надѣялся, что ты погостишь у насъ до осени, — сказалъ помѣщикъ Бергъ.

— Да и я такъ думала, потому что я ничуть не скучаю по этому гнѣзду сплетенъ въ Нольчѣпингѣ. Но развѣ вы не видите, что дѣвочка умретъ, если я не возьму ея съ собой въ какой-нибудь курортъ и не покажу доктору!

— Эву?

— Ну, да, Эву. Меня удивляетъ, что вы этого не видите. Вы должны дать мнѣ это бѣдное созданіе напрокатъ недѣль на шесть, а я постараюсь возвратить ее вамъ въ нѣсколько лучшемъ состояніи.

Сперва папа и мама нашли это предложеніе страннымъ. А кромѣ того, вѣдь Эва была очень нужна въ домѣ. Однако, послѣ того, какъ они повнимательнѣе посмотрѣли на свою дочку, то они должны были согласиться, что у нея очень болѣзненный видъ. Да и не принято было въ чемъ-нибудь противорѣчить тетушкѣ Густавѣ.

Когда Эва узнала о великой новости, то ей показалось, что земля уходитъ у нея изъ-подъ ногъ. Неужели это возможно? Не сонъ ли это? Уѣхать далеко, далеко, отдыхать, купаться въ соленой свѣжей прозрачной водѣ, сидѣть за столомъ, который она не накрывала, ѣсть блюда, которыя она сама не готовила! И потомъ еще любоваться на море, которое, какъ увѣряла тетушка, такъ велико, что не видно ни малѣйшей полоски берега, и небо сливается съ водой повсюду, куда только хватается глазъ!

Базалось, точно въ нее влили новыя силы. Она бѣгала то къ прислугѣ, то къ торпорамъ и дѣлилась съ ними своимъ счастіемъ; она шептала объ этомъ лошадямъ Кронѣ и Турѣ, и вырѣзала на бѣломъ стволѣ большой березы на лугу «прощай» со своими инициалами, — это она сдѣлала на случай, если умретъ на чужбинѣ. Впрочемъ, конечно, случалось также, что у нея на глазахъ навертывались слезы, когда она не спала по ночамъ и думала о папѣ, о мамѣ, о маленькой сестрѣ и о братѣ, и о предстоящей разлукѣ, а также и о томъ, какъ бѣдная мама будетъ справляться безъ нея.

Однако, эти печальныя мысли овладѣвали ею ненадолго, и она скоро засыпала сладкимъ сномъ, и ея маленькое сердечко билось сильно и радостно, когда она видѣла во снѣ, что стоитъ передъ воротами, ведущими въ царство счастья и всѣхъ радостей земныхъ, а тетушка

Густава стучить въ ворота своимъ большимъ зонтикомъ и говорить: «Сезамъ, откройся!» совсѣмъ, какъ въ той удивительной сказкѣ, которую она читала.

III.

Эва и тетушка Густава возстаютъ противъ условностей.

Бадевикъ, даже съ точки зрѣнія 1860 годовъ, не могъ считаться большимъ и фешенебельнымъ курортомъ. И всетаки, какъ онъ, такъ и другіе морскіе курорты того времени были гораздо веселѣе и уютнѣе, нежели современные намъ «водолѣчебныя заведенія». Въ тѣ времена контингентъ больныхъ въ подобныхъ курортахъ не былъ преобладающимъ, такъ какъ на берегъ моря съѣзжались люди не только для лѣченія, но также ради отдыха, развлечения или разнообразія; а что касается до Бадевика, то туда вообще съѣзжалась скромная и непритязательная публика.

Тѣмъ не менѣе оригинальная одежда тетушки Густавы и новый бумазейный нарядъ Эвы возбуждали нѣкоторый интересъ въ этомъ непритязательномъ обществѣ. Тетушка съ достоинствомъ положила свой зеленый саквояжъ на одно изъ оконъ столовой, бросая въ то же время испытующій взглядъ на накрытый столъ, и сказала, обращаясь къ маленькому, скромнаго вида, сѣдоловосому господину, котораго она приняла по его внимательному выраженію лица за слугу:

— Будьте добры, присмотрите за этимъ!

— Буду имѣть честь наблюдать за нимъ съ моего мѣста за столомъ, — отвѣтилъ, кланяясь и улыбаясь, тотъ, къ которому она обратилась.

— Ахъ, простите, ради Бога! Но вѣдь въ нынѣшнее время прислуга такая дерзкая и такая расфранченная... — воскликнула тетушка.

— Ахъ, пожалуйста... Быть можетъ, вы разрѣшите мнѣ представиться! Мое имя Бьёркъ, столоначальникъ Бьёркъ.

Тетушка сдѣлала самый низкій реверансъ.

— Очень, очень пріятно! А меня зовутъ мамзель Бергъ, а это Эва, брата моего дочка.

Столоначальникъ посмотрѣлъ внимательно на обѣихъ. По всей вѣроятности, онъ уже раньше встрѣчалъ дамъ типа тетушки Густавы, оригинальныхъ и прямыхъ, потому что онъ сравнительно довольно скоро отвелъ отъ нея глаза. Но отъ странной фигуры Эвы его взоры оторвались, повидимому, съ трудомъ. Мучительная застѣнчивость и страшное смущеніе, готовое, казалось, остановить біеніе сердца, дѣлали спину Эвы круглѣе, нежели обыкновенно, и придавали ей безпомощный видъ, но въ то же время щеки ея пылали, какъ никогда

раньше, и придавали особую прелесть тонкимъ чертамъ, а большіе, синіе глаза горѣли и смотрѣли съ тоскливымъ выраженіемъ затравленнаго животнаго. Въ то мгновеніе было бы невозможно рѣшить, была ли она красива или безобразна!

Вокругъ закусочнаго стола стало рѣдѣть, и всѣ понемногу переходили къ большому общему столу, который растягивался почти во всю длину большого зала.

Тетушка Густава была воспитана въ старинныхъ традиціяхъ и въ благоговѣніи къ Тому, кто даетъ намъ насущный хлѣбъ здѣсь, на землѣ. А потому, подойдя къ своему мѣсту, она сложила свои загорѣлыя, костлявыя руки, легко положила ихъ на спинку стула, закрыла глаза, чтобы не отвлекаться созерцаніемъ виѣшняго міра, и прочла предобѣденную молитву съ благодарнымъ вздохомъ, какъ она привыкла это всегда дѣлать.

Когда тетушка подняла голову, то она увидала, что всѣ уже сидятъ по своимъ мѣстамъ, а нѣкоторые уже принялись за супъ. Между тѣмъ у Эвы, которая стояла и молилась не закрывая глазъ, на вернулись слезы, такъ какъ она замѣтила насмѣшливые взоры, которые даже она при всей своей наивности не могла не понять должнымъ образомъ.

— Ну, хороши, нечего сказать, — прошептала тетушка, — заваливаться за столъ, и даже не подумать о своемъ Создателѣ!

Для Эвы Бергъ наступило время пробужденія, время прекрасное и блаженное во многихъ отношеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ горькое и мучительное. Соленыя ванны, крѣпительный морской воздухъ и полный отдыхъ отъ работъ и освобожденіе отъ какихъ бы то ни было обязанностей сдѣлали ея сонъ послѣ прекрасно проведенныхъ дней глубокимъ, спокойнымъ и продолжительнымъ, какъ у здоровыхъ маленькихъ дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Вначалѣ она чувствовала себя утомленной и должна была отдыхать даже днемъ, но потомъ она почувствовала приливъ новыхъ силъ, чего никогда раньше не испытывала, и по утрамъ ея первой мыслью, вначалѣ радостной, а потомъ грустной, было: «Сколько дней намъ осталось еще пробыть здѣсь?»

Ея дремавшій до сихъ поръ умъ и способность воспринимать впечатлѣнія пробудились въ новой обстановкѣ, которая ее окружала, и стали развиваться отъ прилива физическихъ силъ. Съ быстротой, свидѣтельствовавшей о томъ, что ея интеллектуальныя способности были выше среднихъ, она выяснила себѣ, насколько все то, что она до сихъ поръ видѣла у себя дома, не походить на тотъ новый міръ, который теперь раскрылся передъ ея глазами. Она увидала также,

что тетушка Густава и она сама отличаются отъ всѣхъ другихъ собравшихся здѣсь людей. Тетушка этого не замѣчала или же она просто «стояла выше этого» и относилась ко всему съ непоколебимымъ спокойствіемъ. Но отъ взора Эвы не скрылись гримасы, которыя дѣлали за спиной тетушки, и она слышала, какъ фыркали надъ ея собственнымъ платьемъ, которое ей только что казалось такимъ наряднымъ; она не ошпбалась и въ значеніи тѣхъ улыбокъ, съ которыми ихъ почти вездѣ встрѣчали.

До ея слуха достигало также то одно, то другое обидное словцо. Однажды она услышала, какъ одна молодая дѣвушка, которая обыкновенно была очень любезна съ ними, сбазала, сидя на скамьѣ-качалкѣ подъ ихъ окнами, двумъ господамъ, ухаживавшимъ за ней:

— Да, «тетушка Густава» — настоящій драконъ, хотя маленькую Эву и нельзя назвать собровищемъ.

А нотариусъ Линдбергъ, не замѣтивъ, что она стоитъ тутъ же рядомъ съ нимъ, назвалъ ее «безобразной красавицей въ бумазейномъ платьѣ».

Ахъ, отчего не могли оставить ихъ въ покоѣ! Вѣдь онѣ никому не мѣшали и не просили ничего, за что тетушка не заплатила бы честно! Для Эвы было бы большимъ утѣшеніемъ, если бы она знала, съ какимъ озлобленіемъ молодыя дѣвушки и ихъ завистливыя мамышн относились другъ къ другу; она поняла бы, что онѣ не желали ни малѣйшаго зла ни ея теткѣ, ни ей. Но отъ ея неопытнаго взора скрывались неприязненные чувства подъ маской вѣжливыхъ и любезныхъ словъ, тогда какъ насмѣшливое удивленіе, съ которымъ ихъ встрѣчали, острымъ ножомъ пронзало ея молодое, нѣжное сердце.

Такъ однажды ей казалось, что она умретъ отъ стыда, когда она въ первый разъ, голая, сошла по лѣстницѣ въ дамскій бассейнъ, и увидала веселый рой молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ полосатыхъ, красныхъ, бѣлыхъ и синихъ купальныхъ костюмахъ! Она быстро окунулась нѣсколько разъ и скорѣе вышла изъ воды; а когда она невѣрными шагами поднималась по лѣстницѣ, то она чувствовала, какъ насмѣшливые взоры дѣвушекъ насквозь прожигаютъ ей спину.

— Нѣтъ, что ты говоришь, мое дитя! Онѣ сидятъ въ водѣ въ платьѣ? — воскликнула тетушка Густава, когда Эва со слезами на глазахъ рассказала ей о своемъ открытіи, и о томъ, что она подъ каменнъ-то предлогомъ отложила купанье до вечера.

Однако, благодаря тому, что тетушка была женщина въ высшей степени стыдливая, послѣ нѣкотораго размысленія она рѣшила, что *этотъ* обычай суетнаго свѣта порицать нельзя.

На этотъ разъ тетушка рѣшила покориться.

Она произвела смотръ бѣлью, захваченному съ собой, подробно выпросила Эву относительно фасоновъ «этихъ водяныхъ платьевъ» и затѣмъ принялась за работу и проработала весь вечеръ и все утро подъ неувѣреннымъ руководствомъ Эвы и сообразуясь съ ея сбивчивыми указаніями.

Но зато на слѣдующій день тетушка и Эва стояли на лѣстницѣ бассейна въ бѣлыхъ одѣвнїяхъ и съ гладкими ночными чепцами на головахъ, завязанными подъ подбородкомъ узенькими ленточками.

— Ну, вотъ, мое дитя!— сказала тетушка Густава торжествующимъ тономъ и съ видомъ триумфатора, высокая и бѣлая, подобно статуѣ командора въ «Донъ-Жуанѣ». Затѣмъ, рука объ руку онѣ бросились въ воду, причеиъ вокругъ нихъ раздалось веселое фырканье и настроеніе среди купающихся стало вдругъ очень оживленное.

Но въ другихъ случаяхъ тетушка была непоколебима.

Вѣдь «докторъ» и до сихъ поръ еще представляетъ изъ себя въ каждомъ курортѣ важную персону. А въ тѣ времена онъ былъ маленькимъ божкомъ, онъ занималъ болѣе высокое положеніе, нежели отецъ въ своей семьѣ или капитанъ на своемъ кораблѣ. Въ Бадевигѣ докторъ сидѣлъ у верхняго конца стола, ему первому подавали кушанья, и онъ вставалъ изъ-за стола, когда онъ кончалъ ѣсть, и ждалъ, чтобы и всѣ остальные встали вмѣстѣ съ нимъ.

Но за первымъ же обѣдомъ тетушкѣ попалось пирожное, которое ей пришлось по вкусу, и она спокойно продолжала сидѣть за столомъ, не обращая вниманія на то, что всѣ остальные уже встали. Одна любезная дама, которая сидѣла рядомъ съ ней, подумала, что тетушка дѣлаетъ это по разсѣянности, и она шепнула ей:

— Доктора нѣтъ больше...

Тетушка выронила вилку и ножикъ и посмотрѣла на нее взоромъ самаго искренняго сочувствія.

— Что вы говорите! Боже, какое горе! Но я надѣюсь, что сюда сейчасъ же прїѣдетъ другой докторъ?

— Я хотѣла сказать, что доктора нѣтъ больше за столомъ.

Тогда, наконецъ, тетушка поняла, въ ея глазахъ сверкнулъ насмѣшливый огонекъ, но она отвѣтила не безъ нѣкоторой досады:

— Что за несносная діета... А впрочемъ, благодарю васъ за доброе намѣреніе; но когда я плачу свой кровный риксдалеръ въ день, то я сижу за столомъ, сколько мнѣ заблагоразсудится.

Эва, у которой подгибались колѣни отъ смущенія подъ перекрестными взглядами сидящихъ за столомъ, когда онѣ вдвоемъ съ тетушкой стояли и читали предобѣденную молитву, спросила однажды

очень кротко, не думаетъ ли тетушка, что Богъ услышитъ ихъ, если онъ дома заблаговременно попросятъ его благословить трапезу. Тетушка нѣжно провела рукой по прекраснымъ, блестящимъ волосамъ Эвы и сказала ласковѣе, нежели обыкновенно:

— Да, дитя мое, конечно, Онъ услышитъ насъ; но я не думаю, чтобы Ему понравилось, что мы стыдимся Его въ обществѣ.

Онъ объ сочли своимъ долгомъ сдѣлать визитъ доктору. «Худосочіе», сказалъ онъ коротко и прописалъ сильныя желѣзныя пилюли и ванны каждый день. Въ тѣ времена доктора не читали еще своимъ пациентамъ лекціи о красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шарикахъ и вліяніи психики на физику.

Тщательный уходъ и взрыхленная, питательная земля иногда удивительно скоро поправляютъ чахнувшее дерево, сердцевина котораго еще здорова.

Отдыхъ, ванны и прекрасныя прогулки на лодкѣ, во время которыхъ морской воздухъ имѣетъ особенно благотворное вліяніе, оказали на внѣшность Эвы Бергъ необыкновенно быстрое и поразительное дѣйствіе. Угловатыя очертанія ея дѣтскаго тѣла стали сглаживаться и приобрѣтать мягкую округлость женскихъ формъ, ея подбородокъ уже не казался такимъ безконечно длиннымъ и острымъ, а нѣжный румянецъ, появившійся на слегка закруглившіхся щекахъ, придалъ особенный блескъ прекраснымъ глазамъ.

— Дитя, вы представляетесь мнѣ куколкой, которая превращается въ бабочку, — сказалъ старый столоначальникъ Бьеркъ, который держалъ себя независимо и былъ гораздо ласковѣе какъ съ «оригиналомъ», такъ и съ «безобразной красавицей», чѣмъ кто-либо другой.

Съ радостнымъ изумленіемъ замѣтила Эва, что нѣкоторые молодые дѣвушки и мужчины испытывали такое счастье въ общеніи другъ съ другомъ, что это не могло укрыться даже отъ ея дѣтскихъ глазъ. Она не завидовала этому, и ей не приходило въ голову, что можетъ настать время, когда и у нея явится потребность испытать нѣчто подобное; она смотрѣла на проявленія чувствъ глазами восьмилѣтняго ребенка. И эти молодые пары были съ ней ласковѣе другихъ; однажды она отправилась даже съ одной изъ этихъ паръ въ лодкѣ; она гуляла вѣскольکو часовъ и ѣла неограниченное количество ягодъ изъ двухъ нѣшковъ. Эта маленькая Эва была не особенно-то стѣснительной шермой.

Отъ времени до времени въ «большой залѣ» устраивались танцы. «Большая зала» представляла изъ себя громадную комнату со стѣнами, выкрашенными клеевой краской и съ незакрытыми балками на

низкомъ потологѣ. Набожность тетушки не имѣла свойства ханжества, а потому она не считала танцы сами по себѣ «грѣхомъ». Что касается до Эвы, то вальсъ въ особенности казался ей такимъ интереснымъ, а главное легкимъ, что когда одинъ любезный пожилой господинъ подошелъ къ ней и съ легкимъ поклономъ положилъ свою руку вокругъ ея талии, то она безъ всякаго колебанія пошла за нимъ почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ она въ первый разъ прыгала съ верха сѣновала внизъ.

Любезный господинъ протанцевалъ съ ней только одинъ туръ, а когда онъ остановился, то оказалось, что кромѣ нихъ никто больше не танцевалъ. Тетушка торопливо подошла къ Эвѣ, взяла ее за руку необычайно нѣжно для тетушки и вышла съ ней въ паркъ, а оттуда она поднялась въ ихъ комнату, гдѣ сказала:

— Не обращай на это вниманія, это пустяки!

— Да что случилось, тетя? Я нахожу, что было очень весело.

— О, дѣло въ томъ, что у тебя выходило не совсѣмъ-то хорошо. Ты немпожко странно дрыгала ногами, а кромѣ того нельзя сказать, чтобы ты выдерживала тактъ. Но конечно, изъ-за этого имъ всѣмъ нечего было останавливаться и глазѣть на тебя!

Эва, у которой щеки пылали отъ оживленія, сразу поблѣднѣла. Это былъ ея «первый балъ»! Она вспомнила старую книжку безъ переплета, которую прятала дома въ шкатулочкѣ во время посѣщеній тетушки; въ этой книжкѣ описывался первый балъ молодой дѣвушки, какъ нѣчто восхитительное и самое прекрасное на землѣ.

Однако натура въ такомъ юномъ возрастѣ бываетъ эластична, и физическое состояніе Эвы Бергъ продолжало улучшаться. Нашлись еще двѣ-три молодыя дѣвушки, которыя, хотя далеко и не были такія «странныя», какъ Эва, но которыми пренебрегала остальная молодежь, и съ ними-то Эва и соединилась. Какъ бы то ни было, но это время было для Эвы блаженнымъ, и она глубоко скорбѣла, когда оно пришло къ концу. Но свиданіе съ родителями и съ сестрой и братомъ, съ которыми она разставалась въ первый разъ, было для нея такой радостью, что все остальное осталось въ тѣни. Эта радость увеличивалась еще отъ сознанія, что съ приливомъ силъ она можетъ быть еще полезнѣе дома.

Однако тетушка Густава поговорила наединѣ съ папой и съ мамой и сообщила имъ, что докторъ нашелъ, что здоровье Эвы было серьезно расшатано и что ее давно слѣдовало лѣчить. Онъ предупредилъ также, чтобы ее не переутомляли, и чтобы она не худѣла, иначе ей грозила неизлѣчимая болѣзнь.

Неустанныя заботы о хлѣбѣ насущномъ могутъ сдѣлать родите-

лей невнимательными къ состоянію дѣтей, но сердца ихъ всегда открыты, когда дѣло идетъ о серьезныхъ нуждахъ ихъ дѣтей. Въ аптекѣ была заказана двойная порція желѣзныхъ пилюль, а изъ книжной лавки выписали хорошее и вполне нравственное описаніе путешествіе по Америкѣ, которое стоило цѣлыхъ два риксдалера. И родители, которыхъ никогда не баловали въ ихъ дѣтствѣ, рѣшили, что они сдѣлали, что могли, и такъ хорошо, какъ они это понимали, для здоровья ихъ ребенка, для его развлечения и для его духовнаго развитія.

IV.

Первая рана на бранномъ полѣ жизни.

Маленькія событія нуждаются лишь въ маленькомъ обществѣ для того, чтобы сдѣлаться большими, и маленькіе люди превращаются иногда въ великановъ въ тѣсномъ помѣщеніи.

Помощникъ пастора — человекъ небольшой, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ большомъ городѣ не сумѣетъ приобрѣсти себѣ славу «проповѣдника по призванію». Однако пасторъ Іосифъ Росенъ представлялъ собою гораздо болѣе важную особу, чѣмъ онъ самъ это подозрѣвалъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ очень далеко отъ этого въ одинъ прекрасный майскій день въ тотъ годъ, когда весна снова наступила ранѣе обыкновеннаго и когда онъ читалъ свою первую проповѣдь въ Кнютарюдской церкви.

У ветхаго церковнаго сарая стоялъ цѣлый рядъ телѣжекъ, четыре господскихъ экипажа придавали картинѣ нѣкоторый блескъ, а группы разговаривавшихъ прихожанъ оживляли ее.

Возлѣ одного изъ надгробныхъ памятниковъ, расположенныхъ у тропинки, протоптанной къ двери ризницы, стояло съ полдюжины «господскихъ барышень», которыя разговаривали очень чинно и старались дѣлать видъ, будто онѣ имѣютъ обыкновеніе каждый праздничекъ стоять тамъ и будто ничего особеннаго не случилось.

Среди этой группы находится также и Эва Бергъ. Мы узнаемъ, конечно, прекрасные глаза и тонкія черты, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно повѣрить, что это Эва Бергъ. Весна жизни произвела свое дѣйствіе на «безобразную красавицу». Правда, ее нельзя назвать сильной и цвѣтущей, но она кажется довольно здоровой, а ея молодость, красота и изящество выдѣляются рельефнѣе. Фигура ея также стала лучше, только плечи еще слишкомъ покаты, а взоръ все еще наполняется взоръ девятнадцатилѣтняго ребенка. Она одна не старалась скрыть своего интереса и не понижала голоса, когда разговоръ ка-

сая новаго помощника пастора, который являлся чѣмъ-то необыкновеннымъ въ приходѣ Ёнютарюдь. Этотъ приходъ былъ таковой маленькій, что священники обыкновенно старались уйти оттуда раньше, нежели преклонный возрастъ заставлялъ ихъ брать себѣ помощника. Исключеніе представлялъ изъ себя бывшій школьный учитель, который переутюжился.

Но вотъ онъ идетъ, тотъ, котораго ждали, почтительно приветствуемый всѣми, черезъ толпу, собравшуюся на кладбищѣ у церкви. Онъ высокій, стройный и блѣдный; у него аршинный носъ, нѣсколько великоватый, а щеки его слишкомъ худы, волосы небрежно закинута назадъ, какъ у евангелиста Іоанна, взоръ его голубыхъ глазъ кро-токъ.

«Красивымъ его назвать нельзя, но видъ у него добрый», рѣшилъ народъ.

Барышни выстроились въ ожиданіи, что онъ имъ поклонится, но онъ спокойно прошелъ мимо нихъ, глядя прямо передъ собой, и ихъ ожиданія были напрасны. Толпѣ прихожанъ, собравшейся возлѣ церкви, онъ поклонился, что же касается до кучки «господскихъ барышень», то, очевидно, онъ примѣнялъ къ нимъ свѣтскія правила съ представленіями и т. п.

Проповѣдь была содержательна и состояла изъ смѣси красивыхъ и строгихъ словъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ проповѣдями молодыхъ, неопытныхъ, но усердныхъ проповѣдниковъ. Но она была проникнута теплотой и искренностью и отвѣчала мѣстнымъ интересамъ.

Деревенскій оракулъ и специалистъ по духовнымъ вопросамъ, сапожникъ Нордбумъ, который былъ духовнымъ сыномъ Пера Ньюмана и нѣсколько разъ слышалъ проповѣдника Хофа, объявилъ, что это «громовой священникъ».

Господамъ понравилась главнымъ образомъ его манера служить обѣдню. Жена короннаго фохта наклонилась къ фру Бергъ, сидѣвшей съ ней рядомъ на скамьѣ, и прошептала:

— Музыкальность у него наследственная, Матильда! Его отецъ былъ барабанщикомъ въ Іенчѣпингскомъ полку.

Всѣ наперерывъ торопились познакомиться съ новымъ священникомъ. Двѣ-три семьи назвали сами послѣ обѣда въ домъ священника, а другія двѣ удержали пастора на весь вечеръ, когда онъ пришелъ къ нимъ съ визитомъ. Что касается до матери купца Петерсона, которую не совсѣмъ-то причисляли къ кругу господъ, и которая не могла рассчитывать на официальный визитъ новаго пастора, то она, не долго думая, притворилась больной, легла въ постель и

послала за Юсифомъ Росеномъ, который и явился къ ней по долгу службы.

Эвъ Бергъ показалось, что этотъ бѣдный, аскетически воспитанный сынъ барабанщика, въ своемъ громадномъ бѣломъ священническомъ воротникѣ и въ дешевенькомъ черномъ сюртукѣ, спитомъ товарищемъ отца, полковымъ портнымъ, внесъ съ собою въ Бюютарюдъ атмосферу «большого свѣта», котораго она не видала больше послѣ тѣхъ незабвенныхъ, хотя и съ примѣсью грусти, но прекрасныхъ и радостныхъ недѣль, проведенныхъ въ Бадевикѣ.

Эти двое сдѣлались друзьями. Ея наивное поклоненіе льстило ему, а онъ—самый скромный изъ своихъ товарищей по университету, былъ для нея вмѣстилищемъ всей жизненной премудрости. Онъ разговаривалъ съ ней болѣе, нежели съ другими, давалъ ей наиболѣе подходящія книги изъ своей маленькой библіотеки и понималъ, что она стыдится своей необразованности, такъ какъ она училась только у мамы читать да писать, тогда какъ другія господскія барышни въ той мѣстности получили при помощи гувернантокъ нѣкоторое образованіе, какое въ тѣ времена давали барышнямъ.

Однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ развлеченій въ семействахъ въ Бюютарюдѣ, когда онѣ собирались другъ у друга, было составленіе какихъ-нибудь «трудныхъ» словъ изъ буквъ, напечатанныхъ на четырехугольныхъ кусочкахъ картона. Кто-нибудь составлялъ слово, затѣмъ смѣшивалъ буквы и давалъ ихъ другому, чтобы тотъ показалъ свою догадливость и составилъ вѣрное слово. Умственный кругозоръ играющихъ въ эту игру былъ не великъ и слова не отличались большимъ разнообразіемъ. Но Эвъ Бергъ удавалось однажды вечеромъ у короннаго фохта составить слово, надъ разгадкой котораго тщетно бились всѣ присутствующіе. Эва увлеклась игрой, она разгорячилась, глаза ея разгорѣлись и, когда она собрала обратно бумажки съ буквами, то на лицѣ ея появилось выраженіе торжества и гордости, и она сказала съ нѣкоторымъ состраданіемъ:

— Это такъ просто! Вотъ!—и сложила: ц-и-п-п-л-е-н-о-к-ъ.

Раздался такой единодушный взрывъ хохота, какого трудно было ожидать отъ этого маленькаго благопристойнаго общества. Въ продолженіе вечера другія молодыя дѣвушки нѣсколько разъ вызывали на глазахъ у Эвы слезы, называя ее «цыпленкомъ».

И онъ, онъ, который былъ такъ ученъ, увидалъ всю бездну ея невѣжества!

Былъ какъ разъ разгаръ сѣнокоса, такъ что старшіе не были въ гостяхъ, и молодежь отправилась домой пѣшкомъ. Подъ конецъ пасторъ остался вдвоемъ съ Эвой и, будучи неутомимымъ ходякомъ,

онъ свернулъ съ своей дороги и пошелъ ее проводить, чтобы ей не надо было идти такъ поздно одной.

На свой обычный ладъ, тихо и спокойно, онъ заводилъ разговоръ то на одну тему, то на другую, но Эва не отвѣчала и шла, точно погруженная въ мечты, по другому краю дороги.

Когда онъ, проходя въ ворота изгороди, подошелъ къ ней ближе, то онъ замѣтилъ, что по ея щекамъ скатилась слеза, и что щека ея была очень блѣдна.

— Что съ вами, мамзель Бергъ?

— Мнѣ все еще такъ ужасно стыдно, — прошептала она беззвучно и опустила голову.

— «Стыдно»? Что...? Ахъ, да!... — воскликнулъ онъ.

— Неужели вы успѣли уже забыть это, пасторъ? — спросила она нѣсколько бодрѣе.

— Да, милая мамзель Эва, конечно, я уже забылъ. Какъ «платье не дѣлаетъ человѣка», такъ и правописаніе не можетъ соответствовать образу мыслей. А что касается до вашего образа мыслей, мамзель Эва, то я думаю, что за нихъ вамъ стыдиться не приходится.

— Да... да, пожалуй, передъ «людьми», — сказала она, краснѣя.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча, каждый по своей сторонѣ дороги.

— Это такъ ужасно быть такой невѣждой, — жаловалась она, какъ дитя, которому не удастся прикрѣпить какъ слѣдуетъ фарфоровую головку на куклѣ.

— Да, недостатокъ знаній всегда тяжелъ. Но если это вамъ можетъ служить утѣшеніемъ, то, увѣрю васъ, мамзель Эва, что я еще никогда не встрѣчалъ болѣе или менѣе одареннаго и сознательнаго человѣка, познанія котораго не заставили бы его увидеть свое невѣжество и все то, что ему еще осталось изучить.

— Неужели? И вы также, пасторъ, принадлежите къ числу такихъ людей?

— Это мнѣніе принадлежитъ не мнѣ. Его высказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ учителей въ Упсалѣ, и тотъ, который, какъ мнѣ кажется, зналъ больше всѣхъ.

— Профессоръ?

— Да, одинъ очень ученый профессоръ, — сказалъ онъ съ улыбкой.

Ей оставалось уже недалеко до дому, а ему пора было повернуть. Онъ промолчалъ нѣсколько минутъ, но продолжалъ, какъ если бы она все время читала его мысли:

— Но мнѣ кажется, что тотъ пробѣлъ, который васъ сегодня

такъ огорчилъ, легко было бы заполнить до нѣкоторой степени. Писать по-шведски вполне правильно не такъ-то легко, но выучиться писать по слуху и по навыку зрѣнія, это вполне достижимо. Хотите ли вы, мамзель Эва, взять у меня простой учебникъ правописанія съ нѣкоторыми упражненіями?

Она поблагодарила его горячо. А когда на слѣдующей недѣлѣ семья Бергъ была въ гостяхъ въ усадьбѣ священника, то молодой пасторъ далъ ей также сокращенную шведскую исторію и географію и научилъ ее, какъ надо употреблять карту.

Зерно познанія въ жаждущей, наивной, но богатой и чистой душѣ— подобно зернамъ, брошеннымъ на плодородную, дѣвственную почву, которую надо засѣвать очень рѣдко, такъ какъ каждое зерно даетъ нѣсколько стеблей. Скрытыя силы бродили у Эвы, какъ въ плодородномъ черноземѣ весеннею порой; домашнія обязанности стали казаться ей легче, на мѣсто того, чтобы казаться тяжелѣе, съ тѣхъ поръ, какъ ея умственный кругозоръ расширился. Интересъ къ той каплѣ познанія, которая выпала на ея долю, неразрывно связывался съ интересомъ къ учителю.

Однажды, когда отецъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ, онъ попросилъ ее написать письмо настоятелю по дѣлу о попечительствѣ о бѣдныхъ, о которомъ онъ рассказывалъ за завтракомъ.

Росень, который былъ во всемъ помощникомъ настоятеля, сказалъ Эвѣ при слѣдующей встрѣчѣ съ ней:

— А вы, мамзель Эва, начинаете выступать на общественномъ поприщѣ?

Она покраснѣла и спросила шепотомъ:

— Много ошибокъ было?

— Двѣ незначительныя.

Росень былъ уже семь лѣтъ священникомъ, а потому онъ могъ рассчитывать послѣ двухъ скучныхъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бюнтарюдѣ, получить мѣсто штатнаго помощника священника въ сосѣднемъ пасторатѣ, худшемъ въ епархіи. Но несмотря на это, сердце его билось сильно при одной только мысли, что онъ можетъ получить это мѣсто. Для бѣднаго, обремененнаго долгами человѣка, эта перспектива сулила счастье, несмотря на всю свою незаманчивость.

Въ день выборовъ, въ ненастный сентябрьскій вечеръ, патронъ Бергъ, Эва и Аксель вышли въ засѣянное поле у большой дороги, чтобы посмотреть, много ли жердей вырвала буря изъ изгороди. Вдругъ послышался съ дороги лошадиный топотъ, и вслѣдъ затѣмъ показался неуклюжій молодой парень, который трясся на спинѣ рыжей пятнастой лошади. Аксель раскрылъ ворота въ изгороди, а отецъ спросилъ:

— Откуда ты?

Парень сдѣлалъ гримасу, когда вляча его, которую онъ дернулъ за уздечку, вдругъ сразу остановилась, и сказалъ:

— Тпрр... Чтобъ тебя! Да, да, я привезъ новость... Ахъ ты, подлая тварь, перестанешь ты, что ли, щипать траву?... Что мы голосовали такъ, что намъ удалось отнять у васъ священника.

— Подумай, Росѣнъ получилъ большинство! — воскликнулъ Бергъ, обращаясь къ Эвѣ.

— Тпрр... Что вы сказали? Что такое онъ получилъ? Это не опасно?

Эва поблѣднѣла, какъ полотно, и шла, какъ во снѣ, рядомъ съ отцомъ. «Уѣдетъ! Онъ уѣдетъ, и скоро», ибо она знала, что тотъ, кого выберутъ, долженъ немедленно отправляться на новое мѣсто. Правда, что до того прихода не болѣе трехъ миль, а въ деревнѣ это считается сосѣдствомъ; но въ Брантелидѣ всѣ вели слишкомъ трудовую жизнь, чтобы располагать временемъ для поѣздокъ. Всему насталъ конецъ... конецъ...

Наступило нѣсколько тяжкихъ дней, но она какъ будто не сознавала, что именно случилось. Она ничего не желала, ни на что не надѣялась, у нея не было, какъ у другихъ молодыхъ дѣвушекъ, никакихъ «видовъ» на него. Но это было такъ отрадно имѣть болѣе сильнаго друга, который видѣлъ въ ней нѣчто другое, нежели мамину милую помощницу по хозяйству, который вѣрилъ, что она чего-нибудь да стоитъ, и который интересовался ея мыслями, не смотря на всю ея простоту.

Но вотъ однажды онъ пришелъ прощаться. Мама ушла куда-то по дѣламъ, а папа былъ занятъ въ овинѣ послѣ молотѣбы.

Они остались въ залѣ одни.

Какъ глаза его сіяли и какъ пылали обыкновенно такія блѣдныя щеки, которыя однако теперь были круглѣе, нежели когда онъ впервые появился въ Кнютарюдѣ. Человѣкъ, который слишкомъ хорошъ для того, чтобы унизиться до гордости и пошлаго хвастовства, никогда не имѣетъ въ глазахъ женщины болѣе притягательной силы, нежели въ минуты глубокой скорби или въ моментъ торжества и побѣды.

А степень торжества побѣды опредѣляется не тѣмъ, что составляетъ награду за побѣду, а тяжестью перенесенной борьбы и нравственнымъ обликомъ побѣдителя. Для Иосифа Росѣна скромное маленькое мѣсто съ бѣднымъ домомъ въ сосновомъ лѣсу было Аустерлицомъ надъ соединенными полчищами бѣдности, незначительности и расположеніемъ капризной толпы. Все его существо было

проникнуто счастьемъ, и онъ не замѣтилъ натянутости въ пожеланіяхъ Эвы; онъ крѣпко пожалъ ея руку и сказалъ:

— Да, теперь я дѣйствительно счастливый человекъ, мамзель Бергъ.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Мамзель Эва, въ продолженіе этихъ двухъ долгихъ лѣтъ ожиданія вы были здѣсь моимъ лучшимъ другомъ, а потому я подѣлюсь съ вами тѣмъ, что дѣлаетъ мое счастье еще полнѣе, что рисуетъ мнѣ мое будущее въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ. Я мечтаю о счастьѣ въ своемъ будущемъ собственномъ домѣ съ существомъ, которое мнѣ очень дорого, дороже всего на свѣтѣ!

Для своихъ двадцати одного года и своей свѣтлой головы Эва была необыкновенно наивна; но теперь, теперь ей показалось, что она видитъ все такъ ясно, какъ видно въ лѣсу дерево лѣтней ночью, озаренное ослѣпительнымъ свѣтомъ молніи. Она крѣпко прижала объ свои загорѣлыя грубыя руки къ сердцу, чтобы оно не разорвалось отъ невыразимаго счастья. О, неужели свѣтъ можетъ быть такъ прекрасенъ и Богъ такъ безгранично добръ!

Она посмотрѣла на него взоромъ непредѣльной преданности, восхищенія и безавѣтной любви.

Онъ продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Мы любимъ другъ друга много, много лѣтъ, еще со школьнаго времени, и она, мой бѣдный другъ, не знала, какъ долго будетъ ожиданіе. Но теперь во всякомъ случаѣ ему насталъ конецъ. Она уже не молода, а красивой она никогда не была, она и на десятую долю не такъ красива, какъ вы, мамзель Эва; но она такая же славная и сердечная... Но что съ вами? Что...

— Ахъ, пожалуйста, не беспокойтесь, ничего, равно ничего... Да, такъ позвольте мнѣ, пасторъ, еще разъ вдвойнѣ искренно и сердечно поздравить васъ!—сказала Эва, стараясь побороть надвигающійся обморокъ, который уже застлалъ ея глаза пеленой.

— Благодарю васъ, отъ души благодарю!—сказалъ онъ и крѣпко пожалъ ея руку.—Вы непременно должны пріѣхать къ намъ, когда мы окончательно устроимся. Ее зовутъ Элизой, Элизой Линдбумъ; но не говорите здѣсь объ этомъ никому ни слова. Вы позвольте мнѣ поклониться ей отъ васъ, мамзель Эва, скажите!

Она крѣпко ухватилась за ручку кресла, стоявшаго въ залѣ у окна, такъ крѣпко, что кожа на ея рукѣ побѣлѣла подъ загаромъ, и сказала:

— Да, передайте ей мой привѣтъ... самый искренній... и... сердечный!

V.

Литературный кружокъ въ Нольчѣпингѣ.

Горе и тоска послѣ спойной жизни съ проблесками счастья, превращеніе изъ наивнаго ребенка съ тѣломъ двадцатидвѣтилетней взрослой дѣвушки въ женщину, которая страдаетъ,—все это подорвало силы Эвы, которыя за послѣднее время такъ быстро возрастали. Истощенная бессонными ночами, она изнемогала подъ тяжестью дневныхъ обязанностей.

Но у матери открылись глаза на состояніе здоровья дочери, и она слишкомъ радовалась восстановленію ея силъ послѣ пребыванія въ Бадевикѣ, чтобы теперь не отнестись съ безпокойствомъ къ тому, что Эва блѣднѣетъ и чахнетъ.

Урожай въ этомъ году былъ хорошій, а новый винокуренный заводъ въ сосѣднемъ приходѣ повысилъ цѣны на картофель. Въ семействѣ Бергъ наступило временное экономическое облегченіе, которое позволяетъ людямъ хорошаго общества мѣнять обивку на мебели въ гостиной, а людямъ еще болѣе хорошаго сѣздить на Ривьеру.

На мѣсто всего этого въ Брантедѣ наняли третью служанку уже въ октябрѣ, тогда какъ раньше ее нанимали только весной, когда начинались полевая работы.

И вотъ было рѣшено, что подготовленіе Элинъ къ конфирмаціи будетъ отложено до слѣдующей зимы, чтобы она теперь была свободнѣе и помогала бы мамѣ.

Такимъ образомъ явилась возможность послать Эву въ Нольчѣпингъ къ тетускѣ Густавѣ, которая заранѣе приглашала ее къ себѣ, «когда противное малокровіе снова дастъ себя почувствовать». Конокху Юганну предстояло везти ее всѣ шесть миль; а ея родные такъ же, какъ и конокхъ Юганнъ, не подозрѣвали, что все это путешествіе вызвало назначеніе пастора Росена въ сосѣднюю еперхію.

За завтракомъ передъ путешествіемъ Эва получила цѣлую массу наставленій и совѣтовъ отъ папы и отъ мамы. Въ настоящее время не даютъ своему ребенку столько совѣтовъ, если бы даже онъ отправлялся путешествовать въ Конго.

Элинъ, высокая, здоровая и цвѣтущая дѣвушка, почувствовала, что ея дѣтская зависть къ «большой сестрѣ» значительно охладѣла отъ перечня всѣхъ тѣхъ трудностей и непріятностей, которыя ее ожидали вдали отъ родительскаго дома. Она вытаращила глаза и недоумѣвала, почему жизнь въ Нольчѣпингѣ сопряжена съ такими опасностями, и она спрашивала себя, какимъ образомъ удалось тетускѣ

такъ благополучно избѣгнуть всѣхъ непріятностей,—это была прямо неразрѣшимая загадка!

Однако Эва получила въ дорогу не одни только предостереженія и совѣты и немного мелочи на случай непредвидѣнныхъ расходовъ во время путешествія. Когда коляска подѣхала къ крыльцу, папа торжественно вынулъ изъ кармана двѣ ассигнаціи—каждая по десяти риксдалеровъ—и сказалъ:

— Дитя мое, эта сумма довольно значительная въ нашемъ положеніи, а ты къ тому же будешь жить у тетушки на всемъ готовомъ; но я не хочу, чтобы ты была безъ денегъ, когда тебѣ захочется чего-нибудь или если тебѣ понадобится что-нибудь—не слишкомъ безразсудное, конечно,—а теперь, ты знаешь, винокуренный заводъ даетъ за бочку четыре риксдалера. Богъ да благословитъ тебя!

У Эвы на сердцѣ стало такъ тепло, такъ тепло! Столько денегъ заразъ въ ея распоряженіи еще никогда не бывало, и она мысленно быстро произвела оцѣнку подарка отца: цѣлый возъ картофеля! Она бросилась отцу на шею и горячо обняла его.

Отецъ былъ тронутъ ея искренней благодарностью, и когда Эва освободилась наконецъ изъ объятій матери, сестры и брата и, счастливая и довольная, сидѣла въ коляскѣ, то этотъ добрый человѣкъ растрогался еще больше, наклонился къ дочери и прошепталъ:

— И тебѣ вовсе не надо тратить изъ нихъ на желѣзные пилюли. Попроси тетушку уплатить за пилюли, а мы съ ней потомъ считаемся.

Тетушка Густава, которая оставалась все той же и которая платила времени дань только въ видѣ нѣсколькихъ новыхъ сѣдыхъ волосковъ да нѣкоторой убылью въ вѣсѣ свего почтеннаго тѣла, нашла, что Эва очень перемѣнилась, несмотря на то, что она такъ недавно видѣла ее весною, а теперь былъ только ноябрь.

Эва понимала теперь свою тетушку лучше, не пугалась ея вѣшней суровости и хорошо знала, что подъ этой вѣшностью скрывается любящее сердце.

Потому-то она довѣрилась ей во всемъ—за исключеніемъ своей великой тайны—разсказала ей, какъ она страдала отъ недостатка своего образованія, какъ ей хотѣлось посредствомъ чтенія расширить свой умственный кругозоръ, и какъ было бы хорошо, если бы она по крайней мѣрѣ знала хоть столько, чтобы имѣть возможность скрыть, что она въ сущности совсѣмъ ничего не знаетъ,—тогда ей не надо было бы такъ ужасно стыдиться за себя.

Этотъ разговоръ однажды возобновился, и тогда тетушка встала и озабоченно пошла въ переднюю изъ своихъ двухъ очень просто, но

очень уютно обставленныхъ комнатъ, и остановилась въ нерѣшимости передъ двумя коротенькими книжными полками.

— Да, дитя мое, здѣсь есть, кромѣ самой лучшей «Книги книгъ», «Истинное христіанство» Арндта, «Оома Кемпійскій» и «Священный стыдъ» Богацкаго. А въ «Сокровищѣ души» Шривера такъ много интересныхъ примѣровъ изъ жизни, что для молодого ума это гораздо увлекательнѣе проповѣдей Нордборга. Что же касается до свѣтскихъ книгъ, то ихъ у меня не очень-то много, и изъ нихъ есть и такія, которыя сами по себѣ не дурны, если только онѣ не заставятъ забыть, что «набожность есть источникъ мудрости».

Эва стояла рядомъ съ тетушкой и съ уваженіемъ, но безъ особеннаго интереса смотрѣла на корешки старыхъ книгъ. Но вдругъ тетушку озарила блестящая идея:

— Дитя, я поговорю съ Ловизой Берфельтъ и попрошу ее принять тебя въ литературный кружокъ! У нихъ книгъ прямо слишкомъ много, но Ловиза и капитанъ Оберіусъ не допускаютъ дурныхъ книгъ. Правда, абонироваться до рождества, когда ты уѣдешь, будетъ стоить три риксдалера, но это я заплачу.

Эва была страшно боязлива и застѣнчива, но этотъ литературный кружокъ, въ которомъ покупались даже новыя книги и гдѣ разъ въ недѣлю читали вслухъ ученые магистры и важныя дамы, привлекалъ ее неотразимо, особенно, благодаря разсказамъ тетушки, которая однако никогда въ этомъ кружкѣ не бывала и не особенно подробно распространялась о немъ.

Я почти увѣренъ, что современная молодая деревенская дѣвушка съ меньшимъ благоговѣніемъ вошла бы въ большой залъ на биржѣ въ Стокгольмѣ во время торжественнаго годового акта шведской академіи, нежели Эва Бергъ открыла дверь въ маленькую квартирку изъ трехъ комнатъ фрѣкенъ Берфельтъ однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ разговора съ тетушкой.

Къ счастью, она уже раньше встрѣчалась съ фрѣкенъ Ловизой, маленькой, выцвѣтшей, нѣсколько чванной, но добродушной шестидесятилѣтней старушкой, съ блѣдно-сѣрымъ оттѣнкомъ на лицѣ, душѣ и всемъ своемъ существѣ.

Лѣтъ десять тому назадъ фрѣкенъ Берфельтъ познакомилась на какихъ-то водахъ съ одной четой, сильная половина которой была издателемъ самаго любезнаго сорта. Это знакомство превратилось въ дружбу, послѣдствіемъ чего было появленіемъ въ свѣтъ книжки въ 370 страницъ подъ заглавіемъ: «Тайнственный сундукъ въ Шельдеборгѣ».

Это была дѣйствительно очень хорошая книга, но крайней мѣрѣ

на этомъ мнѣніи сходились какъ сама авторша, а также издатель и капитанъ Оберіусъ; но ея истинныя достоинства, которыя были выше уровня пониманія современнаго общества, воспрепятствовали ей распространиться и приобрести послѣдователей. Однако появленіе этой книги было достаточно для того, чтобы фрѣкенъ Ловиза заняла мѣсто литературнаго корифея въ Нольчѣпингѣ, что не удивительно, если принять во вниманіе, что въ этомъ городѣ не печаталось ничего за исключеніемъ годового отчета директора школъ и уставовъ страхового отъ огня общества, когда требовались какія-нибудь измѣненія первоначальныхъ правилъ.

Капитанъ Оберіусъ, за исключеніемъ лектора роднаго языка, который обыкновенно имѣетъ ближайшее отношеніе къ литературѣ и искусству въ городкахъ, подобныхъ Нольчѣпингу, былъ мѣстнымъ судьей въ вопросахъ, касающихся литературы и искусства. Это почетное званіе онъ приобрѣлъ отчасти вслѣдствіе того, что въ его гостиной надъ диваномъ висѣлъ большой ландшафтъ, написанный масляными красками, а отчасти благодаря вѣнгу, который общество офицеровъ расположеннаго въ городѣ полка возложило на гробъ своего умершаго командира, и для котораго Оберіусъ, будучи тогда лишь поручикомъ, сочинилъ стихотвореніе, напечатанное на концѣ ленты.

Благодаря этимъ-то подвигамъ капитанъ Оберіусъ и сдѣлался предсѣдателемъ «общества поощренія художествъ» въ Нольчѣпингѣ, которое устраивало розыгрышъ картинъ по три риксдалера билетъ. Потому также онъ удостоивался посѣщеній наиболѣе тертыхъ антрепренеровъ странствующихъ труппъ, которые беспокоились за «настроеніе райка», и потому же онъ сдѣлался товарищемъ предсѣдателя литературнаго кружка въ Нольчѣпингѣ, гдѣ Ловиза Берфельтъ занимала первое мѣсто.

Эву, которая чувствовала мучительную застѣнчивость, представили капитану и другимъ болѣе виднымъ членамъ кружка. Она была проста, скромна и молчалива и производила хорошее впечатлѣніе, какъ человекъ, который никому не встанетъ поперекъ дороги. Со своими большими, выразительными глазами, съ румянцемъ смущенія на щекахъ она казалась довольно красивой, и магистръ Лундбергъ (сверхштатный преподаватель роднаго языка и латыни въ школѣ) нагнулся къ фрѣкенъ Ловизѣ и прошепталъ:

— Мнѣ кажется, точно я вижу передъ собой такъ удивительно хорошо начерченный вами образъ Аделаиды изъ «Тайнственнаго сундука».

Фрѣкенъ Берфельтъ смущенно провела правой рукой по лѣвому

рукаву своего свѣтло-сѣраго платья, потомъ слегка поднесла къ своимъ свѣтло-сѣрымъ глазамъ носовой платокъ съ гербомъ и сказала съ застѣнчивостью, которая къ ней такъ шла:

— О, магистеръ Лундбергъ, не упоминайте о моемъ маленькомъ, незначительномъ произведеніи! Оно и осталось моимъ *единственнымъ*...

— Какъ «Марсельеза» Руже-де-Лилля, — вставилъ магистръ съ поклономъ.

Дѣло происходило въ 1860 годахъ, и для общества того времени, особенно провинціального, изгнаніе всякаго слѣда какаго бы то ни было тѣлеснаго подкрѣпленія изъ собраній литературнаго кружка въ Нольчѣпингѣ было чѣмъ-то неслыханнымъ; однако, оба главные руководителя кружка, принимавшіе близко къ сердцу вопросъ о духовной пищѣ для народа, строго придерживались этого мудраго правила.

Тѣмъ не менѣе въ первой комнатѣ на большомъ подносѣ стояло два хрустальныхъ графина съ водой и блюдечко съ маленькими леденцами. Но никто изъ старѣйшихъ членовъ кружка не могъ припомнить, что онъ когда-нибудь видѣлъ, чтобы болѣе трехъ человекъ изъ 15 или 25 собиравшихся на чтенія, пользовались этими Божьими дарами. Сперва фрѣкенъ Ловиза сама брала леденецъ и вклала его между своими блѣдно-сѣрыми губами, затѣмъ она наливала стаканъ воды и ставила его передъ собой на предиванный столъ. Послѣ этого капитанъ въ точности слѣдовалъ ея примѣру. Когда же читающій въ этотъ вечеръ доходилъ до первой остановки въ прозѣ или благополучно оканчивалъ первую поэмю, то фрѣкенъ Ловиза вставала съ мѣста, паливала третій стаканъ воды, ставила его передъ чтецомъ, протягивала ему блюдце съ леденцами и говорила:

— Пожалуйста! Леденецъ также, прошу васъ! Необходимо чѣмъ-нибудь освѣжиться.

Капитанъ и фрѣкенъ чувствовали себя счастливыми; они были насквозь проинфильтрованы самодовольствомъ и гордились тѣмъ, что способствуютъ развитію культуры или «распространяють образованіе», какъ въ тѣ времена выражались. Въ кружкѣ было двое-трое магистровъ, которые были влюблены въ двухъ-трехъ барышень, а другія двѣ-три барышни съ вождельніемъ взирали на магистровъ. Была тамъ еще одна замужня дама, которая никогда не училась въ школѣ и которая, желая обратить вниманіе на свое *образованіе*, совершенно отсутствовавшее, приходила въ экстазъ раза два, три на каждомъ собраніи, — несчастная женщина. Остальные члены кружка находили все это страшно скучнымъ, но они не хотѣли сознаться въ этомъ.

Люди, не участвовавшие въ кружкѣ, смѣялись надъ нимъ, называли его союзомъ «сахарной водицы» и увѣряли, что *всѣ* члены его сидятъ со стаканами колодезной воды и усердно размѣшиваютъ въ немъ маленькій кусочекъ колотаго сахара.

Фрѣкенъ Ловиза постучала ножикомъ изъ бучоваго дерева о стаканъ съ водой и сказала:

— Товарищъ предсѣдателя кружка былъ настолько любезенъ, что обѣщалъ *самъ* прочесть сегодня нѣчто новое для всѣхъ.

— Bravo!—крикнули ближайшіе изъ сидѣвшихъ въ комнатѣ. Остальные зѣвали за нхъ спинами въ то время, какъ капитанъ, офицеръ-гимнастъ среднихъ лѣтъ, тощій, какъ жердь, и прямой, какъ кочерга, пробрался впередъ, неестественно вычурно шагая, точно пѣтухъ по раскаленной плитѣ. Онъ началъ:

— Съ дилжансомъ сегодня утромъ я получилъ новую книгу Рунеберга «Прапорщикъ Сталь», которую, какъ вы знаете изъ газетъ, ждали осенью. Я позволю себѣ прочесть кое-что изъ этой книги.

— О-о!—пробормотали заинтересованные магистры, тогда какъ тѣ, кто не слѣдили за литературой, сидѣли спокойно и имѣли скужающій видъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что капитанъ Оберіусъ былъ смѣшонъ, неестествененъ и имѣлъ обыкновеніе читать съ напускнымъ пафосомъ и отсутствіемъ всякаго пониманія простѣйшихъ правилъ искусства декламации. Но въ остальномъ дѣло обстояло съ нимъ не такъ ужъ плохо; онъ былъ шведскимъ офицеромъ, любилъ свою родину, и въ его груди билось сердце такое же, какъ и у другихъ.

И это сердце билось все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ чтеніе подвигалось, а голосъ повышался и дрожалъ отъ счастья, гордости и отъ скорби въ то время, какъ самъ онъ и всѣ слушатели были увлечены, какъ никогда раньше. Когда онъ остановился, чтобы перевести духъ, то та дама, которая никогда не посѣщала школы, закричала:

— *Еще*, капитанъ!—но ея голосъ покрыли другіе, которые обыкновенно никогда не слѣдовали примѣру этой дамы.

Когда капитанъ долженъ былъ, наконецъ, отложить книгу, чтобы отдохнуть немного, то фрѣкенъ Ловиза схватила блюдо и воскликнула внѣ себя отъ восторга:

— Богъ да благословитъ васъ! Возьмите *два* леденца, капитанъ!

Эва сидѣла молча и едва дышала, а въ глазахъ у нея стояли слезы.

— Вамъ дурно отъ жары, мамзель?—спросилъ магистръ Лундбергъ, который сидѣлъ излишне близко возлѣ нея.

— О, нѣтъ, но я никогда не слыхала ничего болѣе прекраснаго во всю свою жизнь!—прошептала она съ горящимъ взоромъ и съ высоко поднимающейся грудью.

Магистеръ Лундбергъ посмотрѣлъ на нее, потеръ себѣ немного чернильное пятно на среднемъ пальцѣ правой руки и потомъ вдругъ осторожно просунулъ всю руку подъ широкой рукавъ Эвы и нѣжно взялъ ее за руку.

Такъ какъ въ Бюютарюдѣ никогда ничего подобнаго не дѣлалось, то Эва не догадалась отнять у него руку.

Но слушайте дальше! Фонъ-Дёбельнъ заговорилъ снова:

— А теперь ты молодой солдатъ чистѣйшей воды, ты нашъ товарищъ номеръ пятнадцатый, Стольтъ!

О... у Эвы пробѣжали мурашки по кожѣ, на сердцѣ стало такъ тепло, тепло, а по плечамъ прошла дрожь. Магистръ попытался слегка пожать ей руку и получилъ въ отвѣтъ, къ своему удивленію, крѣпкое рукопожатіе.

Ей показалось, что рядомъ съ ней родная душа, которая испытываетъ тотъ же восторгъ и то же наслажденіе, какъ и она.

Но магистеръ Лундбергъ подумалъ, что она флиртуетъ...

Когда Эва тихо провралась домой и стала ложиться на постеленный для нея диванъ—въ первой комнатѣ, то оказалось, что свѣча еще горѣла у тетухки въ сосѣдней комнатѣ.

— Добрый вечеръ, дитя! Ну, какъ ты провела время? Я уже стала немного беспокоиться, когда ты такъ долго не приходила. Кто проводилъ тебя домой?

— Магистеръ Лундбергъ.

— Вотъ какъ, онъ. Говорятъ, что онъ свободомыслящій и вообще препротивный во всѣхъ отношеніяхъ, а кромѣ того онъ членъ этого новаго рабочаго общества. Я надѣюсь, что онъ не былъ дерзокъ? Ты такая красная, дитя мое!

— Ахъ, что вы, тетя! Но я такъ растрогана и такъ счастлива, тетя! Подумать только, что на свѣтѣ существуетъ нѣчто такое, какъ «Поручикъ Стольтъ!»

— Смотри, Эва, не вздумай влюбиться въ военнаго. Поручикъ Стольтъ? Онъ, вѣроятно, изъ деревни и уже не молодой, потому что я его не знаю, а уже по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ упразднили должность поручиковъ въ полкахъ. Спокойной ночи, дитя мое! Ты найдешь молоко и бутерброды возлѣ птичьей влѣтки.

VI.

Мечты уступают мѣсто культурѣ.

Вполнѣ понятно, что такія незначительныя сами по себѣ событія, какъ пребываніе въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль въ маленькомъ курортѣ и непродолжительное пребываніе въ провинціальномъ городкѣ въ замкнутомъ старосвѣтскомъ домѣ пожилой женщины, должны были представлять изъ себя великія эпохи и рѣшающія стадіи развитія въ такой однообразной и уединенной жизни, каковую вела обыкновенно Эва Бергъ.

О внѣшнихъ условностяхъ общественной жизни, о примитивныхъ вопросахъ социальныхъ требованій, а также о различіи между мыслями ближняго и его словами Эва получила маленькое понятіе въ Бадевикѣ. Въ Нольчѣпингѣ этотъ житейскій опытъ нѣсколько расширился, несмотря на ограниченный кругъ новыхъ людей, съ которыми она тамъ встрѣчалась, и несмотря на то, что она большую часть времени проводила со знакомыми тетуски Густавы, которые даже по понятіямъ Нольчѣпинга считались отсталыми. Тамъ она получила также первый толчокъ къ умственнымъ интересамъ. Да, такъ это и было, несмотря на всѣ гримасы, которыя мы строимъ при мысли о «литературномъ кружкѣ». Правда, тамъ было много смѣшного, и большая часть членовъ находила «чтеніе» довольно скучнымъ, а то, что читалось, было часто ниже посредственности, и многіе уходили изъ кружка, не получивъ никакой умственной пищи.

Но дитя природы со своей безграничной жадной знанія не критиковало и не спрашивало ни о формѣ кубка, ни о цвѣтѣ напитка. Эва Бергъ восхищалась прекраснымъ и добрымъ, часто находила удовольствіе даже въ банальномъ и реагировала скукой и невниманіемъ во время чтеній на все, что не могло принести ей никакой пользы. Даже ея наивное восхищеніе всѣмъ, чего она не понимала, но что казалось прекраснымъ, не могло повредить ей.

Въ то же время для нея стали яснѣе отношенія между мужчиной и женщиной, когда они, какъ бы играя, такъ безразсудно мучаютъ другъ друга. Дверь въ эту новую область лишь едва пріотворилась для нея, и она увидала до смѣшного мало; однако, покидая Нольчѣпингъ, эта двадцатиднолѣтняя дѣвушка знала о любви приблизительно столько же, сколько знаютъ дѣвочки-подростки въ старшихъ классахъ городскихъ школъ.

Въ то время въ Нольчѣпингѣ не было ни опасныхъ, ни безчестныхъ ухаживателей, во всякомъ случаѣ Эвѣ не приходилось съ ними

встрѣчаться,—и флиртъ молодыхъ людей не выходилъ за предѣлы старинныхъ приемовъ: крѣпкаго «прижиманія» во время танцевъ, пожатія рукъ въ углахъ и послѣ большихъ баловъ поѣздки на саняхъ или рождественскихъ вечеринкахъ съ большимъ количествомъ пунша, дерзкой попытки во время «провожданія домой» поцѣловать подъ воротами дѣвушку, не предложивъ ей предварительно руку и сердце.

Однако даже въ «литературномъ кружкѣ» молодые люди обмѣнивались пламенными взорами, на лѣстницѣ фрѣкенъ Ловизы жали руки дѣвушкамъ изо всей силы, а по дорогѣ домой велись задушевные разговоры.

При своей великой наивности и неопытности Эва могла бы быть легкой добычей; но магистеръ Лундбергъ, который сдѣлалъ ее предметомъ своего ухаживанія, нашелъ, къ своему удивленію, что она не терпитъ даже малѣйшаго рукопожатія, если только не читаютъ «Пранпорцияка Столя», да и то въ первый разъ. А противъ болѣе глубокаго чувства она была застрахована вслѣдствіе того страданія, которое ей причинилъ Юсифъ Росенъ, самъ не подозрѣвая этого, хотя это страданіе теперь уже не такъ угнетало ее сердце.

Это неправда, что каждый мужчина и каждая женщина рано или поздно должны испытать великое, истинное, все превышающее чувство къ единственной женщинѣ или мужчинѣ, чувство, которое настоятельно говорить: «*Этотъ* человекъ будетъ принадлежать мнѣ», или «*долженъ былъ бы* принадлежать мнѣ» (если встрѣчаются слишкомъ поздно) «и моя жизнь была бы счастлива». Большая часть изъ насъ имѣетъ такия покладистыя и эластичныя сердца, что для нихъ существуетъ множество мужчинъ и женщинъ, которыхъ они могли бы любить и которымъ они могли бы подарить счастье, недорогое и во множествѣ экземпляровъ. Нѣкоторые изъ насъ слишкомъ любятъ самихъ себя и не могутъ заставить свое сердце проникнуться истиннымъ и великимъ чувствомъ къ другому существу. Другіе проявляютъ способности виртуозовъ въ смыслѣ умѣнья любить многихъ другъ за другомъ прекрасной любовью или даже любить нѣсколькихъ заразъ, если не прекрасной, то довольно пылкой любовью. А что касается до женщинъ, то миллионы изъ нихъ не имѣютъ и понятія о томъ, что такое великая и истинная любовь, пока ихъ дѣти не научатъ ихъ этому.

Передъ тѣмъ какъ возвращаться домой, Эва купила себѣ книгъ на четырнадцать риксдалеровъ (изъ двадцати, которые ей подарилъ отецъ), на четыре риксдалера маленькихъ рождественскихъ подар-

ковъ брату и сестрѣ. Два риксдалера она дала Юганнѣ, старой служанкѣ тетушки.

Магистеръ Лундбергъ давалъ ей совѣты въ книжномъ магазинѣ, но главнымъ образомъ она руководствовалась своимъ инстинктомъ, который, къ счастью, указалъ ей на книги, служившія для нея источникомъ радости и утѣшенія и облегчавшія ей работу въ домѣ.

Время проходило дома однообразно и даже безслѣдно, если искать какихъ-нибудь особенныхъ событій, какъ пунктовъ сосредоточія воспоминаній. Между тѣмъ Элинъ стала взрослой дѣвушкой, а что касается до Акселя, то папа напрягъ всѣ усилія въ смыслѣ экономическихъ комбинацій и отправилъ своего сына въ городъ въ школу.

Не одно только государство проявляетъ несправедливость, давая мужчинамъ безвозмездно высшее образованіе, тогда какъ одиночныя попытки на поприщѣ женскаго образованія оно облагаетъ данью и беретъ себѣ «на чай» съ каждой предприимчивой женщины, имѣющей дерзость высунуть кончикъ своего носа за предѣлы стѣнъ народной школы. И частные люди, которые принуждены жить въ деревнѣ и у которыхъ денегъ мало, поступаютъ такимъ же образомъ: они соскребаютъ послѣднее, чтобы отправить мальчика въ городъ въ школу, тогда какъ на образованіе дѣвочекъ не обращаютъ особаго вниманія.

Однако Элинъ въ этомъ отношеніи находилась въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели Эва. Она была здоровѣе сестры и у нея былъ неистощимо веселый нравъ. Кромѣ того, она имѣла вѣрную опору въ старшей сестрѣ и въ ея горячей привязанности. Съ каждымъ годомъ пятилѣтняя разница въ ихъ возрастѣ сглаживалась и становилась незамѣтна: онѣ были товарищами по работѣ и друзьями, которые дѣлятъ пополамъ и горе и радость. И Эва дѣлала достояніемъ младшей сестры тѣ крохи, которыя она приобрѣла въ смыслѣ знанія жизни; она поправляла также Элинъ самыя возмутительныя ошибки въ тѣхъ немногихъ письмахъ, которыя ей приходилось писать.

Надо еще сказать, что такая отрѣзанность, какими были Бюктарюдъ и Брантелидъ во время дѣтства Эвы, теперь не могла болѣе существовать. Южное полотно желѣзной дороги проводилось на разстояніи полмили отъ усадьбы, и почта получалась черезъ день. Лѣсоторговцы и комиссіонеры по продажѣ земель наводнили деревню, цѣны на хлѣбъ понизились, тогда какъ лѣсъ и скотъ повысились въ цѣнѣ, молочные продукты получили сбытъ, въ деревнѣ Бюктарюдъ строили ферму, — казалось, будто все старое селеніе ожило, заволодалось въ какихъ-то мучительныхъ потугахъ. Даже самъ патронъ Бергъ выстроилъ у себя въ имѣніи каменный скотный дворъ, сорвалъ

съ крыши дома старыя щепки и привезъ съ желѣзно-дорожной станціи черепицу.

Одно изъ тѣхъ именъ, которое чаще всего произносилось въ эти дни нововведеній, было имя Торстена Гудмундсона. Онъ строилъ по подряду сторожки на желѣзно-дорожной линіи, и черезъ него также новая ферма на акціяхъ приобрѣла свою паровую машину. Если случалось, что покупатель предлагалъ слишкомъ низкую цѣну за участокъ лѣса, то собственникъ грозилъ: «Нѣтъ, ужъ я лучше подожду приѣзда Торстена Гудмундсона». А если кто-нибудь нанималъ на станціи товарные вагоны, то смотритель спрашивалъ писаря: «Говорилъ ли Гудмундсонъ, сколько вагоновъ *ему* надо на этой недѣлѣ?».

Одни говорили, что онъ сынъ разносчика изъ Вестеріетланда, другіе,—что онъ началъ свою карьеру въ качествѣ приказчика въ Норландѣ. Но всѣ сходились на томъ, что «этотъ человекъ не дуракъ и чортovski ловокъ». О томъ, что онъ обѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ превратиться въ большую шишку, можно было уже заключить изъ того, что, когда добродушный, но сановитый и старый епископъ изъ Вексіо, Хульманъ, возвращался изъ Іёнчепинга послѣ освященія новой церкви и остановился на станціи, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, то Гудмундсонъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Меня зовутъ Гудмундсонъ. Что вы скажете, господинъ Хульманъ, о стаканчикѣ тодди?

Опять стояло скверное лѣто. Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились въ первый разъ съ Брантелидомъ, прошло десять лѣтъ. Но теперь были будни, и все жило и работало, такъ что, когда во дворъ въѣхала коляска, то Эва должна была спустить засученные рукава своего ситцеваго платья, такъ какъ она была занята стиркой, и принять гостя,—всѣмъ остальнымъ было еще неудобіе бросать работу.

Гость былъ молодой человекъ, высокаго роста, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, румяный и бѣлокурый, одѣтый старательно и слишкомъ нарядно для такого медвѣжьяго угла въ деревнѣ. У него были усы, голубые, живые глаза и энергичный носъ, а въ остальномъ, мнѣ кажется, онъ соответствовалъ тому, что матримоніальныя объявленія подозрѣваютъ подъ «благопріятной наружностью».

Ловкимъ и сильнымъ прыжкомъ онъ очутился прямо изъ экипажа на крыльцѣ въ тотъ моментъ, когда Эва, поспѣшившая въ домъ черезъ кухонную дверь, вышла на крыльцо.

— Осмѣлюсь ли я быть настолько назойливымъ и спросить, не вы ли фрѣкенъ Бергъ, дочь землевладѣльца Берга? Простите, меня зовутъ Гудмундсонъ, купецъ Гудмундсонъ.

«Фрѣкенъ», «землевладѣлецъ»... Эвъ показалось, что въ Бран-

теплѣ вдругъ распространилась атмосфера новыхъ временъ. Вѣдь она такъ мало видѣла свѣта, и она почувствовала себя смущенной при видѣ этого человѣка, о которомъ она такъ много слышала. Но видѣть съ тѣмъ она инстинктивно угадывала въ немъ вульгарныя черты высочки.

— Пожалуйста, войдите! Мой отецъ сейчасъ возвратится домой. Онъ пошелъ ненадолго въ лѣсъ.

— Благодарю васъ почтительнѣйше! Ахъ, я надѣюсь, что вы будете такъ добры, фрѣкенъ, и «поконсервируете» со мной въ ожиданіи господина землевладѣльца? Такъ вы говорите, онъ въ лѣсу? А здѣсь, я думаю, лѣсъ недурный?—спросилъ онъ, когда они расположились въ гостиной.

— Да, лѣсъ хорошій,—отвѣтила Эва, которая въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ слышала, какъ отецъ радовался, что лѣсъ приобрѣлъ цѣнность съ тѣхъ поръ, какъ начали проводить желѣзную дорогу.

Послѣ этого разговоръ оборвался. Гудмундсонъ сидѣлъ и въ упоръ, не отрываясь, смотрѣлъ на Эву своими большими, веселыми глазами, которые, какъ будто, становились еще веселѣе по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ. Эвѣ было теперь двадцать шесть лѣтъ, и ея медленно развивавшаяся фигура приобрѣла, наконецъ, вполне гармоничныя очертанія, а тонкія черты лица потеряли грустный отпечатокъ болѣзненности. Вообще она производила необыкновенно пріятное впечатлѣніе своею внѣшностью, и это впечатлѣніе еще увеличивало бѣдное ситцевое платье, плотно облегавшее фигуру, и великолѣпныя волосы, заплетенныя въ одну косу и лежавшія пышнымъ узломъ на головѣ, форма которой была испорчена бывшими тогда въ модѣ боковыми вальками.

— У васъ, вѣроятно, много дѣлъ въ нашихъ мѣстахъ?—спросила Эва, смущенная этимъ упорнымъ осмотромъ.

— Да, собственно я одинъ занимаюсь тѣми дѣлами, о которыхъ стоитъ говорить въ здѣшней мѣстности,—отвѣтилъ онъ самодовольно.

— Вотъ какъ.

— А кромѣ того я занимаюсь различными дѣлами въ другихъ мѣстахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

Онъ задумчиво перебиралъ вязаную салфетку на предиванномъ столѣ. Потомъ онъ вдругъ поднялъ голову и прибавилъ:

— И по большей части дѣла эти хорошія.

— Это пріятно слышать,—отвѣтила Эва искренно.

Но вотъ, наконецъ, появился папа.

Гудмундсонъ прѣхалъ торговать у патрона Берга лѣсъ и этотъ послѣдній согласился продать одинъ участокъ.

Поднялся вопросъ о цѣнѣ.

Бергъ заломилъ, какъ ему казалось, порядочную цѣну, но Гудмундсонъ внутренно улыбнулся надъ тѣмъ, что собственники лѣсовъ, расположенныхъ вдоль желѣзно-дорожной линіи, имѣютъ такое превратное понятіе о цѣнахъ на лѣсъ. Но по наружности онъ остался серьезнымъ и принялъ даже нѣсколько озабоченный видъ, когда услышалъ цѣну. Онъ предложилъ три четверти цѣны, причемъ Бергъ готовъ былъ подпрыгнуть на стулѣ отъ радости, но притворился нѣсколько обиженнымъ такимъ предложеніемъ и получилъ прибавку въ 300 кронъ.

Старинное гостепрѣимство было еще въ ходу въ этомъ деревенскомъ углу, а продажа лѣса была довольно важнымъ дѣломъ въ скромныхъ обстоятельствахъ. А потому Гудмундсонъ, которому необходимо было прѣзжать въ тѣ мѣста по дѣламъ, часто гостилъ въ семействѣ Бергъ.

Онъ приобрѣлъ расположеніе всѣхъ членовъ семьи. Папа находилъ его щедрымъ и аккуратнымъ въ дѣлахъ; мамѣ онъ нравился тѣмъ, что былъ вѣжливѣ молодыхъ людей въ Ньютарюдѣ, а Элинъ находила, что онъ очень остроуменъ. Акселя онъ всецѣло завоевалъ перочиннымъ ножикомъ, какого во всей школѣ ни у одного мальчика не было: четыре лезвія и три различныхъ инструмента. Кому онъ меньше всѣхъ нравился и кого больше всѣхъ возмущали его манеры выскочки, — была Эва. А между тѣмъ становилось все яснѣе, что для нея-то онъ и приходилъ.

Однажды въ декабрѣ, когда погода была сырая, дороги непроходимы отъ грязи, работа давила своей тяжестью, а въ домѣ было неуютнѣ обыкновеннаго, такъ какъ и гардины, и мебельные чехлы были отданы въ стирку, появился онъ, самодовольный, сильный и здоровый, вычурно элегантнѣй и съ драгоцѣнной булавкой въ галстугѣ, почтительный и влюбленный выше ушей.

А всю осень въ той мѣстности только и говорили о великолѣпныхъ дѣлахъ Гудмундсона.

Потому-то, когда онъ остался съ ней наединѣ, взялъ ее за руку и, вспыхнувъ до корней волосъ, сказалъ:

— Фрѣкенъ Эва, осчастливьте меня на всю мою жизнь, будьте такъ любезны и согласитесь быть моею женой! — то она дала ему свое согласіе.

Ничто не говорило въ его пользу, но не было и ничего достаточ-

но серьезнаго, что говорило бы противъ него. Ея сердце молчало съ тѣхъ поръ, какъ его заставилъ заговорить Юсифъ Росенъ, и съ тѣхъ поръ въ ея сердцѣ не осталось даже и отзвука прошлаго. Она сохранила только чувство признательности къ человѣку, который понималъ ее, и смотрѣла на весь этотъ эпизодъ изъ ея жизни, какъ на дѣтскія мечты, порожденныя одиночествомъ. Виѣсть съ тѣмъ она прониклась увѣренностью, что то чувство, о которомъ она имѣла лишь смутное представленіе, и которое описывалось въ книгахъ, какъ самое прекрасное на свѣтѣ, никогда больше не завладѣетъ ею.

Но когда онъ обнялъ ее своими сильными руками, какъ если бы она была его собственностью, то въ ея головѣ пронеслось воспоминаніе о боа, котораго она видѣла на ярмаркѣ въ Нольчѣпингѣ, и который обвивался вокругъ одной молодой дѣвушки. А вечеромъ, прежде чѣмъ лечь спать, она смывала его поцѣлуи со своихъ губъ до тѣхъ поръ, пока кожа не начала горѣть.

Но вотъ наступилъ рождественскій сочельникъ, и онъ надѣлъ на ея палецъ символъ обрученія и осыпалъ ее прекрасными и дорогими подарками, которыми были надѣлены также и остальные члены семьи.

Свѣчки на елкѣ погасили. Онъ стоялъ съ ней у окна и, обнявъ ее за талию, прильнулъ щекой къ ея прекраснымъ каштановымъ волосамъ и оба они задумчиво смотрѣли на снѣгъ, на голыя деревья и на тихія звѣзды. Она подняла голову и, посмотрѣвъ ему въ глаза, прошептала:

— А я такъ мало могла тебѣ дать, только двѣ-три вещицы, сработанныя моими собственными руками.

Тогда онъ протянулъ свободную руку къ столу съ рождественскими подарками и сказалъ съ жестомъ пренебреженія:

— Какъ я всю эту мелочь своей головой. Это совершенно то же самое, моя милая Эва.

Она обхватила его шею руками и поцѣловала его совершенно добровольно. И этотъ поцѣлуй оставался на ея горячихъ губахъ всю рождественскую ночь, въ которую она мечтала объ удобствахъ богатаго дома и о часахъ, которые бьютъ одинъ за другимъ, а ей не надо вставать, чтобы приниматься за какую-нибудь работу, такъ какъ другія руки исполнять ее.

Но странно, она какъ-то умышленно старалась не представлять себѣ въ этомъ домѣ Торстена Гудмундсова.

Перев. М. Благовѣщенская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ пустынь.

Въ океанъ сухомъ я плыву. Мой каякъ—
Мой верблюдъ; онъ качаетъ меня.
Ослѣпительнымъ блескомъ сверкающихъ пикъ
Нижутъ воздухъ лучи полудня.

Тяжелѣютъ глаза. Я плыву такъ давно,
Что состарилось сердце мое.
Надо мной небеса, а пустыня ихъ дно.
Бытiе или небытiе?

Воздухъ, зыблясь, бѣжитъ, льется точно вода.
Все пески, и безмолвье ихъ стражъ.
Кругъ очерченъ судьбой. Никуда—никогда.
Средь миражей я блѣдный миражъ.

А. Федоровъ.

Исторія о томъ, какъ монна Пиа-ди-Толомеи, будучи невиной, погибла по волѣ жестокаго супруга.

„...Ricorditi di me che son la Pia...
Sienna mi fe, disfece mi Maremma“.
(Dante, Purg., Canto V).

Въ горной Сиеннѣ,—городѣ св. Маріи, любимомъ художниками, гдѣ родился Дучіо, прославившійся тихой красотой своей Мадонны,—жилъ нѣкогда знатный дворянинъ Нелло Паннокіески, синьоръ Кастель ди-Пьетра, взявшій себѣ въ супруги прекрасную Пиа ди-Толомеи. Оба принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Сиенны, и не отличались другъ отъ друга ни происхожденіемъ, ни богатствомъ, но весьма отличались возрастомъ и нравомъ: Нелло Паннокіески насчитывалъ пятьдесятъ зимъ и былъ суровъ, мраченъ и жестокъ, тогда какъ монна Пиа всего двадцать весенъ дышала воздухомъ родныхъ горъ, и была кротка, прекрасна и веселаго нрава. Гдѣ была монна Пиа, тамъ, казалось, солнце свѣтило ярче, ибо румяныя уста ея всегда улыбались, смѣхъ звучалъ, какъ журчаніе весенняго горнаго ручья, и подобно нѣжному вѣтерку на разсвѣтѣ вѣяла отъ нея ласковая привѣтливость. Для каждаго находила монна Пиа доброе слово и пріятный взглядъ, хотя бы человекъ стоялъ ниже ея, и былъ бѣденъ или въ немилости.

Любила она также увеселенія, и ни одинъ турниръ въ Сиеннѣ, ни одно состязаніе пѣвцовъ не проходили безъ ея присутствія. Часто ей, какъ одной изъ знатнѣйшихъ дамъ города, приходилось награждать побѣдителя вѣнкомъ или перевязью, и рыцари мечтали о счастіи получить награду изъ бѣлыхъ рукъ ея, а трубадуры, преклоняя колѣни, воспѣвали ея въ стихахъ, называя «сладчайшею алою розой». Сама монна Пиа прекрасно пѣла и играла на виолѣ и на лютнѣ, а въ танцахъ превосходила всѣхъ плавностью и красотой своихъ движеній. Не одинъ художникъ—ибо въ Сиеннѣ почти не было

дома, гдѣ бы кто-нибудь не былъ охваченъ сладкой любовью къ искусству,—когда писалъ Мадонну и сопровождающихъ ее святыхъ дѣвственницъ,—старался передать на холстѣ воспоминаніе свое о моннѣ Піа, о ея темныхъ, шелковистыхъ вудряхъ и лебединой шеѣ и тонкихъ черныхъ бровяхъ, изогнутыхъ нѣжными полукругіями, подобными аркамъ мавританскихъ дворцовъ, надъ глазами цвѣта играющаго золотомъ топаза.

При всемъ томъ, монна Піа была весьма добродѣтельна и благочестива. Каждое утро присутствовала она на мессѣ; каждый день собственноручно раздавала милостыню всѣмъ приходившимъ къ ней; соблюдала посты и чтила своего супруга.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Сиенну раздирала междоусобная война. Знатнѣйшіе дома города—Толомеп, Салимбени, Малавольти, Пикколомини и многіе другіе находились въ постоянной враждѣ. Не проходило дня, чтобы гдѣ-нибудь въ темномъ закоулкѣ не поднимали какого-нибудь благороднаго синьора, пораженнаго въ грудь мечомъ открытаго врага или въ спину кинжаломъ наемнаго убійцы. Свирѣпая ненависть и кровавая месть витали надъ городомъ и постоянно вызывали новыя возстанія. Но наступали иногда промежутки, когда всѣ какъ бы утомлялись отъ напряженной вражды, и нѣкоторое время не было слышно о новыхъ убійствахъ. Тогда члены враждующихъ домовъ встрѣчались и даже разговаривали другъ съ другомъ,—и въ одинъ изъ такихъ промежутковъ прекрасная Піа и стала женою Нелло Паннокіески, и думали, что это положить конецъ междоусобіямъ. По этому поводу даны были большія празднества, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней вся Сиенна пировала, ибо и простые граждане страдали отъ распрей знатныхъ семействъ, такъ какъ каждый принужденъ былъ открыто стоять за того или другого, и въ кровавыхъ стычкахъ быть готовымъ пожертвовать жизнью за чужое оскорбленіе. Поэтому матери, жены и невѣсты—всѣ были рады браку синьора Нелло, и особенно восхищались ясною красотой новобрачной, говоря:

— Она какъ розовая заря взойдетъ надъ ночью вражды, и прогонитъ ее своей ангельской улыбкой.

Дѣйствительно, долгое время послѣ этого брака все было тихо и благополучно въ Сиеннѣ. По ночамъ рѣдко слышался тревожный рогъ или звонъ набата, заставляющій мужчинъ вскакивать и съ мечомъ выбѣгать на улицу, а женщинъ—видаться на колѣни передъ статуей Мадонны, охранявшей скромное жилище.

Монна Піа, несмотря на жестокой нравъ стараго супруга, цвѣла подобно розѣ въ пышномъ дворцѣ Кастель ди-Пьетра, и невинно

радовалась жизни, — и радовались всё вокруг нея. Окружавшія ее молодыя дѣвицы изъ дворянскихъ семействъ, проживавшія во дворцѣ, были для нея не столько прислужницами, сколько подругами. Работа у нихъ чередовалась съ пѣніемъ, танцами и хороводами. Госпожа сама дарила имъ наряды, ожерелья и пряжки, сама часто убирала имъ волосы и украшала ихъ цвѣтами. Такъ что кто попадалъ впервые во дворецъ Паннокіески, и видѣлъ, какъ монна Пиа, окруженная юными красавицами въ свѣтлыхъ одеждахъ и съ вѣнками на волосахъ, поетъ или работаетъ, или учитъ ихъ граціозной пляскѣ — тому казалось, что онъ проникъ въ волшебные сады феи Морганы и видитъ толпу воздушныхъ призраковъ.

Зимой, когда въ Сиеннѣ выпадаетъ густой снѣгъ и дуетъ рѣзкій вѣтеръ съ горъ, во дворцѣ продолжало царить молодое веселье. Собираясь вокругъ пылающаго очага, слушали рассказы пилигримовъ, возвращавшихся изъ святой земли, — о гробѣ Господнемъ, о чудѣ только что свершившемся въ Лоретто, куда ангелы перенесли изъ Назарета хижину дѣвы Маріи; или же призывали странствующихъ торговцевъ и покупали у нихъ аравійскіе духи, сарацинскій бархатъ, жемчуга изъ Индіи, палестинскую розовую воду и сладости, которыя дѣлають женщины въ Дамаскѣ. Или же слушали трубадуровъ и вздыхали надъ печальною судьбою Рюделя, любившаго графиню Триполійскую и о томъ, какъ она послѣ его смерти ушла въ монастырь, но раньше велѣла списать его стихи золотыми буквами и изъ всѣхъ своихъ несмѣтныхъ богатствъ только ихъ и взяла съ собою въ обитель.

Иногда же устраивались пиры и праздники въ большой дворцовой залѣ, такъ какъ синьоръ Паннокіески любилъ, чтобы знали и прославляли его богатство и роскошь.

На этихъ празднествахъ многіе кавалеры окружали хозяйку дома и вздыхали по ней; но упорнѣе всѣхъ преслѣдовали ее своимъ вниманіемъ двое: Пандольфо Уберти — другъ и товарищъ по походамъ самого Нелло Паннокіески, — и вѣжливый Агостино Гизи, молодой человекъ, прекрасный собою, высокаго роста и необыкновеннаго изящества, такъ что, когда онъ показывался въ залѣ, всѣ взоры слѣдили за нимъ съ восхищеніемъ, и даже женская красота меркла передъ нимъ.

Оба они съ сожалѣніемъ смотрѣли на монну Пиа, отданную, какъ имъ казалось, несправедливо такому суровому и тяжелому человеку, каковымъ былъ Нелло Паннокіески, — о которомъ кромѣ того всѣ знали, что онъ не чтитъ святости брака и не сохраняетъ супружеской вѣрности своей молодой женѣ, предпочитая ея обществу и мирнымъ ра-

достаямъ домашняго очага—попойки въ народныхъ тавернахъ, гдѣ темноглазыя служанки подливали ему въ кубокъ сладкаго и крѣпкаго Монте-Пульчiano и сажались къ нему на колѣни съ веселымъ хохотомъ.

Синьоръ Уберти не боялся выражать моннѣ Пii свое удивленіе и, не взирая на ея недовольство, пробовалъ очернить ея супруга въ ея глазахъ, на что добродѣтельная Пiа всегда отвѣчала:

— Оставьте эти рѣчи, мессеръ Уберти, супругъ мой поступаетъ, какъ ему угодно, я же обязана повиноваться ему—и только.

Отчего синьоръ Уберти приходилъ въ великую ярость, забывая, что онъ совершаетъ вдвойнѣ дурное дѣло: старается склонить молодую женщину къ нарушенію своего долга, а также предаетъ своего друга, который не разъ спасалъ ему жизнь въ крестовыхъ походахъ.

Синьоръ же Агостино ничего не говорилъ моннѣ Пii, онъ только глядѣлъ на нее взоромъ, исполненнымъ нѣжности, противъ чего монна Пiа возразить не могла; и невольно эти взгляды подобно лучамъ мѣсяца проникали къ ней въ душу и оставались тамъ. Одинъ только разъ, въ соборѣ, на торжественномъ богослуженіи, синьоръ Агостино сталъ возлѣ чаши со святой водой такъ, чтобы передать ее моннѣ Пii, и когда пальцы ихъ встрѣтились, онъ произнесъ такъ тихо, что никто кромѣ нея не могъ услышать:

— Я умираю!

Святая вода показалась ей жгучей, и, сама не зная какъ, дрожащими губами монна Пiа отвѣтила:

— Я васъ жалѣю, мессеръ!

Но тутъ же стала горько упрекать себя за преступную снисходительность и думала, что совершила великій грѣхъ, послѣ чего три ночи простояла на молитвѣ въ часовнѣ, на каменномъ полу, кладя поклоны до самаго разсвѣта.

Тѣмъ временемъ, изъ-за пустого предлога, опять разгорѣлась распря въ Сиеннѣ. На ярмаркѣ поссорились двое стрѣлковъ Паннокіески и Салимбени; со своей стороны за нихъ вступились ихъ товарищи, дошло дѣло до господъ, схватились за мечи ихъ друзья и родственники,—и въ Сиеннѣ вспыхнула такая рѣзня, какой давно не видали стѣны города. Кончилось это тѣмъ, что отецъ и братья монны Пii въ числѣ многихъ другихъ были осуждены въ изгнаніе и имущества ихъ конфискованы республикой. Большимъ ударомъ было это для монны Пii, тѣмъ болѣе, что она долго и безуспѣшно молила своего супруга о смягченіи участи родныхъ. Затмилась ясность ея глазъ и смолкнулъ звонкій смѣхъ,—но все же она осталась вѣрна своему долгу и не упрекала супруга, снося съ твердостью духа это испыта-

ніе и помня, что долгъ жены повиноваться мужу и раздѣлять во всемъ его желанія, забывая о своихъ.

Въ одно утро, когда монна Піа задумчиво гуляла въ саду со своею любимою прислужницей, Джіанной, къ нимъ подскочилъ дворцовый шутъ, очень ее любившій, и кривляясь, и смѣясь, незамѣтно передалъ ей записку. Записка эта была отъ любимаго младшаго брата Піа, съ которымъ они не видались со времени его изгнанія, и который писалъ ей, что скрывается въ горахъ у пастуховъ и хочетъ ночью пробраться къ ней, чтобы проститься передъ окончательной разлукой, такъ какъ собирается отплыть на островъ Мальту. Синьоръ Федерико былъ четырьмя годами моложе, чѣмъ Піа, и тѣсная дружба связывала ихъ. Еще пушокъ едва показался на его лицѣ, но онъ уже былъ храбрый воинъ, и въ послѣдней битвѣ посвященъ былъ въ рыцари.

Когда монна Піа вспомнила ихъ дѣтскія игры, и подумала, что можетъ быть никогда болѣе не увидитъ своего свѣтлокудраго Федерико, горькія слезы затуманили ея глаза, и она рѣшила непремѣнно повидаться съ нимъ. Она знала, что Джіанна, такъ же какъ и шутъ, охотно умрутъ за нее, и потому держала съ ними совѣтъ—какъ поступить.

Какъ разъ на слѣдующій день синьоръ Нелло и его приглашенные должны были ѣхать на охоту въ горы, и по обыкновенію заночевать въ охотничьемъ домикѣ, чтобы не пропустить восхода солнца. Монна Піа, воспользовавшись этимъ, рѣшила отговориться нездоровьемъ и остаться дома. Шутъ же, котораго звали Пассерелло, за то, что онъ былъ маленькій и сѣдой какъ воробей, обѣщалъ привести синьора Федерико къ воротамъ сада.

Такъ и было сдѣлано. Когда всѣ съ весельемъ и шумомъ уѣхали на охоту, и уже стемнѣло, монна Піа сказала своимъ приближеннымъ, что у нея сильно болитъ голова и она надѣется прогулкой прогнать нездоровье. Взяла съ собою одну Джіанну и вышла въ садъ. У ограды ожидалъ ее вѣрный Пассерелло, и съ нимъ молодой рыцарь, закутанный въ темный плащъ.

Монна Піа бросилась къ нему, Джіанна и Пассерелло ушли, чтобы не мѣшать прощальной бесѣдѣ. Былъ тихій, теплый вечеръ и, когда монна Піа и синьоръ Федерико бесѣдовали, забывъ объ окружающемъ и помня только, что расстаются, быть можетъ, навѣки—въ небѣ показалась луна, и освѣтила бѣлое платье и блѣдное отъ горя лицо монны Піа, синьоръ Федерико же оставался въ тѣни, полускрытый кустами олеандровъ.

Въ это время въ замокъ возвратился синьоръ Уберти. Безпокой-

ство прогнало его съ охоты, все время онъ думалъ, что не напрасно монна Піа, отговорившись нездоровьемъ, осталась дома, такъ какъ она любила удовольствія охоты и была безстрашной наѣздницей— и рѣшилъ провѣрить свои подозрѣнія.

Онъ отослалъ лошадь у перекрестка; самъ же вернулся во дворецъ и пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ расположеніе его, вышелъ не черезъ главную террасу, у которой сторожили Джанна и шутъ, а боговою калиткой. Зеленый охотничій нарядъ его не отличался отъ зелени сада, и какъ тать онъ прокрадывался по дорожкамъ, ступая неслышно по мягкому дерну, когда долетѣлъ до него звукъ заглушеннаго разговора. Притаивъ дыханіе, онъ поползъ за кустами и вскорѣ увидѣлъ монну Піу. При свѣтѣ луны ея нѣжное лицо было очень блѣдно, и въ глазахъ стояли крупныя слезы. Она обвила стройными руками своего шею стоявшаго съ ней, и крѣпко поцѣловала его, произнеся прерывающимся голосомъ:

— Храни тебя Богъ и святая Дѣва, любимый мой! Не забывай меня, и носи это на память обо мнѣ!

И вручила ему сверкнувшее подъ лучомъ луны кровавымъ огонькомъ кольцо, которое синьоръ Уберти хорошо зналъ, ибо неоднократно восхищался величиною украшавшаго его восточнаго рубина.

Синьоръ Уберти стоялъ, сжимая рукоять меча, съ однимъ желаніемъ кинуться на незнакомца, который въ это время съ любовью прощался съ монною Піей. Но поборовъ это желаніе, онъ съ сатанинскою радостью подумалъ о томъ, что монна Піа теперь въ его рукахъ.

Когда молодые люди разстались, наконецъ, и топотъ коня Федерико замеръ въ отдаленіи, а монна Піа, плача и утирая слезы, направилась къ дому— синьоръ Уберти вдругъ вышелъ изъ-за кустовъ и, преградивъ ей дорогу, сказалъ:

— Вотъ какъ, мадонна! Вы лѣчите ваше нездоровье тѣмъ, что при лунномъ свѣтѣ назначаете свиданія молодымъ рыцарямъ?

Монна Піа испугалась, какъ если бы самъ Вельзевулъ предсталъ передъ нею, и отъ испуга на нѣкоторое время какъ бы онѣмѣла, и молча смотрѣла на синьора Уберти, сжимая руки.

Открыть ему, кто былъ съ нею—монна Піа не могла, такъ какъ если бы узнали о самовольномъ возвращеніи изгнанника, то Федерико грозила бы смерть или во всякомъ случаѣ темница. Поэтому тутъ же монна Піа сказала себѣ, что лучше умереть, нежели выдать любимаго брата.

— Теперь тайна ваша въ моихъ рукахъ, но вы можете не дро-

жать за нее!—сказалъ синьоръ Уберти,—если вы согласитесь на иѣкоторыя мои условія.

— Какія?— произнесла поблѣднѣвшими губами монна Пиа и взглянула на него такими глазами, какъ лань смотритъ на ранившаго ее охотника.

Синьоръ Уберти наклонился и прошепталъ ей на ухо нѣсколько словъ, отъ которыхъ монна Пиа вся вспыхнула гордымъ румянцемъ и даръ слова мгновенно вернулся къ ней.

— Оставьте меня, коварный другъ!—воскликнула она.— Легче мнѣ смерть, чѣмъ подобное оскорбленіе. Стыдъ и позоръ да падутъ на вашу голову. Въ ней столько же сѣдыхъ волосъ, сколько у моего супруга, и вы еще рыцарь и другъ его!

Въ оскорбленной невинности своей монна Пиа забыла, что не должна казаться невинной синьору Уберти, и горячо упрекала его.

— Да, я знаю, прекрасная синьора, что блѣокурые волосы болѣе нравятся дамамъ, чѣмъ сѣдые; но смотрите, и сѣдые бываютъ полезны!

— Я не хочу слушать ваши гнусныя рѣчи!—воскликнула монна Пиа,—и прошу васъ оставить меня.

— Берегитесь же, монна Пиа,—вы лишаете меня сладости любви: мнѣ останется одно утѣшеніе—сладость мести!

И съ этими словами синьоръ Уберти повинувъ монну Пиа, оставивъ ее взволнованною и разстроенною его угрозой, которую онъ не замедлилъ привести въ исполненіе.

На слѣдующій день, когда возвратился синьоръ Нелло, другъ его заперся съ нимъ въ его покояхъ и подъ страшной клятвой открылъ ему, что застигъ жену его въ то время, какъ она въ саду ночью прощалась съ какимъ-то юношей, съ любовными словами и слезами и многими вздохами.

Синьоръ Нелло потемнѣлъ, какъ вершина горы, когда ее окутаетъ грозная туча, и спросилъ:

— Добазательство?

— Если тебѣ мало моей клятвы, то спроси у нея, гдѣ перстень съ рубиномъ большой цѣнности и красоты, доставшійся ей отъ матери?

— Благодарю тебя за дружескую услугу,—сказалъ синьоръ Нелло.—Я тебѣ спасъ жизнь какъ-то, помнится. Ты мнѣ дашь также новую жизнь, ибо если то, что ты сказалъ—правда, то жизнь моя измѣнится.

Такъ онъ сказалъ потому, что давно уже задумалъ избавиться отъ своей супруги, пресыщенный ея молодой красотой и недовольный неумѣніемъ отвѣчать на его ласки, ибо цѣломудренная монна Пиа и

будучи женою не узнала искусства любви, которому не сумѣла ее научить старый и развратный супругъ, и хотя никогда не противилась его волѣ, но оставалась холодною, чѣмъ сильно заставляла его сожалѣть о плясуньяхъ и уличныхъ пѣвицахъ, дарившихъ ему искусныя ласки въ охотничьемъ домигѣ.

Послѣ бесѣды съ синьоромъ Уберти, синьоръ Нелло пошелъ въ опочивальню супруги—чего давно уже не дѣлалъ—и тамъ засталъ ее распростертую крестомъ на каменномъ полу передъ аналоемъ. Волосы ея распустились, какъ у Мэгдалины, и волнистыми прядями закрыли бѣлыя плечи. Она молилась такъ горячо, что не замѣтила, какъ вошелъ супругъ ея.

Грознымъ обликомъ онъ заставилъ ее подняться. Трепещущая, блѣдная, она встала и стояла передъ нимъ, какъ передъ строгимъ судьей. Уже изъ одного разстроеннаго вида ея синьоръ Нелло заключилъ, что другъ его правъ и жена дѣйствительно передъ нимъ виновна.

Онъ спросилъ, глядя ей въ глаза:

— Гдѣ у васъ перстень съ рубиномъ, доставшійся вамъ отъ матери?

Сильно смѣшалась монна Пиа. Щеки ея вспыхнули такъ, что видно было, какъ подъ тонкою кожей разлилась благородная бровь. Отведя глаза отъ супруга, она отвѣтила:

— Я потеряла его.

Въ сердцѣ же у нея поднялась буря мучительной тревоги, такъ какъ она поняла, что супругъ предложилъ ей внезапный вопросъ этотъ не даромъ.

— Отчего вы не смотрите мнѣ въ глаза?—спросилъ синьоръ Нелло.

Монна Пиа сдѣлала усилие и подняла глаза на супруга.

Долго стоялъ онъ передъ нею и смотрѣлъ на нее пристально.

Въ глазахъ синьора Нелло никогда не читала его молодая супруга ни нѣжности, ни доброты; но то, что она сейчасъ прочла въ нихъ—строгихъ и каменныхъ, какъ на мозаикахъ собора у гнѣвныхъ пророковъ—заставило ее всю похолодѣть. И сама не зная почему, еще въ эту минуту смертельной тоски, вдругъ вспомнила она другіе глаза, смотрѣвшіе на нее съ тою нѣжностью, съ которою мученики смотрятъ на Мадонну; и закрыла глаза, и пошатнулась. А синьоръ Нелло не сказалъ ни слова, повернулся и вышелъ.

На другое утро синьоръ Паннокіески прислалъ къ супругѣ своей майордома съ приказаніемъ собраться къ отъѣзду въ часъ времени.

Куда и зачѣмъ поѣдутъ они—майордомъ не могъ сказать госпожѣ своей, но сказалъ только, что приготовлена колымага съ мулами, та самая, которую брали въ большія поѣздки; а свитѣ ѣхать не приказано. Когда монна Піа спросила, можетъ ли она взять съ собою Джіанну, то майордомъ объяснилъ ей, что синьоръ Нелло приказываетъ не брать никого и уложить лишь самыя необходимыя вещи.

Поспѣшно собрала монна Піа съ помощью испуганной Джіанны свои платья, нѣкоторыя священныя книги и работу, не зная, что брать и что оставлять, и въ назначенное время была готова и съ біеніемъ сердца ожидала своего повелителя.

Роскошная колымага была подана къ главному входу; монна Піа вышла; синьоръ Нелло вѣжливо подалъ ей руку, помогая садиться. Джіанна упала на колѣни и поцѣловала край платья своей госпожи. Послѣдній взглядъ, который монна Піа увидѣла, выѣзжая изъ дворца, былъ взглядъ синьора Уберти, полный дьявольской радости. Онъ изысканно-учтиво снялъ шляпу и, опустивъ ее до земли, низко поклонился, прибавивъ:

— Счастливаго путешествія, Мадонна!

Колымага покатилаь сначала по знакомымъ горнымъ дорогамъ, мимо оливковыхъ рощъ и виноградниковъ. Долгое время супруги сидѣли въ молчаніи, наконецъ, Піа рѣшилась и спросила:

— Могу я спросить васъ, куда мы ѣдемъ, супругъ мой?

— Вы это достаточно скоро узнаете,—отвѣтилъ синьоръ Нелло, и больше молчаніе не прерывалось.

Монна Піа перебирала свои четки и мысленно просила помощи у неба. Медленно проходило время; день ѣхали они,—останавливались на ночлегъ въ селеніи,—опять ѣхали.

Впереди ихъ бѣжали скороходы и ѣхали двое слугъ съ факелами и двое всадниковъ съ алебардами и луками; сзади тоже четверо всадниковъ.

Солнце уже стояло высоко, когда послѣ ѣзды по безотраднымъ и выжженнымъ равнинамъ, гдѣ иногда, какъ обломки зеркала, блестѣли пятна воды, колымага остановилась у воротъ крѣпкаго замка.

Высокія, толстыя стѣны съ зубцами и четырьмя круглыми башнями по угламъ окружали замокъ; передъ ними шель глубокой ровъ, до половины наполненный водою.

Передовой затрубилъ въ рогъ; заскрипѣли петли, повернулись ржавыя влючи, и медленно спустился на желѣзныхъ цѣпяхъ съ грохотомъ и лязгомъ подъемный мостъ.

Синьоръ Нелло вышелъ, помогъ выйти своей супругѣ и ввелъ ее по мосту во дворъ замка. Когда они вошли, то опять заскрипѣли пет-

ли, и мостъ поднялся, отдѣляя ихъ отъ вѣшняго міра. Пустынный дворъ, гдѣ между камней росла трава, и жилища слугъ, казалось, лишены были жизни; передъ хозяевами шелъ, указывая имъ путь, старый привратникъ, сѣдой и согбенный, съ трясущейся головой и звенящими въ дрожащихъ рукахъ ключами.

Пройдя многіе переходы и крытыя галлерей, супруги вошли въ главную башню и поднялись по винтовой лѣстницѣ въ просторную залу. Тутъ встрѣтило ихъ нѣсколько человѣкъ челяди, мужчинъ и женщинъ, низко поклонившихся имъ, съ козѣнопреклоненіемъ.

Монна Пиа сразу испугалась этихъ людей, такъ какъ всѣ они были странно-блѣдные и похожіе скорѣе на призраковъ, чѣмъ на живыхъ людей. Лица у нихъ были сѣрыя, какъ тѣ камни, изъ которыхъ сложены были крѣпкія стѣны; кожа такъ плотно обтягивала ихъ, что, казалось, можно было сосчитать всѣ кости череповъ. Подобострастные улыбки обнажали безкровныя десны и не отражались въ потухшихъ глазахъ. Даже дѣти были также блѣдны и худы и подходили на маленькихъ стариковъ. И точно живые мертвецы всѣ они кланялись, произнося тусклыми голосами слова привѣтствій, и казалось, что вотъ-вотъ послѣднія лохмотья кожи спадутъ съ нихъ и застучатъ кости скелетовъ одна объ другую.

Въ скудномъ свѣтѣ, проникавшемъ сквозь пробитыя высоко въ толстыхъ стѣнахъ окошки, они казались еще болѣе безплотными, чѣмъ были, и Пиа съ ужасомъ обратила взоры на супруга, желая и не смѣя спросить, что это за люди.

— Я собралъ васъ, чтобы показать васъ госпожѣ вашей! — громко сказалъ синьоръ Паннокіески. — Она прибыла сюда, чтобы остаться здѣсь, пока я буду въ отлучкѣ. Берегите ее, какъ зѣницу ока, и запомните твердо, что я скажу вамъ. Я опасюсь за мою возлюбленную супругу и ввѣряю ее только этимъ стѣнамъ: онѣ надежны и выдержали не одну осаду. Въ этихъ стѣнахъ она можетъ ходить, куда ей угодно, и дѣлать, что ей угодно: но одинъ ея шагъ за стѣны — грозитъ всѣмъ вамъ смертью. Слышите? Вы отвѣчаете мнѣ своей жизнью.

Послѣ этихъ словъ онъ отпустилъ челядь, самъ же обратился къ супругѣ и совершенно спокойно сказалъ ей:

— Вы здѣсь останетесь до моего приказанія. По распоряженію моему вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка, и разъ въ недѣлю капелланъ будетъ служить мессу въ часовнѣ замка, ибо я не желаю оставить васъ безъ возможности вымолить прощеніе своихъ грѣховъ.

— Супругъ мой, въ чемъ вина моя? — прошептала монна Пиа.

— Не притворяйтесь овечкой, Мадонна!—грозно возразилъ синьоръ Нелло.

— Клянусь вамъ, я невинна передъ вами!—воскликнула она.

— Не прибавляйте къ вашей винѣ еще и клятвопреступленія!—зарычалъ синьоръ Нелло, и съ такою силой схватилъ супругу за руки, что изъ-подъ ногтей ея брызнула кровь, и она со стономъ опустилась на колѣни.

Но потомъ онъ разжалъ руки и, не глядя на нее, вышелъ, оставивши ее въ слезахъ размышлять о своей жестокой судьбѣ.

Въ скоромъ времени услышала монна Пиа снова лязгъ цѣпей, возвѣщавшій, что опустился мостъ, прозвучалъ рогъ, созывающій всадниковъ, и опять все стихло.

И долго была полная тишина.

Брѣпокъ и мраченъ былъ старый замокъ; не даромъ страхъ возводилъ толстыя каменные стѣны и высокія бойницы,—недовѣріе ковало тяжелые, чугунные засовы и желѣзныя цѣпи,—жестокость рыла глубокія подземелья, гдѣ томились плѣнники, и хитрость прокладывала тайные подземные ходы въ нихъ.

Извнѣ не проникало никакихъ звуковъ, кромѣ того, и не было обычнаго шума рыцарскаго замка: ржанья коней, лая собакъ, колотушки дозорныхъ стражей, бѣготни челяди, громкихъ шутокъ воиновъ, закованныхъ въ желѣзные доспѣхи и тяжелаго стука ихъ шаговъ по каменнымъ коридорамъ. Казалось моннѣ Пии, что она попала въ мрачное царство смерти.

Долго сидѣла она недвижно на скамьѣ, на которую опустилась по уходѣ супруга,—какъ бы зачарованная непривычной тишиной, стараясь собрать разстроенныя мысли, и утѣшая себя, что гнѣвъ супруга скоро пройдетъ, что когда Федерико будетъ въ полной безопасности—тамъ, гдѣ власть Сиенны не достигнетъ его,—она все откроетъ синьору Нелло, и онъ возвратитъ ей свою милость. Она вытерла слезы и рѣшила предать себя въ руки святой Дѣвы, покровительницы всѣхъ страждущихъ женскихъ сердець. Супругъ ея сказалъ, что здѣсь есть часовня, а тамъ, гдѣ есть Божій храмъ, она уже не будетъ одинокой.

Монна Пиа хлопнула въ ладоши, привыкши, что на это всегда является одинъ изъ маленькихъ пажей, дремлющихъ за дверями. Но на зовъ ея вошелъ не пажъ. Отворилась дверь, и показалась юная дѣвушка, почти дитя, съ волосами цвѣта темной мѣди и очень блѣлымъ лицомъ.

Она была тонка, какъ стебель цвѣтка, и казалась такою слабой, что малѣйшаго дуновенія вѣтра довольно было бы, чтобы сломать

ее. Руки ея были такъ прозрачны, что всё голубыя жилки ясно выступали на нихъ. И голосъ у нея былъ тихій и нѣжный, какъ звонъ порвавшейся струны.

— Что угодно мадоннѣ?—спросила она.

— Кто ты, дитя мое?—въ свою очередь, удивившись, спросила монна Пиа.

— Я Симонетта, внучка стараго Филиппо, привратника замка. Мнѣ приказано ходить за госножей. Я буду служить вамъ вѣрно.

— Благодарю тебя, Симонетта!—отвѣтила монна Пиа, съ сожалѣніемъ глядя на молодую дѣвушку, —но сможешь ли ты служить мнѣ. Ты кажешься такою слабенькой: здорова ли ты?

— Я здорова!—съ удивленіемъ отвѣтила дѣвушка, —мы всё такіе, всё, кто родился и живетъ въ Мареммахъ. Развѣ вы не знаете этого, госпожа моя?

Тутъ поняла монна Пиа, почему такими зловѣщими призраками показались ей всё обитатели замка, —ибо хорошо она знала, что такое Мареммы, —и знала, что кто родился и живетъ въ Мареммахъ, тотъ чахнетъ и блѣднѣетъ, и вянетъ, и рано покидаетъ этотъ міръ. Но не знала она того, что если кто изъ другой страны очутится здѣсь—ядовитое дыханіе Мареммъ несетъ ему быструю смерть.

Сердце ея преисполнилось жалости къ юной дѣвушкѣ, похожей на увядающую травку. Она съ ласкою положила руку на голову Симонетты и сказала:

— Я рада, что ты не больна, и я буду тебѣ доброй госножею.

Послѣ этого Симонетта показала моннѣ Пии ея покой, рядомъ съ которымъ была молельня. Молельня была затянута чернымъ бархатомъ, на которомъ вышиты были черепа, и два черепа лежали подъ Распятіемъ, и надписи гласили о страшномъ судѣ, о вѣчныхъ мукахъ и о томъ, что надо бояться Божьей кары.

Но духовникъ монны Пии былъ пламенный почитатель и послѣдователь святого Франциска Ассизскаго; онъ научилъ ее, что Богъ—есть любовь, и потому не бояться надо его, а только любить, —и монна Пиа не устрашилась зловѣщихъ надписей, сдѣланныхъ людскими руками.

Въ своемъ покоѣ монна Пиа нашла небольшой балконъ, выступающій впередъ, съ него можно было видѣть далеко кругомъ. Тянулись болотистыя пастбища, заросшія тростникомъ лагуны и совсѣмъ вдали сверкала полоска моря. Не было видно нигдѣ жилья, только покинутыя лачуги пастуховъ, которые на все лѣто уходили въ горы, такъ какъ лѣтомъ жизнь среди стоячихъ и гнѣющихъ водъ была невозможна.

Ровно и плоско было все вокругъ; выжженные поля чередовались съ пространствами воды, въ которой отражалось красное отъ близкаго захода солнца небо. Солнце, малиновое и такое, что не было больно смотрѣть на него, опускалось въ зловѣщей дымкѣ въ море, и кругомъ поднимались и ползли бѣлыя какъ бы полосы тончайшей тлани; это были болотныя испаренія, они затягивали понемногу все кругомъ, и скоро не было видно ни полей, ни воды, — одна бѣлая мгла, сквозь которую видѣлся тяжелый шаръ тлѣющаго солнца.

Странная прохлада коснулась щекъ и груди монны Піи, и какъ бы кто-то невидимый обвѣялъ ее ледянымъ дыханіемъ.

Она вздрогнула, и въ это время Симонетта сказала ей:

— Не оставайтесь на воздухѣ, госпожа моя, закатные туманы несутъ злыя чары.

Сама она была бѣлѣе полотна, и глаза ея, обведенные темными кругами, словно провалились въ глубину и горѣли.

Она увела госпожу свою внутрь покоя, и взяла ея руки, стараясь согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ; но хотя дыханіе ея жгло, какъ вѣтеръ, прилетающій съ береговъ Африки, руки монны Піи стали холодѣе, чѣмъ руки мраморныхъ изваяній, отдыхающихъ послѣднимъ сномъ на гробницахъ Сиеннскаго собора. Симонетта укутала госпожу свою въ мѣха и принесла ей кубокъ вина, и сидѣла у ногъ ея, — тихо рассказывая ей, какъ они живутъ здѣсь, не видя никого, не выходя почти изъ стѣнъ замка, — пока монна Піа не забылась сномъ.

На утро, проснувшись и сотворивъ молитву, монна Піа увидала яркіе солнечные лучи, игравшіе на стѣнахъ ея покоя, и на душѣ у нея стало мирно и радостно. Она рѣшила спокойно ожидать переменъ своей судьбы и предаться молитвѣ и работѣ. Къ счастью и книги, и работу взяла она съ собой; нашла также здѣсь прялку и пяльцы. Обошла весь замокъ, ближе ознакомилась со своими слугами, спросила, какъ кого зовутъ; приласкала блѣдныхъ и жалкихъ дѣтей. Она проходила, сіяющая юною прелестью, съ невинными какъ у ребенка глазами цвѣта играющаго золотомъ топаза, съ улыбкой на устахъ, въ богатомъ свѣтломъ платьѣ, по мрачнымъ коридорамъ среди покрытыхъ проказой сырости и плѣсени стѣнъ — и слуги смотрѣли ей вслѣдъ и тяжело вздыхали, а женщины складывали дрожачія руки и блѣдными, увядшими устами шептали молитву о спасеніи ея.

Увидавъ во дворѣ растущій въ большомъ количествѣ душистый желтоцвѣтникъ, монна Піа хотѣла нарвать его къ Распятію, но Симонетта остановила ее со словами:

— Нѣтъ, мадонна, берегитесь этихъ цвѣтовъ! Ихъ благоуханіе отнимаетъ всѣ силы у человѣка.

День прошелъ за работой, за чтеніемъ и въ бесѣдѣ съ Симонеттой. Но когда солнце начало клониться къ закату, смертельный холодъ вдругъ охватилъ монну Піу.

Лицо ея поблѣднѣло и приняло синеватый оттѣнокъ, который бываетъ у мертвецовъ. Шелковистая кожа ея прекрасной бѣлой груди стала странно неровной; работа выпала изъ поледенѣвшихъ рукъ; она вскрикнула, такъ какъ сильно укололась, но кровь не полилась изъ ранки и только выступила маленькой черной каплей. Глубоко впали глаза и обружились синеватой тѣнью; въ одно мгновеніе она цвѣтущее лицо красавицы Піи стало похожимъ на ликъ покойницы.

— Что со мною, Симонетта?—воскликнула монна Піа, и не могла говорить, такъ сильно стучали ея зубы. Все тѣло тряслось, какъ отъ сильнѣйшаго мороза. Ей казалось, что ледяная смерть схватила ее въ свои объятія и не выпускаетъ. И вдругъ, точно бы она сразу потеряла упругую силу и округлость нѣжнаго тѣла, съ руки ея упалъ перстень и звеня покотился по каменному полу; это показалось ей дурнымъ предзнаменованіемъ, но было только потому, что ознобъ такъ стянулъ ея кожу, что перстень сталъ слишкомъ широкимъ.

Симонетта, зная ужасный недугъ, съ отчаяніемъ прошептала:

— Вотъ, *она* взяла мою госпожу... теперь не выпустить!

Она собрала всѣ мѣха и покрывала, которые могла найти, уложила монну Піу въ постель и принесла раскаленные кирпичи ей къ ногамъ, сгибаясь подъ ихъ тяжестью.

Но ничто не помогло; долго лежала монна Піа, терзаемая ледянымъ ознобомъ, подкидывавшимъ тѣло ея такъ, какъ будто бы она была несчастною бѣсноватой на церковной паперти. Но вдругъ приподнялась она на постели, откинула тяжелыя косы и пожаловалась:

— Меня жжетъ, Симонетта, я горю!

Блѣдность ея исчезла, словно сметенная жгучимъ дыханіемъ огня, какъ исчезаетъ снѣгъ съ земли, когда дровосѣки разложить костеръ на полянѣ. Волна алой крови, вернувшись вспять, залила ея лицо. Все ея молодое, прекрасное тѣло горѣло, охваченное розовой краской жара, румянецъ пылалъ на щекахъ, пересохшія уста алѣли, какъ раскрытые цвѣты гранатоваго дерева; нестерпимымъ блескомъ горячки блестяли потемнѣвшіе, ставшіе совсѣмъ черными, глаза, обведенные темными кругами, какъ послѣ страстныхъ ласкъ. Волосы рассыпались по обнаженнымъ плечамъ, она откидывала ихъ, сорвала

легкую одежду съ плечъ, такъ какъ и тяжелый шелкъ косы и ткань одежды, подобная паутинѣ, жгли и давили ее.

И она лежала, разметавшись на ложѣ, полунагая, какъ бы въ ветерпѣливомъ ожиданіи любви, и казалось самый воздухъ пылалъ зноемъ вокругъ нея.

Такъ длилось до поздней ночи, когда странный недугъ покинулъ ее, и она осталась разбитая и изнеможенная, какъ мертвая, пока не заснула вѣрнко.

Слабая и блѣдная встала монна Пиа на другой день, надѣясь, что болѣзнь ее прошла, какъ тяжелое сновидѣніе. Она горячо и много молилась, хотя силы измѣняли ей, и, положивъ земной поклонъ, она долго не могла подняться съ пола и лежала, прислонясь щекой къ ступенямъ анаоя.

Но Симонетта глядѣла на нее взоромъ, полнымъ затаеннаго страха и горя и вѣжности, ибо прекрасная госпожа своей кроткой прелестью сразу приковала къ себѣ ея сердце прочнѣе желѣзныхъ цѣпей. Смотрѣла и ждала. И съ закатомъ солнца опять леденящая струя смерти воснулась монны Пиа и невѣдомая сила охватила ея существо, и она уже не принадлежала себѣ.

Съ этихъ поръ дни ея пошли въ ожиданіи часовъ заката; и знала монна Пиа, что ничто не измѣнитъ велѣнія судьбы, и какъ только кровавые лучи солнца упадутъ на мраморную статую Мадонны въ углу, такъ придетъ что-то невѣдомое и властное, и безпощадное и станетъ предавать ее то терзанію ледяного холода, то нугѣ пламени, какъ бы дыханія изъ геенны, доходящаго до нея.

Съ каждымъ днемъ исчезали силы монны Пиа, одежды спадали съ ея похудѣвшаго тѣла. Не могли бы уже теперь трубадуры сравнивать ее съ сладчайшею алою розой, но развѣ надломленной лиліей назвали бы ее, если бы видѣли теперь.

Тщетно молила она Святую Дѣву сократить ея муки и повторяла молитву святого Франциска:

— Братъ мой огонь! Изъ всѣхъ вещей, на красоту имѣющихъ право, создалъ тебя Господь прекраснымъ, полезнымъ и сильнымъ. Братъ мой огонь! Будь милостивъ ко мнѣ въ этотъ часъ, будь моимъ другомъ; ибо сердце мое всегда любило тебя. Пусть Господь, создавшій тебя, смягчитъ твою силу до кроткаго тепла, чтобъ мнѣ возможно было переносить ее, братъ мой огонь!

Но съ каждымъ днемъ сильнѣе были потрясавшія ея тѣло мученія, и странныя видѣнія представлялись ей.

Видѣлся ей небесный городъ, окруженный четырехугольною стѣною, съ тремя воротами, блистающими золотомъ, жемчугами и дра-

гоцѣнными каменьями. Ангелы съ огненными мечами стерегли его. Дома въ немъ были изъ бѣлаго мрамора, украшеннаго лазурью и золотомъ. Улицы же мощены были золотомъ, серебромъ и хрусталемъ. И текла тамъ рѣка въ зеленыхъ берегахъ, обруженная деревьями и цвѣтами, испускавшими сладостное благоуханіе. Птицы пѣли тамъ, и пѣніе ихъ смѣшивалось со звуками віоля, лютней и свирѣлей; и ангелы въ розовыхъ вѣнкахъ, держась за руки, водили хороводы и пѣли. Она приближалась къ рѣкѣ, чтобы испить изъ нея, ибо кто пьетъ изъ этой рѣки, тотъ не знаетъ болѣзни и смерти,—но тутъ все темнѣло передъ нею, огненные мечи поднимались надъ нею, и окружала ее мрачная бездна, гдѣ пахло смолой и сѣрой, и рѣки огня и лавы текли, огибая бездну ядовитыми потоками, а около нихъ росли терніи и колючія какъ мечи растенія. Змѣи шипѣли кругомъ, вставая и вытягиваясь на хвостахъ. А ее хватали, тащили куда-то и съ ликованіемъ демоны кричали:

— Въ огонь! Въ огонь!

И она металась, пожираемая неугасимымъ пламенемъ, пока блѣдная луна не заглядывала въ огно башни и не выводила ее изъ страшнаго сна.

И такъ шли дни.

Отъ супруга ея не было извѣстій. Тщетно она молила суроваго капеллана передать синьору Паннокіески просьбу пріѣхать, выслушать ея оправданія, позволить ей вернуться въ родной городъ, чтобы хоть умереть тамъ, вдали отравленныхъ чумнымъ дыханіемъ горячки Мареммъ. Онъ оставался непоколебимъ, и отвѣчалъ ей только, что она должна сносить испытанія съ кротостью, и что супругъ ея знаетъ, какъ поступать.

Въ одинъ день, утромъ, еще изнеможенная, монна Піа вышла на балконъ освѣжиться послѣ мучительной ночи, пославъ Симонетту за питьемъ себѣ. И что же представилось ея глазамъ? Въ отдаленіи, за воротами замка, на отлогой, едва холмившейся равнинѣ, стоялъ всадникъ на бѣломъ конѣ и жадно смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ она находилась. Монна Піа взглядѣлась—и узнала прекраснаго Агостино Гизи.

Любовь научила его какъ узнать, гдѣ монна Піа.

Съ помощью шута Пасерелло, подкупившаго одного изъ всадниковъ, сопровождавшихъ синьора Паннокіески, малаго молодого и влюбленнаго, которому поѣтому важенъ былъ лишній дукать, чтобы купить лентъ для своей красотки, онъ выведалъ, куда отвезли монну Піу. И хотя ничего не могъ бы сдѣлать синьоръ Агостино для своей

возлюбленной, но и Мареммы не пугали его, и каждое утро онъ прѣзжалъ на своемъ лихомъ скакунѣ и ждалъ, не увидитъ ли монну Пiu.

Увидалъ онъ ее — и сразу не узналъ бы, если бы не прежніе глаза и волосы прекрасной монны Пиа. Черезъ большое разстояніе теперь они могли переговариваться только глазами. И сказали другъ другу то же, что тогда въ соборѣ. Но только теперь монна Пиа сказала ему взглядомъ:

— Я умираю!

А сеньоръ Агостино, заливаясь слезами, отвѣтилъ:

— Какъ я васъ жалѣю, мадонна!...

Долго смотрѣли они другъ на друга, и сеньоръ Агостино простиралъ руки къ ней. Она же подняла руку и указала ему на небо. И скрылась, чтобы больше не выйти.

Вернувшись въ свои покои, долго сидѣла монна Пиа, вся дрожащая, уронивъ голову на руку, въ своемъ большомъ креслѣ, и тщетно старалась найти слова для молитвы.

Въ это время чьи-то нѣжныя руки тихо коснулись ея, и чудесный аромат разлился вокругъ.

Вдрогнула монна Пиа, взглянула и увидела, что въ простотѣ своей Симонетта, чтобы утѣшить свою госпожу, принесла ей самое драгоценное, что у нея было: кустъ лиліи, который вырастила съ великой заботой, и курильницу съ эмиамомъ, которую когда-то принесъ ей странникъ изъ Святой Земли. Все это она берегла, чтобы въ день, когда ей минетъ шестнадцать лѣтъ, принести въ даръ Святой Дѣвѣ, но такъ велика была любовь ея къ госпожѣ, что она отдала ей свои сокровища и сказала:

— Вотъ, что у меня было дорогого, я дарю вамъ, мадонна.

— Сегодня прекрасный день для меня! — отвѣтила монна Пиа, и слабая улыбка освѣтила черты ея, неземная тѣнь той улыбки, которую воспѣвала вся Сиенна такъ недавно. И въ душѣ своей сказала себѣ:

«Сегодня прекрасный день! Взглядъ любви, даръ нѣжной дружбы и бѣлыя лиліи... О, спокойная сестра моя — смерть!... Сейчасъ я встрѣчу тебя съ радостью».

И безропотно отдалась монна Пиа поджавшейся къ ней холодной лихорадкѣ.

Но въ этотъ день видѣніе слетѣло къ ней иное, чѣмъ всегда.

Богда уже болѣе она не владѣла собой и не могла творить молитву, и лежала пылающая на своемъ ложѣ, — не муки ада представлялись ей: иное пламя охватило ее, жгучее дыханіе любви обвѣяло

ее всю, и громко призывала она имя, не бывшее именемъ ея супруга, и говорила такія рѣчи любви и ласки, какихъ наяву никогда не произносили уста ея, и простирала горячія объятія въ истомѣ, и смѣялась тихимъ смѣхомъ блаженства.

Такъ что старая бабка Симонетты, пришедшая было помочь внучкѣ ходить за госпожей, такъ какъ у Симонетты едва хватало силы удерживать монну Піу на ложѣ и не давать ей бѣжать куда-то, испугалась и ушла; и долго рассказывали потомъ между челядью, что старая Бенпа сама видѣла, какъ огненный драконъ влетѣлъ черезъ каминъ въ опочивальню ихъ госпожи—и съ нимъ она вела любовныя рѣчи.

Когда огонь горячки оставилъ наконецъ монну Піу, она какъ бы заснула. Долго утромъ Симонетта не смѣла будить ее; и солнце уже высоко стояло на небѣ, когда она окликнула ее. Монна Піа не отвѣчала и не пошевелилась. Душа ея отлетѣла, счастливая и готовая подняться къ звѣздамъ.

На другой день синьоръ Агостино увидалъ монну Піу, когда гробъ съ тѣломъ вынесли изъ воротъ замка, чтобы торжественно отвезти въ Сиенну въ семейный склепъ. Немногимъ блѣднѣе была монна Піа, чѣмъ когда онъ видѣлъ ее послѣдній разъ, стоящею на балконѣ.

И въ первый, и послѣдній разъ онъ коснулся устами чела ея, и взялъ бѣлую лилію съ ея груди, повѣявшись, что ни другихъ поцѣлуевъ, ни другихъ цвѣтовъ знать не будетъ,—и уѣхалъ, и въ скорости постригся въ монахи, и кончилъ дни свои весьма святымъ челоуѣкомъ.

Синьоръ же Нелло Панновіески взялъ себѣ въ жены молоденькую красавицу Чиангеллу изъ дома Буонкомпаньи.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Кто на волѣ? Кто въ плѣну?
Кто своей судьбою править?
Кто чужую волю славить,
Цѣпь куя звено къ звену?

Кто рабы и кто владыки?
Кто наемникъ? Кто творецъ?
Покажите, наконецъ,
Снявъ личины, ваши лики.

Но, какъ прежде, все темно.
Въ душныхъ весяхъ и въ пустынѣ
Мы нѣмотствуемъ и нынѣ,
Цѣпь куя къ звену звено.

Нѣтъ великаго Владыки.
Празденъ тронъ и нѣмъ дворецъ.
Опечаленный творецъ
Далъ личины, отнялъ лики.

Федоръ Сологубъ.

РЕБЕНОКЪ ВЪ ДОМѢ.

1839—1894.

Уольтеръ Патеръ писатель совершенно неизвѣстный въ Россіи. Насколько помнится, былъ переведенъ до сихъ поръ лишь одинъ небольшой очеркъ изъ его книги о Ренессансѣ («Боттичелли»—въ журналѣ *Новый Путь*.) Немногимъ, быть можетъ, знакомо еще признаніе Оскара Уайльда, который однажды сказалъ, что Патеръ былъ единственнымъ современнымъ писателемъ, оказавшимъ на него вліяніе. Слова Уайльда заставляютъ вспомнить одну литературную эпоху, теперь уже прошлую и окончательно, такъ сказать, ликвидированную, — англійскій эстетизмъ 70—80-ыхъ годовъ. Было дѣйствительно время, когда молодой оксфордскій профессоръ Патеръ стоялъ какъ бы въ центрѣ этого движенія. Въ 1873 году вышла книга его о Ренессансѣ, и въ ней восторженные поклонники прерафаэлитовъ, Россетти и Суинберна, хотѣли видѣть литературное выраженіе своихъ эстетическихъ стремленій. Книга выдержала много изданій; культъ Боттичелли и Леонардо, распространявшійся тогда еще только въ избранныхъ кружкахъ, былъ созданъ отчасти ею. Въ публикѣ говорили, что появилась новая «эстетическая школа» и что «Заключеніе», написанное Патеромъ, это и есть манифестъ новыхъ эстетовъ. Кто-то написалъ даже пародію, гдѣ оксфордскій профессоръ былъ представленъ какъ смѣшной, салонный *arbiter elegantium*. Слѣдъ такихъ литературно-свѣтскихъ буръ остается надолго, репутаціи, данныя съ завязанными глазами, держатся наиболѣе прочно. Патеръ былъ записанъ въ отцы эстетизма, его книга о Ренессансѣ и «Воображаемые портреты», переведенныя на французскій и нѣмецкій языки, вошли въ основной каталогъ эстета, наравнѣ съ Гюксмансомъ и Уайльдомъ; такіе эпигоны движенія, какъ Артуръ Симонсъ, продолжаютъ упорно считать его «своимъ» и тѣмъ способствуютъ его забвенію.

Но Патеръ не долженъ быть забытъ. Онъ не можетъ быть забытъ, ибо вовсе не былъ связанъ съ какимъ-нибудь переходящимъ литературнымъ направлениемъ. То, что произошло въ данномъ случаѣ съ эстетизмомъ, было лишь минутнымъ совпаденіемъ. Дороги Патера и Уайльда пересѣлись въ одной точкѣ и сейчасъ же разошлись въ разныя стороны;

правда, онѣ встрѣтились еще разъ, но это уже тамъ, куда рано или поздно приходятъ всѣ люди большого сердца, чтобы услышать свое *De profundis*. Едва ли надо было бы говорить здѣсь о Патерѣ, если бы значеніе его исчерпывалось прикосновенностью къ английскому эстетизму, къ этому блестящему и внутренно-холодному и страшно чужому для насъ излому древней культуры. Нѣчто неизмѣримо большее видится намъ въ этомъ печальномъ, одинокомъ и сдержанномъ писателѣ, — какой-то цѣльный и благородный душевный типъ, можетъ быть высшее и совершеннѣйшее воплощеніе западной души за много лѣтъ. Патера нельзя отнести къ переходящему моменту литературной жизни уже потому, что онъ почти не жилъ въ настоящемъ. Его мысли всегда обращены въ прошлое, и это прошлое для него не художественная мода, не предметъ научныхъ экскурсій, не красивая обстановка, въ которой такъ приятно чувствовать себя эстетамъ. Патеръ не изучалъ и не «гутировалъ», онъ просто жилъ въ прошломъ, и оно было для него дѣйствительностью болѣе реальной, чѣмъ настоящее. Онъ былъ очень одинокъ въ жизни и потому могъ называть Платона своимъ учителемъ-другомъ и могъ слышать Дантэ, Паскаля и Томаса Брауна, какъ интимно-близкихъ и дорогихъ людей.

Ибо странное чувство общности, синтеза было доступно Патеру; ходъ тысячелѣтій, длительное видѣніе міра было открыто ему въ простыхъ, великихъ линіяхъ. Въ статьѣ о Меримэ онъ говоритъ объ этомъ чувствѣ «большихъ пропорцій во всемъ», которое позволяетъ видѣть «всеобъемлющее зрѣлище жизни отъ начала до конца во времени и пространствѣ» и которое доходило до своего крайняго предѣла у тѣхъ, кто смотрѣлъ когда-то на міръ «съ башни средневѣковаго собора». Съ особеннымъ, своеобразно-равнымъ вниманіемъ всматривался Патеръ въ творчество греческихъ скульпторовъ и Вордсворта, Леонардо и Меримэ, Кольриджа и Луки делла Роббіа. Что же искалъ онъ пылливо въ «душевномъ внутреннемъ строѣ» этихъ людей, безконечно разныхъ, раздѣленныхъ столѣтіями духовной жизни? Онъ искалъ въ нихъ волненія своей жизни, загадки своего бытія, переживанія отвѣтныя своимъ переживаніямъ. Короче, онъ искалъ въ нихъ себя, потому что, какъ сказано имъ, «стремленіе къ самозображенію, это и есть истинная причина всякаго вообще творчества, лишь скрытая иногда подъ другими внѣшними побужденіями».

Патеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ трудно узнать. Нѣтъ одного, центрального произведенія, гдѣ бы высказался онъ цѣликомъ, какъ художникъ и мыслитель. Такихъ писателей надо искать на всѣхъ написанныхъ ими страницахъ, во всѣхъ статьяхъ и замѣткахъ, можетъ быть и въ письмахъ. Важнѣйшія признанія, прекраснѣйшіе образы, священнѣйшія движенія души встрѣчаются у нихъ такъ неожиданно, будто случайно, непримѣтно. Такіе писатели «склада Монтаня», какъ говорилъ Патеръ, требуютъ долгаго и внимательнаго общенія; они легко забываются близкими, но ихъ слова, разсѣянные и укрытыя отъ бѣлаго взгляда, живутъ долго, зрѣютъ и ждутъ будущей жатвы.

То, что писалъ Патеръ, можно назвать по большей части художественной критикой. Но значеніе этихъ словъ не будетъ обычно. Патера никогда не занималъ объективный анализъ творчества, его не привлекали исчерпывающія критическія оцѣнки; онъ не стремился провѣрить прежнія репутаціи или установить новыя; схемы культурной и литературной эволюціи мало интересовали его. Въ одной изъ статей Патеръ самъ указалъ на смыслъ того, что онъ дѣлалъ, называя это «творческой критикой». — «Эта критическая работа сама по себѣ уже есть созиданіе и творчество, когда проникаетъ она съвязь данное литературное или художественное произведеніе до внутренняго душевнаго строя, въ которомъ оно могло сложиться». Герой его неоконченнаго романа, Гастонъ де Латуръ понималъ поэзію Ронсара, «самъ раскрывая въ полномъ объемѣ первоначальный замыселъ поэта». Въ этой работѣ *возсозданія души* по даннымъ ею всегда неполнымъ и несовершеннымъ проявленіямъ божескаго дара, заключается истинный смыслъ «творческой критики» Патера.

Но это творчество всегда остается вторичнымъ, отраженнымъ; оно нуждается въ опредѣленномъ мотивѣ. Такимъ остался Патеръ и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Такъ удачно нашелъ самъ онъ имя, — «Воображаемые портреты». Правда, у него есть еще и романы, «Эпикурецъ Марій» и «Гастонъ де Латуръ», но эти романы въ сущности тѣ же «Воображаемые портреты» или рядъ портретовъ. Есть неподвижность, безжизненность всегда въ этихъ изображеніяхъ; не люди, но только живопись и живопись блѣдная, фресковая, угашенная. «Воображаемые портреты» написаны всегда по какому-нибудь намеку исторіи или искусства. Такимъ образомъ, по внѣшности, это историческія фантазіи, и эпоха, окруженіе, всегда написано въ нихъ вѣрно, бережно и любовно. Но никогда это не главное, и никогда Патеръ не искалъ предлога, чтобы написать красивую внѣшность жизни, никогда не ниводилъ онъ свое творчество до холодной эстетической игры костюмами, стильными предметами, историческими позами. Его живопись, это прежде всего живопись идей; въ его портретахъ, какъ въ портретахъ стариннаго честнаго времени, главное въ самомъ лицѣ, которое живетъ въ тишинѣ, безмолвное и неподвижное, сгущенной въ сто кратъ внутренней жизнью. Но чье лицо, всегда одно, всегда вопрошающее, усталое и печальное мнится намъ въ каждомъ изъ этихъ блѣдныхъ лицъ, всегда овѣянныхъ дыханіемъ смерти? И въ портретъ больного Ватто, и въ обреченномъ мыслю молодомъ Ванъ-Сторкѣ, и въ Эмерольдѣ Утвортѣ, надъ которымъ тяготѣетъ темный рокъ, и въ безумномъ монахѣ, встрѣтившемъ золотокудраго Аполлона среди полей Пикардіи, и въ этомъ Эпикурейцѣ Маріѣ, который услышалъ однажды въ Сабинскихъ горахъ голосъ всевышняго Бога, какъ не узнать тебя, писатель, твою любовь къ прекрасному въ этомъ мірѣ, твою боль тайною смерти?

Только одинъ изъ всѣхъ «воображаемыхъ портретовъ» посвященъ современности; тотъ, гдѣ есть сильныя автобіографическія черты, гдѣ, раз-

сказывая о жизни «Ребенка въ домѣ», Патеръ рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ, о пробужденіи своего сознанія. Въ тихомъ полудеревенскомъ англійскомъ домѣ, за высокими стѣнами сада живетъ ребенокъ, и изъ широкаго окружающаго міра льются ему въ душу два потока впечатлѣній,— «чувство прекраснаго и чувство страданія». Въ старомъ домѣ сложился его внутренній міръ изъ неувидимыхъ мимолетныхъ опытовъ чувства и мысли. И онъ увезъ съ собой изъ стараго дома и навсегда сохранилъ желаніе красоты и страхъ смерти, который былъ еще сильнѣе отъ его любви къ красотѣ. Есть удивительное постоянство, какая-то странная, старинная прямота въ душевныхъ переживаніяхъ Патера. Стоитъ только прислушаться, чтобы услышать во всемъ когда-либо написанномъ имъ одиакъ напѣвъ и ритмъ, одну щемяще-грустную мелодію.

«Такъ счастливо былъ онъ одаренъ для принятія радостей чувственного міра,—говоритъ Патеръ въ одно изъ своихъ «портретовъ». Онъ могъ бы сказать это о самомъ себѣ. Сколько примѣровъ утонченной, звенящей воспримчивости разсѣяно въ его произведеніяхъ! Въ душѣ писателя точно серебряныя струны и есть прикосновенія вещей и силы искусства, отъ которыхъ такъ нѣжно и печально запѣваютъ онѣ. И въ словахъ тогда запечатлѣны образы чистаго и высокаго художества. «Только въ Италіи,—говоритъ онъ,—все кажется сотканнымъ изъ золотыхъ нитей, все, даже кипарисы, скрывающіе золото въ темной своей зелени. И венеціанскіе мастера золотой пряжей работали, золотой пылью»... Но такъ мимолетны эти прикосновенія: «внезапный лучъ свѣта преобразуетъ самыя простыя вещи, флюгарку на крышѣ, вѣтряную мельницу, цѣпь вѣятеля, пыль въ открытой двери житницы,—минута, и все исчезло, потому что было это чистымъ видѣніемъ; но еще осталась жалость объ этомъ, и хочется ждать, что это опять случится». Вотъ почему надо чувствовать тонко и сильно, такъ, какъ Вордсвортъ, котораго впечатлялъ «цвѣтокъ и его тѣнь на камнѣ, крикъ кукушки и его эхо».

Но, «съ желаніемъ красоты рано примѣшался страхъ смерти», который «никогда впослѣдствіи не покидалъ его». Нѣтъ ничего написаннаго Патеромъ, гдѣ бы не «вѣяло дыханіемъ могилы», гдѣ бы не рисовался страшный образъ «со стиснутымъ подбородкомъ, со странной улыбкой, съ прямыми сухими ногами». Герцогъ Карлъ Розенмольдъ, нѣмецкій Аполлонъ, богоподобный юноша, пришедшій «точно съ кубкомъ въ рукахъ на пиръ жизни», слышитъ доходящій до него отовсюду «скрежетъ заупокойнаго звона». И онъ бѣжитъ, «точно не просто отъ смерти, но отъ убійства» и «врагъ преслѣдуетъ его по пятамъ». Тѣнь смерти, отъ которой «срѣтеть тѣло и цвѣты становятся увядшими», заставляетъ Патера любить Боттичелли. Въдъ всѣ великіе флорентійцы «были поглощены мыслью о смерти. *Outre tombe! Outre tombe!*—въ этомъ бремя ихъ дней, отъ Данте до Саванаролы»... Старинный англійскій писатель, сэръ Томасъ Браунъ влечетъ къ себѣ Патера, ибо въ его «Письмѣ къ другу» такъ сильно выражено «глубокое чувство почти физической красоты умпрація». «Безко-

нечное будущее,—писалъ Томасъ Браунъ, «вливается въ жизнь примѣтно взору, какъ океанъ, который входитъ далеко внутрь страны, подымаясь по рѣкѣ волной прилива». И потому такъ дорогъ для Патера этотъ «англійскій Монтанъ», старинный авторъ «Religio Medici» и «Трактата о сожиганіи умершихъ», что нигдѣмъ ярче него не выражено «вопрошающее благоговѣніе на порогѣ иной жизни».

Въ настойчивыхъ вопрошаніяхъ на порогѣ тайны, «въ сомнѣніяхъ о послѣднемъ выводѣ судьбы человѣка, о согласіи между жизнью и смертью» смыслъ внутренней трагедіи Патера. Такъ мирно, безъ всякихъ внѣшнихъ событій протекала его жизнь. Но лицо его стало блѣднымъ, и въ походкѣ, по словамъ тѣхъ, кто зналъ его въ послѣдніе годы, было замѣтно «полубезсознательное страданіе». Его усталая вѣжливость, эта скрытая душевная боль, не была ли она результатомъ остроты переживаній, той «aigreur», которая по мнѣнію Патера была прирождена Паскалю? И развѣ случайно, что именно Паскалю, именно этому величайшему искателю и страдальцу отдалъ Патеръ мысли и труды послѣднихъ своихъ дней?

Въ статьѣ о Паскалѣ, неоконченной, такъ какъ была она прервана смертью писателя, есть особенный трепетъ, особенная напряженность. Проникая въ трагедію Паскаля, Патеръ послѣдній разъ пріоткрылъ себя, свою трагедію. Вѣдь и Паскалю нѣкогда, «какъ другому юношѣ, котораго возлюбилъ Исусъ, не было недостатка ни въ чемъ, что бы могло сдѣлать для него міръ любовью и радостью»... Но онъ отвернулся отъ міра, ибо искалъ Бога, который отъ міра сокрытъ,—*Deus absconditus*. «Въ мысляхъ Паскаля есть постоянная напряженность, какъ бы вѣчное бодрствованіе, душевная бессонница»... Что же услышалъ онъ въ часы бодрствованія?—*«Le Silence éternel de ces espaces infinis m'effraie»*.

Бываютъ странныя предчувствія... «Ребенокъ въ домѣ» узналъ о смерти своего отца въ далекой Индіи, когда раздались «рыданія на лѣстницѣ, такъ горько откликнувшіяся по всему дому и навсегда врѣзавшіяся ему въ душу». Или вотъ строки изъ «портрета» Ватто.—«Жанъ-Батистъ вернулся внезапно. Я услышала его страшные шаги на лѣстницѣ»... «онъ рассказалъ намъ все. Антуанъ Ватто скончался неожиданно на рукахъ г. Жерсента въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней».

Въ 1893 году Патеръ вернулся въ Оксфордъ, гдѣ жилъ когда-то двадцать семь лѣтъ подрядъ. Слѣдующимъ лѣтомъ онъ былъ первый разъ въ жизни серьезно боленъ. Однако поправился и снова работалъ надъ «Паскалемъ». Утромъ 30 іюля онъ вышелъ изъ комнаты и сталъ спускаться по лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ его нашли тамъ, лежащимъ безъ признаковъ жизни. Онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Послѣднее знаніе, отвѣтъ на «послѣднее любопытство» его, скрыть отъ насъ. Но вотъ передъ нами книги Патера, и въ нихъ надежда и возвышающая вѣра. Въ этой монашески-чистой, близкой къ прозрачнымъ источникамъ древней мудрости жизни слышится обѣщаніе Вѣчнаго Воз-

рожденія. «Миръ полонъ душъ» и всегда могутъ быть зачаты въ немъ греческіе боги. Вѣчную юность хранять и остатки средневѣковыхъ монастырей и развалины античныхъ храмовъ. «Все, что нѣкогда волновало людей, не можетъ совсѣмъ умереть,—языкъ, какимъ они говорили, оркуль, передъ которымъ смолкали ихъ голоса, сны, однажды посѣтившіе ихъ воображеніе,—все, чего они нѣкогда страстно желали, чему отдавали свои дни и жаръ своихъ душъ». И оттого каждое произведеніе возсоздающаго искусства есть какъ бы «исполненіе Resurgamъ надъ пустымъ гробомъ» освобожденнаго отъ тлѣнія человѣчества.

П. Муратовъ.

Гуляя въ жаркій день, Флоріанъ Делиль встрѣтилъ бѣднаго старика и, такъ какъ показался онъ усталымъ отъ дороги, помогъ ему нести ношу часть разстоянія. И когда этотъ человѣкъ рассказывалъ о себѣ, то случилось, что онъ назвалъ мѣстность, маленькій поселокъ вблизи отъ большого города, гдѣ Флоріанъ прожилъ свои дѣтскіе годы, но гдѣ онъ больше никогда не бывалъ; и кончивъ рассказъ, онъ продолжалъ свой путь, утѣшенный. А ночью, точно въ благодарность за его милосердіе, явились Флоріану тѣ мѣста во снѣ, и сонъ этотъ замѣнилъ ему тончайшую работу памяти; съ величайшей отчетливостью представало передъ нимъ все прежнее, только было оно, какъ это часто бываетъ во снѣ, немного приподнято надъ дѣйствительностью и надъ простымъ воспоминаніемъ. Подлинный образъ тѣхъ мѣстъ, особенно же дома, въ которомъ жилъ онъ ребенкомъ,—видъ тѣхъ дверей, тѣхъ оконъ и печей, даже запахъ, какой былъ тамъ въ воздухѣ,—не повидалъ на нѣкоторое время его сонъ; но только были краски на стѣнахъ и на полу какъ-то гармоничнѣе, только особенныя, болѣе нѣжные отсвѣты и тѣни бѣжали по угламъ, по закругленіямъ комнатъ, и только казались изящнѣе скромныя рѣзныя украшенія. Онъ проснулся со вздохомъ при мысли о томъ, что почти тридцать лѣтъ легло между нимъ и тѣми мѣстами, но еще съ трепетомъ счастья отъ этого волшебнаго свѣта, который былъ тамъ на всемъ точно улыбка. И произошло такъ, что случайный сонъ былъ именно нуженъ ему, чтобы исполнить одинъ намѣченный замыселъ: замѣтки о нѣкоторыхъ вещахъ изъ исторіи своей души,—изъ того хода внутренняго сложенія, которымъ каждый изъ насъ становится постепенно самимъ собой. Съ этимъ видѣніемъ, такимъ ласковымъ для него и свѣтлымъ, сталъ думать онъ о себѣ, какимъ былъ тогда, и какъ росло тамъ его сознаніе. Лучше всего могъ онъ прослѣдить постепенное развитіе души въ этомъ полуодухотворенномъ домѣ, гдѣ суждено было ей жить, который поистинѣ сдѣлался ей неотъемлемой

частью, по тому закону, что окружающіе предметы входят такимъ важнымъ слагаемымъ въ дѣтскую жизнь. Внѣшнее и внутреннее сплетается въ ней въ одну неразъединимую ткань, — наполовину это отѣнки, черты и особенности домашнихъ красокъ и формъ, дерева и кирпича, наполовину же, чистая душевная пряжа, которая приходитъ Богъ знаетъ откуда. Въ этомъ снѣ своемъ онъ видѣлъ домъ, садъ и ребенка, который тамъ жилъ, и такъ онъ отгадывалъ, по крайней мѣрѣ, главныя теченія вѣтровъ, игравшихъ имъ нѣкогда, такъ познавалъ онъ первый этапъ своего духовнаго путешествія.

«Старый домъ», какъ всегда называлъ его Флоріанъ, говоря о немъ впослѣдствіи (такъ дѣлаютъ всѣ дѣти, которыя помнятъ переездъ достаточно рано, но не слишкомъ рано для того, чтобы это отиѣтило цѣлый періодъ въ ихъ жизни), былъ дѣйствительно стариннымъ домомъ. Французское происхожденіе его обитателей, — отъ Ватто, стариннаго придворнаго художника, чья кокетливая картина еще висѣла тогда въ одной изъ комнатъ, — могло объяснить то изящество и ту красивую бѣлизну, которая тамъ во всемъ преобладала; бѣлы были занавѣси, диваны, бѣлой была окраска стѣнъ, и такъ нѣжно играли на ней перемѣны свѣта и тѣни. Тѣмъ же можно было объяснить и снисхожденіе къ высокому тополю въ саду, дереву по большей части презираемому англичанами, но которое любятъ французы, замѣтившіе особенную свѣжесть въ шорохѣ его листьевъ при вѣтрѣ; малѣйшее колебаніе воздуха заставляетъ ихъ журчать, какъ текущія воды.

Низкая, по старой модѣ, деревянная обшивка обходила вокругъ всѣхъ комнатъ и шла вверхъ по лѣстницѣ съ рѣзными перилами и темными углами; на серединѣ лѣстница приводила къ большому огню съ гнѣздомъ ласточекъ подъ карнизомъ; старая груша въ цвѣту виднѣлась сквозь него въ концѣ апрѣля на фонѣ лазури, а подъ ней такъ свѣжъ и душистъ бывалъ сокъ упавшихъ плодовъ каждую осень. На слѣдующемъ поворотѣ стоялъ шкафъ, и на глубокихъ его полкахъ хранился лучшій фарфоръ. Маленькія ангельскія головки выступали вокругъ камина въ дѣтской. А на самомъ верху дома, надъ чердакомъ, гдѣ бѣгали въ сумеркахъ бѣлыя мыши, гдѣ была неизвѣстная, безконечная страна чудесъ и дѣтскихъ сокровищъ, всякихъ стеклянныхъ бусинокъ, все еще душистыхъ флаконовъ отъ духовъ, обрывковъ цвѣтнаго шелка и другого хлама, — надъ всѣмъ этимъ была обнесенная рѣшеткой площадка на крышѣ, откуда открывался видъ на далекія колокольни. Ибо домъ, какъ я уже сказалъ, находился вблизи отъ большого города, откуда часто подымались надъ вьющимися флюгарками гряды клубящихся облакъ и дыма,

тронуты солнцемъ или грозой. Но ребенокъ, о которомъ я пишу, даже любилъ туманъ изъ-за розоваго оттѣнка, который ложился отъ него на трубы, изъ-за бѣлыхъ лучей, которые лились сквозь него въ лѣтнее утро на вышку и на мостовую внизу. Ибо ошибочно предполагать, что чувство прекраснаго у дѣтей зависитъ отъ изысканности, отъ особеннаго подбора вещей, которыя они видятъ, хотя это можетъ быть и вѣрно для большинства изъ насъ въ позднѣйшіе годы; вначалѣ мы всѣ до извѣстной степени смотримъ еще внутрь себя, и ребенокъ съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ находитъ различные оттѣнки своего чувства и въ тѣхъ бѣлыхъ и розоватыхъ отсвѣтахъ, которые ложатся сквозь дымъ на обыкновенныя домашнія постройки и въ золотѣ одуванчиковъ, растущихъ у самыхъ стѣнъ, гдѣ все истоптано, если нѣтъ лучшихъ помощниковъ въ его поискахъ красоты.

И такъ стоялъ этотъ домъ недалеко отъ тумановъ и роготовъ большого города, среди высокихъ садовыхъ стѣнъ, которыя одѣвались каждое лѣто золотнемъ и золотыми и темными желтофіолями, — *Flos parietis*, какъ училъ ребенка называть ихъ его знавшій по-латыни отецъ, когда онъ былъ еще съ нимъ. Часто потомъ Флоріанъ становлялъ основу своего усложненнаго жизнью душевнаго склада и часто думалъ, что тому дому онъ обязанъ многими тонами чувства, столь обычными для него впоследствии, тѣмъ особеннымъ освѣщеніемъ, въ которомъ вещи наиболѣе естественно ему представлялись. Путники на дорогѣ идущіе въ городъ или изъ города, тѣни на улицахъ, внезапное дыханіе сосѣднихъ садовъ, особенная праздничность хорошихъ дней и особенное уныніе непогоды, которое соединялось въ его представленіи съ нѣкоторыми гравюрами большой семейной Библии; прохлада темныхъ, похожихъ на пещеры лавогъ вокругъ высокой церкви и тѣ головокружительныя, винтовыя лѣстницы, которыя уходили вверхъ, къ колоколамъ и голубямъ, — цитадель мира въ царствѣ суеты, — все это дѣйствовало на дѣтское воображеніе, и позже всякій разъ такія картины и такіе эпизоды повергали его въ давно знакомую задумчивость, которая и стала будто необходимой частью его душевной ткани. Отсюда также могъ Флоріанъ прослѣдить и свою постоянную склонность къ особому роду порядочности и благородства, къ «достоинству», говоря буквально, въ жизненномъ обиходѣ, связанному въ его представленіи съ блѣдными обитателями городовъ; это чувство сдѣлало его подверженнымъ какому-то совершенному удовлетворенію при видѣ изящества и строго-обдуманной красоты нѣкоторыхъ вещей и нѣкоторыхъ людей, съ какими онъ впоследствии встрѣтился на путяхъ своей жизни.

Такъ ребенокъ, о которомъ я пишу, жилъ тамъ тихо; такъ слу-

жилъ ему мѣръ вещей, когда онъ сидѣлъ каждый день у огня, гдѣ висѣла влѣтка съ птицей, и мать учила его читать, удивляясь легкости, съ какой онъ учился и живости его памяти. Благоуханіе маленькихъ цвѣтиковъ липы сѣялось на нихъ сквозь воздухъ, какъ дождь, и казалось, что все медленно и медленно движется время, сливаясь съ жужжаніемъ пчелъ, и, наконецъ, оно почти останавливалось послѣ юньскаго полдня. Какъ незначительны кажутся намъ сейчасъ впечатлѣнія отъ вещей, которыя насъ окружали, насъ касались, мимо насъ мельгали въ дни ранняго дѣтства. Какъ неизгладимо, открываемъ мы послѣ, поразили они насъ; въ какихъ капризныхъ и плѣнительныхъ сочетаніяхъ запечатлѣлись они на бѣлой бумагѣ, на гладкомъ воскѣ нашихъ незапятнанныхъ душъ, точно «въ скалѣ свинець навѣки», облекая въ формы и въ образы первые опыты чувства и мысли, которымъ точно особый уголокъ отведенъ въ нашей памяти, которые не расстаются съ нами больше никогда, всегда тѣ же, всегда неизмѣнные.

Дѣйствительность, страсти, отголоски великаго внѣшняго міра прокрадываются къ намъ своими отдѣльными тропинками сквозь окружающую насъ стѣну привычнаго; но никогда въ послѣдствіи нельзя ихъ отдѣлить отъ той случайности, того происшествія, тѣхъ подробностей, которыми отмѣчено ихъ первое вхожденіе въ насъ. Наши воспріятія, раскрытіе нашихъ силъ, наши многократныя испытанія, — на примѣръ, различныя испытанія того, какъ является и проходитъ физическая боль, — принадлежать тому или иному, хорошо памятному уголку матеріальнаго нашего жилища; той маленькой, бѣлой комнаткѣ съ окномъ, въ которое такъ мучительно бьются тяжелые цвѣты, сорванные съ дерева бурей, такъ же трепетно, такъ же порывисто и съ тѣмъ же щемящимъ чувствомъ, какое было тогда въ тоскливое утро. И первое наше жилище становится постепенно какъ бы вещественнымъ святилищемъ и ковчегомъ нашихъ чувствъ; рядъ видимыхъ символовъ входитъ во всѣ наши мысли и страсти; мимолетные образы, голоса, незначительныя происшествія, — наклонъ, подъ которымъ лучъ солнца падаетъ утромъ на дѣтскую подушку, — все это неизбѣжно дѣлается звеномъ въ той великой цѣпи, къ которой мы прикованы.

Отсюда прежде всего опредѣлилось для Флоріана особенно сильное чувство родного дома, — такое властное побужденіе для всѣхъ насъ, заставляющее насъ еще больше любить жизнь, еще больше бояться смерти и ненавидѣть ее, какъ что-то чужое, неизвѣданное и вражеское; хотя, кажется, еще горше для насъ пожизненное заключеніе или вѣчное изгнаніе. Заглянуть домой хоть на минутку передъ

ковцомъ, вотъ бѣдное ребяческое лакомство, «дессертъ», вотъ величайшій источникъ силій для пилигримовъ и путешественниковъ, для солдатъ въ отдаленныхъ странахъ; и если нѣтъ этой надежды, то какую силу утѣшенія пріобрѣтаетъ тогда мечта объ отдыхѣ на родномъ кладбищѣ, хотя бы только такъ, —рука объ руку въ ряду другихъ покойниковъ подъ проливными дождями, поящими землю!

Такъ могущественъ этотъ инстинктъ, и однако случайности вродѣ тѣхъ, о какихъ я говорилъ, такъ произвольно его опредѣляютъ; сущность его рано знакома намъ, являясь нашимъ идеаломъ или типическимъ понятіемъ уютности и отдыха. Изъ многихъ возможныхъ условій именно это для меня и какъ разъ то для другого составляетъ несомнѣнное осуществленіе дорогого «своего угла»; вотъ это для насъ, англичанъ, съ плотно сдвинутыми бѣлыми занавѣсами и лампой подъ абажуромъ, вотъ то, совсѣмъ другое, для кочующаго араба, который складываетъ каждое утро свою палатку или устраиваетъ ночлегъ среди обитаемыхъ призраками руинъ и въ древнихъ могилахъ.

Чувство родины у Флоріана сдѣлалось особенно острымъ, такъ какъ на его счастье самый характеръ того дома былъ такимъ глубоко роднымъ. Послѣ многихъ странствій я пришелъ къ заключенію, что нѣкоторыя части Кента и Серрея, это настоящая родина, родной ландшафтъ для англичанина, —землистая теплота желтоватыхъ песковъ подъ кустами терновника, голубоватая дымка, остающаяся послѣ дождя въ лощинахъ и между холмовъ, —это такъ ласкаетъ утомленный глазъ и никогда не встрѣчается дальше на югъ. Также думаю я, что домъ, подобный здѣсь описанному, съ точно тѣми же пропорціями зелени и краснаго кирпича, съ точно той же замѣтной монотонностью тихаго уклада и распорядка дней, выражаетъ, по крайней мѣрѣ, для англичанина, понятіе домашней жизни.

Такимъ образомъ общечеловѣческая черта была усилена у Флоріана особенно роднымъ характеромъ того мѣста, гдѣ суждено было однажды затеплиться его блуждающей душѣ и которое стало какъ бы вторичной ея оболочкой и земнымъ храмомъ. Чувство гармоніи между его душой и внѣшнимъ ея окружающимъ было для него подобно иногда совершенно исполненной музыкѣ, и жизнь, которая тамъ текла, казалась чудесно покойной и насыщенной страннымъ ощущеніемъ полноты. Любовь къ уютности, къ никѣмъ не оспариваемому влочбу земли подъ ногами или мѣсту ночлега, значило многое въ происхожденіи и укрѣпленіи его сознанія, и она была вполнѣдствіи спасительнымъ сдерживающимъ началомъ въ метаніяхъ его духа. Это пристальное обращеніе къ далекому дому, когда сгущались тѣни вечера

и когда онъ слѣдовалъ воображеніемъ за тѣмъ, что дѣлалось тамъ часъ за часомъ, объяснило ему многое въ тѣхъ исканіяхъ и сожалѣніяхъ неизвѣстно о чемъ, которыя онъ узналъ послѣ на странныхъ и одинокихъ путяхъ своихъ мыслей и чувствъ. И въ слезахъ пролитыхъ такъ далеко отъ дома было, казалось ему, подавленное предчувствіе того, чѣмъ будутъ его послѣднія слезы.

И сознание уютности не могло быть еще глубже, ибо миръ дѣтской души былъ одно съ миромъ его дома, мѣста «огражденнаго» и «запечатлѣннаго». Но и въ этотъ обереженный уголокъ и въ эту похожую на него душу ребенка вливались изъ широкаго окружающаго міра, точно въ окно оставленное невзначай полуоткрытымъ или черезъ высокую стѣну сада, два потока впечатлѣній: чувство красоты и чувство страданія; познаніе видимой, слышимой и осязаемой прелести вещей, какъ чего-то очень важнаго и захватывающаго, и рядомъ съ этимъ познаніе печали міра, которой не обойденъ никто, — взрослые, дѣти, животныя. Отсюда онъ могъ прослѣдить два главныхъ теченія въ своемъ духовномъ развитіи: ростъ почти болѣзненной чувствительности ко всякому виду страданія шелъ въ немъ наравнѣ съ быстрымъ раскрытіемъ способности подчиняться очарованію яркихъ красокъ и совершенныхъ формъ, — красивыя очертанія губъ, на примѣръ, у людей, которые ему нравились, сочетались для него въ нѣжномъ созвучіи и съ тѣмъ, что они говорили или пѣли; въ немъ рано проснулася не совсѣмъ обычная воспримчивость, «соблазнъ ока», какъ сказалъ Учитель, которая могла завести его однажды такъ далеко! Могъ ли онъ предвидѣть усталость на пути?

Иногда въ музыкѣ оба чувства являлись вмѣстѣ, и тогда къ удивленію старшихъ онъ плакалъ. Слезы радости тоже зналъ ребенокъ и тоже удивлялъ этимъ своихъ домашнихъ; одинъ разъ то были настоящія благодатныя слезы послѣ напряженнаго дѣтскаго ожиданія, когда онъ встрѣчалъ вечеромъ сестренку, возвращавшуюся съ новыми розами на щекахъ изъ поѣздки въ большой лѣсъ; она привезла ему всякія сокровища, упавшіе жолуди и черныя птичьи перья, и счастье видѣть ее опять съ собой мѣшалось всю ночь съ какимъ-то близкимъ ощущеніемъ того далекаго лѣса, шума вѣтра въ немъ, качанія вѣтокъ, косо летящихъ черныхъ скворцовъ и совершенно прекрасныхъ маленькихъ чашечекъ, которыя тамъ падаютъ. Такъ оба эти первичныя воспріятія, грусти и прелести вещей, вырастали въ немъ рука объ руку, и скоро впоследствии увидѣлъ онъ, какъ глубоко пустили они корни въ истокахъ его жизни.

Будетъ мнѣ позволено отмѣтить сперва нѣкоторыя подробности, сопровождавшія его знакомство съ началомъ страданія въ мірѣ, —

отдѣльныя случайности, которыя внезапно будили въ немъ съ полной силой то чувство, какое Гёте назвалъ Weltshmerz и въ которомъ вся стуженная печаль жизни ложилась на него тяжкимъ бременемъ. Въ старинной этажеркѣ лежала книга, и онъ любилъ вспоминать одну картинку изъ нея,—женщина тамъ изображалась съ руками связанными назадъ, платье, шляпа, волосы ея были убраны съ простотой, которая странно трогала его, точно сдѣлано было это не ею самой, но чужими руками съ какимъ зловѣщимъ тщаніемъ,—королева Марія-Антуанета на пути къ казни, хорошо извѣстный рисунокъ Давида, задуманный лишь для того, чтобы сдѣлать ее смѣшной. Лицо, которое было нѣкогда такимъ высокогѣрнымъ, научилось быть нѣмымъ и покорнымъ, но во всей безотвѣтности своей оно зывало къ людямъ о милости, о сожалѣніи; и онъ запоминалъ это, закрывая книгу, какъ то, на что надо опять взглянуть, если придется къ нему искушеніе быть жестокимъ. И еще, никогда онъ не могъ забыть мольбу въ маленькомъ личикѣ сестренки, тамъ въ саду, подъ сиренью, когда она испугалась паука, который вползъ ей на рукавъ. Отъ этого взгляда ея, замѣченнаго имъ тогда, могъ онъ прослѣдить состраданіе, какое послѣ всегда испытывалъ къ тѣмъ, кто боялся, хотя бы даже пустяковъ,—состраданіе, дѣлавшее его на менть способнымъ пожертвовать собой для другого. Нервные, впечатлительные люди, у которыхъ было свое горе, окружали его тогда; и своей воспримчивостью онъ былъ отчасти обязанъ ихъ молчаливому влиянію, укрѣплявшему въ немъ признаніе, что есть люди, которымъ назначено пройти жизненный путь какъ бы «неслышными шагами». Наиболе ярко могъ онъ вспомнить и возстановить во всѣхъ мельчайшихъ и незабвенныхъ подробностяхъ рыданія на лѣстницѣ, такъ горько отделившіяся по всему дому и навсегда врѣзавшіяся въ его душу, одной старушки, сестры отца, которая пришла извѣстить о его смерти въ далекой Индіи. Онъ помнилъ, какъ показалось ему, что это сдѣлало старую женщину точно опять ребенкомъ, и какъ, неизвѣстно почему, эта мысль переполнила его сердце жалостью. И у безловесныхъ существъ, у животныхъ было тоже свое маленькое горе. Онъ помнилъ бѣлую ангорскую кошку съ чернымъ, какъ у горностая, хвостомъ и мордочкой, похожей на цвѣтокъ, которая долго болѣла и стала совсѣмъ по-человѣчески ласковой въ своей хлостности, и сотни разныхъ оттѣнковъ появились въ ея мяуканьи,—какъ было ей все хуже и хуже, и не могла она даже переносить свѣтъ, и какъ, наконецъ, въ одно ужасное, мучительное утро ея маленькая душа ушла изъ тѣла, которое было уже истерзано смертью и лишь слабо удерживало ее.

Тогда нуженъ былъ ему другой любимецъ, и такъ какъ тамъ было много скворцовъ, которыхъ учили говорить, то для него поймали одну птицу, и онъ думалъ ходить за ней нѣжно; но всю ночь было слышно, какъ звали ее маленькіе птенцы и какъ отзывалась имъ мать. И вотъ, съ первыми лучами свѣта, хотя не безъ борьбы съ самимъ собой, онъ спустился и отворилъ кѣтку и видѣлъ, какъ порывисто взметнула плѣница къ своему гнѣзду. Тогда явилось чувство раскаянія, что онъ тоже былъ сообщникомъ и двигалъ по мѣрѣ своихъ силъ рычаги и пружины великаго механизма природы, такъ геніально устроеннаго, чтобы разыгрывать фуги страданія на тонкихъ нервныхъ сплетеніяхъ живыхъ существъ.

Я уже говорилъ, что малѣйшія случайности играютъ роль въ ходѣ строенія нашей души, того долга сознанія, который подобно воздушному гнѣзду складывается въ нѣчто прочное изъ летающихъ пушинокъ и соломинокъ. И такъ случилось, что, когда онъ гулялъ однажды вечеромъ, всегда запертая кѣтка сада была открыта и за ней большой кустъ краснаго боярышника былъ виденъ въ полномъ цвѣту, — тяжело подымались бѣловатыя кривыя вѣтки, такія старыя, что было на нихъ только нѣсколько зеленыхъ листиковъ, и вѣнецъ нѣжнаго алаго пламени выходилъ, казалось, прямо изъ сердцевины сухого дерева. Еще раньше благоуханіе доносилось до него по временамъ вмѣстѣ съ вѣтромъ черезъ стѣну, и всегда думалъ онъ, что бы такое могло быть на той сторонѣ? Теперь ему позволили взять цѣлыя пригоршни цвѣтовъ, которыхъ было столько, что наполнились всѣ старинныя фарфоровыя вазы на каминѣ, и насталъ праздникъ въ дѣтской.

Былъ ли то моментъ въ развитіи его души, или просто подѣйствовалъ жаркій и ароматный лѣтній воздухъ? Но только красота всего этого охватила его лихорадочно, и все время во снѣ ему чудилось, что онъ бродитъ по волшебнымъ дорогамъ изъ алыхъ цвѣтовъ, которые свѣжими, густыми массама краснѣютъ подъ ногами и мягко заполняютъ всѣ углубленія съ обѣихъ сторонъ. И послѣ всегда, годъ за годомъ, когда появлялись цвѣты, красный боярышникъ казался ему рѣшительно самымъ краснымъ изъ всего, что есть на свѣтѣ; и божественный багрянецъ, еще живой въ работахъ старыхъ венеціанскихъ мастеровъ и въ старинныхъ фламандскихъ коврахъ, вызывалъ въ немъ всегда воспоминаніе о пламени тѣхъ маленькихъ увядшихъ лепестковъ, о томъ, какъ постепенно угасало оно, когда онъ долго держалъ ихъ въ ящикахъ стариннаго шкафа. Въ первый разъ проявилась тогда страстность въ его отношеніи къ красивымъ предметамъ и то необъяснимое волненіе при видѣ ихъ, которое охватывало его и

отъ котораго онъ почти мечталъ освободиться. Неясныя сожалѣнія и желанія мѣшались въ немъ всю ночь съ воспоминаемъ о красныхъ цвѣтахъ и съ благоуханіемъ ихъ въ окружавшей его темнотѣ; мечты о какомъ-то неизвѣданномъ, совершенномъ обладаніи ими положили начало одной главной и по временамъ исключительной склонности, становившейся все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того какъ смѣнялись годы и какъ поля, лѣса и люди снова и снова одѣвались прекраснымъ уборомъ лѣта, той любви къ красивому въ мірѣ вещей, которая сдѣлалась позже тиранніей чувствъ надъ нимъ.

Позже онъ узналъ философовъ, которые больше всего занимали его своей оцѣнкой чувственныхъ и отвлеченныхъ началъ въ человеческомъ познаніи и отводимыхъ имъ относительныхъ частей; въ своей умственной схемѣ онъ былъ склоненъ отводить лишь немного мѣста абстрактной идеѣ сравнительно съ ея вещественной оболочкой и проявленіями. Такия теоретическія построенія въ сущности лишь укрѣпляли то, что было инстинктивно въ его воспріятіи міра; для него всегда и во всемъ эта вещественная оболочка и эти проявленія были необходимымъ спутникомъ всякаго знанія вещей, которыхъ можно учесть и взвѣсить въ обители мысли. Иногда онъ думалъ, что долженъ все привести къ осязанію или зрѣнію, какъ связующему звену между собой и всѣмъ, что существуетъ, чувствуетъ и живетъ; онъ искалъ въ томъ защиту настоящей жизни отъ простыхъ безцвѣтныхъ и вымышленныхъ абстракцій. И благодарно вспоминалъ онъ, что христіанство соединило такъ много, не меньше чѣмъ религія древнихъ грековъ, духовныхъ истинъ съ вещами доступными зрѣнію, снисходя такимъ образомъ къ намъ и благословляя ту нашу слабость, если это только слабость, по которой міръ чувствъ значитъ для насъ такъ много; эту мысль онъ любилъ, какъ часового на стражѣ своей души. И такъ все меньше и меньше думалъ онъ и заботился о душѣ иначе какъ внѣ дѣйствительно существующаго тѣла, внѣ міра, гдѣ есть настоящія воды и настоящія лѣса, гдѣ встрѣчаются взоры мужчинъ и женщинъ, гдѣ соединяются руки въ живомъ пожатіи. Это странно сказывалось даже въ самомъ его состраданіи, привлекало его къ тѣмъ, кто былъ несчастенъ чѣмъ-нибудь, какой-то почти чувственной привязанностью. Онъ думалъ о Джуліанѣ, заболѣвшемъ неизлѣчимымъ недугомъ, какъ о томъ, кого похитили въ нѣжномъ расцвѣтѣ блѣдно-янтарнаго лица и золотистыхъ какъ медь волосъ, и о Сесилѣ рано умершемъ, точно оторванномъ отъ лилій, отъ золотыхъ лѣтнихъ дней и женскихъ голосовъ; и утѣшала его немного лишь мысль, что ребенокъ станетъ фіалкой, которая вырастетъ на укрывшемъ его дернѣ. Думая о самыхъ несчастныхъ и бѣдныхъ на землѣ, онъ же-

лалъ для нихъ не того, чего хочеть для нихъ большинство людей, но можеть быть прекраснѣйшихъ розъ и свободы наслаждаться столько, сколько угодно безъ всякихъ трудовыхъ заботъ желаннымъ и яснымъ свѣтомъ новаго утра; такого утра какъ тѣ, когда видѣлъ онъ ихъ ничего не знающими объ этомъ свѣтѣ и только спѣшащими въ городъ къ ранней своей работѣ.

Такъ отдавалъ онъ себя всѣмъ этимъ вещамъ, чтобы онѣ играли намъ, какъ на музыкальномъ инструментѣ; такъ сталъ онъ замѣчать съ углубляющей зоркостью и всегда съ какимъ-то волнующимъ, невыразимымъ ожиданіемъ, примѣшаннымъ къ радости, смѣны года, возрастаніе или уменьшеніе дней и даже игру тѣней, мѣнявшихся на гладкой стѣнѣ или на потолкѣ, запоминая, какъ свѣтъ, отраженный свѣтами, обрисовывалъ самые темные углы въ комнатахъ. Онъ зналъ и тѣ бурные оттѣнки въ облакахъ, которые предвѣщали дождь и ту слишкомъ суровую ясность, которая кажется въ упорномъ свѣтѣ удлиняющихся дней на порогѣ теплаго времени, будто дѣлается это лишь для того, чтобы затянуть дневной трудъ, чтобы учебники открывались раньше и закрывались позже. Наконецъ, однажды утромъ, когда онъ лежалъ въ постели, проснувшись раньше времени, лучъ юньскаго солнца строилъ дорогу изъ золотой пыли сквозь темную комнату, и въ этомъ лучѣ были, казалось, всѣ краски, ароматы и свѣжесть утренняго сада. Или вотъ уже сентябрь, и онъ идетъ по дорожкѣ, усыпанной краснымъ пескомъ, чтобы посмотреть на корзину съ желтыми яблоками, стоящую въ старинной прохладной гостиной; это онъ помнилъ лучше всего, — какъ ужалила его оса, сидѣвшая на гниломъ яблокѣ, какъ бросился ему въ лицо румянецъ, и онъ испыталъ приступъ внезапной жестокой боли. Вѣдь это тоже навело его на новыя мысли: чтобы забыться, онъ сталъ думать, какъ дѣлалъ тогда въ такихъ случаяхъ, и былъ пораженъ глубиной очарованія или волшебства, которое являлось на моментъ въ простомъ отсутствіи боли. Особенно однажды, когда старшій мальчикъ училъ его дѣлать цвѣты изъ растопленнаго воска и когда онъ больно обжегъ себѣ руку о свѣчку такъ, что не могъ заснуть. Онъ вспоминалъ впоследствии, какъ что-то неотвязное, бѣлый призракъ жара гдѣ-то близко около себя, который привикалъ къ нему вплотную сквозь усыпляющій запахъ примочекъ, наложенныхъ на больное мѣсто.

И вмѣстѣ съ этимъ ощущеніемъ власти чувствъ надъ собой являлась къ нему тогда и часто послѣ одна упорная мысль, мысль о томъ, каковы будутъ послѣднія впечатлѣнія его слуха и зрѣнія и какъ они застануть его, — ароматъ послѣднихъ цвѣтовъ, матовая желтизна послѣдняго утра, послѣдняя вѣсть того, что любилъ когда-то, рубли,

голоса; послѣдніе взоры глазъ передъ тѣмъ, какъ надо имъ закрыться навсегда, должны быть странно живыми, иначе не можетъ быть. Вѣдь умираютъ среди горячихъ слезъ, рыданій и прощальныхъ прикосновеній, среди умоляющихъ взглядовъ и такого глубокаго горя окружающихъ! Или это, быть можетъ, лишь тихое уплываніе всѣхъ вещей, всего великаго и малаго, такое ухождение ихъ въ какую-то ровную даль?

Ибо рано примѣшался къ его желанію жизненной красоты страхъ смерти, — страхъ смерти, который былъ еще сильнѣе отъ этой любви къ красотѣ. До тѣхъ поръ онъ еще ни разу не смотрѣлъ въ лицо мертвымъ, какъ случилось ему позже въ парижскомъ Моргѣ или на томъ необыкновенномъ кладбищѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ всѣ усопшіе должны предстать передъ погребеніемъ въ послѣднемъ парадѣ за стеклянными окнами, среди цвѣтовъ, ладана и свѣчей, — и престарѣлые священники въ церковномъ облаченіи и юноши въ бальныхъ башмакахъ и безусловно-свѣжемъ бѣльѣ. Послѣ такихъ посѣщеній эти воскресныя неподвижныя лица жили подолгу съ нимъ неразлучно, и отъ нихъ тоскливымъ дѣлался самый ясный солнечный день. Правда, онъ уже слышалъ тогда о смерти отца, о томъ, какъ въ индійской стоянкѣ унесла его лихорадка, такъ что, хотя и не во время кампаніи, умеръ онъ какъ солдатъ. Но слыша о «воскресеніи праведныхъ», ребенокъ думалъ о немъ, какъ о комъ-то, кто все еще находится гдѣ-то въ здѣшнемъ мірѣ и какъ-то печется о немъ, — величественная, хотя, пожалуй, скорѣе страшная фигура рисовалась ему, одѣтая въ красивыя военныя вещи, вродѣ фигуры на картинкѣ, изображавшей видѣніе Иисуса Навина въ Библии. О томъ же, вокругъ чего такъ тихо двигались провожавшіе и послѣ такъ торжественно пѣли, думалъ онъ, какъ объ изношенной одеждѣ, кинутой въ жилищѣ, которое опустѣло. Такъ было это для него, пока не гулялъ онъ однажды съ матерью на тамошнемъ чудесномъ кладбищѣ. Въ свѣломъ нарядѣ рѣзвился онъ среди могилъ въ тотъ лѣтній день и вдругъ въ одномъ углу наткнулся на зіяющую могилу, которая ожидала ребенка, — темный квадратъ въ свѣжей травѣ, — сырая глина громоздилась вокругъ, пригибая къ землѣ драгоцѣнныя вѣточки цвѣтущей карликовой розы. И тогда вмѣстѣ съ знаніемъ, что и дѣти должны умирать, явился у него и ужъ больше никогда не оставлялъ его физическій ужасъ смерти, смѣшанный съ себялюбивымъ отвращеніемъ отъ близости какихъ-то отталкивающихъ живыхъ существъ и отъ удушающей тяжести сверху. Нѣтъ больше никакой величественной и милосердной фигуры въ красивомъ солдатскомъ уборѣ гдѣ-то въ здѣшнемъ мірѣ и покровительствующей ему! Но только немного бѣдныхъ и жалкихъ гостей, и надъ ними, возможно, нѣчто вродѣ фигуры, съ которой однако онъ не хотѣлъ бы встрѣтиться.

Ибо, сидя въ саду подъ открытымъ окномъ, онъ услышалъ однажды, какъ говорили, что во время безсонницы одна большая увидѣла мертвеца, сидѣвшаго рядомъ съ ней, который пришелъ звать ее отсюда; изъ этого тѣмъ-то прерваннаго разсказа онъ вывелъ ясное заключеніе, что не всѣ мертвецы на дѣлѣ переселялись на кладбище и что были они совсѣмъ не такъ неподвижны, какъ это казалось, но вели тайную, полускитальческую жизнь въ своихъ прежнихъ домахъ, являясь совершенно открыто по ночамъ, но иногда и днемъ, пробираясь изъ комнаты въ комнату безъ особенно добрыхъ чувствъ къ тѣмъ, кто дѣлитъ съ ними прежній ихъ кровъ. Всю ночь призракъ показывался въ видѣніяхъ его тревожнаго сна и не совсѣмъ исчезалъ на утро, — странный, неудобный новый членъ семьи, отъ котораго милыя домашнія комнаты становились невѣрными, подозрительными, враждебными. За то, что такъ было, онъ могъ почти возненавидѣть мертвыхъ, которыхъ было ему такъ жалко. Впослѣдствіи онъ сталъ думать, что тѣ несчастные, возвращающіеся къ дому призраки, «выходцы», какихъ представляютъ себѣ всѣ люди, плачутъ и тщетно стучатся въ запертыя двери вмѣстѣ съ вѣтромъ, и тогда рыданія ихъ слышны въ вѣтрѣ, какъ внутренній и страшный напѣвъ. И все больше отдаляя и отчуждая отъ него смерть, возвращалось къ нему время отъ времени то прежнее чувство, и даже въ живомъ мелькало ему иногда ея подобіе. Во всякое время и во всякомъ мѣстѣ вдругъ вѣяло на него дыханіемъ могилы, и образъ со стиснутымъ подбородкомъ, со странной улыбкой, съ прямыми сухими ногами рисовался передъ нимъ внезапно на яркомъ коврѣ, среди веселаго общества или въ счастливѣйшія минуты бесѣды съ самимъ собой.

У большинства дѣтей мрачные вопросы, съ которыми связаны подобныя впечатлѣнія, если только они являются вообще, бывають обыкновенно навѣяны религіозными книгами, и оттого дѣти часто смотрятъ на такія книги съ тайнымъ отвращеніемъ и стараются изгнать ихъ изъ своихъ обычныхъ мыслей, какъ что-то слишкомъ тягостное. У Флоріана эти чувства и эти сомнѣнія въ послѣднемъ выводѣ судьбы человѣка, въ согласіи между жизнью и смертью, возникли невольно, въ естественномъ развитіи его души, благодаря сильной внутренней наклонности къ печальнымъ тонамъ, усиленной впоследствии различными обстоятельствами. И религіозное сознаніе, система библейскихъ завѣтовъ, въ которыхъ былъ онъ воспитанъ, казалось ему тѣмъ, что можетъ смягчить, облагородить и возвысить, какъ бы «живой надеждой», уже глубоко внѣдрившуюся въ немъ душевную боль. И такъ, онъ охотно тянулся навстрѣчу религіознымъ вѣяніямъ, испытывая точно мистическую жажду всего священнаго, тѣмъ болѣе, что они исходили отъ одного благочестиваго лица, кото-

рое любило его такъ нѣжно и полагало, что столь раннее влеченіе въ ребенкѣ уже указывало на его предназначеніе къ святой жизни. Онъ сталъ любить ради нихъ самихъ церковныя свѣчи, праздники, все, что относится къ красивому обиходу алтарей, таинственность ихъ бѣлыхъ покрововъ и священныхъ сосудовъ и купелей, наполненныхъ прозрачною водою; іератическая простота и чистота всего этого сдѣлалось для него образцомъ того, что хотѣлъ бы онъ видѣть въ жизни вокругъ себя. Онъ подолгу сидѣлъ надъ картинками въ религіозныхъ книгахъ и зналъ наизусть, какъ схватилъ Іакова боровшійся съ нимъ ангелъ, какимъ былъ Іаковъ въ своемъ таинственномъ снѣ и какъ были пригрѣплены колокольчики и гранаты къ краямъ Аароновыхъ одеждъ, звенѣвшіе такъ тонко, когда онъ скользилъ по дерну святилища. Религія уже сдѣлалась для него тѣмъ, чѣмъ и осталась впослѣдствіи, — священнымъ преданіемъ, конечно, но еще больше того священнымъ идеаломъ, неземнымъ истолкованіемъ или изображеніемъ, въ которомъ выступаетъ яснѣе и выразительнѣе все свѣтлое и все темное человѣческой жизни и ея обычныхъ или особенныхъ происшествій, рожденія, смерти, брака, юности, старости, слезъ, радости, покоя, сна и бодрствованія, — или зеркаломъ, къ которому люди могутъ обратить свой взоръ отъ скуки и суеты жизни и увидѣть въ немъ себя какъ ангеловъ, со всѣми повседневными дѣлами, даже съ ѣдой и питьемъ, которыя тоже становятся какими-то священными прообразами, — или необходимой силой и противовѣсомъ нашего обыденнаго существованія, благодаря которой разрозненные музыкальные аккорды, звучащіе въ немъ, связываются между собой и соединяются въ общую, высшую и стройную гармонию. Въ его сознаніи отгородился уголокъ, гдѣ поселились эти священные образы, эти отраженія лучшихъ минутъ нашей жизни и въ то же время ихъ высочайшіе примѣры; дальнѣйшій опытъ лишь еще больше укрѣпилъ и сохранилъ тотъ уголокъ души. Ему всегда было нужно, чтобы какія-то безплотныя іератическія существа жили тамъ и поддерживали теплоту. И онъ едва могъ понять тѣхъ, кто способны считать себя счастливыми безъ такихъ небесныхъ спутниковъ и святыхъ двойниковъ своей жизни гдѣ-то близко около себя.

Такъ постоянно въ его представленіи временное и случайное замѣнялось общимъ. Ангеловъ можно встрѣтить на дорогѣ подъ англійскимъ вѣзомъ или букомъ; простые посыльные казались иногда ангелами, исполняющими небесныя порученія; глубокая тайна тяготѣла надъ обыкновенными свиданіями и разлуками; браки совершались на небесахъ; и смерть тоже, руками ангеловъ, которые тихо разъединяли душу и тѣло для назначеннаго имъ успокоенія. Всѣ поступки и про-

исшествія повседневной жизни приобрѣли священный оттѣнокъ и смыслъ; даже цвѣта вещей стали обременены особымъ значеніемъ и, какъ святые тѣни Моисеевой скини, были полны миромъ или покаяніемъ. Чувство, относившееся сперва лишь къ священнымъ прообразамъ, глубокая, изливающаяся благодать Дома въ Виваніи, сдѣлалось для него постепенно тѣмъ, съ чѣмъ должно принимать наше обыденное существованіе. И одно время онъ ходилъ въ мірѣ со скрытымъ, но скорѣе пріятнымъ благоговѣйнымъ страхомъ, который навѣянъ былъ постояннымъ отгадываніемъ небеснаго участія во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни.

Впечатлительность, жажду вещественной красоты, странный библейскій страхъ, въ которомъ каждый намекъ о невидимыхъ силахъ былъ слышенъ ему, какъ торжественная музыка,—эти свойства ребенка увезъ съ собой, когда, двѣнадцати лѣтъ, его перевезли въ другое мѣсто и онъ разстался со старымъ домомъ. Онъ никогда не уѣзжалъ изъ дому раньше и многого ждалъ отъ этой перемѣны, давно мечталъ о ней и ревниво считалъ время, оставшееся до назначеннаго дня; такъ сильно желалъ онъ этого, что былъ даже невнимателемъ къ другимъ,—когда, напримѣръ, заболѣлъ Льюисъ, и пришлось отложить отъѣздъ еще на два дня. Наконецъ, наступило утро, прекрасное утро, и на всемъ, даже на камняхъ и на дорожной пыли былъ бѣловатый, жемчужный отблескъ. Имъ надо было ѣхать по любимой дорогѣ, по которой онъ часто гулялъ прежде до опредѣленнаго мѣста, а въ одинъ изъ тѣхъ дней заточенія, когда былъ боленъ Льюисъ, прошелъ даже немножко дальше, побуждаемый своей сильной жаждой новыхъ мѣстъ. Они тронулись и уже успѣли немного отъѣхать, когда вспомнили, что забыли тамъ птицу въ клеткѣ; и ему уже представилось, что она должна теперь испытывать все отчаяніе и боль и безумную тоску того, кто брошенъ другими на голодную смерть въ запертомъ домѣ. И онъ бросился за ней, самъ въ приступъ такого же отчаяннаго горя. Но когда въ поискахъ птицы проходилъ онъ по комнатамъ, такимъ блѣднымъ и кроткимъ въ своемъ разореніи, и когда добрался онъ, наконецъ, до той маленькой, бѣлой, опустѣвшей комнатки, это тронуло его такъ, будто онъ вдругъ увидѣлъ лицо умершаго, и прежняя привязанность завладѣла имъ такъ сильно, что онъ понялъ, какъ долго будетъ она жить въ немъ и какъ отниметь всякую радость въ исполненіи того, чего онъ такъ страстно желалъ. И съ найденной птицей, но самъ въ агоніи тоски по дому, такъ внезапно вспыхнувшей въ немъ, покотился онъ быстро туда, въ дорогія его мечтамъ дали полей, куда уходила эта любимая проселочная дорога.

Перевелъ П. Муратовъ.

ДѢВУШКА СЪ ЗОЛОТОЙ РѢЧКИ.

Изъ жизни Печоры.

Это было на рѣкѣ Печорѣ, въ вершинахъ ея, почти въ предгоріяхъ сѣвернаго, сѣдого, угрюмаго Урала.

Въ тотъ годъ путешествія моего въ этомъ краю я занимался раскопками жилищъ, изслѣдованіями доисторическаго человѣка.

Вотъ жизнь, полная оригинальности, увлеченій, полная любви и восторговъ, когда человѣкъ, надолго оторвавшись отъ родины, книгъ и друзей, весь, съ головой и сердцемъ, уходитъ въ какую-то новую обитель, полную таинственныхъ загадокъ. Въ обитель черепковъ, украшенныхъ чьею-то любившей искусство рукою, въ обитель неистлѣвающаго угля, полуистлѣвшихъ костей, зубовъ когда-то, вѣка назадъ съдѣнныхъ животныхъ, въ обитель остроконечныхъ стрѣлъ изъ кремня, старинныхъ каменныхъ орудій человѣка, которыми не то онъ сражался съ дикими животными, не то отражалъ нападеніе подобныхъ себѣ людей; въ обитель какихъ-то неизвѣстныхъ, сдѣланныхъ изъ неизвѣстнаго сплава, идоловъ, которыхъ онъ боготворилъ, съ страшными изображеніями лицъ допотопныхъ животныхъ. Бродишь цѣлое лѣто съ такими же дикими проводниками, какъ эти дикія, неизвѣстныя мѣста, взбираешься на горы, спускаешься въ долины, сплаваешься бурными рѣчками; все заросло кругомъ, все покрылось давно, уже вѣка, лѣсною, дикою растительностью, словно закрывъ отъ человѣка навсегда эти остатки прошлаго далебаго, — какъ вдругъ, на поворотѣ рѣки, на красивой излучинѣ — высокій обросшій мохомъ вурганъ, или просто ровъ на мѣстѣ вѣкового сосноваго бора, или яма среди чащи. Яма, а сердце бьется уже какимъ-то особеннымъ темпомъ, глаза разгораются, и тысячи мыслей одна другой снѣдѣ кружатся въ головѣ, слѣдя за каждой выброшенной лопатой. И въ результатъ безсонныхъ ночей, мириадовъ комаровъ, которые васъ измучили, какой-нибудь черепокъ съ оригинальными, псевдан-

ными еще, но простыми въ сущности орнаментами, сдѣланными рукой доисторической женщины въ минуты досуга. Хламъ, ненужный, валяющійся въ нашихъ музеяхъ хламъ, который, однако, займетъ вашу любознательную голову, унесетъ ее въ давніе вѣка и нарисуетъ вамъ самую дикую, самую первобытную обстановку человѣка, который жилъ въ этихъ краяхъ, плодился зачѣмъ-то и множился; который воевалъ съ кѣмъ-то, сражался съ дикими звѣрями, или просто укрывался тутъ въ этомъ далекомъ краю, какъ укрывается теперь звѣрь и дикая лѣсная птица отъ человѣка. Хламъ, горшечекъ какой-нибудь съ выбитымъ бокомъ и съ пепломъ внутри вмѣсто вещей, а ваше воображеніе уже рисуетъ вамъ выдѣлывающую его съ любовью и пѣсней нагую женщину, которая вотъ поставила его между своими бѣлыми колѣнями и точить его, красиво согнувшись. И воображеніе уже рисуетъ вамъ обстановку ея жилища, мужа съ накинutoй медвѣжьей шкурою, сѣдого старика, обтачивающаго какой-нибудь камень, маленькихъ полуголыхъ дѣтей, выползающихъ на этотъ берегъ изъ земляного глубокаго жилища, похожаго на медвѣжью берлогу. А сколько невинныхъ восторговъ по поводу найденнаго каменнаго топора! Сколько мечты обогатить музей коллекціей боговъ, которые—увы!—потомъ бесполезно валяются въ музей, въ пыли, лишь изрѣдка останавливая на себѣ взоръ какого-нибудь скучающаго ученаго.

Вотъ въ это-то счастливое время молодости и невинныхъ восторговъ и случилось то, о чемъ я много разъ мечталъ написать, но передъ чѣмъ останавливался, желая сдержать честное слово человѣка.

Случилось такъ, что, забравшись въ вершину рѣки Печоры, я былъ вдругъ оставленъ проводниками своими—вогулами.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ дикомъ краю трудно найти постоянного проводника на все ваше лѣто: нанимаются къ вамъ изъ милости, ходятъ съ вами, пока не наскучитъ ваша глупая любознательность,—деньги тутъ столько же значать, сколько какой-нибудь раскрашенный лоскутъ бумажки,—обязательствъ ровно никакихъ, и вамъ вдругъ заявляютъ, что вы остаетесь одни, даже не подумавши, что вы въ чужомъ краю и рискуете своею жизнью. Своего рода забастовка неожиданная, только съ тою разницею, что она не на заводѣ, не въ хозяйствѣ, а въ дикомъ лѣсу, и вы можете выпутываться изъ нея, какъ хотите: возвратитесь въ жилище проводниковъ и живите тамъ, ничего не дѣлая, или двигайтесь впередъ, но уже надѣясь только на свое ружье и силы. И ничего, что вы въ 100 и болѣе верстахъ отъ вашей зимовки; ничего и такъ, что у васъ въ сумѣ нѣтъ лишняго сухаря про запасъ.

Такъ было и въ этомъ случаѣ, когда я рѣшился сплавиться въ сторону русскаго жилья отъ этихъ дикарей, воспользовавшись долбеной лодкой.

— Смотри, черезъ переборы только на ней не ѣзди: живо вывалишься, какъ наскочишь на камень!—говорили мнѣ, усаживая меня въ это долбленое и немного разведенное дерево, проводниги, когда я простился съ ними, отправляясь на Печору. Я обѣщалъ имъ быть какъ можно внимательнѣе; я видѣлъ, что они, хотя покидаютъ меня одного, но жалѣютъ.

— Лыска-то зови, Лыска-то!—кричали они, когда я уже тронулся въ путь, быстро уносимый теченіемъ горной рѣки, и указывали мнѣ на мою оставшуюся непосаженной собаку. Но объ Лыскѣ они напрасно заботились: песь живо сообразилъ, куда я направился, и бросился догонять меня берегомъ, даже и не думая садиться и проситься въ зыбкую лодку.

Переката три-четыре я миновалъ самымъ благополучнымъ образомъ, сплавляя душегубку просто свою рукой, идя по берегу; но на пятомъ мнѣ показалось это совсѣмъ ненужнымъ, и я потерпѣлъ форменное крушеніе.

Лодка на всемъ бѣгу, бѣшеномъ бѣгу, когда мелькаютъ береговые камни, когда подъ вами словно бѣжить каменное дно, лодка налетѣла на какой-то подводный камешекъ. Мгновеніе—она подскочила и что-то хрястнуло; мгновеніе—она повернулась бокомъ и ее захлестнуло водой; мгновеніе, и я сидѣлъ въ ней уже въ водѣ по поясъ и выгребалъ всѣми силами на близкій берегъ...

Лыско встрѣтилъ меня и даже помахивалъ отъ радости хвостомъ, думая, что я, наконецъ, окончилъ это головокружительное путешествіе, заставившее его носиться по берегу; но я, какъ истый морякъ, потерпѣвшій крушеніе, ощущалъ въ себѣ только избытокъ отваги.

— Пустяки, Лыско!—говорилъ я съ собакою,—маленькое крушеніе на перекатѣ, лодка еще держится, можетъ, разбито только дно; нужно вотъ немного высушиться и заняться капитальной починкою,—смолы въ лѣсу сколько угодно!

И я вытащилъ не безъ усилія весь полный свой челнокъ и опрокинулъ его на берегу,—и ахнулъ.

Вдоль всего дна обнаружились громадныя, зіяющія щели, въ носу, вдобавокъ, была солидная пробойна. Но по размысленіи оказалось, что дѣло еще поправимое, потому что то и другое можно заткнуть и залить смолою, добытою въ лѣсу, если не пожалѣть для этого пару своего бѣлья.

— Пожертвуемъ, что ли? — спрашиваю Лыска, внимательно

обнюхивающего, гдѣ лежатъ мои промокшіе сухари, и рѣшаю по вліянію его хвоста, что нужно пожертвовать, спѣшу развести костеръ и приступить къ починкѣ судна.

Но это оказалось такою не скорою штукаю, что ушелъ на нее цѣлый вечеръ. Пришлось поневолѣ провести на несчастномъ перекатѣ скучную ночь, и хотя я спалъ попрежнему невозмутимо, но Лыско лаялъ всю ночь, слыша не то звѣря, не то человѣка.

Разъ даже и мнѣ послышался какъ будто голосъ человѣка, но я подумалъ, что это галлюцинація.

Утренній уральскій холодокъ разбудилъ меня еще тогда, когда все было въ туманѣ; отъ холода, чтобы разогрѣть свои члены, я рѣшилъ немедленно отправиться; Лыско тоже, казалось, только ожидалъ этого рѣшенія, повиливая своимъ хвостомъ и словно зова куда-то недалеко. Такъ какъ былъ туманъ и пуститься на челнокѣ было слишкомъ уже рискованно послѣ недавняго крушенія, то я двинулся пѣшимъ вдоль берега, ведя на бечевкѣ свое судно.

Какъ вдругъ свѣжій слѣдъ такого же какъ у меня челнока, явственный слѣдъ на сыромъ пескѣ низменнаго берега, и далѣе— слѣды ловли рыбы.

«Неводчики, — думаю; — вѣроятно, зыряне съ Печоры сюда пріѣхали за добычей семги», а Лыско уже принялъ слѣдъ и повелъ поближе къ берегу, гдѣ у самой скалы оказался и челночекъ со свѣжими слѣдами человѣка.

«Кто бы это могъ быть такой? — думаю, рассматривая отпечатокъ лаптя, старую сѣть, повѣшанную на колышки въ укромное мѣсто подъ скалою и новыя гребни отъ лодочки, заложенные въ известковую пещеру. — Ужъ не доисторическій ли человѣкъ?» — Начинаю искать дальнѣйшаго слѣда, но человѣкъ словно скрылся въ темную пещеру.

— Э-эй! — облигаю я негромкимъ голосомъ предъ этою пещерою и пугаюсь самъ, когда незнакомымъ голосомъ отвѣчаетъ мнѣ эхо. А Лыско уже напалъ на свѣжій слѣдъ и ведетъ въ кусты заросшаго берега, на которомъ я съ трудомъ нахожу маленькую, но торную, свѣжую тропу.

Закладываю пульные патроны въ оба ствола своего неизмѣннаго дорожнаго ружья и осторожно оглядываюсь: не поставлена ли гдѣ сила съ стрѣлою острою, иду за убѣгающимъ, тоже кажется въ недоумѣніи передъ этою таинственностью, Лыскомъ. Какая-то маленькая рѣчка на пути; перебираюсь черезъ нее по камешкамъ и замѣчаю мутную воду.

«Можетъ быть, звѣрь взмутилъ, — думаю, — въ комарное время не мало лосей, оленей и медвѣдей скрывается отъ гнуса въ холодной

водѣ такихъ ключей», и иду далѣе широкой уже тропою, которая направилась прямо въ болото.

Согра самая печальная: низкорослая сосна, морошка на сопочкахъ, кочки и кочки. Какая-то тетеря, забывавшаяся на кормищѣ, бросила меня даже въ дрожь, когда неожиданно захлопала крыльями. Лыско, по обыкновенію, было погнался за ней, но остановился, окликнутый посвистомъ. Весь интересъ былъ въ таинственной тропѣ, по которой въ болотѣ я насчиталъ теперь три человѣческихъ слѣда, одинъ въ лыковыхъ лаптяхъ и два другихъ маленькихъ, женскихъ, босые.

«Не скитъ ли какой?»—подумалъ я и вдругъ остановился отъ злого лая своей собаки, которая залаяла недобрымъ, какъ на звѣря, голосомъ.

Взвожу на всякій случай курки; тихонько выхожу изъ-за ближайшихъ сучковъ развѣсистаго дерева и вижу человѣка. Стараго, сѣдого человѣка, безъ шапки на головѣ, въ бѣлой рубахѣ до колѣнъ, въ знакомыхъ лапоткахъ, который стоитъ на дорогѣ, словно поджидая недобрыхъ гостей съ острогою въ рукѣ.

— Здорово, дѣдъ!—весело кричу я ему; но онъ какъ-то посматриваетъ на меня съ недоувѣрчивостью; Лыско было наступилъ на него уже окончательно, словно чуя въ немъ врага, а не ближайшаго друга-человѣка, но я бросаюсь предупредить несчастье, потому что знаю своего пса, который храбро идетъ за меня даже на медвѣдя.

— Тубо! Не тронь! Не тронь!—кричу я на Лыска, который уже ухватился своими бѣлыми зубами за рубище старика, и въ отчаяніи стрѣляю въ воздухъ.

Кажется, этотъ громкій выстрѣлъ ружья, раздавшійся въ окрестности, такъ перепугалъ старика, какъ его не испугала неожиданная встрѣча съ моею собакою: онъ присѣлъ даже на землю и вдругъ заглянулся, заглянулся мнѣ, бормоча что-то такое.

Я слышалъ явственно лишь одно:

— Только не троньте насъ, а тутъ возьмите все, что хотите!... Все отдадимъ, ничего не пожалѣемъ для вашего благородія, только не погубите наши души!...

Я остолбѣнѣлъ отъ этой неожиданной мольбы человѣка и сразу понялъ, что я попалъ на лѣсной скитъ, о которыхъ не разъ уже слышалъ на р. Печорѣ.

— Богу молитесь, дѣдушка?—говорю я ласково, желая успокоить старика, и добавляю:—не бойся, я не становой и не урядникъ,—и начинаю рассказывать ему свое приключеніе, прошу, чтобы онъ помогъ мнѣ выбраться къ Печорѣ.

— Съ тобой никого нѣтъ?—тревожно спросилъ мой старикъ и, когда я увѣрилъ его, что я—безобидный путешественникъ, онъ не пошелъ даже досматривать къ берегу, а повелъ меня прямо къ своему жилищу.

«Вотъ и живой доисторическій человѣкъ, чудь» — подумалъ я, когда увидалъ на горкѣ низенькое, почти врытое въ землю, жилище, окруженное массой костей, углей, золы, рыбьихъ головъ и прочаго хлама. Жилище, дѣйствительно, походило на жилище доисторическаго человѣка: крышу замѣняло дерно, покрывшееся густой уже растительностью; вмѣсто оконъ—кажется, только дымовое отверстіе, стѣны черны, кругомъ никакой хозяйственной постройки, даже нѣтъ саночекъ, кошки, собаки, и все это такъ замаскировано окружающей растительностью, что нужно очутиться по тропѣ возлѣ этого строенія, чуть не упереться въ его стѣну, чтобы замѣтить, что тутъ живетъ человѣкъ, и даже книжный.

«Убѣтъ, непременно заведетъ и убѣтъ», — подумалъ я на его приглашеніе быть гостемъ; однако, залѣзъ въ маленькую дверцу и очутился вдругъ среди знакомой русской обстановки. Битая, глиняная печь, лавки широкія, темные образа, подъ бревенчатымъ потолкомъ нависшія сѣти рыболова. Но что совсѣмъ обрадовало меня, это—маленькая въ углу зыбочка съ кроваткою, которая сразу безъ словъ сказала, что тутъ проживаетъ не отшельникъ какой, а цѣлое семейство.

— Ты не одинъ?—спрашиваю я уже спокойно старика, осматриваясь кругомъ и еще находя успокоительные предметы.

— Семья у меня... большая семья, другъ мой...—началъ старикъ; но я прервалъ его вопросомъ:

— Гдѣ же она?

— А какъ, должно быть, услышала, что ты выстрѣлилъ, такъ скрылась недалеко! Ужо я позову,—и онъ вышелъ на улицу и началъ посвистывать самымъ успокоительнымъ образомъ,—и черезъ минуты три на порогъ очутилась молодая дѣвушка, которая такъ и уставилась на меня сѣрыми глазами, немного смутившись.

Я залюбовался ея стройною фигурою; она была покрыта лишь рубашкою, словно она только что спала и соскочила въ испугъ.

— Здравствуй,—сказалъ я ей, улыбаясь, чтобы выйти изъ этого созерцательнаго состоянія; она кивнула головой, но постѣснялась зайти и юркнула снова куда-то на улицу, словно нарочно, чтобы смѣнить себя на порогъ новой женской фигурой.

На этотъ разъ въ дверяхъ остановилась молодая женщина съ ре-

беночкомъ, тоже въ ночной лишь рубашкѣ, качнулась было назадъ, но раздумала; она быстро зашла и, опустившись возлѣ зыбки, стала распекивать своего маленькаго, чтобы тутъ же при мнѣ, ни-сколько не стѣсняясь, покормить его грудью.

Черезъ минуту вошла еще одна женщина, старше возрастомъ, въ синемъ дубасѣ, за ней ворвалась снова дѣвушка, и онѣ, не обращая на меня вниманія, стали хлопотать около печи, даже не думая пріодѣться.

Я понялъ, что это ихъ единственное одѣяніе, и вышелъ изъ избы, гдѣ становилось душно отъ ребенка.

На улицѣ, подъ деревомъ, на бревнѣ я засталъ знакомаго старика, который шопотомъ о чемъ-то совѣтовался, повидимому, съ сыномъ. «Убьютъ» — подумалъ я еще; но стоило посмотрѣть на старика, какъ что-то успокаивало. Я началъ просить поправить свой челнокъ, сталъ спрашивать, далеко ли селеніе, рассказалъ еще разъ про себя, что я мирный человѣкъ и даже интересуюсь ими, соболѣзную ихъ отшельничеству; казалось, это успокоило ихъ, и они стали ко мнѣ дружелюбны.

Однако, въ то время, какъ старикъ, кажется, увѣровалъ въ меня, его сынъ, который посматривалъ на меня болѣе чѣмъ подозрительно, настоялъ на томъ, чтобы я сводилъ ихъ къ лодкѣ на берегъ.

— Только ружье оставь, — сказалъ мнѣ, улыбаясь, старикъ, когда я было направился за оружіемъ, — у насъ тутъ хоть и водится медвѣдь, да людей не тронетъ...

«Убьютъ, непременно убьютъ», подумалъ я еще разъ, и покорно направился съ ними къ берегу знакомою тропою.

Тамъ, на берегу, ихъ настроеніе окончательно измѣнилось въ мою пользу: когда они осмотрѣли челнокъ, они узнали его, говоря, что видали, какъ вогулы на немъ плыли на Печору, чтобы достать тамъ лошадей для своего жертвоприношенія. Мой багажъ, жалкій багажъ, съ грязнымъ бѣльемъ тоже произвелъ на нихъ самое выгодное для меня впечатлѣніе, а когда я показалъ имъ мои топографическіе инструменты, которые привели ихъ въ не малое удивленіе, то они окончательно увѣрились, что передъ ними ученый человѣкъ, котораго, какъ они знаютъ даже по своимъ книгамъ, нечего имъ опасаться.

Однако, чтобы окончательно увѣрить себя, они попросили у меня честнаго слова:

— Ты скажи намъ, побожись, что не выдашь насъ начальству вашему, — тогда мы тебя отпустимъ!

Мнѣ ничего не оставалось, какъ снять съ себя шляпу и осѣнить

себя крестнымъ знамениемъ, чтобы увѣрить этихъ боящихся начальства людей, что я не доносчикъ.

— И не напишешь никому?—спросилъ меня еще старикъ:—ты сказываешься писателемъ.

— И не напишу,—отвѣтилъ я, улыбаясь ему, и онъ улыбнулся мнѣ на этотъ разъ уже самымъ добродушнымъ образомъ и повелъ меня въ свою избу, поручивъ сыну хорошенько починить мой чепухъ, чтобы я могъ отправиться къ вечеру дальше.

Когда я вошелъ въ хижину, тамъ уже готова была для меня трапеза.

Съ какимъ волчьимъ аппетитомъ, помню, я уписывалъ ихъ какины пирожки, рыбу малосоленную, семоью икру, намазывая ее большими ломтями! . .

— Однако,—замѣчаю дѣду,—вы тутъ славно поживаете! . . .

— Ъдимъ, что Богъ послалъ. Слава Ему, тутъ всего въ изобиліи: и семга въ рѣкѣ—у самого нашего перекатика, и звѣрь въ лѣсу, а птица лѣсная чуть не садится къ намъ на домъ... Всего есть у Господа въ изобиліи, только не надо жадничать человѣку. Жадность наша разгоняетъ звѣря; жадность наша выводитъ рыбу въ рѣкѣ, отъ жадности нашей и птица Божія улетааетъ отъ человѣка...

— Какъ же вы добываете птицу и звѣря? у васъ нѣтъ ружья?

— Не нужно и ружья человѣку, друже: силочкомъ можно пропитаться, былъ бы только живъ человѣкъ, ловушкой, ямкой тамъ можно изловить любую лѣсную скотинушку, сѣтями рыбу...

— А если медвѣдь?—говорю я ему.—У васъ тутъ пропасть медвѣдя.

— И медвѣдь не страшенъ человѣку пустынному, если ты его не тронешь! Къ намъ ходитъ вотъ одинъ ужъ не первое лѣто; недавно еще внучка его видѣла, какъ ставила силочки на тетерю: она къ силку, а онъ ужъ тамъ и ѣсть ее, тетерку. Тронь его на этой пакости—задереть! Видитъ онъ—дѣвушка на него не сердится,—только посмотрѣлъ на нее, даже не поднялся съ мѣста, а она его обошла и дальше къ дому. А поди съ ружьемъ—не бывать тебѣ и съ оружіемъ живу!

Я посмотрѣлъ на дѣвушку, которая такъ и осталась въ рубашкѣ, съ обнаженными плечиками, и спросилъ ее, неужели она не боится медвѣдя.

Но дѣвушка только вспыхнула вся и посмотрѣла на меня съ какой-то укориною, словно предоставляя отвѣтить кому другому.

Старикъ замѣтилъ:

— Не замай ее разспросами: не къ лицу дѣвѣ-пустынницѣ разговаривать съ мірскимъ человѣкомъ.

Я понялъ ревность этихъ лѣсовъ и не сталъ вида показывать, что интересуюсь женщинами. Но изрѣдка я взглядывалъ на ихъ одѣяніе, которое было для меня такъ странно.

Ихъ бѣлыя рубашки, немного простроченныя на рукавахъ и груди красною ниткою, немного только спускались ниже колѣнъ и производили на меня такое впечатлѣніе, будто я попалъ въ спальню.

Слѣдомъ за первымъ замѣчаніемъ гостю послѣдовало и второе:

— Нельзя ли, друже, привязать куда пса: обнюхалъ всю избенку нашу, рошцуть женщины; не любимъ мы собаки, образа—подобія дьявольскаго.

Пришлось Лыска привязать къ ближайшей лѣсинѣ.

Послѣ трапезы въ тѣни сосны мы разговорились со старикомъ о книгахъ и церковномъ богослуженіи. Старикъ страшно ратовалъ противъ поповщины; я спорилъ съ нимъ, доказывая шаткость ихъ вѣры.

— Ты спасаешься, говорю, старикъ, а развѣ есть спасеніе, живя такъ семейно?

Старикъ съ достоинствомъ возразилъ:

— Не въ семьѣ грѣхъ, друже,—не въ женщинѣ—дьявольскомъ сосудѣ; а въ писаніи сказано: «не согрѣшивый—не спасется...»

— Да, какое же, говорю, спасеніе, дѣдъ, когда полонъ домъ ребятишекъ?

— И дѣти нужны, чтобы быть ангелами.

Я не понялъ этого мудраго отвѣта и продолжалъ:

— Какіе тутъ ангелы: вотъ подрастутъ, схоронятъ тебя,—и въ міръ. Тебѣ хорошо, ты прожилъ вѣкъ, а вѣдь имъ, поди, хочется пожить на свѣтѣ...

Старика видимо это сильно задѣло, онъ ничего не отвѣтилъ и только послѣ тяжелаго раздумья промолвилъ тихо, но убѣдительно:

— Этого Богъ не допуститъ!

Я перевелъ разговоръ на другую тему и сталъ разспрашивать старика, какъ они тутъ живутъ, что дѣлаютъ, скучно ли имъ тутъ. Но старикъ какъ-то сразу сдѣлался неразговорчивъ, какъ будто я его обидѣлъ.

Нашъ разговоръ коснулся горнаго дѣла, съ которымъ старикъ знакомъ былъ,—онъ былъ когда-то крѣпостнымъ, заводскимъ человѣкомъ. Казалось, я затронулъ что-то, особенно ему пріятное. Онъ даже измѣнился вдругъ въ отношеніи ко мнѣ и сдѣлался ласковъ, будто увидалъ роднаго человѣка.

— И золото знаешь какъ промывается?—спрашивалъ онъ меня.

— Какъ же,—говорю я,—я даже самъ былъ когда-то золотопромышленникомъ и знаю это дѣло вотъ какъ!...—Старикъ даже подскочилъ на мѣстѣ, такъ это было для него неожиданно. Но потомъ какъ-то спохватился, чтобы не выдать себя, и только сказалъ:

— Пойдемъ не то къ лодкѣ.

Я не понималъ, зачѣмъ онъ ведетъ меня,—отправить меня сейчасъ или отдать какія распоряженія. Придя на берегъ, онъ заявилъ сыну:

— Постой, Иване, не торопись починкою, надо сводить этого человѣка въ Золотой ключигъ.—И между ними произошелъ продолжительный, шопотомъ, разговоръ, послѣ котораго ремонтъ лодки былъ остановленъ окончательно, и мы направились другою тропою—вдоль рѣчки.

— Только съ условіемъ: не говорить, дать клятву, чтобы не выдать,—внушалъ мнѣ теперь старикъ важнымъ, серьезнымъ голосомъ.—Покажемъ тебѣ все, хочешь—дадимъ и золота, если укажешь; только—молчокъ. Жилу потеряли мы другой вотъ годъ, укажешь намъ жилу золотую—озолотимъ! Пропала она—найти, какъ бьемся, не можемъ!

— Развѣ вы добываете здѣсь золото?—спрашиваю я, пораженный этими открытіями.

— То-то и есть, что добываемъ. Не добывали бы, такъ не повели бы...

— И много?

Но старикъ промолчалъ, видимо рѣшивъ, что это—пустое любопытство.

Черезъ полчаса мы были уже на Золотомъ ключигѣ—маленькой рѣчкѣ, вытекавшей изъ горъ, берега которой были буквально разрыты. Тутъ яма, въ другомъ мѣстѣ ровъ саженъ съ десятокъ въ длину, тутъ колодцы глубокіе, тамъ отбросы. Обычный видъ старательскаго золотого уральскаго прииска, гдѣ простой человѣкъ не золота, кажется, ищетъ, а только лишь счастья. Облюбуешь мѣстечко, ударить шурфикъ-другой и, если нападеть на золото—моетъ его тутъ, пока самъ себѣ не зароетъ золота отбросами.

Я подошелъ къ отбросамъ, уже заросшимъ травой, взялъ горсточку и сразу замѣтилъ, что это—настоящая золотоносная почва. А старикъ съ сыномъ все шли далѣе и далѣе, уводя меня въ самую вершину маленькой рѣчки.

Мы прошли по крайней мѣрѣ съ версту разстоянія, и все было изрыто. Наконецъ, мы остановились около розсыпи, только что раз-

рытой. Поперекъ русла сдѣлана была канава, глубокая и узкая, и тутъ же рядомъ—прудикъ. Около прудика былъ жалкій старый желобокъ, по которому текла вода, обмывая свѣжее дерновище.

— Какъ же вы добываете тутъ золото?—говорю я, смѣясь, и указываю на желобъ съ дерновищемъ и травой.

— Да такъ и моемъ, вотъ тутъ бросаемъ песокъ, а изъ дерна послѣ и вытрясываемъ золото на полотнище.

Ничего не говоря, я взялъ ихъ ковшъ, наложилъ золотого песку, и сталъ промывать его, чтобы узнать, что они моютъ.

Въ первомъ же ковшѣ, на днѣ, блеснула крупная, съ зерно ячменя, золотинка.

— Однако,—говорю,—у васъ тутъ прекрасное золото!...

— Это что, теперь далеко не то, что было раньше: повѣришь—нѣтъ, въ ковшѣ одномъ добывали по три доли золота, бывали и самородки!... Только пропала жила и теперь никакъ ея не сыщешь!

Мы занялись подробными розысками; я взялъ пробы выше по рѣчкѣ и ниже, и сказалъ старику, что просто они потеряли старое русло рѣки, которое осталось, вѣроятно, вправо. Но я замѣтилъ, что и тутъ довольно съ нихъ золота,—только нужно устроить вашгертъ.

Старикъ даже отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ, когда я пообщалъ ему научить его, какъ нужно сподручнѣй добывать золото. Они тутъ же рѣшили, что я останусь у нихъ, благо я былъ одинъ, и никто не могъ заботиться обо мнѣ, даже если я пробуду у нихъ подольше.

И изъ нечаяннаго, неприятнаго, случайнаго гостя скита раскольническаго я вдругъ обратился въ гостя почетнаго.

Я дѣйствительно пробылъ съ недѣлю у этихъ добрыхъ лѣсныхъ людей, даже позабывъ на время доисторическаго человѣка; я дѣйствительно устроилъ имъ маленькій вашгертъ и показалъ, какъ нужно какъ слѣдуетъ добывать разсыпное золото; добрые люди даже выпарили меня въ своей банѣ; женщины выстирали мое грязное бѣлье, которое меня давно уже стѣсняло; даже Лыско и тотъ пользовался теперь нѣкоторымъ вниманiемъ, хотя его никакъ не пускали близко къ жилищу: болѣе,—я пользовался полною свободой: надолго уходилъ въ лѣсъ, чтобы поохотиться на крупную лѣсную птицу, скрывался по тропамъ, по которымъ были разставлены у нихъ петли и ловушечки, удилъ рыбу въ горномъ ручьѣ, гонялся даже за оленями по сограмъ, и возвращался спокойно домой, зная, что меня ожидаетъ чай и ужинъ.

Меня не дичились даже женщины; дѣти забирались къ «дядѣ» на колѣни, укладывались со мною спать, и даже строгая застѣнчивая

Ели, которая больше других избѣгала меня и была недоступна, теперь засматривалась на меня до того, что я ловилъ ея взгляды.

Это была какая-то странная, строгая дѣвушка, какая-то тайна этихъ лѣсовъ, диварка молчаливая, такая же строгая и таинственная, какъ этотъ темный лѣсъ, окружавшій ея жилище. Ни разговоръ, ни шутокъ, и порой такой сердитый, двоеданскій взглядъ, который такъ и обдастъ тебя студеною водою. И я помню, только разъ сказала она мнѣ нѣсколько словъ своимъ груднымъ и нѣсколько суровымъ голосомъ, когда мы вмѣстѣ съ ней таяли ночью неводъ.

Что за чудное время это было—эти ночныя тихія рыбалки! Я какъ сейчасъ вижу ихъ въ этомъ таинственномъ лѣсу.

Лишь только бывало наступить ночь и выплыветъ изъ-за горъ сіяющій мѣсяцъ, особенно свѣтлый на этомъ дальнемъ Сѣверѣ, какъ старикъ, руководитель всѣхъ работъ, гонить, ведетъ насъ при свѣтѣ лучины по тропѣ къ ближайшему омуту рѣки. Тихая ночь, полумракъ, известковыя берега скалы въ какомъ-то таинственномъ сіяніи, и мы тихонько пробрадываемся къ рѣкѣ, чтобы тайно закинуть сѣти. Ни шума, ни разговоръ,—одни всплески воды, когда по ней, при лунномъ сіяніи, скользятъ темныя лодки; тихо, торжественно опускается сѣть, тихо выносятъ къ берегамъ рѣки мокрая бечевка, и на тихомъ темномъ омутѣ лишь темныя поплавки, плывущіе вверхъ по рѣкѣ, вереницей.

Мокрая бечева рѣжетъ плечи, ноги уходятъ глубоко въ мокрый песокъ, грудь высоко и бурно вздымается; но въ этой картинѣ темной рѣки, съ луннымъ сіяніемъ, въ этихъ нависшихъ берегахъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ, въ этихъ скалахъ съ причудливымъ очертаніемъ столько поэзіи, что все это забыто.

И вдругъ, со стороны переката, шумъ котораго доносится волнами—двѣ огненные съ искрами лодки. Какая-то феерія волшебная среди этой тишины сѣверной природы; какое-то допотопное чудовище, выплывающее вдругъ изъ-за крутого обрыва! Слышно только, какъ валятся угли и искры на воду, угасая тамъ съ шипѣніемъ, да въ воду летятъ маленькіе камешки, пугая чуткую рыбу. И вдругъ, когда лодки уже у самаго невода, —поворотъ кругомъ, бечевы встрѣчаются, сѣть спѣшно вытаскивается на берегъ, и рѣка оживаетъ. Это трепещутъ пойманныя чудовища, которыя, какъ полѣна, выскакиваютъ изъ воды черезъ сѣть, бьются хвостомъ, своими плавнями, мечутся, въ неводъ, не желая разстаться съ свободой. А человекъ, жадный человекъ, уже столпился на берегу, торопится вытаскивать сѣти, что-то шепчетъ; кричитъ старикъ, что-то вотъ ближе, ближе шумно заплескалось въ неводъ, и на что-то уже опустилось

громадное глушило... Шумъ, плескъ въ неводѣ, серебро при лунномъ сіяніи, и на берегу, песчаномъ мокромъ берегу, уже скачутъ, корчатся, бьются о землю большія и маленькія рѣчныя обитательницы. Громадныя толстыя нельмы, семга серебрястая, хариусы, горныя маленькія форельки... Сокровище этой рѣчки, чудное лакомство, и, кажется, что мы его украли у самой природы...

И такъ всю ночь, и не одно плесо, пройденное неводомъ при лунномъ сіяніи, когда на насъ смотрять, какъ молчаливые свидѣтели, только вершины сѣдого Урала! Пройдетъ такая ночь, забрежить на Сѣверѣ, начнутъ валиться звѣздочки съ высокаго небосклона, и старикъ, довольный ловлей, ведетъ насъ снова въ темный лѣсъ, точно какой-нибудь колдунъ, таинственный владѣлецъ этого мѣста.

Такъ же таинственно, съ молитвою по утрамъ, расходилась его семья, отправляясь за ягодами, грибами, смотрѣть ловушки; такъ же таинственно, съ молитвою, она становилась на промыску тайнаго золота, когда выпадала для этого ненастная погода. И грибокъ, и ягоды, и золотыя блестящія крупинки сносились вечеромъ старику, и онъ, осматривая все, говорилъ, что это—даръ Бога. И мнѣ казалось, что я вижу живыхъ доисторическихъ людей, которые теперь только немного измѣнили свой образъ жизни.

Я подружился ужъ съ ними—съ этой лѣсной и дикой семьей, и, помню, когда настало время отправляться дальше, мнѣ даже жаль было расставаться съ ними.

Но нужно было ѣхать. Женщины, добрыя женщины, искренно полюбившія меня, теперь уже наготовили мнѣ пирожковъ въ дорогу и лепешекъ; старикъ мнѣ сунулъ на память въ руку, вѣроятно, какъ награду, маленькій сверточекъ, въ которомъ оказались золотыя самородки, и какъ-то таинственно простилась со мною недоступная дѣвушка, которая только издали кивнула мнѣ своею милою и славною головкой.

Старикъ проводилъ меня самъ до моей лодки, къ которой, словно понимая, что мы отправляемся, весело бѣжалъ, помахивая хвостомъ, мой Лыско. И вотъ я снова одинъ, на водѣ, въ моемъ челнокѣ, къ которому только придѣлали добрые люди, для безопасности на водѣ, маленькіе борты; вотъ и послѣдній, страшный перекалъ позади, о которомъ меня предупреждалъ старикъ, чтобы я снова не потерпѣлъ крушеніе, уже осталось десять плесъ позади, ужъ этотъ сбитъ со строгимъ старикомъ и молчаливою дѣвушкою словно потонулъ гдѣ-то далеко, оставшись какъ воспоминаніе, какъ вдругъ съ берега летитъ и падаетъ передо мной маленькій камешекъ.

Я помню, что даже вздрогнулъ отъ этой неожиданности; но взглянулъ по данному направленію, и я увидѣлъ бѣлый, знакомый платочекъ.

Причалить лодку было однимъ мгновениемъ, въ другое я взбираюсь на отвѣсную, высокую скалу, и передо мной Ели, прижавшаяся къ дереву; на лицѣ ея — смущеніе и яркая краска.

Я было за руку, но она сердито, попрежнему, выдернула се и проговорила такъ строго:

— Возьмите меня съ собой, братецъ, я убѣжала изъ дому!

Это было такъ поразительно, что я съ минуту не могъ понять, что случилось. Но дѣвушка объяснила. Ей тяжело, видите ли, въ лѣсу, хочется жить, дѣдушка пугаетъ ее сожженіемъ.

— Но вѣдь насъ нагонять съ тобой?—говорю я, но она увѣряетъ, что у ней весло, которымъ она будетъ быстро, быстро огребаться всю дорогу.

— Но вѣдь тамъ селенія? Насъ могутъ остановить рыбаки?

Дѣвушка ничего не боится и говоритъ:

— Я лучше утоплюсь въ этой рѣкѣ, чѣмъ дамся кому въ неволю! Все равно,—заключила она,—если не возьмешь, я не ворочусь, а брошусь лучше съ этой скалы въ омутъ!

И это сказала она такимъ серьезнымъ голосомъ, что я уже не колебался. Черезъ пять минутъ я ее усаживалъ въ челнокъ, между нами помѣстился мой Лыско, теперь, видимо, даже довольный, что мы ѣдемъ въ такомъ веселомъ обществѣ, и мы взяли за весла, быстро, быстро гребли, и челнокъ словно ожилъ подъ нашими веслами и понесся, какъ будто за нами была уже погоня.

— Тише, Ели, ты устанешь такъ! Вѣдь за нами еще не гонятся, — говорю я дѣвушкѣ, но она только оборачиваетъ ко мнѣ свое блѣдное, немного раскраснѣвшееся личико, и, улыбаясь, говоритъ:

— Ничего, у меня довольно силы!

— Какъ ты догнала меня?—спрашиваю я, когда мы, наконецъ, разговорились съ ней.

— А пока ты огибалъ этотъ мысъ, я бѣжала тропинкою, по которой ставила ловушки тетерямъ.

— Какъ ты ушла? Тебя не замѣтили?

— Нѣтъ, — говоритъ, — меня дѣдушка самъ послалъ посмотрѣть тетери ловушки.

— Гдѣ же тетери?—говорю я, смѣясь.

— Ни одной даже не посмотрѣла ловушечки, такъ торопилась, чтобы ты не проѣхалъ это плесо; потомъ мнѣ бы не догнать тебя, — ты былъ уже далеко, за перекатомъ.

— Отчего ты не сказала мнѣ этого ранѣе?

— Я боялась, что ты мнѣ откажешь!

И мы гребли и гребли, только оглядываясь назадъ на поворотахъ плеса.

Но тамъ ничего не было, былъ только слѣдъ отъ нашего движенія въ видѣ маленькой полосочки по тихой водѣ, который тотчасъ же пропадалъ за нами, какъ бы скрывая наше бѣгство.

Разъ даже дѣвушка чуть не выбросилась съ лодочки, когда вдругъ рядомъ на скалѣ раздался какой-то подозрительный шорохъ. Оказалось—медвѣдь, который потомъ съ шумомъ понесся по лѣсу, словно выворачивая тамъ съ перепуга деревья. Ели даже выронила весло и поблѣднѣла такъ, что я испугался, чтобы съ ней не сдѣлался припадокъ; я сталъ утѣшать ее, она заплакала—такъ были слабы и натянуты ея нервы. Въ другой разъ она страшно перепугалась, когда на пути мы неожиданно вспугнули оленя. Не то онъ пилъ, не то такъ стоялъ, преслѣдуемый мошгами, какъ мы наѣхали на него чуть не самой лодкой,—не замѣтивъ. Животное съ шумомъ выпрыгнуло на берегъ, поднимая воду. Лыско чуть не потопилъ челнокъ, бросившись за нимъ прямо съ лодки въ погоню, а Ели приникла ко мнѣ и охватила меня руками, блѣдная, дрожащая.

Но, къ счастью, берегъ былъ вблизи, я выскочилъ и вытащилъ и ее, и лодку на берегъ, и мы отдѣлались только испугомъ.

Какъ смѣялась она послѣ, выжимая свою бѣлую курточку и юбку.

Мы были уже далеко, догнать насъ не было возможности, и единственная забота была—это не попасть на глаза рыбакамъ и въ селеніи, которое нужно было проскочить подъ самый уже вечеръ.

— Проѣдемъ, не бойся,—утѣшалъ я Елю, и она глядѣла на меня уже какъ на спасителя, улыбалась доврчивой и милой улыбкой.

Мы, дѣйствительно, счастливо миновали партію рыбаковъ, которые, къ нашему счастью, спали послѣ обѣда; селеніе, маленькое селеніе мы проѣхали уже ночью и такъ, что тамъ насъ не слышала даже чуткая собака. Мы только попали было на какого-то рыбака, одиноко стоявшаго у своей лодки на берегу, но мы прикинулись незнающими языкъ вогулами и пронеслись быстро по рѣкѣ, не отвѣчая ни слова.

Была уже недалеко самая Печора; наша рѣка вдругъ сдѣлалась глубокою и широкою, окутавшись вечернимъ туманомъ, и мы даже рискнули завернуть въ одну встрѣчную гурью, чтобы вздохнуть тамъ немного послѣ сильнаго утомленія, отъ котораго ныло въ рукахъ и спиѣ и отзывалось во всемъ тѣлѣ болью.

Какой незамѣнимой хозяйкою оказалась Еля на этомъ становищѣ, какъ скоро она добыла огонь, какъ быстро она вскипятила мнѣ маленькій дорожный чайничекъ, съ какимъ умѣніемъ и ловкостью она поддерживала огонь, какъ ласково, мило угощала тѣми же самыми жанежками, которыя сама стряпала мнѣ, быть можетъ уже съ мыслью о бѣгствѣ!

Тутъ, на этомъ памятномъ бережкѣ, подъ высокою, вѣтвистою, громадною елью, развѣсистой, при огнѣ, она повѣдала мнѣ свою жизнь и свое горе.

Она хорошо помнитъ себя, когда мать увела ее въ лѣсъ, и онѣ очутились у этого дѣдушки. Ей приглянулось сначала въ лѣсу, — такъ тихо, уютно, хорошо было тамъ, такъ весело бѣгала шустрая бѣлка. Братья приносили ей какихъ-то невиданныхъ птицъ и звѣрей; однажды принесли ей на носилкахъ сохатаго звѣря... Они ловили рыбу въ рѣкѣ, собирали и ягоды; она привыкла, полюбила ропоть бора... Не скучно совсѣмъ было и въ трудную, зимнюю пору: они пѣли семьею длинные псалмы, дѣдушка рассказывалъ имъ про заводскія работы, а порой, въ бурную погоду, когда разыгрывался въ лѣсу буранъ, прибѣгали неожиданно и родственники, принося вѣсти изъ міра. Но мало тамъ въ лѣсу говорили про міръ: говорили больше про спасеніе, и эти слова наводили на дѣтское сердце ужасъ. Она страшно боялась огня, которымъ очищались души грѣшныя; она страшно боялась «огненнаго крещенія»... Приходили зимой откуда-то и неизвѣстные странные люди. Дѣдушка долго съ ними совѣтовался, ихъ угощалъ, потомъ высыпалъ передъ ними кучку золота, которое они уносили...

Потомъ стали ее учить. Ей долго не давалась церковная, трудная грамота, которая странна казалась ей, и какъ бы застилала свѣтъ.

Однажды ушелъ ее братъ за звѣремъ съ ловушками и такъ и не воротился по сю пору. Что только было въ ихнемъ лѣсу, когда дѣдъ узналъ, что онъ предался міру! Онъ хотѣлъ сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, который уже приготовилъ въ лѣсу изъ старыхъ, толстыхъ сучьевъ, но его умолили женщины, просили пощады для дѣтей, которыхъ онѣ носили подъ сердцемъ. Мать такъ сокрушалась о сынѣ, такъ плакала отъ упрековъ старика, который обвинялъ ее, считалъ ее виновницею бѣгства, что она зачахла съ тѣхъ поръ и умерла, не дождавшись слѣдующаго лѣта. Это была первая смерть въ ихъ лѣсу, и дѣвушка помнитъ ее какъ будто въ сновидѣніи. Сходился отсюда разный народъ, мать таскали куда-то къ рѣкѣ на маленькихъ саночкахъ еще полумертвую, принесли обратно и такъ и положили ее

въ мокрой рубашкѣ, обледенѣвшую, въ переднемъ углу подъ образами. Она умерла. Дѣвочка не смѣла даже плакать отъ страха! Куда они унесли ее, что съ ней сдѣлали, она не знаетъ.

Потомъ убѣжала весной старшая сестра въ другой свить, гдѣ она полюбила скрывавшагося отъ регрутчины бѣглаго парня. Старикъ проклялъ ее, но воротилъ; она снова бѣжала потомъ, старикъ настигъ ее, и гдѣ она теперь, Ели не знаетъ. Старикъ даже не помнитъ ея: онъ говоритъ, что она ушла къ дьяволу. Она думаетъ, увѣрена, что она утопилась.

Жениха ея нашли вдолгъ послѣ того повѣсившимся на деревѣ. Сколько воронья слетѣлось влѣвать его тѣло!

Затѣмъ привозили въ ихъ свить какую-то богатую, чудную дѣвушку.

Старикъ всю зиму отчитывалъ ее, — она не осушала глазъ. Куда увезли ее потомъ весной съ малюткой-мальчикомъ, она не знаетъ. Все это помнить она, какъ во снѣ; все это страшно ее пугало, волновало. Какимъ-то ужаснымъ ей казался послѣ лѣсъ, какимъ-то дикимъ это лѣсное спасеніе. По временамъ на нее находили сомнѣнія; по временамъ ей жутко становилось въ лѣсу; но бѣжать не было возможно: старикъ сторожилъ ее зорко отъ чужого глаза, и когда зимой приходили родные изъ деревень, являлись странные покупатели золота, онъ вводилъ ее на время въ лѣсъ и заставлялъ вязать тамъ одного сѣти.

Это — суровый, жестокосердный старикъ. Чѣмъ старше онъ становится, тѣмъ болѣе онъ суровъ и строгъ: онъ бьетъ женщинъ за самые пустяки, онъ взыскиваетъ съ нихъ неугоснительно за каждый промахъ, или заставляеть ихъ молиться день и ночь, читать по часамъ старыя книги и власть поклоны.

По временамъ на него находить изступленіе, и онъ готовъ запереть ихъ въ избѣ, сжечь поздней ночью, но онѣ отмаливаются слезами своими горячими, просятъ отложить огненное крещеніе.

— Что будетъ теперь!... Что будетъ теперь!... — закончила бѣдная дѣвушка, и даже задрожала вся, затряслась, прижавшись ко мнѣ, при мысли, что будетъ тамъ въ свиту, когда онъ догадается о бѣгствѣ.

— Сожжеть!... Сожжеть!... Завтра же сожжеть всѣхъ! — шептала она, и слезы душили ее, ея слабыя, полудѣтскія плечики трепетали отъ рыданій.

Я утѣшалъ ее: онъ подумаетъ, что ты заблудилась въ лѣсу... онъ подумаетъ, что ты встрѣтилась съ медвѣдемъ... Но она только рыдала.

— Жегь бы себя самого, проклятый дѣдушка!—крикнула она въ испугѣ, и сама испугалась своего громко раздавшагося въ лѣсу голоса, и прижалась ко мнѣ въ испугѣ.

Я успокоилъ ее, просилъ не волноваться, и мы проговорили съ ней всю ночь, даже позабывъ о страшномъ утомленіи.

Подъ утро ее сломила усталость, и она такъ и заснула у меня на колѣняхъ, обнявши меня рукой, какъ бы боясь, чтобы я не оставилъ ея, не выдалъ ея пустынь.

Насъ разбудила бѣлочка, которая, оказывается, спала на этой толстой и вѣтвистой ели: она уронила на насъ еловую шишку, и это такъ поразило насъ, что мы оба похолодѣли отъ страха. Но я указалъ Ели пушистую виновницу на вѣточкѣ, и она улыбнулась звѣргу, и сказала:

— Она всегда заигрываетъ со мной въ лѣсу, сколько разъ она пробуждала меня отъ думъ,—и вдругъ заторопилась въ дорогу.

Мы выскользнули изъ ночного убѣжища на лодочкѣ и понеслись по рѣкѣ еще въ утреннемъ туманѣ.

Сегодня Ели была какая-то сіяющая, какой-то румянецъ иѣжный игралъ на ея щекахъ, и она все время оглядывалась въ мою сторону, смотрѣла на меня и улыбалась.

Я спросилъ ее, чему она рада. Она отвѣтила:

— Я сегодня узнала свободу! Теперь не догонять меня: скоро Печора!

— Куда ты, къ кому ты пойдешь?—спрашиваю я ее съ замираніемъ сердца.

— У меня гдѣ-то здѣсь есть добрая тетушка... Она схоронить меня, она не прогонитъ.

Когда мы, наконецъ, выѣхали на просторъ большой рѣки, Ели даже заплакала отъ радости, увидавъ вдали деревню. Громадная рѣка шумно катила волны; на серединѣ ея ходили бѣлые, шумящіе гребешки, и я было призадумался переправляться на ту сторону, но Ели заволновалась:

— Все равно!... Все равно!... Пусть захлестнетъ водой... пусть... но только ради Христа скорѣе къ тому берегу, скорѣе!

И мы съ силою загребли противъ теченія, и у Ели закружилась голова.

Насъ спасли только набоины: волны не разъ заглядывали въ нашу несчастную, легкую, какъ перышко, душегубку, но какая-то отвага была въ груди, хотѣлось выбраться отсюда съ дѣвушкой, и я радостно крикнулъ:

— Вотъ берегъ!

Она приподнялась на носу нашей лодочки, гдѣ лежала долго, неподвижно, словно ожидая смерти, и такъ и протянула ручки по направленію къ берегу, какъ будто видя уже свободу.

Я думалъ, что она убѣжитъ отъ меня по направленію къ деревнѣ, не простившись; но она только ждала меня теперь на берегу, чтобы броситься ко мнѣ съ земнымъ поклономъ.

— Спасибо тебѣ, братецъ!—проговорила она и обвила такъ ноги мои, что я пошатнулся на мѣстѣ.

Но прежде чѣмъ я поднялъ ее и опомнился, она разстегнула свою бѣлую рубашку, сняла съ груди свой гайтанчикъ новенькій, съ серебрянымъ, осьмиконечнымъ крестикомъ и надѣла на меня, проговоривши:

— Ты мой крестный братецъ!—и такъ прижалась къ моей груди, такъ заплакала, что у меня заняло сердце.

Она, пошатываясь, ушла отъ меня, словно унося какое-то горе вмѣсто радости и свободы; Лыско порывался даже бѣжать за мою случайною спутницею, но я свиснулъ его и задумчиво отправился своей дорогой.

Гдѣ она, эта чудная дѣвушка, моя крестная сестрица, я не знаю: мнѣ не привелось бывать въ этомъ краю послѣ этого случая, но я увѣренъ, она нашла тамъ счастье, я увѣренъ, она нашла тамъ свободу!

К. Носиловъ.

Въ сумерки.

Не зажигай огня! Не вспугивай видѣній
Умолкнувшаго дня,
Чтобъ не замкнулась цѣпь живыхъ прикосновеній,
Ласкающихъ меня.
Мнѣ хочется вдыхать ихъ ароматъ безцѣльный,
Внимать ихъ смутный зовъ
И плыть задумчиво на лодкѣ безвесельной,
Не видя береговъ.
И въ зыбкихъ сумеркахъ все то, что было свято,
Я смутно уловлю
И снова все пойму, какъ въ дѣтствѣ я когда-то,
И все благословлю...

Л. М. Василевскій.

НА ОЗЕРѢ.

I.

Просыпаясь, Любавинъ еще сквозь дремоту спрашивалъ себя: «какова-то нынче погода?» потомъ поглядывалъ сонными глазами на окна, задернутыя легкими бѣлыми занавѣсками, и морщился. Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ онъ гоститъ у Ислемовыхъ, а ясныхъ дней почти не было: или небо затянуто сплошь какимъ-то грязнымъ, мокрымъ холстомъ, или съ утра съѣтъ дождь неторопливый, равномерный, унылый.

Медленно одѣваясь и умываясь, Любавинъ съ неудовольствіемъ думалъ объ Ислемовѣ: «Артемій Борисовичъ любитъ рассказывать, какъ онъ облагодѣтельствовалъ своихъ орловскихъ крестьянъ: продалъ имъ, видите ли, имѣніе за безцѣнокъ. А я увѣренъ, что онъ просто струсилъ, какъ бы его не разгромили, и поспѣшилъ продать имѣніе черезъ крестьянскій банкъ. Нагрѣлъ при этомъ себѣ руки. Это ужъ всеконечно. Недаромъ онъ такъ хлопоталъ тогда въ Петербургѣ. Вѣдь они тамъ всѣ — друзья-пріятели!»

Причесываясь передъ зеркаломъ, онъ подозрительно всматривался въ свое лицо: оно казалось ему болѣзненно одутловатымъ и преждевременно поблекшимъ. Въ сущности, Николай Петровичъ производилъ впечатлѣніе красиваго и симпатичнаго мужчины, нѣсколько изнѣжившаго себя, но еще свѣжаго и молодого. Его полноватое загорѣвшее лицо казалось на первый взглядъ мужественнымъ, какъ и вся его крупная складная фигура. Но уже со второго, болѣе внимательнаго взгляда можно было подмѣтить въ его умныхъ сѣрыхъ глазахъ что-то тревожно-затаенное и неувѣренно-пытливое, да и вся фигура его начинала казаться нѣсколько вялой, тяжеловѣсной, даже какъ будто развинченной. «Однако, мнѣ ужъ тридцать съ хвостикомъ, — думалъ онъ, повязывая галстукъ и морщась. — Вонъ Байронъ утвер-

ждаеть, что послѣ тридцати лѣтъ и жить не стоитъ. Пожалуй, онъ правъ».

Въ пасмурную погоду кофе пили не на террасѣ, а въ столовой, потому что Софья Андреевна, жена Ислемова, безумно боялась сырости. Любавинъ входилъ съ казеннымъ оживленіемъ на лицѣ, съ дружелюбной улыбкой на губахъ, съ напускной бодростью движеній. Темно-русые волосы и борода, старательно причесанные и приглаженные, отложной крахмальный воротничокъ, веселаго цвѣта, повязанный съ артистической небрежностью бѣлымъ галстукомъ-шарфомъ, и весь костюмъ его, такъ славно сидящій на его представительной фигурѣ, — все производило впечатлѣніе хорошаго тона и приличной молодцеватости.

Искусно притворяясь пріятно настроеннымъ и довольнымъ всѣмъ и всѣми, онъ терпѣливо выслушивалъ философствованія Ислемова. Съ тѣхъ поръ, какъ Артемій Борисовичъ удачно продалъ свое орловское имѣніе и положилъ въ банкъ крупную сумму, онъ сдѣлался, по его собственному признанію, философомъ: разсуждалъ съ благодушной ироніей о политикѣ, разводилъ садъ и копался въ огородѣ, «подобно древнему Діоклетіану».

— Право, я только теперь, когда мнѣ за шестьдесятъ, начинаю жить въ истинномъ смыслѣ этого слова, — говорилъ Ислемовъ, смачно поглощая свою утреннюю порцію Мечниковской простокваши. — Я только теперь вхожу настоящимъ образомъ во вкусъ жизни и могу увѣрить васъ, что это — весьма недурная штука: надо только не принимать въ серьезъ такъ называемую политику и ѣсть по утрамъ простоквашу. Хе-хе... Повѣрьте мнѣ, дорогой Николай Петровичъ: мудро живетъ лишь тотъ, кто живетъ, такъ сказать, облизывая пальчики... хе-хе.

И въ самомъ дѣлѣ, довольно было взглянуть на румяное загорѣлое лицо Ислемова, на его круглый аппетитный подбородокъ и сочныя красныя губы, чтобы удостовѣриться въ его жизнерадостности. Его жирный благодушный смѣшокъ, его пушистыя и глянцевитыя, точно шелкъ, бакы, которыя онъ любилъ расчесывать своими бѣлыми, полными, выхоленными пальцами, все наводило на мысль о чемъ-то вкусно и сытно, о какомъ-то свѣжемъ и вкусно приготовленномъ блюдѣ съ разными соблазнительными приправами.

Любавинъ вѣжливо выслушивалъ это «мурлыканье сытаго животнаго», поглядывая на дверь, откуда должна была войти Жѣня. Софья Андреевна, очень моложавая для своихъ сорока пяти лѣтъ, тоненькая и хрупкая, молча пила какао и вздыхала, смотря на дождевые потоки, медленно ползущіе по стекламъ. Вѣра Артемьевна,

старшая дочь Ислемовыхъ, полная и пышная, съ аппетитомъ, никогда не измѣнявшимъ ей, кушала яйца въ смятку, облизывая языкомъ пухлыя губы, и тоже молчала. Въ Любавинѣ онѣ обѣ возбуждали досадливое недоумѣніе: «что эти дамы дѣлаютъ по цѣлымъ днямъ? Въ чемъ проходитъ ихъ жизнь? Какъ дѣды и отцы ихъ жили паразитами на крестьянской шеѣ, такъ живутъ и всѣ они, эти Ислемовы».

Въ дверяхъ показывалась Женья, встававшая всегда позже всѣхъ, и Любавинѣ мгновенно добрълъ. Эта худенькая, стройная, еще не совсѣмъ сложившаяся дѣвушка, съ манерами граціознаго ребенка, была общимъ кумиромъ. Ею любовались и въ институтѣ, который она недавно кончила, и дома, гдѣ на нее продолжали по старой памяти смотрѣть, какъ на маленькую, наивную дѣвочку. И въ самомъ дѣлѣ, въ изящномъ овалѣ ея смуглаго личика было что-то дѣтски-нѣжное и дѣтски-невинное, а въ живыхъ глазахъ, казавшихся Любавину то темно-голубыми, то синими, такихъ ясныхъ и довѣрчивыхъ, играла по временамъ чисто-дѣтская шаловливость.

«Я положительно люблю ее!» говорилъ себѣ Николай Петровичъ, чувствуя, какъ съ появленіемъ Жени всѣ оживились, точно въ комнату ворвалась струя свѣжаго ароматнаго воздуха. Но когда начинался длинный разговоръ о томъ, какъ кто спалъ и каганъ сегодня опять плохая погода, когда Ислемовъ заводилъ свою обычную рѣчь о службахъ, которыя онъ собирался выстроить, и о купальнѣ, которую надо было поправить, Любавинымъ опять овладѣвало странное, почти болѣзненное недоумѣніе, такъ раздражавшее его, и онъ спрашивалъ себя: «да, зачѣмъ, въ сущности, торчу я здѣсь и долго ли еще буду торчать?»

Покончивъ съ кофе, не знали, что дальше дѣлать. Посматривали въ окна на дождь, постукивали по барометру. Софья Андреевна пересаживалась въ качалку и откидывала голову съ видомъ человѣка, выбившагося изъ силъ. Артемій Борисовичъ слонялся по комнатамъ, какъ бы обдумывая что-то, затѣмъ уходилъ бесѣдовать съ поваромъ. Любавинѣ читалъ дамамъ какую-нибудь повѣсть изъ толстаго журнала, а въ душѣ у него все время скребло: «Уѣду... Завтра же уѣду»!..

Потомъ долго-долго сидѣли за завтракомъ, и Артемій Борисовичъ пространно объяснялъ, что такое, собственно говоря, политика:

— Съ философской точки зрѣнія это есть не что иное, какъ огромная многоголовая вляуза. Да, да... Это—нескончаемая тяжба о правахъ, въ которой въ концѣ-концовъ никто ничего не выигрываетъ, и обѣ стороны платятъ протори и убытки. Она наполняетъ

жизнь враждой, лихорадкой борьбы, громом трескучихъ фразъ, безпрерывной грызней противъ всѣхъ...

Послѣ завтрака, если погода продолжала быть неисправной, Иселемовъ предлагалъ сыграть въ винтъ, увѣряя, что это очень содѣйствуетъ пищеваренію. Играли всѣ, кромѣ Жени, потому наскоро пили чай и опять играли. Любавинъ, мучимый «ржавыми» (какъ онъ называлъ) мыслями, игралъ разсѣянно. Ему казалось страннымъ, что онъ, человекъ труда, демократъ по своему происхожденію и взглядамъ, сблизился до такой степени съ праздною барскою компаніей. Это было больнымъ мѣстомъ Любавина. Со школьной скамьи привыкъ онъ бранить буржуазію, коситься на капиталистовъ, ворчать на привилегированныхъ. Слова: «дивиденды, проценты, купоны, рента, превосходительство, сіятельство», онъ произносилъ не иначе, какъ съ усмѣшкой. И въ то же время онъ, Николай Петровичъ Любавинъ, строилъ для богатыхъ людей дома, фабрики, самъ откладывалъ деньги въ банкъ; завелъ незамѣтно для себя самого широкое знакомство съ капиталистами; игралъ съ коммерсантами въ карты, танцевалъ на буржуазныхъ журфиксахъ съ буржуазными барышнями, пилъ шампанское съ «дивидентчиками» и самъ получалъ со своихъ акцій недурные дивиденды.

Онъ объявлялъ, что ему надоѣли карты, и вставалъ изъ-за стола, отыскивая глазами Женю. Она, какъ и онъ, тоже не находитъ себѣ съ утра мѣста: подойдетъ то къ одному, то къ другому, отвернетъ рояль, небрежно сыграетъ что-нибудь, потомъ захлопнетъ крышку, возьметъ книгу и уйдетъ къ себѣ въ комнату, потомъ опять вернется, станетъ у окна и смотреть на мокрыя деревья, а въ ея прелестныхъ наивныхъ глазахъ свѣтится все время не дѣтская грусть. Улучивъ минуту, Любавинъ удалялся съ нею въ сосѣдную комнату, чтобы поговорить наединѣ, но ничего не выходило. Во время прогулокъ они разговариваютъ обо всемъ такъ легко и свободно, а въ комнатахъ этого ужъ нѣтъ: едва они остаются съ глазу на глазъ, какъ Любавинъ первый начинаетъ чувствовать неопредѣленную опасливость. Раздается ли поблизости жирный голосъ Артемія Борисовича, пройдетъ ли мимо своей плавной лѣнивой походкой Вѣра Артемьевна, ему мерещется, что и отецъ Жени, и сестра, и мать, всѣ пахотятъ его поведеніе двусмысленнымъ. И въ продолженіе всего ненастного дня они оба съ Женей ощущаютъ какую-то связанность, которой никакъ не могутъ преодолѣть: оба напряженно ждутъ какой-то развязки и, не дождавшись, расходятся спать, нравственно-разслабленные и недовольные собой. «Уѣду! Завтра же уѣду!» говорилъ Любавинъ, словно угрожая кому-то.

Но наступало «завтра» и «послѣ завтра», а онъ не уѣзжалъ. И каждый день повторялось одно и то же: «ржавыя» мысли, вялое убиваніе времени, постукиванія по барометру и философствованія Артемія Борисовича, вздохи Софьи Андреевны, недоумѣлое ожиданіе въ глазахъ Жени—и дождь, дождь безъ конца.

II.

Въ вечеру стало проясняться, и хмурое небо улыбалось все чаще, все увѣреннѣе. Наконецъ, солнце выпуталось изъ-за густой сѣти тяжелыхъ низкихъ облаковъ и вдругъ показалось нпзко надъ озеромъ, радостное, торжественное, привѣтливо-побѣдоносное. Можно было ждать великолѣпнаго заката, и Женья, выйдя на террасу въ мантильѣ и калошахъ, предложила Любавину пойти на откосъ по-смотреть, какъ солнце будетъ погружаться въ озеро.

На самомъ краю откоса стояла когда-то скамейка, отъ которой остались теперь только два почернѣвшихъ столбика.

— Сядемте здѣсь, — сказала Женья.

— Сыро!

— Ничего.

Женья усѣлась на мокрый столбикъ и смотрѣла на солнце, быстро спускавшееся по горизонту. Любавинъ остался на ногахъ и глядѣлъ на Женю.

Смуглая, необыкновенно нѣжная и тонкая кожа ея лица окрашивалась теперь розоватымъ отблескомъ заходящаго солнца, сіявшимъ и въ ея широко открытыхъ счастливыхъ глазахъ. И вся она, такая тоненькая, изящная, съ маленькими руками и ногами, съ сѣрымъ капюшономъ, изъ котораго такъ граціозно высовывалась ея головка съ вьющимися каштановыми волосами, казалась Любавину пропитанной этимъ живымъ розовымъ свѣтомъ, искрящимся въ каждой ея чертѣ.

«Конечно, я люблю ее», думалъ онъ, любуясь дѣвухкой и начинающая ощущать въ себѣ самомъ этотъ розовый праздничный свѣтъ. Ему хотѣлось сейчасъ же сказать ей что-нибудь красивое, задушевное, такое же розовое, но вмѣсто этого онъ произнесъ:

— Встаньте: простудитесь.

— Ничего... Вы посмотрите только, какая прелесть!

Она кивнула ему на солнце и провела рукой широко по горизонту. Любавинъ впервые осмотрѣлся и былъ пораженъ красотой зрѣлища. Солнце, готовое окунуться въ озеро, все увеличиваясь и краснѣя, бросало на водный просторъ золотисто-красныя полосы, ко-

лебавшіяся вмѣстѣ съ переливами волнъ. Озеро, огромное въ длину, еще не успокоившееся послѣ продолжительныхъ вѣтровъ, дрожало мелкой дрожью, и Любавину чудилось, что оно дрожитъ отъ полноты жизни и радости. Сплошной мелкій кустарникъ, покрывавшій крутую сторону откоса зелеными кудрями, торопливо и радостно сбѣгалъ внизъ къ озеру, сверкавшему величавой красотой; а молчаливый лѣсъ, тянущійся безъ конца по высокому берегу, смотрѣлъ въ воду, скрывая въ глубинѣ своихъ темныхъ нѣдръ какую-то тайну жизни, жуткую и радостную.

Но вотъ солнце зацѣпило краемъ за воду и вдругъ стало быстро-быстро падать, точно кто-нибудь схватилъ его и потащилъ внизъ. Вмѣстѣ съ этимъ стали такъ же быстро спускаться на озеро и на землю прозрачныя мягкія сумерки; затуманился, посинѣлъ, потомъ почернѣлъ лѣсъ, и нерѣшительно, стыдливо выглянулъ изъ-за него блѣдный, наивный серпъ луны, освѣтившій угрюмое лицо Любавина.

— Вы въ послѣднее время чувствуете себя, должно быть, нехорошо?— сказала застѣнчиво Женья своимъ слабымъ, но необыкновенно чистымъ и чарующе-ласковымъ голосомъ. — Вы скучаете у насъ. Я давно замѣтила это.

— Нѣтъ, я не скучаю. О комъ или о чемъ мнѣ скучать?

— Вы бросили свои дѣла въ Петербургѣ. Не знаю, право, но мнѣ кажется, что всегда скучаешь по дѣлу, которое любишь.

— Ну, насчетъ того, люблю ли я... Мнѣ, конечно, нравится разрабатывать свои строительные планы и приводить ихъ въ исполненіе. Если работа идетъ успѣшно, я радуюсь, но чтобы у меня при успѣхѣ духъ захватывало отъ восторга... Нѣтъ, нѣтъ, этого никогда не бываетъ. Настоящей любви, которая поглощаетъ всего человѣка, тутъ нѣтъ. А надо непременно любить что-нибудь всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами, всѣми нервами.

Онъ задумался, удивленный тѣмъ неожиданнымъ для него самого оборотомъ, какой приняла ихъ бесѣда, и внезапной томительной грустью, вытѣснившей у него незамѣтно «розовое» настроеніе. Откуда она налетѣла? Повѣяло ли грустью изъ потемнѣвшаго лѣса? Дохнуло ли ею отъ нахмурившагося озера? Или принесъ ее съ собою печальный и робкій свѣтъ луны, взобравшейся уже высоко надъ лѣсомъ?

Дѣлалось сыро. Женья встала со своего столбика и повернулась къ Любавину, кутаясь къ мантилью. Ея худенькое, нѣжное личико, поблѣднѣвшее отъ мертвенныхъ лунныхъ лучей, казалось серьезнымъ, усталымъ, почти больнымъ.

— Это нехорошо, если вы никого... если вы ничего не любите... —

произнесла она тихо и застѣнчиво, но твердо, почти строго.—Это очень нехорошо. Вы, должно быть, чувствуете себя очень несчастливый?

Любавинъ замеръ, пораженный ея лицомъ и глубоко-серьезнымъ тономъ. До сихъ поръ Женя была въ его глазахъ наполовину прелестнымъ ребенкомъ, любимымъ всѣми, избалованнымъ, но добрымъ и не испорченнымъ отъ баловства. Онъ зналъ, что она любитъ читать, мечтать, что сердце у нея очень отзывчивое и чуткое. Но откуда у нея вдругъ взялся этотъ тонъ глубокаго убѣжденія, такой прочувствованный и даже какъ будто властный,—тонъ, которымъ говорятъ только вещи, много разъ продуманныя и выстраданныя?

— Да, счастливымъ я назвать себя не могу, — началъ было онъ, стараясь собраться съ мыслями, и вдругъ у него невольнo вырвались слова, которыхъ онъ за минуту передъ тѣмъ ни за что бы не рѣшился высказать. — Если я кого люблю, такъ это васъ... васъ!...

Глаза Женя блеснули, а потомъ стали загадочно-темными. Она отступила, пряча голову въ капюшонъ, рѣзко повернулась и пошла къ дому, все ускоряя шаги.

Любавинъ долго стоялъ въ смущеніи, не зная, хорошо или дурно онъ поступилъ, умно или глупо? Потомъ медленно побрелъ въ гору по спиральной дорожкѣ, чуть видной среди сосенъ и елей. Сердце сильно билось въ немъ и отъ волненія, и отъ подъема. Онъ дошелъ до подошвы высокаго песчанаго, почти отвѣснаго обрыва, надъ которымъ дерзко свѣсилась терраса, и остановился, съ трудомъ переводя дыханіе.

Здѣсь было почти темно, такъ какъ лунный свѣтъ едва-едва подкрадывался къ обрыву, слабо серебри его голую, песчаную верхушку.

— Покойной ночи!—вдругъ раздался надъ нимъ милый голосъ, въ которомъ дрожала шаловливый и ласковый смѣхъ.

Онъ поднялъ голову и различилъ на террасѣ Женю. Она перегнулась черезъ перила, еще мокрая отъ дождя и тускло блестящая при лунѣ, и искала его въ темнотѣ глазами.

— Пойдите!... Подождите минутку!...—крикнулъ онъ, задыхаясь отъ волненія и одышки.

— Покойной ночи!—повторила она съ тѣмъ же смѣхомъ и скрылась въ комнатахъ.

III.

Погода установилась. Пошли ясные, жаркіе дни.

За дачей въ лугахъ скопили траву, и когда Любавинъ утромъ открывалъ въ своей комнатѣ окна, въ нихъ мягкой волной вливался

ласкающий, уютный запах сѣна, который, казалось, придавалъ всему свой благоуханный колоритъ. Красота Жени, ея молодая, пылкая любовь сливались для Любавина въ одно живое цѣлое съ грандіозной красотой озера, съ ароматами луговъ и роць, съ голубой и насѣвозь прогрѣтой, какъ ему казалось, синевой безоблачнаго неба.

Имъ съ Женей особенно нравилось отъѣхать вдвоемъ въ лодкѣ подалеже отъ берега и чувствовать себя тамъ отрѣзанными отъ всего міра, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ и съ природой. Любавинъ, вспотѣвшій и запыхавшійся отъ гребли, складывалъ весла, и маленькая, бѣлая лодочка сонно покачивалась отъ чуть замѣтной зыби. Дальній край озера сливался съ прозрачнымъ горизонтомъ и производилъ впечатлѣніе необъятнаго моря, а луговой берегъ его, казавшійся съ горы не такъ далекимъ, теперь почти исчезалъ изъ глазъ. Съ неба лились горячіе лучи и, отражаясь сверкающимъ блескомъ въ водѣ, заставляли жмуриться; легкіе вздохи вѣтра, насыщенные запахомъ сѣна и лѣса, ласкали разгоряченныя лица. Мало-по-малу и Любавина, и Женю охватывала очаровательная истома, сладкая полудремота, которую Николай Петровичъ называлъ «блаженной нирваной».

Иногда они доѣзжали въ лодкѣ до камышей, составлявшихъ какъ бы преддверіе лугового болотистаго берега. Это они называли: «поѣхать въ лабиринтъ». Здѣсь были цѣлые острова изъ камыша, цѣлая сѣть изъ галлерей, иногда до того правильныхъ, что являлась мысль объ искусственныхъ сооруженіяхъ. Безконечный зеленый камышъ въ сажень и больше вышиною, чередуясь съ гигантской осой, тянулся во всѣ стороны, образуя въ озерѣ то правильные пересекающіеся каналы, то небольшіе круглые и четырехугольные пруды, то глубокія извилистыя бухты. Блуждая по лабиринту, влюбленные чувствовали себя въ какой-то фантастической странѣ, далекой отъ всего жилого, никому невѣдомой и недоступной.

Здѣсь они особенно наслаждались ощущеніемъ своего полнаго одиночества вдвоемъ: нѣтъ въ мірѣ никого, кромѣ нихъ, и никого имъ не нужно. Здѣсь говорили они другъ другу слова, которыя въ комнатахъ показались бы, можетъ быть, даже имъ самимъ странными, почти бессмысленными. Здѣсь они особенно полно и ярко ощущали въ себѣ то неуловимое, но вѣчно живое, что при обычной обстановкѣ спѣшить закопаться въ самыя глубокія нѣдра человѣческаго существа. Здѣсь они особенно хорошо понимали другъ друга съ одного жеста или намека; здѣсь какъ будто развертывались и смѣло раскрывались потаенные уголки въ душѣ каждаго, капризные извилины, таинственныя для самого человѣка, тѣ причудливо пере-

путанныя и скрытыя отъ всѣхъ противорѣчія въ умѣ и сердцѣ, та сокровенная для постороннихъ глазъ вибрація чувства, которая часто больше, чѣмъ что-либо, образуетъ тембръ индивидуальности.

Мысль, что ему никого, кромѣ Жени, не нужно и что одна ея любовь даетъ ему всю полноту жизни, дѣлала Любавина необыкновенно благорасположеннымъ ко всѣмъ безъ исключенія.

Онъ смотрѣлъ на Исемовыхъ, на лѣсничаго и съ удивленіемъ находилъ, что они совсѣмъ не такіе, какими представлялись ему прежде. Софью Андреевну, напримѣръ, онъ считалъ всегда недалекой, ни на что не способной барынькой, а теперь онъ видѣлъ, что она очень похожа на Женю: тѣ же нѣжные, наивные глаза, тѣ же маленькія, изящныя руки, пальцы которыхъ казались созданными для тончайшихъ работъ, хотя всю жизнь ничего не дѣлали; та же очаровательная женственность въ движеніяхъ, въ каждой складкѣ платья. Нравились ему теперь и ея длинныя, прозрачныя ногти, и какая-то постоянная истома въ ея голосѣ; но особенно милой казалась ему ея манера густо краснѣть при каждомъ неосторожномъ словѣ мужа. Глядя на Софью Андреевну и вспоминая Женю, онъ говорилъ себѣ, что красота есть сама по себѣ большая заслуга.

Да и всѣ другіе окрашивались въ его глазахъ новымъ цвѣтомъ. И остриженная подъ гребенку голова Ислемова съ небольшой розовой лысиной, и шапка черныхъ, курчавыхъ, тоже подстриженныхъ волосъ Вѣры Артемьевны, и густыя, сросшіяся брови лѣсничаго—все это казалось ему гораздо болѣе красивымъ и значительнымъ, чѣмъ раньше, и всѣ эти люди дѣлались для него одновременно и ближе, и дальше, и интереснѣе, и безразличнѣе.

Исемовъ, всегда въ очень добротномъ и очень просторномъ чечуекомъ пиджакѣ, отлично спитомъ и безукоризненно выглаженномъ, въ легкихъ сандаляхъ на красивыхъ, пухлыхъ ногахъ, съ утра уходилъ въ огородъ «работать въ потѣ лица»; но въ сущности не столько работалъ, сколько мѣшалъ работать садовнику, а больше всего—молодымъ полкамъ, къ которымъ онъ лѣзъ съ безцеремонностью закоренѣлаго барина. Онъ очень радовался, когда къ обѣду пріѣзжалъ какой-нибудь случайный гость, чаще всего—Тюриковъ. Онъ любилъ, чтобы около него было весело, чтобы жизнь кругомъ «играла, искрилась, пѣнилась этакъ». Онъ благоволилъ къ лѣсничему, хотя тотъ былъ очень мраченъ: Исемову нравилось, что тотъ молча слушаетъ его насмѣшки, не мѣшаетъ ему философствовать и побрасывать самыми сложными вопросами жизни съ легкостью опытного жонглера. Онъ любилъ садовника, маленькаго рыженькаго красно-рожаго мужика, за то, что тотъ весело отвѣчалъ на всѣ проекты Исле-

мова: «Это ничего-съ. Это можно-съ», и охотно брался за все, хотя ничего не дѣлалъ или все портилъ и былъ на рубу не чистъ, и не любилъ плотника Кузьму за то, что тотъ скептически относился къ купальнѣ, которую Ислемовъ велѣлъ поставить на «самомъ что ни есть верченомъ» мѣстѣ, такъ что ее то и дѣло сносило; и къ лодкѣ, которая текла потому, что давно «вся сопрѣла», и къ террасѣ, которая «не вѣсть на чемъ утверждается». Хотя Артемій Борисовичъ попрежнему изводилъ Любавина за завтраками и обѣдами своими разглагольствованіями, но его благодушное журчанье не раздражало теперь Николая Петровича. «Всетаки онъ—добрый и не глупый»,—думалъ онъ примирительно про Ислемова, продолжая мысленно жить вдвоемъ съ Женой, въ ихъ особомъ чудесномъ мірѣ, закрытомъ для постороннихъ.

Теперь Любавинъ готовъ былъ всемъ улыбаться, всемъ сочувствовать. Любовь до такой степени переполняла его сердце, что уже переливалась черезъ край, просачивалась, расплескивалась по дорогѣ, и брызги ея попадали въ каждого, съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился: въ лѣстиваго плута-садовника, въ его истощенную жену, вѣчно трясущуюся передъ мужемъ, въ старика-нищаго, которому онъ однажды далъ цѣлый полтинникъ.

Женя тоже изливала на всѣхъ свою любовь и ласку: собереть около себя безчисленную «саранчу» садовника (какъ пренебрежительно называлъ отецъ своихъ ребятишекъ), шутить съ ними, играть, обкормить малышей печеньемъ, конфетами, шоколадомъ. А Любавинъ глядитъ на нее съ восхищеніемъ, и ему кажется, что для нихъ ужъ началась та идеальная, самоотверженная и красивая жизнь, о которой онъ любилъ мечтать съ Женей.

IV.

По случаю хорошей погоды кофе пили на террасѣ. Утро было такое теплое, что даже забкая Софья Андреевна не куталась въ мягкій оренбургскій платокъ. За столомъ, кромѣ самихъ Ислемовыхъ и Вѣры Артемьевны, сидѣлъ еще лѣсничій Тюриковъ, человекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, угрюмый и неподвижный, весь заросшій волосами. Онъ отиравался куда-то далеко на охоту и зашелъ на перекутъ въ «Озерное» съ ружьемъ и собакой, старымъ-престарымъ понтеромъ, у котораго одинъ глазъ гноился, а другой слезился.

Увидя собаку, Ислемовъ покотился со смѣху.

— Сколько лѣтъ собачкѣ? Полтораста?

Тюриковъ пробурчалъ что-то въ отвѣтъ.

— А какъ зовутъ?

— «Сенаторъ».

— «Сенаторъ?...» Ха-ха... Это остроумно... Поди-ка ко мнѣ, почтенный сенаторъ, если тебя еще носятъ ноги.

Тюриковъ пришелъ просить помощи для безработныхъ: заводъ въ «Любимовскомъ» закрылся, и рабочіе бѣдствуютъ.

Любавина поразило, что лѣсничій говорилъ объ этомъ такъ безучастно, а потомъ точно забылъ, зачѣмъ пришелъ, и сидѣлъ, какъ въ воду опущенный.

Артемій Борисовичъ принялся иронизировать надъ безработными и вышучивать рабочій вопросъ.

— Жили голубчики тихо-мирно, честно, «бла-а-родно», шесть дней работали по заповѣди Божьей, а на седьмой шли во царевъ кабакъ, хотя на это соответствующей заповѣди и нѣтъ. Выпивали, забусывали, играли на гармоникѣ, дрались понемножку, а на другой день—опять за работу. И все шло хорошо, и всѣ были довольны... Да вотъ явились добрые люди, начали увѣрять ихъ, что они вовсе не благоденствуютъ, а даже совсѣмъ напротивъ... И пошла кутерьма! А въ результатѣ: «Подайте Христа ради!...» Впрочемъ, кой-чего они достигли: во-первыхъ, рабочій день ихъ сократился теперь до міні-шм'а, а во-вторыхъ, они стали теперь богаты... досугомъ. Да здравствуетъ же рабочій вопросъ!

Тюриковъ безмолвствовалъ и только покашивался сумрачно на дамъ, передъ которыми ему было неловко за свои грязные сапоги и сильно поношенную блузу изъ грубаго сукна.

Любавинъ не слушалъ его: онъ былъ полонъ ощущеніемъ того новаго, необычайнаго, что происходило въ немъ. Выйдя на террасу, онъ былъ пораженъ ослѣпительнымъ свѣтомъ утренняго солнца, мягкой теплотой воздуха и какимъ-то особеннымъ ароматомъ сырого, но уже прогрѣтаго лѣса. Жмурясь отъ солнца, онъ отсѣлъ съ чашкой къ широкимъ периламъ террасы и сталъ смотрѣть внизъ, на обрывъ, а еще ниже—на озеро.

Дача Ислемова, или «Усадьба Озерное», какъ любилъ называть ее Артемій Борисовичъ, стояла на высокой горѣ, среди смѣшаннаго лѣса, который тянулся справа и слѣва, спускаясь до самаго озера. Отъ террасы начиналась широкая правильная просѣка, отгрывавшая великолѣпный видъ на озеро, на его противоположный болотистый берегъ, стлавшійся необъятнымъ зеленымъ ковромъ вплоть до синѣющихъ на горизонтѣ лѣсовъ. Такого яснаго радостнаго, лигущаго утра еще ни разу не было при Любавинѣ. Рѣдкіе, страшно высокие вѣтви бѣлыхъ, прозрачныхъ облаковъ быстро неслись къ за-

паду, и нѣжная сплошная лазурь разливалась почти до горизонта. Любавинъ видѣлъ черезъ перила крутой песчаный обрывъ, блестящій на солнцѣ, видѣлъ глубоко внизу подъ горой озеро, тоже сверкавшее, видѣлъ вверху надъ головой голубую бездну, всю насыщенную лучами, и чувствовалъ себя оторваннымъ отъ земли, висающимъ, какъ воздухоплаватель, въ воздушной высотѣ. Моментами ему казалось, что для него не существуетъ ужъ законовъ тяготѣнія, что вотъ-вотъ онъ вмѣстѣ съ террасой сорвется съ мѣста и полетитъ въ высь, подобно ястребамъ, плавно рѣющимъ высоко-высоко надъ лѣсомъ.

Стежлянная дверь террасы отворилась, и вошла Женья. Она щуряла глаза и жмурилась, какъ заспавшійся ребенокъ, улыбаясь отъ мысли, что она такъ долго проспала. Отецъ при видѣ ея захлопалъ въ ладоши, мать сказала съ нѣжной улыбкой: «Женечка всегда спитъ, какъ сурокъ», а сестра прибавила: «Смотри, жениха проспичь», и ея подбородокъ дрожалъ отъ ласковой двусмысленной усмѣшки. Даже у мрачнаго Тюрикова выскочила откуда-то улыбка и, скользнувъ по губамъ и носу, застряла потомъ въ глубинѣ бороды.

Пока Женья здоровалась и усаживалась за столъ, Любавинъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, и все въ ней казалось ему очаровательнымъ, необыкновеннымъ. Легкое, бѣлое платье, давно знакомое ему, представлялось теперь удивительно воздушнымъ, и вся она, такая легкая, стройненькая, подвижная, напоминала ему нѣжно-прозрачныя полоски облаговъ, тающихъ высоко въ небѣ. И голосъ ея, такой наивный, почти дѣтскій, ясный и довѣрчивый, производилъ на него впечатлѣніе ласково и игриво журчащаго лѣснаго ручья, непрерывный лепетъ котораго доносился до него все время снизу.

За столомъ шутили, чему-то смѣялись, а Любавинъ продолжалъ плыть по воздуху, и звуки разговора доносились до него какъ будто издали.

— Вы встали пріѣхали, — сказалъ Ислемовъ лѣсническому: — я васъ послѣ обѣда такимъ мороженымъ угощу, какого никто еще не ѣдалъ. Моего собственнаго изобрѣтенія.

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и прибавилъ:

— Надо войти въ соглашеніе съ поваромъ.

Онъ вышелъ, словно танцуя на ходу, и вслѣдъ за этимъ изъ комнату донесся его жирный голосъ, такой звучный и властный:

— Пошли ко мнѣ Михея! Да вели плотнику поправить купальню. А садовникъ гдѣ? Скажи ему, чтобы онъ ждалъ меня въ огородѣ.

Софья Андреевна жаловалась на жару и предлагала всѣмъ перейти въ комнаты.

— Мы съ Николаемъ Петровичемъ поѣдемъ рыбу удить. Хотите?—спросила Женья, выглядывая на Любовина изъ-за самовара.

— Разумѣется, хочу. Разумѣется.

— Ты въ лодкѣ хочешь?

— Конечно, мамочка, въ лодкѣ.

— Ахъ, не люблю я этого!—вдохнула Софья Андреевна и, обнаживаясь платочкомъ, пошла своей колеблющейся походкой въ комнаты.

— Надо велѣтъ Малашѣ приготовить удочки да червей накопать,—сказала Женья, и, проходя мимо Любовина, бросила на него быстрый и острый, какъ иголка, взглядъ, отъ котораго сладко дрогнуло его сердце.

На террасѣ молчали. Вѣра Артемьевна кушала варенецъ, а Тюриковъ косился на ея атласныя руки, блестящія бѣлизной подъ широкими рукавами капота. Каждый разъ, какъ онъ бросалъ на нее изъ-подъ густыхъ, сросшихся бровей алчный и подозрительный взглядъ, подбородокъ ея, такой же круглый и аппетитный, какъ у отца, вздрагивалъ отъ небрежной, но многозначительной усмѣшки, и Тюриковъ, сурово сопя носомъ, отворачивалъ отъ нея свое неподвижное, волосатое лицо.

— Можеть быть, и вы хотите рыбу удить?—спросила Вѣра Артемьевна лѣсничаго.

На ея губахъ опять играла все та же лѣнливая усмѣшка, которую Любовинъ мысленно называлъ «праздной».

Тюриковъ угрюмо и безпокойно уставился на нее.

— А вы?—спросилъ онъ отрывисто, точно срубилъ дерево.

— Я? Нѣтъ, благодарю покорно. Потомъ на гору тащиться? Ужъ и сейчасъ жарко становится. Я лучше пойду куръ кормить.

Она не спѣша стряхнула со своей пышной груди крошки сдобнаго хлѣба, поднялась съ мѣста и стала плавно спускаться по ступенькамъ террасы. Тюриковъ проводилъ ее мрачнымъ и жаднымъ взглядомъ, а когда она скрылась изъ глазъ, вдругъ рѣзко повернулся къ Любовину:

— Баре!... Пирогы крупичатые!... Безе!...—произнесъ онъ, рубя свои деревья.

Въ его spiteмъ голосъ слышалось ожесточеніе. Любовинъ зналъ, что, обращаясь къ нему, Тюриковъ выдѣляетъ его изъ компаніи Ислемовыхъ, какъ «своего» человѣка, не «крупичатаго». Прежде это льстило ему, но теперь онъ посмотрѣлъ на лѣсничаго, какъ бы говоря: «мы съ вами слишкомъ мало знакомы для такихъ разговоровъ». Тюриковъ не замѣчалъ или не желалъ замѣчать этого. Вытя-

нущисъ во весь ростъ и сердито разминаясь послѣ долгаго молчаливаго сидѣнья, онъ продолжалъ выпаливать отрывистыя суровыя фразы, отъ которыхъ отдавало сумракомъ лѣса, ворчливымъ гуломъ сосенъ, завываніемъ волговъ въ темныя зимнія ночи.

— Она ничѣмъ не хочетъ беспокоить себя, эта мадамъ... вотъ эта, что сейчасъ пошла кормить сытыхъ куръ... Вѣдь сытые всегда кормятъ сытыхъ, а у голодныхъ отнимаютъ. Голодные для нихъ не интересны: имъ, этимъ барамъ, нужно, чтобы ихъ забавляли, а голодные мало забавны. Вотъ и этой бельфамѣ надо только, чтобы ее не тревожили и развлекали на всѣ лады... Ъсть, спать, улыбается, холить свое тѣло. Кожа-то у нихъ у всѣхъ нѣжная: атласъ, бархатъ, бламанже. Взять бы ихъ корявой рукой да... Мороженымъ собираются угощать... Мнѣ тѣфу ваше мороженое!

«Однако, какъ онъ одичалъ за зиму въ своемъ лѣсу, — думалъ Любавинъ, глядя съ состраданіемъ на грязную, неуклюжую фигуру Тюрикова, напоминавшую огромный вывороченный пень, весь почернѣвшій и обросшій чертополохомъ и крапивой. — Лучше бы онъ, пошелъ, вымылся, погулялъ, полюбовался на солнце, на озеро».

— Зачѣмъ же вы ѣдите сюда, если хозяйва вамъ такъ не по сердцу? — прервалъ онъ сердитое влокотанье лѣсничаго.

Волосатое лицо Тюрикова вдругъ побурѣло, въ глазахъ мелькнуло что-то виноватое.

— Я ѣзжу подѣлу. Ислемовъ собирается что-то строить: кабіето бельведеры, белендрасы. Покупаетъ лѣсъ. Канитель одна.

Любавинъ весело разсмѣялся. Всѣ подозрѣвали, что Тюриковъ неравнодушенъ къ Вѣрѣ Артемьевнѣ и потому ѣздитъ въ «Озерное» подъ разными предлогами: то зоветъ Ислемова въ ненастье ловить рыбу неведомъ, то предлагаетъ купить для Жени верховую лошадь, а потомъ оказывается, что никакой верховой лошади у него пока еще нѣтъ.

— Чего вы покатываетесь? — рявкнулъ Тюриковъ, еще больше бурѣя и злясь. — Вамъ тутъ всѣмъ весело. Безпечальное житіе! Сплошной праздникъ! Вы тоже, кажется, вошли во вкусъ и каждый Божій день чувствуете себя именинникомъ? Ха-ха!

Его прерывистый глухой смѣхъ, похожій на уханье въ пустую бочку, былъ дикимъ и сердитымъ, какъ его лицо; но въ глазахъ опять проскользнуло все то же виноватое, жалобное.

— Тутъ легко войти во вкусъ! Тутъ все вкусно: и люди, и блюда. Эта бельфамистая-то точно на мологѣ сварена... ха-ха! Тутъ не придется въ голову думать о мужикѣ, о безхлѣбѣ, о грязныхъ ко-

нурахъ, о чесоточныхъ мужичьихъ ребятишкахъ и тому подобныхъ корявостяхъ и моветонахъ...

Онъ мрачно замолкъ, увидя Женю, входящую съ удочками.

На ней былъ жокейскій картузикъ, придававшій ей видъ мальчика; изъ-подъ короткаго лѣтяго платья виднѣлись маленькія породистыя ноги въ высокихъ башмакахъ на толстой подошвѣ.

— Ну, идемъ!—весело сказала Женя и взяла Любавина подъ руку.

За обѣдомъ Тюриковъ былъ особенно задумчивъ и мраченъ, а у Вѣры Артемьевны, помѣщавшейся какъ разъ противъ него, все время блуждала на губахъ праздная, шалая усмѣшка, и вздрагивалъ отъ сдержаннаго смѣха атласный подбородокъ. Артемій Борисовичъ расшутился, доказывая, что «влюбленные—плохіе охотники», чокался съ лѣсничимъ, пилъ за «даму его сердца» и дѣлалъ намеки на какую-то его оплошность, отъ которыхъ Тюриковъ то бурѣлъ, то блѣднѣлъ. Софья Андреевна, видимо тоже посвященная въ тайну, оставившая мужа, старалась замять разговоръ, а Вѣра Артемьевна двусмысленно улыбалась. Наконецъ, послѣ одного ужъ слишкомъ прозрачнаго намека, Тюриковъ всталъ изъ-за стола, блѣдный отъ обиды и гнѣва.

— Я не ожидалъ отъ васъ этого...—хрипло произнесъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ Артемьевнѣ; потомъ взялъ картузь и ружье, стоявшее тутъ же на террасѣ, сказалъ: «Сенаторъ, пойдѣмъ» и ушелъ. Какъ ни уговаривалъ его, крича ему вслѣдъ Ислемовъ, онъ не обернулся и скоро исчезъ изъ глазъ вмѣстѣ съ своимъ престарѣлымъ понтеромъ.

— Ахъ, Вѣрочка, развѣ можно такъ? Зачѣмъ ты рассказала отцу?

— Да ужъ очень потѣшно, мама... Представь собѣ Петра Харитоновича въ роли Ромео... Хоть бы онъ передъ этимъ почистился немножко.

— Ну, онъ впадетъ теперь въ желтую меланхолію,—замѣтилъ Ислемовъ.—Мнѣ досадно только, что онъ не попробовалъ моего мороженаго: это, быть можетъ, охладило бы его африканскія страсти...

У.

Когда Любавинъ, ежась отъ утренней прохлады, вышелъ къ пруду, откуда можно было любоваться восходомъ солнца, его поразила спокойная и торжественная тишина природы. Это было не су-

меречное усталое затишье, а безмолвное, увѣренное въ себѣ ликование, радостное сознание своей неисчерпаемой силы, ласковая улыбка природы, готовой разсыпать щедрой рукой свои прекрасные дары. Казалось, тамъ, на алѣющемъ горизонтѣ звучитъ отъ края до края торжественный гимнъ въ честь любви и красоты, дивная симфонія, къ которой, точно замороженные, прислушиваются и серебрястые тополи въ саду, напоенные утренней росой, и ветлы, задумчиво склонившіяся надъ гладью пруда, и поля, и луга, уходящіе за горизонтъ.

Женя прибѣжала къ пруду какъ разъ въ ту минуту, когда брызнули первые розовые лучи солнца, и съ легкимъ восклицаніемъ восторга остановилась возлѣ Любавина. По пруду, пробираясь сквозь деревья, пошли розоватыя полосы, засверкала живымъ блескомъ роса на листьяхъ, заискрились свѣтлыя точки въ радостно-изумленныхъ глазахъ Жени. Давно Любавинъ не испытывалъ такого глубокаго восторженнаго волненія, какъ въ эти минуты. Это праздничное спокойствіе ранняго утра, полное свѣжей, сочной, неперасходованной жизни, не отравленное еще людскими заботами, дрязгами и безпокойными мыслями, не захватанное еще ничѣмъ грязными и жадными руками (какъ мысленно выражался Любавинъ), бросало какъ будто свой здоровый сіяющій отблескъ на его любовь, на Женю, на ихъ будущее. Никогда еще такъ не переполняло душу обоихъ ощущение силы и счастья, такое свѣжее, чистое, спокойно-радостное чувство. Казалось, вмѣстѣ съ этимъ сверкающимъ солнцемъ восходить для нихъ новая жизнь, насквозь пропитанная свѣтомъ и лучистымъ тепломъ, роскошный праздникъ, полный очаровательныхъ перспективъ.

Женя взяла Любавина подъ руку, прижалась головой къ его плечу, и они стояли молча, неподвижно, утопая въ солнечныхъ лучахъ. Теперь все въ нихъ было такъ свѣтло, прозрачно. Исчезли безслѣдно тѣ маленькія, но колючія недоразумѣнія, которыя вдругъ омрачаютъ любовь, порождая глухое недовольство не то самимъ собой, не то другъ другомъ. Не было больше и тѣни того бессознательнаго взаимнаго недоверія, что внезапно появится отбуда-то, отравить ненадолго обоихъ и опять скользнетъ въ невѣдомую глубину.

— Однако, надо ѣхать, — сказалъ Любавинъ.

— Да, надо...

Оба вздохнули и медленно, нерѣшительно повернули къ дачѣ, какъ бы покидая за собой огромное свѣтлое счастье, которое, можетъ быть, ужъ не повторится для нихъ.

Женя по дорогѣ зашла въ цвѣтницъ и нарвала цвѣтовъ, чтобы сдѣлать букетъ для Тюрикова.

«А я вѣдь вотъ не подумался до букета», упрекнулъ себя Любавинъ.

Въ залѣ ихъ встрѣтилъ заспанный Артемій Борисовичъ въ пестромъ шелковомъ халатѣ и мягкихъ туфляхъ, обутихъ на босу ногу.

— Pardou!—сказалъ онъ, извиняясь за свой костюмъ.— Я всталъ, чтобы предупредить васъ. Вы смотрѣли на барометръ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Любавинъ, все еще полный картиной восхода.

— Онъ сильно упалъ... Не отложить ли вамъ поѣздку?

Но Женя шумно запротестовала:

— Такое чудесное утро... На небѣ ни облачка... Нѣтъ, ѣхать! Непремѣнно ѣхать!

— Такъ возьмите, по крайней мѣрѣ, Кузьму съ собой. Онъ довезетъ васъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Они и безъ Кузьмы справятся: всего какихъ-нибудь семь верстъ.

— Да вѣдь вы изжаритесь!

— Мы будемъ останавливаться, отдыхать. Нарочно для этого встали пораньше...

— Ну, съ влюбленными не сговоришь!—махнулъ рукой Артемій Борисовичъ и пошелъ на террасу, шлепая задками туфель.

Тамъ горничная приготовила уже молока, сладкаго хлѣба, ветчины и еще какихъ-то закусокъ въ закрытыхъ судкахъ. Женя торопилась, выпила наскоро чашку молока и, сказавъ Любавину: «догоняйте!» пустилась съ террасы внизъ...

Не было ни малѣйшаго вѣтерка, но озеро медленно и лѣниво колыхалось, позвякивая цѣпью лодки у мостковъ купальни.

— Ахъ, надо воду выкачать,—сказала Женя и, доставъ изъ кормы деревянный черпакъ, принялась за дѣло. Но Любавинъ долго иѣшалъ ей, цѣлуя ея руки, шею и смуглыя, нѣжныя, слегка загорѣвшія щеки. Она смѣялась веселымъ, счастливымъ смѣхомъ и брызгала ему въ лицо водой.

— Я хочу грести,—объявила Женя и сѣла за весла.

Любавинъ сѣлъ на руль, и они поѣхали вдоль берега, съ наслажденіемъ вдыхая въ себя лѣсную свѣжесть. Тамъ и сямъ виднѣлись мужики, возившіе лѣсъ въ «Озерное». Свѣжіе сосновые обрубки, сложенные въ кучи, блестяли на утреннемъ солнцѣ, какъ червопное золото. Все казалось такимъ молодымъ, веселымъ, мужественнымъ.

Заломивъ молодецки свой жокейскій картузигъ, Женья, зарумянившаяся отъ усилій, усердно гребла, а Любавинъ смотрѣлъ на нее и переживалъ неиспытанное имъ еще чувство какого-то бодрящаго умиленія: вотъ они пріѣдутъ къ Тюрикову, все устроятъ для него, постараются вмѣстѣ съ нимъ (конечно, если онъ не очень боленъ) организовать помощь для безработныхъ; вообще, для нихъ съ Женей начнется съ этого же дня дѣятельная жизнь. Въ немъ разгоралось желаніе труда, подвиговъ, жертвъ. Онъ опять чувствовалъ себя тѣмъ юношей съ горячей головой и пылкимъ сердцемъ, который рвался со школьной скамьи въ жизнь, какъ въ бой за святое дѣло. Ему хотѣлось вернуться ко днямъ ранней молодости и, вмѣстѣ съ Женей, начать сызнова жизнь... сейчасъ же начать!

Никогда еще не говорилъ онъ объ этомъ съ Женей такъ горячо и убѣдительно, какъ въ это раннее лѣтнее утро, полное красоты и спокойной отваги.

Она слушала его, счастливая и гордая, не отрывая отъ него наивно-расширенныхъ, ласково-внимательныхъ глазъ. Легкая гилевая лодочка красиво скользила по волнамъ, такимъ густымъ, маслянистымъ. Теперь они отъѣхали довольно далеко отъ берега. Имъ предстояло перерѣзать широкую бухту, образуемую озеромъ; вдали, въ концѣ бухты, уже виднѣлся мысъ, весь заросшій лѣсомъ: тамъ, они знали, стоитъ домъ лѣсничаго.

— Бѣдный Петръ Харитоновичъ! — сказала Женья. — Можетъ быть, онъ лежитъ у себя безъ всякой помощи.

— Но вѣдь все-таки онъ не одинокъ? У него есть жена.

— Да, но они живутъ, кажется, очень бѣдно. Въ лѣсу, далеко отъ всего. Говорятъ — рана тяжелая.

— А вы увѣрены, что онъ ранилъ себя нечаянно? Знаешь, Женья (онъ говорилъ ей то «вы», то «ты»): мнѣ все это кажется подозрительнымъ. Онъ пошелъ тогда отъ насъ на охоту очень разстроенный.

— Да, я знаю, это Вѣра разстроила его: она рассказала обо всемъ мамѣ и папѣ. Петръ Харитоновичъ принялъ это за насмѣшку. Онъ тогда очень обидѣлся. Смотрите, вонъ наше «Озерное»! Я устала: пересяду на руль.

Съ лодки можно было различить флагъ, украшавшій дачу Ислюмова, и часть террасы, свѣсившуюся надъ обрывомъ. Слѣва отъ «Озернаго» тянулся по тому же гористому берегу рядъ обрывовъ, желтыхъ и красноватыхъ, а надъ ними — густая щетина лѣса.

Любавинъ смѣнилъ Женю, и она усѣлась на кормѣ, отирая платкомъ капли пота, выступившія на лбу. Небо было совершенно

безоблачно, только на западѣ, на самомъ горизонтѣ, сѣрѣла какая-то мгла. Становилось жарко, и Любавинъ гребъ нехотя. Достигнувъ середины бухты, онъ сложилъ весла. Лодка въ раздумьи медленно колыхалась, и слышно было, какъ столь же медленно перекачивалась вода подъ верхнимъ ея дномъ.

— Господи, какъ много связано у меня съ этимъ озеромъ!— воскликнулъ Любавинъ.—И подумать только, что на географическихъ картахъ оно обозначено какимъ-то едва замѣтнымъ кружкомъ! А мнѣ такъ, напротивъ, представляется, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ этого маленькаго кружочка.

Онъ какъ будто забылъ о своей недавней жадѣ подвиговъ и жертвъ и блуждалъ задумчивымъ блаженнымъ взоромъ по широкой переливающейся блескомъ глади озера, потомъ останавливалъ взглядъ на Женѣ, видѣлъ ея улыбку, милую и томную, какъ у разнѣжившагося ребенка, и самъ улыбался.

Они долго-долго молчали, какъ бы боясь спугнуть звуками напряженное ощущеніе полноты жизни и счастья, застилавшее въ нихъ всѣ другія мысли, заботы, желанія.

Озеро колыхалось мѣрно, едва замѣтно, какъ будто вздыхая дремотно всей своей широкой грудью. Лодка медленно и плавно покачивалась, убаюкивая сидящихъ въ ней равномернымъ движеніемъ. Душу обволакивало сладостное оцѣпенѣніе, та плѣнительная нирвана, когда перестаешь замѣчать теченіе времени. Не хотѣлось ни думать, ни разговаривать, ни двигаться. Солнце поднялось уже высоко и лило сверху свои жгучія волны.

Вдругъ странный, едва слышный гулъ донесся съ запада.

— Что это? громъ?— молвила Женя, встрепенувшись.

Любавинъ оглядѣлъ небо и въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Откуда грому-то быть?

Однако какая-то тревога пробѣжала по его душѣ почти неощутимой тѣнью. Онъ схватился за весла и принялся работать ими съ такой поспѣшностью, точно боялся погони.

VI.

Домъ Тюрикова былъ похожъ на простую лѣсную избу, сумрачную отъ старыхъ елей, плотно обступавшихъ ее. Черная шершавая собака, привязанная на длинной веревкѣ къ дереву неподалеку отъ крыльца, бѣшено залаяла; вся оцетинясь, она рвалась и бросалась, одичавшая и злая. Женя схватила Любавина за рукавъ и не отваживалась идти дальше.

— Кого надо?—послышался рѣзкій и неприязненный женскій голосъ.

Небольшія окна были плотно закрыты; въ форточку одного изъ нихъ просунулась растрепанная голова пожилой женщины, и маленькіе глаза смотрѣли подозрительно на Женю.

— Петра Харитоновича можно видѣть?—спросилъ Любавинъ.

Голова исчезла.

— Это, должно быть, жена его,—замѣтила Женя.

Прошло нѣсколько минутъ. Собака прыгала на веревкѣ и надрылась до сипоты.

— Входите, что ли!—крикнула та же женщина, появляясь на крыльцѣ. Все въ ней расширялось книзу: и лицо, и туловище. Ея безцвѣтные, но острые глаза были и сердиты, и скорбны.

— Вы не изъ больницы?—спросила она, пропуская мимо себя Любавина.

— Нѣтъ... А что?

— Я думала, не докторъ ли.

— А развѣ докторъ еще не былъ?

— Былъ... да больше глазъ не кажетъ. Они вѣдь только по богатенькимъ любятъ ѣздить... Я думала: онъ другого кого замѣсто себя прислалъ.

Они стояли въ просторной комнатѣ, съ темными, какъ будто прокопченными стѣнами, мрачной отъ застилавшихъ окна вѣтвей. На одной стѣнѣ висѣло ружье и пороховница, на другой—оборванное сѣдло и арапникъ; на грязномъ ситцевомъ диванѣ валялся охотничій сапогъ и лукошко... Пахло мышами и плѣсенью.

— Какъ здоровье Петра Харитоновича?—спросилъ Любавинъ.

— А вы отъ кого будете? Кто такіе?

— Мы—изъ «Озернаго».

— Отъ Ислемовыхъ?

— Да.

Женщина побагровѣла; ея глаза забѣгали тревожно и озлобленно.

— Нѣтъ, ужъ будетъ! Довольно!.. Ислемовы-то у меня вотъ гдѣ сидятъ!... Говорила я ему: «не ѣзди, не суйся къ барамъ». Вотъ и доѣздила... Вамъ-то что здѣсь надо?—крикнула она, поглядывая съ ненавистью на букетъ въ рукахъ Жени.

— Дарья!... Дарья!...—простоналъ откуда-то голосъ.

Женщина вышла съ негодующимъ ворчаніемъ, и скоро изъ-за двери донесся ея взволнованный свистящій шепотъ. Любавинъ и Женя, опѣшенные, стояли среди комнаты. Дико было видѣть здѣсь молоденькую дѣвушку, такую чистенькую, граціозную, въ кокетливомъ

гартузиѣ, съ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ въ маленькихъ ручкахъ. Вульгарный голосъ Тюриковой, ея грубыя слова такъ подѣйствовали на Женю, что она растерянно озиралась, готовая заплакать. Любавинъ уже хотѣлъ увести ее, но въ дверяхъ снова показалась Тюрикова. Глаза ея были красны отъ слезъ и гнѣва.

— Подите въ нему, полюбуйтесь. Вонъ онъ теперь пластомъ лежитъ... А вы подождите тутъ,—кинула она Женѣ.

Любавинъ колебался, но Тюрикова, угадавъ его мысль, сказала презрительно:

— Не бойтесь: никто вашу барышню не съѣстъ,—и первая вышла за дверь.

Небольшая узенькая комната, гдѣ Тюриковъ лежалъ на старомодной деревянной кровати, была вся заставлена и завалена разной рухлядью. Повсюду были разбросаны старыя газеты, которыя онъ въ разное время бралъ изъ «Озернаго», а на столигѣ у постели лежала книжка журнала съ массивнымъ вложеннымъ въ нее разрѣзнымъ ножомъ. Подъ кроватью дремалъ «Сенаторъ», протянувъ переднія лапы и положивъ между ними голову. При входѣ Любавина онъ приподнялся и хотѣлъ было зарычать, но только тяжело вздохнулъ и опять улегся.

Тюриковъ лежалъ на спинѣ, исхудалый, безкровный... По его лбу ползли крупныя капли пота. Въ комнатѣ было душно и смрадно... Онъ смотрѣлъ въ упоръ на вошедшаго и не шевелился.

— Что это вы, голубчикъ? Ай, ай, ай...—заговорилъ Любавинъ тѣмъ громкимъ, развязнымъ и неестественнымъ тономъ, какимъ хотятъ ободрить больного. Тюриковъ продолжалъ молча смотрѣть на него во всѣ глаза. Взглядъ ихъ не казался ни суровымъ, ни угрюмымъ, какъ прежде: онъ былъ подозрительно спокоенъ и мертвенно безстрастенъ, точно Тюрикову было совершенно безразлично, вошелъ ли кто-нибудь, и кто именно. Любавину сдѣлалось жутко отъ этой новой черты въ глазахъ больного, отъ какой-то крошечной точки тамъ, въ глубинѣ зрачковъ.—«Изъ его глазъ смотритъ смерть»...—подумалъ онъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—сказалъ Любавинъ, пожимая руку больного, пышащую лихорадочнымъ жаромъ.

— Вы съ кѣмъ сюда? Кто пріѣхалъ съ вами?

И голосъ у него былъ странный: однотонный, апатичный, съ легкимъ присвистомъ, точно у него выпалъ самый нужный зубъ

— Это—Женя... Евгения Артемьевна.

— А!... А я думалъ...

Онъ умолкъ и закрылъ глаза.

Грудь его высоко подымалась подъ теплымъ стеганымъ одѣяломъ, и каждый разъ при этомъ слышался звукъ, похожій на отдаленный скрипъ двери.

— Отворите окно: здѣсь мертвечиной пахнетъ, — промямлилъ онъ, точно во снѣ.

Любавинъ открылъ окно, и въ комнату влетѣлъ запахъ хвои.

— Вы ранили себя?

Тюриковъ мотнулъ головой и ткнулъ себя пальцемъ въ грудь.

— Какъ же вы такъ... неосторожно?

— Заприте дверь...

— Дверь?

Любавинъ заперъ... Больной съ усиленіемъ протянулъ руку подъ подушку и вытащилъ оттуда связку ключей...

— Откройте ящикъ стола... Вотъ этимъ ключомъ... Выньте оттуда. Я не могу самъ...

Любавинъ, продолжая недоумѣвать, отперъ ящикъ.

— Что вынуть?

— Тамъ... въ правомъ углу... Достаньте...

Любавинъ вынулъ портретъ Вѣры Артемьевны, писанный карандашемъ.

— Это?—спросилъ онъ.

— Я рисовалъ...—сказалъ Тюриковъ, и лучъ оживленія скользнулъ на мигъ по его лицу.—Похоже?

Любавинъ, когда-то самъ рисовавшій, тотчасъ же замѣтилъ въ портретѣ нѣсколько техническихъ погрѣшностей, но сходство оставалось поразительнымъ. Ужъ одинъ подбородокъ чего стоилъ: въ немъ отпечатлѣлась, какъ живая, вся Вѣра Артемьевна...

— Когда я умру, отдайте ей...

— Полноте, Петръ Харитоновичъ! Къ чему такія мысли?—Что вамъ сказалъ докторъ?

Какой-то намекъ на насмѣшку дрогнулъ подъ усами Тюрикова.

— Докторъ? Онъ говорить: «плохо цѣлились». А я знаю, что хорошо цѣлилъ... Вотъ протяну ноги, — Дарья будетъ вить... да. Она и теперь воетъ надо мной по ночамъ... Всю жизнь тряслась отъ страху, какъ бы не отняли у нея ея «барина?»... Вѣдь я для нея—баринъ... да. Я хоть чему-нибудь учился, а она *самоваръ* пишетъ черезъ *ять*... Вотъ она и не надышится... У меня вѣдь тоже есть своя — «барыня» въ «Озерномъ»... да. Потому-то я и понимаю Дарью. О чемъ, бишь, я хотѣлъ?... Да, — вотъ насчетъ безработныхъ... А почему она не пришла? Она вѣдь—богиня... Небожителица...

Онъ видимо терялъ нить. Лицо его пылало нездоровымъ жаромъ. Глаза стали мутны... Онъ опустилъ голову на подушку и долго лежалъ въ изнеможеніи съ закрытыми глазами, но не дремалъ: по лицу его пробѣгала дрожь тревожной мысли, лобъ морщился, а по временамъ казалось, что онъ шепчетъ что-то.

— Не можемъ ли мы быть для васъ чѣмъ-нибудь полезны?

— «Мы?» Кто—«мы?»—пробормоталъ съ усиліемъ Тюриковъ.

— Мы съ Евгеніей Артемьевной. Мы нарочно пріѣхали, чтобы узнать...

Больной раскрылъ глаза и остановилъ на Любавинѣ потемнѣвшій взглядъ...

— Вы вотъ можете съ ними водиться, а я не могу... Дарья правду говорила: мнѣ надо было сидѣть въ своей норѣ... Я одичалъ въ лѣсу: пни, волки... зимой—сугробы... Я одичалъ... да. Если бы не мечтать, еще можно бы было жить; а въ лѣсу всегда мечтаешь... на свою голову. Воображалъ, что боги все еще сходятъ съ Олимпа... что богиня сойдетъ ко мнѣ въ нору... т.-е. снизойдетъ... Ну—тамъ... великодушіе или... какъ называется?... Да, я великодушія искалъ... Что-жъ изъ того, что у меня сапоги были грязные? Сапоги всегда можно вычистить... Вонъ Дарья чиститъ мнѣ сапоги—не стыдится.

Онъ опять какъ будто терялъ нить, и слова его становились похожими на бредъ. Женя выразительно покашливала. Любавинъ вдругъ встревожился за нее.

— Ну, вамъ вредно много разговаривать,—сказалъ онъ, вставая, и взялъ руку больного, бессильно лежавшую на одѣялѣ.

— А она ничего не говорила... обо мнѣ?—тихо и глухо произнесъ Тюриковъ, уперевъ въ гостя тяжелый, какъ свинецъ, взглядъ.

— Она... она, конечно, страшно сожалѣетъ...—пролепеталъ Любавинъ, захваченный врасплохъ.—Онъ все прислушивался къ нетерпѣливымъ покашливаньямъ...

— Жалѣетъ?—сказалъ Тюриковъ, задыхаясь, и приподнялся со стономъ на локтѣ.—Никого она не жалѣетъ. Они умѣютъ только дѣлать визиты... да расшаркиваться на всѣ стороны... Тамъ все приличія... хорошій тонъ... комильфотность бездушная... Вотъ я сдохну,—она и не поморщится. Это не къ лицу ей... Это красотъ вредить... да.

— Полноте, Петръ Харитоновичъ, не волнуйтесь такъ. Поберегите себя...—говорилъ участливо Любавинъ, продолжая думать о томъ, какъ волнуется Женя.

— Гнусно... презрѣнно... смрадно то, что мы все отдаемъ имъ: задаромъ отдаемъ. Всѣ наши труды... идеи... наше самолюбіе... нашу

пролетарскую гордость—все, все бросаемъ къ ихъ ногамъ!.. Сами себя высѣчемъ на потѣху имъ, потому что тамъ—красота, тамъ—эстетика... О, эта гнусная красота!... Мы корчимся передъ ними, а они и бровью не поведутъ, потому что они изъ червоннаго золота, а мы—мѣдные пятаки... Ха! Ну, да постоитъ: придетъ время,—вылѣзетъ чудище и слопаетъ ихъ всѣхъ... И ее сожретъ... со всѣми ея прелестями. Все ея бездушное тѣло счавкаетъ... Только кости у богиня затрещать... Ха!

Дарья, обезпокоенная выкрикиваньями мужа, уже стучалась въ дверь. Любавинъ отперъ.

— Ну, такъ значить,—до свиданья пока. Выздоровливайте скорѣй,—молвилъ онъ скороговоркой и поспѣшилъ выскользнуть за дверь...

VII.

Опять одичалый песь неистово лаялъ, захлебываясь отъ злости и силясь сорваться съ веревки...

Лицо Жени за эти полчаса осунулось и казалось больнымъ.

— Это ужасно! ужасно, — твердила она, сбѣгая съ крыльца въ сопровожденіи Любавина.

Когда домъ лѣсничаго скрылся за деревьями, оба остановились и стали вдыхать въ себя полной грудью сильный, густой запахъ хвои. Этотъ запахъ послѣ душныхъ мрачныхъ комнатъ пьянилъ ихъ.

Внизу воздухъ былъ неподвиженъ, точно замеръ; но по веру проносился порывами вѣтеръ, и старыя ели сердито шумѣли. Надъ головами просвѣчивало чистое, синее небо, но туча, скрытая за деревьями, бросала уже свою тѣнь въ глубину лѣса... Любавинъ заторопился:

— Пожалуй, дождь будетъ... Надо ѣхать скорѣй.

Разговаривая о Тюриковѣ и женѣ его, они вышли къ мосткамъ, гдѣ стояла, запертая на цѣпи, ихъ миниатюрная лодочка рядомъ съ грубой, тяжеловѣсной лодкой лѣсничаго. Озеро грузно волновалось, и лодки стучались одна о другую, гремѣли своими цѣпиями, налетали на мости, гдѣ какая-то старуха, высоко подоткнувъ платье, полоскала бѣлье.

— Я сяду грести,—сказала Жениа.

Когда они отѣхали отъ берега, вѣтеръ, терпящийся среди деревьевъ, налетѣлъ на лодку и чуть не сорвалъ съ Любавина его соломенную шляпу.

— Вѣтеръ болѣе или менѣе попутный...—сказалъ онъ не безъ страха.

Онъ старался бодриться передъ Женей, но все тревожище поглядывалъ на желто-сѣрый край тучи, медленно выползавшей изъ-за лѣса. Изрѣдка слышалось грухое рычаніе грома, но молніи не было видно. Озеро на всемъ протяженіи безпокойно волновалось; кое-гдѣ на верхушкахъ волнъ бѣгались гребни.

— Какая прелесть!—сказала Женя, переставая грести и осматриваясь. Она уже не чувствовала тяжести на душѣ. Ей было жутко и весело.

— Да,—подтвердилъ Любавинъ, хмурясь.

— Теперь хорошо бы летѣть быстро-быстро, чтобы въ глазахъ мелькало, чтобы духъ захватывало!

— Грести же!... Мы должны торопиться...

Женя взглянула на него, и ея удалъ смѣнилась нервной суетливостью. Она молча гребла изъ всѣхъ силъ, не давая себѣ труда поправить волосы, выбившіеся изъ-подъ картуза. Теперь вѣтеръ дулъ безпрерывно, все усиливаясь. Слышно было, какъ гудѣлъ на берегу лѣсъ, и глухо донбился частый лай все еще не успокоившейся собаки.

Туча поднялась надъ лѣсомъ и сдѣлала его чернымъ. Верхушки деревьевъ упорно гнуло въ одну сторону, не позволяя имъ выпрямиться, и онѣ гнѣвно роптали на такое насиліе.

Было душно, несмотря на вѣтеръ. Туча казалась Любавину горячей, точно она несла въ себѣ кипятокъ, а солнце, еще не прикрытое ею, немилосердно жгло, точно бросая сверху раскаленные гвозди. Женя выбилась изъ силъ и просила смѣнить ее.

— Не надо было садиться на весла,—ворчалъ Любавинъ.—Теперь опасно пересаживаться: того гляди, опрокинетъ.

Онъ медленно, осторожно, почти ползкомъ добрался до веселъ и пустилъ Женю на корму.

— Тише! Не накренивай лодку!—кричалъ онъ ей, когда она, перебираясь черезъ скамейку къ рулю, обняла его за шею.

Онъ налегъ на весла и принялся грести сильными, неловкими движеніями, отъ которыхъ его бросало въ потъ. Оба сидѣли съ озаченными, осунувшимися лицами.

— Ахъ, букетъ-то мы и забыли отдать! Я оставила его на диванѣ.

Любавинъ вспомнилъ о портретѣ, который онъ долженъ былъ захватить съ собою...—«Ну, да теперь не до того!»

— Какъ жаль, что мы ничего для него не устроили!

Любавинъ продолжалъ молчать и хмуриться. Разговоръ не клеился. Брутяя, прыгающія во все стороны волны, теребили и швыряли

лодку, налетали на весла, разбивались о нихъ, падали въ лодку. Вода плескалась на днѣ и подозрительно булькала. У Жени промокли ноги: она высоко подобрала платьѣ и старательно придерживала его рукой. Любавинъ взглянулъ разсѣянно на ея маленькія изящныя ножки, которыми онъ всегда такъ восхищался, и подумалъ: «не вернуться ли?—не переждать ли бурю у Тюрикова?» Но было уже поздно: они слишкомъ далеко отъѣхали отъ мыса, и возвращаться къ нему, плывя противъ вѣтра, не было никакого расчета. Всего выгоднѣе было плыть по кратчайшему разстоянію, по направленію къ берегу, отъ котораго они были менѣе, чѣмъ въ верстѣ, оставить тамъ гдѣ-нибудь лодку и идти домой лѣсными дорогами.

Надъ самымъ лѣсомъ свернула молнія, и по лѣсу глухо раскатился продолжительный громъ...

— Правъ къ берегу! Правъ къ берегу!—крикнулъ Любавинъ.— Но едва лодка стала бокомъ къ вѣтру, какъ гребень волны съ шумомъ перебросился черезъ бортъ.

— По вѣтру правъ! По вѣтру!—кричалъ Любавинъ, и дрожь въ его голосѣ испугала Женю больше, чѣмъ надвигающаяся туча. Опять поѣхали наискось къ волнамъ, перерѣзывая бухту. Надъ «Озернымъ» небо оставалось еще голубымъ, и Жена уже различала флагъ, раздуваемый вѣтромъ.

Любавинъ, весь потный, задыхающійся, судорожно работалъ веслами, опасливо косясь на бѣлые зловѣщіе гребни, которые казались ему сѣдыми бровями какого-то многоглазого чудовища. Они все росли, множились, бороздили озеро, напирали со всѣхъ сторонъ на лодку... Подъ ногами Любавина, которыя онъ давно промочилъ, переливалась вода, но онъ ужъ не обращалъ на это вниманія. Одна мысль быстро-быстро вертѣлась въ его головѣ:— «Скорѣе, какъ можно скорѣе добраться до берега»!

Но вотъ клочковатый край темно-бурой тучи проглотилъ солнце, и озеро сначала пожелтѣло, потомъ потемнѣло. Туча была надъ головой, быстро втягивая въ себя нѣжную лазурь. Двѣ-три крупныя тяжелыя капли упали Любавину на руку и на шею, и вдругъ, точно сорвавшись съ цѣпи, яростно налетѣлъ вихрь съ дождемъ, заглушаемый то и дѣло рѣзкими ударами грома. Могучій порывъ вѣтра подхватилъ лодку и погналъ съ такой быстротой, что Любавинъ не успѣвалъ грести. Вода на днѣ все прибывала отъ ливня и съ шумомъ перекачивалась отъ борта къ борту. Любавинъ подумалъ, что лодка сейчасъ начнетъ погружаться, и, обезумѣвъ отъ страха, сталъ кричать обрывающимся голосомъ:

— Къ берегу! Къ берегу!... Да правъ же, чортъ возьми, къ берегу!

Отъ этого бѣшеннаго окрика Женя растерялась и смотрѣла въ испугѣ на его блѣдное, злое, искаженное ужасомъ лицо.

— Да правъ же, чортъ побори! Не слышишь, что ли? Воду черпай! Воду черпай скорѣй!... О чортъ!

Растерявшаяся дѣвушка не знала, что дѣлать: править или вычерпывать воду? Любавинъ, не помня себя, ворочалъ лодку то къ берегу, теперь уже близкому, то отъ берега, когда волны грозили перевернуть утлую лодочку.

«Господи, неужели мы должны погибнуть около самаго берега, когда спасеніе такъ близко?» съ отчаяніемъ думалъ онъ. Онъ видѣлъ, что лодка сидитъ въ водѣ все глубже, подвигается все медленнѣе, а волны все чаще переливаются за бортъ. Берегъ, едва просвѣчивающій сквозь дождевую сѣть, былъ, казалось, въ двухъ шагахъ, и съ него доносились уже возбужденные людскіе голоса, но было несомнѣнно, что лодка не можетъ больше держаться.

— Такъ неужели мнѣ суждено погибнуть такъ рано, такъ глупо?—мелькало въ цѣпенѣющей душѣ Любавина? На мгновеніе вспомнился ему Петербургъ, уютная квартира, журъ-фиксы у знакомыхъ, театры, рестораны... Все это вихремъ пронеслось передъ нимъ, какъ перевернутый на одинъ мигъ передъ глазами калейдоскопъ. Ахъ, лучше бы онъ не ѣздилъ въ «Озерное», не видалъ никогда этого ужаснаго озера! Такъ думалъ онъ почти безсознательно, самъ не различая хорошенько, что гнѣздилося тамъ, въ темныхъ извилинахъ души.

Вдругъ произошло что-то непонятное; налетѣла волна съ шумомъ и пѣной, упавшей на колѣни Любавина, и въ тотъ же моментъ онъ увидалъ бортъ лодки не внизу, около своей лѣвой руки, а у себя надъ головой. Потомъ онъ погрузился весь въ холодную воду, вынырнулъ и, задыхаясь, поплылъ къ берегу. Онъ услышалъ возлѣ себя странный булькающій голосъ, увидѣлъ волосы Женя, на которыхъ уже не было картуза, потомъ ея смертельно-блѣдное лицо, безумные отъ ужаса глаза. Она сдѣлала отчаянное усиліе, схватила его за рукавъ и поплыла вмѣстѣ съ нимъ. Онъ продолжалъ загребать руками, глотая воду, захлебываясь и испуская почти беззвучные крики: «А-а-а...»

Волны несли его къ берегу, а ему казалось, что онѣ не дадутъ ему плыть, что онъ не подвигается впередъ. Сердце неистово билось, болѣло остро подъ ложечкой, руки нѣмѣли... Ротъ и носъ Женя все

чаще опускались въ воду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она все сильнѣе тянула Любавина книзу.

«Тону»!..—простоналъ мысленно Любавинъ и судорожнымъ движеніемъ оторвалъ отъ своего локтя крѣпко вцѣпившуюся руку Жени.

Послѣ этого, ощутивъ на мигъ облегченіе, онъ проплылъ еще нѣсколько шаговъ. Потомъ у него закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько безсильныхъ взмаховъ... и вдругъ пересталъ видѣть передъ собой воду. Ему мерещилось, что онъ идетъ по твердой землѣ, идетъ черезчуръ ужъ тяжело и медленно, какъ бываетъ во снѣ, когда ноги точно прилипаютъ... Чудилось, что съ нимъ идутъ и другіе люди, и разговоръ ихъ похожъ на шумъ дождя, слышимый сквозь затворенныя окна.

Потомъ онъ пересталъ чувствовать себя.

VIII.

Въ комнатѣ было темно. Въ полузабытѣ Любавинъ нашарилъ инстинктивно свѣчку и спички и долго не могъ зажечь огня онѣмѣвшей рукой, странно тяжелой и какъ будто чужой. Наконецъ, это удалось ему, и онъ прежде всего посмотрѣлъ на свои часы, лежавшіе возлѣ него на ночномъ столикѣ. Часы стояли, и это почему-то обезпокоило Любавина. Платье его, которое онъ обыкновенно вѣшалъ близъ кровати на ручку кресла, теперь не было видно, и это еще больше встревожило его. Онъ повернулся въ постели и почувствовалъ боль въ груди, въ ногахъ. Тогда онъ вспомнилъ все.

Сознаніе вернулось къ нему давно, когда было еще свѣтло. Онъ уже тогда понималъ, что его привезли въ «Озерное», только не могъ отдать себѣ отчета: кто сдѣлалъ это? Онъ слышалъ голоса Ислемовыхъ, даже понималъ какъ будто, о чемъ они говорятъ. Онъ сознавалъ, что его раздѣваютъ, укладываютъ въ постель, даютъ ему нюхать что-то сильно пахучее, смачиваютъ чѣмъ-то виски, входятъ въ его комнату, уходятъ, опять входятъ... Онъ впадалъ въ забытье, просыпался, слышалъ тревожную бѣготню въ домѣ, вспоминалъ о чемъ-то ужасномъ, видѣлъ передъ собой эти страшныя волны, лѣзущія на него, ощущалъ ихъ холодное прикосновеніе. Но все тотчасъ же покрывалось въ немъ чувствомъ противной тошноты, боли въ груди и онѣмѣнія во всемъ тѣлѣ. И онъ опять погружался въ свинцовую дремоту, и тогда ему чудилось, что онъ лежитъ на дни сильно раскачавшейся лодки. «Господи, когда она перестанетъ качаться?» Ему такъ бы хотѣлось отдохнуть на чемъ-нибудь неподвижномъ, избавиться отъ этого неприятнаго замѣранія сердца.

Теперь все случившееся встало передъ нимъ съ чудовищною ясностью, и первой мыслью, пронзившей все его существо, было: «А Женя? Что она? Гдѣ она?» Онъ силился припомнить разговоры, слышанные имъ въ полузабытїи, и смутно представлялъ себѣ, что ее тоже какъ будто привезли. «Надо сейчасъ же узнать... Надо видѣть ее... Одѣться не во что... Можно кликнуть горничную... Впрочемъ, въ шкапу есть другой костюмъ...» Онъ поднялся съ постели, но вдругъ мысль, болѣе ужасная, чѣмъ ужасы, которые онъ пережилъ за этотъ день, мгновенно заморозила въ немъ всю душу и кровь, и онъ сидѣлъ какъ скованный, глядя неподвижными глазами въ темноту, чернѣвшую за окнами. Да, это не бредъ, не кошмаръ, какъ ему казалось въ забытїи: это—страшная, отвратительная правда.

Со стономъ упалъ онъ въ постель, уткнувъ лицо въ подушку и лежалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, истлѣвая душой отъ стыда, горя и отчаянїя. За окнами бушевалъ вѣтеръ, бросая въ стекла дождевыя капли, барабанившія какъ градъ, и Любавину грезилось, что это стучать и ломаться къ нему невѣдомыя злобѣщія существа, вынырнувшія несмѣтною толпой изъ глубины озера. И само озеро подступаетъ къ нему все ближе, ближе, готовое поглотить его; волны множатся, растутъ, спѣшатъ, подстерегаютъ его злорадно; сѣдые гребни лѣзутъ на гору, подбираются къ самымъ окнамъ и, притаившись, ждутъ момента, чтобы врасплохъ обрушиться на лодку, гдѣ онъ сейчасъ лежитъ разбитый, беспомощный, обезумѣвшій отъ страха. А издали доносится знакомый голосъ, молящій о спасенїи, и тянутся къ нему руки, взывая о помощи; вотъ онѣ уже ухватились за него вѣмѣющими пальцами, но онъ отдираетъ ихъ отъ себя и спѣшитъ прочь...

— Ну, какъ вы, ангелъ мой, чувствуете себя?—спрашивалъ Артемій Борисовичъ, стоя у постели Любавина въ своемъ пестромъ халатѣ.

Любавинъ смотрѣлъ на него въ упоръ тѣмъ же неподвижнымъ и безразличнымъ взглядомъ, какимъ наканунѣ встрѣтилъ его самого больной лѣсничій. Лицо Николая Петровича было почти старымъ, глаза впали и подъ ними рѣзко выдѣлялись темные ободки.

— Вамъ, должно быть, все еще нехорошо? Выпейте, дорогой мой, воды.

Любавинъ съ отвращенїемъ оттолкнулъ стаканъ.

— Не хотите? Ну, вотъ постоитъ: докторъ встанетъ... Онъ прїѣхалъ поздно, ночь не спалъ... Задала же намъ Женюрка страху!

При словѣ «Женюрка» Любавинъ весь передернулся подъ одѣяломъ, потомъ закрылъ глаза и прильнулъ лицомъ къ подушкѣ.

— Ну, зачѣмъ такъ, мой ангелъ? Все кончилось сравнительно благополучно. Не успѣеть высохнуть вашъ костюмъ, какъ вы ужъ будете на ногахъ. За Женюку тоже не бойтесь: она только потрясена, конечно, этимъ пассажемъ, а въ общемъ ничего.

Любавинъ слушалъ его голосъ, полный успокоительныхъ переживовъ, но изъ всего, что говорилъ Артемій Борисовичъ, онъ понималъ только, что Ислемовы самаго главнаго про него еще не знаютъ.

Артемій Борисовичъ заставилъ его выпить чашку кофе съ коньякомъ, и это подбодрило Любавина. Потомъ Вѣра Артемьевна спросила его изъ-за двери, какъ онъ себя чувствуетъ? И по ея неизмѣнно лѣнивому голосу онъ еще разъ понялъ, что Ислемовы не знаютъ, какъ было дѣло. Затѣмъ пришелъ докторъ, толстый сангвиникъ, зѣвající чрезвычайно ободрительно. Онъ своими шуточками и беззаботнымъ тономъ развлекъ Любавина, и Николай Петровичъ снова заснулъ подъ шумъ дождя и вѣтра.

Спалъ онъ здоровымъ сномъ и, проснувшись, почувствовалъ аппетитъ. Поѣлъ бульону, съѣлъ котлету, выпилъ рюмку очень хорошаго портвейна. Артемій Борисовичъ опять сидѣлъ у него на постели, и теперь Любавинъ самъ спрашивалъ его обо всемъ. Оказалось, что его и Женю вытащили изъ воды мужики, возившіе лѣсъ: они же привезли его въ «Озерное».

— Въ нашемъ мужичкѣ,—говорилъ глубокомысленно Ислемовъ,—есть даже, пожалуй, нѣчто рыцарское, хотя они и очень нечистоплотны. И, главное, въ нашихъ простолюдинахъ есть вѣра... вѣра во что-то высшее... да. Положимъ, я имъ заплатилъ хорошо.

Дождь все шлепалъ по стекламъ и, булькая, стекалъ съ крыши по трубамъ. Подъ журчанье дождевой воды и словоохотливаго хозяина, Любавинъ опять началъ подремывать. Ему отраднo было, что онъ уже больше не качается, не видитъ передъ собой коварныхъ волнъ, а лежитъ въ неподвижной постели, ощущая пріятную теплоту отъ питательнаго обѣда и мягкаго одѣяла.

Свзвoзъ дремоту онъ слышалъ голосъ Софьи Андреевны, весь согтанный изъ вздоховъ.

«Вѣдь она всегда поетъ»,—подумалъ онъ.

На другой день дождя не было, но вѣтеръ продолжалъ бушевать, Любавинъ видѣлъ изъ окна поверхъ занавѣсокъ, какъ стремительно несутся по небу разорванныя тучи. Иногда на минуту выбивалась изъ-подъ нихъ голубая полоса и снова затягивалась густымъ, низко нависшимъ облакомъ.

Платье Любовина, просушенное и вычищенное, висѣло на ручкѣ кресла. Онъ всталъ, чувствуя еще слабость въ ногахъ и ломоту во всемъ тѣлѣ, умылся, одѣлся и пошелъ въ столовую.

По радушнымъ восклицаніямъ, какими встрѣтили его Ислемовъ и Вѣра Артемьевна, онъ еще разъ убѣдился, что они «продолжаютъ не знать». Онъ освѣдомился о здоровьѣ Жени и спросилъ, можетъ ли ее видѣть?

— Подите, подите, она одѣта, — сказала Вѣра Артемьевна съ своей ненужной усмѣшкой.

Женя, одѣтая и причесанная, полулежала на убранной уже постели и пила кофе. Около нея, облокотясь о кровать, сидѣла въ своей вѣчно усталой позѣ Софья Андреевна. Нѣжная кожа ея лица припухла отъ слезъ.

— А, Николай Петровичъ!.. А мы вотъ съ Женечкой...

Раздирающій крикъ прервалъ ее. Женя смотрѣла на своего жениха обезумѣвшими отъ испуга глазами и выкрикивала, какъ вликуша. Чашка выскользнула изъ ея рукъ, и кофе разлился по одѣялу.

Любавинъ сдѣлалъ шагъ къ ней.

— Женя... Женя... Ты боишься меня?

Женя въ ужасѣ протянула передъ собой руки, какъ бы обороняясь, и продолжала истерически кричать.

— Уйдите, уйдите! — умоляла его Софья Андреевна.

Любавинъ вышелъ.

IX.

Тяжелые, тоскливые дни проводилъ Любавинъ. Женя не выходила изъ своей комнаты. Софья Андреевна то и дѣло принималась плакать; даже Вѣра Артемьевна, хотя и не утратила аппетита, кушала какъ-то задумчиво. На весь домъ легла тревожная тѣнь. Любавину было стыдно, что онъ здоровъ, между тѣмъ, какъ Женя больна, и чудилось, что Ислемовымъ тоже стыдно за него.

— Вы ужъ погодите видѣться съ ней, — говорилъ Артемій Борисовичъ, смотря въ сторону: вашъ видъ напоминаетъ ей о катастрофѣ и слишкомъ дѣйствуетъ на ея нервы.

— Можетъ быть, инѣ лучше уѣхать... на время?

Любавинъ чувствовалъ себя теперь въ «Озерномъ» одиногимъ, чужимъ для всѣхъ, случайнымъ гостемъ, который, можетъ быть, ужъ сталъ хозяевамъ въ тягость.

— Вы полагаете, лучше уѣхать?

Артемій Борисовичъ соображалъ что-то, продолжая смотрѣть въ сторону.

— Разсѣяться хотите? Ну что-жь? Когда же думаете?

— Да хоть завтра утромъ.

Любавинъ одѣлся и вышелъ, чтобы побродить около дома. Дождь давно прекратился, но было сыро и пасмурно.

Шлепаемая калошами по размокшей, вязкой глинѣ, онъ вяло блуждалъ по двору, гдѣ гоготали индюки и пищали крошечные циплята, по цвѣтнику, гдѣ яркіе георгины возвышались надъ маргаритками и левкоями свои горделивыя головы, вокругъ пруда, по замутившейся поверхности котораго плавали жирныя, прожорливыя утки.

Спускаться внизъ, къ откосу, къ озеру ему было и жутко, и грустно. Побродивъ уныло, онъ вернулся къ себѣ въ комнату и сталъ укладывать вещи. Небо тускло смотрѣло въ окна. Онъ обвелъ глазами сосновый потолокъ и стѣны, такъ нравившіеся ему прежде, и нашелъ, что они слишкомъ унылы: «Въ нихъ что-то черезчуръ обнаженное: лучше бы оклеить какими-нибудь веселенькими обоями».

Вещи были уложены. Онъ вышелъ на террасу.

Тоска впиалась въ его сердце, когда онъ подумалъ, что сегодня въ послѣдній разъ сидитъ здѣсь, видитъ въ послѣдній разъ этотъ обрывъ, эту просьбу. Онъ вспомнилъ дивное ощущеніе полета, пережитое имъ на этой террасѣ, и свои тихія бесѣды съ Женей подъ музыку Вѣры Артемьевны.

— Да развѣ можно, Женечка?—послышался за дверью ноющий и испуганный голосъ.—Теперь такая сырость... Ты распрости-дишься.

Но Женя уже была на террасѣ.

Любавинъ смотрѣлъ на нее и не узнавалъ. Не было больше добраго и прелестнаго ребенка, беззаботно наслаждавшагося жизнью; какой-то рѣзецъ провелъ по ея лицу трагическій слѣдъ, а въ глазахъ ея, какъ у больного Тюрикова, появились новыя точки, отъ которыхъ на Любавина повѣяло чѣмъ-то глубоко грустнымъ, траурнымъ.

— Папа сказалъ, что вы хотите уѣхать?

И въ голосѣ ея было что-то новое, болѣзненно-серьезное, точно за каждымъ ея словомъ таилась пережитая мука.

— Но, Женечка, вѣдь ты совсѣмъ больна. Тебѣ нельзя тутъ.

— Я вовсе не больна... Оставь меня, мама... Поди лучше въ комнаты.

Она говорила съ нервнымъ раздраженіемъ, и въ тонѣ ея слышались ноты истерическаго нетерпѣнія и упрямства. Софья Андреевна, махнувъ безпомощно рукой, вышла, а Женя присѣла на низенькій плетеный диванъ и сказала:

— Вы хотите совсѣмъ уѣхать... навсегда?

Любавинъ стоялъ передъ ней съ опущенной головой.

— Какъ же вы будете? Что-жъ вы хотите дѣлать?

— Поѣду въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Буду опять строить дома... можетъ быть, для такихъ же ничтожныхъ людей, какъ я самъ.

Она понизила головой; ея молодая, не вполне еще развившаяся грудь часто и нервно дышала.

— Вы не помнили, что дѣлали, когда... когда я тонула...— произнесла она едва слышно.

— Нѣтъ, я помню все, какъ нельзя лучше.

— Ну, да, теперь... А тогда вы были въ безпамятствѣ.

— Я понималъ, что одному выплыть легче, потому и вырвался отъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ... Это ужасно.

— Это ужасно, это чудовишно, но это правда.

— У васъ тогда помутилось въ головѣ... Вы были, какъ во снѣ.

— Да, оттого что я хотѣлъ спасти свою драгоценную жизнь... Вы тонули на моихъ глазахъ: я долженъ былъ прежде всего объ этомъ помнить.

Она закрыла глаза рукой и молча сидѣла, истерически вздрагивая.

— Надо было или вмѣстѣ тонуть, или вмѣстѣ спастись. Бѣтъ умѣть любить, тотъ умѣть сдѣлать это... Тотъ сумѣетъ пожертвовать своею кровью, своею жизнью. А я никогда ничѣмъ не жертвовалъ.

Женя, слушая его, все ниже клонила голову, все чаще подергивалась, а Любавинъ говорилъ злорадно, ожесточеннымъ тономъ, точно мстя себѣ:

— Въ прошломъ году мой старшій товарищъ просилъ у меня двѣ тысячи: онѣ могли спасти его. Я не далъ... Онъ застрѣлился... И всю жизнь такъ было... Я не любилъ беспокоить себя. Копейки, конечно, я давалъ... Я вѣдь и въ деньгахъ, и въ чувствахъ всегда былъ копейчникомъ... Впрочемъ, вы сами могли убѣдиться въ этомъ.

Его губы кривились отъ невеселой усмѣшки, впалые глаза смотрѣли мрачно и тоскливо, и вся фигура его, такая крупная, представительная, казалась преждевременно состарившейся, дряхлой и жалкой.

Изъ комнатъ донесся озабоченный голосъ Артемія Борисовича.

Женя провела себя по лбу исхудалой рукой съ видомъ человѣка,

не знающаго куда дѣваться отъ страшной головной боли, потомъ судорожно выпрямилась, заломивъ пальцы, и встала.

— Пойдемъ куда-нибудь.

— Куда?

— Все равно, куда-нибудь.

И не дожидаясь его отвѣта, она торопливо спустилась по ступенькамъ террасы.

— Мокро, грязно... Калоши надо... — бормоталъ Любавинъ, слѣдуя за ней.

— Скорѣй, а то мама увидитъ.

Она почти бѣжала внизъ по грязной дорожкѣ, по мокрой травѣ, не обращая вниманія на влажные вѣтки, съ которыхъ обильно сыпались на нее дождевыя капли.

«Всетаки лучше бы пальто взять, калоши надѣть, — вертѣлось въ головѣ Любавина. — Или хоть шляпу».

— Вы промочите ноги, — твердилъ онъ, съ трудомъ поспѣвая за Женей. — Вы простудитесь, захвораете.

— Ахъ, Господи, ну, пусть захвораю! Развѣ это ужъ такъ страшно? — нетерпѣливо сказала Женя и пошла еще быстрѣе.

«И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ужъ это такъ страшно?» — подумалъ Любавинъ. Теперь ему казалось, что даже очень хорошо идти вотъ такъ среди мокроты, съ непокрытой головой, не думая ни о калошахъ, ни о простудѣ, что именно такъ и нужно поступать, когда рухнуло самое важное.

Женя шла увѣренно, точно ужъ рѣшила, куда надо идти, и Любавинъ, не думая объ этомъ, тоже зналъ, куда именно они придутъ.

Вечеръ былъ тихій и прѣлый. Въ лѣсу повсюду ощущались слѣды начинающейся осени; желтые листья на берегахъ и полусгнившіе листья подъ ногами, пурпуръ осинъ и кленовъ, тишина, не нарушаемая ничьими голосами. Черные, какъ уголь, словно обгорѣлые стволы сосенъ, послѣ дождя, торчали то тутъ, то тамъ, сообщая лѣсу траурный колоритъ. Вдали виднѣлись среди травы темныя точки: это были знакомые столбики на откосѣ.

Дойдя до нихъ, Женя, блѣдная отъ усталости, сѣла на столбикъ и, подперевъ голову руками, стала смотрѣть на озеро. По небу, съ востока на западъ, двигались правильными рядами гряды то темныхъ, то желтыхъ тучъ, и озеро то темнѣло, то свѣтлѣло. Безчисленные волны то рыжія, то свинцовыя сновали какъ неугомонные, встревоженные звѣрки. Глубоко внизу видна была почернѣвшая отъ дождей купальня, свороченная бурей на сторону; какіе-то люди хлопотали возлѣ нея, стоя по поясъ въ водѣ.

«Зачѣмъ они поправляютъ ее?—думалъ Любавинъ. Никому она теперь не нужна». Да и все казалось ему ненужнымъ: и озеро, и лѣсъ, и откосъ... Ну, вотъ озеро красиво волнуется, а лѣсъ, мокрый, желтѣющій лѣсъ, стоитъ неподвижно, точно отдыхая послѣ бури. Ну, вонъ тучи бѣгутъ по небу, а солнце напрасно силится прорваться сквозь нихъ. Что-жъ изъ всего этого слѣдуетъ? Кому и зачѣмъ это нужно? Вонъ молодая елочка съ вывернутыми корнями повисла печально надъ обрывомъ и, можетъ быть, долго будетъ висѣть такъ... Какой во всемъ этомъ смыслъ?

Или вотъ эти огромныя почернѣвшія сосны... Придетъ время, ихъ срубятъ, настроятъ изъ нихъ домовъ... Какая скука! А главное, какъ все это мертво, бессмысленно, безцѣльно! Гдѣ же радость жизни, гдѣ же ея живая красота? вмѣсто нея онъ видитъ одни голыя ребра. Снова мутныя призракы, попрятавшіеся было въ темныхъ уголкахъ души, вылѣзли оттуда, обступили его безобразной толпой. Снова бездонное недоумѣніе, душевный провалъ и стыдъ за себя, холодный, развѣдающій стыдъ. У него выступили слезы, отъ которыхъ остается рѣжущая боль и въ глазахъ, и въ душѣ.

— Не уѣзжайте...—тихонько произнесла Женья, увидѣвъ эти слезы, и голосъ ея дрожалъ, какъ замирающая вдали грустная нота.

Онъ молчалъ, тоскливо смотря на озеро.

— Не уѣзжайте.. Мнѣ жалко васъ... Жалко нашей любви... Всего жалко... У меня болитъ за васъ душа... Я не хочу, чтобы вы тучились тамъ... одинъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и отвернулся. Лицо его нервно кривилось.

— Послушайте,—сказала Женья чуть слышно.—Я никому не рассказывала про это... Никто не знаетъ.

Онъ закусилъ себѣ губу до крови и опустилъ низко голову.

— Какъ же мы... будемъ съ вами... теперь?—пробормоталъ онъ съ тоской.

Она обвела грустнымъ взглядомъ горизонтъ, загроможденный тучами, посмотрѣла на желтое пятно, тускло просвѣчивающее сквозь свинцовый слой, и шепнула уныло:

— Какъ-нибудь.

Хотѣла еще прибавить что-то, вдругъ прижала ладони въ лицу и заплакала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ отъ беззвучныхъ рыданій.

Солнце прорѣзалось сквозь тучи, поиграло съ минуту свергающими лучами по рыжимъ волнамъ озера и опять потерялось среди темныхъ громадъ.

Н. Тимковскій.

Наливъ хлѣбовъ.

Наливъ хлѣбовъ. О, намъ дано
Тяжеловѣсное зерно.
Но вдругъ, до жатвеннаго дня,
Падеть на ниву—головня?
И вдругъ—съ росой вредной, мгла?
И спорынья? И столько зла?
Да минеть съ ржавчиною бой,
Да мимо льется дождь слѣпой.

Сухой Перунъ.

Сухой туманъ, когда цвѣтенъ нивъ—
Проклятыя дней, хлѣбовъ плохой наливъ.
У нивъ зарницы даже—на счету,
Сухой Перунъ—сжигаетъ рожь въ цвѣту.

Сухой Перунъ—роняетъ въ травы ржу,
И чахнетъ цвѣтъ, что радовалъ между.
Перунъ желаетъ молній—изъ зарницъ,
Небесныхъ—долженъ онъ пьянить дѣвицъ.

Н. Бальмонтъ.

У Т Р О.

Митя вышелъ въ садъ, довольный, что его на этотъ разъ никто не сопровождаетъ.

Няня, горничная и даже кухарка чѣмъ-то заняты въ маминной комнатѣ, куда его нынче не водили даже поздороваться. Отецъ только на минуту вышелъ къ Митѣ, молча поцѣловалъ его и заперся у себя въ кабинетъ.

Всѣ ходять такъ тихо, точно боятся кого-нибудь разбудить.

Пришелъ какой-то черный чужой человѣкъ.

Прислуга засуетилась. Шепотомъ посоветовались и боязливо постучались къ отцу. Чужой человѣкъ бокомъ скользнулъ въ дверь, держа картузь за спиною, а потомъ отецъ и онъ прошли въ мамину комнату.

Прислуга осталась въ залѣ и стала по-новому убирать и разставлять мебель.

Больше, однако, онѣ шептались и покачивали головами, чѣмъ прибирали. Няня то и дѣло утирала слезы.

Митя тоже заплакалъ.

— Не надо, чтобъ няня плакала.

— Съ чего ты взялъ, лягушеночекъ? И вовсе я не плакала. Отъ старости это у меня глаза слезятся.

Но, глядя на кончикъ нянькинаго носа съ прозрачной, переливавшейся на немъ капелькой, мальчикъ настойчиво повторилъ:

— Плакала и даже носъ себѣ обслезила. У тебя, няня, опять зять умеръ?

— Господи! И все-то онъ помнить! Какой тамъ зять! Больше года, какъ лишилась его. Что ему два раза, что ли, помирать.

— А зачѣмъ зеркало закрыли?—съ непонятнымъ раздраженіемъ спросилъ мальчикъ. — Не хочу, чтобы зеркало закрыли.

— Иди-ка ты въ садъ. Вишь, погода-то какая нынче выдалась

Но закрытое зеркало почему-то особенно остановило на себѣ раздраженное вниманіе мальчика: онъ привыкъ въ него видѣть всю отраженную залу и себя. И это было такъ чудесно. Теперь все какъ будто лишилось самаго важнаго, и даже тропическія растенія омертвѣли въ бездушномъ покоѣ. Нянька поспѣшила его одѣть и вывести на крыльцо, строго наставляя:

— Только ты играй здѣсь, въ саду, никуда не уходи: ни на улицу, — тамъ тебя трубочистъ въ мѣшокъ возьметъ; ни къ обрыву, — вѣтеръ въ море унесетъ. Тутъ играй. Да я изъ окна буду за тобой присматривать.

И нянька ушла, шаркая больными ногами въ большихъ растоптанныхъ валеныхъ туфляхъ.

Очутившись на крыльцѣ, мальчикъ сразу забылъ и о нянькѣ и обо всемъ, что въ домѣ.

Отъ теплаго весенняго воздуха, который, точно обрадовавшись ребенку, всего его обвѣялъ нѣжнымъ, проникающимъ дыханіемъ, даже закружилась голова. Онъ остановился на минуту, щуря глаза отъ солнца, щекотавшаго рѣсницы и носъ. Поднялъ слегка головку, вобралъ ее въ плечи и чихнулъ разъ-другой, да такъ, что даже кругленькая шапочка его слетѣла на затылокъ.

Это чиханіе заставило поднять голову большую цѣпную собаку Каптана, растянувшуюся на своей будкѣ и внимательно слѣдившую за игрою свѣтотѣней. Она остановила глаза на мальчикѣ и вслухъ привѣтливо зѣвнула.

Два маленькихъ мохнатыхъ щенка, сладко дремавшіе въ солнечныхъ лучахъ около оранжереи, на кучѣ мусора и старыхъ сметенныхъ листьевъ, завозились и обернулись къ нему. Они увидѣли мальчика и разомъ, точно по уговору, взапуски бросились къ своему товарищу, забавно перебирая толстыми мягкими лапами.

Мальчикъ засмѣялся, глядя, какъ щенки старались вскарабкаться къ нему на крыльцо по ступенькамъ!

Рыженькій, усердно работая ногами и головой, ужъ одолѣлъ было одну ступеньку, но, подпрыгивая на вторую, кувырнулся назадъ, какъ разъ въ то время, когда мальчикъ, держась за переплетъ перилъ, самъ спускался щенятамъ навстрѣчу.

Не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ они съ обѣихъ сторонъ стали скакать около него и, наконецъ, оба осторожно вцѣпились зубами въ плотно надѣтыя варежки. Тутъ, смѣшно ворча, щенята затрясли головами, а онъ, еще больше смѣясь, помогалъ имъ движеніями рукъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не стянули съ него варежки.

Освобожденные руки обрадовались, увидѣвъ свѣтъ и чуя на

своей кожѣ ласку мартовскаго солнечнаго утра. Мальчикѣ захлопалъ въ ладоши, и щенята бросились въ разныя стороны, не выпуская изъ зубовъ шерстяной добычи, которую они тутъ же стали терзать зубами и лапами съ торжествующимъ ворчаньемъ; о Митѣ они тотчасъ же забыли, какъ онъ забылъ о нихъ.

Его вниманіе привлекла небольшая шершавая лошадка съ повозочкой, направлявшаяся къ оранжереѣ. Держа вожжи, рядомъ съ ней степенно шелъ рабочій Фроль, человекъ еще не старій, но до такой степени молчаливый, что многіе считали его за нѣмого.

Противъ оранжереи, у открытой двери дворницкой, откуда вкусно пахло печенымъ, дворничиха раздувала самоваръ; дымокъ изъ него вылеталъ голубымъ фонтаномъ и расплывался тутъ же въ воздухъ. Самъ дворникъ подрѣзывалъ огромными ножницами сухія вѣтки деревьевъ и отбрасывалъ ихъ къ той кучѣ, на которой передъ тѣмъ дремали щенки.

Онъ озабоченно бесѣдовалъ съ женой, то и дѣло посматривая на барскій домъ. Дворничиха особенно сокрушалась:

— Какъ же такъ! Если она не исповѣдалась, да не пособоровалась, такъ вѣдь отпущенія грѣховъ не будетъ.

— Молчи! Это понимать надо, — остановилъ ее мужъ. — А, пріѣхалъ! — встрѣтилъ онъ начальственно Фрола. — Вотъ и ладно! Навладывай этотъ соръ и увози его, да смотри, сбрасывай къ сторонѣ съ обрыва, чтобы на дорожку не попало, а то задасть наша вѣдьма.

Фроль все это зналъ и безъ него, ничего не сказалъ и сталъ лопатой набрасывать смете въ повозку.

Лошадка смирно стояла, опустивъ несоразмѣрно большую, волосатую морду съ кроткими, умными глазами, которые смотрѣли скорѣе въ себя, чѣмъ на окружающее; она какъ будто понимала и вполне раздѣляла молчаливость своего спутника.

Митя долго, внимательно смотрѣлъ въ лошадиные глаза и спросилъ:

— Отчего лошади не говорятъ?

Фроль ничего не отвѣтилъ, но взглядъ, который онъ неторопливо обратилъ на мальчика, какъ будто сказалъ: оттого, что умныя. А вотъ зачѣмъ люди говорятъ?

Лошади, повидимому, нравилось теплое и яркое солнце, обливавшее ея морду и золотившее грубую шерсть; она поводила отъ удовольствія ушами, полузакрывала глаза и шевелила влажными, чувствительными ноздрями.

Дворничиха замѣтила мальчугана и, оглянувшись на мужа, на

Фрола, даже на лошадь, точно призывая ихъ всѣхъ въ свидѣтели, подперла рукою щеку и завздыхала:

— Ахъ, ты, болѣзнь мой! Ахъ, красавчикъ! Пстойга-сь, я тебѣ лепешечку принесу.

Ушла въ дверь и тотчасъ же вышла оттуда съ горячей лепешкой въ рукахъ.

— Кушай, родненькій... Легко ли теперь безъ родимой ма-тушки!

Занятый лепешкой, которая очень пришлась ему по душѣ ужъ однимъ своимъ запахомъ, мальчикъ едва обратилъ вниманіе на ея слова, но эта ноющая ласковость его совсѣмъ не радовала.

— Вотъ и вѣрь послѣ того докторамъ, коли онъ законную свою жену не могъ вылѣчить! Вѣрно ужъ коли смерть придетъ, такъ никакіе доктора не помогутъ. Нѣтъ противъ нея лѣкарства.

— Н-ну, это понимать надо.

— Нечего и понимать. Ты тамъ старайся не старайся, ничему не поможешь, а подулъ вѣтеръ—и нѣтъ человѣка.

Она, видимо, желала вызвать вниманіе и сочувствіе Фрола, но тотъ и тутъ остался молчаливъ, какъ его лошадь. Онъ слегка тронулъ ее, и она пошла съ полнымъ возомъ.

Дворничиха посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Не человѣкъ, а идолъ! Хоть бы слово когда сказалъ!

— Это онъ такой сталъ, какъ съ войны вернулся. Тоже, братъ, война—не жена, ее не обломаешь.

— Смерть, чай, человѣкъ повидалъ не разъ передъ собой,—согласилась и жена.

— Эка невидаль—смерть! Живемъ—умираемъ, умремъ—оживаемъ. Жизнь-то наша—видимость одна, вродѣ тѣни. А противъ смерти, это вѣрно, лѣкарства нѣтъ.

Слово смерть какъ-то особенно дико звучало въ это восхитительное утро, которое свидѣтельствовало только о радости воскресенія и о свободѣ.

И все дышало этой радостью, начиная отъ влажной земли, гдѣ весело путались слѣды колесъ и ногъ, и до самаго неба, ярко-синяго межъ пухлыми, млѣющими въ солнечномъ блескѣ облаками.

Земля пахла такъ вкусно и тепло, не то чѣмъ-то вродѣ тѣхъ лепешекъ, что пеклись у дворничихи, не то—еще болѣе нѣжно, какъ пахнетъ чистое дѣтское тѣло послѣ сна.

Свѣтились голыя, но уже ожившія вѣточки деревьевъ, отъ которыхъ длинныя тѣни, какъ живыя, переплетались на землѣ и на бѣлой стѣнѣ; свѣтились красныя, черепичныя крыши и стекла оконъ,

и вычищенный самоваръ: въ немъ такъ смѣшно отражалось все и особенно—снова вернувшаяся лошадка, что Митя долго не могъ отвести глазъ отъ этого отраженія.

И само собой припоминалось ему на одно мгновеніе закрытое зеркало и непонятная для него тайна за нимъ.

Откуда-то съ вышины падали тоже свѣтящимися брызгами пѣсни жаворонковъ и, какъ бы осмысливая матовый гулъ города, докатывавшійся сюда ворчливыми волнами, отъ сосѣдней церковки трогательно и нѣжно доносился великопостный звонъ.

Зато какъ душно, должно быть, тѣмъ плѣннымъ цвѣтамъ въ оранжереѣ! Они смотрятъ сквозъ позеленѣлыя стекла большихъ наклонныхъ рамъ, беспомощно и жадно, какъ наказанныя запертыя дѣти. Бѣлыя, лиловыя, фіолетовыя кисти гіацинтовъ — ихъ особенно много тамъ—такъ и молятъ открыть имъ темницу. Имъ мало, что дверь теплицы, ведущая внизъ подъ землю, въ оранжерею, растворена. Среди цвѣтовъ, внимательно слѣдя за ихъ поливкой, рассказываетъ садовникъ—Михаилъ Ивановичъ.

Вѣрно, они также растрогали его своей молчаливой мольбой. Онъ медленно и важно оттуда вышелъ, заперъ за собою дверь, какъ будто для того, чтобы не было сквозняка и—чтобы малютки не простудились, и сталъ открывать большія, тяжелыя стеклянныя рамы, аршина на полтора приподнимая ихъ надъ землею и укрѣпляя въ такомъ положеніи подпорками.

Свободный, влажный и нагрѣтый солнцемъ воздухъ встрѣтился съ густымъ тепличнымъ стоячимъ воздухомъ, поднявшимся оттуда, какъ разъ на границѣ этой цвѣточной тюрьмы; нѣкоторое время ни тотъ, ни другой не рѣшались переступить черты. Тепличный воздухъ перелился первый, а на его мѣсто ворвался воздухъ свободы. Цвѣты жадно раскрыли навстрѣчу ему свои истомленные рты и стали вливать вмѣстѣ съ нимъ соки невѣдомыхъ имъ или забытыхъ силъ природы, приобщаясь ко всей вселенной, со всѣми восторгами миллиардовъ ожившихъ тамъ, на свободѣ, существъ, со всѣмъ ликующимъ трепетомъ неисчислимыхъ жизней, переполнявшимъ каждый атомъ этого воздуха.

Мальчикъ стоялъ почти вровень съ открытой рамой, и цвѣточный аромат, переливавшійся оттуда, сразу коснулся его лица, рѣсницъ, носа, губъ, не только почувствовавшихъ этотъ сочный ароматъ, но какъ будто ощутившихъ и его сладковатый, томительный вкусъ.

Гдѣ-то близко, въ тонъ колокольному звону, загудѣла пчела; вѣроятно, привлеченная также этимъ запахомъ и яркостью цвѣточной

обраски, легкая, какъ дымокъ, бабочка, затрепетала тутъ же, увлекаемая вмѣстѣ съ воздухомъ въ теплицу.

Дворничиха унесла въ горницу самоваръ и вышла, чтобы позвать мужа пить чай.

— Не угодно ли и вамъ, Михаилъ Ивановичъ, чайку съ нами отбушать?

— Спасибо, некогда.

— Съ лепешечками. Только что спекла.

— Въ другой разъ. Смотри не уподи туда, малышъ,—обратился онъ ворчливо къ Митѣ, заглядывавшему внутрь теплицы, куда залетѣла бабочка.

Митя обернулся. Пальцецо его, подъ подбородкомъ, было въ крошкѣхъ отъ съѣденной лепешки; лицо и глаза сіяли.

— Бабочка!—весело указалъ онъ на теплицу.

— Ну, ей можно, она летаетъ.

— А почему человѣки не летаютъ?

— Крыльевъ Богъ не далъ.

— А почему крыльевъ Богъ не далъ?

Но ему никто не отвѣтилъ на вопросъ. Вмѣсто этого дворничиха, обводя пальцемъ губы, опять сказала соболѣзнуя:

— Только этого къ отцовскому горю недоставало.

— Н-да, дѣла... — опять протянулъ дворникъ, вытирая объ полу налипшій съ деревьевъ клей.—Въ ѣтакое-то время, да въ могилу!

— А не все ли равно, когда ни умирать,—спокойно возразилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Такъ-то оно такъ, а всетаки, каждая травка нынче жизни радуется.

— Живая и радуется, а перестала жить, такъ ей все едино, какое время.

— Тоже сравнили травку съ человѣкомъ!—вступилась обиженнымъ тономъ дворничиха.

— А чего-жь не сравнить! Всѣ изъ земли, въ землѣ и будемъ.

— Ну, тоже... Чай у человѣка душа.

— И у растенья душа.

— Что ужъ это вы, Михаилъ Ивановичъ! Кто же видѣлъ у растенья душу-то?

— А у человѣка кто ее видѣлъ?

— Ну, что ужъ это вы!

— Чего—что-жь? Я вѣрно говорю: живеть,—вотъ тебѣ и душа, а умеръ и душѣ конецъ.

— Какъ же конецъ, когда по смерти душа-то сорокъ дней по мытарствамъ ходить!

— Это видѣль, какъ она ходить?—насмѣшливо возразилъ садовникъ.

Дворничиха въ испугѣ даже руками всплеснула.

— Господи! Да что вы это такое говорите! Вотъ грѣхъ-то...

— Молчи... Это понимать надо!

— И понимать тутъ нечего, —неожиданно отозвался Фроль, ни на кого не глядя.—Никакой души нѣтъ. Ничего нѣтъ!... Вотъ, что этотъ навозъ, что люди, — все равно.

Если бы эти слова сказалъ не онъ, а его лошадь, всѣ были бы удивлены не меньше. Зато дальше онъ не проронилъ ни звука. Взялъ подъ уздцы лошадку; она вся наклонилась впередъ и пошла съ возомъ, отъ котораго пахло сыростью и тлѣніемъ.

На мѣстѣ кучи хвороста, листьевъ и всякаго сметья осталось сѣрое пятно, которое тутъ же задымилось теплымъ паромъ, и его съ любопытствомъ обнюхивали щенки, въ клочья разорвавшіе Митины варежки.

Дворникъ переглянулся съ женой, потомъ съ садовникомъ и многозначительно покачалъ головой вслѣдъ удаляющемуся рабочему.

— Этотъ ужъ и въ Бога не вѣруеть!—съ ужасомъ произнесла дворничиха.

Садовникъ только неопредѣленно повелъ бровями.

— Н-ну, это...—дворникъ опять хотѣлъ сдѣлать свое обычное глубокомысленное замѣчаніе, но побоялся и только махнулъ на женны слова рукой.

— Негрѣхъ теперь и чайку напитокъ, —потягиваясь, произнесъ онъ.—Удостоите, Михалъ Иванычъ.

— Спасибо. Некогда, говорю. Время такое, что каждымъ часомъ надо дорожить. И то заговорился съ вами, а тутъ приказано еще для покойницы цвѣтовъ да зелени нарѣзать. Для мертвыхъ—живыхъ вотъ надо губить. Э-эхъ, глупы еще люди!

И садовникъ пошелъ въ сторону, поблескивая лезвіемъ большого загнутаго ножа.

Дворникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, поднимая еверху палець, и, когда тотъ исчезъ за поворотомъ аллеи, солидно сказалъ женѣ:

— Умственный человѣкъ.

— Какъ бы за эту умственность-то ему къ чиганашкамъ, прости Господи, въ некло не угодить!

— Подъ сюда, подъ, красавчикъ!—ласково обратилась она къ

ребенку.—Подь, я чайкомъ тебя напою, а то, небойсь, не до тебя теперь дома-то.

Но мальчикъ покачалъ головой.

Ему было не до того: онъ занялся своими мыслями. Небольшое, невѣроятно изогнутое дерево, какъ будто замерзшее въ припадкѣ ужасныхъ корчъ, разбросало по землѣ перепутанныя, иногда шевелившіяся тѣни, и мальчика глубоко поражало, что онъ ни ножкой своей, ни палочкой не можетъ подвинуть этихъ узоровъ хоть немного, между тѣмъ какъ отъ легкаго дуновенія вѣтерка они сами шевелятся.

Не сводя глазъ, онъ присѣлъ на корточки передъ ними и сталъ трогать ихъ сначала прутикомъ, потомъ прямо руками.

Но, видя, что тѣни не шевелятся, онъ сталъ бить ихъ ножкой съ досадой и упрямствомъ.

Слѣды его ударовъ оставались на пескѣ. Онъ вдругъ остановился, и ему ясно представилось, что тѣни обижены, что онъ ихъ такъ топчетъ, что имъ даже больно.

Онъ сразу почувствовалъ себя виноватымъ передъ ними, какъ тогда, когда обижалъ няню, или кошку Мурку. Наклонился передъ ними и сталъ ихъ цѣловать.

Напрасно нянька вликала его пить молоко, онъ не слышалъ.

Увидѣвъ его на колѣняхъ на землѣ, старуха всполошилась и бросилась поднимать ребенка.

— Ахъ, ты, озорникъ этакій! Что же ты по землѣ-то валяешься! Вотъ не присмотри за нимъ минутку, онъ невѣсть чего понатворитъ. Вишь, руби-то какъ выгразилъ!

— Я больше не буду, няня,—кратко отвѣтилъ онъ, но нянька истолковала его раскаяніе по-своему.

— Хорошо, хорошо... Никогда больше этого не дѣлай.

— Никогда больше не буду, няня.

Они пошли къ крыльцу, и, когда проходили мимо оранжереи, мальчикъ сказалъ нянѣ:

— Няня, нарвемъ этихъ цвѣточковъ и понесемъ ихъ мамѣ. Пускай, чтобъ они хорошенько для мамы напахли.

А. Федоровъ.

ЕВНУХИ.

Андрея Немоевскаго.

Съ польскаго.

Могучъ Вавилонъ, свирѣпа Ниневія, но любовь живетъ только въ Гекалѣ, прекрасномъ городѣ надъ синими водами Идиглата.

Тамъ вѣтерокъ лобзаетъ, а листья деревьевъ шепчуть: обними насъ! Тамъ рѣчная пучина, какъ сладостная истома дѣвы, а вино усмѣхается, какъ рубинъ, и говоритъ: восхоти!

Вотъ этого-то вина не дозволялось пить въ Ниневіи. Сарругинъ изрекъ:

Да вкушаютъ мои войны всяческія вина, кромѣ вина этого изнѣженнаго города. Ибо пала бы Ниневія, какъ долженъ пасть Гекалъ.

А Вель-Ибни сказалъ:

— Если бы одна капля этого вина упала бы на кирпичи Вавилона, вспыхнулъ бы пожаръ, котораго не угасили бы Двухрученныя Воды во время ежегоднаго наводненія.

И всетаки Адаръ-Маликъ, владыка Гекала, пилъ его и смѣялся. Пили также его туртаны и также смѣялись. И очень много этого вина пила супруга Адаръ-Малика, Зибей (что значитъ газель), и очень весело смѣялась.

Жрецы же утверждали, что каждый разъ, какъ только Аштореть спускаться въ Край Мраба, для воскресенія Таммуза, то всегда вступаетъ въ свой храмъ въ Гекалъ, чтобы на дорогу натереть себѣ этимъ виномъ виски, ноздри, грудь и чрево...

Храмъ Аштореть воздвигъ Орехъ (что значитъ воронъ). Онъ былъ туртаномъ надо всѣми постройками, которымъ Адаръ-Маликъ украсилъ свою столицу.

Путь къ этому храму лежалъ по Улицѣ Процессій.

Стѣны этой улицы были выложены эмальированными кирпичами плубого цвѣта. А по этой лазури ходили золотые львы.

И вотъ пророческая вѣсть обѣгала пустыню, оазисы, въ особенности же кочевыя палатки хабировъ, весьма завистливыхъ и постоянно порождающихъ изъ своего лона пророковъ уничтоженія.

— Львы ходятъ по Гекалу!

А потомъ:

— Львы пасутся въ Гекалѣ!

И наконецъ:

— Львы гиѣдятся на развалинахъ Гекала!

Когда эта третья вѣсть успѣвала описать уже довольно широкій кругъ по пустынѣ, тогда Адаръ-Маликъ обыкновенно переставалъ смѣяться, осушивалъ шесть чашъ гекальскаго вина и садился въ колесницу. Мутаннаби, туртанъ его войскъ, осушивалъ также шесть чашъ рубинового вина и выѣзжалъ во главѣ шестисотъ колесницъ. Какъ знойный вихрь, они вылетали изъ Гекала, спадали на хабировъ, производили жестокую рѣзню и возвращались домой, обремененные обильной добычею. И каждый разъ они набирали много хабирскихъ плѣнниковъ, которые потомъ передъ храмомъ богини Аштореть должны были стоять на колѣняхъ, расположенные въ квадратъ, а на ихъ плечахъ во время торжествъ ставили тронъ Адаръ-Малика. Царскіе слуги завивали имъ бороды и волосы на ассирійскій манеръ въ локоны, а портные обували ихъ въ башмаки и надѣвали на нихъ наколѣнники, что непомерно огорчало ихъ, потому что всякія украшенія были прокляты ихъ пророками. Пролывая слезы и стоя на колѣняхъ подъ трономъ Адаръ-Малика, они могли обратить свой взоръ на голубыя стѣны Улицы Процессій и убѣдиться, что по этимъ стѣнамъ ходили не только львы, но также и воны и змѣи съ хвостами, задранными вверхъ.

Въ храмѣ Аштореть власть держалъ Каши, туртанъ надъ всѣми хорами. Онъ подбиралъ мальчиковъ и дѣвочекъ, обладающихъ голосами пѣвучихъ пицалокъ, а также и мужей, пѣніе которыхъ напоминало звукъ трубы или глубокой грохотъ отдаленнаго грома. Самъ онъ также пѣлъ удивительно. Хабиры влялись, что такъ пѣлъ только Адонихъ, сынъ Давида, и, говоря это, несомнѣнно лгали, потому что не слышали и слышать его не могли, а пѣніе туртана было для нихъ омерзительно. Но хвастливый Каши не вникалъ въ искренность похвалъ, а только приказывалъ выдать имъ по двѣ мѣры хлѣба и по три мѣры фигъ. Каши хотѣлъ было изъ среды ихъ выбрать обладавшихъ отличными голосами, но хабиры не хотѣли пѣть гимновъ въ честь Аштореть, ибо имѣли своего Ягу, и никого болѣе. Каши для примѣра приказалъ сотнѣ сопротивлявшихся вырвать языки. Но и это не помогло, напротивъ, увеличило только упорство

этихъ неотесанныхъ людей, потому что тотчасъ же двѣсти другихъ добровольно вырвали у себя языки сами и съ ними ничего нельзя было подѣлать.

Гимны слагалъ Кубатти, туртанъ надъ всякою наукой, которая процвѣтала въ Гекалѣ. Говорять, что онъ исчислилъ путь звѣзды Неграль, что привело въ изумленіе вавилонскихъ ученыхъ, ибо они были убѣждены, что ихъ прежнія исчисленія были безошибочны.

Кубатти обладалъ необычайнымъ даромъ краснорѣчія и великимъ разумомъ. Хабиры клялись, что такой разумъ имѣлъ только Шеломохъ *), царь Урѣ-Шалема **), самый мудрѣйшій на всемъ востокѣ. Говорятъ, они безстыдно лгали, потому что и этого туртана считали послѣднимъ глупцомъ, который поклонялся идоламъ, змѣямъ и воламъ, чего никогда не сдѣлалъ бы разсудительный Шеломохъ. Правда, этотъ послѣдній воздвигъ алтарь для сидонскаго идола, но только изъ любви къ своей девятой женѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что въ этого идола онъ не вѣрилъ. Придетъ время, когда Ягу истребить всѣ эти блудные народы и низвергнетъ ихъ идиоловъ.

Священными танцами управлялъ Эллипи, младшій туртанъ, котораго придворныя Зибей называли Туртаномъ Очарованія. Легкій, какъ вѣтерокъ мѣсяца Тишритъ, благоухающій, какъ цвѣтъ тамарикса, онъ обладалъ стальнымъ ключомъ отъ всѣхъ сердець. Когда онъ танцевалъ передъ статуей Ашторетъ, окруженный танцующими же дѣвами и юношами, хабиры, колѣнопреклоненные подъ трономъ Адаръ-Малига, влялись, что такъ плясалъ развѣ только царь Давидъ собственно своей персоной. И они снова безстыдно лгали, потому что между собой перешептывались, что танецъ туртана не что иное, какъ круженія медвѣдя, стоящаго на двухъ лапахъ. Эллипи, освѣдомившись о дѣлаемыхъ ему похвалахъ, приказалъ привести къ себѣ старѣйшаго хабира и спросилъ:

— Кто такой былъ царь Давидъ?

— То былъ нашъ царь.

— Развѣ онъ платилъ дань предкамъ Адаръ-Малига?

— Онъ не могъ дѣлать этого, ибо тогда предки Адаръ-Малига еще не существовали.

— Лжешь, потому что предкомъ его былъ Хіюнъ, звѣзда котораго блеститъ такъ великолѣпно. Твой Ягъ былъ его посломъ въ землю

*) Соломонъ.

**) Іерусалимъ.

Мурри, дабы твоему народу, стонущему въ неволѣ, возвѣстить освобожденіе.

— Ягъ возвѣстилъ моему народу освобожденіе, но только отъ себя. Ягъ сказалъ Мессу: азъ есмь Сущій.

— Лжешь, подлый рабъ! Если бы было такъ, ты стоялъ бы на моемъ мѣстѣ, а я дрожалъ бы передъ тобой.

— Никогда нельзя знать, что будетъ дальше...

Тогда туртанъ сильно разгнѣвался и, призвавъ начальника своей стражи, отдалъ такое приказаніе:

— Хабиръ этотъ долженъ жить и смотрѣть на все, что дѣлается, дабы позналъ, что будетъ дальше.

Хабиръ же отвѣтилъ:

— У насъ говорятъ, что Кубатти мудръ, какъ второй Шеломохъ. Но говорящіе это ошибаются. Ибо лишь одинъ ты обладаешь такою неизмѣримою мудростью.

Эллипи отъ радости выпятилъ губы, потому что ненавидѣлъ того туртана, который однажды сложилъ гимнъ въ честь Зибеи и сильно подчинилъ себѣ ея сердце.

Пришелъ часъ, когда Адаръ-Маликъ ничего другого не дѣлалъ, только пировалъ и пилъ рубиновое вино.

Дыханіе его стало коротко, а лицо красно. Пади, туртанъ надъ всѣми врачами и предсказателями, очень за него встревожился и совѣтовалъ ему соблюдать большую воздержанность.

Адаръ-Маликъ недоброжелательно посмотрѣлъ на него.

— Я и такъ воздержанъ, — сказалъ онъ. — Утромъ, когда Шамашъ выступаетъ изъ-за горы Дуль-Азагъ, я выпиваю одну чашу въ честь его. Потомъ, направляясь къ храму Аштореть, я выпиваю вторую. Возвратившись, утомленный, я подкрѣпляюсь третьей чашей. Въ полдень, когда злобные демоны бываютъ наиболѣе надоедливы, я осушаю четвертую чашу. Пятую и шестую я выпиваю, навѣщая моихъ наложницъ. Седьмую — во время совѣщанія съ туртанами о дѣлахъ моего царства. Восьмую чашу — во время вечерняго привѣтствія Зибеи. И только когда Синъ выйдетъ на небесный сводъ, можно сказать, дѣйствительно, что я пью.

Сказавъ это, онъ засмотрѣлся въ пространство, а черезъ минуту продолжалъ свою рѣчь:

— Царь Шеломохъ былъ весьма мудръ, а пилъ. Также фараонъ Рамессу, прозванный Великимъ, былъ мудръ, храбръ и пьяница. Хаммураби, хотя его страна никогда не обладала виноградной лозой,

добывать себѣ со стороны многоцѣнная вина, а всетаки въ искусствѣ пражленія никто еще до сихъ поръ не превысилъ его.

Онъ снова обратилъ глаза на туртана и изрекъ такъ:

— Я пью и буду пить, потому что это вино богини Аштореть. Въ ея объятіяхъ сгорѣлъ Ашуръ-Идиль-Илли-Укинни. Я не удостоюсь такой чести, потому что огонь любви съ нѣкотораго времени пересталъ уже пожирать меня. Но всетаки мои уста еще не потеряли чувства вкуса.

— Но грудь твоя теряетъ дыханіе, а очи—тайну зрѣнія,—отвѣтилъ туртанъ.

Адаръ-Маликъ улыбнулся.

— Тайну зрѣнія? Ты ошибаешься, Пади. Я вижу все, что творится вокругъ меня. Но что же именно творится? Любовь посягаетъ на заповѣдный цвѣтокъ. Помни, Пади, что если у владыки разумъ—это правая рука, а снисходительность—лѣвая, то онъ долженъ поступать такъ, чтобы подданные называли его лѣвшою...

Туртанъ поднялъ вверху свои немного подращенные брови и отвѣтилъ:

— Ты создалъ новую основу жизни, невѣдомую Верховнымъ Богамъ.

— Иногда и боги должны чему-нибудь поучаться отъ людей.

— Ты сказалъ, что любовь посягаетъ на заповѣдный цвѣтокъ. Да, но любовь дѣлаетъ и еще нѣчто иное. Она придумала танецъ горящихъ факеловъ. Искры падаютъ на Гекаль, и можетъ вспыхнуть великій пожаръ.

— Такимъ языкомъ говорить Кубатти въ своихъ гимнахъ. Языкъ этотъ привлекателенъ, но мало понятенъ.

— Долженъ ли я быть болѣе точнымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, только менѣе скучнымъ, любезный туртанъ. Я не Саррукинъ и не Бель-Ибни. Пускай моя Зибя забавляется.

Туртанъ положилъ правую руку на грудь, поклонился и направился къ выходу, но Адаръ-Маликъ вознесъ чашу до высоты глазъ и сказалъ на прощанье:

— За твои успѣхи, Пади!

И Зибя забавлялась.

Забавлялась она пѣніемъ, танцами, пирами, предсказаніями. Татара, хабирская предсказательница, каждое утро читала по ея рукѣ, что ее ожидаетъ до самаго вечера и даже ночью.

Забавлялась она также и любовью. Любила по очереди всѣхъ

боговъ. Отдавалась два раза Белу въ его храмѣ. Точно такъ же отдавалась Таммузу. Но этотъ богъ къ ея великому огорченію не былъ такимъ ненасытнымъ, какъ она думала. Среди кромѣшной темноты, царящей въ храмѣ, она, правда, не могла разсмотрѣть его лица, однако чувствовала подъ рукою, что на щекахъ у него были многочисленные морщины, а борода поросла щетиною. Жрецы объясняли ей, что она была права, потому что это совпадало съ осенью, когда Таммузь бываетъ уже старымъ и вскорѣ умираетъ. Весною у него не бываетъ морщинъ, а борода его отличается необыкновенною мягкостью. Зибя получила впечатлѣніе, что и Белъ уже порядочно старъ. Жрецы тогда объяснили ей, что года Бела не даются точному исчисленію. Все это отбило у Зибен охоту искать любви среди боговъ, зато она начала обращать большее вниманіе на жителей земли.

При дворѣ тотчасъ же наступило большое оживленіе. Всѣ туртаны начали обращать особенное вниманіе на свою наружность. Муттанابي тратилъ ежедневно по два часа, чтобы завивать въ трубочки свою бороду, Оребъ принималъ ванны изъ рубинового вина, Каши точно такъ же. Кубатти, который обладалъ необыкновенно маленькою ногою, постоянно носилъ желтые башмаки, потому что Зибя очень любила этотъ цвѣтъ. Эллипи выписывалъ себѣ драгоценныя масла изъ Ниневіи и Вавилона, даже Пади обращалъ особенное вниманіе на то, какъ падаютъ складки его одежды. Вошли въ цѣну чесальщицы, сапожники, портные; купцы, которые посылали свои корабли даже въ Индію, очень расхваливали правленіе Адаръ-Малика. Золото и драгоценныя камни доставляли цѣлыми караванами. Городъ Гекаль (что значить дворець) вскорѣ сталъ жилищемъ вкуса, роскоши, пѣнія, неустанныхъ танцевъ, излишества, наслажденій.

Туртаны со своими супругами и пріятельницами этихъ супруговъ составляли великолѣпную свиту вобругъ Звѣзды Гекала, какъ называлъ Зибю Кубатти въ одномъ изъ своихъ гимновъ.

Дворцовые сады постоянно оглашались смѣхомъ, весельемъ, пѣніемъ и музыкаю. Смѣялось небо и сладострастно смѣялась земля. Смѣялись пальмы, кипарисы и тамарисы. Смѣялись розы желтыя, голубыя и черныя. Даже огромные сфинксы, стоящіе на террасахъ, обращали свои человѣческіе лики въ сторону Зибен и улыбались.

И всетаки Зибя, извѣрившись въ любовь боговъ, не могла сразу сдѣлать выбора среди смертныхъ.

Она пылала, какъ тѣ благовонные огни, которые изъ бронзовыхъ чашъ уносились въ лазурный воздухъ.

Она дрожала, но всетаки протягивала руку Тамарѣ, чтобы та говорила ей, что тамъ написано.

Она жаждала, но ея очи напрасно блуждали кругомъ. Она не могла сказать себѣ: только тотъ, никто иной!

И вотъ при дворѣ начался необыкновенный шепотъ, подмигиванія, разставлялись разныя ловушки, всякія приманки. Какъ весною, когда пробуждается земля и все хочетъ извлечь изъ себя самое прекрасное и показать это міру, такъ дѣлалъ весь Гекальскій дворъ, дѣлали туртаны, такъ дѣлали ихъ супруги и пріятельницы этихъ супруговъ, которыя въ свою очередь обладали пріятелями, вздыхающими по Звѣздѣ Гекала, и повѣрили имъ свои весьма слабыя, но зато и весьма похотливыя надежды.

Но насталъ второй день мѣсяца Нинибъ и его очаровательный вечеръ.

Какъ богиня Ашторетъ раскрываетъ свои сладостныя объятія, такъ и алебастровый дворецъ распахнулъ свои крылья.

Передъ нимъ идутъ внизъ террасы изъ бѣлаго камня.

На ступеняхъ стоятъ львы, волю и змѣи, лицами обращенные въ бокъ.

Въ огромныхъ бронзовыхъ чашахъ горятъ разноцвѣтные огни. Вверху — ночная лазурь, а въ самомъ зенитѣ свѣтитъ Синь.

Дворъ расположился на террасахъ.

Въ самой серединѣ, возлегая на золотомъ ложѣ, видна Зибя. Одежда ея походитъ на раннее облако, такъ она мягка и прозрачна. Лицо ея обладаетъ смуглостью жемчужины, а черные глаза горятъ пурпуромъ рубина.

Хоры пѣли гимны. Тогда внизу, окруженный двѣнадцатью херувимами, показался туртанъ Кубатти.

Зибя обратила на него свой взоръ.

Изъ курильницъ на него падалъ лиловый отблескъ. Онъ былъ дѣйствительно прекрасенъ. Въ рукахъ онъ держалъ желтую таблицу и началъ читать по ней.

Воцарилась тишина. Голосъ Кубатти струился, какъ пальмовый медъ. По временамъ же въ немъ слышалось бурное влокотаніе водъ или тихій шепотъ листьевъ.

Онъ говорилъ о любви, о ея тоскѣ, о ея пожирающемъ огнѣ.

Онъ описывалъ свою возлюбленную.

Ашторетъ прекрасна, но Ашторетъ творить по образу и подобію своему. Кто любитъ Ашторетъ, тотъ сгоритъ, какъ Ашуръ-Идиль-Или-Уеинни.

Послѣ него останется пепелъ и больше ничего.

Насколько же болѣе жестока любовь къ той, которую Ашторетъ сотворила по образу и подобію своему.

Вотъ онъ... горить и не можетъ сгорѣть.

Пожираемый вѣчнымъ огнемъ, онъ будетъ жадать еще сильнѣй и еще больше.

А всетаки онъ не боится, какъ Таммузъ, свѣта, и не требуетъ громѣшной тѣноты, какъ Бель.

Свѣти день, покажи ликъ того, который сгораетъ!

Мягка борода его и кожа на лицѣ безъ морщинъ. Страстны его объятія.

Во всякомъ случаѣ, Игвъ, или, какъ египтяне называютъ, Дыханіе, своею страстностью превосходить въ немъ все.

Такъ говорилъ Кубатти.

Страстное чувство охватило супругъ туртановъ и ихъ пріятельницъ. Онѣ внимательно присматривались къ Зибеѣ, которая обѣими руками подперла горящее чело, прерывисто вздыхала и мѣнялась въ лицѣ.

Вдругъ, незамѣтно наклонившись въ сторону Тамары, своей хабирской служительницы, она шепнула ей:

— Подойдешь къ нему потомъ и скажешь ему, чтобы передъ утромъ, когда звѣзда Дильбатъ пробѣжитъ весь свой путь, онъ троекратно постучалъ бы въ Ворота Аштореть.

Въ эту минуту отозвались хоры, а невольники начали разносить чаши вина, и когда онѣ были осушены, другіе невольники, обносящіе большіе бронзовые кувшины, немедленно пополняли убыль.

Зибя впала въ большое безпокойство, постоянно посматривала на Кубатти, до тѣхъ поръ, пока внизу, окруженный двѣнадцатью четырехкрылыми херувимами, не появился Каши.

Зибя недовольно посмотрѣла на него, повернулась на своемъ ложѣ, потомъ опустила голову и утонула въ раздумьи.

Но уже зазвучали инструменты, какъ стеклянные звуки кристалла, заговорили пицалки, вмѣшались цитры, нѣсколько разъ проворчалъ бубень, и вдругъ изъ молодой груди вырвалась волна голоса, точно золотая струя, точно дыханіе гіацинтовъ, точно великая грусть, надзвѣздная, безнадежная, и вмѣстѣ съ тѣмъ полная сладостной истомы.

Зибя поблѣднѣла и сразу выпрямилась.

Голосъ, дойдя до наивысшаго напряженія, стихалъ, ослабѣвалъ, расплывался въ стонъ, рыданіе, вздохъ,—уже его нѣтъ, уже онъ совершенно исчезъ, уже вокругъ царить только необычайное молчаніе садовъ, прудовъ и лазурной ночи,—нѣтъ, то эхо разноситъ все это вдоль стѣны кипарисовъ, растеть, достигаетъ наивысшаго на-

пряженія, слабѣть, тихнетъ и, наконецъ, расплывается у подножія дрожащей и онѣмѣвшей отъ изумленія Зибей.

Она порывисто схватила руку Тамары, загусила губы и дышала такъ шибко, такъ шибко, какъ будто ея сердце перестало биться, потомъ упала на изголовье, а Тамара слышала ясно, какъ нѣсколько разъ проскрежетали ея жемчужные зубы. Наконецъ, она шепнула хабирской прислужницѣ:

— Ты скажешь тому болтуну, тому... Бубатти, чтобы утромъ сегодня онъ не стучался въ Ворота Аштореть, потому что я, вѣроятно, буду очень... занята.

Потомъ она еще что-то прошептала ей, указывая глазами на туртана, уходящаго въ сопровожденіи херувимовъ.

Разразилась буря трубъ, какъ будто сорвался вихрь, уносящій увядшіе и опавшіе листья въ золотой метели песка пустыни.

Зибей еще не можетъ собрать мыслей.

Тоска, жалоба, вздохи ходять вдалекѣ, протягиваютъ къ ней руки, смотрять на нее.

Вдругъ они вздымаютъ огромные столбы сѣрой пыли и, потрясая своими гривами, вьются по затмившемуся небосклону.

Пускай такая буря подхватитъ и Зибей!

Пускай она унесетъ ее, какъ листокъ тамарикса!

Безуміе, упоеніе, фантазмагорія,—это тройное сплетеніе обнять ее и бросить на грудь того... того...

Въ эту минуту какая-то тѣнь стала между ней и ея видѣніемъ. Она боязливо вздрогнула и подняла голову.

Передъ ней стоялъ туртанъ Оребъ.

— Чего ты хочешь?—спросила Зибей.

— Убѣдить тебя, что ты ошибаешься.

— Какъ же ты можешь знать, о чемъ я думаю?

— У тебя были двѣ мысли. Одну ты уже отбросила.

— Допустимъ, что ты не ошибаешься.

— Отбросишь такъ же и другую.

Зибей пытливо посмотрѣла на него. Вдругъ она разсмѣялась и сказала:

— Ты очень самонадѣянъ.

— Ты не повторишь этихъ словъ въ новомъ храмѣ передъ только что оконченнымъ изображеніемъ Таммуза и Аштореть.

— А что представляетъ это изображеніе?

— Ихъ взаимную любовь.

— Ты возбуждаешь мое любопытство.

— Ты убѣдишься воочию, какъ ничтожно впечатлѣніе, достигнутое при помощи слова и пѣнія. Человѣческая рѣчь, прозвучавъ, оставляетъ только одно воспоминаніе, пѣніе взволнуетъ сердце и улетитъ, какъ обаяніе отъ одного дуновенія чародѣя. Впечатлѣніе, которое производитъ пластическая форма, не можетъ ни съ чѣмъ сравняться.

— Я слышала, что ты очень мудръ. Кажется, ты исчислилъ путь звѣзды Негралья?

— Да. А теперь я докончилъ исчисленіе пути звѣзды Гекала. Зибей гордо сорвалась съ ложа. Она измѣрила его глазами, но онъ взглядъ этотъ выдержалъ, какъ воинъ, а не какъ туртанъ.

Зибей прерывающимся голосомъ зашептала:

— Веди меня, сейчасъ же веди. Веди цѣлый дворъ!

Оребъ нѣсколько поднялъ брови.

— Ты не можешь взять съ собою даже служительницы, потому что непосвященные глаза могутъ только осквернить изображеніе.

Тогда Зибей, окинувъ кругомъ своимъ рубиновымъ взглядомъ, крикнула:

— Айя и Зеебъ, ко мнѣ!

То были два туртана полчища евнуховъ. Айя (что значить ястребъ) охранялъ царя, Зеебъ (что значить волкъ) самое царицу.

Съ нѣкотораго времени они оба охраняли Зибею. Вотъ и теперь на ея зовъ они тотчасъ же выдѣлились изъ толпы и стали по обѣимъ сторонамъ Ореба, какъ два дымныхъ облака, нахмуренные и молчаливые. Только ихъ руки покоились на рукояткахъ ножей, затвнутыхъ за поясъ.

.....

Процессія двинулась.

Впереди шли музыканты, потомъ слѣдовалъ Оребъ съ головой, гордо поднятой кверху. Вслѣдъ за нимъ четверо черныхъ невольниковъ изъ страны Кушъ несли золотыя носилки Зибея. По обѣимъ сторонамъ ея выступали Айя и Зеебъ, допуская къ царицѣ только Тамару, которая постоянно о чемъ-то перешептывалась съ Зибеей. И только въ разстояніи шести шаговъ, какъ цвѣты, въ большомъ количествѣ смѣшанные другъ съ другомъ, слѣдовалъ весь дворъ, туртаны, ихъ супруги, сановники, жрецы, военные мужи высшихъ достоинствъ и огромная фаланга женщинъ.

Только двухъ туртановъ недоставало въ этой многоцвѣтной процессіи, которая вскорѣ затерялась въ лабиринтъ аллей.

Остался на террасѣ туртанъ Бубатти. Онъ смотрѣлъ внизъ, сжималъ руки, а тѣнь отъ него ложилась съ нимъ рядомъ, какъ чер-

ный песь. Надъ прудомъ же остался Каши, котораго душило бѣшенство и который теперь быстро подошелъ къ своему сопернику.

— Счастье иногда ломаетъ одинъ мечъ на двѣ части. Но несчастье, раскаливъ его въ своемъ огнѣ до красна, однимъ ударомъ мота снова соединяетъ оба обломка въ нераздѣлимое цѣлое.

— Ты болтаешь, какъ попугай, выученный человѣческой рѣчи невольницы. Ты хочешь, чтобы мы вмѣстѣ убрали Ореба?

— Такъ повелѣваетъ голосъ мести.

— А кто же потомъ поможетъ мнѣ убрать тебя?

Каши смѣшался, но покрылъ свое смущеніе улыбкою.

— Мы не станемъ другъ другу поперекъ дороги.

— Напротивъ, я твердо держусь своего намѣренія.

— Наконецъ, послѣ дѣла съ Оребомъ мы должны будемъ уйти.

— Уходи, если у тебя такія же быстрыя ноги, какъ у Эллип. Я ничуть не хочу уходить.

— Тогда бросимъ жребій, кому нужно будетъ устраниваться... А потомъ...

— Что потомъ?

— Потомъ... вещь простая!... Тотъ, кому судьба улыбнется...

— Ты думаешь, глупецъ, что въ ворота счастья входятъ на основаніи того или другого правила Гаммураби? Впрочемъ, бросимъ жребій, какъ каждый сумѣетъ. Я уже сдѣлалъ это.

Въ рукѣ его блеснулъ ножъ. Онъ нанесъ ужасный ударъ, но Каши лѣвой рукой, обернутой плащомъ, отбилъ его руку и, одновременно съ этимъ, выхватилъ свой ножъ. Кубатти направилъ тогда ударъ въ горло противника. Каши сдѣлалъ молниеносный полуоборотъ, и ножъ лишь слегка скользнулъ по его прекрасно завитой бородѣ. Самъ онъ въ свою очередь наступилъ на врага. Завязалась формальная борьба. Соперники отбросили плащи съ лѣвой руки и схватили другъ другу за правую руку повыше локтя. Теперь всякій неожиданный ударъ становился невозможнымъ. Тяжело дыша, они боролись силою мускуловъ. Наконецъ, ножъ туртана Кубатти, какъ свергающее жало, началъ приближаться къ горлу туртана Каши.

Они страшно покраснѣлись, глаза ихъ наполнились кровью, жилы напряглись на вискахъ, на шеяхъ, на судорожно-сжатыхъ пальцахъ.

Наконецъ, туртанъ Каши началъ наклоняться назадъ, упалъ на колѣни, а ножъ туртана Кубатти сначала медленно, а потомъ однимъ ударомъ вонзился ему въ горло.

Хлынула кровь. Кубатти еще разъ повернулъ ножъ въ ранѣ. Каши захрипѣлъ и упалъ.

Тогда Кубатти вырвалъ ножъ изъ раны и рупояткой его три раза ударилъ по каменной шеѣ ближайшаго быка. Изъ кустовъ выскочило нѣсколько его слугъ, ожидавшихъ приказания, какъ бдительные псы.

— Убрать эту падалъ и тотчасъ же зарыть ее гдѣ-нибудь подале. А эту черную грязь смыть поскорѣе, чтобы не оставалось ни малѣйшаго слѣда.

Когда слуги поднимали съ земли трупъ, Кубатти отеръ ножъ его одеждою и спряталъ его за пазуху. Трупъ исчезъ въ заросляхъ. Слуги, снявъ свои рогатые шлемы, сбѣжали внизъ по террасамъ къ пруду за водою.

Кубатти же, окинувъ взоромъ мѣсто столкновенія, спокойно, безъ признаковъ волненія, удалился за линію каменныхъ львовъ, сфинксовъ и воловъ, которые обращали къ нему свои человѣческія лица.

О, какъ ты тиха, голубая ночь Гекала! Безъ шелеста висятъ листья на деревьяхъ, молчатъ вокругъ пустыня, только лазурное небо льетъ потоки звѣзднаго сіянья.

А какъ тамъ, вверху, совершаются состязанія между туртанами сверкающаго Сина, такъ внизу въ завистливомъ молчаніи состязаются туртаны Адаръ-Малика.

Уже трупъ одного погребенъ безъ славы въ землю. Уже и лужа крови на террасѣ смыта.

И только въ заросляхъ слышна пѣсня птицы Ашторетъ, приманивающей къ себѣ самку.

Пѣсня, не заботящаяся о небесныхъ и земныхъ туртанахъ, о царствахъ, о народахъ.

Пѣсня, которая говоритъ: «Существуйте только для самихъ себя въ этой безднѣ взаимныхъ состязаній, и возстановленій, и паденій!»

И по очереди по направленію этой пѣсни поворачиваются человѣческія головы львовъ, сфинксовъ и воловъ сада звѣзды Гекала.

Процессія минуетъ аллея, приближаясь къ гигантскому пилону. Все большая и большая тревога охватываетъ Зябею.

Она шепчетъ идущей за носилками Тамарѣ:

— Скажи мнѣ, правду ли говорилъ Оребъ, или только хвастался?

— Какъ же онъ осмѣлился бы хвастаться въ твоёмъ присутствіи?

— Растрогалъ меня Кубатти. Потомъ меня растрогалъ Каши... Теперь я чувствую, что еще сильнѣй меня растрогаетъ Оребъ.

— Я бы не преувеличивала этого.

— А я уже и теперь ясно предчувствую это. Но... когда ты встрѣтишь туртана Каши, скажи ему, чтобы онъ не стучалъ въ условленную пору въ ворота Аштореть, потому что я навѣрно буду... очень занята.

Но Тамара, которая съ нѣкотораго времени смотрѣла на небо, шепнула испуганнымъ голосомъ:

— Въ эту минуту его звѣзда затмилась!

— Чья звѣзда?

— Туртана Каши.

— А какая это звѣзда?

— Она свѣтилась между Кимагу и Маззолоть... Немного влѣво.

— Онъ слишкомъ на многое посягалъ!

— Но она очень затмилась. Это уже не несчастіе, а что-то еще больше.

— Ты все говоришь о печальныхъ вещахъ! Говори мнѣ о томъ, по дорогѣ котораго мы идемъ въ эту минуту.

— По звѣздамъ говорить?

— Говори хоть по звѣздамъ.

— Его звѣзда Нергалъ. Ей угрожаютъ нѣсколько звѣздъ.

— Я не хочу, чтобы ей что-нибудь угрожало!

Она сказала это съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, и сейчасъ же крикнула Зеебу:

— Какъ мы медленно подвигаемся!

Зеебъ поднялъ голову и отдалъ приказаніе своимъ дикимъ голосомъ, походящимъ на завываніе волка.

Но вотъ уже изъ-за верхушекъ пальмъ показалась наклонная стѣна гигантскаго пилона.

Оребъ приостановился и далъ знакъ. Черные невольники поставили носилки наземь.

Дворъ тоже остановился. Хоры начали пѣть пѣснь въ честь Аштореть. Зибя, высадившись изъ носилокъ, крѣпко стиснула плечо Тамары, потомъ стала между евнухами.

Оребъ взялъ зажженный факель. Черезъ минуту всѣ перешли черезъ пилонъ.

Хоральный гимнъ терялся за ними въ отдаленіи.

.....
 «О, благо, Аштореть, тому,
 Кто упадетъ къ тебѣ съ мольбою,—
 Къ тому ты свой склоняешь слухъ,
 Взираешь милостивымъ окомъ.

Легко яро твое сносимо,
 Мягка твоя благая длань;
 Ведешь ты свѣтлою дорогой
 Того, кто ввѣрился тебѣ.
 Успѣхъ и радость человѣка
 По правой сторонѣ твоей,
 По лѣвой—милость и добро
 Твоихъ вельнѣй ожидаютъ.
 Тебя завидя, небеса
 Весельемъ дивнымъ расцвѣтають,
 Возносять радостные гимны
 Бездонной пропасти утесы.
 Вы, боги, радости полны,
 Надеждой всѣ оживлены,
 Что ты на нихъ посмотришь вновь,
 О, радость и любовь!»

.
 Теперь всѣ подвигались между двумя голубыми стѣнами, кото-
 рыя, точно зеркала, отражали ихъ фигуры, освѣщенные факеломъ
 Ореба. Змѣи, антилопы и львы, которые были изображены на этихъ
 стѣнахъ, вдругъ стали выпуклыми и какъ бы двигались въ воздухѣ.
 Тогда Зибейю охватило впечатлѣнїе, что она находится въ какомъ-то
 очарованномъ краю, гдѣ люди, подобные духамъ, и чудовища непо-
 нятной формы посята въ пространствѣ между землею и небомъ.

За стѣною пѣли хоры, напоминая отдаленный шумъ моря, пе-
 рекаты его волнъ, его таинственный плескъ о скалы.

Зибейя знала каждое слово этой пѣсни. Ее охватила религіозная
 тревога. Идя, она повторяла въ мысляхъ эту пѣсню медленно, какъ
 будто слова заклинаній, направленныхъ къ той, которая «склоняетъ
 свой слухъ и взираетъ милостивымъ окомъ».

.
 «Ты, которой боги неба всѣ подвластны,
 Возношу къ тебѣ я жаркую молитву,—
 Здѣсь, въ юдоли смерти, къ бою все стремится,
 Другъ вступаетъ съ другомъ въ яростную битву.
 Ласковымъ названьемъ, именьемъ Ирнини,
 Называть тебя давно привыкли люди,—
 Горестью томимый, я съ такимъ названьемъ
 Извлекаю стоны изъ стѣсненной груди.
 Ты своею властью выше всѣхъ Ягиговъ,
 Всѣхъ склонить ты можешь къ ладу, къ примиренью,
 Всѣхъ царей корону держишь въ мощныхъ дланяхъ,

Все передъ тобою въ страхѣ и смиреньи.
 Ты Гушея грозной имя также носишь,
 Боль въ грозѣ военной ты стремишься къ бою;
 Я шепчу то имя блѣдными устами
 Съ сердцемъ, истомленнымъ горемъ и тоскою...
 Бель, Апу и Эя знаютъ это имя,
 Злобою палимы, Апунаки знаютъ,
 Низвергаясь въ пропасть, всё передъ тобою
 Лигъ, тревоги полный, подъ колпакъ скрываютъ.
 Подъ грозой невзгоды, въ жизни безпощадной,
 Какъ тростникъ подъ бурей я колеблемъ нынѣ,—
 О, приди на помощь слабому созданью,
 Аштореть, Гушея, кроткая Ирнина!
 Аштореть всѣмъ слабымъ посылаетъ силы,
 Повелить,—исчезнетъ горе и кручина,
 Мудро управляетъ міромъ дочь благая
 Въ небесахъ бездонныхъ блещущаго Сина».

.

Теперь процессія вступила въ колоннаду. За нею шелъ отголосокъ ея шаговъ и очень слабый звукъ хорального пѣнія.

Наконецъ, всё остановились передъ занавѣсомъ.

Оребъ бросилъ факелъ въ круглую арку водопровода, гдѣ факелъ зашипѣлъ и погасъ. Потомъ онъ прикрылъ мѣдными крышками двѣ чаши съ дымящимися ароматами. Воцарилась полная темнота. Оба евнуха плечо къ плечу стали около Зибей. Слышны были только шаги удаляющагося Ореба, какъ будто онъ удалялся въ безконечность.

Тогда отозвалось медленное пѣніе инструментовъ, которыхъ Зибей еще никогда не слыхала. Инструменты эти имѣли совершенно человѣческій голосъ.

И тотчасъ же занавѣсъ началъ освѣщаться и на немъ показался кругъ съ золотыми языками.

Потомъ занавѣсъ медленно началъ угасать и опять освѣщаться, потомъ какъ будто совершенно исчезъ, а вмѣсто него была видна только лазурь какого-то неизмѣримаго грота.

Кромѣ того, виденъ былъ какой-то мшистый камень. Около него сидятъ видѣнія. Зибей много слышала объ этихъ видѣніяхъ. Они стерегутъ камень Таммуза.

И она мысленно быстро проговорила заклинаніе:

— Таммузъ, пастухъ, избранникъ Аштореть, оберегай меня... Таммузъ, побѣдитель Подземія, сдѣлай мановеніе, чтобы я была въ безопасности...

Въ глубинѣ грота показалась какая-то фигура. То была фигура женщины. Передъ Зибеей предстало новое видѣніе. По ея тѣлу прошла дрожь, и она послѣшно прошептала заклинаніе:

— Отецъ Наннаръ, владыка Эгишь-Ширь-Гала, охрани меня... Отецъ Наннаръ, владыка Діадемы, не покидай меня... Отецъ Наннаръ, прародитель боговъ и людей, окажи мнѣ покровительство...

Женщина у входа въ голубой гротъ сбросила со лба діадему.

Потомъ она снимаетъ съ рукъ браслеты.

Потомъ послѣдовательно разстегиваетъ поясъ.

Теперь она сбрасываетъ одѣяніе...

Какъ она прекрасна!

Въ эту минуту Зибеея отгадала, кто эта женщина, и послѣшно произноситъ въ мысляхъ заклинаніе:

— Иль, который разрѣшаешь все на землѣ и на небѣ, не отворачай отъ меня своего ока... Иль, который въ своихъ дланяхъ держишь источники огней и водъ, не лишай меня всего покровительства...

Дѣвственная Аштореть, словно солнце, заклітіемъ заключенное въ форму женщины, приближается къ камню. Вотъ она преклонила колѣни. Видѣнія исчезаютъ при ея приближеніи. Она наклоняется къ Источнику Жизни и окропляетъ камень. И вотъ этотъ камень обращается въ туманъ, туманъ яснѣетъ, видны уже очертанія лежащаго бога, распростертая фигура, завитые волоса и борода, руки, сложенные на груди въ Знакъ Жизни.

Молнія прорѣзываетъ голубой мракъ, раздается ударъ грома. Вдругъ занавѣсъ лопаются сверху до низа, и передъ Зибеей—великолѣпное изваяніе, изображающее Аштореть и Таммуза, слившихся въ любовномъ объятіи. Золотой блескъ освѣщаетъ эту группу. Зибеея чувствуетъ, что она на землѣ, что смотритъ на произведеніе искусства, которое представляется необычайнымъ. Нагая Аштореть прелестна, очаровательна. Она опирается на плечо Таммуза, пробуждающагося отъ сна. Таммузъ торжествененъ, какъ весна.

Зибеея, страстно содрогаясь, наклоняется впередъ. Грудь ея почти перестаетъ дышать, глаза затуманиваются.

Но она все еще смотритъ. Что это такое?

Таммузъ, ищущій устъ богини, поразительно похожъ на туртана Ореба, а богиня... развѣ она не является живымъ олицетвореніемъ ея, Зибеей?...

Она еще немного наклонилась и безъ сознанія упала на руки егнуховъ.

.

«Преступно сердце у меня,
 Грѣхи мои обильны,
 Но ихъ по имени назвать
 Уста мои безсильны...
 Слѣпымъ предчувствіемъ влекомъ,
 Соблазну я ввѣряюсь,
 Къ святой Невѣдѣнья груди
 Безтрепетно склоняюсь...
 Безгласенъ разумъ, силы нѣтъ
 Идти противъ теченья,—
 И вотъ земная дочь лежитъ
 Безъ силы и движенья.
 Но если грѣхъ позоренъ мой,
 Сверкаетъ наготю,—
 Молю,—приврой его своей
 Одеждою святою.
 Иду, куда—не знаю я,
 По волѣ искушенья,
 Грѣшу ли я, иль не грѣшу,
 Но жажду наслажденья...»

Во мракѣ храма завязалась короткая борьба. Аія почувствовалъ, какъ какіе-то страшные влещи схватили его за руки. Онъ долженъ былъ выпустить изъ нихъ Зибею. Послѣ недолгаго состязанія эти влещи подняли его вверху. Онъ слышалъ крикъ Зибеи, но вскорѣ этотъ крикъ былъ подавленъ. Могучіе влещи тотчасъ же швырнули его въ какую то глубину, головою внизъ.

Аія потерялъ сознание.

Но длилось это не долго. Онъ пошевелинулся,—оказалось, что онъ былъ цѣлъ. Даже головная боль вскорѣ покинула его.

Руками онъ началъ ощупывать стѣны, ища выхода, но всюду встрѣчалъ стѣну изъ кирпичей, высушенныхъ на воздухѣ, но никакихъ дверей не оказывалось. Напрасно онъ поднимался на цыпочки.

Онъ хорошо зналъ устройство всѣхъ храмовъ,—не даромъ же онъ всюду сопровождалъ Зибею. На его обязанности лежало изслѣдовать каждый храмъ, прежде чѣмъ царица переступитъ его порогъ.

Но этотъ храмъ былъ неоконченъ, туртанъ Орербъ еще не сдалъ его Адарь-Малику. Адарь-Маликъ только и дѣлалъ, что пилъ рубиновое вино и ни во что не вмѣшивался. Новый храмъ ничуть не интересовалъ его.

Посѣщеніе его было постановлено такъ неожиданно, что Аія не имѣлъ времени даже подумать о какихъ-нибудь предосторожностяхъ.

Къ счастью, съ нимъ былъ Зеебъ. Значить, они оба раздѣляютъ отвѣтственность передъ Адаръ-Маликомъ.

Но гдѣ же Зеебъ? Ихъ раздѣлили.

Онъ даже не спрашивалъ себя, гдѣ можетъ находиться Зеебъ. Восточный человѣкъ въ десять разъ подозрительнѣй всякаго другого, евнухъ въ десять разъ подозрительнѣе восточнаго человѣка, а Ая былъ въ десять разъ подозрительнѣй всякаго евнуха.

Онъ сразу почувствовалъ, что должна наступить какая-то катастрофа. Онъ только не предполагалъ, чтобы туртанъ Оребъ былъ такъ предусмотрителенъ и ловокъ.

Да, отвѣтственность передъ Адаръ-Маликомъ будетъ велика, но дойдетъ ли все это до него?

Быть можетъ, Ая совсѣмъ не выйдетъ изъ этой адской пасти?

Но развѣ тогда не избрали бы для него какой-нибудь болѣе скорой смерти? Впрочемъ, это не представлялось необходимымъ. «Разлитой Духъ» еще болѣе худшій слѣдъ, чѣмъ духъ не разлитой.

Суровый умъ евнуха обладалъ способностью къ скорымъ опредѣленіямъ.

Ая сѣлъ, оперся плечами о холодную стѣну, вперилъ взглядъ въ непроглядную темноту и прежде всего пересталъ размышлять.

Прошелъ добрый часъ, и надъ нимъ, наверху, послышался какой-то шелестъ, звуки, пѣніе, и наконецъ изо всего этого выдѣлился хорошо извѣстный ему гимнъ:

«Въ тревогѣ сердца,
Съ рыданьемъ горькимъ
Сидитъ слуга твой,
Изъ груди тяжкій
Крикъ исторгая.
Чело покрыто
Холоднымъ потомъ...
Какъ голубь, раненый стрѣлой,
Какъ полоненный звѣрь лѣсной
Напрасно стонетъ одинокій...
Вчера свободенъ былъ, какъ левъ,
Позналъ сегодня божій гнѣвъ
И ввергнуть бездны въ мракъ глубокій».

Ая презрительно поморщился. Онъ стоялъ выше жалобнаго содержанія этого печальнаго гимна, который все время клубился надъ нимъ стонущею, протяжною волною.

Онъ пересталъ слушать. Онъ только лучше оперся плечами о

стѣну, выставилъ губы впередъ, опять засмотрѣлся въ темноту и опять пересталъ думать о чемъ бы то ни было.

Зебѣ, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ локтяхъ разстоянія, по другой сторонѣ стѣны, и дѣлалъ такіе же точно выводы, какъ и Аія, тоже оперся о стѣну, выставилъ губы впередъ, засмотрѣлся въ темноту и тоже пересталъ думать о чемъ бы то ни было.

Ибо они были туртанами евнуховъ.

Гильгамешъ вавилонскій! Здѣсь потребна твоя божественная рѣчь, или твоя, Пентауръ, пѣвецъ изъ страны Мусри!

Но нѣтъ!

Пентауръ воспѣвалъ военные походы, а въ словѣ Гильгамеша переливаются бурныя волны потопа.

Ты, Утренняя Заря, дай краски для изображенія развѣсившихся щеки Зибей послѣ ея любовнаго восторга; ты, гекальскій вѣтерокъ, напоенный благоуханіемъ цвѣтовъ, помоги изобразить сладость ея вздоховъ!

Стекийтесь на землѣ небесныя облачка и разстелитесь мягкимъ ложемъ, чтобы оно подобно было двойному ложу, на которомъ почтеть Зибей въ обществѣ Избранника.

Весь прекрасный міръ сожмись до размѣровъ одной комнаты, и будешь ты подобіемъ рая, въ которомъ Зибей пребываетъ вотъ уже третій часъ.

Она забыла о своихъ придворныхъ, о туртанахъ и самомъ Адаръ-Маликѣ, который теперь несомнѣнно спитъ послѣ тридцать шестой чаши жидкаго рубина. Она забыла о Кубатти и не спрашиваетъ, попираетъ ли еще землю Баши своими стопами.

Выше всѣхъ словъ сладка чаша любви и учить забывать обо всемъ. То сонъ безъ сна, небо на землѣ, земля въ небесахъ.

Счастлива Зибей и насыщена. Никогда сама Ашторетъ не была такъ насыщена.

И Оребъ насыщенъ, какъ никогда не былъ такъ насыщенъ Тамнузь.

Онъ овладѣлъ Зибеей, которую такъ долго жаждалъ и которую напрасно жаждутъ другіе.

Царица была его любовницей, могучая царица Гекала.

Блаженство преобразилось въ гордость, а гордость въ надменность. Оребъ возгордился въ мысляхъ своихъ. Въ эту минуту онъ чувствуетъ себя бѣдшимъ, чѣмъ самъ Адаръ-Маликъ.

Что можетъ быть болѣе сладостнаго, какъ пить всѣ блаженства власти, не извѣдывая его горечи?

Божественные любовники!

Аштореть радуется ими, а Таммузь ими любитесь.

Одновременно съ этимъ надъ ними вверху звучалъ хоральчій гимнь:

«Эруа, сердце бьется такъ страстно!
Набу, блаженства нѣту предѣла!
Ташиеть, буди ихъ, время приспѣло.
Они заспули, спать такъ прекрасно!
То сонъ глубокой смежилъ ихъ вѣжды,
Уста же шепчуть слова надежды»...

Какое это сборище столпилось вокругъ пилона? Откуда взялись эти маститые жрецы рядомъ съ непотребными женщинами, которыя, склонивъ голову на траву, похрапываютъ? Почему достойные туртаны не отвели своихъ супруговъ въ ложницы, а эти супруги, до послѣдней нитки промокшія, расположились, какъ кто могъ?

Это потому, что суровый этикетъ воспрещаетъ кому бы то ни было удаляться до возвращенія царицы.

Тѣмъ временемъ лазурная ночь смѣнилась быстро жемчужной предразсвѣтной порою. Потомъ все сразу на минуту приняло мѣловой оттѣнокъ. Потомъ на востокъ заволновались фіолетовыя краски. Наконецъ, блеснулъ багрянецъ черезъ минуту.

Шамашъ, въ одеждахъ ярко блестящихъ,
Рукой златою коснулся спящихъ,
Дабы всѣ люди, возставши смѣло,
Взялися бодро за трудъ, за дѣло.

Но храпящій въ заросляхъ дворъ не почувствовалъ на своихъ лицахъ его «золотой руки» и не привѣтствовалъ его утренней пѣсней:

Шамашъ, лишь выйдетъ изъ комнатъ тѣсныхъ
И лишь предстанеть у вратъ небесныхъ—
Померкнутъ звѣзды, въ свои чертоги
Толпой уходятъ съ его дороги...

Одна только Тамара, вѣрная хабирская прислужница, не заснула. Она стояла, прислонившись къ рѣзному пилону, дрожа отъ холода и утомленія, ежеминутно позѣвывая и отряхиваясь. Только она одна, повернувъ въ глубь аллеи испуганное лицо, могла запѣть гимнь:

Прогнѣвался Господь во глубинахъ лазури.—
И вотъ проснулся громъ и завываютъ бури,
И валятся лѣса подъ вихря дуновеньемъ,
И ужасъ овладѣлъ всѣмъ Божиимъ твореньемъ.—

потому что тамъ началось какое-то странное движеніе. Всѣ вскакивали на ноги, становились въ рядъ, поправляли одежду, прическу, и какой-то робкій шопоть, какъ первый вѣтеръ передъ бурей, пробѣжалъ по всѣмъ устамъ:

— Адаръ-Маликъ идетъ! Адаръ-Маликъ идетъ!

И дѣйствительно, въ сопровожденіи неотступнаго Пади приближался владыка Гекала, опираясь на трость, рукоять которой имѣла форму шара съ придѣланнымъ къ нему крестикомъ—символомъ власти.

Когда онъ проходилъ, всѣ головы склонялись, какъ хлѣбная нива, взволнованная дыханіемъ вѣтра. Владыка ни у кого ни о чемъ не спрашивалъ, и никто не осмѣливался объяснить ему ничего. Только головы склонялись передъ нимъ все дальше и дальше, рядами, все ближе по направленію къ пилоу.

Въ эту минуту владыка остановился, обмѣнялся нѣсколькими словами съ Пади, а тотъ выпрямился и громко спросилъ:

— Здѣсь ли туртанъ Баши?

Ему отвѣчало только одно молчаніе. Спустя минуту Пади крикнулъ вновь:

— Не знаетъ ли кто-нибудь, куда дѣвался туртанъ Баши?

Никто не отозвался.

Пади направилъ свои шаги къ Адаръ-Малику. Оба они нѣкоторое время бесѣдовали другъ съ другомъ, какъ вдругъ за пилономъ послышались какіе-то шаги, и показалась процессія въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ она исчезла за пилономъ нѣсколько часовъ тому назадъ: впереди Оребъ, за нимъ Зибей въ сопровожденіи двухъ внуковъ. Только лица у Ореба и Зибея были нѣсколько утомлены и прически въ беспорядкѣ. Айя же и Зеебъ казались еще болѣе угрюмыми, чѣмъ обыкновенно.

Зибей, завидѣвъ Адаръ-Малика, поспѣшно приблизилась къ нему, сложила руки на груди въ Знакъ Жизни, сдѣлала глубокій поклонъ и тотчасъ же приняла видъ свободнаго, болтливаго ребенка, чѣму-то необыкновенно обрадовавшагося.

— Туртанъ Оребъ показывалъ мнѣ прелестную группу, изображающую Аштореть и Таммуза,—защебетала она.—Адаръ, иди за ними, иди, я тебѣ сейчасъ же покажу ее.

Адаръ-Маликъ посмотрѣлъ на Ореба и на Зибею и потомъ отвѣтилъ:

— Я ничего не слышалъ объ этомъ новомъ изваяніи.

Оребъ уже раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить, но Зибей предупредила его:

— Тогда пойдемъ вмѣстѣ осмотрѣть его, Адаръ. У Сарругина навѣрно нѣтъ такого, и Бель-Ибни такъ же.

Адаръ-Маликъ повернулъ въ бокъ отъ пилона и отвѣтилъ:

— Хорошо, только не сейчасъ. Правда, Оребъ? Можетъ быть, вечеромъ, а то не лучше ли завтра?

— Низайшій слуга ожидаетъ твоихъ повелѣній, — отвѣтилъ Оребъ съ поклономъ.

— Итакъ, завтра! Будь здорова, Зибея. Мы съ Пади идемъ въ Эбарру, привѣтствовать Шамаша. Пади, наступила пора для чаши рубина.

Съ этими словами онъ съ туртаномъ удалился по боковой аллеѣ, ведущей въ храмъ Шамаша, называемый Эбарра.

Дворъ же съ Зибеей во главѣ въ беспорядкѣ двинулся по направленію къ дворцу.

.....

Когда Оребъ, проводивъ Зибею, удалился въ свой туртаней, борясь со сномъ, который овладѣвалъ имъ, то по счастливой случайности споткнулся. По счастливой потому, что услышалъ за собой ворчанье тетивы, а надъ головой свистъ стрѣлы и тотчасъ же увидалъ ее, какъ она глубоко вонзилась въ стволъ растущаго вблизи тамариска.

Онъ быстро спрятался за дерево, и какъ разъ въ самую пору, потому что тотчасъ же свиснула вторая стрѣла и скрылась въ заросляхъ.

Вокругъ никого не было видно. Оребъ не имѣлъ при себѣ никакого оружія. Страхъ совершенно отрезвилъ его.

А какъ истинный сынъ всѣхъ земель Суммеръ, Аггадъ, Арамъ, Гекаль, невооруженный, онъ дрожалъ отъ страха и не зналъ, что ему дѣлать.

Бто могъ напасть на него изъ-за угла?

Къ счастью, по садамъ начали снова невольники, приводя все въ порядокъ. Тогда Оребъ подкрѣпился духомъ, вышелъ изъ своего прикрытія и благополучно добрался до дома.

Хотя за нѣсколько минутъ до этого его влонилъ сонъ, теперь онъ не могъ смежить глазъ.

У него могло быть только двое враговъ, но кто же именно напалъ на него? Можетъ быть, оба?

Около полудня онъ услышалъ, что туртанъ Каши исчезъ таинственнымъ образомъ. Гонцы, разосланные въ разные концы, возвратились ни съ чѣмъ.

Значить, онъ имѣлъ дѣло съ Кубатти.

Именно. Кубатти убралъ съ лица земли туртана Баши, а теперь наѣбревается убрать и его, Ореба.

Оребъ, проникнувъ въ тайну, значительно успокоился. На порогѣ своей опочивальни онъ поставилъ своего самого вѣрнаго евнуха. Каждое блюдо, которое подавали ему, поваръ долженъ былъ раньше отвѣдать самъ.

Но во всякомъ случаѣ соблюденіе подобныхъ предосторожностей являлось дѣломъ далеко не легкимъ. Если бы онъ могъ не двигаться изъ дому, то оставался бы до нѣкоторой степени въ безопасности, но сейчасъ же послѣ полудня къ нему явилась Тамара «съ напоминаніемъ», чтобы онъ непременно явился во дворецъ на вечерній пиръ.

Оребъ такъ и окаменѣлъ.

Но однако онъ вспомнилъ, что хабирская дѣва умѣетъ читать по линиямъ ладони, поэтому протянулъ ей обѣ руки и приказалъ сдѣлать ему предсказаніе.

Тамара, едва бросила взглядъ на его ладонь, какъ тотчасъ же расплакалась.

— Ты еще сегодня долженъ погибнуть отъ неизвѣстной руки, достойный туртанъ!

— Ты безумна. Если бы я не зналъ, что врагъ подстерегаетъ меня, то навѣрно погибъ бы.

Тамара вытаращила глаза, смѣшалась и забормотала:

— Быть можетъ. Но въ такомъ случаѣ я уже ничего не знаю.

Оребъ напрасно понуждалъ ее, чтобы она сказала ему еще что-нибудь. Прислужница, сбитая съ толку, болтала, что ей на умъ взбредеть. Тогда онъ отпустилъ ее и призвалъ своего евнуха, Кабурру, мужа весьма ловкаго и проникательнаго.

Они довольно долго совѣтовались другъ съ другомъ, потомъ Кабурра погинулъ туртанеумъ и больше уже не показывался въ немъ.

На горы съ сѣверной стороны Гекала легла вечерняя тишина, а иловые воды Идиглата начинаютъ пестрѣться красными пятнами.

Зибя на галерѣ, имѣющей форму змѣя, возвращается изъ бани. Она лежитъ подъ балдахиномъ, а у ея ногъ пріютилась хабирская невольница съ короткой ассирійской арфой.

Жаръ спадалъ, отъ прибрежныхъ садовъ шелъ ароматъ. Зибя приказала грести тише.

Зеебъ, который сидѣлъ позади за балдахиномъ, какъ волкъ озирался на всѣ стороны.

Вода ласково шумѣла, издавая отъ времени до времени какіе-то стеклянные звуки.

Галера достигла плотины, гдѣ хабирскіе невольники по приказу Адарь-Малика, по начертаніямъ туртана Кубатти, сдѣлали каналъ, который должепъ былъ окружить столицу воднымъ объятіемъ.

Слышны были понуканія адоновъ, ихъ проклятія и угрозы. Слово муравейникъ, копошился невольничій людъ, низкій, почти нагой, едва опоясанный платкомъ вокругъ бедеръ, грязный, запачканный желтымъ иломъ.

Зибя мечтала о томъ, чтобы можно было ей какъ можно скорѣе плавать въ своей галерѣ вокругъ города. Поэтому съ работами торопились, хотя каналъ удовлетворялъ не одной только прихоти, онъ могъ служить еще и наилучшимъ средствомъ защиты отъ неожиданнаго нападенія непріятели, чего можно было постоянно опасаться.

Зибя приказала направить галеру къ самому каналу. При видѣ «пловучаго змія» со значкомъ царицы, любопытные невольники выставили впередъ свои головы, адоны тоже предоставили имъ минуту отдыха, не желая своей свирѣпостью огорчать очи прекрасной владычицы, которая, впрочемъ, ничего не имѣла противъ внута, и только не желала, чтобы это дѣлалось въ ея присутствіи.

Пурпуръ заката озарялъ весь этотъ человѣческій муравейникъ. Взоры Зибей, словно черныя ласточки, перелетали съ мѣста на мѣсто. Вдругъ она спросила Тамару:

— Это твои ближніе?

— Мы приходимъ изъ одного края.

— Есть между ними такіе, которые могли бы считаться твоими родственниками?

Тамара на минуту гордо подняла голову и сказала:

— Я происхожу изъ священническаго рода!

Но въ ту же минуту она сдержалась и снова приняла прежній скромный видъ.

Но Зибя во всякомъ случаѣ замѣтила это движеніе и спросила:

— Развѣ знатные рода тоже попадаютъ въ неволю?

— Да, попадаютъ, но или сразу погибаютъ подъ мечомъ, или платятъ подчасъ очень значительный выкупъ и возвращаются въ отечество. Тѣ, что тамъ работаютъ, принадлежатъ къ низшимъ классамъ.

— Ты дѣйствительно изъ жреческаго рода?

— Отецъ мой былъ священникомъ въ Урь-Шалемѣ.

— Какъ? И онъ изъ притекающихъ къ нему жертвъ не набралъ столько, чтобы выкупить дочь изъ неволи?

— Изъ твоей службы, госпожа, выкупу нѣтъ...

Зибя, весьма довольная, улыбнулась. Тамара же шепотомъ добавила:

— Да, наконецъ...

Но вдругъ она снова поникла внизъ головою.

— Бончай, — повелительно сказала царица.

— На отца моего во время путешествія напали хабирскіе пастухи, ограбили его, убили, а меня продали въ неволю.

— Тогда ты должна ненавидѣть ихъ.

Тамара молчала.

— Развѣ это не грѣхъ продавать ближняго?

— Грѣхъ само по себѣ, но есть и выгода.

— Ты знаешь языкъ этихъ оборванцевъ?

— Знаю.

— Мнѣ говорили, что они умѣютъ пѣть прекрасныя пѣсни. Я хочу, чтобы они спѣли мнѣ хотя бы одну изъ этихъ пѣсень.

— Увы, они не хотятъ дѣлать этого передъ чужеземцами. Такое приказаніе они считаютъ за издѣвательство надъ ихъ Богомъ.

— Поговори съ ними. Скажи имъ, что сама царица хочетъ слышать ихъ пѣніе.

Тамара встала и пошла на носъ лодки. Гребцы приблизили лодку еще ближе къ берегу. Тамара, лѣвою рукою опираясь на голову «змія», правую протянула впередъ и крикнула на хабирскомъ языкѣ:

— Хабиры! Моя госпожа, Зибя, супруга могущественнаго владыки Гекала, дочь Сина, повелѣла мнѣ обратиться къ вамъ со словомъ.

На высокомъ берегу все закопошилось, появлялись все новыя и новыя толпы, сходились, расходились, до тѣхъ поръ, пока впередъ не выступилъ какой-то старецъ съ длинной бородой, сѣдою, почти желтою и воскликнулъ:

— Какое приказаніе даетъ намъ, покорнымъ невольникамъ, наша могущественная госпожа?

Тамара отвѣтила такимъ же громкимъ голосомъ:

— Госпожа любитъ благозвучное пѣніе и повелѣваетъ вамъ, чтобы вы пропѣли одну изъ вашихъ пѣсень.

Въ толпѣ невольниковъ прошелъ тихій, хотя и оживленный говоръ. Напрасно старикъ махалъ руками и объяснялъ что-то. Напрасно Тамара во второй разъ подняла кверху правую руку. Зеебъ, сидящій позади балдахина, всталъ и хотѣлъ было уже взять въ свои руки команду надъ галерою и приказать ей плыть къ берегу. Но Зибя смѣялась громко, ужасно довольная этимъ возбудженіемъ, и не позволяла евнуху совершить того, что онъ намѣревался.

Въ эту минуту, окруженный вооруженнымъ отрядомъ, показался на конѣ туртанъ Кубатти. Окинувъ глазомъ положеніе, онъ загре-иѣлъ, какъ разъяренный левъ. Но хабирская толпа не поддавалась уже успокоенію. Кубатти уже готовъ былъ дать знакъ своимъ сол-дамъ, чтобы они пустили въ ходъ свое оружіе, когда Зибя вдругъ поднялась, выступила на носъ галеры и воскликнула:

— Кубатти, не отваживайся!

Свой крикъ она подтвердила грознымъ движеніемъ руки.

Хабирская толпа услышала ее крикъ и видѣла ее движеніе. И вдругъ воцарилась совершенная тишина,—никто слова не произне-сетъ, никто съ мѣста не сдвинется. И вотъ сѣдовласый старецъ про-стеръ въ сторону галеры обѣ руки съ благословеніемъ, а спустя ми-нуту затянулъ пѣснь, которую мало-по-малу подхватывали все боль-шія и большія толпы невольниковъ, до тѣхъ поръ, пока она не сли-лась въ мелодическій хоръ:

«На Идиглатскихъ берегахъ
Сидѣли мы въ слезахъ и стонѣ,
И горько на судьбу ропща,
Вспоминали о Сіонѣ.
На вербахъ рядъ беззвучныхъ арфъ
Виситъ уныло и безъ цѣли,—
Цари-жъ заставить насъ хотять,
Чтобъ мы имъ пѣснь веселья пѣли.
Но какъ намъ пѣть въ странѣ враговъ,
Средь скорби и страданій жгучихъ,—
Сердца у насъ полны тоской,
А очи наши—слезъ горячихъ.
И если вопль исторгнемъ мы,—
Онъ будетъ помонъ сердечной муки:
Тебя забуду, Уръ-Шалемъ,—
Пусть у меня усохнутъ руки!...»

Пѣсня плыветъ величественно, расходится по водному простран-ству, среди вечерней тишины. Зибя слушаетъ ее внимательно, но Тамара, которая стояла рядомъ съ нею, вдругъ, какъ подкошенная, сваливается на коверъ галеры, скрываетъ лицо въ рукахъ и начина-етъ рыдать.

Зибя не понимала словъ, но они показались ей очень звучными. Тогда она, по восточному обычаю, приложила руку къ сердцу и за-тѣмъ послала ей привѣтъ старцу, а тотъ вновь воздѣлъ руки, и черезъ минуту загремѣла вторая часть пѣсни невольниковъ:

«Надъ Идиглатомъ небосклонъ
Затмился громоносной тучей.

Пока не виденъ ликъ
 За высями горы могучей.
 Весь гордый градъ погрязъ въ грѣхахъ.
 Нѣтъ правды Божьей, ни закона.
 Не знаютъ участи своей
 Сыны и дщери Вавилона.
 Но Вавилона дщерь, узнай, —
 Отщепенья наступило время,
 Падеть во прахъ твой гордый градъ,
 Твое навѣкъ исчезнетъ племя.
 Сгорятъ въ огнѣ твои сады, —
 Ты слышишь первой бури звуки?
 О, Урь-Шалемъ! Коль это ложь, —
 Пусть у меня усохнутъ руки!...»

Тамара, рыдающая у ногъ Зибей, мало-по-малу поднимала голову, слезы ея обсохли, лицо покрылось густымъ румянцемъ, ноздри раздулись. Она подняла арфу, и когда пѣніе умолкло, взяла рукою одинъ аккордъ. Потомъ она начала наигрывать еще разъ ту же самую мелодію, но въ ея игрѣ заключалось нѣчто большее, чѣмъ струнный звукъ. Въ ней отзывались голоса многочисленныхъ поколѣній, вырывался крикъ полоненныхъ и восклицанія прибывающихъ на выручку, жалоба и триумфъ, а прежде всего великая, вѣками не смолкающая вѣра въ лучшее будущее.

Вдругъ багрянецъ еще быстрѣе началъ ползать по водамъ, повсюду образовались голубоватыя пятна, потомъ рѣка сразу стала лиловой, потомъ приняла мѣловой оттѣнокъ и совершенно потемнѣла, потому что Шамашъ, лучезарный богъ, вступилъ въ свою гору.

Только среди голубого сумрака еще звучала арфа, все тише, все слабѣе, какъ эхо, идущее по водѣ изъ безконечности и въ безконечность.

Бонь Туртана Кубатти заржалъ. Туртанъ соскочилъ съ него, сбѣжалъ съ насыпи внизъ, къ самой рѣкѣ и крикнулъ Зибей:

- Царица, какъ ты могла такъ запоздать?
- Слушала пѣсни этого безумнаго народа.
- Пѣсни эти глупы. А тѣмъ временемъ среди темноты невозможно провести галеру чрезъ рѣчные водовороты.
- Я такъ возбуждена этимъ пѣніемъ и играю на инструментахъ, что охотно бы возлегла на мягкой постелѣ Идиглата.
- Царица, или возвратись по садамъ подъ покровительство моему и моихъ солдатъ, или дозвожь, чтобы я собственноручно управлялъ твоей галерой.
- Туртанъ! Коль скоро ты мысль свою вложишь въ дерево руля,

то ты не будешь уже имѣть возможности владывать ее въ слово, которое всегда составляло наилучшую твою частицу, а безъ этой частицы я, можетъ быть, должна была бы зѣвать въ твоёмъ присутствіи.

Кубатти закусила губы, но отвѣтилъ, улыбаясь:

— Царьца, слуга твой сіяетъ блаженствомъ, когда ему дозволяется пребывать возлѣ тебя, даже зѣвающей, хотя и ты въ свою очередь отдала свою лучшую частицу тому, кто среди мрака и опасности всетаки не сумѣлъ найтись передъ тобою.

Въ свою очередь и Зибяя должна была закусить губы. Она почувствовала, что ее ужалили. Ею овладѣлъ гнѣвъ, но она тотчасъ же подавила его въ себѣ.

Только въ мысляхъ ея мелькнуло:

«Подожди же!...»

Но громко она сказала очень ласково:

— Въ такомъ случаѣ, туртанъ, охраняй меня отъ опасности, потому что Адаръ-Маликъ навѣрно сейчасъ наполняетъ двадцатую чашу жидкаго рубина.

Проговоривъ эти слова, она снова заняла мѣсто подъ балдахиномъ, а у ея ногъ попрежнему сѣла Тамара.

Тѣмъ временемъ невольники перебросили доску отъ берега до галеры. Туртанъ вступилъ на нее. Легкой походкой ловкаго воина онъ прошелъ до половины доски, какъ вдругъ изъ толпы, стоящей на берегу, выступилъ какой-то крѣпкій мужчина въ платьѣ евнуха, быстро вбѣжалъ на доску, схватилъ туртана сзади и вмѣстѣ съ нимъ ринулся въ волны рѣки.

Вода брызнула на самую царскую галеру, въ глубинѣ заклокотало, а Зибяя съ брикомъ откинулась назадъ. На берегу произошло страшное замѣшательство, воины бросились въ воду одинъ за другимъ, чтобы спасти туртана. Зеебъ тѣмъ временемъ сталъ у руля и своимъ волчьимъ голосомъ завылъ на гребцовъ.

Галера помчалась по чернымъ водамъ, быстро, словно птица, крыльями своихъ весель разсѣкая волны.

Царица дрожала отъ испытаннаго впечатлѣнія въ своемъ промокшемъ платьѣ. Тамара поддерживала ее, каждую минуту повертываясь назадъ.

— Что это былъ за человекъ?

— Не знаю, но готова поклясться...

— Что онъ...?

— Кабурру, евнухъ туртана Ореба.

Зибяя сильно поблѣднѣла, а черезъ минуту сказала:

— Смотри во мракъ. Выплыли они на поверхность?

— О, кого Кабурру схватить, того уже не пустить. Может быть, когда-нибудь ихъ выкинуть воды рѣки Фратъ, а можетъ быть они вмѣстѣ уплывутъ въ море...

Царская галера вступала уже въ дворцовый каналъ, адоны гнали уже невольниковъ съ работъ въ ихъ сарай, Синъ уже выплылъ на небо, своимъ зеленымъ свѣтомъ озаряя рощи, пальмовые лѣса и рѣчныя глубины, когда вдругъ подавляемая чувства хабировъ прорвалась неудержимымъ потокомъ. Въ сараяхъ царило странное упоеніе, невольники содрогались отъ конвульсивнаго смѣха, обнимались, плясали, а на устахъ у нихъ неизмѣнно появлялись только два слова: «Кубатти», «Кабурру», «Кубатти», «Кабурру». У берега же рѣки Идиглатъ въ отдаленіи загремѣла пѣсня и поплылъ по водѣ хабирскій напѣвъ:

«О, Ягъ! Настроиъ арфу я,
Пою и, полный вдохновенья,
Въ псалмахъ превозношу Тебя
Превыше всѣхъ Боговъ въ хваленья.
Аллелу-Ягъ!... Бъ моей мольбѣ
Склонилъ Ты благостное ухо,
И мощной дланью подкрѣпилъ
Всѣ силы моего ты духа.
Вѣщаетъ правду твой глаголъ
Сявось сумракъ, недоступный взорамъ
И ниць во прахъ упалъ народъ
Передъ Господнимъ приговоромъ».

Оребъ уже завился. Его борода уложена была въ искусныя булки, а около ушей виднѣлись колечки и равномѣрныя петельки. Отъ него струилось благоуханіе драгоценныхъ маслъ, а одежду онъ надѣлъ праздничную, самую лучшую, которую имѣлъ въ обладаніи, и всетаки онъ съ безпокойствомъ посматривалъ на звѣзды, загорающіяся въ небѣ, а его блѣдныя губы нѣтъ-нѣтъ да и бросали вопросъ привратнику:

— Возвратился ли Кабурру?

Но каждый разъ онъ получалъ отрицательный отвѣтъ.

Тогда онъ опоясался короткимъ мечомъ, спряталъ за пазуху знаменитый ножъ и старался подавить въ себѣ безпокойство, которое возрастало съ каждою минутою. Колесница давно уже ожидала его передъ туртанеємъ, кони ржали и били копытами о землю, а Оребъ все никакъ не могъ собраться съ отвагой, и съ большимъ гнѣвомъ напиралъ на привратника:

— Развѣ Кабурру еще не возвратился?

Въ это время послышался конскій топотъ. Приѣхалъ на своей колесницѣ туртанъ Мутаннаби.

— Я вступаю въ твой домъ.

— Ты ѣдешь во дворецъ?

— Да. Отпусти свою колесницу, поѣдемъ вмѣстѣ.

— Меня ожидаютъ важныя извѣстiя.

— И я хотѣлъ подѣлиться съ тобою важнымъ извѣстiемъ. Тебѣ извѣстно, что въ прошлую ночь таинственнымъ образомъ исчезъ туртанъ Каши. А не дальше, какъ два часа тому назадъ туртанъ Кубатти утонулъ въ пучинахъ рѣки Идиглатъ.

Оребъ облегченно вздохнулъ. Онъ тотчасъ же понялъ, почему Кабурру не возвратился.

— Что ты скажешь на это, туртанъ?

— Я возсяду въ колесницу рядомъ съ тобою.

— Стоитъ хорошенько обдумать эти странныя событiя.

Оребъ помѣстился на колесницѣ рядомъ съ Мутаннаби, возница подобралъ вожжи, кони помчались вдоль аллеи, а колесница тихо катилась на своихъ тростниковыхъ колесахъ, изрѣдка поскрипывая въ спайкахъ.

.....

Изъ царскихъ кухонь шли процессiи ярко разодѣтыхъ невольниковъ и несли въ драгоценныхъ сосудахъ разнообразнѣйшiя яства.

Невольники слѣдовали одинъ за другимъ.

Шла процессiя, несущая различныхъ птицъ изъ окрестности и изъ странъ очень отдаленныхъ. Шла процессiя, несущая разную дичину. Шли процессiи, несущiя печенья и сласти. Музыка играла такимъ образомъ, что процессiи эти выступали въ тактъ, подвигаясь необыкновенно торжественно и съ великимъ благоговѣнiемъ. Шли точно такъ же процессiи, очень длинныя, несущiя сосуды, кубки и чаши на перемѣну. И шли процессiи невольницъ, помахивающихъ опахалами изъ павлиньихъ, страусовыхъ перьевъ и изъ перьевъ ибиса. И еще отовсюду появлялись процессiи мальчиковъ съ полными корзинами цвѣтовъ разнообразныхъ и сильно благоухающихъ.

Издаലെка дворецъ Адаръ-Малика представлялся какою-то сказкою, свергающею всѣми оттѣнками. Онъ переливался на землѣ всѣми цвѣтами, какъ на небѣ переливается великая звѣзда Бимахъ. Онъ весь гремѣлъ пѣснями и звуками инструментовъ, какъ въ цвѣтущемъ мѣсяцѣ Зивъ гремятъ птичьими голосами склоны горъ Лабна.

И вотъ, возставали пророки завистливыхъ хабирскихъ племенъ, которые Гекалъ называли городомъ всюду царящаго разврата и вся-

челскаго нечестія. Они постоянно предрекали, что ихъ Ягъ снизошлетъ огненный дождь на этотъ городъ и его пѣвучіе сады.

Но вмѣсто огненныхъ дождей на городъ падали благодатные дожди, освѣжающіе всю природу, а вмѣсто уничтоженія появлялось все новое богатство, роскошь и могущество.

Хабирскіе пророки! Вы находите прелесть во власяницахъ и пыли, которая цѣлыми слоями осаждается на вашихъ незавитыхъ бородахъ.

Вмѣсто веселья вы находите наслажденіе въ грусти, а вмѣсто упоенія пляской постоянно раздраете свои одежды.

Пляши, дочь Гекала, и радуйся! Пляши, дѣва, рожденная на берегахъ рѣки Идиглатъ!

И ты, гекальскій юноша, хватайся за арфу, а потомъ за чашу жидкаго рубина, потомъ обнимай стройный станъ своей возлюбленной; потомъ снова бери арфу, бери чашу попеременно, до скончанія твоихъ дней.

Пророки пустыни говорятъ, что одна минута размышленія и добрыхъ дѣлъ стоитъ дороже, чѣмъ всѣ наслажденія Гекала. Но они говорятъ неправду. Одна минута наслажденій Гекала стоитъ дороже, чѣмъ всѣ долгіе часы поклоненія Ягу, исчисленія путей звѣзды Нергаль, Геди и Гелель, или ломанья головы надъ тѣмъ, почему существуетъ все, что существуетъ, и почему все существуетъ такъ, какъ оно есть.

Грусти же, хабирскій пророкъ, коли грусть составляетъ глубоко скрытое ядро твоего наслажденія.

Обрастай грязью и дѣлайся косымъ отъ вѣчныхъ угрозъ, которыми свербають твои очи.

Но знай и то, что пріятна чаша вина, и что оно обращается въ дивный огонь, коль скоро къ нему примѣшаешь хоть каплю красной человѣческой «души».

Тогда отдается въ пляскѣ безумію дочь Гекала, а всякій туртанъ становится подобнымъ богу Таммузу.

А такъ какъ ты не знаешь, кто примѣшиваетъ каплю «души» въ твою чашу, то скуки мѣста нѣтъ, и ты пляшешь, не зная, будешь ли плясать завтра. Ничто такъ таинственно не сжимаетъ сердца, какъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Только тогда наслажденіе стремятся достигнуть своихъ высшихъ предѣловъ, а любовь подшоштываетъ: памятью о неизвѣстности завтрашняго дня!

На золотомъ тронѣ сидитъ царица, по бокамъ ея стоятъ туртаны Оребъ и Мутаннаби, а у ея стопъ лежитъ Тамара съ лицомъ, скрытымъ въ ладоняхъ, чтобы ея очей не освернялъ видъ гекальскихъ

наслажденій. За балдахиномъ же стоитъ угрюмый Зеебъ съ волчьимъ лицомъ и волчьими глазами, не отнимая руки отъ рукоятки ножа.

Какъ ряды киннамоновыхъ вѣтвей, тянутся полчища обнаженныхъ дѣвъ; какъ гирлянда цвѣтовъ гранаты, съ ними слетаются хоры юношей.

Оребъ до безумія веселъ и, не сводя глазъ, съ вождедѣніемъ смотритъ на Зибею. Зато Мутаннаби блѣденъ, и потъ крупными каплями выступаетъ на его лбу.

Въ воздухъ передъ нимъ носится смерть двухъ туртановъ.

А надъ Оребомъ въ воздухъ носится кровавое наслажденіе, потому что онъ освободился отъ двухъ завистниковъ.

Въ воздухъ передъ Зибеей носится страстное вождедѣніе то къ тому, то къ другому, взоръ ея гонится то за тѣмъ, то за другимъ юношей, то схватываетъ движеніе дѣвушки, которой она еще до сихъ поръ не знала, то останавливается на сладострастномъ изгибѣ чьего-нибудь тѣла.

И только передъ закрытыми глазами Тамары проходятъ пурпурноокіе Херувимы и черные, отвратительные Демоны, которые со всѣхъ сторонъ окружаютъ замокъ и чертятъ на его стѣнахъ три слова: *сосчитанъ, взвѣшенъ, раздѣленъ...*

.....

«Я видѣлъ нынѣ вѣщій сонъ,
И страхъ мой наполнилъ очи,—
Бо мнѣ съ высотъ спустился онъ
На крыльяхъ непроглядной ночи.
Мнѣ снился Херувимовъ сонмъ
И Демоновъ зловѣщихъ тучи,
И снился мнѣ огромный дубъ
Съ густой короной и могучей.
Глубоко корни распустилъ
Онъ всюду подъ сырой землею
И сотни городовъ покрылъ
Своей зеленою листвою.
И снизошелъ съ небесъ Святый,
Воскликнулъ громко: Вотъ сѣкира,
Срубите нечестивый дубъ,
Порочный, гибельный для міра!
И изгоните всѣхъ звѣрей,
И птицъ, и змѣй, подъ дубомъ сушихъ,
Въ его отравленныхъ вѣтвяхъ
Позоромъ и грѣхомъ живущихъ.
Погрязъ въ порокахъ ты своихъ,

Развратенъ тѣломъ, духомъ грѣшенъ,
 Господень судъ свершится днесь,—
Исчисленъ, раздѣленъ ты, взятъишенъ...

.

Въ боковомъ крылѣ дворца сидитъ на креслѣ изъ слоновой кости Адаръ-Маликъ, а передъ нимъ стоитъ пустая чаша.

Сегодня онъ не дотрогивается до нея.

Онъ блѣденъ и очень задумчивъ. Глаза его устремлены въ мозаичный полъ, на которомъ были изображены круги, и кружки, и многоугольники, и различныя фигуры.

Въ отдаленіи шести шаговъ отъ него стоитъ Аяя. Его густыя брови почти совсѣмъ скрываютъ его синіе глаза.

По садамъ плывутъ звуки инструментовъ, и пѣніе, и смѣхъ, и великій шумъ непрекращающагося веселья.

Аяя говорить, а Адаръ-Маликъ слушаетъ.

Аяя говорить такъ:

— Ты слышишь, царь, что дѣлается вокругъ тебя. Синъ долго смотрѣлъ на это. Смотрѣлъ лѣвымъ окомъ и молчалъ. И смотрѣлъ правымъ и недоумѣвалъ. Наконецъ смотрѣлъ обоими очами и спрашивалъ: неужели это Адаръ-Маликъ, мой потомокъ, считается владыкою Гекала! Неужели наследственная мудрость царить еще надъ его балдахиномъ, а изъ крестика, который онъ носитъ на своей груди, струится еще огонь и свѣтъ разума? Долго можно было терпѣть, и не одно терпѣть слѣдуетъ. Но смотри: двое твоихъ туртановъ пало отъ невѣдомой руки, а за другими въ эту минуту, можетъ быть, ходить смерть, какъ алкающій левъ? Безумствуетъ Гекаль. Измѣненность сначала ходила только по домамъ и храмамъ, но нынѣ вторглась въ туртаней и палатки твоихъ воиновъ. Ослабѣла рука вооруженнаго мужа, и оружіе выпало изъ ослабѣвшихъ пальцевъ. Рука схватываетъ цитру и пицалку, а вмѣсто военнаго щита ты у воиновъ видишь только цѣвты и чаши. Даже старцы, которые измѣряли пути звѣздъ, преобразились въ легкомысленныхъ юношей и, вмѣсто того, чтобы стремиться къ знанію, гоняются за прелестницами. Святой религіозный танецъ сталъ уже танцемъ распущенности, а религіозная пѣсня существуетъ только для того, чтобы разжигать нечистыя страсти. Какъ измѣнилась Зибей! Какимъ зловѣщимъ блескомъ свѣтится Звѣзда Гекала! Развѣ такою была богобоязненная Саммурамантъ, или кроткая Нана? Зибей стала вдохновительницей любодѣянія и внесла между туртановъ пламя зависти. Знай же, что это Кубатти бросился съ ножомъ въ рукахъ на туртана Каши. И то узнай, что Кубарру, внухъ туртана Ореба, схвативъ туртана Кубатти, по-

грузился вмѣстѣ съ нимъ въ пучины рѣки Идиглатъ. Тотъ же Оребъ, палимый любострастіемъ, отрываетъ стражей отъ твоей свергающей супруги, ввергаетъ ихъ въ яму, чтобъ безпрепятственно провести съ Зибеей время, любви посвященное. А тѣмъ временемъ твой дворъ стоитъ подъ пилономъ, весь, сановники, жрецы, туртаны. Восходитъ новый день, а ихъ нѣтъ. Появляешься ты, тебя обманываютъ передъ лицомъ всего двора, который потомъ, въ уголкѣ, непристойно подсмѣивается надъ тобою и осыпаетъ тебя позорящими тебя издѣвательствами. Да и сейчасъ, когда ты слушаешь мои жалобы, безумныя пляски, звонъ чашъ и краденая любовь справляютъ дни своей разнузданной свободы. Поистинѣ, можно повѣрить тому, что пророчить намъ хабирская гольтъба, которая занимается прорытіемъ канала, завистливо и враждебно поглядывая на гекальскіе сады: исчислено и взвѣшено, но, владыка, оно можетъ быть точно такъ же и раздѣлено! Растетъ Вавилонъ и Ниневія растетъ. Среди племенъ пустыни постоянно замѣчаются какіе-то подозрительныя движенія. Подобныя бури появляются неожиданно и уничтожаютъ все, что встрѣчаютъ по дорогѣ своего непобѣдимаго дуновения. Что исчислено и взвѣшено, то можетъ быть раздѣлено раньше, чѣмъ можетъ предвидѣть самый проникательный умъ!

Такъ говорилъ Аія. Въ его словахъ слышалось что-то, напоминающее карканье ворона. Адаръ-Маликъ слушалъ, отъ времени до времени только хватаясь за завитую бороду.

Наконецъ, онъ поднялъ съ мозаичнаго пола свои царственныя очи и проникательно уставился ими въ лицо туртана евнуховъ.

— Если бы я взглядѣлся въ твои слова, какой совѣтъ ты далъ бы мнѣ?

Аія отвѣтилъ не сразу.

Прежде всего, онъ долго смотрѣлъ на лицо царя, чтобы отгадать, какое впечатлѣніе произвели на него его выводы. А когда онъ понялъ уже это, то долго размышлялъ, въ какія слова ему облечь свой совѣтъ. А потомъ онъ еще разъ началъ изслѣдовать, дѣйствительно ли его совѣтъ будетъ данъ въ-время.

Но когда онъ уже отдалъ себѣ отчетъ во всемъ этомъ, то раскрылъ свои ястребиныя уста и изрекъ такое слово:

— Туртанъ Оребъ долженъ уйти съ своего мѣста и исчезнуть.

Адаръ-Маликъ взялъ пустую чашу и слегка стукнулъ ею объ алебастровый столъ, въ то же самое время кивнувъ головою въ знакъ того, что такъ и должно быть.

Тогда Аія сказалъ снова:

— Уйти съ своего мѣста и исчезнуть долженъ и туртанъ Ма-

таннуби, руки котораго и теперь уже обезсилены заразою нечестивой страсти.

Адарь-Маликъ думалъ съ минуту, но потомъ взялъ въ руки пустую чашу, слегка стукнулъ ею объ алебастровый столъ и очень серьезно кивнулъ головою въ знакъ того, что такъ и должно быть.

Тогда Ая, подавляя духъ, который такъ и рвался изъ его груди, сказалъ:

— Въ лѣвомъ крылѣ дворца ты замкнешь Зибю съ ея невольницами и отдашь ее подъ надзоръ такого безстрастнаго туртана, какимъ есть Зеибъ.

Адарь-Маликъ въ третій разъ взялъ пустую чашу, стукнулъ ею объ алебастровый столъ и весьма рѣшительно кивнулъ головою въ знакъ того, что этого-то именно онъ и хотѣлъ.

Тогда Ая сложилъ руки на груди въ Знакъ Жизни, отвѣсилъ поясной поклонъ и, обращаясь къ полу, испещренному кругами и кружками, многоугольниками и различными линиями, проговорилъ:

— Твоего самаго покорнѣйшаго слугу, наименѣе страстнаго, ты сдѣлаешь туртаномъ туртановъ, дабы онъ замѣщаль всѣ мѣста людьми по своему выбору и подкрѣпилъ бы валяющуюся башню твоего царствованія.

Адарь-Маликъ поднялъ пустую чашу и съ великою торжественностью троекратно стукнулъ ею объ алебастровый столъ.

Тогда Ая выпрямился, а по его ястребиному лицу промелькнула улыбка ничѣмъ не сдерживаемаго торжества.

Адарь-Маликъ ударилъ въ ладоши.

На порогъ появился начальникъ его личной стражи. Адарь-Маликъ обратилъ лицо въ пространство и отдалъ слѣдующее приказаніе:

— Ая, туртанъ туртановъ, съ этой минуты получаетъ власть надо всѣми войсками, сановниками, храмами и надо всѣмъ городомъ Геваломъ. Черезъ него всѣмъ будетъ объявляться моя воля. Что онъ ни прикажетъ, все должно быть исполнено. И это должно быть вплоть до моего послѣдующаго распоряженія.

Ая во время этихъ словъ снова согнулся въ дугу и какъ будто бы всматривался въ рисунокъ мозаики пола, во всѣ эти кружки, крути, многоугольники и разныя чудачливыя фигуры, но на самомъ дѣлѣ наблюдалъ, какъ начальникъ стражи приметъ этотъ приказъ.

Но лицо начальника стражи было словно каменное и не выражало ничего.

Перевелъ В. А.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Глухою ночью.

Глухою ночью, глухою ночью
На море неба всплыла луна.
И лучь холодный сверкнулъ въ узорахъ,
Блеснулъ въ морозныхъ цвѣтахъ огня.
И было странно—глухою ночью,
И было грустно мнѣ у окна.

Сверкали искры, носились тѣни,
Лучи дрожали,—и у окна
Я горько плакалъ глухою ночью
О жизни бѣдной, о чарахъ сна...
И ждалъ я смерти—холодной, тихой—
Глухою ночью—я у окна... .

И я очнулся. Безъ слезъ, какъ иглы,
Вонзались взоры въ глухую ночь;
Лучи погасли, застыли слезы,
И тѣни въ пляскѣ умчались прочь.
Я былъ недвижимъ; я былъ безъ чувства;
Томила въ тучахъ глухая ночь.

Влад. Фишеръ.

СУЗДАЛЬСКАЯ КРѢПОСТЬ

или

арестантское отдѣленіе Спасо-Ефиміевскаго монастыря.

I.

Остатки инквизиціи въ XX вѣкѣ.

Когда три года тому назадъ—въ началѣ 1905 года—сдѣлалось извѣстно Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи лицъ, находившихся въ заточеніи въ монастырскихъ тюрьмахъ Суздальскаго и Соловецкаго монастырей, и когда *Правительственный Вѣстникъ* категорически заявилъ, что, «за освобожденіемъ помянутыхъ лицъ, въ монастыряхъ заключенныхъ за религіозныя преступленія болѣе не имѣется» *),—русское общество и русская печать приняли эти извѣстія съ отраднымъ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія.

Всѣмъ вздохнули свободнѣе. Всѣмъ показалось, что пришелъ конецъ одному изъ самыхъ мрачныхъ пережитковъ средневѣковья, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ вплоть до первыхъ годовъ XX вѣка.

Всѣмъ казалось, что наконецъ Россія будетъ избавлена отъ этого позора, отъ этихъ остатковъ инквизиціонной эпохи, какими въ глазахъ всего культурнаго міра всегда были и будутъ монастырскія тюрьмы, въ которыя безъ всякаго суда заключались люди, виновные лишь въ томъ, что ихъ религіозныя и этическія убѣжденія не укладывались въ официальныя рамки.

Поэтому всѣ ждали, что вотъ-вотъ появится указъ, который оповѣститъ объ окончательной отмінѣ какъ ссылки въ монастыри, такъ и заточенія въ монастырскія тюрьмы,—который громко и рѣшительно заявитъ разъ навсегда о закрытіи и упраздненіи «арестантскаго отдѣленія при Суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ». Подъ такимъ названіемъ слыветъ въ официальныхъ кругахъ историческая Суздальская крѣпость.

Но время шло, а такого указа все не появлялось. Когда лѣтомъ 1905 года мнѣ пришлось посѣтить Суздаль, я имѣлъ возможность лично

*) *Правительственный Вѣстникъ*, 1905 г., № 51.

убѣдиться, что «крѣпость» при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ существуетъ попрежнему, что монастырская тюрьма остается, остается также и карауль, т. е. солдаты, во главѣ съ фельдфебелемъ, играющимъ роль «надзирателя за арестантами» *).

Положимъ, казематы монастырской тюрьмы оказались пустыми, за исключеніемъ лишь одного, въ которомъ сидѣлъ какой-то іеродиаконъ Пафутій. Но, разумѣется, присутствіе и одного арестанта въ этой тюрьмѣ въ іюль мѣсяцѣ являлось совершенно непонятнымъ послѣ приведеннаго выше столь категорическаго правительственнаго заявленія, сдѣланнаго еще въ мартѣ мѣсяцѣ, объ освобожденіи *всѣхъ* сидѣвшихъ въ монастырскихъ тюрьмахъ.

Но вотъ прошелъ и 1906 годъ и также не принесъ ничего новаго относительно упраздненія Суздальской крѣпости: монастырская тюрьма, хотя и съ пустыми казематами, продолжала существовать попрежнему, охраняемая военнымъ карауломъ. Невольно являлись вопросы: почему? зачѣмъ?... Все это не могло не вызывать тревоги въ обществѣ, такъ какъ вопросъ о свободѣ совѣсти, о свободѣ религіозныхъ убѣжденій является, безъ сомнѣнія, самымъ элементарнымъ условіемъ политической свободы вообще.

Тревога эта еще болѣе усиливается въ виду недавней исторіи закрытія Шлиссельбургской государственной тюрьмы. Какъ извѣстно, въ концѣ 1905 года и въ самомъ началѣ 1906 года всѣ узники этой тюрьмы также были отчасти освобождены, отчасти переведены въ другія тюрьмы. Шлиссельбургская тюрьма, какъ и Суздальская, опустѣла. Затѣмъ появляется Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи государственной тюрьмы и о томъ назначеніи, какое должны были получить послѣ этого средства, на которыхъ содержались какъ тюрьма, такъ и стража, состоявшая изъ жандармовъ и солдатъ.

Закрытіе Шлиссельбургской государственной тюрьмы вызвало радостное ликованіе русскаго общества и всей прогрессивной печати. Послѣдняя видѣла въ этомъ упраздненіи одну изъ явныхъ и блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ освободительнымъ движеніемъ надъ старымъ режимомъ полицейско-жандармскаго строя.

Но—увы!—это ликованіе продолжалось недолго, недолго пустовали казематы Шлиссельбургской тюрьмы, привлекавшіе за это время тысячи любопытныхъ посѣтителей, желавшихъ видѣть собственными глазами мрачную Шлиссельбургскую крѣпость, съ ея таинственными башнями, тюрьмами и казематами. По мѣрѣ того, какъ реакція брала верхъ надъ общественнымъ движеніемъ, условія рѣзко мѣнялись, и вотъ снова является настоятельная необходимость въ тюрьмахъ и крѣпостяхъ.

Понадобился и старый Шлиссельбургъ: въ его стѣнахъ открывается огромная каторжная тюрьма, въ которую немедленно же запираются сотни

* Подробнѣе объ этомъ я имѣлъ случай говорить во второмъ изданіи моей книги: „Монастырскія тюрьмы“. М. Изданіе „Посредника“, стр. 9—14.

людей съ бритыми головами и съ кандалами на рукахъ и ногахъ. Это обвиненные въ политическихъ и обще-уголовныхъ преступленіяхъ.

Не произойдетъ ли чего-нибудь подобнаго и съ Суздальской крѣпостью?— съ явной тревогой думаютъ теперь русскіе люди, которые изъ гражданъ снова обратились въ обывателей. Зануженные все растущей реакціей и небывалыми репрессіями, они готовы допустить возможность самыхъ мрачныхъ перспективъ, тѣмъ болѣе, что подобная тревога имѣетъ нѣкоторыя, вполне реальныя, основанія. Судите сами.

Въ смѣтѣ доходовъ и расходовъ святѣйшаго правительствующаго синода на 1907 годъ, между прочимъ, значится: «на наемъ стражи при арестантскомъ отдѣленіи Суздальскаго Спасо-Ефиміева монастыря— 1,020 рублей».

Блажь мы уже замѣтили выше, подъ именемъ «арестантскаго отдѣленія Спасо-Ефиміевскаго монастыря» извѣстна та самая знаменитая тюрьма или Суздальская крѣпость, куда въ теченіе долгаго времени безъ всякаго суда заточалось множество людей по самымъ разнообразнымъ причинамъ и мотивамъ и гдѣ эти люди гнили отъ цынги, нерѣдко десятки лѣтъ, сходили съ ума, умирали отъ чахотки и истощенія.

Итакъ, очевидно, святѣйшій синодъ отнюдь не считаетъ Суздальскую крѣпость закрытой или упраздненной. Въ противномъ случаѣ ему, разумѣется, не зачѣмъ было бы испрашивать кредитъ на содержаніе караула или стражи при этой крѣпости. Отсюда слѣдуетъ, что сырые и холодные казематы «арестантскаго отдѣленія Суздальскаго монастыря» пустовали только временно, случайно, быть можетъ, благодаря «царившимъ у насъ беспорядкамъ», и что, быть можетъ, вскорѣ же они снова наполнятся людьми, единственная вина которыхъ состоитъ въ томъ, что они желаютъ вѣрить и молиться такъ, какъ подсказываетъ имъ ихъ совѣсть, ихъ внутреннее убѣжденіе, а не такъ, какъ требуютъ духовныя консисторіи и отцы миссіонеры.

Но это предположеніе такъ неправдоподобно, можно сказать, такъ чудовищно, что хочется думать: не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простой канцелярской ошибкой? Синодскіе чиновники, составляющіе смѣты доходовъ и расходовъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, такъ привыкли ежегодно выписывать въ расходъ извѣстную сумму на содержаніе стражи при Суздальской крѣпости, что по привычкѣ внесли эту же самую статью расхода и въ смѣту на 1907 годъ. Члены же св. синода, за множествомъ разныхъ дѣлъ, просто не удосужились внимательно рассмотреть смѣту, и вотъ, благодаря этому, роковая статья о расходѣ на содержаніе стражи при Суздальскомъ арестантскомъ отдѣленіи проскочила въ печать.

Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть смѣты доходовъ и расходовъ св. синода на 1908 годъ; поэтому мы не знаемъ: уцѣлѣла ли въ ней интересующая насъ статья расхода? На всякій случай, однако, мы написали въ Суздаль своимъ знакомымъ, съ просьбою увѣдомить: суще-

ствуешь ли еще тюрьма при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ и имѣется ли при ней караулъ, состоящій изъ солдатъ?

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ намъ сообщаютъ, что монастырская тюрьма до сихъ поръ существуетъ, хотя, повидимому, заключенныхъ въ ней сейчасъ нѣтъ, существуетъ и тюремная стража изъ солдатъ. Но этого мало. Оказывается, что число солдатъ при тюрьмѣ въ нынѣшнемъ году, т.-е. въ 1907, даже увеличено...

Согласитесь, что все это такіе факты, которые едва ли могутъ содѣйствовать успокоенію той тревоги, о которой мы говорили въ этой главѣ. Увѣренность русскаго общества, что Суздальская монастырская крѣпость, благодаря законамъ 17 апрѣля и 17 октября 1905 г., а также всему пережитому Россіей за послѣднее время, прекратила уже свое печальное существованіе и ждетъ лишь суда исторіи—явно не оправдалась. Монастырская крѣпость—тюрьма, управляемая архимандритомъ, который считается ея комендантомъ,—продолжаетъ существовать и сейчасъ, къ стыду цивилизаціи, къ позору ХХ вѣка...

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что для русскаго народа и общества вопросъ о монастырскихъ заточеніяхъ и въ частности о Суздальской крѣпости, помимо своего огромнаго историческаго интереса,—какъ оказывается,—и до сихъ поръ не лишень крупнаго *современнаго* значенія.

Въ виду этого, мы полагаемъ, будетъ не лишне подробнѣе познакомиться съ этой крѣпостью хотя бы за самыя послѣдніе годы.

II.

Поѣздки въ Суздаль.

Начиная съ 1902 года, въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ, я почти каждое лѣто посѣщалъ Суздаль. Поѣздки эти имѣли двѣ цѣли. Во-первыхъ, я желалъ лично, на мѣстѣ, ознакомиться съ знаменитой Суздальской монастырской крѣпостью,—о которой всѣ говорили, но о которой въ сущности никто не зналъ ничего достовѣрнаго, точнаго,—хотѣлъ ознакомиться съ условіями содержанія въ ней заключенныхъ и по возможности выяснить число и составъ узниковъ, а также причины, вызвавшія ихъ «заточеніе».

Затѣмъ я рассчитывалъ такъ или иначе проникнуть въ монастырскій архивъ, чтобы имѣть возможность ознакомиться съ подлинными дѣлами, относящимися до ссылки и заточенія въ Суздальскую крѣпость и, такимъ образомъ, по официальнымъ документамъ возстановить исторію этой крѣпости съ начала ея учрежденія и до самаго послѣдняго времени, до нашихъ дней.

Вотъ объ этихъ поѣздкахъ, объ этихъ попыткахъ я и намѣренъ разсказать въ очеркахъ, которые предлагаются вниманію читателя.

Конечно, я прекрасно зналъ, что, поставивъ объектомъ своихъ изслѣ-

дованій столь щекотливыя темы, я рисковалъ навлечь на себя сильное неудовольствіе разныхъ сильныхъ и властныхъ въ то время людей. Какъ припомнить читатель, это было время, когда, съ одной стороны, В. Б. Плева, а съ другой—К. П. Побѣдоносцевъ являлись полными хозяевами положенія и авторитетно направляли всю внутреннюю политику по собственному усмотрѣнію.

Основываясь на прежнихъ прецедентахъ, я опасался, что мнѣ могутъ помѣшать въ моихъ изслѣдованіяхъ и даже просто совсѣмъ лишить меня возможности проникнуть въ тайны русской «религіозной Бастиліи». Поэтому, отправившись въ путь, я рѣшилъ держать, по возможности, въ секретѣ свои планы и цѣль своей поѣздки въ Суздаль, стараясь избѣгать всякой огласки.

Первая моя поѣздка въ Суздаль относится къ лѣту 1902 года. 6 августа, въ 12 часовъ ночи, я выѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода по желѣзной дорогѣ. На другой день, послѣ ночи, проведенной въ душномъ и, какъ всегда во время ярмарки, невѣроятно грязномъ вагонѣ, утромъ, въ 6 часовъ, поѣздъ привезъ меня во Владиміръ на Клязьмѣ.

Оставивъ вещи на вокзалѣ, я отправился въ городъ, чтобы достать себѣ лошадей для поѣздки въ Суздаль. Кстатѣ, мнѣ хотѣлось пройтись по городскимъ улицамъ, чтобы взглянуть на Владиміръ, который я когда-то зналъ и въ которомъ мнѣ пришлось прожить нѣсколько мѣсяцевъ.

Городъ только что начиналъ просыпаться—лѣниво, медленно и вяло, какъ малокровный неврастеникъ. Около десяти лѣтъ я не былъ во Владимірѣ, и теперь воочию убѣждался, что за все это время городъ ни на шагъ не подвинулся впередъ. Никакихъ перемѣнъ, никакихъ улучшеній; на всемъ печать застарѣлой захудалости. Конечно, я говорю только о внѣшности, о наружномъ видѣ города. Та же отчаянная мостовая, тѣ же жалкія, грязныя гостиницы, тѣ же дребежжачія, ободранныя дрожки у извозчиковъ, тѣ же рѣдкіе, съ вонючимъ керосиномъ фонари, тѣ же невозможные тротуары.

Древній городъ съ громкимъ историческимъ прошлымъ словно замеръ и захирѣлъ. Очевидно, онъ совершенно остановился въ своемъ развитіи, обезсиленный все возрастающимъ могуществомъ своихъ ближайшихъ сосѣдей: съ одной стороны—Москвы, съ другой—Нижняго-Новгорода.

Древніе соборы, которыми такъ гордится Владиміръ, стоятъ пустыя и сумрачныя. Повидимому, ихъ не радуетъ даже вниманіе, которое удѣлялось имъ въ послѣднее время и которое выразилось въ подновленіи историческихъ фресокъ и въ позолотѣ главъ. Не лишне, однако, замѣтить, что это золоченіе главъ могло состояться только благодаря какой-то совершенно случайной благотворительницѣ, неизвѣстно откуда-то взявшей старушкѣ, которая, предчувствуя свою кончину, вдругъ начала сыпать щедрой рукой деньги на украшеніе храмовъ да на монастыри.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе едва ли не единственное вновь

отстроенное зданіе въ центрѣ города—музей владимірской ученой архивной комиссіи.

Но насколько неинтересенъ самъ Владиміръ, настолько же интересна Владимірская губернія, въ которой историкъ, археологъ, этнографъ, экономистъ, социологъ, художникъ—всѣ найдутъ для себя чрезвычайно много новаго, интереснаго, яркаго.

По причинамъ, такъ сказать, конспиративнаго характера, о которыхъ я уже упомянулъ, я рѣшилъ не останавливаться во Владимірѣ и не видѣться съ тѣми немногими знакомыми, которые имѣлись у меня въ этомъ городѣ и которые могли бы быть полезны мнѣ своими свѣдѣніями и своими знакомствами съ Суздалемъ.

Взявши пару лошадокъ и тарантасъ на земской станціи, я спѣшу выѣхать изъ Владиміра на Суздаль, до котораго считается отсюда около 35 верстъ.

Девятый часъ утра. Путь идетъ черезъ Нижегородскую заставу на Красное село, затѣмъ—Суходолъ, Борисовское и Павлово. Дорога плохая въ началѣ, потомъ становится невыносимой. Къ счастью, это неудобство въ значительной степени искупалось прекрасной погодой, чуднымъ воздухомъ, веселыми, ликующими лучами солнца.

Попадавшіеся навстрѣчу крестьяне и особенно крестьянки выглядятъ необыкновенно опрятно, почти щеголевато одѣтыми. На мое замѣчаніе по этому поводу, ямщикъ замѣчаетъ мнѣ:

— Чище здѣшняго народа нигдѣ не ходять... Каждый при часахъ!... Другому ись нечего, а смотришь,—одѣнется въ лисью шубу... Ужъ такъ у насъ изстари ведется...

Кое-гдѣ сторонкой плетутся загорѣлыя на солнцѣ богомолки, съ котомками за плечами и жестяными чайниками; очевидно, возвращаются изъ суздальскихъ монастырей.

Мы подъѣзжали къ Суходолу, какъ вдругъ навстрѣчу намъ показался четверикъ лошадей, мчавшихъ коляску, въ которой виднѣлись фигуры двухъ сидѣвшихъ въ ней лицъ.

— Кто это?—спросилъ я ямщика.

— Архимандритъ... настоятель Спасскаго монастыря, изъ Суздаля.

— Серафимъ? Архимандритъ Спасо-Ефиміева монастыря?—переспросилъ я.

— Онъ самый.

«Вотъ онъ—комендантъ-то Суздальской крѣпости», подумалъ я.

— Съ кѣмъ же это онъ ѣдетъ?

— Съ лакеемъ.

«Это ново», подумалось мнѣ.

— Почему же не съ послушникомъ?

— Не могу знать... Только онъ завсегда ѣздитъ съ лакеемъ.

Коляска быстро пронеслась мимо насъ. Я успѣлъ разглядѣть архимандрита Серафима (въ міру полковникъ Чичаговъ),—довольно высокій и

полный мужчина, съ краснымъ лицомъ въ влобугѣ, лѣтъ около 55, съ за-
вѣтной просѣдью въ влиновидной бородѣ.

Рядомъ съ нимъ помѣщалась плотная, здоровенная фигура, въ пальто
и котелкѣ, съ усами и бритыми щеками, не то съ хищнымъ, не то съ
наглымъ выраженіемъ глазъ. Какъ я потомъ узналъ, это былъ Санхо-
Панчо Серафима, съ которымъ онъ почти никогда не разлучался,—къ не-
малому соблазну монастырской братіи.

— Буда это онъ поѣхалъ?

— Во Владимірѣ ѣдетъ, а можетъ, и дальше отправится—кто-жь его
знаетъ. Онъ часто катаетъ и въ Москву и въ Питеръ. Монахи намеднясь
сказывали, что все насчетъ мощей хлопочетъ.

— Какихъ мощей?

— А Серафима Саровскаго...

Я припомнилъ слухи о томъ, что архимандритъ Серафимъ Чичаговъ
является главнымъ дѣятелемъ и даже чуть ли не иниціаторомъ открытія
мощей Серафима Саровскаго, которое должно было состояться лѣтомъ
1903 года.

— Въ Борисовскомъ дозвольте лошадожъ попоить, — просить ямщикъ.

Борисовское — большое село, расположенное какъ разъ на половинѣ
пути между Владиміромъ и Суздаlemъ. Въ немъ выдѣляется цѣлый рядъ
домовъ, построенныхъ на городской ладъ. Это дома здѣшнихъ богачей,
братьевъ Пантелѣевыхъ, составившихъ себѣ состояніе подрядами въ Москвѣ
«по каменной части», т.-е. по постройкѣ каменныхъ зданій.

Всѣ Пантелѣевы—старообрядцы-безпоповцы поморскаго согласія, за ис-
ключеніемъ одного, принадлежащаго къ австрійскому толку. Разбогатѣвъ
и обзаведясь собственными домами въ Москвѣ, Пантелѣевы тѣмъ не менѣе
продолжаютъ поддерживать связи съ роднымъ селомъ и немало дѣлаютъ
на пользу своихъ бывшихъ односельчанъ.

Такъ, они выстроили въ Борисовскомъ и пожертвовали мѣстному зем-
ству прекрасный двухъ-этажный домъ подъ училище и каменное зданіе для
больницы, съ помѣщеніемъ для врача, акушерки и фельдшера. Затѣмъ,
какъ рассказывали мнѣ потомъ крестьяне, Александръ Алексѣевичъ Пан-
телѣевъ внесъ въ общественный магазинъ извѣстный капиталъ за всѣхъ
крестьянъ-однообщественниковъ «на вѣчныя времена», и такимъ образомъ
теперь «у крестьянъ уже нѣтъ заботы пополнять магазинъ изъ послѣдняго
запаса хлѣба».

Въ первомъ часу дня мы пріѣхали въ Суздаль. Тарантасъ немилосердно
запрыгалъ по огромнымъ булыжникамъ мостовой длинной, тяну-
щейся черезъ весь городъ улицы... Вотъ онъ—древній историческій Суз-
даль, одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ городовъ Россіи. Теперь это малень-
кій, захолустный уѣздный городокъ, съ населеніемъ въ 4 или 5 тысячъ
человѣкъ, не ведущій никакой торговли, не имѣющій никакой промышлен-
ности.

Если теперь Суздаль чѣмъ-нибудь богатъ, то единственно только цер-

дворами и монастырями. При въездѣ въ городъ васъ прежде всего невольно поражаетъ огромная масса церквей—справа, слѣва, впереди—все церкви, колокольни, церковныя ограды. На 5 тысячъ человѣкъ жителей здѣсь имѣется 30 церквей и четыре монастыря. Съдой, далекой старинной вѣсть отъ всѣхъ этихъ церквей и монастырей...

На мой вопросъ: гдѣ здѣсь можно остановиться, ямщикъ начинаетъ соблазнять меня разными гостиницами и постоялыми дворами, вродѣ «Москвы», «Дуная» и т. п., но такъ какъ я по горькому опыту хорошо знакомъ съ прелестями подобныхъ пріютовъ въ нашихъ уѣздныхъ захолустьяхъ, то поэтому рѣшительно отвергаю его рекомендаціи. Узнавъ, что при Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ имѣется особая гостиница для пріѣзжающихъ, я направляюсь туда.

III.

Великокняжеская столица.

За время своего 900-лѣтняго существованія Суздаль пережилъ немало и немало испыталъ разныхъ превратностей судьбы. Было время, когда онъ являлся главнымъ городомъ самостоятельнаго княжества, независимой Суздальской области.

Съ присоединеніемъ къ Москвѣ въ концѣ XIV вѣка Суздальское княжество теряетъ свою самостоятельность. Тѣмъ не менѣе, однако, и послѣ этого въ теченіе долгаго времени Суздаль остается крупнымъ центромъ сѣверной Россіи и средоточіемъ культурной жизни того времени, какъ извѣстно, всецѣло проникнутой церковно-монастырскимъ характеромъ. Суздаль служитъ резиденціей съ одной стороны — воеводы, съ другой — архіерея.

Многіе знаменитые нѣкогда роды князей и бояръ тяготѣли къ Суздалю: князья Суздальскіе, Шуйскіе, Пожарскіе, Бѣльскіе, Хованскіе, Скопины. Имъ принадлежали обширныя помѣстья въ Суздальской, Владимірской, Нижегородской и другихъ сосѣднихъ областяхъ. Могилы многихъ представителей и представительницъ этихъ родовъ вы и теперь найдете при разныхъ церквахъ и монастыряхъ Суздальскаго уѣзда.

Гдѣ теперь всѣ эти княжескіе роды? — Увы, почти всѣ они давнымъ давно уже пресѣклись и исчезли съ лица земли. Едва ли не первыми исчезли князья Суздальскіе, — родственники князей Шуйскихъ, родъ которыхъ точно такъ же давно прекратился.

Однимъ изъ послѣднихъ представителей рода князей Пожарскихъ былъ сынъ знаменитаго патріота, Дмитрія Михайловича, князь Федоръ Дмитриевичъ Пожарскій, похороненный, какъ и его знаменитый отецъ, въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ, въ Суздаль.

Изъ всѣхъ этихъ родовъ до настоящаго времени уцѣлѣлъ лишь одинъ родъ князей Хованскихъ, игравшихъ нѣкогда крупную историческую роль. Но онъ давно уже захудалъ и сошелъ съ государственной арены. Пред-

ставителей этого рода можно теперь встрѣтить въ роли разныхъ губернскихъ чиновниковъ въ среднемъ Поволжьѣ.

Мѣстные старожилы увѣряютъ, что въ прежнія времена число жителей въ г. Суздали доходило до 50—60 тысячъ. Теперь, какъ мы уже замѣтили выше, населеніе Суздаля едва ли достигаетъ и 5 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ современный Суздаль представляетъ собою лишь десятую часть того, чѣмъ онъ былъ во времена далекой старины.

Исчезли цѣлыя улицы, кварталы, цѣлыя части города. Объ этомъ можно догадываться по тѣмъ группамъ домовъ, нерѣдко съ церквями, которые раскиданы то тамъ, то сямъ, среди огородовъ и пустырей. Это все остатки прежняго города, остатки древняго Суздаля. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ сохранились даже части пролегавшихъ здѣсь когда-то улицъ и переулковъ.

Судя по расположенію, а также по названію нѣкоторыхъ ближайшихъ къ городу селъ и деревень, можно думать, что нѣкоторыя изъ нихъ также входили въ черту Суздаля, какъ, напримѣръ, «Михайлова сторона», отдѣленная теперь отъ города лишь широкой лентой огородовъ.

До сихъ поръ сохранились многія названія мѣстностей, указывающія на былую старину. Такъ, напримѣръ, мѣстность въ центрѣ города, на самомъ берегу рѣки Каменки, называется «Теремка». По преданію, здѣсь въ былыя времена были расположены княжескіе терема. Въ одномъ мѣстѣ берегъ рѣки называется «Бабацкой горой»—тутъ нѣкогда стоялъ «царевъ кабакъ».

Нынѣ, обойденный всѣми желѣзными дорогами, пересекающими въ разныхъ направленіяхъ Владимирскую губернію, Суздаль съ каждымъ годомъ, на глазахъ у всѣхъ, замѣтно падаетъ, хирѣетъ, ветшаетъ, бѣднѣетъ.

— Я живу здѣсь тридцать пять лѣтъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ о. Лебедевъ,—и за это время на моей памяти Суздаль замѣтно палъ и опустѣлъ. Жители бѣгутъ изъ него въ разные стороны: въ Ивановѣ, въ Шуѣ, во Владимірѣ—ездѣ вы можете встрѣтить суздальцевъ, которые переселились туда и завели какое-нибудь дѣло. За мое время здѣсь нѣсколько каменныхъ домовъ сломано и снесено, я ужъ не говорю о деревянныхъ.

— Чѣмъ вы объясняете столь быстрое паденіе Суздаля?—спросилъ я.

— Въ прежнее время почти все движеніе изъ Москвы на Нижній-Новгородъ шло черезъ Суздаль. Въ то время здѣсь процвѣтала торговля, сюда съѣзжались для закупокъ изъ сосѣднихъ городовъ, селъ и усадебъ. По зимамъ здѣсь жили помѣщики; многіе изъ нихъ имѣли здѣсь свои дома. Но съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги обошли Суздаль—онъ началъ падать.

— Да, все это было и бывшемъ норосло,—продолжалъ о. Лебедевъ.—Теперь и помѣщиковъ-то въ Суздальскомъ уѣздѣ почти совсѣмъ нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ богатыхъ, именитыхъ купцовъ. Недаромъ у насъ въ Суздали даже поговорка такая сложилась: «Дворяне здѣсь всѣ Рагозины, а купцы всѣ Жилкины».

Въ настоящее время жители Суздаля занимаются главнымъ образомъ огородничествомъ, разводя въ большихъ размѣрахъ лукъ, хрѣнъ, огурцы, капусту.

— Суздальскій хрѣнъ и въ Москвѣ славится,—не безъ гордости являютъ миѣ одинъ мѣщанинъ-огородникъ.—Конечно, барыши и доходы отъ такого огородничества не могутъ быть значительны.

— Съ хрѣну да луку не разжирѣешь!—говорятъ сами суздальцы.

— Торговля Суздаля—одна печаль. Торгуемъ съ хлѣба на квасъ,—признаются здѣсь сами купцы.

Посредиѣ города на пыльной площади стоятъ каменные «торговые ряды», когда-то знавшіе лучшіе дни, а теперь обветшавшіе, мѣстами покосившіеся, кое-гдѣ съ подпорками, съ облупившейся штукатуркой, мѣстами того гляди вотъ-вотъ рухнуть.

Ежедневно, въ 8 часовъ утра, торговцы «краснымъ, мануфактурнымъ и галантерейнымъ товаромъ» чинно выходятъ изъ своихъ домовъ, снимаютъ шапки и начинаютъ истово креститься по направленію ближайшей церкви. Затѣмъ они отпираютъ свои лавки, снова крестятся и садятся за прилавокъ. Здѣсь они терпѣливо сидятъ вмѣстѣ съ приказчиками и мальчиками цѣлый день, до 8 часовъ вечера. Но покупателей нѣтъ, какъ нѣтъ. Иногда выпадаютъ такіе неудачные дни, въ которые не явится ни одного покупателя. Въ 8 часовъ снова молятся, затворяютъ лавки и расходятся по домамъ.

Базарные дни вносятъ нѣкоторое оживленіе, но лишь на нѣсколько часовъ, съ ранняго утра и до полудня. Съ 2—3 часовъ жизнь снова входитъ въ свою прежнюю колею тишины, неподвижности и скуки.

Собственно говоря, городъ оживаетъ только разъ въ мѣсяць—20-го числа. Чиновники и попы, получивъ жалованье (здѣсь многіе церковные причты на жалованьи) дѣлаютъ закупки, дамы покупаютъ обновки и т. д.

Сами обыватели Суздаля, говоря о своемъ городѣ, почти всегда провозглашаютъ надъ нимъ. «Богоспасаемый градъ Суздаль»—такъ обыкновенно, съ явной насмѣшкой, величаютъ они свой городъ.

— Нашъ городъ—мертвый,—говорятъ суздальцы.

— Одно слово—погребальный городъ,—говорятъ другіе.

— Нашъ городъ бѣдный, у насъ здѣсь негдѣ копейку достать,—жалуются суздальскіе обыватели.

— Нашъ городъ ссыльный: сюда въ монастыри ссылаютъ и заточаютъ людей за важныя вины.

Чтобы дать представленіе объ оживленіи Суздаля, достаточно сказать, что въ городѣ нѣтъ ни одного извозчика. Только по временамъ, главнымъ образомъ, въ базарные дни, выѣзжаетъ съ постоялаго двора какой-то древній старецъ въ допотопной калыматѣ на деревянныхъ дрогахъ.

Появленіе въ городѣ каждаго новаго лица, особенно пріѣхавшаго изъ столицы—производитъ настоящую сенсацію. Городовые, стоящіе на перекресткахъ, подозрѣвая въ васъ начальство, вытягиваются въ струнку и,

отдавъ честь, «ѣдятъ васъ глазами». Встрѣчные прохожіе окидываютъ васъ внимательными и испытующими взглядами отъ головы до ногъ и затѣмъ, пройдя, еще долго смотрятъ вамъ въ слѣдъ.

— Кто такой, а? Чей это? Откуда?—переговариваются между собою обыватели.

Мой прїѣздъ также не могъ не обратить на себя вниманія суздальцевъ, не могъ не вызвать разныхъ толковъ, пересудовъ и предположеній. Исправникъ замѣтно насторожился и, какъ я узналъ, началъ усиленно собирать разныя справки. Но вскорѣ все успокоилось: видя, что я усердно изо дня въ день посѣщаю разные монастыри и церкви, и начальство, и обыватели въ одинъ голосъ рѣшили, что прїѣхалъ «новый археологъ», «любитель старины», какіе отъ времени до времени заглядываютъ въ Суздаль. Между прочимъ, какъ разъ передъ моимъ прїѣздомъ сюда здѣсь былъ князь Ширинскій-Шихматовъ, который, какъ извѣстно, давно пользуется репутаціей задалгаго любителя церковной старины.

IV.

Суздальскіе монахи.

Въ настоящее время Суздаль является городомъ монаховъ, священниковъ и монахинь. Черныя рясы, черныя клобуки и скуфейки вы встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагу.

Вслѣдствіе массы церквей въ Суздаль и незначительнаго числа городскихъ жителей, церковные приходы здѣсь отличаются необычайнымъ малолюдствомъ. Въ самомъ большомъ приходѣ—Базанской Божіей Матери, едва насчитается 350 душъ прихожанъ. Но есть приходы, въ которыхъ число прихожанъ мужского пола не превышаетъ 20 человекъ. Однако, несмотря на это, здѣшнія церкви поддерживаются въ приличномъ видѣ. Мѣстные священники объясняютъ это усердіемъ суздальскихъ жителей къ православнымъ храмамъ, а также полнымъ отсутствіемъ въ Суздаль всякихъ сектантовъ, старообрядцевъ и другихъ религіозныхъ отщепенцевъ.

Изъ четырехъ монастырей въ Суздаль было два мужскихъ и два женскихъ. Но здѣшніе монахи оказались черезчуръ плохими хозяевами: находившійся въ ихъ рукахъ Васильевскій монастырь они довели до полного упадка и закрытія. Послѣ этого Васильевскій монастырь былъ переданъ женскому Преподобинскому монастырю, и дѣйствительно, нужно отдать справедливость монахинямъ: онѣ очень скоро совершенно оправили этотъ монастырь и даже привели его въ цвѣтущее состояніе.

Вообще женскіе суздальскіе монастыри ведутъ большое хозяйство. Между прочимъ у нихъ огромные огороды, которые обыкновенно воздѣлываются самими монахинями. Онѣ сажаютъ: капусту, огурцы, картофель, лукъ, рѣпу, рѣдьку, хрѣнъ, и все это въ большихъ размѣрахъ, не только на круглый годъ для своего собственнаго употребленія, но и на продажу. Это одна изъ крупныхъ статей доходовъ въ бюджетѣ женскихъ монастырей.

Насколько я могъ присмотрѣться, монахины, повидимому, ведутъ трудовой образъ жизни; вы постоянно видите ихъ въ полѣ и въ огородахъ, гдѣ онѣ работаютъ, не покладая рукъ, встрѣчаете на улицахъ, идущихъ за подводами, нагруженными овощами, сѣномъ и соломой. Зимой онѣ шьютъ, вяжутъ, вышиваютъ на продажу и т. д.

Бъ сожалѣнію, отнюдь нельзя того же сказать о Суздальскихъ монахахъ. Конечно, и между ними встрѣчаются разные типы, но я говорю о большинствѣ, о главной массѣ. Необходимо признать, что пьянство сильно распространено среди здѣшней монашествующей братіи. Пьютъ не только въ тиши своихъ келій, но и въ гостяхъ, у знакомыхъ въ городѣ и соседнихъ селахъ. Нерѣдкость встрѣтить на улицѣ подвыпившаго монаха, съ мутными глазами и пошатывающагося изъ стороны въ сторону.

Было время, когда наши монастыри являлись центрами культурной жизни среди полуязыческаго, темнаго и безграмотнаго населенія. Но съ тѣхъ поръ условія совершенно измѣнились: русская жизнь хотя и туго, медленно, черепашинымъ шагомъ, но все же двигалась впередъ, между тѣмъ какъ наши монастыри оставались вполнѣ неподвижными. И вотъ жизнь обогнала ихъ и даже оставила далеко позади; теперь въ этомъ уже невозможно сомнѣваться.

Образовательный уровень современной монашеской братіи стоитъ на самой низкой степени развитія. Такъ, напримѣръ, среди монастырской братіи Спасо-Ефиміевскаго монастыря, который, замѣтите, считается перво-класснымъ, нѣтъ ни одного не только окончившаго духовную академію, но даже ни одного, окончившаго семинарію. Мало этого. Нѣтъ ни одного монаха, который бы побывалъ въ духовной семинаріи. Большинство іеромонаховъ вышли изъ низшаго духовнаго училища. Затѣмъ масса самоучекъ, изъ сельскихъ народныхъ школъ и, наконецъ, многіе монахи почти совсѣмъ неграмотные: съ трудомъ читаютъ по печатному и еле-еле могутъ подписать свою фамилію. При такомъ положеніи дѣла, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи объ умственныхъ интересахъ монашествующей братіи, о любви къ литературѣ, хотя бы только духовной, о научныхъ занятіяхъ и т. д. Все это совершенно чуждо современному православному монаху.

Люди же съ образованіемъ, которые отъ времени до времени появляются въ монастырской средѣ, обыкновенно идутъ туда съ опредѣленною цѣлью—сдѣлать этимъ путемъ служебную карьеру, и стремятся только къ одному: поскорѣе заполучить мѣсто или настоятеля въ перво-классномъ монастырѣ, или же епархіальнаго архіерея, съ присвоенными этимъ должностямъ крупными окладами, часто съ огромными, колоссальными доходами. Люди этого калибра не остаются подолгу въ монастыряхъ, вѣрнѣе сказать, они только скользятъ по ихъ поверхности, быстро поднимаясь по іерархической лѣстницѣ.

Огромная же масса монастырской братіи попрежнему остается темной, невѣжественной и грубой, пребывая почти на томъ же самомъ уровнѣ раз-

витія, на которомъ она стояла сто и даже двѣсти лѣтъ тому назадъ. Поэтому не слѣдуетъ особенно удивляться тому, что изъ этой среды у насъ такъ часто выходятъ теперь разные Иллиодоры, Арсеніи и другіе фанатическіе сподвижники черной сотни.

Мы потому такъ долго остановились на культурномъ состояніи современнаго монашества, что у насъ до самаго послѣдняго времени въ монастыри ссылались люди, впавшіе въ ересь, люди, которые чѣмъ-нибудь провинились противъ православной церкви, причемъ на монаховъ этихъ монастырей всегда возлагались непремѣнныя обязанности увѣщевать этихъ людей, опровергать ихъ «заблужденія», доводить ихъ до раскаянія и до «возвращенія въ лоно православія». Особенно это требовалось начальствомъ по отношенію къ тѣмъ изъ еретиковъ и провинившихся противъ церкви, которые заключались въ монастырскія тюрьмы.

Нетрудно представить себѣ, насколько при этихъ условіяхъ могли быть успѣшны и продуктивны подобныя «увѣщанія» со стороны полуграмотныхъ монаховъ разныхъ религіозныхъ отщепенцевъ, изъ которыхъ многіе отличались глубокими убѣжденіями, серьезной начитанностью, обширными знаніями. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ «увѣщанія» монаховъ не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія на заключенныхъ, которые продолжали оставаться «непреклонными въ своихъ заблужденіяхъ» и не выражали ни раскаянія, ни желанія возвратиться «въ лоно»...

И за это они платились, платились жестоко. Имъ приходилось томиться и чахнуть въ монастырскихъ казематахъ долгіе, долгіе годы, нерѣдко цѣлыя десяти лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не приходила на выручку смерть и не избавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшихъ страданій...

На тускломъ и сѣромъ фонѣ суздальской монастырской жизни яркимъ пятномъ выдѣляется фигура бывшаго архимандрита Спасо-Ефиміевскаго монастыря Серафима Чичагова. Аристократъ по происхожденію и по привычкамъ, артиллерійскій полковникъ по своей прежней службѣ, онъ въ одинъ прекрасный день вдругъ сбрасываетъ съ себя военный мундиръ и облачается въ рясу священника.

Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ, и онъ постригается въ монахи, быстро дѣлаетъ карьеру, получаетъ санъ архимандрита и вскорѣ назначается на важный постъ настоятеля Суздальскаго Спасо-Ефиміевскаго монастыря и «коменданта монастырской крѣпости». Для бывшаго полковника это послѣднее назначеніе являлось, конечно, особенно кстати.

Впрочемъ, въ Суздали онъ пробылъ не долго, такъ какъ вслѣдъ за открытіемъ мощей Серафима Саровскаго (какъ извѣстно, онъ игралъ при этомъ крупную, выдающуюся роль), Чичаговъ быстро получаетъ цѣлый рядъ повышеній и въ настоящее время занимаетъ постъ архіепископа въ гор. Орлѣ. Въ сожалѣнію, въ силу нѣкоторыхъ причинъ, въ настоящее время мы не имѣемъ возможности дать полную характеристику, нарисовать портретъ во весь ростъ этого своеобразнаго іерарха современной русской церкви.

У.

Герценъ о расколѣ и Суздальской тюрьмѣ.

Съ давнихъ поръ всё суздальскіе монастыри служатъ мѣстомъ ссылки и заточенія разныхъ лицъ, провинившихся противъ церкви или государства. Но особенно громкую извѣстность въ этомъ отношеніи получилъ суздальскій Спасо-Ефиміевскій монастырь, въ которомъ устроена была для этой цѣли особая, специальная тюрьма, а затѣмъ и цѣлая «крѣпость».

И хотя подобныя тюрьмы существовали и во многихъ другихъ монастыряхъ и дѣйствовали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, тѣмъ не менѣе однако *эта сторона* монастырской жизни до сихъ поръ остается очень мало извѣстной публикѣ, даже наиболѣе интеллигентной ея части. Наши историки и ученые изслѣдователи, писавшіе о роли и значеніи монастырей въ русской жизни, обыкновенно рисуютъ монастырь, какъ школу, какъ книгохранилище, какъ центръ просвѣтительной, культурной дѣятельности.

Но тѣ же историки и изслѣдователи религіозной жизни русскаго народа ровно ничего не говорятъ о роли и значеніи монастыря, какъ крѣпости, монастыря-острога, монастыря-тюрьмы. Между тѣмъ эта именно сторона, по многимъ причинамъ, заслуживаетъ серьезнаго и глубокаго вниманія и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Кто желаетъ изучить исторію религіозныхъ и политическихъ движеній, происходившихъ какъ въ широкихъ слояхъ русскаго народа, такъ и въ средѣ культурнаго общества,—тому волей-неволей придется ознакомиться съ исторіей нашихъ крѣпостей, нашихъ государственныхъ тюремъ, игравшихъ роль русскихъ Бастилій,—все равно будетъ ли то Шлиссельбургъ, Соловецкая тюрьма, «Петропавловка» или Суздальская крѣпость.

Но такъ какъ до послѣдняго времени наша подцензурная печать лишена была всякой возможности касаться подобныхъ темъ, то мы напрасно бы стали искать въ нашей литературѣ статей, посвященныхъ, положимъ, хотя бы описанію Суздальской крѣпости, ея исторіи, выясненію вопросовъ о томъ, какъ и за что попадали въ нее люди и каково имъ жилось въ монастырскихъ казематахъ.

Глубочайшая тайна издавна окружала Суздальскую крѣпость и все, что въ ней происходило. Эту тайну могли нарушить лишь люди, которые имѣли возможность не считаться съ русской цензурой—ни свѣтской, ни духовной. Въ такомъ положеніи находился Герценъ во время своей жизни за границей. Въ *Поллярной Звѣздѣ* и въ *Колоколѣ* онъ постоянно затрагивалъ разныя щекотливыя и острыя темы, которыя какъ въ то время, такъ и много позднѣе были совершенно педоступны для русской легальной печати.

Между прочимъ Герценъ въ своихъ статьяхъ не разъ касался и вопроса о русскомъ расколѣ-сектанствѣ. Его сочувствіе было всецѣло на сторонѣ «раскольниковъ» и сектантовъ уже по одному тому, что они подвергались суровымъ, жестокимъ преслѣдованіямъ какъ со стороны госу-

дарства, такъ и со стороны церкви. Полиція, жандармерія, администрація дѣйствовали рука объ руку съ духовными властями, консисторіями и святѣйшимъ синодомъ. Въ первой же книжкѣ *Полярной Звѣзды* Герценъ нашелъ нужнымъ коснуться этого большого вопроса русской жизни.

На этотъ разъ въ связи съ вопросомъ о расколѣ, Герценъ коснулся и Суздальской тюрьмы; такая связь вполнѣ, конечно, понятна, такъ какъ главную массу узниковъ Суздальской тюрьмы всегда составляли именно «раскольники» и сектанты. Въ виду того интереса, который несомнѣнно представляетъ отзывъ знаменитаго публициста объ этихъ двухъ явленіяхъ русской жизни, столь характерныхъ и крупныхъ—мы позволимъ себѣ привести здѣсь цѣликомъ страницу, посвященную имъ этимъ вопросамъ,—какъ всегда яркую и блестящую. Вотъ она.

«У насъ раскольниковъ не постоянно гонять, такъ вдругъ найдеть что-то на сиподъ или на министерство внутреннихъ дѣлъ, они и сбѣгаютъ набѣгъ на какой-нибудь скитъ, на какую-нибудь общину, ограбятъ ее и опять затихнутъ. Раскольники обыкновенно имѣютъ смышленныхъ агентовъ въ Петербургѣ, они предупреждаютъ отсюда объ опасности, остальные тотчасъ собираютъ деньги, прячутъ книги и образа, поятъ православнаго попа, поятъ православнаго исправника, даютъ выкупъ; тѣмъ дѣло и кончается лѣтъ на десять.

«Въ Новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много духоборцевъ. Ихъ начальникъ, старый ямской голова, чуть ли не въ Зайцевѣ, пользовался огромнымъ почетомъ. Когда императоръ Павелъ ѣхалъ короноваться въ Москву, онъ велѣлъ позвать къ себѣ старика, вѣроятно, съ цѣлью обратить его.

«Духоборцы, какъ квакеры, не снимаютъ шапки,—съ покрытой головой взомель сѣдой старикъ...

— Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ?—закричалъ Павелъ, отдуваясь и со всеми признаками бѣшенной ярости:—ты знаешь меня?

— Знаю,—спокойно отвѣчалъ раскольникъ,—ты Павелъ Петровичъ.

— Въ цѣпи его! Въ каторжную работу, въ рудники!—продолжалъ рыцарственный Павелъ.

«Старика схватили, и императоръ велѣлъ зажечь съ четырехъ сторонъ село, а жителей выслать въ Сибирь на поселенье.

«На слѣдующей станціи кто-то изъ его приближенныхъ бросился къ его ногамъ и сказалъ ему, что онъ осмѣлился пріостановить исполненіе Высочайшей воли и ждетъ, чтобъ онъ повторилъ ее. Павелъ нѣсколько отрезвѣлъ и понялъ, что странно рекомендоваться народу, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники.

«Онъ велѣлъ синоду разобрать дѣло крестьянъ, а старика сослать на пожизненное заточеніе въ Спасо-Ефиміевскій монастырь; онъ думалъ, что православные монахи домучать его лучше каторжной работы; но онъ забылъ, что наши монахи не только православные, но люди, любящіе водку и деньги; а раскольники водки не пьютъ и денегъ не жалѣютъ.

«Старикъ прослылъ у духоборцевъ святымъ; со всѣхъ концовъ Россіи ходили духоборцы на поклоненіе къ нему, цѣною золота покупали они къ нему доступъ. Старикъ сидѣлъ въ своей кельѣ, одѣтый весь въ бѣломъ, его друзья обили полотномъ стѣны и потолокъ. Послѣ его смерти они выпросили позволеніе скоронить его тѣло съ родными и торжественно пронесли его на рукахъ отъ Владиміра до Новгородской губерніи. Одни духоборцы знаютъ, гдѣ онъ скороненъ, они увѣрены, что онъ при жизни имѣлъ уже даръ дѣлать чудеса и что его тѣло нетлѣнно».

Приведя этотъ разсказъ, Герценъ поясняетъ, что все это онъ слышалъ «долею отъ владимірскаго губернатора *), долею отъ ямщиковъ въ Новгородѣ и, наконецъ, отъ посолника въ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ». Послѣдняя ссыла указываетъ на то, что Герцену удалось лично побывать въ знаменитомъ Суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ. И дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ его разсказѣ находимъ нѣсколько свѣдѣній о суздальской тюрьмѣ и описаніе одной весьма характерной сцены, подсмотрѣнной имъ въ этомъ монастырѣ.

«Теперь,—говоритъ Герценъ,—въ этомъ монастырѣ нѣтъ больше политическихъ арестантовъ, хотя тюрьма и наполнена разными попами, церковниками, непокорными сыновьями, на которыхъ жаловались родители и прочіе.

«Архимандритъ—плечистый, высокій мужчина, въ мѣховой шапкѣ, показывалъ намъ тюремный дворъ. Когда онъ взошелъ, унтеръ-офицеръ съ ружьемъ подошелъ къ нему и рапортовалъ:

— Вашему преосвященству честь имѣю донести, что по тюремному замку все обстоитъ благополучно... арестантовъ столько-то».

«Архимандритъ въ отвѣтъ благословилъ его».

— «Что за путаница!»—восликаетъ при этомъ Герценъ.

Къ сожалѣнію, изъ статьи знаменитаго писателя не видно, къ какому времени относится его разсказъ. Слѣдуетъ, однако, думать, что посѣщеніе Герценомъ Суздальскаго монастыря состоялось въ теченіе того времени, которое онъ провелъ въ ссылкѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Какъ извѣстно, Герценъ попалъ во Владиміръ въ концѣ 1837 года, а въ началѣ 1840 г. онъ былъ уже въ Москвѣ. Такимъ образомъ, поѣздка его въ Суздаль, по всей вѣроятности, состоялась именно въ этотъ промежутокъ времени—отъ 1837 до 1840 г.

Изъ разсказа Герцена, между прочимъ, видно, что архимандритъ показывалъ ему лишь «тюремный дворъ», но въ самую тюрьму или въ «тюремный замокъ»—какъ онъ ее называетъ,—очевидно его не пустили, такъ какъ иначе Герценъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ-бы хотя нѣсколько словъ описанію монастырской тюрьмы и ея казематовъ.

А. Пругавинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

*) Вѣроятно, Куруты, съ которыми Герценъ, живя во Владимірѣ, находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Рихардъ Вагнеръ.

(1813—1883 гг.).

Въ 25-тилѣтію со дня его смерти.

Въ августѣ 1876 г. произошло одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи искусства событій. Въ маленькомъ баварскомъ городкѣ, Байрейтѣ, въ специально для того выстроенномъ театрѣ дана была опера Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунга», занимающая четыре вечера. Чтобы послушать эту оперу, съѣхались со всего свѣта представители интеллигенціи и правящихъ классовъ и, прослушавши ее, преклонились передъ музыкальнымъ гениемъ Вагнера: «Байрейтѣ» сдѣлался знаменемъ вагнеріанцевъ, символомъ ихъ вѣры.

Однако, если въ 1876 г. можно было искренно вѣрить, что «идея Байрейта» олицетворяетъ высшее торжество искусства, что постановка «Кольца Нибелунга» и байрейтскій театръ призваны сыграть огромную роль въ искусствѣ и въ самой жизни человѣчества, то въ настоящее время для человѣка, изучавшаго вагнеризмъ—настоящій культъ Вагнера, и присмотрѣвшагося къ сущности байрейтскаго препіятія, совершенно ясно, что «Байрейтѣ» былъ символомъ удовлетворенія величайшей гордости художника, и сталъ символомъ удовлетворенія уже не гордости, а обыкновеннаго тщеславія его жены и дѣтей. Дѣйствительно, едва ли найдется въ исторіи искусства другой примѣръ такой полной побѣды артиста надъ своими личными и принципиальными врагами, которыхъ у Вагнера была тьма. Заставить пріѣхать въ Байрейтѣ специально поклониться ему, Вагнеру, тѣхъ самыхъ «Hofräte und Esel» (письмо Вагнера къ Леерсу въ 1842 г.), тѣхъ самыхъ «юнkerовъ», борьба съ «вsesильной глупостью» которыхъ отражала существованіе Вагнера, придворнаго капельмейстера въ Дрезденѣ въ 1846 году (письмо Вагнера къ Шпору)! И имъ, этимъ всесильнымъ бюрократамъ, пришлось (вѣдь самъ Вильгельмъ явился въ Байрейтѣ въ 1876 г.) придти поклониться художнику, портретъ котораго они же печатали въ 1855 году въ полицейской газетѣ для того, чтобы всякій узнавшій могъ бы задержать его, какъ опаснаго политическаго преступника. Зрѣлище, во всякомъ случаѣ, любопытное!

Ему пришли поклониться тѣ самые придворные директора театровъ, тѣ самые музыкальные критики, тѣ самые капельмейстеры, тѣ самые артисты, которые такъ недавно объявляли «Кольцо Нибелунга» неисполнимою безсмыслицей. И эта безсмыслица была исполнена въ Байрейтѣ въ 1876 году съ такимъ успѣхомъ, что она, несмотря на яростныя нападки прессы, въ нѣсколько лѣтъ завоевала себѣ всѣ крупныя сцены Германіи, а вскорѣ и всей Европы. Болѣе яркаго торжества артиста надъ борющимся съ нимъ міромъ пошлости исторія искусства не знаетъ.

Но если побѣда Вагнера въ 1876 году была торжествомъ идеи надъ инерціей художественнаго міра, то дальнѣйшая исторія Байрейта являетъ собою картину безмѣрнаго тщеславія человѣка, который подъ вліяніемъ обоготворившей его среды, преимущественно женщинъ, возмнилъ себя кумиромъ, и изъ Байрейта сдѣлалъ себѣ жертвенникъ, омиамъ съ котораго окуривалъ не только гордую голову артиста, но также пріятно щекоталъ, и еще и теперь щекочетъ, ноздри его честолюбивой жены и дѣтей.

Доказавши въ 1876 году всему міру, что «Кольцо Нибелунга» есть одно изъ величайшихъ художественныхъ произведеній, Вагнеръ долженъ былъ подарить его міру, и остаться въ сторонѣ отъ всякихъ предпріятій, хотя бы имѣвшихъ самый идейный видъ. Но слишкомъ велико было искушеніе—заставить весь міръ кланяться артисту еще и еще разъ—и Вагнеръ не устоялъ. Онъ создалъ «Байрейтъ»—этотъ храмъ тщеславія, этотъ памятникъ той истины, что въ великомъ художникѣ живетъ еще и обыкновенный человѣкъ, который любитъ вкушать человѣческія удовольствія, изъ нихъ же одно изъ самыхъ сильныхъ—поклоненіе толпы, особенно если въ нее вмѣшано достаточное количество сильныхъ міра сего.

Первоначально Вагнеръ хотѣлъ давать «Кольцо Нибелунга» только въ Байрейтѣ—это значило, заставить весь міръ не только поклоняться артисту, но еще и приходиться для этого къ нему. Устроить изъ Байрейта мѣсто паломничества правовѣрныхъ поклонниковъ Вагнера—было очень соблазнительно. Но постановка «Кольца» въ 1876 году обошлась такъ дорого, что Вагнеръ вошелъ изъ-за нея въ чрезвычайныя долги. Чтобы привести свои дѣла въ порядокъ, онъ продалъ право постановки «Кольца» бойкому антрепренеру Анжело Нейману, который съ огромнымъ успѣхомъ далъ со своей страпствующей труппой «Кольцо» во всѣхъ большихъ городахъ Европы, и тѣмъ доставилъ и Вагнеру значительныя денежныя средства. Теперь мы видимъ ясно, да Вагнеръ и самъ это видѣлъ и тогда, что Нейманъ сдѣлалъ (изъ-за своихъ матеріальныхъ интересовъ) для распространенія «Кольца» и другихъ оперъ Вагнера гораздо больше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать когда-нибудь «Байрейтъ».

Но Вагнеру было мало тѣхъ овацій и привѣтствій, которыми сопровождалось исполненіе его оперъ на главныхъ сценахъ Европы. Онъ хотѣлъ, чтобы люди шли кланяться къ нему въ Байрейтъ, чтобы они кланялись не только ему, но и его женѣ, и его сыну, и онъ на 65-мъ году своей жизни приводитъ въ исполненіе свою давнишнюю мечту, пишетъ по-

свѣдную свою оперу «Парсифаль», закрѣпляетъ исключительное право ея исполненія за Байрейтомъ (съ 1882 г.), и тѣмъ надолго обезпечиваетъ Байрейтскія паломничества (до 1913 г.—30-тилѣтіе со дня смерти Вагнера). Вагнеріанцы приводятъ различные возвышенные доводы въ защиту той странной мысли, что художественное исполненіе «Парсифаля» возможно только въ Байрейтѣ. Я участвовалъ въ Байрейтскихъ спектакляхъ въ 1906 году, видѣлъ весь механизмъ этого предпріятія, и считаю возможнымъ утверждать, что назначеніе Байрейта теперь—удовлетвореніе тщеславія семьи Вагнера: его жены, которая, несмотря на свои годы, все еще вѣшшивается во всё мелочи постановки, его сына Зигфрида Вагнера, самаго посредственнаго дирижера, его зятя Байдлера, также плохо дирижирующаго въ Байрейтскихъ спектакляхъ. Никто лучше Вагнера не понималъ, что мозгъ художественнаго организма, особенно такого, какъ Вагнеровскія оперы, это—капельмейстеръ, и если бы онъ увидѣлъ, что дѣлаютъ изъ его произведеній его сынъ и зять, то при своей вспыльчивости онъ былъ бы въ состояніи разрушить Байрейтскій театръ. Самъ Вагнеръ искренно мечталъ о созданіи образцоваго исполненія въ Байрейтѣ, но мысль объ окончательномъ закрѣпленіи «Парсифаля» за Байрейтомъ, вѣроятно, больше принадлежитъ честолюбивой его женѣ, чѣмъ ему самому. Безъ «Парсифаля» и безъ личнаго присутствія Рихарда Вагнера Байрейтъ потерялъ бы всякое значеніе, и ни князья, ни музыканты не считали бы своимъ долгомъ свидѣтельствовать свое почтеніе Бозимъ и Зигфриду Вагнеръ. Въ 1881 году Вагнеръ, отказывая Нейману въ правѣ постановки «Парсифаля», писалъ ему: «Двадцать лѣтъ моей жизни потратилъ я на то, чтобы основать «Байрейтъ», потому что въ немъ я вижу глубокую идею»... То, что я создалъ здѣсь въ уединеніи, куда люди должны придти *по мнѣ*, могло бы впоследствии получить и дальнѣйшее распространеніе, но это уже дѣло кого-либо другого... «Парсифаль» пойдетъ только въ Байрейтѣ. Никогда (?) не позволю я его дать на какомъ-нибудь придворномъ или городскомъ театрѣ, развѣ только возникнетъ настоящій Вагнеровскій театръ—«ein Bühnen-Weih-Theater», который—конечно, странствуя, распространять по свѣту то, что я въ чистотѣ и полномъ видѣ вырастилъ *на моемъ* театрѣ въ Байрейтѣ».

Изъ сказаннаго уже очевидно, что въ лицѣ Вагнера мы имѣемъ предъ собою не только покорившаго весь міръ художника, но одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи культуры характеровъ.

Въ Вагнерѣ какъ бы сгустились характерныя національно-нѣмецкія черты, и потому изученіе его біографіи имѣетъ огромный психологически-національный интересъ. Къ тому же матеріалы къ біографіи Вагнера собраны въ такомъ невѣроятно-огромномъ количествѣ, какъ это едва ли встрѣчается еще разъ по отношенію къ другому великому человѣку.

Вокругъ имени Вагнера возвышается огромная вагнеровская бібліотека, состоящая изъ безчисленнаго множества написанныхъ о немъ боль-

ших и малых книгъ. Среди всѣхъ этихъ матеріаловъ наибольшій интересъ имѣютъ, конечно, собственные письма Вагнера, обнародованныя уже въ огромномъ количествѣ (издана даже особая книга Альтмана, регистрирующая эти письма съ изложеніемъ ихъ содержанія), и его автобіографическія замѣтки, разсѣяныя въ 10 томахъ его литературныхъ сочиненій. Написанная Вагнеромъ въ концѣ его жизни автобіографія еще не напечатана. Среди книгъ, написанныхъ о Вагнерѣ, главнѣйшими являются: Glasenapp: «Das Leben Rich. Wagners», въ 4-хъ томахъ (4-е изданіе; біографія доведена до 1872 г.; 5-й томъ еще не вышелъ) и Chamberlain: «R. Wagner» (одинъ большой томъ по-нѣмецки, посвященный главнымъ образомъ изложенію ученій Вагнера и содержанія его оперъ). Огромное значеніе имѣютъ три небольшія статьи о Вагнерѣ Фр. Ницше: «R. Wagner in Bayreuth», написанная въ 1875 году и посвященная прославленію имени Вагнера; «Der Fall Wagner» и «Nietzsche contra Wagner», написанная въ 1888 году и представляющая собою яростный, огненный памфлетъ противъ недавняго своего близкаго друга.

Рихардъ Вагнеръ родился 22 мая 1813 г. въ Лейпцигѣ. Онъ былъ девятимъ ребенкомъ въ семьѣ. Его отецъ, вице-актуаріусъ при лейпцигскомъ городскомъ судѣ, умеръ, когда Рихарду было всего 6 мѣсяцевъ. Черезъ два года его мать вышла вторично замужъ за близкаго друга ихъ семьи Лудвига Гейера, который оставилъ глубокое впечатлѣніе въ душѣ ребенка, несмотря на то, что онъ тоже умеръ, когда Рихарду было всего 7 лѣтъ.

Перечитывая въ 1870 году переписку Гейера съ его матерью, Вагнеръ пришелъ къ убѣжденію, что Гейеръ былъ его тѣлеснымъ отцомъ. Этотъ Гейеръ былъ выдающимся актеромъ, талантливымъ живописцемъ-портретистомъ, и писалъ имѣвшія успѣхъ пьесы. Черезъ него семья Вагнера стала въ очень близкія отношенія къ театру, благодаря чему его сестры Луиза, Розалія, Клара и братъ Альбертъ уже въ отроческомъ возрастѣ принимали участіе въ спектакляхъ. Изъ нихъ Розалія сдѣлалась извѣстной актрисой (умерла въ 1837 году). Впоследствии пріобрѣла большую извѣстность, какъ пѣвица, еще Юганна Вагнеръ, дочь брата Альберта.

Свое научное образованіе Рихардъ получилъ въ средней школѣ сперва въ Дрезденѣ, позже въ Лейпцигѣ. Занятія его шли хорошо, пока не овладѣла имъ страсть къ музыкѣ. Изъ научныхъ предметовъ Вагнера больше всего интересовала филологія: 13 лѣтъ онъ перевелъ двѣнадцать книгъ «Одиссеи». Около этого же времени онъ занялся самостоятельно англійскимъ языкомъ, чтобы читать Шекспира въ подлинникѣ. Подъ впечатлѣніемъ этого драматурга Вагнеръ два года былъ занятъ сочиненіемъ трагедіи. Въ лейпцигскій университетъ Вагнеръ поступилъ уже въ качествѣ «студента музыки» въ 1831 году; здѣсь онъ пробылъ всего два года, ведя веселую студенческую жизнь и менѣе всего посвящая свое время какому-нибудь наукамъ. Зато онъ впервые занялся правильнымъ изученіемъ

ель теоріи музыки подь руководствомъ большого знатока контрапункта Т. Вейнлига. Менѣе чѣмъ въ полгода Вейнлигъ прошелъ съ своимъ ученикомъ всё премудрости контрапункта, и могъ сообщить матери своего ученика, что все, чему онъ могъ его научить, Рихардъ уже знаетъ. Это сообщеніе тѣмъ болѣе обрадовало мать Вагнера, что до того времени его учителя музыки (его пробовали учить на рояли и на скрипкѣ, и по теоріи музыки) давали о немъ самыя безнадежныя отзывы: горячій темпераментъ Рихарда не давалъ ему возможности одолѣть трудности какого-либо инструмента, и на рояли Вагнеръ такъ и не умѣлъ никогда играть порядочно съ технической стороны. Но еще до занятій съ Вейнлигомъ Вагнеръ проникъ въ «святая святыхъ» музыкальнаго міра, услышавъ въ Гевандгаузѣ (концертное учрежденіе въ Лейпцигѣ) оркестровыя сочиненія Бетховена. Это было для него настоящимъ откровеніемъ: онъ переписывалъ Бетховенскія партитуры, и къ семнадцати годамъ былъ такъ глубоко знакомъ съ музыкой Бетховена, что вызывалъ искреннее изумленіе въ тогдашнемъ директорѣ музыки придворнаго театра въ Лейпцигѣ, Генрихѣ Доригѣ.

Результатомъ занятій Вагнера у Вейнлига было нѣсколько оркестровыхъ и фортепьянныхъ сочиненій, въ томъ числѣ фортепьянная соната, напечатанная въ 1832 году у Breitkopf u. Härtel, и С-dur симфонія, исполненная въ Гевандгаузѣ въ 1833 году съ значительнымъ успѣхомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ теперь очень трудно отыскать хотя бы намекъ на будущаго Вагнера, въ нихъ даже не замѣтно зародыша гениальнаго дарованія будущаго драматическаго композитора. Чтобы получить толчокъ къ творчеству, музыкальное дарованіе Вагнера должно было оплодотвориться драматическимъ сюжетомъ. Но и этотъ толчокъ пробудилъ силы Вагнера далеко не сразу: первая попытка сочиненія оперы «Die Hochzeit» была имъ самимъ уничтожена по совѣту сестры Розалин (1832 г.).

Съ 1833 года начинаются годы странствованія Вагнера. Онъ рѣшилъ сдѣлаться музыкантомъ, и началъ свою карьеру съ Вюрцбурга, гдѣ братъ его Альбертъ былъ пѣвцомъ и режиссеромъ. Здѣсь Вагнеръ былъ недолго хормейстеромъ. Въ 1834 г. Вагнеръ дѣлается капельмейстеромъ оперы въ Магдебургѣ. Послѣ банкротства опернаго предпріятія здѣсь, Вагнеръ въ 1837 г. пробылъ недолго капельмейстеромъ оперы въ Кенигсбергѣ, и въ томъ же году получилъ мѣсто капельмейстера городской оперы въ Ригѣ, гдѣ пробылъ до весны 1839 г. Изъ Риги Вагнеръ, тайно перебравшись черезъ границу (онъ не могъ получить паспорта, не уплативши свои долги кредиторамъ), отправился моремъ черезъ Лондонъ въ Парижъ, имѣя твердое намѣреніе завоевать этотъ центръ музыкальнаго вліянія: онъ везъ съ собою партитуру двухъ актовъ своей оперы «Риенци».

Протекшія годы имѣли огромное значеніе для развитія Вагнера во всѣхъ отношеніяхъ. Сдѣлавшись впервые самостоятельнымъ, онъ прошелъ суровую школу нужды, испыталъ на себѣ, какъ вліяетъ на дружбу и родственныя отношенія необходимость помочь нуждающемуся (богатый издатель

Фр. Брокгаузъ, жепатый на сестрѣ Вагнера Луизѣ, своимъ упреками за долги довелъ Вагнера до совершеннаго разрыва съ нимъ); но все это только укрѣпляло его способность къ жизненной борьбѣ. Потерявши мѣсто въ Ригѣ изъ-за интригъ вытѣснившаго его Дорна, Вагнеръ пишетъ директору театра просьбу о денежной помощи, обѣщая для уплаты ея взять на себя какой угодно трудъ, «за исключеніемъ чистки сапогъ и ношенія воды, такъ какъ послѣднее вредно для груди; я согласенъ даже переписывать ноты». «Я увѣренъ вы съ восторгомъ воспользуетесь случаемъ мнѣ помочь, хотя бы для того, чтобы міръ могъ впоследствии сказать о васъ: это былъ человекъ, который и т. д.»

Не менѣе, чѣмъ денежные затрудненія, испортила отношенія Вагнера съ родными женитьба его на Вильгельминѣ Планеръ, актрисѣ, въ которую онъ влюбился въ Магдебургѣ: когда она уѣхала оттуда въ Берлинъ, Вагнеръ письменно сдѣлалъ ей предложеніе, угрожая въ случаѣ отказа «предаться пьянству и какъ можно быстрее отправиться къ чорту». Минна сдѣлалась его женою въ Кенигсбергѣ въ 1836 году. Эта женитьба имѣла очень большое вліяніе на дальнѣйшую жизнь Вагнера. Минна была всего на четыре года старше Вагнера, но по мѣщанской мудрости своего мировоззрѣнія она всегда была старухой рядомъ со своимъ огненнымъ мужемъ, который до самой смерти сохранялъ стремительность юноши-идеалиста, ставшаго достиженіе своего художественнаго идеала выше всякихъ земныхъ благъ. Это коренное различіе въ мировоззрѣніи сказалось очень быстро въ ихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе супруги прожили вмѣстѣ болѣе 20-ти лѣтъ, пока ихъ не разлучила романтическая катастрофа, о которой будетъ рѣчь ниже. Среди отношеній къ роднымъ для Вагнера наибольшей поддержкой была любовь его матери. «Развѣ не ты оставалась неизмѣнно вѣрною ко мнѣ, когда другіе, судящіе единственно по внѣшнимъ событіямъ, философски отъ меня отвернулись? У тебя все исходитъ изъ сердца, изъ милого добраго сердца, которое да сохранить мнѣ Богъ навсегда—ибо я знаю, если меня все покинетъ, оно будетъ моимъ послѣднимъ, любимымъ убѣжищемъ» (письмо Вагнера къ матери изъ Магдебурга).

Въ музыкальномъ отношеніи капельмейстерство Вагнера дало ему возможность развить свой первоклассный дирижерскій талантъ, изучить весь современный оперный репертуаръ и новѣйшую инструментовку, познакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ интимной стороной театральной жизни, приобрести то артистическое чутье и вѣрную оцѣнку сценическихъ впечатлѣній, которыя сдѣлали изъ него выдающагося режиссера при постановкѣ своихъ оперъ.

Въ этому періоду относятся первыя оперы Вагнера: «Die Feen» (въ стилѣ Вебера—была поставлена только послѣ смерти Вагнера), «Das Liebesverbot» (подъ сильнымъ вліяніемъ итальянской и французской оперы—была поставлена всего одинъ разъ, и то очень неудачно, самимъ Вагнеромъ въ Магдебургѣ въ 1836 г.); нѣсколько оркестровыхъ сочиненій и романсовъ. Между прочимъ Вагнеромъ былъ написанъ въ ноябрѣ 1837 г.

глицъ въ честь Николая I (текстъ Брагеля), исполнявшійся неоднократно въ Ригѣ (не сохранился). Замѣчательно, что до Вагнера не дошло, повидимому, извѣстіе о постановкѣ въ 1836 году «Жизни за Царя», оперы, представляющей послѣ «Фрейшютца» Вебера величайшее событіе въ исторіи музыки. Еще болѣе замѣчательно и характерно для Вагнера, что и позже, въ 1863 г., когда онъ съ такимъ триумфомъ дирижировалъ концертами въ Петербургѣ, имя Глинки совсѣмъ не дошло до его слуха. Съ другой стороны и Глинка, жившій въ Берлинѣ въ 1856—57 г., ни разу не упоминаетъ имени Вагнера, «Тангейзеръ» котораго былъ поставленъ въ Дрезденѣ уже въ 1845 г. Какъ странно, что эти два композитора, создавшіе самое великое, что мы имѣемъ въ оперѣ, жившіе одновременно и иногда такъ близко другъ отъ друга, совсѣмъ не встрѣтились!

Быть можетъ, при видѣ партитуры «Руслана» Вагнеръ былъ бы вынужденъ признать, что его путь не есть единственный путь къ истинѣ. Впрочемъ, едва ли! Вагнеръ былъ слишкомъ нѣмецъ, чтобы признать, что есть спасеніе и внѣ «вагнеріанства» *).

Если въ упомянутыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ еще совершенно нельзя было угадать будущаго творца «Нибелунговъ», то также мало проглядываетъ въ его тогдашнихъ литературныхъ статьяхъ будущій идейный реформаторъ оперы. Первая статья Вагнера была напечатана въ 1834 г. въ журналѣ Генр. Лаубе, извѣстнаго представителя тогдашней «юной Германіи», съ которымъ Вагнеръ близко сошелся въ своей недавней студенческой жизни. Въ этой статьѣ Вагнеръ нападаетъ на нѣмецкую оперу за ея педантскую ученость и отсутствіе жизни, и ставитъ выше ея французскую и итальянскую оперу. «Я не хочу, чтобы французская или итальянская музыка вытѣснила нашу, но мы должны узнать, что есть истиннаго у нихъ, и беречься себялюбиваго лицемѣрія». Вагнеръ въ особенности любилъ тогда Беллини, хотя видѣлъ уже и тогда его слабыя стороны. «Пѣніе, пѣніе и еще разъ пѣніе, вы нѣмцы!—пишетъ онъ въ рижской газетѣ.—Пѣніе есть тотъ языкъ, на которомъ человѣкъ изъясняется музыкально».

Отмѣчу еще одну черту въ писаніяхъ Вагнера, сохранившуюся въ немъ до конца жизни. Онъ уже и тогда не чувствовалъ неловкости самому восхвалять себя и свои произведенія. Это поражаетъ въ его письмахъ, это отталкиваетъ отъ него, когда узнаешь, что впослѣдствіи онъ былъ главнымъ сотрудникомъ въ *Bayreuther Blätter*, журналѣ, посвященномъ съ 1876 г. специально восхваленію личности и дѣяній Байрейтскаго идола.

*) Еще болѣе, можетъ быть, жаль, что Глинка не зналъ оперъ Вагнера. Какой бы толчокъ могло бы дать такое знакомство гению Глинки, подавленному пошлостью окружающей его среды. Подумать только, что Львовъ (авторъ нашего гимна), вытѣсавшій Глинку съ концертныхъ программъ въ Петербургѣ, умудрился, благодаря своимъ связямъ, добиться постановки въ Дрезденѣ въ 1844 г. (Вагнеръ былъ въ то время капельмейстеромъ въ Дрезденѣ) своей оперы „Біанка“ (это въ то время, когда русская знать осмѣивала „Руслана“!), выдержавшей всего три представленія. Въдесли бы вмѣсто этой „Біанки“ въ Дрезденѣ дали „Руслана“, встрѣтились бы Глинка и Вагнеръ!

Въ 1835 г. Вагнеръ еще не имѣлъ своихъ жрецовъ, ему приходилось самому курить себѣ өмміамъ. Онъ пишетъ изъ Магдебурга корреспонденцію въ музыкальную газету Роб. Шумана, въ которой, подъ чужой фамиліей, упрекаетъ публику за непосѣщеніе концертовъ подъ управленіемъ дирижера «полнаго огня и свадебнаго (?) восторга», или восхваляетъ Магдебургскую оперу «подъ управленіемъ молодого, способнаго музика-директора Вагнера»; или жалеетъ о неудачномъ исполненіи новой оперы Вагнера «Das Liebesverbot». «Въ ней есть многое, и, что мнѣ нравится, все звучитъ: это та музыка и мелодія, которую намъ приходится отыскивать въ современной нѣмецкой оперѣ». Для начала недурно! Здѣсь уже виденъ зародышъ того самовозвеличенія, которое такъ поражаетъ впоследствии въ Вагнерѣ.

Въ Парижъ Вагнеръ пріѣхалъ осенью 1839 г. съ хорошенькой молодой женой и большой ньюфаундлендской собакой, Роберомъ. Онъ пріѣхалъ сюда съ цѣлью завоевать музыкальный міръ, какъ это такъ недавно сдѣлалъ Мейерберъ.

Въ нему-то Вагнеръ и обратился за поддержкой и встрѣтилъ самое любезное сочувствіе. Тогдашній властитель оперной сцены въ Парижѣ и Берлинѣ еще не видѣлъ въ молодомъ композиторѣ соперника: то, что Вагнеръ исполнилъ передъ нимъ изъ своего «Ріенци», заставляло Мейербера видѣть въ немъ своего послѣдователя, пока еще для него неопаснаго. И дѣйствительно, тогда Вагнеръ стоялъ еще на точкѣ зрѣнія большой парижской оперы: историческая опера съ участіемъ народныхъ массъ должна была покорить ему міръ; онъ видѣлъ въ Галеви и Мейерберѣ великихъ композиторовъ. Въ статьѣ о нѣмецкой музыкѣ (отрывокъ ея, оставшійся ненапечатаннымъ) онъ пишетъ въ 1840 г. по поводу 4-го акта «Гугенотовъ»: «нельзя себѣ представить, чтобы въ этомъ направленіи можно было создать что-нибудь еще болѣе высокое».

Покровительство Мейербера не дало осязательныхъ для Вагнера результатовъ въ Парижѣ. Всѣ старанія Вагнера добиться постановки его «Liebesverbot» или написаннаго уже въ Парижѣ «Летучаго голландца» остались безуспѣшны. Тѣснимый нуждой, онъ былъ даже принужденъ продать набросокъ либретто «Голландца» за 500 франковъ директору Большой оперы, Пилле, который поручилъ окончательную обработку этого текста Полю Фуше, а музыку нѣкому Дитшу. Но зато именно Мейерберу обязанъ былъ Вагнеръ тѣмъ, что его «Ріенци» былъ принятъ къ постановкѣ въ Дрезденѣ, а «Голландецъ» былъ принятъ (по крайней мѣрѣ, въ видѣ обѣщанія, исполненнаго, впрочемъ, только въ 1844 г.) въ Берлинѣ. Среди непрерывной борьбы за существованіе, поглощавшей почти всѣ силы Вагнера въ Парижѣ, поддержка Мейербера была для него свѣтлымъ лучомъ надежды. Описывая тягость своего положенія въ Парижѣ и потерю надежды добиться постановки «Голландца» здѣсь, Вагнеръ кончаетъ свое письмо къ Мейерберу въ декабрѣ 1841 года: «Тогда открылось для меня Евангеліе, ибо вашей цѣнной рукой тамъ было написано: я постараюсь добиться принятія посланной вами оперы («Голландецъ») графомъ Редернъ (интендантъ

королевской оперы въ Берлинѣ). Ахъ, если бы вы знали, какое неизмѣримое благодѣяніе вы мнѣ этимъ оказали». Не будемъ удивляться эмфатическому слогу этого письма. Письма Вагнера очеѣь часто производятъ впечатлѣніе, какъ будто они писаны не для прочтенія ихъ адресатомъ, а для исполненія ихъ передъ публикой на какой-нибудь большой сценѣ. Въ Вагнерѣ безсознательно жилъ величайшій актеръ. На это настойчиво указывалъ Ницше, бывшій съ нимъ такъ близокъ нѣсколько лѣтъ. Этимъ же свойствомъ Вагнеровскаго характера объясняется то необыкновенное вліяніе, которое производила его личность на окружающихъ: рѣдко кто изъ великихъ людей могъ бы похвалиться такимъ количествомъ лично преданныхъ ему друзей, которые считали свою жизнь назначенной для служенія не только искусству Вагнера, но и ему лично.

Правда, у мужчинъ *) эта дружба иногда переходила въ жестокую ненависть, нерѣдко личнаго характера, но у женщинъ, эта дружба сохранялась до конца ихъ жизни.

Уже начиная съ Парижа, Вагнеръ всю жизнь имѣлъ вокругъ себя вездѣ хоть нѣсколько человѣкъ искренно преданныхъ ему друзей.

Такими были для него въ Парижѣ нѣмцы: художникъ Бицъ, библиографъ Андерсъ и филологъ Леерсъ. Этотъ кружокъ друзей настолько скрашивалъ жизнь четы Вагнеръ въ Парижѣ, что воспоминанія о нихъ были надолго для Вагнера и его жены одними изъ самыхъ дорогихъ въ ихъ жизни. Другія встрѣчи Вагнера (съ Берліозомъ, Генрихомъ Гейне) были болѣе мимолетны.

Матеріальная сторона жизни Вагнера въ Парижѣ (1839—1842 г.) была тяжела, такъ какъ кромѣ своихъ музыкальныхъ и литературныхъ талантовъ онъ не имѣлъ другихъ средствъ къ существованію.

Обращенія его за помощью къ зятю Брокгаузу встрѣчали мало сочувствія и сопровождались совѣтами «перемѣнить направленіе своей жизни». Болѣе дружески относился къ нему мужъ его младшей сестры (по матери), Цепплин, Авенариусъ, представитель фирмы Брокгаузъ въ Парижѣ; но много помогать ему Авенариусъ не могъ.

Въ Парижѣ Вагнеръ почти буквально исполнилъ свое юмористическое обѣщаніе (въ письмѣ къ директору рижскаго театра) взять на себя какую угодно работу: онъ работалъ на фирму Шлезингеръ, и поставлялъ ей музыкальныя статьи, переложенія оперъ для какихъ угодно инструментовъ, аранжировки и т. п.

Изъ его статей того времени имѣютъ интересъ по своимъ автобіографическимъ чертамъ двѣ новеллы «Eine Pilgerfahrt zu Beethoven» и «Das Ende eines deutschen Musiker in Paris».

*) „Дитя мое!—пишетъ Вагнеръ Матильдѣ Везендонкъ въ 1859 г.—Я не знаю никого, кому бы я такъ охотно открывался, какъ вамъ. Съ мужчинами это совсѣмъ не выходитъ. При всей ихъ дружбѣ, они не могутъ отрѣшиться отъ себя, для нихъ главное—защищать свое личное мнѣніе. Мужчина уже такъ созданъ: онъ живетъ самимъ собою».

Музыкальное творчество Вагнера въ Парижѣ дало окончаніе оперы «Риенци» и оперу «Летучій голландецъ»*), сюжетъ которой онъ заимствовалъ съ разрѣшенія Гейне изъ его «Мемуаровъ Шнабельвопснаго». Тексты всѣхъ своихъ оперъ Вагнеръ писалъ самъ. Съ «Голландца» нужно считать начало въ поворотѣ Вагнера на свой собственный путь. Если въ «Риенци» онъ еще вполне стоитъ на почвѣ большой исторической оперы со всеми ея формами, то въ «Голландцѣ» Вагнеръ уже обращается къ романтическому источнику народныхъ преданій; музыкальныя формы (арія, ансамбли) здѣсь еще старыя, но, помимо огромнаго темперамента, виднаго уже и въ «Риенци», въ «Голландцѣ» появляется тенденція къ развитію мотивовъ, ставшая впоследствии основой всей вагнеровской реформы.

Весной 1842 года Вагнеръ покинулъ Парижъ.

Въ 1842 году, отправляясь изъ Парижа, Вагнеръ шелъ навстрѣчу своимъ первымъ музыкальнымъ побѣдамъ: въ Дрезденѣ ставился его «Риенци». Переѣзжая Рейнъ, «бѣдный художникъ, я клялся съ свѣтлыми слезами на глазахъ въ вѣчной вѣрности моему нѣмецкому отечеству». Вагнеръ не предвидѣлъ, что черезъ 20 лѣтъ эта вѣрность подвергнется тяжкому испытанію и что только вторичное пораженіе въ Парижѣ окончательно укрѣпитъ его нѣмецкое національное самосознаніе.

«Риенци» былъ поставленъ въ Дрезденѣ 20 октября 1842 года съ полнымъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ обуславливался съ одной стороны огромнымъ музыкальнымъ темпераментомъ Вагнера, проявленнымъ имъ въ излюбленныхъ публикой формахъ, съ другой стороны превосходнымъ исполненіемъ «Риенци». Опера разучивалась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Вагнера, при необыкновенно воодушевленной поддержкѣ всѣхъ участвующихъ. «Пѣвцы и оркестръ разучиваютъ «Риенци» больше, чѣмъ съ любовью,—пишетъ Вагнеръ Авенариусу:—я не встрѣтилъ еще ни одного недоброжелателя». Исполнителями были такіе первоклассные пѣвцы, какъ Тишачевъ (теноръ) и Шредеръ-Девриентъ (меццо-сопрано). Вагнеръ радовался успѣху, какъ ребенокъ. «Триумфъ, триумфъ! — пишетъ онъ въ ту же ночь своимъ парижскимъ друзьямъ: — вы добрыя, вѣрныя, милыя сердца! День наступилъ! Пусть свѣтитъ онъ всѣмъ вамъ!»

Успѣхъ «Риенци» имѣлъ для Вагнера огромное значеніе. Прежде всего, онъ далъ нѣкоторую устойчивость его матеріальному положенію. Отъ королевской дирекціи онъ получилъ 300 талеровъ (900 марокъ) — танъемы (проспектальной платы) авторы тогда не получали; а въ январѣ 1843 г. онъ уже получалъ мѣсто второго капельмейстера королевской оперы въ Дрезденѣ (первымъ былъ Рейсигеръ, дирижировавшій первые пять представлений «Риенци») съ содержаніемъ въ 1,500 талеровъ въ годъ. Это устраивало Вагнера только до нѣкоторой степени: прежніе его кредиторы,

*) Къ тому же періоду относятся нѣсколько романсовъ и увертюра „Фаустъ“, гениальное произведеніе, въ которомъ особенно замѣчательны проблески различныхъ сторонъ дарованія будущаго Вагнера.

узнавши о его назначеніи, предъявили къ нему требованія объ уплатѣ, и положеніе его было бы критическое безъ помощи его новаго друга, пѣвицы Шредеръ-Девриентъ, которая предложила ему для уплаты его долговъ 1,000 талеровъ. Женщины и впоследствии неоднократно выручали Вагнера изъ такого положенія!

Для жены Вагнера успѣхъ «Риенци» и назначеніе ея мужа капельмейстеромъ означали достиженіе ея жизненнаго идеала. Занимать въ обществѣ почетное мѣсто «Frau Kapellmeisterin», получать доходы съ «Риенци», который на всю жизнь остался для нея лучшею въ мірѣ оперой—высшаго она не хотѣла и не могла желать. Для нея непонятна была, и она относилась съ враждою къ дальнѣйшей дѣятельности ея мужа, къ знакомствамъ его съ революціонерами въ 1848—49 году, изъ-за которыхъ онъ рисковалъ потерять мѣсто, къ сочиненію имъ оперъ, которыя были ей непонятны и не могли давать доходовъ. Въ этомъ коренномъ различіи въ мировоззрѣніи супруговъ лежала причина ихъ семейныхъ раздоровъ, и можно только удивляться, что они при вспыльчивомъ характерѣ Вагнера такъ долго прожили вмѣстѣ.

Для самого Вагнера успѣхъ «Риенци» означалъ въ художественномъ отношеніи еще очень мало. При сочиненіи «Голландца» онъ уже увидѣлъ, что сила его творчества несовмѣстима съ старыми оперными формами. Бонгурировать съ Мейерберомъ въ сочиненіи арій и хоровъ, столь любимыхъ публикой, онъ не могъ. Ему грезился новый идеалъ. Онъ хотѣлъ перенести въ драму тотъ приѣмъ развитія мотивовъ въ большое цѣлое, который составляетъ сущность Бетховенскаго симфоническаго творчества. Но то, что у Бетховена выросло, какъ чисто музыкальная форма изъ бессознательныхъ глубинъ его души, требовало для своего осуществленія въ творествѣ Вагнера драматическаго жеста, драматическаго движенія.

Только созерцая въ своемъ воображеніи такое драматическое положеніе, могъ Вагнеръ творить: онъ сочинялъ слова и музыку для иллюстраціи сценическаго положенія: одна изъ большихъ ошибокъ музыкальныхъ критиковъ—думать, что Вагнеръ сочинялъ музыку на свои тексты—онъ сочинялъ и музыку, и текстъ, рисующіе драматическое дѣйствіе. Вотъ почему для него оказалось все болѣе необходимымъ передвинуть сущность своей музыки въ оркестръ и строить ее по принципу развитія мотивовъ (который онъ такъ неудачно назвалъ «безконечной мелодіей»), дававшему ему несравненно большій просторъ, чѣмъ форма арій, связанная своимъ часто музыкальнымъ построеніемъ.

Вотъ музыкальный путь Вагнера отъ «Голландца» къ «Нибелунгамъ». Вотъ почему, въ предчувствіи своего истиннаго назначенія, Вагнеръ гораздо больше радовался успѣху своего «Голландца», котораго онъ поставилъ въ Дрезденѣ 2 января 1843 года, чѣмъ успѣху «Риенци»: «въ «Риенци» я гораздо болѣе прибѣгъ къ внѣшнимъ средствамъ, и въ общемъ эта опера гораздо болѣе подходитъ къ нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ о большой оперѣ» (письмо къ Юг. Шмидту).

Съ постановки «Голландца» начинается то раздѣленіе публики на друзей и враговъ вагнеровской музыки, которое такъ характеризуетъ положеніе музыкальнаго міра во второй половинѣ XIX вѣка. Первымъ противникомъ Вагнера оказался его недавній другъ и поклонникъ Генр. Лаубе. «До поздней ночи проспорили мы съ нимъ, — пишетъ позже Лаубе, — объ эстетическихъ принципахъ, и я напалъ на его основной принципъ, настаивая на томъ, что онъ хочетъ возвести въ общій законъ *только то*, что онъ самъ можетъ создать». Это замѣчательно характерныя для всей позднѣйшей дѣятельности Вагнера слова! Въ Лаубе присоединились вскорѣ большинство рецензентовъ и огромная часть музыкальнаго міра. Война была объявлена съ постановки «Тангейзера» въ Дрезденѣ 19 октября 1845 года. Замѣчательно, что большая публика и артисты немужыканты были всегда на сторонѣ Вагнера, всѣ его оперы съ первой своей постановки имѣли большой успѣхъ.

Злѣйшими его противниками были именно композиторы (Мендельсонъ, Мейерберъ, Шуманъ, Берліозъ), музыкальные критики и исполнители. Такъ, впрочемъ, было всегда въ искусствѣ, такъ, вѣроятно, всегда и останется: вѣдь признать новое направленіе въ искусствѣ, это—значить для однихъ отказаться отъ того, что привыкъ любить, какъ исполнитель, для другихъ—вовсе уступить свое мѣсто грядущему побѣдителю. Съ успѣхомъ «Риенци» покровительству со стороны Мейербера былъ положенъ конецъ. Онъ былъ слишкомъ свѣтскій человекъ, чтобы обнаружить свое недоброжелательство своему сопернику, но нѣтъ сомнѣнія, что именно его могущественнымъ давленіемъ на дирекціи театровъ объясняются тѣ странныя затрудненія, которыя встрѣтили оперы Вагнера для своего распространенія въ Германіи и въ Парижѣ. Впрочемъ, Вагнеръ не остался въ долгу передъ своими соперниками: онъ очень скоро показалъ имъ свои когти. Уже послѣ перваго представленія «Риенци», когда въ Дрезденѣ всѣ кумушки заговорили, что успѣхъ Вагнера объясняется тѣмъ, что онъ учился въ Парижѣ у Мейербера, Вагнеръ пишетъ Авенариусу: «Эти разговоры вгоняютъ меня въ могилу съ досады». Этой досадѣ онъ далъ выходъ черезъ десять лѣтъ въ своихъ статьяхъ о музыкѣ и іудеяхъ *). Но объ этомъ послѣ.

Но не однихъ враговъ доставили Вагнеру его оперы. Онъ приобрѣлъ ему и среди музыкантовъ искреннихъ, преданныхъ друзей. Мы уже назвали Девриентъ и Тишачека. Присоединимъ сюда еще хормейстера Фишера, режиссера Ферд. Гейне, Августа Рехеля и Франца Листа. Рехель былъ

*) Въ 1847 г. въ письмѣ къ Ганслику въ отвѣтъ на восторженную рецензію послѣдняго о „Тангейзерѣ“, въ которой было сказано, что эта опера самое значительное явленіе послѣ „Гугенотовъ“ Мейербера, Вагнеръ говоритъ: „Что меня, какъ цѣлый міръ, отдѣляетъ отъ васъ, это ваша высокая оцѣнка Мейербера. Я говорю это безпристрастно, тѣмъ болѣе, что я съ нимъ друженъ, и имѣю полное основаніе цѣнить его, какъ участливаго, любезнаго человека. Но въ понятіи „Мейерберъ“ я соединяю все, что мнѣ противно въ поставщикахъ оперной музыки, какъ внутренняя разорванность и внѣшняя вымученность“.

третьимъ капельмейстеромъ въ Дрезденской королевской оперѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ, подъ влияніемъ котораго Вагнеръ принялъ участіе въ революціи 1849 года, познакомившись съ Вагнеромъ и его сочиненіями, сдѣлался вѣрнѣйшимъ его другомъ до такой степени, что отказался отъ постановки своей оперы «*Farinelli*» и отъ дальнѣйшей композиторской дѣятельности, видя слабость своихъ творческихъ силъ рядомъ съ Вагнеромъ. Еще болѣе значеніе для Вагнера имѣла дружба Листа. Этотъ, не только гениальный музыкантъ, но и необыкновенно сердечный человѣкъ, вѣрный другъ всѣхъ начинающихъ талантовъ, проникся восхищеніемъ къ дарованію Вагнера, услышавши его «*Риенци*» и еще болѣе «*Голландца*» и «*Тангейзера*». Въ жизни Вагнера онъ сыгралъ большую роль.

Принимая должность королевскаго капельмейстера, Вагнеръ давалъ себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя ожидаютъ его со стороны дирекціи и со стороны музыкантовъ, если онъ станетъ проводить въ жизнь свои идеалистическія стремленія. Но съ одной стороны желаніе дать матеріальное обезпеченіе своей женѣ, съ другой—вѣра въ свои силы и въ обаяніе своего музыкальнаго идеала заставили его на шесть лѣтъ отдать всѣ свои силы Дрезденскому королевскому театру.

Время съ 1843 по 1849 годъ нужно считать блестящей эпохой въ исторіи Дрезденской оперы. Кромѣ постановки своихъ трехъ оперъ Вагнеръ обнаружилъ свой выдающійся дирижерскій талантъ въ управленіи операми Глюка, Моцарта и Вебера. Здѣсь ему пришлось вынести жестокую борьбу съ критиками и музыкантами, которые видѣли въ темпахъ Вагнера нарушеніе традицій. Для такого дирижера, какимъ былъ Вагнеръ, существуетъ единственная традиція — собственное художественное чувство. Если бы Вагнеръ могъ увидѣть, какъ нынче злоупотребляютъ «вагнеровскими традиціями» въ Байрейтѣ! Какъ будто самая вѣрная традиція можетъ замѣнить талантъ дирижера, какъ будто самый «вѣрный» темпъ въ рукахъ бездарности можетъ предохранить отъ гибели ввѣренное ей исполненію художественное произведеніе!

Въ числу самыхъ важныхъ заслугъ Вагнера нужно отнести исполненіе имъ нѣсколько разъ въ концертахъ, и всегда съ огромнымъ успѣхомъ, 9-й симфоніи Бетховена. До Вагнера эта симфонія считалась неудачнымъ произведеніемъ величайшаго композитора, и въ 1838 г. подъ управленіемъ Рейсигера потерпѣла полный провалъ. Для Вагнера именно эта симфонія была величайшимъ отравленіемъ въ музыкѣ (еще студентомъ онъ сдѣлалъ ее фортепианное переложеніе); въ ней чувствовалъ онъ глубочайшій роднигъ, питавшій его собственное вдохновеніе, и велика была его радость, когда онъ своимъ вдохновеннымъ исполненіемъ заставилъ почувствовать мощь и красоту этой музыки не только публику, но и музыкантовъ, бывшихъ до того противниками этой симфоніи (знаменитый скрипачъ Липинскій, концертмейстеръ Дрезденской оперы).

Если борьба съ художественнымъ безвкусіемъ публики и артистовъ

вызывала въ Вагнерѣ только новую охоту и желаніе ихъ переубѣдить, то борьба съ интригами и высокомеріемъ власть имущихъ театральныхъ «юнkerовъ» вызывала въ немъ все большее и большее отвращеніе, и привело его къ тому революціонному настроенію, которое такъ гармонировало съ приближающимся 1848 годомъ.

Распространеніе оперъ Вагнера встрѣчало рѣшительное и непобѣдимое сопротивленіе со стороны дирекцій театровъ особенно въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. Когда въ 1847 году, по желанію самого Вильгельма, Вагнеръ былъ вызванъ въ Берлинъ, чтобы самому дирижировать своей оперой «Риенци», бюрократіи удалось устроить такъ, что король не былъ ни на одномъ изъ представленій этой оперы, когда дирижировалъ Вагнеръ, и послѣ 8 спектаклей опера была снята съ репертуара». «Что могутъ намъ помочь проповѣди къ публикѣ,—пишетъ Вагнеръ Коссаку 23 ноября 1847 г.:—здѣсь нужно разрушить плотину, и средство къ этому называется «революція». Еще значительно хуже были отношенія Вагнера съ его собственнымъ начальникомъ, интендантомъ барономъ Люттихау.

Въ немъ Вагнеръ встрѣтилъ не только противника своихъ художественныхъ начинаній, но и крайне оскорбительное отношеніе къ себѣ лично. Въ отвѣтъ на просьбу объ увеличеніи жалованія, обращенную къ королю, Вагнеръ долженъ былъ въ 1848 году выслушать нотации Люттихау по поводу своей расточительности и угрозу увольненіемъ, если онъ не уплатитъ своихъ долговъ. Особую ненависть къ себѣ со стороны Люттихау вызвалъ Вагнеръ тѣмъ, что подалъ проектъ реорганизации театра, въ которомъ настаивалъ на томъ, что управленіе театрами должно быть изъято изъ рукъ придворной аристократіи. Отвѣтомъ со стороны Люттихау былъ отказъ поставить только что оконченную Вагнеромъ новую оперу «Лоенгриць» (окончена въ августѣ 1847 года).

Таково было личное настроеніе Вагнера по отношенію къ правящимъ классамъ, когда февральская революція привела въ броженіе всѣ слои населенія въ Саксоніи. Человѣкъ съ такимъ темпераментомъ, какъ Вагнеръ, не могъ молчать, когда заговорили камни.

По своему характеру Вагнеръ всегда испытывалъ отвращеніе къ политической дѣятельности: область его творчества было искусство, но сила вещей увлекла и его въ вихрь политическаго броженія, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей саксонской революціи былъ его близкій другъ Августъ Рекель, черезъ котораго онъ познакомился и близко сошелся съ другимъ гораздо болѣе знаменитымъ революціонеромъ Мих. Бакунинымъ. Послѣдній скрывался тогда въ Дрезденѣ подъ чужой фамиліей, и произвелъ на Вагнера обаятельное впечатлѣніе своей личностью.

Вагнеръ сдѣлался членомъ наиболѣе радикальнаго Vaterlandsverein'a, принималъ участіе въ тайныхъ собраніяхъ и въ открытыхъ митингахъ, и въ глазахъ дирекціи сталъ лицомъ, котораго слѣдовало бы немедленно удалить, если бы это не было рисковано въ тогдашнее смутное время.

Но и въ революціонныхъ кругахъ рѣчи и статьи Вагнера вызывали рѣзкіе протесты. Онъ былъ противъ республики, онъ отрицалъ также и необходимость конституціи, какъ выдумки иностранной, не соответствующей истинно-нѣмецкому духу. Для него королевская власть была священна, и его лозунгъ былъ: долой аристократическую бюрократію, и да здравствуетъ нѣмецкій король и нѣмецкій народъ. При такихъ воззрѣніяхъ Вагнера исходъ саксонской революціи могъ бы для него оказаться весьма благополучнымъ, если бы не ненависть къ нему бюрократіи. Его участіе въ майскомъ шестидневномъ возстаніи 1849 года въ Дрезденѣ было сравнительно самое невинное, если вспомнить, что знаменитый архитекторъ Земперъ въ это время строилъ баррикады, а пѣвица Шредеръ-Девриентъ съ балкона своей квартиры взывала объ отмщеніи за пролитую кровь гражданъ. Вагнеръ билъ на одной башнѣ въ набать и сочувствовалъ возставшимъ, — и этого было довольно, чтобы нагромоздить на него всяческія обвиненія вплоть до обвиненія въ поджогѣ королевскаго театра.

Возстаніе было подавлено прусскими войсками; Рекель, Бакунинъ и другіе были захвачены, Вагнеръ съ помощью Листа бѣжалъ въ Цюрихъ подъ чужой фамиліей.

Насколько Вагнеръ считалъ себя политически невиннымъ, видно изъ того, что онъ векорѣ послѣ майскаго возстанія просилъ Листа, игравшаго тогда огромную роль при веймарскомъ дворѣ, выхлопотать ему помощь отъ Веймарскаго герцога. Листъ съ трудомъ убѣдилъ своего друга отказаться отъ этой странной мысли. Дѣйствительно, странно было прибѣгать къ покровительству нѣмецкаго герцога челоуѣку, котораго Саксонское правительство объявило политическимъ преступникомъ, подлежащимъ изловленію и приведенію въ судъ. Не дешево обошлось Вагнеру егѡ политическое увлеченіе. Несмотря на хлопоты могущественныхъ друзей, несмотря на прямое обѣщаніе Вагнера не вмѣшиваться въ политику, онъ въ теченіе 13 лѣтъ не могъ вернуться на родину. Его друзьямъ революція обошлась нѣсколько дороже: Рекель и Бакунинъ были приговорены къ смертной казни, которую король замѣнилъ пожизненной тюрьмой. Мы увидимъ ниже, какъ «истинно-нѣмецкая» революціонная теорія Вагнера развилась у него въ «ученіе о возрожденіи».

Рекель остался революціонеромъ, и когда въ 1862 году, получивши свободу въ силу амнистіи, онъ свидѣлся въ первый разъ съ Вагнеромъ, то на вопросъ послѣдняго: «Что хочешь ты теперь дѣлать?» отвѣтилъ: «Nun—es wird fortgeföhlt». Къ Вагнеру Рекель навсегда сохранилъ свои дружескія чувства, о чемъ свидѣлствуетъ ихъ переписка.

Основное ощущеніе Вагнера, какъ только онъ почувствовалъ себя въ безопасности въ Цюрихѣ, это было радостное чувство свободы. Нѣтъ больше интендантовъ, которыхъ нужно убѣждать, что Веберъ великій композиторъ, нѣтъ больше музыкантовъ, которымъ нужно доказывать, что 9-я симфонія хорошая музыка! «Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ

я себя свободнымъ, совсѣмъ свободнымъ, здоровымъ, бодрымъ и веселымъ». Вагнеру только что минуло 36 лѣтъ. Съ окончаніемъ «Лоенгина» онъ почувствовалъ всю свою силу въ новомъ направленіи, которое онъ хотѣлъ дать оперѣ.

Теперь онъ хотѣлъ провести это направленіе послѣдовательно съ полнымъ уничтоженіемъ царившихъ до того времени оперныхъ формъ. Въ совершенію этого подвига Вагнеръ имѣлъ въ это время величайшую охоту какъ въ смыслѣ творчества, такъ и въ смыслѣ уничтоженія: ему предстояло свести свои счеты съ старымъ строемъ, со всею его ложью, какъ бы олицетворившейся для него въ лицѣ Мейербера.

Викторъ Вальтеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Проблемы новаго религіознаго сознанія *).

I.

О сладчайшемъ Иисусѣ и горькихъ плодахъ міра **).

Въ нынѣшнихъ «Религіозно-философскихъ собраніяхъ» поднимаются тѣ же темы, которыя волновали собою собранія 1902—1903 года. Это вопросы—о духѣ и плоти, «христіанской общинѣ» и общественности въ широкомъ смыслѣ; объ отношеніи церкви и искусства; брака и дѣвства; евангелія и язычества, и проч. и проч. Въ блестящемъ докладѣ «Гоголь и отецъ Матвѣй» Д. С. Мережковскій страстно поставилъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ искусству, въ частности—объ отношеніи, напр., Православія къ характеру Гоголевскаго творчества. Въ противоположность отцу Матвѣю, извѣстному духовнику Гоголя, онъ думаетъ, что Евангеліе совмѣстимо со сладкою преданпостью музамъ, что можно слушать и проповѣди отца Матвѣя, и зачитываться «Ревизоромъ» и «Мертвыми душами», отъ души смѣясь тамошнимъ персонажамъ. Паисосъ Дмитрія Сергѣевича, по крайней мѣрѣ въ ту пору, заключался въ идеѣ *совмѣстимости* Евангелія со всѣмъ, что такъ любилъ человѣкъ въ своей много-тысячелѣтной культурѣ. Ему охотно поддакивали батюшки, даже архіереи, и всѣ свѣтскіе богословы, согласно кивавшіе, что «конечно, Евангеліе согласно со всѣмъ высокимъ и благороднымъ; что оно *культурно*»: а посему культура и церковь, іерархи и писатели могутъ «гармонично» сидѣть за однимъ столомъ, вести пріятные разговоры и пить одинъ и тотъ же вкусный чай. Все было чрезвычайно пріятно и въ высшей степени успокоительно. Серветъ въ Женевѣ, Саванарола во Флоренціи, оба сожженные, не могли подать своего голоса въ нашихъ спорахъ. Съ другой стороны, «Союзъ рус-

*) Редакція *Русской Мысли*, сохраняя свою по существу совершенно нейтральную позицію по отношенію къ новѣйшему религіозно-философскому движенію, будетъ впредь удѣлять мѣсто на страницахъ журнала этому крупному культурному явленію. По вопросу, затронутому г. Розановымъ, редакція обѣщана еще статья С. Н. Булгакова. *Ред.*

**) Докладъ, читанный въ петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ въ ноябрѣ 1907 г.

скаго народа» еще не открывалъ своихъ дѣйствій. Мы дебатировали въ 1902 г., забывъ прошлое и не предвидя будущаго, отдавшись сладкой минутѣ.

Мнѣ кажется, вопросъ разрѣшается съ помощью мысленной инкрустаціи. Если кусокъ изъ прозы Гоголя, самый благожелательный, самый, такъ сказать, бьющій на добрую цѣль, вставить въ Евангеліе,—то получимъ рѣжущую, несносную какофонію, происходящую не отъ одной разнокачественности человѣческаго и Божественнаго, слабого и сильнаго, но отъ разно-категоричнаго: невозможно не только въ евангелиста вставить кусокъ Гоголя, но—и въ посланія котораго-нибудь апостола. Савлъ не до-воспитался до Павла, но *преобразился* въ Павла; къ прежней раввинской мудрости онъ не приставилъ новое звено, пусть новую голову—вѣру во Христа, нѣтъ: онъ извергъ изъ себя раввинство. Отношеніе въ немъ есть именно *Савла* и *Павла*: взаимно пожирающихъ другъ друга «я». И такъ бывало со всякимъ, обращавшимся ко Христу: пожираніе новымъ старого. Апостолъ Павелъ вовсе не предлагалъ аеннианамъ: «повѣруйте во Христа *сверхъ того, что* вы ходите на олимпійскія игры». Въ минуту отдыха, ну хоть какого-нибудь отдыха, суточного, часового,—онъ все же не пошелъ въ греческій театръ посмотрѣть трагедію. Тонкимъ чувствомъ психическихъ нюансовъ мы знаемъ твердо, что объ этомъ не только не рассказано въ «Дѣянїяхъ», но этого и *не было*. Павелъ въ театрѣ—невозможное зрѣлище!! Одобряющій игру актеровъ—какофонія! разрушеніе всего христіанства!! Между тѣмъ это было бы только то самое «примиреніе», «гармонія», о которой спрашиваетъ Д. С. Мережковскій. Да, Павелъ трудился, ѣлъ, обонялъ, ходилъ, былъ въ матеріальныхъ условїяхъ жизни: но онъ глубоко изъ нихъ вышелъ, ибо уже ничего болѣе *не любилъ* въ нихъ, ничѣмъ не *мобовался*. Онъ бралъ матерію только въ *необходимомъ* и *утилитарномъ*, онъ зналъ и нуждался только въ прозѣ плоти. Христось былъ единственнымъ цвѣткомъ на ней; моно-цвѣткомъ, если позволительно выразиться. «Я хожу, ѣмъ, сплю, вкушаю, но наслаждаюсь только Иисусомъ», можетъ сказать о себѣ всякій подлинный христіанинъ.

Христось никогда не *смѣялся*. Неужели не очевидно, что весь смѣхъ Гоголя былъ преступенъ въ немъ, какъ въ христіанинѣ?! Я не помню, *улыбался* ли Христось. Печать грусти, пепельной грусти—очевидна въ Евангелїи. Радости въ немъ есть, но совершенно особенныя, схематическія, небесныя; радости съ неизмѣримой высоты надъ землею и человѣчествомъ. Не будемъ обманываться «лиліями полевыми». Это во всякомъ случаѣ не ботаника и не садоводство, не наука и не поэзія, а только схема, улыбка надъ землею. Въ томъ и дѣло, что Евангелїе дѣйствительно не *земная* книга, и все земное въ высшей степени трудно связуемо или вовсе не связуемо съ нимъ въ одинъ узелъ; не связуемо иначе, какъ искусственно и временно. Позволю небольшую параллель. Наше ухо прожужжало слова: «христіанскій бракъ», «христіанская семья», «христіанскія дѣти». Какая иллюзія! Конечно—ничего подобнаго не было, и до

сключенія вѣка не будетъ!! Я вамъ предложилъ сдѣлать инкрустацию изъ Гоголя въ Евангелиста, и вы получили какофонію. Теперь я предложу вамъ представить одну изъ юныхъ женъ евангельскихъ, или котораго нибудь апостола,—извините за смѣлость,—влюбленнымъ. Я *извиняюсь*, и вы чувствуете, что я *долженъ* былъ извиниться. Отчего? По *мировой несовѣстимости* влюбленія и Евангелія. Я не читалъ «Жизни Иисуса» Ренана, но слышалъ, всегда въ словахъ глубочайшаго негодованія, что дерзость этого французскаго вольнодумца простерлась до того, что которое-то изъ евангельскихъ лицъ онъ представляетъ влюбленнымъ. *Вкусъ* всего міра, всѣхъ сонмовъ читателей Евангелія почувствовалъ въ этомъ глубочайшее *кощунство* надъ его *божественностью*. Это тотъ же вопросъ, что вопросъ объ отцѣ Матвѣѣ и Гоголѣ. Только это другой примѣръ. И, между тѣмъ, апостолы, какъ Петръ и Іаковъ, были *женаты*. Да, но какой-то особенной женитьбой, евангельской. Примѣръ, мною указанный, не пусть даже въ практическомъ отношеніи. Церковь позволяетъ священникамъ жениться, но на *комъ-нибудь* и сейчасъ, *безъ выбора и влюбленія*, т.-е. такъ все обставлено въ ихъ женитьбѣ, что женихъ можетъ или долженъ быть влюбленъ въ невѣсту не больше, чѣмъ офицеръ въ солдата. Отношенія офицера и солдата сохраняются, а любви нѣтъ; отношенія мужа и жены сохраняются въ христіанствѣ, но любовь, изъ которой, казалось бы, и рождается бракъ, пройдена гробовымъ въ немъ молчаніемъ, и даже *предназначеннымъ, роковымъ, по-ту-светнымъ*. Ни смѣха, ни влюбленности нѣтъ въ Евангеліи, и одна капля того или другого испепеляетъ всѣ страницы чудной книги, «раздираетъ завѣсы» христіанства.

Да, «мертвые» *возстали*, когда умеръ Христосъ, но зато таинственная «завѣса Соломонова храма»—она «разодралась»... А вѣдь «законъ» этого «храма» *) состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что при постройкѣ его нельзя было употребить, какъ инструмента или какъ части, хотя бы крошечнаго кусочка желѣза: ибо «изъ желѣза—*оружіе*, а оно укорачиваетъ жизнь» **). «Стало быть тайная мысль храма—*удлиненіе жизни*». Но оставимъ эти и многочисленныя другія знаменія. Вернемся къ нашей частной темѣ.

Ни Гоголь, ни вообще литература, какъ *игра, шалость, улыбка, грація*, какъ цвѣтокъ бытія человѣческаго, вовсе не совмѣстимъ съ *моноцвѣткомъ*, «Сладчайшимъ Иисусомъ». Но какъ же тогда *міръ*?—завоплю я съ Мережковскимъ. Какъ же тогда мы, въ *цветѣ* и *радости* своей жизни?

Все, что тогда говорили духовныя лица на докладъ Д. С. Мережковскаго,—что, напримѣръ, они пошли бы въ театръ, если бы театръ былъ

*) У Иезекіиля, въ видѣніи таинственнаго храма, употреблены термины: „надо знать законъ строяемаго храма“, „надо знать законъ жертвенника въ немъ“. Т.-с. *принципъ, существо, тайную идею* и храма и жертвенника.

**) Такъ, въ одномъ мѣстѣ „Талмуда“ объясняется полное и тщательное изгнаніе желѣза и изъ *материаловъ* его постройки, и изъ *орудій, инструментовъ*, послѣдствомъ которыхъ онъ строился.

лучше,—уклончивы, словесны и вытекаютъ изъ необходимости что-нибудь сказать, когда они явно не могутъ *ничего* сказать. Да, конечно, если бы на театральныхъ подмосткахъ вышли актеры и стали ревътъ о своемъ окаянствѣ, гг. епископы съ удовольствіемъ пошли бы на такое зрѣлище. Но предложите имъ сыграть на флейтѣ довольно невинную народную пѣсню: «Во-лузяхъ»,—и они откажутся. Имъ вовсе не *истинныя* удовольствія запрещены, имъ запрещено удовольствіе, какъ *таковое*. Все не *хрустное*—имъ не позволительно. Вино, чай, большія рыбы, варенье, хорошая квартира и мебель—собственно прокрались къ нимъ контрабандою. Но официально, въ законѣ, въ «церковныхъ правилахъ» рѣшительно невозможно сказать: «епископъ можетъ побаловаться хорошими рыбными столомъ», а что онъ, напримѣръ, долженъ ѣсть одни сухіе грибы—это можно сказать официально, по формѣ, вслухъ. Говоря такъ, я различаю въ христіанствѣ товаръ и контрабанду. Контрабандою прокрались въ христіанскій міръ и искусства, музы, Гоголь, хорошій столъ, варенье. «Это—позволено»; но никто не прибавитъ: «это—полезно» (формула ап. Павла), а въ этой-то прибавкѣ все и дѣло, вся поэзія, цвѣточекъ: коего рѣшительно не допускаетъ *моно-цвѣтокъ* Иисусъ.

Христіанство и Евангеліе сдѣлало собственно безконечное *расширеніе* объятій, я думаю—расширеніе *охвата*; широкое устье невода оно распустило на безконечность: но это—лишь «позволенное»—есть именно проявленіе его собственной доброты, снисхожденія, прощенія. Ну и Гоголя оно «прощаетъ», и Пушкина, и варенье; даже блудницу и блудъ, безъ коихъ, встать, не попали бы въ неводъ почти всѣ святые, начиная съ бл. Августина, знавшаго бурную молодость. Но *прощеніе*—это вовсе не то, что *призывъ*. Призваны-то христіане только къ *одному*—любви ко Христу. Конечно, Гоголь со всѣмъ своимъ творчествомъ, и ни мало его не прерывая, могъ бы «спастись». Но спасеніе спасенію рознь: есть *герои* спасенія, есть *великіе* въ христіанствѣ, есть поэзія христіанскаго спасенія, въ своемъ родѣ *духовный романъ*. Таковой прошли только мученики; и Гоголь сталъ и долженъ былъ стать мученикомъ, чтобы войти въ романъ и поэзію христіанства.

Дѣло въ томъ, что съ христіанской точки зрѣнія не возможна *акція*, *усиліе*, *прыжокъ*, *игра* въ сферѣ ли искусства, или литературы, или смѣха, гордости и проч. Варенье вообще дозволено, но не слишкомъ вкусное; лучше—испорченное, а еще лучше—если бы его не было; но когда оно есть и даже вкусное,—оно прощается... На этомъ основалась возможность христіанской *шири*. Неводомъ «прощенія», *доброты* своей, снисхожденія—христіанство охватило бездны предметовъ, ему вовсе ненужныхъ, въ его глазахъ ничтожныхъ; схватило «князя міра сего» и повлекло его—къ *уменьшенію*. Христіанство есть религія нисходящей прогрессіи, вѣчно стремящаяся и никогда не достигающая величина: «Христось+0». Въ каждый день и въ каждый вѣкъ и во всякомъ мѣстѣ и во всякой душѣ человѣческой получалось «Христось+еще что-нибудь», «Христось+богатство»,

«Христость+слава», «Христость+удобства жизни». Но это «что-нибудь», прибавленное ко Христу, въ душѣ нашей всегда только *снижилось*, и *малилось* по мѣрѣ возобладанія Христа. «Князь міра сего» *таялъ*, какъ снѣжный комъ, какъ снѣжная кукла весною около солнца Христа. Собственно былъ оставленъ христіанамъ очеркъ «Князя міра сего», семьи, литературы, искусства. Но *нервъ* былъ выдернутъ изъ него,—осталась кукла, а не живое существо. Какъ только вы попытаете оживлять семью, искусство, литературу, какъ только чему-нибудь отдадитесь «съ душою», — вы фатально начнете выходить изъ христіанства. Отсюда окрики от. Матвѣя на Гоголя. Не въ томъ дѣло, что Гоголь занимался литературою. Пусть бы себѣ занимался. Но варенье должно быть кисло. Гоголь *со страстью* занимался литературою: а этого нельзя! Монахъ можетъ сблудить съ барышней; у монаха можетъ быть ребенокъ; но онъ долженъ быть брошенъ въ воду. Едва монахъ уцѣпился за ребенка, сказалъ: «не отдамъ»; едва уцѣпился за барышню, сказалъ: «люблю и не перестану любить»,—какъ христіанство кончилось. Какъ только *серьезна* семья—христіанство вдругъ обращается въ шутку; какъ только серьезно христіанство—въ шутку обращается семья, литература, искусство. Все это есть, но не въ настоящемъ видѣ. Все это есть, но безъ идеала.

Но какъ же тогда? гдѣ *этому* всему мѣсто? Д. С. Мережковскій негодуетъ на *сѣрый*, или *пестрый* видъ христіанства, его полосатость: черная полоска, бѣлая полоска; скорбь,—но не вѣчная; монастырь и постъ,—но среди хорошаго ландшафта. Можно написать оду: «Размышленіе о Божіемъ величїи при видѣ сѣвернаго сіянія», но «Мѣднаго всадника» написать—грѣшно. Но что такое *чистый черный цвѣтъ*? Это—*смерть*, *гробъ*, о которомъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ своихъ докладовъ и коего рѣшительно невозможно вырвать изъ христіанства. Это его хребетъ и четыре ноги. «Гробомъ» оно бѣжитъ впередъ, на гробъ зиждется. Что такое чистый бѣлый цвѣтъ? Воскрешенный эллинь и іудей, воскрешенный Египетъ. Всѣ три въ свѣтозарномъ новомъ воплощенїи, съ какими-нибудь новыми нюансами, но въ существѣ—они. Вѣнецъ передъ Ковчегомъ Завѣта, «воспойте Господу на аркахъ», какъ говорила Іудиня. Эллинь есть успокоенный, не агитированный іудей; іудей безъ глубины. Іудей есть желтокъ того пасхальнаго яичка, скорлупу и бѣлокъ котораго составляетъ эллинизмъ; скорлупу раскрашенную, литературную, съ надписями «Христость Воскресе», съ изображенїями, живописью, искусствами. Мало ли что на скорлупѣ можно написать: цѣлую эллинскую цивилизацію. Но скорлупа со всѣми надписями хрупка, а бѣлокъ мало питателенъ и не растителенъ. Важнѣе всего внутри сокрытый желтокъ и въ немъ зародышевое пятнышко; это и есть *жизнь* съ его таинственнымъ обрѣзыванїемъ, вѣчный, неугаемый! Его сколько ни пинаютъ христіане—не могутъ запинать до смерти. Это—«пархатое» мѣсто всемірной исторїи, крайне не презентабельное на видъ, но которымъ весь міръ держится. Не даромъ египетскіе жрецы предупреждали римскихъ воиновъ: «Эй, не громите стѣну Серапеума: если

онъ разрушится, міръ—*не устоитъ*». Безъ Россіи міръ слишкомъ бы прожилъ; безъ Европы исторія была бы только короче. Но безъ всѣмъ не-симпатичнаго еврея исторія была бы безъ смысла, т.-е. безъ души. Еврей есть *душа* человѣчества, его интелехія.

Возвращаюсь къ подробностямъ доклада Д. С. Мережковского. Богъ имѣетъ не одно дитя—Исуса. Но двоихъ—міръ и Исуса. Міръ есть дитя Божіе, потому что сотворенъ Имъ. Какъ осколокъ, правомѣрный на бытіе, въ этомъ мірѣ есть и Гоголь, поэтъ, игра, шутка, грація, семья, эллинизмъ, іудей, да и все язычество. Все это—царство Бога-Родителя и продуктъ Его рожденія. Церковь не сразу, не въ апостольскій вѣкъ, но позднѣе, лѣтъ черезъ 200—300 послѣ Христа, задумалась: «какъ же міръ?» и отгѣнила, вынуждена была отгѣнить: «Сынъ Божій»—объ Исусѣ, «Боторый стоитъ въ тѣни и подобіи своего *Отца*». Но церковь только *назвала* Отца, не въ силахъ будучи что-нибудь о Немъ подумать;—изобразила Его въ видѣ стараго человѣка, впавши въ явный антропоморфизмъ. «Бога никогда же никто же видѣлъ»,—слова Новаго Завѣта: «нельзя видѣть Меня и не умереть»,—сказалъ о Себѣ Богъ Моисею. Но христіанскіе учителя всегда какъ-то видятъ и видѣли часть писанія, а *все* его никогда, кажется, не принимали во вниманіе. И вообще всѣ церковныя понятія какъ будто построены сквозь сонъ: тутъ вы найдете и яростный спиритуализмъ, и самый грубый антропоморфизмъ, и даже фетишизмъ. Все въ эклектическомъ «пестромъ» зданіи умищается. Вотъ въ эту *Отчую* Упостась, только нумераціонно названную, и входятъ міръ съ его сіяніемъ, съ его идеалами, съ комедіей, съ трагедіей, съ бытомъ народнымъ; міръ—святой во плоти, но святой—не во плоти *Сына*, но по *исхожденію* изъ плоти Отца. Такимъ образомъ въ кругѣ *Исусо-теизма* вопросъ Мережковского не находитъ никакого отвѣта, или получаетъ отвѣтъ рѣзко отрицательный. Но въ кругѣ *Три-Упостаснаго* исповѣданія церкви вопросъ находятъ полное и удовлетворительное разрѣшеніе. Но только церковь сама, кромѣ антропоморфическаго и грѣшнаго живописнаго представленія, кромѣ въ своемъ родѣ «выдачи документа на жительство»—ничего въ отношеніи къ Отцу не сдѣлала. Она, правда, говоритъ: «Творецъ міра», «Промыселъ». Но это—отвлеченные предикаты. Творцу міра и Промыслу молились и евреи, называя его собственнымъ, правда, никогда не произносимымъ именемъ, и египтяне, и вавилоняне. Вообще Промыселъ и Творца міра всегда всѣ народы знали, и признавъ «Отчую Упостась»—учители церковные, хоть безотчетно для себя, признали въ сущности весь языческій міръ. Случись это три вѣка назадъ, апостолу Павлу не съ чѣмъ было бы и бороться. Его борьба съ высшихъ точекъ зрѣнія самой церкви была недоразумѣніемъ. Никакихъ не было реальныхъ причинъ изъ Савла обращаться къ Павлу, потрясать Синай, становиться презрительною пятою на Олимпъ и Баптіолій: гдѣ подъ умаленными именами, не настоящими именами—поклонялись истинному существу Божію; славили въ святыхъ твореніяхъ святого Творца. Но загадка исторіи заключается въ томъ, что былъ именно *Сынъ*

и затѣмъ сталъ именно *Павелъ*, а не просто былъ Павелъ, прибавившій къ раввинской мудрости знаніе Христа. Навсегда останется тайною: отчего же Никодимъ не призналъ Христа? Отчего Его не принялъ Гамалиилъ, и вообще кроткіе евреи, совершенно будто христіане по очерку души, по быту и характеру? Ничего они объ этомъ не рассказали и скрыли въ какомъ-то молчаніи главную тайну міра. А еслибы они ее сказали, то не было бы столкновенія со. Матвѣя и Гоголя. Не было бы инквизиціи, не было бы истребленія ею инковъ и перуанцевъ. Не возникъ бы съ какими-то своими секретами иезуитскій орденъ, фанатичный до сумасшествія и глушій какъ «сорокъ тысячъ братьевъ», по выраженію Шекспира.

Дѣло въ томъ, въ *solacium* ли дѣти Божіи,—Миръ-Дитя и Иисусъ-Дитя? Вотъ вопросъ, куда подводитъ насъ докладъ Мерзжовскаго. На этотъ вопросъ я отвѣтить не умѣю, и на него нельзя отвѣтить безъ детальнаго изысканія, провѣрокъ, сопоставленій.

Миръ *раздался*—и пало въ него Евангеліе. Миръ его *принялъ*, *принялся* съ *любовью*. Евангеліе инкрустировалось въ миръ.

Но Гоголь инкрустаціею не входитъ въ Евангеліе; любовь, влюбленіе не инкрустируются туда. И Евангеліе вообще *не раздвигается для міра*, не принимаетъ его въ себя. Миръ—за переплетомъ небесной книги. И съ него сходитъ румянецъ, онъ блѣднѣетъ, какъ только приближается къ этому переплету. Тутъ я вспоминаю Блѣднаго Всадника изъ Апокалипсиса, но сейчасъ не могу хорошенъко припомнить, что онъ значитъ. Вопросъ Мерзжовскаго мы разрѣшить не можемъ, и только можемъ подготовить условія къ его разрѣшенію.

Сколько я убѣдился, слушая здѣсь гг. духовныхъ лицъ, они не имѣютъ вовсе, такъ сказать, метафизики христіанства, не только вѣрной, но и никакой. Имъ христіанство просто представляется добрымъ явленіемъ. «Мы—добрые люди, и не понимаемъ, чего вы отъ насъ хотите», вотъ смыслъ всѣхъ ихъ отвѣтовъ на свѣтскія недоумѣнія. Когда раздаются нѣкоторые упреки, они говорятъ: «мы—люди скромные, и сознаемся», и улыбка довольства почти увеличивается на ихъ лицѣ. Съ этой позиціи добродѣтели ихъ невозможно сбить. «Рѣшительно мы исповѣдуемъ самую добродѣтельную вѣру, и сами—самые добродѣтельные люди, добродѣтельные до скромности, до сознанія своихъ грѣховъ, до высшей деликатности, къ какой способенъ человѣкъ». Между тѣмъ свѣтскія недоумѣнія, такъ сказать, катятся по обручу метафизики. Намъ, свѣтскимъ людямъ, кажется, невозможной религія какъ только добродѣтель, какъ *summa virtutum*. Религія—тайна, тайный узоръ стальной твердости, отнюдь безъ податливости въ себѣ. Мы хотѣли бы, чтобы духовныя лица загремѣли негодованіемъ, анаемами: тогда мы и увидѣли бы *ранину* между собою и ими, которую теперь рѣшительно не видимъ.—Ну, и мы—«добрые люди», я, Мерзжовскій и др. По негодованію духовныхъ лицъ мы увидѣли бы, что они любятъ, и бросили бы анализировать это любимое, разсматривать,

можетъ быть любить. «Христіанство есть гробъ и смерть», говорятъ имъ. — «Ну, что вы, отнюдь нѣтъ», отвѣчаютъ они: «Сочувствуемъ всякой радости». — «Тогда пойдите въ театръ, ну хоть на «Бориса Годунова» — произведеніе патріотическое, или на «Жизнь за царя», кажется, чего выше». Пропуская молчаніемъ Годунова и Глинку, они говорятъ: «театръ недостаточно серьезенъ». Да что до того, вѣдь есть же у Александрo-Невской лавры амбары хлѣбныя, а торговля запрещена Спасителемъ? Они это пропускаютъ мимо, или лучше говорятъ: «ну, вотъ, Христось не чуждался земли, ѣлъ съ мытарями и грѣшниками». — «Тогда пойдите въ оперу». — «Не можемъ, низко». Но дѣло не въ томъ, что низко, а въ томъ, что *весело*. Вотъ ничего *веселаго* и *счастливаго* ихъ «уставъ» имъ не позволяеть. Веселое и счастливое — отрицаніе смерти, забвеніе гроба. Семья, искусства — украшенія жизни. И гробъ иногда уврачается позументами, серебряными ручками. Вотъ хорошіе ландшафты около монастырей и суть такія серебряныя ручки около гроба. Докладъ Мережковскаго вторично послѣ моего доклада о *смерти*, какъ главноиъ идеалѣ христіанства, ставитъ вопросъ: «что же такое христіанство?», и на него рѣшительно невозможно отвѣчать моральными отвѣтами: «мы добрые люди», а нужно отвѣчать метафизически и доказательно. Мнѣ кажется, намъ нужно отвести одно засѣданіе выслушанію сплошныхъ отвѣтовъ духовенства по этому вопросу, но не краснорѣчивыхъ и закругленныхъ, не моральныхъ и уклончивыхъ, а хотя бы негодующихъ, даже анаематствующихъ, однако прямо отвѣчающихъ на вопросы. Ибо намъ *больно* отъ нашего незнанія. Мучительно.

Позволю себѣ, въ помощь будущимъ разсужденіямъ, маленькую *личную* догадку, вовсе не догматическую. Исусъ дѣйствительно прекраснѣе всего въ мірѣ и даже самого міра. Когда Онъ появился, то какъ солнце — затмилъ Собою звѣзды. Звѣзды нужны въ ночи. Звѣзды, — это искусства, науки, семья. Нельзя оспорить, что начертанный въ Евангеліяхъ Лицъ Христа, такъ, какъ мы Его приняли, такъ, какъ мы о Немъ прочитали — «слаще», привлекательнѣе и семьи, и царствъ, и власти, и богатства. Гоголь — солома предъ главою изъ евангелиста. Такимъ образомъ, во Христѣ — если и смерть, то сладкая смерть, смерть-истомы. Отшельники, конечно, знаютъ свои сладости. Они томительно умираютъ, отрещиваясь отъ всякаго міра. Перейдемъ къ мировымъ явленіямъ. Съ рожденіемъ Христа, съ возсіяніемъ Евангелія всѣ плоды земные вдругъ стали горьки. Во Христѣ прогоркъ міръ, и именно отъ Его сладости. Какъ только вы вкусите сладчайшаго, пельманнаго, подлинно-небеснаго, — такъ вы потеряли вкусъ къ обыкновенному хлѣбу. Кто же послѣ ананасовъ схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеальнаго, могущественнаго. Великая красота дѣлаетъ насъ безвкусными къ обыкновенному. Все «обыкновенно» сравнительно съ Исусомъ. Не только Гоголь, но и литература вообще, науки вообще. Даже болѣе: міръ вообще и весь, хоть очень загадоченъ, очень интересенъ, но именно въ смыслѣ *сладости* — уступаетъ

Исусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просіяла, озарила міръ,—сознательнѣйшее мировое существо, человекъ, потерялъ вкусъ къ окружающему его міру. Просто міръ сталъ для него горекъ, плоскъ, скученъ. Вотъ главное событіе, происшедшее съ пришествіемъ Христа. Возьмемъ маленькую параллель. Мы изучали бы средневѣковыхъ князьковъ, если бы не было Карла Великаго. Если бы не было Эллады, мы, пожалуй, внимательнѣйшимъ образомъ изучили бы и исторію разныхъ монгольскихъ племенъ. Мы были бы внимательны къ малому и некрасивому. Но когда есть великое, какой интересъ въ маломъ? Такимъ образомъ міръ сталъ *тонуть* около Исуса. Наступилъ всеобщій *потопъ* прежнихъ идеальныхъ вещей. Этотъ потопъ и называется христіанствомъ. Тонули «боги», «Иеговы», «Дианы»; тонули человѣческіе относительные идеалы предъ мировымъ, небеснымъ идеаломъ. И вѣдь невозможно не замѣтить, что лишь *не глядя на Исуса внимательно*—можно предаться искусствамъ, семьѣ, политикѣ, наукѣ. Гоголь *взглянулъ внимательно* на Исуса и бросилъ перо, умеръ. Да и весь міръ, по мѣрѣ того, какъ онъ внимательно глядитъ на Исуса, бросаетъ всё и всякія дѣла свои—и умираетъ. «Меня тебѣ невозможно увидѣть, и не умереть», сказалъ Богъ Моисею. Юноша изъ Саиса *взглянулъ на «Божье существо»*, и умеръ. Вообще, смерть и познаніе Бога какъ-то взаимно требуются. Богъ все же не міръ. И какъ только вы на Бога *взглянули*—такъ и стали куда-то переходить изъ міра, «умирать». Я замѣтилъ, что тонъ Евангелія грустный, печальный, «предсмертный». Но грусть выше радости, идеальнѣе. Трагедія выше комедіи. Мы всё сейчасъ хороши; а превосходны станемъ въ минуты грусти, потерявъ жену, дѣтей. Бѣднякъ красивѣе богача: бѣдняка и поэты берутъ въ описаніе. А богача кто же описалъ? Это сатирическій сюжетъ. Такимъ образомъ, одна изъ великихъ загадокъ міра заключается въ томъ, что страданіе идеальнѣе, эстетичнѣе счастья, грустиѣ, величественнѣе. Мы къ грустному невѣроятно влечемся. Не здѣсь ли секретъ религіозной жертвы дѣтей Богу, этотъ никогда неразгаданный секретъ Молоха? Люди переживали небесную грусть, искали ее пережить; всѣмъ для этого жертвовали, *малымъ*. «Смерть—уже до смерти»: вотъ—*Молохъ!*

Возвращаемся къ частному нашему вопросу. Всеобщее погребеніе міра въ Христвъ не есть ли самое эстетическое явленіе, высшій пунктъ мировой красоты? Гоголя нельзя инкрустировать въ Евангелія; нельзя, значить, вводить и въ христіанство; его просто надо выкинуть. Но не съ земныхъ точекъ зрѣнія, а именно съ монашеской, какъ сладостнаго умиранія во Христвъ. Гоголь любилъ міръ и насъ привязывалъ къ міру. Это задерживаетъ мировой финалъ. Вообще вся исторія, бытъ, пѣсни, литература, семья, суть задержки, теперь уже слабыя, со времени Христа слабыя—задержки мирового испепеленія всѣхъ вещей во Христвъ-смерти. Смерть—вотъ высшая скорбь и высшая сладость. Тайнства смерти никто вѣдь не разгадалъ. Она вѣнчаетъ скорби, а въ скорбяхъ истома таинственной эстетики. Трагедія трагедій. Съ этихъ точекъ зрѣнія Христовъ есть трагиче-

ское лицо, какъ всегда и открывалось человѣку, вождь гробовъ—какъ опять же это открывалось человѣку: а мы не знаемъ, что это все—божественное, и именно не знаемъ—поскольку еще живемъ, такъ какъ жизнь есть «та сторона», «изнанка» Бога. Пытаются смерть отождествить съ рожденіемъ. Возможно. Но отчего, напримѣръ, рожденіе не отождествить со смертью? Когда родился человѣкъ—онъ въ сущности умеръ; утроба матери—могила, уже зачатіе меня—переходъ въ смерть. Дѣло въ томъ, что «здѣсь» и «тамъ» пропастью раздѣлены, какъ «низъ» и «верхъ», «наружное» и «внутреннее». И что бы ни поставили на одномъ, какой бы терминъ, какой бы значокъ ни начертали,—на другой придется выставить терминъ противоположный. «Миръ», «бытіе», «жизнь наша»—не божественны: значить «гробъ», «послѣ кончины», «тотъ свѣтъ»—божественны. Или обратно: «миръ», «бытіе», «жизнь наша»—божественны; тогда «гробъ», «послѣ кончины», «тотъ свѣтъ»—демоничны.

Но, очевидно, что Исусъ—это «Тотъ Свѣтъ», поборающій «этотъ», нашъ, и уже поборовшій. А предикаты къ нему, изъ которой угодно лѣни равно возможныхъ, вы выберете по усмотрѣнію сами. Церковь всегда считала Христа—Богомъ, и ео ipso принуждается считать весь миръ, бытіе наше, самое рожденіе, не говоря о наукахъ и искусствахъ—демоническими, «во злѣ лежащими». Такъ она и поступала. Но это не въ смыслѣ, что чему-то надо улучшаться, а просто,—что всему надо уничтожиться.

В. Розановъ.

II.

Христось и миръ.

Отвѣтъ В. В. Розанову *).

В. В. Розановъ очень пугаетъ христіанъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ. Затрудняются отразить его удары, считаютъ самымъ опаснымъ противникомъ Христа, какъ будто у Христа могутъ быть опасные противники, какъ будто дѣлу Христову могутъ быть нанесены неотразимые удары. А Розановъ врагъ не христіанства только, не историческаго христіанства, а прежде всего и больше всего самого Христа. Христіанство не такъ для него отвратительно, все же христіанство было компромиссомъ съ «миромъ», въ христіанство проникло начало домостроительства, въ стихіи христіанства образовался семейственный бытъ, христіанство создало вѣрно-чувственный бытъ блага духовенства, христіанство разрѣшило «варенье» кушать, дѣтей плодить, воспріяло въ себя почти весь «миръ». Христось для Розанова хуже христіанства: Христось безпощаденъ къ миру, Христось страшенъ своимъ мироотрицаніемъ. Христіанство все же человѣчески податливо, снисходительно къ слабостямъ, христіанство въ исторіи не поставило такъ

*) Докладъ, читанный 12 декабря 1907 года въ С.-петербургскомъ релігіозно-философскомъ обществѣ.

остро дилеммы: «Христось или міръ»; оно приняло немного Христа и немного міръ. И Розановъ совсѣмъ ужъ не такъ враждебенъ христіанскому быту. Но многому въ этомъ бытѣ онъ приверженъ, елейная его любовь къ семьѣ изъ этого быта вышла. Розановъ врагъ Христа, и только отсутствіе настоящаго мужества заставляетъ его маскировать эту вражду и вводить въ заблужденіе добрыхъ людей, которые продолжаютъ думать, что Розановъ требуетъ лишь поправки къ христіанству, что цѣль его реформаторскія, что онъ готовъ принять христіанство, но съ разводомъ, театрами и вареньемъ, съ сладостями міра. Пора разрушить какъ то, что Розановъ является реформаторомъ христіанства, такъ и то, что онъ страшный и непобѣдимый врагъ вѣры Христовой, болѣе страшный, чѣмъ Ницше. Блестящій, чарующій литературный талантъ, смѣлость и чувственная конкретность въ постановкѣ вопросовъ, сильное мистическое чувство—все это поражаетъ въ Розановѣ, почти гипнотизируетъ при чтеніи его статей. Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Ясное философское и религиозное сознаніе безъ особеннаго труда можетъ вскрыть путаницу въ самой постановкѣ розановской темы и путаницу не случайную, не отъ умственной слабости Розанова проистекающую, а путаницу роковую, высшимъ смысломъ посланную для цѣлей, подобныхъ розановскимъ.

Тема Розанова, а въ значительной степени и «Новаго пути», и прежнихъ и новыхъ «религиозно-философскихъ собраній»: Христось и міръ, отношеніе между Христомъ и міромъ. Тема эта съ необычайнымъ талантомъ и блескомъ развита Розановымъ въ печатаемой выше статьѣ «Объ Іисусѣ Сладчайшемъ и о горькихъ плодахъ міра», и статью эту я, главнымъ образомъ, буду имѣть въ виду въ настоящемъ отвѣтѣ. У Бога есть дитя—Христось и дитя—міръ. Розановъ видитъ непримиримую вражду этихъ двухъ дѣтей Божьихъ. Для кого сладокъ Іисусъ, для того міръ дѣлается горекъ. Въ Христѣ міръ прогорѣлъ. Тѣ, что полюбили Іисуса, потеряли вкусъ къ міру, всѣ плоды міра стали горькими отъ сладости Іисуса. Все это написано удивительно красиво, ярко, смѣло и по первому впечатлѣнію опасно. Нужно выбирать между Іисусомъ и міромъ, между двумя дѣтьми Божьими. Нельзя соединить Іисуса съ міромъ, нельзя разомъ ихъ любить, нельзя чувствовать сладость Іисуса и сладость міра. Семья, наука, искусство, радость земной жизни—все горько или безвкусно для того, кто вкусилъ небесной сладости Іисуса. По чудесному выраженію Розанова, Христось моно-цвѣтокъ и что значать всѣ цвѣты міра по сравненію съ Нимъ. У Фомы Бемпійскаго въ «подражаніи Христу» воспѣваются эта сладость Іисуса и горечь всѣхъ плодовъ міра. Самъ Розановъ не любитъ ставить точекъ надъ і, онъ двусмысленъ, никогда не дѣлаетъ рѣшительныхъ выводовъ, предоставляя это догадливости читателя. Но дилемма такова: если Іисусъ божественъ, то міръ демониченъ, если міръ божественъ, то демониченъ Іисусъ. Розановъ прильпился къ міру всѣмъ своимъ существомъ, влюбился въ міръ и во все мірское, чувствуетъ божественность міра и сладость плодовъ его. Іисусъ Сладчайшій сталъ для него демоппченъ, какъ Христа—темень.

Розановская постановка вопроса производит очень сильное впечатлѣніе, всѣ возраженія со стороны историческаго христіанства представляются жалкими и слабыми. Розановъ говоритъ конкретно и на первый взглядъ ясно, даетъ почувствовать всю остроту вопроса, онъ ошеломляетъ и гипнотизируетъ. Онъ грубоватъ, когда тащить монаха въ «театръ», но монахъ дѣйствительно представляется безпомощнымъ. Лепетъ официальныхъ защитниковъ церкви не убѣдителенъ, у всѣхъ остается впечатлѣніе, что Розановъ показалъ, наглядно показалъ абсолютную противоположность между Христомъ и міромъ, абсолютную несоединимость сладости Христа со сладостью міра. Для Розанова Христосъ есть духъ небытія, духъ умаленія всего въ мірѣ, а христіанство—религія смерти, апологія сладости смерти. Религія рожденія и жизни должна объявить непримиримую войну Иисусу Сладчайшему, отравителю жизни, духу небытія, основателю религіи смерти. Христосъ загипнотизировалъ человечество, внушилъ нелюбовь къ бытію, любовь къ небытію. Религія его одно лишь признала прекраснымъ—умираніе и смерть, печаль и страданіе. Очень талантливо пишетъ Розановъ, очень красиво говоритъ, много вѣрнаго говоритъ, но самая исходная его точка—ложна, самая его постановка вопроса призрачна и путана. *Розановъ—гениальный обыватель*, и вопросъ его въ концѣ-концовъ есть обывательскій, мѣщанскій, обиденный вопросъ, но формулированный съ блестящимъ талантомъ. Тѣмъ и поражаетъ Розановъ, что онъ говоритъ нѣчто близкое обывательскому сердцу, что вопросъ о сладкихъ и горькихъ плодахъ міра задѣваетъ мѣщанина этого міра, смущаетъ христіанство, давно уже превратившееся въ мѣщанство. Розановская семья, варенье, театры, сладости и радости благополучной жизни понятны и близки всему обывательскому царству, которое въ этомъ и видитъ сущность «міра» и «міръ» этотъ хотѣло бы спасти отъ гипноза Иисуса Сладчайшаго. Для Розанова бытіе есть быть, «міръ» есть сладость бытовой жизни. И это очень глубоко, это—сила.

Розановъ предполагаетъ, что всякій обыватель знаетъ, что такое «міръ», ощущаетъ его, какъ приносящій радости быть, семью, варенье, украшенія жизни и пр. Обыватель знаетъ, а философъ не знаетъ. Вопросъ о *мірѣ* очень неясенъ и неопредѣленъ и въ этомъ выдаваніи неяснаго и неопредѣленнаго за ясное и опредѣленное, выдаваніи искомаго за найденное—вся хитрость Розанова и весь секретъ его кажущейся силы. Что такое міръ, о какомъ мірѣ идетъ рѣчь? Какое содержаніе вкладываетъ Розановъ въ слово міръ, есть ли міръ совокупность эмпирическихъ явленій или положительная полнота бытія? Есть ли міръ все данное, смѣсь подлиннаго съ призрачнымъ, добраго съ злымъ, или только подлинное, доброе? Если поднимается вопросъ о мірѣ, какъ совокупности всего эмпирически даннаго, въ которомъ сладость варенья занимаетъ такое же мѣсто, какъ и сладость величайшаго художественнаго произведенія, то этотъ вопросъ для насъ почти неинтересенъ. Вѣчное въ мірѣ и тлѣнное въ мірѣ нельзя брать за одну скобку, и самая постановка вопроса о мірѣ безъ всякихъ

разъясняющихъ оцѣнокъ недопустима. Такой міръ есть «міръ» въ кувачахъ. Фактически данный и испытываемый нами міръ есть смѣсь бытія съ небытіемъ, дѣйствительности съ призрачностью, вѣчности съ тлѣніемъ. Какой міръ возлюбилъ Розановъ, какой изъ міровъ хочетъ утверждать, въ какомъ хочетъ жить? Боюсь, что Розановъ требуетъ отъ религіи фактического смѣшенія подлиннаго и цѣннаго съ лживымъ и ничтожнымъ. Но религіозенъ ли вопросъ о мірѣ, а вопросъ о подлинномъ, реальномъ мірѣ, о полнотѣ бытія, о цѣнностяхъ міра, о внѣвременномъ, нетлѣющемъ содержаніи міра. Просто утверждать этотъ «міръ» значитъ утверждать законъ тлѣнія, рабскую необходимость, нужду и болѣзнь, уродство и фальсификацію. Міръ во злѣ лежитъ, а положительная полнота бытія есть высшая цѣль и благо, а цѣнное и радостное въ мірѣ есть дѣйствительное бытіе. Розановъ можетъ только безпомощно остановиться передъ зломъ этого міра, отрицать это зло онъ не можетъ, понять происхожденіе этого зла не въ силахъ. Откуда смерть, одинаково ненавистная и Розанову и всѣмъ намъ, откуда смерть вошла въ міръ и почему овладѣла имъ? Согласится ли Розановъ признать смерть существенной особенностью того міра, который онъ такъ любитъ и который защищаетъ противъ Христа? Не отъ Христа пошла смерть въ міръ: Христось пришелъ спасти отъ смерти, а не міръ умертвить.

Христось пришелъ отдѣлить подлинное и цѣнное въ мірѣ отъ лживаго и ничтожнаго, божественное отъ дьявольскаго. Христось—Спаситель настоящаго міра, подлиннаго и полнаго бытія, божественнаго космоса, поврежденнаго грѣхомъ, а не поддѣльнаго міра, не хаоса, не царства князя этого міра, не небытія. Христось осудилъ міръ тлѣнный, призрачный, хаотическій: царство Христово не отъ этого міра, Христось училъ не любить этого міра, ни того, что въ этомъ мірѣ. Но мировая фактичность не есть ни этотъ міръ, ни тотъ міръ, а смѣсь, смѣшеніе того міра съ этимъ, поврежденіе, заблужданіе творенія, и бытіе и небытіе, и цѣнность и ничтожество. Христось долженъ былъ прійти, потому что ветхій міръ, міръ грѣшный, отпавшій отъ Бога, умираетъ, гниетъ, тлѣніе подкосило всѣ основы міра и тоска охватила міръ. Старое, имманентное ощущеніе жизни, такъ плѣняющее Розанова въ язычествѣ и юдаизмѣ, смѣнилось ощущеніемъ трансцендентнымъ. Такъ всегда бывало въ результатѣ трагическаго опыта и на порогѣ всякаго религіознаго переворота. Ветхій міръ, предоставленный самому себѣ, не могъ спастись отъ гибели, внутри этого міра не было силы, спасающей отъ всеобщей смерти. Самообожествленіе есть гибель, обоженіе міра Сыномъ Божиимъ есть спасеніе. Розановъ хочетъ имманентнаго спасенія міра и отвергаетъ трансцендентное спасеніе, какъ небытіе и смерть, онъ ощущаетъ божественное въ твореніи, но глухъ и слѣпъ къ трагедіи, связанной съ разрывомъ между твореніемъ и Творцомъ.

Розановское мироощущеніе можно назвать *имманентнымъ пантеизмомъ*, въ немъ заложено могущественное первоощущеніе божественности мировой жизни, непосредственной радости жизни, и очень слабо въ немъ

чувство *трансцендентнаго*, чужда ему трансцендентная тоска и ожиданіе трансцендентнаго исхода. Розановщина есть своеобразный мистическій натурализмъ, обожествленіе натуральныхъ таинствъ жизни. Въ XX вѣгъ, на закатѣ человѣческой исторіи переживаетъ Розановъ натуралистическій фазисъ религіознаго откровенія, жаждетъ всемірно-исторической дѣтскости и наивности, и не замѣчаетъ ветхости и старчества этой реставраціи первыхъ дней человѣчества. Розановскій натуралистическій пантеизмъ есть впавшая въ дѣтство старость человѣчества. Только въ глубокой старости можно вспоминать дни дѣтства и юности, смакуя бывшя наслажденія. Розановъ, мистикъ Розановъ, въ которомъ были геніальныя прозрѣнія, обожествляетъ блага и радости этой жизни, поклоняется семейному благополучію, съ дѣтскимъ вожделѣніемъ смотритъ на сладость варенья, и незамѣтно скатывается къ апологіи обыденности и мѣщанства. Благополучную жизнь натурального рода онъ отождествилъ съ міромъ. Онъ хотѣлъ бы окончательно обожествить жизнь натурального рода. Но мы видѣли уже, что этотъ дорогой Розанову «міръ» весь подчиненъ закону тлѣнія. А Розановъ не въ силахъ умереть такъ, какъ умирали Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, благословляя потомство свое, въ немъ нѣтъ такой силы безличности, хорошей лишь для той міровой эпохи; даже онъ не согласится жить лишь въ потомствѣ своемъ, и онъ глубоко задѣтъ послѣдующими фазами мірового религіознаго откровенія, и его кровь отравлена Иисусомъ Сладчайшимъ. Реставрація никогда вѣдь не бываетъ тѣмъ, что она реставрируетъ.

И какъ бы ни была хороша религія Вавилона въ свое время (а она и для своего времени была плоха, такъ какъ и тогда были высшія формы религіи), послѣ Христа и всего опыта новой исторіи реставрація вавилонской религіи есть безуміе или ребячество. Историческая наука достаточно насъ разочаровала въ существованіи золотого вѣка, а религіозное сознаніе можетъ видѣть въ сладкомъ воспоминаніи о золотомъ вѣгъ не какую-нибудь земную эпоху въ прошлой исторіи человѣчества, а чувство своей довременной и доміровой близости къ Божеству, нарушенной грѣхомъ. Мы потеряли рай, но рай этотъ былъ не Вавилонъ, не юдаизмъ, не язычество, вообще не земное прошлое человѣчества, какъ принужденъ думать Розановъ, а небесное происхожденіе человѣка. Но, какъ увидимъ, Розановъ обращенъ не только назадъ, онъ смотритъ и впередъ и соединяется съ чаяніями земного рая въ будущемъ. Онъ неожиданно для себя готовъ дать мистическую окраску построенію Вавилонской башни, оправдываетъ обоготвореніе ветхаго, натурального міра революціонными строителями будущаго. Онъ незамѣтно приближается къ пагосу позитивизма и наивнаго, зеленаго революціонизма, быстрыми шагами идетъ почти къ писаревичингъ, но остается художникомъ, не дѣлается ремесленникомъ.

Розановъ *бытовой* человѣкъ, у него есть напряженное чувство быта и очень слабое чувство личности. Личнаго самоощущенія и самосознанія у Розанова почти нѣтъ, настолько нѣтъ, насколько можетъ не быть у

современнаго человѣка. Потому Розановъ и не сознаетъ трагизма смерти, трагизма личной судьбы, ужаса индивидуальной гибели. У Розанова есть что-то общее съ Л. Толстымъ въ жизнеощущеніи, есть у нихъ точка, въ которой одинаково ветхозавѣтно они чувствуютъ мировую жизнь. Подобно Толстому Розановъ разворачиваетъ передъ міромъ дѣтскую пеленку съ зеленымъ и желтымъ и пеленкой этой хочетъ побѣдить смерть и личную трагедію. «Брейцера сопата» была только обратной стороной этой пеленки. И Л. Толстой, и Розановъ приходятъ къ закрѣпленію обыденности, къ мѣшанству, не соответствующему ихъ религиознымъ исканіямъ. Проблему смерти Розановъ рѣшаетъ такъ: было два человѣка, а родилось у нихъ восемь дѣтей, двое умираетъ, а въ восьми торжествуетъ и умножается жизнь. Спасеніе отъ смерти—въ рожденіи, въ дробленіи каждаго существа на множественность частей, въ плохой безконечности, утѣшеніе для личности—въ распадѣ личности. Розановъ противопоставляетъ смерти не вѣчную жизнь, не воскресеніе, а рожденіе, возникновеніе новыхъ, иныхъ жизней, и такъ безъ конца, безъ исхода. Но этотъ способъ спасенія отъ трагедіи смерти возможенъ лишь для существа, которое ощущаетъ реальность рода и не ощущаетъ реальность личности. Утѣшеніе это стоитъ на грани человѣководства со скотоводствомъ.

Въ ветхозавѣтномъ и первобытно-языческомъ родѣ личность была затеряна, едва просыпалась отъ сна, въ который повергъ ее грѣхъ. Вся мировая исторія была постепеннымъ пробужденіемъ личности, и въ нашу многотрудную и многосложную эпоху личность проснулась съ крикомъ ужаса и безпомощности, оторвалась отъ рода и можетъ теперь прилѣпиться лишь къ чему-то новому. Розановъ тянетъ личность обратно въ стихію рода и хочетъ увѣрить міръ, что возвратъ возможенъ, что нужно только отказаться отъ Христа, забыть Христа, что Христосъ виновникъ этой гипертрофіи личнаго ощущенія, что не будь Христа, не было бы трагедіи смерти, она не ощущалась бы такъ болѣзненно и ужасъ смерти и гибели проходилъ бы отъ взгляда на пеленку, запачканную въ зеленое и желтое. Міръ для Розанова есть родъ и родовой бытъ, личности онъ не видитъ въ мірѣ, личность гдѣ-то по ту сторону міра, съ Христомъ. Ощущеніе личности и сознаніе ея трагической судьбы—трансцендентно, переходитъ за грани того, что Розановъ называетъ «міромъ», и потому оно мало ему доступно. Личность не отъ міра сего, и потому такъ трагична и мучительна ея судьба въ мірѣ семъ.

И все, что было цѣннаго, великаго, настоящаго въ исторіи міра, было *трансцендентно*, было жаждой перейти черезъ грани этого міра, разбить замкнутый кругъ имманентности, было выходомъ въ иной міръ, проникновеніемъ иного міра въ нашъ міръ. Трансцендентное становится имманентно міру—вотъ въ чемъ смыслъ мировой культуры. Все творчество человѣческое было томленіемъ по трансцендентному, по иному міру, и иногда творчество не было закрѣпленіемъ радостей естественной родовой жизни, не было выраженіемъ довольства этимъ міромъ.

Творчество всегда было выраженіемъ недовольства, отраженіемъ мучи неудовлетворенности этой жизнью. Не только искусство, философія, культъ и все творчество культуры являли собой трансцендентное томленіе человечества, но и любовь, половая любовь, столь для Розанова дорогая и близкая, стоящая въ центрѣ всего, была жаждой трансцендентнаго исхода, томительнымъ желаніемъ разбивать грани этого міра. Половая любовь есть уже болѣе, чѣмъ этотъ «міръ», есть уже неудовлетворенность этимъ «міромъ». Розановъ самъ признаетъ трансцендентный характеръ пола.

Оправдать любовь, искусство, философію, всѣ творческіе порывы и значить открыть ихъ трансцендентный характеръ, увидѣть въ нихъ потенціи выхода изъ этого міра. Семья есть этотъ міръ, есть замыканіе горизонтовъ, а любовь есть уже другой міръ, есть расширеніе горизонта до безконечности. Позитивизмъ есть этотъ міръ, навѣки замкнутый горизонтъ, а метафизика есть иной міръ, есть даль. Имманентный пантеизмъ, къ которому тяготѣетъ Розановъ, и есть опозитивированный позитивизмъ, особый видъ мистическаго позитивизма. Общественное устроеніе человеческого царства есть этотъ міръ, все тотъ же замкнутый горизонтъ, а мечта о соединеніи людей въ царствѣ Божіемъ на землѣ есть уже другой міръ, преодоленіе всякой замкнутости. Любить говорить о греческой культурѣ и утвержденіе въ ней міра противопоставлять отрицанію міра въ христіанствѣ. Но величайшее въ греческой культурѣ—философія Платона и греческая трагедія—было выходомъ изъ этого міра, сознаниемъ недостаточности имманентно взятаго міра, было уже путемъ къ христіанству. Вся средневѣковая культура, богатая творчествомъ, полная красоты, была построена на трансцендентномъ чувствѣ. Въ культурѣ этой была и любовь съ культомъ Прекрасной Дамы и искусство, и философія, и рыцарство, и всенародныя празднества. Было ли все это по Розанову утверженіемъ или отрицаніемъ міра? Привожу всѣ эти примѣры, чтобы наглядно показать всю шаткость постановки вопроса о «мірѣ». Того «міра», о которомъ хлопочетъ Розановъ, вовсе и не существуетъ.

Оправдать религіозно исторію, культуру, плоть міра не значить оправдать семью, родовой бытъ и «варенье», а значить оправдать трансцендентную жажду по иному міру, *воплощающуюся* въ мировой культурѣ, утверждать въ этомъ мірѣ жажду вселенскаго исхода изъ естественнаго порядка природы, злого и испорченнаго. Я даже осмѣливаюсь думать, что между міромъ и семьей, во имя которой прежде всего Розановъ возсталъ на Христа, существуетъ глубокая, нестремимая противоположность. Семья сама претендуетъ быть міромъ и жить по своему закону, семья отнимаетъ человѣка отъ міра, нерѣдко убиваетъ его для міра и для всего, что въ мірѣ творится. Между міромъ и семьей существуетъ гораздо болѣшій антагонизмъ, чѣмъ между міромъ и Христомъ.

Достаточно уже доказано и показано, что ничто такъ не мѣшаетъ вселенскому ощущенію мировой жизни и мировыхъ задачъ исторіи, какъ крѣ-

ность родовой семьи. И не только между семьей и міромъ существуетъ противоположность, противоположность существуетъ между семьей и любовью, въ семьѣ слишкомъ часто хоронится любовь.

Всякій закрѣпленный, замкнутый бытъ противенъ творчеству, въ вѣговомъ находится антагонизмъ со вселенной и вселенскимъ. А Розановъ хочетъ намъ выдать семью и бытъ за вселенную, за великій міръ Божій. Враждебность родового быта и родовой семьи вселенскимъ творческимъ порывамъ не требуетъ особыхъ доказательствъ, это фактъ почти очевидный. Вотъ почему Розановскій «міръ» представляется мнѣ фикціей, которая кажется ясно ощутимой бытовому обывательскому сознанию. «Міръ» этотъ есть смѣсь бытія съ небытіемъ, и религіозно важенъ не вопросъ о «мірѣ», а вопросъ о всемірно-историческомъ торжествѣ въ этомъ «мірѣ» бытія. А имманентная религія этого міра есть апофеозъ мѣщанства, къ которому одной своей стороной и прилегаеть Розановъ. «Міръ» этотъ, самъ по себѣ взятый, достоинъ лишь огня, но въ его исторіи утверждается иной, настоящій міръ, въ немъ есть богочеловѣческія связи, въ немъ есть творческіе порывы къ божественному космосу, въ немъ есть вселенскій путь къ новому небу и новой землѣ, въ немъ есть освобожденіе отъ зла, и съ этимъ связанъ религіозный вопросъ объ утвержденіи міра.

Все болѣе и болѣе вырождающееся монашество отрицаетъ не міръ, — міръ этотъ контрабанднымъ путемъ проникаеть въ монашескій бытъ, варенья много въ монастыряхъ и мало въ нихъ «пепельной грусти» Евангелія, — монашество отрицаетъ творчество, проникновеніе въ этотъ міръ иного міра, отрицаетъ исторію освобожденія отъ зла этого міра. Монашество погрязло въ этотъ «міръ», потеряло всякую связь съ аскетической христіанской мистикой; христіанство давно уже превратилось въ бытъ, въ которомъ есть много любезнаго Розановскому сердцу. Но монашество продолжаетъ отрицать цѣнности міра, ненавидитъ порывы творчества, враждебно къ освобожденію отъ власти этого міра, дорожить зломъ міра, какъ оправданіемъ своего существованія. Монахи, епископы, князья церкви, историческіе хозяева религіи, — все это мірскіе, бытовые люди, поставленные царствами этого міра. Мы не вѣримъ, что люди эти не отъ міра сего, ихъ отрицаніе міра есть лишь одна изъ хитростей этого «міра». И мы возражаемъ противъ монашества, противъ іерарховъ церкви, противъ историческаго христіанства не во имя этого міра, а во имя міра иного, во имя творчества и свободы, во имя жажды разбить грани этого міра, а не закрѣпить ихъ. Всемірно-историческій смыслъ аскетической христіанской мистики, — въ вызовѣ всему порядку природы, въ противоборствѣ естественной необходимости, въ обоженіи человѣческой природы сліяніемъ съ Христомъ, въ побѣдѣ надъ смертью. Этотъ аскетизмъ христіанскихъ святыхъ не былъ недоразумѣніемъ или зломъ, онъ имѣлъ положительную миссію, имѣлъ космическія послѣдствія въ дѣлѣ міроваго спасенія. Но гдѣ теперь святые? Можно ли серьезно говорить въ наше время о существованіи аскетической мистики? Наше преодоленіе христіанскаго аскетизма не

есть отрицаніе его великой мисси, не есть принятіе этого міра. Новое религиозное сознаніе утверждает не этотъ хаотическій и рабскій міръ, а космосъ, святую плоть міра. Плоть міра, которая должна быть религиозно освящена, освобождена и спасена—трансцендентна, такъ же трансцендентна, какъ и духъ. Плоть эта не есть матерія этого міра, плоть эта явится въ результатъ побѣды надъ тяжестью и скованностью матеріальнаго міра. Хилиастическія надежды на завершеніе исторіи царствомъ Божиимъ на землѣ, чувственнымъ царствомъ Христовымъ не есть ожиданіе царства міра сего: хилиазмъ не есть царство отъ міра сего, но въ мірѣ семь. А съ хилиазмомъ связано всемірно-историческое воскресеніе плоти, религиозное утвержденіе плоти міра. Какую же плоть любитъ Розановъ, религію какой плоти онъ проповѣдуетъ?

Вопросъ о происхожденіи и сущности зла для Розанова неразрѣшимъ и даже непонятенъ. Пантеизмъ всегда односторонъ, не ощущаетъ мирового трагизма, въ немъ заключена лишь часть истины. Если міръ такъ хорошъ и божественъ, если въ немъ самомъ есть имманентное оправданіе, если не нуженъ никакой трансцендентный исходъ изъ мировой исторіи, то непостижимо, откуда явилось зло этого міра и ужасъ здѣшней жизни. Для Розанова зло есть какое-то недоразумѣніе, случай, роковая ошибка исторіи, вступившей на ложный путь. Откуда явился Христосъ, откуда власть Его темнаго, по Розанову, Дика? Почему религія смерти имѣетъ такую гипнотическую власть надъ человѣческими сердцами? Почему смерть коситъ мировую жизнь? Розановъ не могъ бы отвѣтить ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ. Онъ прячется отъ зла въ радости семейной жизни, въ сладость быта, вареньею хочетъ подсластить горькую пилюлю жизни. Розановъ кричитъ: надоѣла трагедія, утомили страданія, ничего не хочу слышать о смерти, не могу уже воспринимать темныхъ лучей, хочу радостей жизни, хочу воспринимать лишь божественный міръ. Всѣмъ надоѣла, всѣ утомлены, но ничего не подѣлаешь, зло есть дѣйствительность, а не гипнозъ недоразумѣнія. Полъ, кричитъ Розановъ,—вотъ спасеніе, вотъ божественное, вотъ преодоленіе смерти. Полъ хочетъ Розановъ противопоставить Слову. Но полъ отравленъ въ своей первоосновѣ, полъ тлѣетъ и поддерживаетъ тлѣніе, полъ темень и лишь Слово можетъ спасти его.

Если видѣть въ Христѣ темное начало небытія, враждебное божественному міру, то это уже очень глубокой провалъ пантеизма, это надломъ, котораго пантеизмъ не въ силахъ выдержать, а Розановъ слишкомъ мистикъ, слишкомъ задѣтъ личностью Христа, чтобы объяснять рационалистически таинственную мощь этой личности. Розановъ ощущаетъ тутъ иррациональную тайну. Но зло міра—тоже иррациональная тайна, и чистый пантеизмъ останавливается передъ этой тайной съ чувствомъ беспомощности и неловкости. Розановъ прямо говоритъ, что религія смерти пошла отъ Христа. Пусть онъ также прямо скажетъ, откуда пошла смерть, какъ совмѣстима она съ имманентной божественностью міра.

Хваленый «міръ» Розанова есть кладбище, въ немъ все отравлено

трупнымъ ядомъ. На кладбищѣ хочетъ Розановъ вырастить цвѣты божественной жизни и утѣшиться плодородіемъ разлагающихся труповъ. Розановъ обоготворяетъ біологическій фактъ рожденія, но мистическая загадка жизни не вмѣщается въ біологическомъ рожденіи во времени, она связана съ тайной смерти. Розановъ какъ бы не хочетъ видѣть *двойственности человеческой природы*, ея принадлежности къ *двумъ мірамъ*, закрываетъ себѣ глаза на противорѣчіе между вѣчными порывами человѣка, между заключенной въ немъ потенціей абсолютной жизни и относительностью здѣшней жизни человѣка, ограниченностью всѣхъ здѣшнихъ осуществленій. А религія имѣетъ этотъ метафизико-антропологическій корень, въ двойственности человеческой природы коренится религіозная жажда. Если бы у Розанова было глубокое ощущеніе личности, ощущеніе трагической антиноміи всякаго индивидуальнаго человеческого бытія, то онъ бы не настаивалъ такъ на дилеммѣ: «міръ или Христосъ». Сначала должна быть поставлена дилемма: *міръ или личность*. Въ «розановскомъ мірѣ» личность гибнетъ со всѣми своими абсолютными потенціями. Является Христосъ: въ Христѣ спасается личность и осуществляются всѣ ея абсолютныя потенціи, ея богосыновство, она призывается къ участию въ божественной жизни. Христосъ и есть тотъ міръ, въ которомъ утверждается бытіе личности въ божественной гармоніи. И потому дилемма—«Христосъ или міръ» лишается всякаго религіознаго смысла или пріобрѣтаетъ смыслъ иной, не розановскій. Истинное бытіе есть личность, а не родъ, истинное вселенское соединеніе личностей есть богочеловѣческая соборность, а не безличная природа. Утверждать полноту бытія въ мірѣ, значить утверждать иной, настоящій міръ, а не природный порядокъ. Но Розановъ не вѣритъ въ сверхчувственное, онъ стираетъ всякое различіе между чувственностью мистической и чувственностью эмпирической (это и есть имманентный пантеизмъ), и потому религія Христа представляется ему призрачнымъ утѣшеніемъ, а не реальнымъ исходомъ. Я задамъ Розанову одинъ вопросъ, отъ котораго все зависить. Воскресъ ли Христосъ и что станетъ съ его дилеммой,—міръ или Христосъ, если Христосъ воскресъ? Повѣривъ въ реальность воскресенья, будетъ ли онъ настаивать на томъ, что религія Христа есть религія смерти? Но Розановъ виѣстъ со всѣми рационалистами и позитивистами принужденъ видѣть въ воскресеніи либо обманъ, либо мнѣ, и для него въ Христѣ торжествуетъ смерть, а не жизнь. Вотъ почему борьба Розанова съ Христомъ перестаетъ быть мистически страшной. Страшно было бы, если бы, повѣривъ въ реальность воскресенія, онъ всетаки имѣлъ бы силу показать, что религія Христа есть религія смерти. А что «реальныя» соціальныя реформы гораздо дѣйствительнѣе для жизни, чѣмъ «призрачное» воскресеніе Христа, это мы слышали отъ всѣхъ позитивистовъ и нисколько этого не страшимся. Розановъ незамѣтно скатывается по наклонной плоскости къ вульгарному позитивизму, у него пробивается молодой пушокъ позитивизма и странное впечатлѣніе въ немъ производитъ юношеское увлеченіе соціально-револю-

ціонними ідеями. То, що говорить тепер Розановъ, обычно говорить въ несорівнено болѣ юномъ возрастѣ. Скоро онъ будетъ переживати медовою мѣсяць свого романа съ позитивизмомъ и соціалізмомъ,— послѣдними результатами безрелігійної європейської культури.

Бывшій консерваторъ, почти реакціонеръ Розановъ, сотрудникъ *Русскаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*, починає фліртовати съ стихією революціи, незаметно перерождается въ радикала. Но политическая неосвѣдомленность, а бы сказати, почти малограмотность мѣшає Розанову разобратися въ существующихъ политическихъ теченіяхъ, онъ остается чуждымъ политики въ собственномъ смыслѣ слова. Въ великому соблазну всѣхъ тѣхъ, которые почитаютъ этого первокласснаго писателя, прислушиваются къ его словамъ, фізіономія его остается друмысленной, радикализмъ его кажется несерьезнымъ, капризомъ его темперамента. Я думаю, что тяготѣние Розанова къ соціальному радикализму, любовь его къ «лѣвымъ» имѣетъ болѣе глубокіе корни. Розановъ чувствуетъ, что дѣло имманентнаго пантеизма и натуралистической мистики можетъ выиграти отъ союза съ нарождающейся релігією соціализма, съ прогрессивнымъ соціальнымъ устроєніемъ этой жизни. Соціализмъ обѣщаєт обоготворити и устроити природный міръ и природное челоуѣчество. Пантеизмъ розановскаго типа могъ бы обогатити и опоэтизировать прозу соціального строительства, одухотворити радости матеріальной жизни. Имманентное отношеніє къ этому міру и радостямъ этой жизни и вражда къ трансцендентному соединяєт Розанова съ соціализмомъ и даже съ позитивизмомъ. Но «лѣвые» такіє ремесленники, что не хотятъ воспользоваться Розановымъ, и Розановъ продолжаетъ терпѣти отъ нихъ не мало обидъ. Розановъ, конечно, всегда останется мистикомъ, въ немъ слишкомъ сильно непосредственное чувство, онъ никогда не согласится переселитися въ кухню, бывшая черезъ край талантливость его всегда будетъ сильнѣе его безтолковой «лѣвості», его дилетантскаго и обывательскаго радикализма. Есть настоящій, глубокий радикализмъ и радикализмъ розановской постановки вопроса о полѣ и плоти гораздо подлиннѣе, искреннѣе и значительнѣе его флірта съ «лѣвостью».

Заслуги Розанова въ критикѣ исторического христіанства и исторической церкви огромны, своими темами онъ послужилъ новому релігійному сознанию. Онъ оказалъ большое вліяніє на Мережковскаго и «Новый Путь», почти определяли темы «релігійно-філософскихъ собраній». Розанова очень боялись, съ нимъ очень носились, и вліяніє его съ одной стороны было благотворнымъ и творческимъ, но съ другой—вреднымъ и слишкомъ давящимъ. Розановъ всѣхъ загнипотизировалъ своей дилеммой «Христосъ или міръ», въ то время какъ такой дилеммы, какую Розановъ ставитъ, не существуетъ. Она порождена смѣшеніемъ и темнотой сознания. Тема Розанова очень жизненна, очень разрушительна для исторического христіанства, для церковной ієрархіи, но Христа не касается, къ Христу можетъ быть отнесена лишь по слабости сознания, лишь въ затмєніи.

Когда Розановъ говоритъ, что христіанскаго брака не существуетъ, что церковь пролиняетъ любовь, когда онъ ставитъ вопросъ о таинствѣ брака такъ, что если это таинство подлинно существуетъ, то пусть въ церкви происходитъ соединеніе половъ,—онъ могущественъ и радикаленъ, онъ гениально смѣлъ и для насъ важенъ. Историческая церковь ничего Розанову не могла отвѣтить и не отвѣтила. Но что общаго имѣетъ этотъ религиозно-проникновенный вопросъ съ обоготвореніемъ этого міра, имманентно взятаго, съ попыткой сокрушить Христа бытомъ? Историческая церковь очень даже признаетъ семейный бытъ, да и вообще питается бытомъ, а таинство любви не признаетъ, не видитъ трансцендентности таинства брака. Историческая христіанская церковь враждебна не этому міру и кристаллизовавшемуся въ немъ быту, она враждебна космосу, божественной плоти міра, и въ этомъ трагедія церкви. Церковь враждебна самой идеѣ церкви, какъ космическаго организма. Въ церкви нѣтъ воскресенія міра. И рождается новое религиозное сознаніе, жаждущее преображенной плоти, а не первобытной плоти. Первобытная, языческая, тлѣющая плоть продолжаетъ контрабандно жить въ церкви, а новой, воскресшей плоти въ ней нѣтъ, не является. Розановъ произноситъ свой судъ надъ церковью, какъ представитель этой старой, языческой, тлѣющей плоти, которая и безъ того слишкомъ много занимаетъ мѣста въ церкви. Вотъ почему «религиозно-философскимъ собраніямъ» не слѣдовало бы такъ подпадать подъ вліяніе Розанова.

Христось—совершенное, божественное дитя Бога, образъ космоса. Христось-дитя есть абсолютная норма для міра-дитяти. Во имя Сына Своего Логоса сотворилъ Богъ міръ, черезъ Сына міръ усыновляется Богу, возвращается къ Отцу. Христось божественный посредникъ между Богомъ и міромъ: если бы не было Христа, то міръ не былъ бы дитя Божье, и пантеистъ не могъ бы почувствовать свою частичную истину,—божественность міра. Только міръ, принявшій въ себя Христа и вошедшій въ Христа, становится дитятею Бога, божественнымъ. Этотъ міръ есть отпаденіе отъ Бога и потому онъ во злѣ лежитъ, потому божественность его надломлена, болѣзненна, нашъ міръ — сомнительно божественный. Но у міра осталась связка съ Богомъ, эта связка въ мистическомъ порядкѣ бытія есть Сынъ Бога, Бого-Человѣкъ, Бого-Міръ, вѣчный заступникъ. Связка эта воплотилась въ исторіи въ личности Христа. Черезъ Бого-человѣка, Бого-Міра—Міръ становится божественнымъ, обожается. Между Христомъ и міромъ существуетъ лишь эмпирически кажущаяся противоположность, отъ слабости человѣческаго сознанія исходящая, но подъ ней скрыта мистически-реальная соединенность. Въ предѣлахъ историческаго христіанства соединенность Христа и міра, божественность человѣчества и міра не видна, такъ какъ не закончилась космическая эпоха искупленія. Лишь въ божественной діалектикѣ троичности окончательно завершается соединеніе міра съ Богомъ, лишь въ церкви Св. Духа воскресаетъ плоть міра. Въ Духѣ исчезаетъ всякая противоположность между двумя дѣтьми

Бога, между дитятею-міромъ и дитятею-Христомъ. Христось явилъ Собой Бого-человѣка, Духъ святъ явилъ Бого-человѣчество. Въ Бого-человѣчествѣ произойдетъ обоженіе чловѣчества, обоженіе міровой плоти. Но новая, святая плоть не можетъ быть плотью старой, языческой, тлѣющей, той, о которой заботится Розановъ: въ новый міръ войдутъ всѣ элементы нашего міра, но преобразенные, ничто не уничтожится, но все просвѣтлится. Мы смотримъ впередъ, а не назадъ, на грядущее царство Божіе, а не на потерянный рай прошлаго. Мы хотѣли бы быть религіозными революціонерами, а не реакціонерами. По причудливой исторической ироніи религіозное реакціонерство иногда соединяется съ социальнымъ революціонерствомъ. Розановъ стремится не къ царству Духа, не къ царству Бога Единого и Троичнаго, а къ царству Бога Отца; но царство Бога Отца не можетъ уже быть, оно несовмѣстимо съ мистической діалектикой Троичности, окончательно соединяющей Творца съ твореніемъ, оно ничѣмъ почти не отличается отъ атеизма, отъ котораго пантеизмъ отдѣленъ неумовимой границей.

Въ мірѣ нарождается новая религіозная душа. Душа эта глубоко связана съ самой старой, съ тѣмъ, что было вѣчнаго въ старой душѣ, но въ ней открываются новые горизонты. Для новаго религіознаго настроенія и сознанія, пережившаго весь опытъ новой исторіи, всю глубину сомнѣній и отрицаній, вопросъ о церкви ставится иначе, чѣмъ для обветшалаго «христіанскаго» сознанія. Мы ищемъ церковь, въ которую вошла бы вся полнота жизни, весь міровой опытъ, все цѣнное въ міру, все, что было подлиннымъ бытіемъ въ исторіи. За стѣнами церкви ничего не должно остаться, кромѣ небытія. Церковь есть космическая сила, обоженная душа міра, церковь и есть божественный міръ, не погибающая связь между Богомъ и міромъ. Вхожденіе въ церковь и есть вхожденіе въ подлинный міръ, а не выходненіе изъ міра. Люди старыхъ религіозныхъ чувствъ и стараго сознанія идутъ въ церковь спастись отъ міровой жизни, замалывать грѣхи, накопившіеся въ міру, и все, чѣмъ они живутъ, оставляютъ у входа въ ограду церкви, все самое дорогое для нихъ, самое цѣнное въ ихъ жизни, всѣ творческіе порывы, любовныя грѣзы, вся сложность ихъ опыта, весь путь міровой исторіи—все это не входитъ съ ними въ церковь, не смѣетъ войти. Этого дуализма мы уже не можемъ вынести, этотъ дуализмъ сталъ безбожнымъ, онъ умерщвляетъ религіозную жизнь, является худой на св. Духа. Въ церкви должно быть все наше дорогое, все наше цѣнное, все нами выстраданное въ мірѣ,—наша любовь, наша мысль и поэзія, все наше творчество, отлученное отъ церкви старымъ сознаніемъ, всѣ наши великіе мірскіе люди, всѣ наши неподнимающіе порывы и мечты, все, что было трансцендентнаго въ нашей жизни и жизни міровой. Церковная жизнь есть полнота жизни, богатство бытія, а не семинарско-поповско-монашескій колпакъ, который держать въ своихъ рукахъ власть имѣющіе.

Достоевскій и Вл. Соловьевъ больше всѣхъ сдѣлали для новаго рели-

новаго движенія, это самыя большіе наши люди, наши учителя, но ихъ религіозная душа наполовину была еще старая. Достоевскій и Вл. Соловьевъ были очень сложныя люди, глубоко пережившіе весь опытъ новой исторіи, прошедшіе черезъ всѣ соблазны и сомнѣнія, въ нихъ накопилось много новыхъ богатствъ. Но въ церковь они шли по-старому, всѣ ихъ богатства не входили съ ними въ церковь, весь ихъ опытъ не дѣлалъ этой церкви обширнѣе и помѣстительнѣе, въ церкви они себя лишь отрицали. Религіозно-философская система Вл. Соловьева гораздо шире и глубже его церковной религіозности, въ ней есть идея *Богочеловѣчества*, а въ церкви его нѣтъ богочеловѣчества и богочеловѣческой жизни. Достоевскій въ «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ» открываетъ религіозныя дали, чувствуетъ несказанную религіозную свободу, а ходить въ церковь, въ которой всѣ горизонты замкнуты. Вотъ почему вмѣстѣ съ Мережковскимъ я думаю, что ни одна изъ существующихъ историческихъ церквей не есть вселенская церковь, не заключаетъ въ себѣ полноты отверженія, а міръ идетъ къ вселенской церкви, жаждетъ освѣтить въ ней свою жизнь.

Розановъ скажетъ, что мы пантеизируемъ идею церкви, но пантеизированіе это ничего общаго не имѣетъ съ его имманентнымъ пантеизмомъ. Вселенская церковь, вмѣщающая всю полноту бытія, есть церковь Бога, Единого и Троичнаго, церковь св. Троицы; въ ней окончательно исчезаетъ кажущаяся противоположность между міромъ и Христомъ. Въ свѣтѣ новаго сознанія рождается иная дилемма: *христіанство или Христосъ*. Христіанство есть старый міръ, быть; Христосъ есть новый міръ, противоположный всякому быту.

Николай Бердяевъ.

Патріотизмъ и конституція.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ и, на нашъ взглядъ, самыхъ несправедливыхъ обвиненій, какія предъявлялись съ правой стороны нашему освободительному движенію и его дѣятелямъ, я считаю обвиненіе ихъ въ отсутствіи у нихъ *патріотизма*, любви къ родинѣ. Это обвиненіе, какъ извѣстно, широко эксплуатировалось, въ частности, и по отношенію къ первой Государственной Думѣ, послѣ того какъ она была распущена и когда противъ нея была предпринята та кампанія, которая хотѣла нравственно ее дискредитировать, добиться по отношенію къ ней того, что у римлянъ называлось *damnatio memoriae*, т.-е. заклеянія самой ея памяти. Къ этой кампаніи не безъ усердія приложили свою руку даже октябристы, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ А. И. Гучкова, который съ такимъ эмфазомъ восхвалялъ патріотизмъ и національное чувство черносотенцевъ, повидимому, не находя и слѣдовъ ихъ у тѣхъ дѣятелей, которые стоятъ лѣвѣе октябристовъ. Наконецъ, это же обвиненіе противъ первой Думы было пущено въ ходъ и съ прокурорской трибуны по дѣлу о выборгскомъ воззваніи. Въ своей, вообще довольно блѣдной обвинительной рѣчи, г. прокуроръ не преминулъ однако бросить обвиняемымъ упрекъ въ томъ, что они призывали населеніе къ неплатежу налоговъ и нечащѣ рекрутъ въ такое время, когда родина и безъ того переживала годину смуты, когда она, какъ для поддержанія своего внутренняго порядка, такъ и для возвращенія себѣ внѣшняго могущества, нуждалась въ повинненіи своихъ гражданъ, нуждалась въ деньгахъ и солдатахъ. Г. прокуроръ не безъ эффекта сослался при этомъ на то, что даже германскіе социаль-демократы, когда имъ поставили вопросъ, какую займутъ они позицію въ случаѣ внѣшней войны, безъ колебаній отвѣтили: тогда въ Германіи не будетъ партій, а будутъ только одни *нѣмцы*.

Бывшій предсѣдатель первой Государственной Думы въ своемъ послѣднемъ словѣ на судѣ уже далъ представителю прокурорской власти достойный отвѣтъ на эту ссылку. Онъ правильно указалъ на то, что въ моментъ изданія выборгскаго воззванія передъ Россіей не было *внѣшняго* врага, а если врагомъ *внутреннимъ* считаютъ свой собственный народъ, отъ лица

котораго дѣйствовали «народные представители» первой Думы, — то аналогія далеко не въ пользу тѣхъ, кто ссылается на патриотизмъ германскихъ социаль-демократовъ.

Однако едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на тотъ отпоръ, какой данъ былъ «официальному» обвиненію на выборгскомъ процессѣ со стороны обвиняемыхъ, получившихъ, благодаря постановкѣ дѣла на судъ, еще разъ счастливую возможность говорить передъ цѣлымъ народомъ и даже передъ всѣмъ свѣтомъ, — едва ли всетаки можно сомнѣваться въ томъ, что тяжкое обвиненіе въ отсутствіи патриотизма будетъ и впредь, всевозможными другими «неофициальными» и «официальными» способами, повторяться противъ ненавистныхъ «кадетовъ», будетъ эксплуатироваться въ качествѣ средства путать тѣ темныя обывательскія массы, которыя глубоко проникнуты чувствомъ патриотизма, но которыя не всегда способны разбираться въ его *идейной* сторонѣ. Этотъ споръ о «патриотизмѣ» не только не законченъ, но онъ еще долго будетъ продолжаться, и мы обязаны его принять и отвѣчать на него по существу. Это — большой и важный споръ, въ которомъ вѣковое и всеобщее понятіе патриотизма должно быть сохранено вполне неприкосновеннымъ, но въ которомъ народу съ ясностью должно быть показано, *съ чѣмъ* заключается «истинный» патриотизмъ, и *кого* ему слѣдуетъ считать «истинными» патриотами.

Въ сожалѣнію, до сихъ поръ, съ «лѣвой» стороны этимъ споромъ почти пренебрегали или, во всякомъ случаѣ, оставляли его безъ достаточнаго углубленія. Въ отвѣтъ на нападки «справа» отвѣчали просто указаніемъ на «казенный» патриотизмъ самихъ нападавшихъ и, не безъ брезгливости, отрезались отъ самаго спора объ этомъ казенномъ патриотизмѣ. И это было, конечно, правильно, ибо если у настоящаго, подлиннаго патриотизма есть злѣйшій врагъ, такъ это даже не равнодушіе къ отечеству, а именно этотъ выѣшній, «казенный» патриотизмъ, который не позволяетъ Стесселя или Гурка называть «врагами» отечества, а требуетъ, чтобы мы ихъ, по чину и рангу, непременно величали «защитниками» отечества и его «героями». Равнодушные къ патриотизму не приносятъ пользы родинѣ, но они ей и не вредятъ, а «казенные» патриоты ее губятъ, роютъ ей тѣ историческія ямы и на Дальнемъ Востокѣ, и въ Петербургѣ, изъ которыхъ потомъ самому народу такъ трудно бываетъ выбираться.

Итакъ, чувство брезгливости по отношенію къ «казенному» патриотизму совершенно естественно; спорить о патриотизмѣ съ покойнымъ Грингмутомъ или благополучно здравствующимъ Меньшиковымъ, конечно, бесполезно и противно, ибо это и значить — вращаться въ кругу такихъ «патриотическихъ» сюжетовъ, какъ военные подвиги Стесселя или гражданскія доблести Гурка; скажу даже больше: неприятно (не знаю: вполне ли бесполезно?) указывать и Александру Ивановичу Гучкову на то, что онъ, восхваляя патриотизмъ союза русскаго народа, умышленно не желаетъ отличать истиннаго патриотизма отъ казеннаго, или даже хуже, тѣмъ казеннаго. Но самымъ вопросомъ о патриотизмѣ не только нельзя пренебрегать,

а къ нему надо подойти вплотную, надо отыскать для него правильный и глубоко заложенный фундаментъ. Вопросъ о патриотизмѣ—есть вопросъ объ историческомъ существованіи народа, и даже больше того: это вопросъ объ его *достойномъ* историческомъ существованіи.

Итакъ, что же такое настоящій патриотизмъ? И кого надо считать настоящими русскими патриотами? Заслуживаютъ ли этого названія, наприм., дѣятели первой Государственной Думы, еще такъ недавно подвергнушіе не только судебной, но, что еще гораздо важнѣе, также и общественной оцѣнкѣ?

Въ качествѣ исходнаго пункта для всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ разсужденій по этому поводу мы позволимъ себѣ сразу же взять такую формулу патриотизма, которая *всѣми и безъ спора* могла бы быть принята за правильное его выраженіе. Римляне, этотъ народъ, который былъ приниженъ патриотизмомъ, можетъ быть, больше, чѣмъ всякій другой изъ числа тѣхъ, которые играли крупную историческую роль, римляне говорили: *dulce et decorum est pro patria mori*, т.-е. «сладко и почетно (или прекрасно) умереть за отечество». Никто не заподозритъ искренности и силы этого изреченія въ устахъ, его нѣкогда произносившихъ, и оно, дѣйствительно, съ возможнымъ высшимъ паэосомъ выражаетъ чувство патриотизма. Смерть за отечество—для того, кто умираетъ, субъективно не тяжка, а *сладостна*; но и объективно, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто ее созерцаетъ, она также не тяжела, а *прекрасна*. Къ смерти за отечество—*субъективно*, можно только стремиться; *объективно*—ей можно только завидовать. Она—высшее проявленіе человѣческой природы и человѣческихъ отношеній, ибо внутренній ея смыслъ—умѣнье и готовность положить душу свою «за други своя».

Итакъ, всѣ согласны въ томъ, и никто не рѣшится спорить противъ того, что *сладостно и прекрасно умереть за отечество!*

Это и есть правильная и сильная формула патриотизма.

Кто же, съ точки зрѣнія этой формулы, патриотъ и кто не патриотъ?

Если мы желаемъ разобраться въ вопросѣ *идейнымъ* образомъ, если мы желаемъ дать себѣ *сознательный* отчетъ въ томъ, въ чемъ заключается *патриотическій* смыслъ этой формулы,—то мы немедленно же должны будемъ поставить логическое удареніе въ ней на словѣ «отечество»: сладостно и прекрасно умереть, но именно «за отечество», а не за что-либо другое. Смерть за что-либо «другое» можетъ быть также хорошей, а можетъ быть и дурной, но всякая *другая* смерть, во всякомъ случаѣ, не заслуживаетъ ни этого паэоса, ни этой специальной характеристика: *сладостно и почетно* умереть—только «за отечество». Такимъ образомъ вся суть патриотизма именно въ идеѣ «отечества».

Но что же такое «отечество»?

Вотъ вопросъ, надъ которымъ мало когда задумывается обыкновенный обыватель, и по очень простой причинѣ: отвѣтъ на него кажется ему само собой разумѣющимся, вполне понятнымъ, не требующимъ ни малѣйшихъ размысленій.

«Мое отечество—это мое государство; мое отечество—это Россія», говорить самъ себѣ гражданинъ, и не видитъ дальше этого уже никакихъ перспективъ для размышленія.

Да, сказанное—совершенно вѣрно: для всякаго отечествомъ служить его государство, и умереть за отечество—значить умереть за свое государство. Но на этомъ не только нельзя кончать съ вопросомъ о патриотизмѣ, а наоборотъ, для того, кто жаждетъ быть *сознательнымъ* патриотомъ, онъ именно здѣсь-то только и начинается. И въ эпохи обыкновенныя, въ эпохи устойчивости, спокойствія и процвѣтанія государствъ это остается непримѣтнымъ. Государство, какъ оно есть, какъ разъ и служить *объектомъ* истиннаго патриотизма, и служеніе этому государству нигдѣ не натывается на противорѣчіе существу патриотизма; здѣсь можно спокойно и увѣренно умирать за *свое* государство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, нисколько не сомнѣваясь, что это и есть та сладостная и почетная смерть, о которой говоритъ римское изреченіе.

Но не то бываетъ въ эпохи переходныя,—въ эпохи, когда государство *должно* быть перестроено и когда оно, съ тяжкими и болѣзненными усилиями всего своего организма, совершаетъ эту перестройку. Здѣсь *идейное* уясненіе существа патриотизма должно быть непремѣнно продолжено, ибо иначе, именно въ этой области, приходится натолкнуться на безысходныя и мучительныя противорѣчія, которыя способны *отравить* чувство и совершенно *спутать* дѣйствіе. При этихъ условіяхъ понятіе патриотизма, безъ его глубокаго идейнаго уясненія, вмѣсто своей нормальной общественной роли—связующаго звена, превращается въ то, во что именно оно у насъ теперь и превратилось—въ яблоко раздора. Позволимъ себѣ тотчасъ же подтвердить сказанное конкретными примѣрами.

«Сладостно и почетно умереть за отечество»... Такою сладкою и почетною смертью умеръ «истинный» герой Портъ-Артура, тотъ, кто былъ «душою» его обороны, генералъ Кондратенко. Вотъ, поистинѣ, римская, героическая смерть: вотъ къ кому римляне, безъ всякихъ оговорокъ, какъ и къ своимъ полководцамъ, примѣнили бы свое классическое изреченіе! Смерть генерала Кондратенка—это и есть «сладкая и прекрасная» жертва, принесенная героемъ на алтарь отечества.

Однако, не чувствуете ли вы, читатель, что римская формула въ примѣненіи ея къ смерти генерала Кондратенка отравлена для насъ какимъ-то *ядомъ*? Послѣ того, какъ мы теперь уже знаемъ, какъ *позаботились* еще до войны о томъ, чтобы Портъ-Артуръ былъ, дѣйствительно, крѣпостью, а не пустымъ мѣстомъ; послѣ того, какъ мы уже знаемъ, какъ велась его оборона и кому она была поручена, можемъ ли мы съ римскимъ спокойствіемъ и увѣренностью утверждать, что смерть генерала Кондратенка и другихъ защитниковъ нашей дальне-восточной «твердыни»—есть именно жертва, принесенная на алтарь «отечества»? Не есть ли это, скорѣе, жертва, принесенная какому-то Молоху, который завлаждалъ нашимъ отечествомъ и привелъ его на край гибели? Не есть ли это смерть за тѣхъ, которые

такъ легкомысленно, а можетъ быть и преступно, толкнули насъ въ дальневосточную авантюру и которые, конечно, не только остались живы и по сей день, но награждены чинами, орденами, а также со вкусомъ пользуются и всѣми «благопріобрѣтеннымъ»?

Такъ обстоитъ дѣло *объективно*. Но не лучше оно обстояло, вѣроятно, и *субъективно*—для самого генерала Кондратенка. Онъ-то вѣдь и тогда хорошо зналъ все то, что мы узнали только теперь. Онъ воочію видѣлъ и самую «твердыню», и того, кто въ ней распорядился. И весьма возможно, что отчаяніе за «отечество» не разъ овладѣвало душою героя, пока онъ былъ живъ, потому что онъ едва ли не предвидѣлъ фатальнаго исхода портъ-артурской эпопеи. И едва ли ему «сладко» было умирать, если только онъ, дѣйствительно, правильно оцѣнивалъ положеніе и достаточно хорошо ознакомился съ дальневосточными «дѣлами» и съ дальневосточными «людьми» *).

Но обратимся къ другимъ—увы!—не менѣе грустнымъ событіямъ японской войны. Во время сраженія при Цусимѣ у насъ опрокидывались навзничъ цѣлыя броненосцы, и все ихъ населеніе сразу шло ко дну вмѣстѣ со своими гигантскими жилищами. Воображеніе почти не осмѣливается отчетливо нарисовать себѣ картину этой смерти многихъ сотенъ людей въ одно и то же мгновеніе. Всѣ они погибли въ бою съ врагомъ, защищая свое отечество. Но развѣ ихъ ужасная смерть принесла хоть какую-нибудь пользу «отечеству»? Развѣ все то предпріятіе, въ которомъ они участвовали, не было совершенно безнадежнымъ съ самаго начала? Развѣ ихъ не вели на *тѣрную* и притомъ совершенно *безтолзную* гибель? «Горечь» и «ужасъ», а не «сладость» и «восхищеніе»—вотъ оцѣнка этой гибели, и не за «отечество» они погибли, а все за того же Молоха, который сдѣлалъ наше отечество безпомощнымъ, отдавъ его въ распоряженіе жаднымъ, бездарнымъ, недобросовѣстнымъ.

Сраженіе при Цусимѣ началось «опрокидываніемъ» броненосцевъ, а окончилось, какъ извѣстно, ихъ «сдачей». Вмѣсто того, чтобы умереть съ своими кораблями, экипажи ихъ сдались японцамъ, отдавъ имъ и тѣ гигантскія морскія ловушки, въ которыя ихъ посадили «управители» несчастнаго «отчества». И мы официально клеймимъ «сдавшихся» названіемъ «трусовъ» и «измѣнниковъ». Но не чувствуете ли вы, читатель, что и эти противоположныя предыдущимъ слова застреваютъ у насъ въ горлѣ? Что мы не въ силахъ «требовать» смерти этихъ людей, потому что и она, также какъ и смерть экипажей «Бородина», «Суворова» и другихъ, была бы совершенно бесполезной для «отчества»? По *внѣшности*—да, это было сраженіе съ непріателемъ, это была защита отчества, но вѣдь по

*) Въ показаніяхъ одного изъ свидѣтелей по дѣлу Стесселя, а именно полковника Гандурина, промелькнуло указаніе на то, какъ «тяжело» было въ Портъ-Артурѣ его главному герою. „По дорогѣ встрѣчаю Кондратенка,—говорилъ между прочимъ полковникъ Гандуринъ на судѣ,—онъ обласкалъ меня, зоветъ къ себѣ и въ дружеской бесѣдѣ разсказалъ, какъ *ему самому тяжело*“. Отчетъ съ Ръчи, № 306.

существо, это была просто бойня, это была колоссальная гекатомба, принесенная во славу тѣхъ, кто обворовывалъ нашъ флотъ, кто ни съ какой стороны не сдѣлалъ его пригоднымъ къ современному бою. Если ваши орудія стрѣляютъ на разстояніе меньшее, чѣмъ орудія вашего противника, то какое же это сраженіе? И гдѣ же здѣсь «защита отечества»? Можно, конечно, «умирать» и при этихъ условіяхъ, но эта смерть будетъ единственно во имя тѣхъ, кто поставилъ сражающихся въ такое положеніе, при которомъ они должны быть просто *истреблены*, не оказывая сопротивленія. И «сдача» и «смерть» могутъ имѣть при этомъ только одну психологію, весьма далекую отъ той, которою проникнуто римское изреченіе, а именно психологію *отчаянія*, отчаянія безысходнаго и безграничнаго, полнаго отчаянія за участь и будущность своего отечества... И «сдача», и «смерть» стаповятся здѣсь внѣ плоскости «патріотизма», явно переходя въ какую-то иную сферу. вмѣсто простой и ясной постановки вопроса о патріотизмѣ во время войны съ внѣшнимъ врагомъ, въ разгаръ самаго боя, — получается что-то ужасное, кошмарное и ни съ чѣмъ не сообразное. Призванные къ «защитѣ» отечества и къ смерти «за отечество» должны побѣждать въ себѣ инстинктъ самосохраненія не ясной и сладкой мыслью объ этомъ отечествѣ, а какой-то сложной психологіей отчаянія, стыда, позора... При этихъ условіяхъ «сдача» и «смерть» явно теряютъ свое обычное, нормальное значеніе и приобрѣтаютъ какую-то новую, еще неслыханную цѣну. Тотъ, кто умеръ, конечно, герой, можетъ быть, даже вдвойнѣ герой, — но онъ умеръ не за отечество! Тотъ, кто сдался, можетъ быть, сдался именно потому, что ему было слишкомъ ясно, что его смерть совершенно бесполезна для отечества, — и потому мы не рѣшаемся бросить ему со всей силой въ лицо — слова «трусъ» или «позѣнникъ!» Все здѣсь перепутывается, все терлетъ свой простой и ясный смыслъ, и это опять, конечно, потому что «отечество» было въ цѣну у недостойныхъ, потому что защищать отъ внѣшняго врага приходилось не отечество, а его похитителей и недостойныхъ эксплуататоровъ. И русская военная исторія, столь славная всѣмъ своимъ прошлымъ, запятналась при этихъ условіяхъ цѣлымъ рядомъ неслыханныхъ дотогѣ фактовъ и дѣяній.

Однако, не только на театрѣ войны, въ арміи и флотѣ, но и внутри Россіи послѣдовалъ въ это время цѣлый рядъ «непормальныхъ» фактовъ. Если привычная и понятная всѣмъ идея патріотизма требуетъ отъ сражающихся готовности умереть за отечество, то она же требуетъ отъ тѣхъ, кто непосредственно не участвуетъ въ битвахъ, готовности помогать сражающимся всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи способами и средствами, какъ матеріальными, такъ и моральными. Сograждане сражающихся должны поддерживать своихъ защитниковъ противъ внѣшняго врага всѣмъ своимъ матеріальнымъ достояніемъ и всѣмъ своимъ нравственнымъ сочувствіемъ. Они должны быть душою вмѣстѣ съ своими воинами на полѣ сраженія, должны вмѣстѣ съ сражающимися жаждать побѣды и страшиться

пораженія, должны укрѣплять духъ сражающихся тѣмъ приливомъ всенароднаго къ нимъ и къ ихъ задачѣ сочувствія, безъ котораго удача въ вооруженной борьбѣ между народами, можетъ быть, даже совсѣмъ невозможна. Словомъ, участвовать въ войнѣ съ врагомъ должно не только войско—*физически*, но и весь народъ—*морально*. Война должна быть дѣломъ всенароднымъ, должна быть близка сердцу каждаго, должна дѣйствительно превращать народъ въ *одно цѣлое*; война должна быть тѣмъ общимъ дѣломъ, по поводу котораго *разныя* мнѣній въ средѣ народа не существуетъ; передъ фактомъ войны съ внѣшнимъ врагомъ должна умолять даже социаль-демократическая доктрина, какъ это недавно призналъ Бебель, хотя, можетъ быть, и съ ущербомъ для ея внутренняго смысла (ибо она дѣлитъ человѣчество не на французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и т. п., а на землевладѣльцевъ, капиталистовъ, крестьянъ, пролетаріевъ, и при этомъ провозглашаетъ: «пролетаріи *всѣхъ странъ*, соединяйтесь!»). Вотъ чѣмъ должна быть война съ точки зрѣнія идеи «отечества!» Вотъ что диктуетъ патріотизмъ населенію страны, вовлеченной въ войну съ внѣшнимъ врагомъ.

Это ли мы видѣли во время японской войны внутри Россіи?

Народъ недоумѣвалъ передъ этой войной; она не только была начата безъ его желанія, но и была ему совершенно непонятна. Что же касается верхняго слоя, такъ называемаго, «общества» и интеллигенціи страны, то они прямо этой войнѣ не сочувствовали. Частью потому, что они, хотя въ то время и не вполне ясно, но все же предчувствовали, въ какое болото попала на дальнемъ востокѣ Россія; частью же потому, что самая побѣда въ этой войнѣ (если бы Японія оказалась чѣмъ-нибудь, вроде Турціи) не сулила намъ ничего хорошаго внутри страны. Извѣстно вѣдь, какія надежды для внутренней политики связывалъ Плеве съ побѣднымъ исходомъ въ этой войнѣ, а между тѣмъ интеллигенція страны слишкомъ хорошо понимала, что настоящая, европейская конституція нужна Россіи, какъ свѣтъ и воздухъ; что безъ нея мы рискуемъ навсегда остаться въ хвостѣ исторіи и превратиться въ экономическое мясо для другихъ, болѣе настоячивыхъ и энергичныхъ, чѣмъ мы, народовъ.

Итакъ, населеніе съ самаго начала частью было равнодушно къ этой войнѣ, частью ей даже не сочувствовало.

Но вотъ, развернулась эта война со всѣми ея ужасами, со всѣми ея неудачами для насъ, со всѣмъ ея позоромъ и стыдомъ для тысячелѣтняго великаго государства... Стало совершенно очевидно, что мы не можемъ выиграть этой войны (послѣ паденія Портъ-Артура и уничтоженія нашего тихоокеанскаго флота въ этомъ уже никто не сомнѣвался),—и все сознательное въ странѣ, вмѣсто того чтобы настаивать на продолженіи бесплодной борьбы, стало взывать къ ея прекращенію, къ заключенію мира.

Однако виновники войны не имѣли мужества хотя бы только своевременно признать свою вину. Потребовался еще многодневный Мукденъ и—о ужась!—потребовалась еще почти мгновенная Цусима, чтобы они, набо-

нецѣ, поняли, что отъ исторіи спрятаться некуда, и что миръ заключать немыслимо. Въ результатѣ графская корона увѣнчала не тѣхъ, кто воевалъ, а тѣхъ, кто ликвидировалъ войну съ помощью американцевъ.

Вотъ каково было отношеніе къ войнѣ внутри Россіи. Иностранцы отказывались понимать происходящее. Они говорили, что русскіе совершенно лишены чувства патриотизма. Да, для иностранцевъ это было непонятно, но мы-то слишкомъ ясно, всѣмъ своимъ нутромъ чувствовали, что это война не «за отечество», а «противъ отечества», что лучше намъ проиграть борьбу за тридевять земель, да исторически спохватиться, чѣмъ въ «плевецкомъ спокойствіи» дожидаться до того времени, когда насъ разгромить съ ближняго запада. Война съ Японіей и внутри Россіи не встрѣтила «патриотической» поддержки ея населеніемъ по той же самой причинѣ, по которой она такъ «ненормально» шла на Дальнемъ Востокѣ: эту войну вело не «отечество», а все тотъ же Молохъ, во власти котораго было «отечество».

Однако, что же такое «отечество», если даже война съ внѣшнимъ врагомъ можетъ оказаться веденной не «за него», а «противъ него»? Ясно, что въ идеѣ «отечества» надо разбраться глубже, если мы желаемъ понять тѣ событія, которые имѣли у насъ мѣсто во время японской войны; если мы не хотимъ успокоиться на томъ выводѣ, который теперь такъ усердно проповѣдуютъ гг. Меньшиковы, что русскій народъ вмѣстѣ съ своей интеллигенціей—просто уродъ, лишенный чувства любви къ родинѣ, лишенный патриотизма.

Что же такое «отечество»?

Наше «отечество»—это есть чаще «государство», говорили мы выше. И это есть совершенно правильное начало отвѣта на вопросъ объ «отечествѣ». Но только—*начало*, и надо его поэтому довести до конца.

Что такое само «государство»? вотъ вопросъ, который необходимо поставить дальше.

Если бы мы обратились съ этимъ вопросомъ къ учебникамъ государственнаго права, то мы нашли бы тамъ обычный, шаблонный, но для нашихъ цѣлей вполне достаточный отвѣтъ. Въ понятіе государства, скажутъ намъ государствовѣды, входятъ *три* элемента: *территорія, населеніе и власть*. Иными словами, для того, чтобы существовало государство, необходимо, чтобы была *территорія*, было *населеніе*, и чтобы надъ ними была организована *власть*, которая именно и создаетъ то единое цѣлое, которое именуется государствомъ. Поэтому *власть*—это есть основной и главный элементъ въ понятіи государства, территория и населеніе какъ бы даютъ механическіе или строительные матеріалы для государства, и только организациа власти превращаетъ эти матеріалы въ настоящее государство. Государство—есть прежде всего и важнѣе всего *организациа власти*.

Но если такъ, то то же самое и «отечество». Оно также не есть только «наша» территория или «нашъ» народъ, но также и «наша» власть или «наша» организациа власти. Сражаться «за отечество»—это значитъ

сражаться не только за территорію и народъ, но также и за форму организованной у нихъ власти. Умирать за «отечество»—это значитъ умирать не только за *народъ*, но и за *власть*. Отсюда-то именно возможность тѣхъ трагедій въ области «патріотизма», одну изъ которыхъ, и притомъ въ такомъ тяжкомъ видѣ, мы пережили во время японской войны.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ изложеннаго съ неизбѣжностью вытекаетъ, что «государство», а слѣдовательно, и «отечество», не можетъ оставаться въ вѣчно неизмѣнномъ видѣ. Однажды организованная въ немъ «форма» власти всегда совершаетъ свой историческій кругъ, приноситъ народу свою долю историческаго добра, и затѣмъ себя изживаетъ, перестаетъ приносить народу пользу, начинаетъ причинять ему *вредъ*, изъ здороваго и крѣпкаго устоя государства превращается въ гнилую подпору, которая уже ничего не способна поддерживать, а становится лишь источникомъ распаденія и разложенія... Тогда для государства (а, слѣдовательно, и для «отечества») наступаетъ кризисъ, тогда государство оказывается какъ бы потерявшимъ свой главный элементъ, а, слѣдовательно, и не существующимъ, какъ нормальное государство, какъ покровитель и защитникъ народа въ его историческомъ существованіи. Тогда и «отечество» какъ бы перестаетъ быть отечествомъ, ибо изъ родной матери для народа («родина-мать») оно превращается въ злую мачеху для него... Тогда-то и начинается для народа та тяжкая трагедія, которую и мы пережили вмѣстѣ съ японской войной.

Война съ Японіей была для Россіи—событіемъ особаго рода и совершенно исключительнаго значенія. Она, какъ блескъ молніи, сопровождающей собою оглушительный ударъ грома, освѣтила намъ наше внутреннее состояніе и показала всѣ опасности, связанныя съ нимъ для народа. При этомъ страшномъ громѣ и ослѣпительномъ блескѣ грозы, къ счастью, разившейся не надъ европейской и даже не надъ азіатской Россіей, а гдѣ-то тамъ далеко, на краю свѣта, куда завели насъ нездоровые аппетиты нездоровыхъ людей, мы вдругъ увидѣли наше старое «отечество» совершенно немощнымъ и наше старое государство внутренне изжившимъ свою прежнюю организацію. Мы сразу убѣдились, что, какъ государство и народъ, мы находимся въ смертельной опасности, потому что прежняя организація власти уже не гарантируетъ намъ даже внѣшней безопасности; что надо немедленно же и съ возможной поспѣшностью приняться за внутреннюю перестройку нашего государственнаго организма,—или иначе намъ грозитъ участь такихъ странъ, какъ Испанія. Японская война стала для насъ поэтому грознымъ историческимъ предостереженіемъ; она испепелила безъ остатка нашъ старый «патріотизмъ», съ которымъ мы создали наше огромное государство, и она поставила передъ народомъ неумолимое требованіе создать себѣ новый «патріотизмъ», перестроивъ заново свое «отечество», подъ угрозой иначе—исторической смерти. Это было огненное «мани, факель, фаресъ», адресованное съ Дальняго Востока старому нашему государственному строю, а, слѣдовательно, и старому на-

шему «патриотизму». И русскій народъ не остался глухъ къ полученному имъ на Дальнемъ Востокѣ грозному уроку. Онъ съ пламеннымъ увлеченіемъ и немедленно принялся за перестройку своего государства. И такъ какъ для того, чтобы дать толчокъ государственному переустройству, понадобилось революціонное движеніе, то онъ не остановился и передъ нимъ: онъ создалъ день 9 января въ Петербургѣ, онъ вслѣдъ за этимъ днемъ устраивалъ стачку за стачкой, не давая ни на минуту остыть освободительному движенію; онъ, наконецъ, выдвинулъ октябрьскую политическую забастовку, остановивъ ею всю жизнь страны и весь застывши въ одномъ страстномъ порывѣ: получить желанный «новый» строй и тѣмъ положить прочную основу «новому» отечеству... Свою рѣшимость добыть необходимыя условія для своей «новой», лучшей жизни, народъ запечатлѣлъ своею кровью, пролитою не разъ въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи.

Бъ счастью, эта народная кровь пролилась не напрасно. Страстный порывъ народа былъ удовлетворенъ. 17 октября 1905 г. отъ имени самой власти, или, лучше сказать, отъ имени того ея элемента, который исторически не только не отжилъ и не умеръ, но который будетъ жить съ народомъ еще многіе вѣка и вокругъ котораго, какъ вокругъ прочнаго историческаго стержня, будетъ организованъ новый, конституціонный строй,—былъ изданъ актъ, болѣе важный и великій, чѣмъ прямой его историческій предшественникъ—манифестъ 19 февраля 1861 г. Манифестъ 17 октября какъ разъ и совершилъ то, что нужно было народу: онъ въ корнѣ измѣнилъ организацію у насъ государственной власти, онъ объявилъ введеніе у насъ настоящей европейской конституціи, и этимъ вновь вернулъ намъ утраченное нами за полнымъ историческимъ израсходованіемъ самодержавія «отечество». «Наша» территорія, «наше» населеніе и «нашъ» государственный строй, возвѣщенный намъ манифестомъ 17 октября—вотъ отнынѣ наше государство, вотъ—наше нынѣшнее «отечество». «Патриотизмъ» послѣ этого опять имѣетъ въ Россіи совершенно опредѣленный и ясный смыслъ, и онъ долженъ быть направленъ на установленіе въ странѣ настоящей конституціи, т.-е. на воплощеніе въ жизнь полностью манифеста 17 октября. Не больше, но и не меньше. *Не больше*, потому что получивъ для себя настоящую конституцію, мы обезпечимъ нормальный, правильный и мирный выходъ для историческихъ силъ народа, и въ рамкахъ конституціи народъ сумѣетъ затѣмъ добиться всего большаго и лучшаго, къ чему онъ только способенъ. *Не меньше*, потому что этимъ силамъ необходимо нуженъ свободный, конституціонный выходъ, и безъ него народъ будетъ рабомъ, не имѣющимъ энергіи и рѣшимости для того, чтобы разбить свои оковы. Такой народъ не устоитъ среди нынѣшнихъ европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ народовъ.

Итакъ, ясно и безспорно, съ одной стороны, что вмѣсто прежняго самодержавія, какъ организаціи государственной власти, намъ нужна настоящая, подлинная конституція, т.-е. народное представительство съ прочными законодательными и бюджетными правами,—народное представительство, которому бы

довѣрять народъ и къ которому съ уваженіемъ относилась бы исполнительная власть. Ясно и безспорно, съ другой стороны, и то, что именно такая настоящая, подлинная конституція, т.-е. введеніе народнаго представительства съ законодательными правами, именно и объявлено всенародно манифестомъ 17 октября... Но только воплощеніе въ жизнь этого манифеста встрѣтило рядъ историческихъ препятствій, которыя еще надо преодолѣть. И вотъ: это именно положеніе вещей и создаетъ теперь для русскаго «патріотизма» совершенно опредѣленную задачу—весь нашъ «патріотизмъ» долженъ быть направленъ на то, чтобы эти препятствія *преодолѣть*.

Что же это за препятствія? преодолѣны ли они уже въ какой-либо мѣрѣ? И какъ ихъ преодолѣть до конца?

Вотъ тѣ вопросы, которые теперь важнѣе всего для сознательнаго русскаго патріота.

Препятствіемъ къ осуществленію манифеста 17 октября, т.-е. къ водворенію у насъ подлинной, настоящей конституціи, служатъ, какъ теперь это уже выяснилось съ полной очевидностью, тѣ эксцессы *слѣва* и *справа*, которые, можетъ быть, были и неизбѣжны при такомъ грандіозномъ историческомъ кризисѣ, какой пришлось пережить Россіи, но которые, несомнѣнно, должны быть побѣждены, для того, чтобы въ странѣ прочно водворилась настоящая конституція. И скажу тотчасъ же: побѣждены не *физически*, а непременно *морально*. Физически—ни тѣхъ, ни другихъ побѣдить нельзя. Физически ихъ можно только загнать—первые въ *подполье*, вторые, наоборотъ, въ какія-нибудь высшія сферы,—а, между тѣмъ, для блага страны ихъ надо совсѣмъ *уничтожить*, и это можно сдѣлать только *морально*.

И если мы поставимъ эту задачу именно такъ, то для насъ тотчасъ же станетъ ясно, что одержать такую полную и окончательную моральную побѣду надъ эксцессами справа и надъ эксцессами слѣва, т.-е. и надъ революціей и надъ контръ-революціей, можетъ только самъ народъ и только въ томъ случаѣ, если онъ вполне и до конца проникнется конституціонной идеей. Пока народъ недостаточно смышленъ, чтобы понять необходимость своего активнаго участія въ жизни государства; или пока онъ недостаточно благоразуменъ, чтобы дѣйствовать не только въ состояніи запальчивости и раздраженія, но и добиваться своего съ холодной и спокойной настойчивостью,—до тѣхъ поръ онъ всегда будетъ во власти или эксцессовъ справа, или эксцессовъ слѣва. Въ немъ всегда будутъ жить и реакція, и революція, какъ бы въ непрерывномъ или перманентномъ состояніи. На мѣсто ихъ «конституція» становится лишь тогда, когда самъ народъ глубоко проникается настоящимъ конституціоннымъ духомъ, т.-е. рѣшимостью *настаивать* на своихъ правахъ, но настаивать *безъ замальчивости и раздраженія*, а въ спокойномъ сознаніи своей внутренней правоты и съ довѣріемъ къ своей внутренней моральной мощи.

И мы, къ счастью, можемъ сказать теперь, послѣ всего того, что мы

пережили въ послѣдніе два года, что нашъ народъ *усвоилъ* себѣ конституціонную идею, что онъ понялъ все ея значеніе и силу, и что онъ *стоитъ и будетъ стоять* за нее, отвергая одинаково какъ отклоненія отъ нея вправо, такъ и отклоненія влѣво. Теперь уже очевидно, что русскій народъ, какъ цѣлое, оказался на высотѣ своихъ историческихъ задачъ; что онъ пережилъ историческую бурю, но что онъ вывелъ изъ нея и тѣ уроки, какіе необходимы для великаго историческаго народа, желающаго на прочныхъ началахъ устроить свою дальнѣйшую судьбу. Эти прочныя начала—народное представительство, стоящее рядомъ съ Монархомъ, и обладающее, такъ же, какъ и Онъ, *рѣшающимъ* голосомъ въ дѣлѣ законодательства и бюджета. При такихъ условіяхъ вопросъ о томъ, что у насъ *содворится* прочная и подлинная конституція, и что это уже совсѣмъ не за горами—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Народъ—это и есть тотъ прочный фундаментъ, на которомъ возводится государственная постройка, и она будетъ именно такою, какою ее желаетъ, считаетъ нужной и умѣетъ построить народъ. Нашъ народъ желаетъ, считаетъ нужной и сумѣетъ построить именно конституцію—не больше, но и не меньше.

Однако, на чемъ же мы основываемъ столь утѣшительные выводы по адресу русскаго народа? спроситъ насъ читатель.

На всемъ томъ, что мы пережили за эти два критическихъ года послѣ манифеста 17 октября, повторимъ мы снова уже однажды сказанное выше.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе важнѣйшіе факты пережили мы послѣ 17 октября, и въ чемъ ихъ внутренній смыслъ?

Мы пережили цѣлую серію погромовъ, опоясавшихъ собою манифестъ 17 октября настоящей цѣлью опасныхъ подводныхъ камней, какъ опоясываютъ коралловые рифы вновь образующіеся въ тропическихъ моряхъ острова, превращая ихъ въ то мѣсто, гдѣ терпятъ крушенія мореплаватели со своими кораблями. Въ такое опасное мѣсто превратили и наши погромы этотъ вновь образовавшійся среди русской жизни благодѣтельный островъ.

Мы пережили московское вооруженное возстаніе, которое, по намѣреніямъ революціонныхъ партій, должно было быть первой крупной репетиціей неизбѣжнаго, по ихъ мнѣнію, «послѣдняго боя» народа за водвореніе у насъ республики и социалистическаго строя.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти грандіозные эксцессы какъ вправо, такъ и влѣво,—народъ, какъ только были объявлены выборы въ первый русскій парламентъ, обратился къ нимъ со страстью, съ вѣрою и съ полнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что это и есть правильный и вѣрный выходъ изъ его историческаго тупика. Онъ отвергъ какъ соблазнъ слѣва—идею бойкота, предназначеннаго быть претечей социальной революціи, такъ и соблазнъ справа—реакціонные выборы, предназначенные быть «мушичкой» реставраціей прежняго строя. Въ огромномъ большинствѣ онъ избралъ убѣжденныхъ конституціоналистовъ и предназначилъ ихъ къ кон-

ституціонной работѣ, т.-е. къ проведенію конституціоннымъ путемъ народныхъ требованій и желаній.

Съ такою рѣшительностью въ конституціонномъ направленіи былъ проведенъ народомъ этотъ первый шагъ его конституціонной исторіи. Народъ уполномочилъ вмѣсто себя своихъ «представителей» и поручилъ имъ непосредственное осуществленіе конституціоннымъ путемъ дѣла новаго государственнаго строительства. Онъ въ полной мѣрѣ оказался на высотѣ конституціонныхъ задачъ и всецѣло поддержалъ ихъ всею силою своего всенароднаго авторитета.

Тогда дѣло стало за первыми народными представителями. Имъ надо было, во-1-хъ, твердо стать въ конституціонныя рамки, отвергнувъ всякія революціонныя попытки превращенія Думы въ конвентъ, и, во-2-хъ, въ этихъ рамкахъ оправдать и заслужить оказанное имъ народное довѣріе. Дума, какъ цѣлое, твердо заняла первую позицію, и, въ рамкахъ ея, прежде всего провозгласила народныя требованія (отвѣтъ на тронную рѣчь), а затѣмъ выразила отъ имени народа недовѣріе тому Молоху—бюрократіи, который довелъ насъ до Мукдена и Цусимы и который сразу же занялъ враждебную а, можетъ быть, и предательскую позицію по отношенію къ народному представительству. Народъ съ восторгомъ одобрилъ эти первые шаги своихъ депутатовъ, ибо это прежде всего успокоило его въ томъ отношеніи, что онъ увидѣлъ, что народное представительство является его органомъ и слугою, а не приспѣшникомъ или наперсникомъ правящей бюрократіи и господствующихъ сословій. Связь между народомъ и народнымъ представительствомъ была сразу же прочно закрѣплена. Конституціонныя, по самому существу своему, надежды народа на то, что онъ добьется государственнаго *переустройства* съ помощью народнаго представительства, а не съ помощью революціи,—надежды эти были вполне *оправданы* первой Думой.

Послѣднее, можетъ быть, звучитъ парадоксально, ибо намъ постоянно твердятъ—особенно охотно съ лѣвой стороны—что народное представительство само по себѣ *бессильно*, что оно ничего не добилося и ничего не можетъ добиться, что на историческую сцену непремѣнно долженъ выступить самъ народъ во всей своей несокрушимой, революціонной мощи, и что иначе у насъ никогда настоящей конституціи не будетъ. Однако, самъ-то народъ едва ли съ этимъ согласенъ. Онъ вѣдь не отбросилъ въ сторону, ради собственныхъ выступленій, такого орудія, какъ народное представительство, онъ взялъ его въ руки и онъ съ удовольствіемъ изъ дѣятельности первой Думы убѣдился въ томъ, что это орудіе ему *не изменятъ*, что оно *не итется* и *не ускользаетъ* изъ его рукъ, что онъ можетъ вполне на него *положиться*... Этимъ вопросомъ о народномъ представительствѣ былъ рѣшенъ для народа *практически*. Отнынѣ это уже была для него не теоретическая мечта, а практически испытанное убѣжденіе. Отнынѣ уже можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что народъ и впредь будетъ бороться не за какіе-либо фантастическіе планы и не по

фантастическимъ рецептамъ, а за простую и ясную, испытанную не только на Западѣ, но теперь уже и у насъ, идею *народнаго представительства*. Народу стало непререкаемо ясно, что если у него будутъ народные представители, какихъ онъ имѣлъ въ первой Думѣ, и если они будутъ обладать настоящими законодательными правами, то онъ можетъ быть спокоенъ за дальнѣйшую судьбу государства.

Однако народному представительству, и именно въ лицѣ первой Думы, пришлось пройти и еще черезъ одно тяжкое испытаніе передъ лицомъ народа и исторіи.

Дѣло въ томъ, что тотъ Молохъ, который сдѣлалъ столько зла Россіи, а именно правящая бюрократія въ союзѣ съ привилегированнымъ дворянствомъ, не только не захотѣли войти въ дѣловое соприкосновеніе съ первымъ народнымъ представительствомъ, не только не вступили съ нимъ во взаимодѣйствіе, но оставили его какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ, въ полномъ разобщеніи со всей остальной государственной машиной, а затѣмъ, наконецъ, и совсѣмъ выбросили вонъ, какъ ненужную ветошь или какъ вредную заразу.

Что было дѣлать тогда первымъ народнымъ представителямъ? Призвать народъ къ революціи? Воззвать къ тѣмъ неорганизованнымъ, стихійнымъ силамъ народа, которыя, даже въ случаѣ удачи, какъ пожаръ или наводненіе, умѣютъ только все ниспровергать и все разрушать? иными словами, вернуться къ тому неорганизованному состоянію, въ какомъ находился народъ, пока у него еще не было народныхъ представителей? Или еще иначе: вернуть народу обратно институтъ народнаго представительства и конституція, сказавъ ему, что для нихъ еще не пришло время и что *все* надо вновь обратить въ тотъ первобытный хаосъ, который одинъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣетъ въ себѣ желаемый творческій геній?

Нѣтъ, народные представители не могли этого сдѣлать, ибо это значило бы *исторично*, и притомъ уже отъ имени ихъ самихъ, распустить Государственную Думу, отвергнувъ вмѣстѣ съ тѣмъ самую идею народнаго представительства. Это значило бы отъ имени и по уполномочію народа признать, что достигнутый уже результатъ—право народа на народное представительство—ничего не стоитъ и что его надо вновь выбросить въ тотъ первозданный огонь, изъ котораго сами собой будто бы родятся совершенныя формы общественной жизни.

Народные представители не могли этого сдѣлать, и они этого не сдѣлали, хотя въ ихъ средѣ и находились участники, такъ называемыхъ, революціонныхъ партій. Самъ народъ, отвергнувъ идею бойкота передъ первыми выборами, тѣмъ самымъ ясно показалъ, что онъ предпочитаетъ уже завоеванное народное представительство самымъ заманчивымъ революціоннымъ перспективамъ. Тѣмъ болѣе народные представители въ этотъ тяжкій часъ ихъ великой исторической отвѣтственности не могли рѣшиться отъ своего имени поставить народъ вновь на революціонную точку зрѣнія. И пусть не говорятъ теперь представители лѣвыхъ партій въ пер-

вой Думѣ, что они *предпочли бы* тогда призывъ народа къ революціи: они говорятъ это *теперь*, въ безответственный моментъ,—но тогда, когда надо было *дѣйствовать* и когда надо было *отвѣчать* передъ народомъ за свои дѣйствія, они избрали тотъ способъ дѣйствія, какой *избрали*. И что они въ то время *думали*, это теперь вполне безразлично.

Но если нельзя было призвать народъ къ революціи, то что же было дѣлать? разойтись молча по домамъ, сдѣлавъ видъ, что ничего особеннаго не случилось и что все обстоитъ благополучно? Но не значило ли бы это показать народу, притомъ въ самый критическій моментъ, что народное представительство, на которое онъ положился, выскользнуло изъ его рукъ, что оно отказалось отъ службы народу, признало себя *оставленнымъ* отъ этой службы, когда народъ его не оставлялъ и въ немъ еще нуждался? Если бы роспускомъ Думы создавалась только нормальная, обычная апелляція къ народу, то, конечно, депутаты могли бы спокойно вернуться къ своимъ избирателямъ и передать на ихъ судъ свою распрю съ министерствомъ... Но слишкомъ много было основаній думать (и многія изъ нихъ потомъ подтвердились), что это не былъ простой роспускъ,— что, наоборотъ, это было рѣшительное нападеніе стараго Молоха-бюрократіи вмѣстѣ съ «объединеннымъ» дворянствомъ на еще юное народное представительство. Значитъ, надо было сказать это народу и посоветовать, что ему дѣлать.

И народные представители сказали это народу, и они посоветовали ему рѣшительно стать на защиту своихъ конституціонныхъ правъ, но не вооруженнымъ возстаніемъ, а крайними конституціонными средствами—неплатежомъ налоговъ, недачей рекрутъ...

Такъ прошли первые народные представители черезъ это тяжелое историческое испытаніе, въ которомъ они должны были до конца доказать народу, что они принадлежать *ему* и только ему одному...

И много на нихъ посыпалось обвиненій по поводу ихъ воззванія и справа, и слѣва: одни говорили, что они—бунтовщики, разрушители государства, другіе говорили, что они невинные младенцы или шутники. И только народъ остался ими доволенъ, только онъ не шлетъ имъ упрековъ, только онъ цѣнитъ ихъ, какъ своихъ настоящихъ, не покинувшихъ его въ нужную минуту и не слухавшихъ передъ нимъ, избранныхъ. Вѣра народа въ институтъ народного представительства и въ конституцію не только выборгскимъ воззваніемъ не подорвана, но, наоборотъ, она имъ навѣки закрѣплена. Нечего теперь народу растолковывать, что такое конституція и зачѣмъ она ему нужна и почему она лучше самодержавія, съ одной стороны, и революція съ другой: все это онъ теперь очень хорошо знаетъ, и все это навѣки запечатлѣно у него въ совершенно ясный и конкретный образъ... Народъ не послѣдовалъ выборгскому призыву, но онъ оцѣнилъ его такъ, какъ слѣдуетъ,—онъ сдѣлалъ изъ него правильные выводы, и самый важный изъ нихъ тотъ, что народное представительство оправдало тѣ надежды, съ которыми онъ посыпалъ своихъ избран-

никовъ въ Таврической дворецъ, требуя отъ нихъ клятвы въ томъ, что они не измѣнятъ народному дѣлу. Народъ призналъ, что народные представители приложили всѣ свои силы къ народному дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидѣлъ, что это народное дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ онъ думалъ, и что его осуществленію надо добиваться долгими, непрекращающимися, конституціонными усиліями. Народъ не добился желаннаго ему результата, но онъ нисколько не разочаровался въ выдвинутомъ имъ для достиженія этого результата орудіи,—наоборотъ, онъ теперь-то именно и убѣдился практически, что это орудіе правильное и самое лучшее.

Какіе же изъ всего этого слѣдуютъ выводы?

Я позволю себѣ формулировать ихъ вкратцѣ слѣдующимъ образомъ:

Японская война создала кризисъ нашего «старого» патриотизма и потребовала отъ народа созданія «новаго». Русскій народъ тотчасъ внялъ этому требованію и немедленно принялся за пересозданіе своего старого «отечества», двинувъ его къ тому новому строю, безъ котораго дальнѣйшая историческая жизнь Россіи была бы невозможна. И такъ какъ безъ революціоннаго почина дѣло не шло въ ходъ, то русскій народъ исторически былъ вполнѣ правъ, развернувъ тотчасъ послѣ войны свое «освободительное» движеніе.

Въ то время (т.-е. до 17 октября 1905 г.) дѣятельность крайнихъ партій была необходима и благодѣтельна для страны, ибо она ставила, такъ сказать, на очередь вопросъ о созданіи необходимаго народу «новаго» отечества.

17 октября 1905 года наше «новое» отечество родилось *юридически*, и его рожденіе было привѣтствовано восторженными кликами народа. Верховная власть манифестомъ 17 октября совершила сама великій патриотическій подвигъ дарованія народу тѣхъ правъ, безъ которыхъ ему жить дальше было невозможно, безъ которыхъ онъ былъ бы обреченъ на историческую гибель и на историческое раствореніе среди другихъ, сумѣвшихъ добиться себѣ этихъ правъ, народовъ.

Въ актѣ 17 октября 1905 г. русскій патриотизмъ вновь получилъ для себя прочную «историческую» точку опоры.

Однако манифестъ 17 октября далъ въ сущности только юридическую «возможность» новой конституціонной Россіи, и очередь послѣ него стала за тѣмъ, чтобы превратить эту «возможную» будущую Россію въ дѣйствительно *существующую*. И что же, далеко мы подвинулись по пути въ этому «превращенію», или нѣтъ?

Вопреки всеобщему теперь пессимизму и унынію, вопреки всеобщему убѣжденію въ томъ, что мы «что-то» имѣли и затѣмъ безвозвратно «потеряли»,—что мы послѣ «царскихъ палатъ» вновь очутились передъ прежнимъ «разбитымъ корытомъ», я рѣшаюсь здѣсь утверждать, что мы все время неудержимо движемся къ указанному «превращенію» Россіи въ конституціонную страну и что *самое главное*, чего надо было желать для этого превращенія, уже *имѣется* у насъ *въ наличности*. Я утверждаю это по-

тому, что исторія—не сказка, и что въ ней «волшебныхъ» превращеній ни въ хорошую, ни въ дурную сторону не бываетъ. «Конституціи» не водворяются въ странахъ ни волшебной палочкой «сверху», ни волшебной палочкой «снизу». Онѣ «устанавливаются», и притомъ устанавливаются «неудержимо»—у тѣхъ народовъ, которые дорастаютъ до конституціонной идеи и которые ее себѣ твердо усваиваютъ. Это и есть то, что я выше назвалъ *самымъ главнымъ* для конституціи. Безъ «конституціоннаго сознанія» самаго народа конституція невозможна, хотя бы ее провозглашали сверху, (какъ это было въ Турціи въ 70-хъ годахъ), или революціонно требовали снизу (какъ это было сдѣлано у насъ въ извѣстномъ обращеніи исполнительнаго комитета партіи народной воли къ Александру III въ 1881 г.). Но если «конституціоннымъ сознаніемъ» проникается народъ—тогда оно пролагаетъ себѣ путь въ жизнь неудержимо. И мы съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаемъ, что этотъ главный фактъ—народная воля «къ конституціи», у насъ уже есть. Народъ былъ разбуженъ къ политической жизни японской войной; онъ страстно принялся за переустройство своего государства; онъ пережилъ революціонную бурю; онъ имѣлъ живой опытъ съ народнымъ представительствомъ; его тянули и вправо, и влево. Но онъ во всей силѣ обнаружилъ на этомъ историческомъ экзаменѣ свой старый здравый государственный смыслъ. Все, что онъ страстно пережилъ, и все, что онъ глубоко передумалъ послѣ 17 октября 1905 года, привело его къ одному, теперь глубоко засѣвшему въ немъ выводу: что Россіи нужно настоящее народное представительство, и что нужно именно оно, а не что-либо другое. Народъ теперь вполне *понимаетъ* всѣ выгоды конституціоннаго порядка и онъ всѣми своими силами и всѣми своими помышленіями къ нему *стремится*. Народъ глубоко проникся идеей конституціоннаго строя, онъ видитъ въ немъ якорь своего спасенія, онъ хочетъ только его, и онъ со всей силой своего сознанія и воли отвергаетъ какъ планы революціонеровъ, такъ и планы контръ-революціонеровъ. Онъ тотчасъ успокоился бы, если бы «конституція» была у него уже въ рукахъ; и онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока она не будетъ «реализована». Конечно, я разумѣю здѣсь не такъ называемое успокоеніе «отъ революціи», а то высшее успокоеніе народа, когда онъ увѣренъ въ судьбѣ своего государства и не беспокоится за свою историческую участь, когда онъ «спокойно» занимается своими будничными дѣлами, предоставивъ «политику» ея руководителямъ.

И здѣсь, мнѣ кажется, участники первой Государственной Думы, особенно участники, не покинувшіе ея до самаго конца, могутъ съ понятнымъ удовлетвореніемъ сказать, что совершившееся превращеніе неопредѣленнаго стремленія народа къ какому-то *новому* строю въ *ясное конституціонное сознаніе*; прочное закрѣпленіе въ народѣ вѣры въ идею народнаго представительства—есть ихъ *патріотическая* заслуга передъ родиной,—заслуга, которой никто не можетъ у нихъ отнять, которая имъ несомнѣнно зачтется и той без-

пристрастной исторіей, которая наступаетъ въ концѣ-концовъ для всякаго общественнаго дѣятеля.

Очевидно теперь и то, что очередной, текущей задачей нынѣшняго времени является—*сократить* и *ускорить* этотъ періодъ перехода Россіи къ настоящему конституціонному строю.

Кто же можетъ ускорить этотъ благодѣтельный и необходимый для страны переходъ?

Революціонныя партіи совершили свое—нужное когда-то для Россіи дѣло, и исторія отодвинула ихъ въ сторону. Онѣ теперь внутренне разложились, нравственно дезорганизовались, онѣ не знаютъ, что имъ дѣлать, онѣ сами приходятъ въ ужасъ отъ той метаморфозы, какую претерпѣла идея силы и вооруженной руки—въ революціонныхъ низахъ, въ несовершеннѣйшихъ головахъ, наконецъ, въ рядахъ черносотенцевъ. Ихъ революціонная роль сыграна, и онѣ теперь жаждутъ открытыхъ, какъ въ Европѣ, конституціонныхъ рамокъ для защиты и пропаганды своихъ идей и программъ.

Партіи демократическія, но не революціонныя—тѣ самыя, которыя закрѣпили въ народномъ сознаніи идею народнаго представительства и которыя руководили первой Думой, изъяты теперь закономъ 3 іюня изъ политическаго русла и лишены возможности играть *активную* политическую роль.

На политической аренѣ дѣйствуютъ въ качествѣ «побѣдителей» и распорядителей русскихъ судебъ частью элементы прежней бюрократіи, въ роли «правительства», частью «правые» конституціоналисты (октябристы и «умѣренные») въ роли руководителей парламента. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что именно на нихъ и окажется свое неотразимое давленіе «конституціонное» сознаніе народа, его законное стремленіе перейти наконецъ отъ бесплоднаго междоусобія къ согласной и дѣятельной конституціонной жизни, его нетерпѣніе занять вновь среди народовъ то историческое мѣсто, какое принадлежитъ ему въ мірѣ по праву... Но «патріотическій» долгъ и нынѣшняго правительства, и нынѣшняго парламента—не противиться этимъ конституціоннымъ стремленіямъ народа, пойти имъ навстрѣчу и *сократить*, насколько возможно, этотъ переходный періодъ, только напрасно задерживающій историческіе успѣхи народа, которые ему необходимы и къ которымъ онъ тотчасъ перейдетъ, какъ только ему дадутъ къ нимъ свободную дорогу...

Для успѣшной исторической дѣятельности всякаго народа ему, какъ и отдельному человѣку, прежде всего необходимо собственное *внутреннее равновѣсіе и согласіе*, т.-е. согласіе касательно главнаго пункта общей жизни, а именно организациі государственной власти. Безъ этого внутренняго согласія невозможенъ «нормальный» патріотизмъ, а безъ «патріотизма» невозможно поддержаніе достойнаго существованія народа среди другихъ народовъ, т.-е. неизбежно наступаетъ для него историческая смерть. Поэтому когда для народа приходитъ кризисъ «патріотизма», то это значитъ, что ему

какъ можно скорѣе нужно перейти отъ того государственнаго устройства, на которомъ онъ прежде практически имѣлъ «внутреннее согласіе» и которое затѣмъ стало для него предметомъ внутренняго «разногласія», къ новому государственному устройству, которое опять вернуло бы народу это внутреннее согласіе, а вмѣстѣ съ нимъ и необходимый всякому народу одинаковый для всѣхъ его гражданъ «патріотизмъ». У насъ всѣ предпосылки этого перехода къ *новому* согласію и къ *новому* патріотизму уже даны: мы имѣемъ манифестъ 17 октября, обѣщавшій намъ конституціонную жизнь, и мы имѣемъ уже вполне опредѣлившуюся рѣшимость народа вполне сознательно отбросить эксцессы влѣво и эксцессы вправо и предпочесть правильную конституціонную жизнь всякой другой. Намъ недостаетъ только *реализации* этихъ предпосылокъ... Пусть же нынѣшніе политическіе дѣятели *ускорятъ* этотъ необходимый для русскаго народа результатъ. Всѣ предыдущія стадіи нашего государственнаго перерожденія шли съ поразительной быстротой; надо, чтобы и послѣдняя его стадія: реализація *средняго*, но всѣми признаннаго необходимымъ результата великаго русскаго освободительнаго движенія—осуществленіе настоящей, подлинной конституціи, довершила эту быстроту. Въ заботливости о быстротѣ этой послѣдней стадіи перехода скажется «патріотизмъ» нынѣшнихъ хозяевъ положенія, и, когда это совершится, тогда полный кругъ его будетъ завершонъ,—тогда нравственно-усложненный и внутренне-согласный народъ вновь двинется къ своей великой будущности, вновь поравняется съ другими народами въ своихъ культурныхъ успѣхахъ, вновь займетъ среди нихъ достойное его мѣсто...

Тогда этотъ народъ вновь, какъ и всегда, будетъ «патріотиченъ» и въ мирѣ, и на войнѣ, ибо у него будетъ опять всѣми одинаково признанное и для всѣхъ одинаково дорогое «отечество».

Н. А. Гредеснунъ.

Въ обезьяньихъ лапахъ.

О Леонидъ Андреевъ.

I.

Обезьяна, подглядѣвъ, какъ мать ласкаетъ ребенка, украла его изъ люльки и зааскала до смерти: есть объ этомъ разсказъ въ какой-то дѣтской книжкѣ съ картинками.

Когда я думаю о судьбѣ такихъ русскихъ писателей, какъ Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ, заласканныхъ, задуренныхъ славой, то мнѣ вспоминается ребенокъ въ обезьяньихъ лапахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая судьба: вчера—«властитель думъ», духовный самодержецъ и первосвященникъ русской интеллигенціи, а сегодня—что онъ, гдѣ онъ?—этого никто не знаетъ или скоро не будетъ знать. Холопство—въ поклоненіи, холопство—въ униженіи. Обезьянья нѣжность, обезьянья лютость. Объявили «конецъ Горькаго»—и выбросили конченнаго писателя, какъ выбрасываютъ выжатый лимонъ. Поступили съ человѣкомъ, какъ съ однимъ изъ тѣхъ резиновыхъ пузырей-губокожъ, которые надуваются до исполинскихъ размѣровъ,—«человѣкъ, это гордо!»—а затѣмъ, по вѣрѣ того, какъ выходитъ воздухъ, ёжатся, морщатся и, наконецъ, съ послѣднимъ жалобнымъ пискомъ, совсѣмъ сникнувъ, становятся тряпкою.

Не хочется вѣрить въ «конецъ Горькаго»; пока живъ человѣкъ, живъ писатель; именно теперь, когда безчисленные мнимые друзья отвернулись отъ него, немногіе мнимые враги продолжаютъ смотрѣть на него съ надеждою, готовые протянуть ему руку и, конечно, рады будутъ, первые, привѣтствовать возрожденіе Горькаго.

А пока что, новая жертвочка въ обезьяньихъ лапахъ—Леонидъ Андреевъ. Неужели и съ нимъ то же будетъ, что съ Горькимъ?

Нѣкогда Горькій казался великимъ художникомъ—и пересталъ казаться; Андреевъ кажется—и перестанетъ казаться. У обоихъ есть маленькіе драгоценные камешки художественнаго творчества; но не эти камешки, а огромные фальшивые брилліанты плѣняли нѣкогда поклонниковъ Горькаго, сейчасъ плѣняютъ поклонниковъ Андреева.

Я себя не обманываю, я знаю: сейчас доказывать, что сила обоняния писателей вовсе не въ художественномъ творествѣ, а въ общественномъ дѣйствіи, не тамъ, гдѣ они исполняютъ, а тамъ, гдѣ они нарушаютъ законы прекраснаго, доказывать это—значить толочь воду въ ступѣ: никто не повѣритъ, никто не услышитъ. О вкусахъ, конечно, спорять. Что такое вся критика, какъ не споръ о вкусахъ? Есть однако предѣлъ, за которымъ споръ прекращается. Нельзя доказать кошкѣ, что валерьянъ пахнетъ хуже фіалки: надо перестать быть кошкою, чтобъ это понять.

Надъ всю жизнь Василя Фивейскаго тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печалей, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Казалось, воздухъ губительный и глетворный окружалъ его, какъ невидимое прозрачное облако.

Перевертываю страницы и нахожу: «садъ вѣчно таинственный и манящій», «острая тоска», «жгучее воспоминаніе», «молчаливая, творческая дума», «огромное, бездонное молчаніе», «стихійная необъятная дума», «молчаливо-загадочныя поля», «невѣдомая тоска», «необъятная тишина», «чистая творческая дума», «мучительныя воспоминанія», «неизвѣданный счастливый просторъ», «роковая неизбѣжность», «безвыходное одиночество», «необъятный всевластный мракъ», «холодное отчаяніе», «музыка, играющая такъ обаятельно, такъ задумчиво и нѣжно», «музыка, обладающая волною горячихъ звуковъ», «дикое упоеніе злобою», «безмѣрная печаль нѣжной женской души», «огненная влага въ кубкѣ страданій».

Ну, съ меня довольно. Для моего человѣчьяго носа тутъ запахъ валерьяны слишкомъ чувствителенъ. И гдѣ бы я ни открылъ книгу, мелькаютъ все тѣ же цвѣты краснорѣчія, подобныя цвѣтамъ провинціальныхъ обоевъ. Не живыя сочетанія, а мертвая пыль словъ, книжный соръ. Слова, налитыя не огнемъ и кровью, а типографскими чернилами. Я знаю, что значить: «огурецъ соленый», «столъ круглый», но что значить: «мучительныя воспоминанія», «жгучая тоска»—я не то что не знаю, а знать не хочу, какъ не хочу знать, что опротивѣвшіе обойные цвѣточьи имѣютъ притязаніе на сходство съ полевыми васильками и маками: мало ли чего хотѣлъ обойный фабрикантъ, да моя-то душа этого не хочетъ.

Существуетъ два рода писателей: одни пользуются словами, какъ ходячею монетою—стертыми пятиалтынными; другіе—чеканятъ слова, какъ собственную монету, выбивая на каждомъ свое лицо, такъ что сразу видно, чье слово: *кесарево—кесарю*; для однихъ слова—условные знаки, какъ бы сигналы на желѣзно-дорожныхъ семафорахъ; для другихъ—знаменія, чудеса, магія, «духовныя тѣла» предметовъ; для однихъ слово стало механикой; для другихъ—«слово стало плотью». Андреевъ, если не вездѣ, то больше всего тамъ, гдѣ старается быть художникомъ, принадлежитъ къ первому роду писателей.

Мнѣ могутъ возразить, что все это мелочи; но вѣдь достаточно опустить палецъ въ воду и попробовать на языкѣ, чтобы узнать, какая вода,

прѣсная или соленая; достаточно одѣлать химическій анализъ капли крови, чтобы узнать, какую болѣзнь заражено тѣло.

Каковы слова, таковы и мысли.

«Бъ звѣздамъ», кажется, единственное произведеніе Андреева, въ которомъ дѣйствующія лица не только вопять и скрежещуть зубами, но и бесѣдуютъ.

«Всякій человѣкъ долженъ быть сильнымъ». «Астрономія—торжество разума». «У американцевъ—высокая культура». «Вы какъ будто противъ науки, Анна Сергѣевна?»—«Не противъ науки, а противъ ученыхъ, которые уклоняются отъ общественныхъ обязанностей». «Для революціи нуженъ талантъ». «Буржуа—звѣри, они всегда питались человѣческой кровью». «У меня подъ юбкой знамя было—наше знамя, я приколола его англійскими булавками, но какое оно тяжелое». «Собакъ нужно время, чтобы привыкнуть къ потерѣ щенка». «Измѣнниковъ и предателей нужно казнить смертью». «Можно убивать электричествомъ, тогда безъ крови». «Среди насъ, евреевъ, родился Христосъ и Марксъ». «Товарищи, солнце вѣдь тоже пролетарій».

По этимъ изреченіямъ я не сузу объ умѣ самого Андреева, только спрашиваю, знаетъ ли онъ или не знаетъ, что его герои одарены нечаяннымъ и самоубійственнымъ остроуміемъ Кузьмы Пруткова.

Иногда говорятъ они въ стихахъ.

Небо такъ ясно, солнце прекрасно,
Солнце зоветъ.
Въ веселой работѣ, чужды заботѣ
Братья, впередъ.
Грозы и бури, ясной лазури
Не побѣдятъ.
Подъ бури покровомъ, въ мракѣ грозовомъ,
Молнии горять.

Можетъ быть, этотъ пролетарскій гимнъ солнцу внушенъ благородными чувствами, но стихи всетаки прескверные.

Краснорѣчіе дурного вкуса особенно тягостно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о самомъ святомъ для Андреева и для его читателей.

«Гибнетъ свобода, бѣдная невѣста въ бѣлыхъ цвѣтахъ, обрѣтшая гибель въ часъ брачнаго торжества. Но, чу. Слышенъ топотъ. Идутъ. Словно десятки гигантскихъ барабановъ отбиваютъ густую тревожную дробь. Трамъ-трамъ-трамъ. Идутъ предмѣстья. Идутъ защищать свободу. Развѣ можно удержатъ падающую лавину? Кто осмѣлится сказать землетрясенію: до сюда земля твоя, а дальше не трогай... Такъ это народъ! И гордость и чувство силы, и жажда великой, еще невиданной свободы. Свободный народъ—какое счастье! Трамъ-трамъ-трамъ... Гремить революціонная пѣсня... Бъ оружію, граждане! Собирайтесь въ батальоны! Идемъ, идемъ!... Спасена свобода!»

Да вѣдь это же Букольникъ: «Рука Всевышняго отечество спасла», или:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!

вывернутые наизнанку. Революціонная казенщина, которая хуже правительственной. Стиль арапчевскихъ казармъ—въ стилѣ «военной диктатуры пролетаріата». Стоило начинать революцію, чтобы не найти въ ней ничего, кромѣ «трамъ-трамъ-трамъ». Неужели Андреевъ не чувствуетъ, что такія молитвы—воцунство?

Какъ всё, кто не владѣетъ языкомъ, онъ его насилуетъ.

Въ разсказѣ «Такъ было» рѣчь идетъ о герояхъ французской революціи. Они, говоритъ Андреевъ, «любимыя дѣти грозныхъ дней—окровавленныхъ головъ, которыя носить на пикахъ, какъ тыквы; мясистыхъ губчатыхъ сердець, изъ которыхъ выжимаютъ кровь; могучихъ титаническихъ рѣчей, гдѣ слово острѣе кинжала и мысль безпощаднѣе, чѣмъ порохъ. Покорные волѣ державнаго народа, они вызвали призракъ таинственной власти—и сейчасъ, холодные, какъ ученые анатомы, какъ судьи, какъ палачи, они изслѣдуютъ его голубое сіяніе, пугающее невѣждъ и суевѣровъ, разнимутъ его призрачные члены, найдутъ черный ядъ тираніи и предадутъ его послѣдней казни».

Что это значить? «Дѣти дней—губчатыхъ сердець—изслѣдуютъ голубое сіяніе призрака власти и предадутъ казни ядъ тираніи».

«О, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не власть въ отчаяніе? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». Не будемъ забывать, что безъ русскаго языка и русской революціи не сдѣлаешь. Кто изъ насъ не возмутится, когда безчестятъ женщину; отчего же мы не возмущаемся, когда безчестятъ языкъ: вѣдь и онъ живой, вѣдь и онъ цѣломудренный. Есть преступленія противъ языка, которыя никому не прощаются.

Горько сознаться, что въ русской революціи дѣла достойныя титановъ совершаются подъ пѣсни пигмеевъ, подъ такія гимназическія вирши, какъ «Вставай, подымайся, рабочій народъ».—Неужели наша свобода родилась глухо-нѣмой, или это все еще древнее косноязычіе рабовъ?

II.

Не только красота, но и уродство, не только ладъ міра, космосъ, но и мировой разладъ, хаосъ, могутъ быть предметомъ искусства, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ обѣихъ эстетикахъ, положительной и отрицательной, въ отраженіи космоса и въ отраженіи хаоса господствовалъ одинъ законъ—художественная мѣра, категорическій императивъ искусства—*воля къ прекрасному*. Художникъ можетъ созерцать уродство, но не можетъ хотѣть уродства; можетъ быть въ хаосѣ, но не можетъ быть хаосомъ.

Художественное творчество Андреева мнѣ кажется сомнительнымъ не потому, что онъ изображаетъ уродство, ужасъ, хаосъ,—напротивъ, подобныя изображенія требуютъ высшаго художественнаго творчества,—а по-

тому, что, созерцая уродство, онъ соглашается на уродство, созерцая хаосъ, становится хаосомъ.

У священника Василія Фивейскаго одинъ сынъ утонулъ, другой—родился идиотомъ и ѣсть живыхъ прусаковъ, жена съ горя пьетъ запоемъ. Дочь говорить отцу, что хотѣла бы убить мать и брата. Въ пожарѣ сгораютъ жена священника, «вмѣсто лица у нея—сплошной бѣлый пузырь». Священникъ сходитъ съ ума и хочетъ воскресить мертваго; мертвый не воскресаетъ. Священникъ со злобою трясетъ гробъ и кричитъ: «Да говори же ты, проклятое мясо!» Въ галлюцинаціи видитъ то встающаго изъ гроба сына-идиота, то снова трущ—и такъ безумно двоятся гниющая масса». Священникъ бѣжитъ въ поле, а за нимъ изъ грозовыхъ тучъ, какъ «изъ огненнаго клубящагося хаоса, несется громopodobный хохотъ и трескъ, и крики дикаго веселья». Онъ «падаетъ, крутится по землѣ, окровавленный, страшный и снова бѣжитъ», и, наконецъ, умираетъ на большой дорогѣ.

Было ли, бываетъ ли такъ въ жизни? Для художника вопросъ не въ томъ, есть ли въ жизни ужасъ, а есть ли въ жизни трагедія. Мало ли ужасовъ въ газетномъ отдѣлѣ происшествій: то колесо ломовика раздавило черепъ Кюри, изобрѣтателя радія, то свинья отѣла голову трехлѣтнему ребенку. Можно, конечно, и по поводу этихъ происшествій поднять проблему мирового зла; но лучше не подымать—все равно, ничего не выйдетъ, кромѣ метафизическихъ общихъ мѣстъ. Всѣ мы, смертные, знаемъ, что какіе угодно ужасы съ каждымъ изъ насъ могутъ случиться, и мы ужъ тѣмъ, что родились, какъ бы согласились на нихъ. Тутъ нѣтъ еще трагедіи: трагедія начинается тамъ, гдѣ есть борьба, а борьба начинается тамъ, гдѣ есть надежда преодолѣть слѣпую судьбу—свинью, съѣдающую—и колесо, давящее насъ. У Андреева никакой надежды нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ никакой трагедіи.

Главный ужасъ жизни вовсе не въ тѣхъ эмпирическихъ ужасахъ, отъ которыхъ герои Андреева вопять, корчатся и скрежешутъ зубами.

Разумѣется, древніе трагики глубже Андреева заглянули въ ужасъ міра; недаромъ они рѣшили, что «лучше всего человѣку не рождаться, а родившись умереть поскорѣй»; но они вмѣстѣ съ тѣмъ знали, что *земная жизнь такова, что о ней нельзя сказать ни того, что она совсемъ хороша, ни того, что она совсемъ дурна*. Это значитъ, говоря попросту, — жизнь наша сѣренькая, ни то, ни се, серединка на половинкѣ,—и въ этой-то сѣрости ея главный ужасъ. Это—въ сущности то же, что говоритъ Гоголь въ концѣ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»: «опять поле мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрая галка и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Эта смерть заживо, эта здѣшняя скука расширяется до той не здѣшней, метафизической тоски, въ которой есть предчувствіе небытія, свидригайловской «бани съ пауками по угламъ»—вѣчной смерти. Если же нѣтъ,

какъ для андреевскихъ героевъ, ни вѣчной жизни, ни вѣчной смерти, то временная жизнь и смерть—только «дьяволовъ водевилъ»—жизнь копейка, а судьба видѣйка—и «пусть все летитъ къ чорту», какъ горьковскіе босяки философствуютъ.

Въ Барджелло, одномъ изъ флорентійскихъ музеевъ, есть бронзовая голова Данте; лицо спокойное, почти равнодушное, а между тѣмъ сразу видно, что это лицо того, кто видѣлъ адъ. Въ томъ же музеѣ восковое изображение чумы съ отвратительными подробностями—гниючіе трупы, изъ которыхъ вываливаются внутренности, и въ нихъ кишатъ огромные черви. Поклонники андреевскихъ ужасовъ напоминаютъ мнѣ тѣхъ воскресныхъ зѣвакъ, которые, скучая, проходятъ мимо головы Данте и толпятся съ жадностью у восковой чумы.

Знаетъ ли онъ, что послѣдній ужасъ не въ огнѣ и бурѣ, а въ *спяньи тихаго оттра?* Или ему кажется, что слово чѣмъ громче, тѣмъ сильнѣе, что ударъ палкою по головѣ всегда внушительнѣе, чѣмъ сказанное шепотомъ или даже вовсе несказанное. Его герои какъ будто думаютъ, что можно все высказать, все выкрикнуть, только бы хватило голоса. У нихъ нѣтъ недоговореннаго, умолчаннаго. Нѣтъ того, что «въ существѣ разумномъ мы зовемъ возвышенной стыдливостью страданья». Сразу вываливаютъ все, что есть за душой, что въ печи, на столѣ мечи. Похожи на тѣхъ мищихъ, которые выставляютъ язвы напоказъ, прося копеечки.

Открываю книгу, и нагроможденіе ужасовъ ошеломяютъ меня, я подъ ними барахтаюсь, какъ подъ внезапно свалившейся лавиною. Но опомняюсь и мало-по-малу догадываюсь, въ чемъ дѣло. А дѣло въ томъ, что меня хотятъ запугать. И во мнѣ пробуждается духъ противорѣчій: такъ вотъ же тебѣ, не боюсь, не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ. И усмѣхаюсь, и отъ этой усмѣшки намалеваннй чортъ, «нѣкто въ сѣромъ» проваливается окончательно. И мнѣ просто весело смотрѣть, какъ на сценѣ «балаганчика» изъ проломленныхъ головъ течетъ вмѣсто крови ялковенный сокъ и какъ бушуетъ игрушечный хаосъ въ стаканѣ воды. Сначала весело, а потомъ скучненько,—черезчуръ долго пустые ужасы катятся и гремятъ, какъ пустыя бочки. И я закрываю книгу съ безмятежною зѣвотой. Если же снова открою, то уже не для того, чтобы искать въ Андреевѣ художника.

Но тутъ не кончается, а только начинается вопросъ, въ чѣмъ же сила Андреева. Вѣдь всетаки, по дѣйствию на умы читателей, среди современныхъ русскихъ писателей нѣтъ ему равнаго. Всѣ они свѣчи подъ спудомъ, онъ одинъ свѣча—на столѣ. Они никого не заразили; онъ заражаетъ всѣхъ. Хорошо или дурно, но это такъ, и нельзя съ этимъ не считаться критикѣ, если критика есть пониманіе не только того, что пишется о жизни, но и того, что дѣлается въ жизни.

Эстетсы римскаго упадка не хотѣли читать апостола Павла, потому что онъ плохо писалъ по-гречески. Проигравъ не Павелъ, а тѣ, кто его не

читали: проглядѣли христіанство. Я не сравниваю Андреева съ апостоломъ Павломъ. Но боюсь, какъ бы и здѣсь не проглядѣть жизнь.

Тѣ огненные языки, которые знаменуютъ сошествіе Духа, нѣкогда горѣли надъ русскою литературой; теперь потухи или горять уже не тамъ. Что-то есть въ русской жизни, чего уже нѣтъ или еще нѣтъ въ русской литературѣ, въ словѣ. Жизнь ушла въ безсловесную глубину. Теперь то, что пишется, значительнѣе того, что печатается; то, что говорится, того, что пишется, и, наконецъ, то, что умалчивается, того, что говорится. Теперь,—что у кого болитъ, тотъ о томъ не говоритъ: сказать—языкъ не поворачивается; написать—рука не подымается,—гдѣ ужъ тутъ печатать.

Недавно заговорили о «зеленой опасности»; въ газетахъ появились дневники и письма гимназистовъ изъ «подполья», которые поступаютъ въ общество «огарковъ» и стрѣляются, потому что не рѣшили мировыхъ вопросовъ. Это, конечно, не литература,—беспомощно, почти безграмотно. Но какъ подлинникъ жизни, можетъ быть, значительнѣе, чѣмъ вся современная литература. Предсмертныя письма самоубійцъ рѣдко бываютъ правдивыми, но въ какомъ-то порядкѣ они всетаки подлиннѣе стиховъ Пушкина.

Произведенія Андреева напоминаютъ письма самоубійцъ: подъ ложью правда, какъ подъ лепломъ огонь; огня не видать, а дотроньтесъ—обожжеть.

На сценѣ «балаганчика» изъ головы Пьеро течетъ клюквенный сокъ; но Пьеро все же не кукла, а человѣкъ, и когда ему надоѣсть быть куклою, онъ, можетъ быть, уйдетъ за сцену и пуститъ себѣ пулю въ лобъ; тогда потечетъ кровь, и балаганчикъ кончится трагедіей.

Я не боюсь того, чѣмъ Андреевъ меня пугаетъ; но боюсь, чтобъ онъ самъ не испугался, какъ дѣти, которымъ однажды, во время игры въ чорта, явился чортъ.

Андреевъ не художникъ, но все же почти гениальный писатель: у него гений всей русской интеллигенціи—гений общественности. Есть у Андреева и нѣчто большее, небывалое въ русской интеллигенціи: прикосновеніе общественности къ религіи. Что изъ этого выйдетъ, добро или зло, сейчасъ трудно рѣшить, но что бы ни вышло, неизмѣримо важно, что это случилось. Нужна небольшая религіозная опытность, чтобы предсказать, что для русской общественности прикосновеніе къ религіи даромъ не пройдетъ; ноготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть. Религіозная безсознательность все равно, что половая дѣвственность: потерявъ, не вернешь.

О Богѣ Андреевъ не первый задумался въ русской литературѣ, которая эти думы, можно сказать, всосала съ молокомъ матери. Мистика Достоевскаго, по сравненію съ мистикой Андреева—солнечная система Куперника, по сравненію съ календаремъ. Недостигаемыя глубины мистическаго созерцанія, перейдя изъ четвертаго измѣренія во второе, въ общедоступную плоскость, какъ бы неимоვნю расплущились. Елевзинскія таинства превратились въ уличный митингъ. Но это не потеря, а только

превращеніе мистической энергіи—ея переходъ изъ созерцанія въ дѣяніе, изъ личности въ общество, изъ мысли одного въ волю всѣхъ. Великіе русскіе мистики, отъ Гоголя до Л. Толстого и Достоевскаго, только и дѣлали, что рвались къ общественной жизни, но вѣдь вотъ то такъ не дорвались—остались дневными звѣздами, которыми только въ черной водѣ колодезь. Почему? Не потому ли, что донскихъ мистиковъ донныѣ всегда, сколько бы они этому ни противились, религія кончалась реакціей? Русская интеллигенція зачитывала какъ художниками, но не жила съ нимъ въ своей единственно по религіи—въ революціонной общественной жизни. Тутъ они чужіе. Андрей свой братъ, типичнѣйшій русскій интеллигентъ. Положеніе необычайнаго «властитель думъ»; а лицо, какъ у всѣхъ; говорить, чувствуетъ, какъ художники, заражаетъ, потому что зараженъ. На немъ видно мистика, нѣкогда рѣдчайшая болѣзнь, случай бѣлаго ворона, стан эпидемической: всѣ черные вороны вдругъ побѣлѣли.

По степени религіознаго сознанія, андреевскіе герои—недоумки, росли. Но въ Россіи издавна такъ повелось, что общественность дѣла не выросла, а дѣти, эти вѣчные русскіе мальчики въ красныхъ рубахахъ-косовороткахъ и студенческихъ тужуркахъ, которые въ религіозномъ сознаніи ушли немногимъ дальше Писарева и Чернышевскаго. Съ Бундинымъ навсегда покончено,—такъ думали они вчера, а сегодня, не то что бы думали иначе, но зашевелилось у нихъ что-то на днѣ прежнихъ думъ какъ большая рыба въ мутной водѣ. Откуда, что, зачѣмъ,—они еще не знаютъ. Со старой дороги не свернули, а только зашли въ тупикъ и уперлись лбомъ въ стѣну. Конечно, жаль лбовъ, ну, да ничего, и поколотятся, и если даже кто-нибудь разобьетъ себѣ голову, зато дружокъ поймутъ, наконецъ, что религія—не пустое мѣсто; а можетъ быть, и стучатся до той двери, о которой сказано: стучите и отворится.

III.

Главная и непоправимая бѣда священника Василія Оивейскаго не въ томъ, что онъ глупъ; не просто не уменьъ, а именно глупъ, потому что истинная глупость заключается не столько въ отсутствіи ума, сколько въ образѣ его волеи соотвѣтствіи съ прочими свойствами души, главнымъ образомъ, съ волею. Слишкомъ большая воля, при маломъ умѣ, приводитъ къ глупости или къ сумасшествію, ибо и глупцы, такъ же какъ умные, могутъ быть, даже чаще умныхъ, сходять съ ума. Во всякомъ случаѣ, для автора, не желающаго принимать на себя отвѣтственность за глупость героевъ,—самый удобный исходъ—сводитъ ихъ съ ума.

Сказано: не оспаривай глупца. Это вѣрно въ частныхъ дѣлахъ. Но когда глупость становится явленіемъ общественнымъ, какъ въ настоящее время происходитъ въ области религіозной метафизики, то приходится спорить.

Итакъ, согласимся съ Андреевымъ, что Василій Фивейскій не просто гупъ, а только недостаточно мудръ, кое-чего не знаетъ, что знаетъ за что авторъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беспредѣльно несчастенъ, обиженъ судьбой, людьми и Богомъ. Пройдя черезъ горнило страданій, онъ вынесъ изъ его ту огненную вѣру, которая двигаетъ или должна бы, по вѣрѣ вѣрушихъ, двигать горами, воскрешать мертвыхъ. И вотъ, въ церкви, во время отпѣванья покойника, онъ подходитъ къ гробу, «поднимаетъ повѣтально правую руку и говоритъ разлагающемуся трупу»:

«— Тебѣ говорю, встань!»

«Но неподвиженъ мертвецъ».—Тогда о. Василій «понимаетъ все», пролинаетъ Бога и, такъ какъ не имѣетъ силы сдѣлаться мудрымъ безъ ога, то сходитъ съ ума.

Это значить: нѣтъ вѣры безъ чуда; но не можетъ быть чуда и, слѣдствительно, не можетъ быть вѣры.

Нельзя ли, однако, сказать и обратно: не можетъ быть чуда безъ вѣры, а такъ какъ нѣтъ вѣры, то нѣтъ и чуда?

Весь вопросъ въ томъ, вѣрять ли о. Василій. Онъ думаетъ, что вѣрять, упорно твердить: «вѣрую, вѣрую, Господи!»—но думать, что вѣрять и вѣрить—не одно и то же. Мы о вѣрѣ о. Василія слышимъ, но вѣры его не видимъ. Мы только можемъ догадываться, что, согласно съ тѣмъ, что онъ считаетъ своею вѣрою, Богъ посылаетъ вѣрующимъ всѣ житейскія блага и охраняетъ ихъ отъ всѣхъ житейскихъ бѣдъ; пока Богъ это дѣлаетъ, есть вѣра, а пересталъ, и вѣрѣ конецъ.

У моего друга была бабушка, богомольная старушка; когда она заболѣла ракомъ, то сперва молилась объ исцѣленіи, а потомъ, видя, что молитва не помогаетъ, разсердилась и велѣла вынести иконы. Можетъ быть, и я такъ же сдѣлаю, потому что слабъ человекъ и предѣла слабости своей не знаетъ. Но я все-таки не могу не сознавать, что такая вѣра не выше безвѣрія или суевѣрія шамана, который за исполненную молитву мажетъ своего боженьку сметаной по губамъ, а за неисполненную бьетъ по щекамъ.

Умень или немень самъ о. Василій, отъ Бога-то онъ, во всякомъ случаѣ, требуетъ неумнаго чуда. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло бы, если бы мертвецъ всталъ изъ гроба? Увидѣвъ чудо, невѣрующіе повѣрили бы?—Воскресившій Лазаря думалъ иначе: *если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ.*

Одно изъ двухъ: или Христосъ не воскресъ; тогда во что же вѣрять о. Василій, и не для того ли воскрешаетъ онъ мертвого, чтобы повѣрять въ Бога, помимо Христа? Или Христосъ воскресъ и во Христѣ—мертвые;—тогда иное воскресенье, не властью Христовой, а властью о. Василія, есть чудо не только помимо, но и противъ Христа—чудо Антихристово.

О. Василій воскрешающій вовсе не думаетъ о Христѣ воскресшемъ; ему до Него дѣла нѣтъ, потому что, въ лучшемъ случаѣ, по глупости человеческой, въ худшемъ—по гордости бѣсовской, онъ себя самого ставитъ на мѣсто Христа, на ту страшную высоту, гдѣ однимъ человекомъ

за все человечество рѣшается вопросъ, быть или не быть религiн;—и на этой высотѣ, какъ Христа на «крылѣ храма», искушаетъ о. Василiя дiаволь: *Если Ты Сынъ Божiй, бросься отсюда внизъ.*—Виѣсто того, чтобы отвѣтить со смирениемъ и мудростью Христовой: *сказано: не искушай Господа Бога твоего,*—онъ бросился и разбился.

Когда онъ уже «понялъ все»,—ему чудится въ мертвецѣ то живой сынъ-идиотъ, выходящiй изъ гроба, то снова неподвижный трупъ; «и такъ—безумно двоится гнiющая масса». Андрееву кажется, что это только бредъ, галлюцинація; но, можетъ быть, самъ Андреевъ еще не «все понимаетъ», и тутъ есть нѣчто большее: можетъ быть, по вѣрѣ, чудо: вѣра бѣсовская—и чудо бѣсовское?

Когда ожидаемое чудо нетлѣнiя не совершилось надъ святымъ старцемъ Засимою и, по стыдливому слову монаховъ, онъ «упредилъ естество», или, по циническому слову нигилиста Ракитина, «старецъ протухъ». Алеша Карамазовъ подходит, хотя и съ другой стороны, къ тому же вопросу о «тлѣтворномъ духѣ», какъ Василiй Фивейскiй.—«За что? Кто судилъ? Гдѣ же Провидѣнiе и перстъ Его? Бѣ чему сокрыло Оно свой перстъ въ самую нужную минуту и само захотѣло подчинить себя слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?»—Отвѣтъ—Кана Галилейская:

«Что это? Что это? Почему раздвигается комната? Ахъ, да это бракъ, свадьба, вотъ и гости... Но кто это? Кто встаетъ тамъ изъ-за большого стола? Какъ?... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь...—Да, къ нему подошелъ онъ, сухенькiй старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющiйся. Гроба уже нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ, какъ и вчера сидѣлъ съ ними, когда собрались гости. Лицо все открытое, глаза сияютъ. Какъ? Это онъ, стало быть, тоже на пирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской?»

Для Андреева, какъ и для нигилиста Ракитина, это, конечно, бредъ, галлюцинація—«безумно двоится гнiющая масса». Но для Алеши тутъ нѣчто большее; онъ знаетъ не виѣшнимъ, а внутреннимъ знаниемъ, что это не только видѣнiе, а подлинное видѣнiе высшей потусторонней реальнѣйшей реальности. И плоха та критика познанiя, которая вздумала бы отрицать эту реальность. Не ужасаетъ Алешу, а радуется, какъ совершающееся чудо нетлѣнiя, то, что тлѣющее тѣло «двоится», что оно одновременно—въ двухъ порядкахъ, и въ эмпирическомъ,—тамъ въ гробу, въ «тлѣтворномъ духѣ», и здѣсь, въ трансцендентномъ—на пирѣ нетлѣнiя, со Христомъ воскресшимъ. И пусть еще Алеша не знаетъ, какъ эти два порядка соединить окончательно,—онъ уже всѣмъ существомъ своимъ знаетъ, что въ единой точкѣ мiра, въ плоти Христа воскресшаго совершилось послѣднее соединенiе двухъ порядковъ—единое, единственное чудо.

Нѣтъ религiн, потому что нѣтъ чуда? Какой вздоръ! Вотъ опытъ физики: одинъ изъ двухъ подвязанныхъ на ниточкѣ шариковъ ударяетъ въ другой и приводитъ его въ движенiе. Легко сказать: приводитъ въ дви-

женіе. Но что это значить? Мы только видимъ, что механическая энергія изъ частицъ одного тѣла передается частицамъ другого, но какъ передача совершается—не знаемъ и даже представить себѣ не можемъ; въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы передаться отъ одного тѣла къ другому, энергія должна быть, хоть на мгновенье, между тѣлами, виѣ матеріи,—логическое представленіе физически непредставимое: тутъ наша логика расходится съ нашею физикою; тутъ для нашего знанія зіяющій прерывъ. И такими прерывами, провалами, конхъ края какъ бы очерчиваютъ облики невидимыхъ чудесъ, полонъ міръ. Основа всѣхъ явленій—тайна, Непознаваемое, Непредвидимое, то-есть отверстость, готовность къ чуду. Для того чтобы всѣ явленія выступили изъ порядка причинности, какъ звѣзды изъ ночного неба, засвѣтились внутреннимъ свѣтомъ чуда, нужно, чтобы они повернулись къ явленію, соединяющему оба порядка, къ единому Солнцу, къ единому чуду, къ Плоти Воскресшей.

А пока нѣтъ религій, нѣтъ послѣдняго соединенія,—есть только метафизическія силтенія обонхъ порядковъ, тончайшая паутинка, въ которой дрожатъ міры и созвѣздія, какъ утреннія капли росы. Въ эту-то страшную звѣздную паутинку, которой и мудрецамъ не распутать,—въ вопросъ о чудѣ, ступилъ о. Василій, косолапый мужичище своимъ сапожникомъ—ступилъ и провалился. Ему бы не о чудесахъ думать, а вбивать сваи да пѣть дубинушку или участвовать въ боевой организаціи.

Жаль о. Василя. Но кого же винить? Во всякомъ случаѣ, не метафизику, не судьбу, не Бога, а развѣ губернскую консисторію, которая назначаетъ глупыхъ поповъ.—Да, какъ ни повертывай, а приходится кончить тѣмъ, съ чего я началъ: о. Василій просто глупъ.

Но вѣдь и глупые страдаютъ; у нихъ нѣтъ сознанія, зато есть боль, и, можетъ быть, даже чѣмъ слабѣе сознаніе, тѣмъ сильнѣе боль. Объ этой боли умные молчатъ, а глупые вопятъ. Но когда всѣ *религиозные—неотрующіе* люди,—а *ранихъ* теперь съ каждымъ днемъ все больше—поймутъ, что жизнь безъ Бога и смерть безъ воскресенія дѣлаютъ не только каждаго человѣка въ отдѣльности, но и все человѣчество «гниющею массой», когда они это поймутъ окончательно, то что же останется имъ всѣмъ, равно глупымъ и умнымъ, какъ не завопить, вмѣстѣ съ Василюмъ Овейскимъ, потрясая неподвижный трупъ:

«— Да говори же ты, проклятое мясо!»

IV.

Тѣмъ же религиознымъ недоумѣніямъ или, вѣрнѣе, той же религиозной боли, которой Андреевъ коснулся впервые въ «Жизни Василя Овейскаго», посвящено главнѣйшее произведеніе его, едва ли случайно написанное отъ 1905 до 1907 года, то-есть въ годы русской революціи. Можетъ быть, самъ авторъ не сознавалъ, но для читателя ясно, что «Бъ звѣздамъ», «Савва» и «Жизнь Человѣка»—три части одного цѣлага, одной трилогіи.

Какъ будто испугавшись вопроса о чудѣ въ новой религіи, Андреевъ повернулъ назадъ, къ старой позитивной религіи безъ чуда.

Нѣтъ чуда, нѣтъ воскресенія, нѣтъ личнаго безсмертія; но есть безличное; всѣ умираютъ, но все живеть; смерть всѣхъ—безсмертіе всего.

Герой первой части трилогіи «Къ звѣздамъ»—великій астрономъ, Сергѣй Николаевичъ, узнавъ о смерти сына, говоритъ: «У меня нѣтъ дѣтей. Для меня одинаковы всѣ люди... Я думаю обо всемъ... Я вижу міриады погибшихъ... и тѣхъ, кто погибнетъ; я вижу космосъ—вездѣ торжествующую безбрежную жизнь,—и я не могу плакать объ одномъ... Жизнь вездѣ... Смерти нѣтъ».—«А Николай? А сынъ твой?»—«Онъ въ тебѣ, онъ во мнѣ, онъ во всѣхъ, кто свято хранитъ благоуханіе его души. Развѣ умеръ Джіордано Бруно?»

Базаровъ говорилъ спокойно: «умру—лопухъ вырастетъ». А Сергѣй Николаевичъ прибавляетъ восторженно: и въ лопухъ буду я.—Но полно, такъ ли? Вѣдь я, да не я; вѣдь самага драгоцѣннаго, единственнаго, неповторимаго, что дѣлаетъ меня мною—Петромъ, Иваномъ, Сократомъ, Гете—въ лопухъ уже не будетъ. Не только человѣка, но и травяную вошь можно ли насытить такимъ лопушинымъ безсмертіемъ? И не совершенно ли съ человѣческимъ достоинствомъ вовсе не быть, чѣмъ быть въ лопухѣ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ; уничтоживъ личность, не притязаютъ ни на какое реальное безсмертіе. Говоря откровенно, мнѣ бы хотѣлось, чтобы съ моимъ уничтоженіемъ все уничтожилось; впрочемъ, такъ оно и будетъ: если нѣтъ личнаго безсмертія, то со мною для меня все уничтожится.

«Развѣ умеръ Джіордано Бруно?»—Еще бы не умеръ! Издохъ, какъ песь, хуже пса, потому что животное не знаетъ, по крайней мѣрѣ, что съ нимъ дѣлается, когда умираетъ, а Джіордано Бруно звалъ. Зналъ и то, что «лучше быть живымъ псомъ, нежели мертвымъ львомъ». Передъ несомнѣнною «гнѣющею массою» что значитъ сомнительное нетлѣніе въ славѣ, въ памяти человѣческой? Попробуйте-ка фотографическимъ снимкомъ съ дѣтей утѣшить Рахиль, «плачущую о дѣтяхъ своихъ, потому что ихъ нѣтъ». А вѣдь по сравненію съ реальностью живого человѣка, между реальностью умершаго въ памяти человѣческой и на фотографической пластинкѣ нѣтъ существенной разницы. Утѣшать такимъ безсмертіемъ все равно что кормить нарисованнымъ хлѣбомъ. Это пустая риторика или злая шутка.

«Какъ это бездушно!» отвѣчаетъ Маруся, дочь Сергѣя Николаевича, на всѣ его утѣшенія. Онъ, впрочемъ, и самъ, кажется, чувствуетъ, что тутъ что-то неладно, и пытается приставить къ ветхой одеждѣ новую заплату, къ позитивной религіи человѣчества мистическую идею «сверхчеловѣка», «человѣкобога».

«Сынъ вѣчности—такъ когда-нибудь назовется человѣкъ... Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный и далекій другъ... Душа человѣка—алтарь, на которомъ совершается служеніе сыну вѣчности».

Но со смертью-то какъ же всетаки быть? Если «сынъ вѣчности» смертенъ, и лопухъ изъ него вырастетъ, то чѣмъ онъ лучше мертваго пса? А если безсмертенъ, то какъ его побѣда надъ смертью могла совершиться безъ чуда, чудо безъ Бога? И почему легче вѣрить въ грядущаго Сына вѣчности, чѣмъ въ пришедшаго Сына Божьяго? Воскресеніе Христа—воскресеніе всѣхъ; безсмертіе «сына вѣчности»—смерть всѣхъ. Всѣ умираютъ, чтобы онъ одинъ жилъ. Человѣчество — навозъ, удобряющій почву, на которой распухнетъ этотъ единственный цвѣтокъ безсмертія.

«Какъ это бездушно!»—Не только бездушно, но и возмутительно до скрежета зубнаго. Помилуйте, едва перестали мы быть пушечнымъ мясомъ для Наполеона, какъ насъ приглашаютъ сдѣлаться гниющею падалью для «сына вѣчности». Не знаю, какъ другіе, а я заранѣе отъ этой чести отказываюсь, «почтительнѣйше билетъ мой возвращаю». Пропадать, такъ пропадать,—пусть ужъ лучше изъ меня обыкновенный лопухъ вырастетъ. Если вообще кому-нибудь кланяться, то я предпочитаю поклониться добродушному старому кесарю, какому угодно самодержцу, тирану, насильнику, только бы не этому гнусному божку, который воссѣдаетъ наверху исполенской горы, сложеной изъ костей человѣческихъ.

Можетъ быть, Сергій Николаевичъ не столько бездушенъ, сколько просто глупъ, такъ же какъ Василій Фивейскій, и такъ же заблудился въ двухъ соснахъ метафизики. Съ одной стороны, говорить о «железной силѣ тяготѣнія, всѣ міры покоряющей», а съ другой—о «великомъ безсмертномъ духѣ, надъ всѣми мірами господствующемъ». Но что же въ концѣ-то концовъ—сила тяготѣнія или безсмертный духъ, необходимость или свобода? Можно, конечно, совсѣмъ отказаться отъ метафизики, но пройти мимо этой агноминіи, даже не замѣтивъ ея, нельзя безъ метафизическаго мошенничества или невинной глупости.

Единственный выходъ изъ отвлеченной религіозно-позитивной путаницы Сергія Николаевича—грубый животный опортунизмъ другого героя той же пьесы, нѣкоего американца Трейча:

«Если встрѣтится гора—ее надо срыть. Если встрѣтится пропасть—ее надо перелетѣть. Если земля будетъ разступаться подъ ногами—нужно скрѣпить ее железомъ. Если небо станетъ валиться на головы, надо протянуть руки и отбросить его—такъ... У-ахъ!... Впередъ, всегда и вѣчно!»

Въ ремаркѣ Андреевъ сравниваетъ Трейча съ «Атлантомъ, который поддерживаетъ міръ». А Сергій Николаевичъ, однажды, въ минуту откровенности, сравнилъ человѣка съ «блохою, заблудившейся въ склепѣ». Сравненіе довольно странное—откуда бы, кажется, взяты блохѣ въ склепѣ? Какое же, однако, сравненіе вѣрнѣе?

«Проклятая жизнь! Зачѣмъ жить, если лучшіе погибаютъ?»—религія Богочеловѣчества, хорошо или дурно, но какъ-то отвѣтила на этотъ вопросъ; религія человѣчества безъ Бога или совсѣмъ не слышитъ вопроса, или отвѣчаетъ двусмысленнымъ сравненіемъ человѣка то съ Атлантомъ, то съ блохою.

Кажется, впрочем, и самъ Андреевъ почувствовалъ, что это не отвѣтъ;— по крайней мѣрѣ, во второй части трилогіи, въ «Саввѣ», отъ позитивной религіи человѣчества не остается камня на камнѣ.

Сергѣй Николаевичъ—созидатель; Савва—разрушитель. Сергѣй Николаевичъ утверждаетъ космосъ; Савва утверждаетъ хаосъ. «Человѣчество идетъ къ звѣздамъ», говоритъ Сергѣй Николаевичъ; «человѣчество идетъ къ чорту», говоритъ Савва. Для перваго свѣрхчеловѣкъ есть остріе растущей вверхъ пирамиды, вавилонской башни прогресса; для втораго—нижняя точка воронкообразнаго колодца, какъ бы пустого опрокинутаго конуса, который заіялетъ подъ срытою пирамидою.

«Человѣку мѣшаетъ глупость, которой за эти тысячи лѣтъ накопилося цѣлая гора. Теперешніе умные хотятъ строить на этой горѣ,—но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы, не выходитъ. Нужно срыть ее до основанія—до голой земли... Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ. Тогда онъ устроитъ новую жизнь. Нужно оголить землю... уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство... Тиціаны, Шекспіры, Пушкины, Толстые—изъ всего этого мы сдѣлаемъ хорошеыкій костерчикъ и польемъ его керосиноомъ... Свѣтопреставленіе нужно... нельзя иначе... Надо уничтожить все, и мы это сдѣлаемъ».

Съ чего же начать? Савва понимаетъ, что отвѣсъ, по которому вся пирамида человѣческой культуры или человѣческой «глупости» строится, есть идея о Богѣ, что это та невидимая ось, на которой теперешнее человѣчество держится и движется. Оставить людямъ Бога значить оставить все; отнять значить отнять все—кинуть «голаго человѣка на голую землю». Для этого всемірнаго оголенія и разрушенія надо, по слову Ивана Карамазова, «прежде всего уничтожить въ человѣчествѣ идею о Богѣ—вотъ съ чего надо начать».—И Савва начинаетъ.

«Бога взорвали!»—кричитъ онъ съ безумною радостью, когда происходитъ взрывъ адской машины въ церкви передъ иконою Спасителя. «Динамитъ сильнѣе ихняго Бога... Вотъ они кланяются, вотъ они молятся, вотъ они прямо взглянуть не смѣютъ, холопы поганые, а пришелъ настоящий человѣкъ и разрушилъ. Готово... Кончилось царство ихняго Бога и наступило царство человѣка. И сколько ихъ подохнетъ отъ ужаса одного, съ ума будутъ сходить, въ огонь бросаться. Антихристъ, скажутъ, пришелъ»...

Предтечею Антихриста Савва считаетъ себя.

«Настало время мнѣ придти—и я пришелъ, и вотъ стою я среди васъ. Будьте готовы... Въ огнѣ и громѣ хочу я перейти міровую грань... А не я, такъ другой... Я только посланный, пославшій же меня безсмертенъ... Я вижу его... Онъ идетъ... Онъ родится въ пламени... Онъ самъ—пламя и разрушеніе. Конецъ землѣ... Онъ идетъ»...

Идетъ свободный, «голый человѣкъ», абсолютный босиакъ, «сынъ вѣчности», побѣдившій Сына Божьяго.—Это обратный Апокалипсисъ съ по-

бѣдой Звѣря надъ Богомъ. Савва постоянно говоритъ объ огнѣ всемірнаго разрушенія. И Апокалипсисъ говоритъ о томъ же: *Кто подобенъ звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ? Онъ далъ намъ огонь съ неба.*— Савва не безбожникъ, онъ только вѣритъ въ противоположнаго Бога— Діавола.

Онъ предлагалъ свои услуги русскимъ террористамъ; но «они испугались—слабоваты; ну, я и ушелъ отъ нихъ: пусть себѣ упражняются въ добродѣтели—узкій народъ, широты взгляда нѣтъ у нихъ».

«Широкій взглядъ» на русскую революцію у одного Саввы; онъ одинъ понялъ ея подлинный смыслъ—всемірное разрушеніе и оголеніе, отрицаніе культуры, науки, искусства, религіи, торжество хаоса, торжество діавола. Но если это такъ, то не праведна ли реакція, и слова, обращенныя къ Саввѣ: «тебя нужно убить, раздавить, какъ гадину», не слѣдуетъ ли обратиться ко всей русской революціи, что, конечно и сдѣлалъ бы Достоевскій, думавшій, что въ революціи—«бѣсы»?—Толпа озвѣрѣлыхъ погромщиковъ убиваетъ Савву «во имя Христа, Царя и Отечества». На чьей же сторонѣ Андреевъ—на сторонѣ Саввы, предтечи Антихриста, или погромщиковъ, «слугъ Христовыхъ»? А если ни на той, ни на другой, то во имя какой истины отрицаетъ онъ эти двѣ лжи?

Что въ русской революціи есть между прочимъ и «бѣсы», въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но одни ли «бѣсы»? Не происходитъ ли и въ ней, какъ во всякомъ всемірноисторическомъ явленіи, борьба Божескаго съ бѣсовскимъ? Вопросъ не въ томъ, что побѣдитъ; мы этого не можемъ знать; но мы можемъ и должны знать, *чему желать победы*. Савва желаетъ победы діаволу. Хочется вѣрить, что Андреевъ желаетъ иного, что для него «широкій взглядъ» Саввы на русскую революцію—безобразная клевета. Но чѣмъ могъ бы Андреевъ возразить Саввѣ,—я не знаю.

«Ты дальше носа своего не видишь, а тоже говоришь. Глупъ ты еще!» обличаетъ кто-то Савву. Савва, конечно, глупъ, но не глупѣе «умнаго» Сергѣя Николаевича и всѣхъ вообще Андреевскихъ умныхъ героевъ.

Тутъ, впрочемъ, дѣло не въ умѣ и не въ глупости. Савва не столько глупъ, сколько дикъ какой-то небывакою, не первой, а послѣднею религіозною дикостью; это—новый гуннъ какихъ-то новыхъ Атилловыхъ полчищъ, Гога и Магога, идущихъ изъ великой пустыни безбожья. Онъ первая ласточка страшной весны: сегодня онъ одинъ, а завтра множество такихъ, какъ онъ. И чѣмъ отъ нихъ защититься, если нѣтъ Бога, нѣтъ Христа?

«Выдержитъ ли человѣкъ» всемірное разрушеніе, не погибнетъ ли «голый, на голой землѣ», или, хуже того, не вернется ли къ старому, не начнетъ ли сызнова строить разоренный муравейникъ, вавилонскую башню прогресса? Это все вопросы, не рѣшенные Саввою. Онъ только рѣшилъ, что, если человѣкъ не выдержитъ, то «совсѣмъ надо его уничтожить;—пирова, значить, ошибка произошла... Разъ жизнь человѣку не удалась, пусть уйдетъ... И это будетъ благородно, и тогда можно будетъ и пожать его, великаго осквернителя и страдальца земли».

Но кто пожалѣетъ человѣка, когда самого человѣка на землѣ не будетъ? Не «умный ли и страшный Духъ небытія», устроитель «мировой ошибочки?» Въдѣ для него, исконнаго «человѣкоубійцы», это, можетъ быть, вовсе и не «ошибочка», а цѣль; къ ней-то, можетъ быть, онъ все и ведетъ: отъ космоса къ хаосу, отъ хаоса къ ничтожеству. Богъ даетъ вѣчную жизнь; діаволъ — вѣчную смерть. Религія Саввы, религія діавола — религія небытія.

И опять-таки чѣмъ бы могъ на это возразить Саввъ Андреевъ?

Во всякомъ случаѣ, скорѣе утвердительный, чѣмъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ о «мировой ошибочкѣ» даетъ послѣдняя часть трилогіи — «Жизнь человѣка».

V.

«Въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ человѣкъ — покорно совершать кругъ желѣзнаго предначертанія», предсказываетъ «Нѣкто въ сѣромъ» жизнь человѣка. — Василий Оивейскій вѣрилъ или хотѣлъ вѣрить въ Бога, Сергій Николаевичъ — въ бессмертный духъ, Савва — въ сверхчеловѣка. Но вотъ оказывается, что ничего этого нѣтъ и быть не можетъ, а есть только «кругъ желѣзнаго предначертанія», отъ котораго человѣкъ никогда не освободится: онъ былъ, есть и будетъ или жалкимъ, покорнымъ, или еще боляе жалкимъ, бунтующимъ рабомъ «Нѣкогого въ сѣромъ», Бога — Діавола.

Сначала — рабья благодарность: «Боже, благодарю Тебя за то, что ты исполнилъ мое желаніе... Я всегда буду вѣрить въ Тебя и ходить въ церковь...»

Потомъ — рабій ужасъ: «Я въ прахъ разостлался передъ Тобой, землю цѣлую, — прости меня!...»

И, наконецъ, — рабій бунтъ: «Ты женщину обидѣлъ, негодяй, ты мальчика убилъ... Я не знаю, кто Ты — Богъ, діаволъ, рокъ или жизнь, — я проклиная Тебя! Я проклиная все!...»

«Человѣкъ» знать не хочетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, съ Богомъ или діаволомъ — и правъ: нѣтъ никакой разницы между такимъ Богомъ и діаволомъ: «человѣкъ» смѣшиваетъ ихъ такъ же естественно, какъ Василий Оивейскій или вогульскій шаманъ, который своего боженъку-чортушку то мажетъ сметаной по губамъ, то бьетъ по щекамъ. И Андреевъ полагаетъ, что этимъ исчерпывается вся религія «человѣка», вся религія человечества?

Бога проклиная «человѣкъ» за то, что у него умеръ сынъ. Всѣ люди смертны, это человѣкъ зналъ еще тогда, когда впервые всталъ съ четверенокъ на двѣ ноги. Но только въ 1907 году узналъ онъ, что смертность даетъ ему право ругать Бога, какъ пьяный хулиганъ ругаетъ прохожаго.

Смерть сына — большое горе, но вотъ еще большее: мужикъ Еремѣй

нечаянно убилъ сына. — «Вотъ горе мое, видишь какое, — говорить онъ Саввъ, — на землѣ такого не бываетъ, а призови меня Богъ и скажи: «На тебѣ, Еремѣй, всё царства земныя, а горе твое отдай Миѣ», — не отдашь... Слаще оно миѣ меду липоваго, крѣпче оно браги хмельной... Правду я узналъ черезъ мое горе... Христа, вотъ Кого... И всегда предо мной лигъ Его чистый, куда ни повернись. — Понимаешь, Господи, страданіе мое?—Понимаю, Еремѣй. Я, братъ, все понимаю.—Тагъ мы съ Ниѣмъ вдвоемъ и живемъ».

Это значить, что человѣкъ за страданіе можетъ не только проклясть, но и благословить Бога,—и ужъ, конечно, для благословенія нужна большая сила, чѣмъ для проклятія.

Снилось ли это андреевскому «человѣку»? Да нѣтъ, куда ему!—«Ты ж своего носа-то, какъ слѣдуетъ, не видишь, а тоже говоришь. Глупъ ты еще». —Чтобы страданіе было «слаще меда липоваго, крѣпче браги хмельной», — не за себя одного надо страдать, не себя одного любить. А чтѣ «человѣкъ» любить, кромѣ себя?—Жену, дѣтей? Но вѣдь и звѣрь любить самку, дѣтенышей.—Искусство? Но онъ забылъ о немъ, когда оно перестало давать ему деньги и славу. — «Нѣтъ, Савва, ты никого не любишь, ты только себя любишь». —Никого «человѣкъ» не любилъ, кромѣ себя, жилъ въ свое брюхо, какъ звѣрь, и умеръ, какъ звѣрь.

Если бы у него была хоть искра человѣческаго достоинства, онъ вмѣсто того, чтобы проклинать Бога, просто и молча убилъ бы себя. Но онъ подло жилъ и еще подлѣе умираетъ.

«Меня пугаетъ безконечность... Я становлюсь такой маленькій, такой жалкій, какъ, знаете, пыленокъ, который во время еврейскаго погрома спрятался куда-нибудь, сидитъ и ничего не понимаетъ», —говоритъ еврей Луницъ, въ драмѣ «Бъ звѣздамъ». То же самое могъ бы сказать о себѣ «человѣкъ».

Богда въ кабакѣ, среди пьяницъ, онъ «падаетъ на стулъ и умираетъ, запрокинувъ голову», автору кажется, что эта голова — «грозно прекрасная», какъ у самаго титана Прометѣя. Бѣдный титанъ—съ головой зачичкавшася погромнаго пыленка!

«Нѣкто въ сѣромъ» остается побѣдителемъ. Кто же этотъ Нѣкто?—Богъ? Но надо быть не человѣкомъ и даже не звѣремъ, а булыжникомъ, чтобы признать такого Бога.—Діаволь? Но діаволь умнѣе.—Рокъ? Но рокъ правосуднѣе.—Нѣтъ, это просто олицетворенная глупость самого человѣка. Всѣ его отчаянные вопли и проклятія—съ «Нѣкогого въ сѣромъ», какъ съ гуся вода; но, можетъ быть, отъ одной тихой усмѣшки Еремѣя, омыоубійцы: «Понимаешь, Господи, страданіе мое?»—это чучело провалилось бы, не оставивъ послѣ себя, ничего, кромѣ сѣрнаго запаха, который сопровождаетъ провалы театральныя чертей. А если бы у него была хоть капля остроумія, онъ могъ бы, передъ тѣмъ какъ провалиться сказать:

— Я, господа, право же, ни въ чемъ не виноватъ: я только держалъ

свѣчку, освѣщая всё глупости, которыя дѣлалъ этотъ, съ позволенія сказать, человѣкъ.

Надъ мертвымъ тѣломъ человѣка какія-то «пьяныя старухи», должно быть, исчадія хаоса, пляшутъ, «топая ногами, визжа и смѣясь дикимъ смѣхомъ. Наступаетъ непроглядный черный мракъ». И опускается завѣсъ—трилогія кончена.

«Выдержать ли человѣкъ» всемірное разрушеніе, Савва не знаетъ и хочетъ сдѣлать опытъ. Но послѣ «Жизни человѣка» опытъ ненуженъ; ясно и такъ, что «не выдержать», что «голый человѣкъ на голой землѣ» — гниющая падаля, надъ которою торжествуетъ хаосъ.

Такъ вотъ что значить: «кончилось царство Бога и наступило царство человѣка». Такъ вотъ для чего нужно «взорвать Бога», «уничтожить въ человѣкѣ идею о Богѣ». Да здравствуетъ хаосъ, да здравствуетъ смерть, да здравствуетъ ничто! Богоубійство—самоубійство человѣчества.

Ежели это не сплошное безуміе, не кощунственная клевета на жизнь, на человѣка, на Бога, то это религія діавола, религія небытія.

VI.

«Жизнь человѣка» и жизнь Сына Человѣческаго — поставилъ ли Андреевъ знакъ равенства между этими двумя жизнями? Проклятіе Богу Отцу есть ли проклятіе и Сыну Божьему, Христу? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ «Иуда Искариотъ», повѣсть, написанная послѣ трилогіи и которая могла бы къ ней служить эпилогомъ.

— Есть у тебя враги, Савва? ну, такой врагъ, одинъ, что ли, котораго бы ты особенно ненавидѣлъ?

— Такой, пожалуй, есть: Богъ... Ну Тотъ, Кого вы называете вашимъ Спасителемъ.

— Ты не смѣешь такъ говорить. Ты съ ума сошелъ.

— Ого! Въ чувствительное мѣсто попалъ?

Да, это мѣсто—«чувствительное» не только для враговъ Саввы, но и для него самого. Онъ понялъ, что бороться съ Богомъ значить бороться со Христомъ; что теперь уже нельзя отрицать *только* Бога во имя *только* человѣчества, а волей-неволей приходится отрицать Богочеловѣчество во имя Человѣкобожества; что атеизмъ не можетъ не быть антиатеизмомъ, и антиатеизмъ не можетъ не быть антихристіанствомъ.

«Пока ходилъ Онъ по землѣ, былъ онъ человѣкъ такъ себѣ, хорошій, думалъ то да се, то да се; вотъ человѣки, вотъ поговорю, да вотъ научу, да устрою. Ну, а какъ эти самые человѣки потащили Его на крестъ, да внутрями, тутъ Онъ и прозрѣлъ: «ага, говорить, такъ вотъ оно какое дѣло».—И взмолился: «не могу Я такого страданія вынести. Думалъ Я, что просто это будетъ распятіе, а это что же такое...» А Отецъ Ему: «ничего, ничего, потерпи, Сынокъ, узнай правду-то, какова она».—Вотъ тутъ-то Онъ и затосковалъ, да до сихъ поръ и тоскуетъ».

Въ этихъ словахъ второй, центральной части трилогіи—главная мысль ея эпизода, повѣсти объ Іудѣ Искаріотѣ.

Іуда, будто бы, любить Іисуса, не Христа, не Сына Божьяго, а «человѣка такъ себѣ, хорошаго», можетъ быть, даже «лучшаго изъ людей», но всетаки бесполезнаго мечтателя, галилейскаго пастушка, фарфоровую куколку, «прелестнаго учителя»; *charmant docteur*, во вкусѣ Ренана: «Петръ, Петръ, развѣ можно слушать Его? Развѣ понимаетъ Онъ что-нибудь въ людяхъ, въ борьбѣ?»

Іуда, будто бы, любить Іисуса и предасть Его изъ любви, чтобы поднять народное возстаніе и насильно сдѣлать этого «Царя не отъ міра сего» сначала царемъ Іудейскимъ, а потомъ и всего міра.—«Вдругъ они поймутъ. Вдругъ всюю своею грозною массою мужчинъ, женщинъ и дѣтей они двинутся впередъ, молча, безъ крика, сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ высоко надъ теменемъ земли поднимутъ свободаго Іисуса. Осанна! Осанна!»—И долой самодержавіе римскаго кесаря, да здравствуетъ всемірная революція.

Не себя, а всѣхъ остальныхъ учениковъ Христовыхъ считаетъ Іуда «предателями».—Отъ нихъ, будто бы, начнется «порода малодушныхъ и лжецовъ».—Но почему же отъ учениковъ, а не отъ самого Учителя? Вѣдь они только приняли то, чему Онъ училъ. Если они во «лжи», то Христось—«ложь». Во всякомъ случаѣ, правда Іудина противоположна правдѣ Христовой, и орудіемъ этой своей высшей, будто бы, правды онъ хочетъ сдѣлать Христа, хочетъ подвигъ Его исправить.

Христось говорить: любите враговъ вашихъ.—«Кто любить,—говоритъ Іуда,—тотъ душитъ врага и кости ломаетъ у него».—Христось отдалъ себя въ жертву за міръ.—«Жертва—это страданіе для одного и позоръ для всѣхъ», говоритъ Іуда.—«Предатели, предатели, что сдѣлали вы съ землею? Теперь смотрите на нее и сверху и снизу, и хохочутъ, и кричатъ: посмотрите на эту землю, на ней распяли Іисуса.—И плюютъ на нее, какъ я».—Онъ плюетъ на жертву Христову,—значить, и на самого Христа. Какая же это любовь?

«*Я побѣдилъ міръ*», говоритъ Христось.—«Не Ты, а я,—отвѣчаетъ Іуда.—Бто вырветъ побѣду изъ рукъ Искаріота? Свершилось. Пусть всѣ народы, какіе есть на землѣ, стекутся къ Голгоѣ и возопіютъ миллиономъ своихъ глотокъ: Осанна! Осанна!—и моря крови и слезъ прольютъ къ подножію ея—они найдутъ только позорный крестъ и мертваго Іисуса». Христось умеръ и не воскресъ, не побѣдилъ жизнью смерть; Іуда побѣдитъ смертью жизнь; Іудина побѣда въ томъ, что смерть сильнѣе жизни, зло сильнѣе добра, діаволь сильнѣе Бога. Умеръ Іисусъ, но живъ Іуда Предатель, Іуда Спаситель, Іуда—противоположный Христось—Антихристъ. Онъ побѣдилъ міръ и вернется на землю съ побѣжденнымъ Христомъ.

«Я иду къ Тебѣ... Мы вмѣстѣ съ Тобою, обнявшись, какъ братья, вернемся на землю... Но, можетъ быть, Ты и тамъ не повѣришь? И въ адъ меня пошлешь? Ну, что же. Я пойду въ адъ. И на огнѣ Твоего ада

буду ковать желѣзо, ковать желѣзо, и разрушу Твое небо. Хорошо? Тогда Ты повѣришь мнѣ? Тогда пойдешь со мною назадъ на землю, Исусъ?»

Это Иудино желѣзо—не желѣзо ли адской машины, которую Савва хочетъ «взорвать Бога», не «сила ли желѣзнаго тяготѣнія», которой покорствуютъ звѣзды, не «кругъ ли желѣзнаго предначертанія», въ который «Нѣкто въ сѣромъ» включилъ «Жизнь человѣка» и самого Сына Человѣческаго? По тому, чѣмъ кончилась «Жизнь человѣка», мы можемъ судить и о томъ, чѣмъ кончилась жизнь Сына Человѣческаго.—*Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставилъ Меня?*—«Потерпи, Сынокъ, узнай правду-то, какова она».—А правда такова, что Отецъ—Сыноубійца, Человѣкоубійца, Діаволь. Діаволь побѣдитъ Бога, Антихристъ побѣдитъ Христа—и да здравствуетъ хаосъ, да здравствуетъ смерть, да здравствуетъ ничто!

Все такъ и не можетъ быть иначе, если Христось не воскресъ. Ну, а если воскресъ? Иуда объ этомъ не думаетъ. Почему? Потому ли, что слишкомъ уменъ, или потому, что «и носа своего, какъ слѣдуетъ, не видитъ».

Замѣчательно, что воѣхъ Андреевскихъ умныхъ героевъ кто-нибудь когда-нибудь нѣтъ-нѣтъ,—да и обличить въ глупости, какъ будто авторъ, забѣгая впередъ, спѣшитъ предупредить догадку читателя о томъ, что у всѣхъ этихъ умниковъ—какая-то слѣпая точка, «темная вода» въ глазахъ.

«Что-жъ мнѣ говорили объ умѣ Иуды изъ Каріота? Это просто дуракъ, очень скучный дуракъ», говоритъ Каіафа.—«Развѣ, дѣйствительно, правъ Каіафа?» спрашиваетъ себя самъ Иуда.

Не умомъ, а сердцемъ онъ глупъ. У него есть умъ человѣческій, но нѣтъ змѣиной мудрости, простоты голубиной. Не понялъ, что значить: *утаилъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ*. Не понялъ умный дуракъ, что тысяча разъ легче было ученикамъ умереть, когда умеръ Христось, чѣмъ, оставшись въ живыхъ, повѣрить, что онъ воскресъ,—что для этого нужна была большая сила любви къ Сыну, чѣмъ для того, чтобы проклясть Отца. О, конечно, и другіе, вмѣстѣ съ Иудой, предали Господа: разбѣжались, погнули, думали: умеръ—и кончено. Не только во дворѣ Каіафы отрекся Петръ, но и послѣ Воскресенія;—такъ отяжелѣлъ, окаменѣлъ сердцемъ, что все забылъ, на все махнулъ рукой: какъ будто ничего и не было: «пойду, говорить, ловить рыбу».—И вотъ, однако, повѣрилъ же, увидѣлъ Воскресшаго: *Петръ, любишь ли ты Меня?—Ты все знаешь, Господи; Ты знаешь, что я Тебя люблю.*—И Тома Невѣрный палъ къ ногамъ Исуса: *Господь мой и Богъ мой!*

Повѣрили, потому что любили. Иуда не вѣритъ, потому что не любитъ.

Или чудесъ не бываетъ? А ковать желѣзо въ аду и разрушить небо—не чудо? Въ томъ-то и дѣло, что не просто не вѣритъ онъ, а не хочетъ Воскресенія; ему нужно, чтобъ Христось не воскресъ: вѣдь иначе Иуда погибъ—хуже, чѣмъ погибъ,—въ дуракахъ остался.

Сколько неистовыхъ проклятій, сколько молній и громовъ у Искаріота, а вотъ въ предутреннихъ сумеркахъ тихое вѣяніе, тихій зовъ:

— *Жена! что ты плачешь? кого ищешь?*

— *Господииз!* если ты вынесъ Ею, скажи мнѣ, *гдѣ ты положишь Ею, и я возьму Ею.*

— *Марія!*

— *Раввунн!*

И совершилось чудо—единое, единственное чудо любви—Христось воскресъ.

И пусть когда-нибудь «всѣ народы, какіе есть на землѣ, стекутся къ Голгоѣ и найдутъ только позорный крестъ и мертваго Иисуса»,—достаточно тихаго зова въ предутреннихъ сумеркахъ: *Жена! что ты плачешь? кого ищешь?*—чтобы вспыхнулъ вновь всемірный пожаръ, въ которомъ истлѣетъ, какъ соломинка, Іудино желѣзо—«кругъ желѣзнаго предначертанія»—«сила желѣзнаго тяготѣнія»,—и все человѣчество воспрянетъ вновь: Христось воскресъ!

О революціи мечтаетъ Іуда. Вотъ—«стерли солдатъ, залили по уши кровью, вырвали изъ земли крестъ и высоко надъ теменемъ земли подняли свободнаго Иисуса—осанна! осанна!»—царь Іудейскій, царь всего міра.—Ну и что изъ того? Кесарь противъ кесаря, Звѣрь противъ Звѣря, папа противъ императора: сначала поборются, а потомъ соединятся, церковь съ государствомъ, мечъ духовный съ мечомъ свѣтскимъ, желѣзо ада съ желѣзомъ земли, чтобы окончательно поработить міръ. Да вѣдь это же и произошло во всемірной исторіи: отъ Константина Равноапостольскаго до Константина Побѣдоносцева, вся государственная церковность и церковная государственность—не что иное, какъ Іудина церковь, Іудино царство.—*Если падши поклонишься мнѣ, я дамъ Тебѣ вѣсь царства земли.*

Іуда жеть: не освободить, а поработить міръ, не революціи, а реакціи во имя Христа хочеть онъ, подобно всѣмъ государственно-церковнымъ насильникамъ, «великимъ инквизиторамъ»; куеть въ аду желѣзо, чтобы, разрушивъ небо свободы Христовой, раздавить землю желѣзнымъ сводомъ ада, «силой желѣзнаго тяготѣнія», «кругомъ желѣзнаго предначертанія».

Палъ, палъ Василонъ великій—Іудина церковь, Іудино царство: *летите, собирайтесь, птицы, на великую вечерю Божью, чтобы пожрать трупъ царей.*—Такъ совершается Апокалипсисъ, истинная революція, освобожденіе міра во имя Христа.

Но можно, конечно, повернуть и обратно, отъ революціи къ реакціи, можно сказать: да, все было бы такъ, если бы Христось воскресъ; ну, а если не воскресъ, тогда что?—Тогда правъ Іуда, Христа презирающій; правъ Савва, Христа ненавидящій; правъ Сергѣй Николаевичъ, отвергшій Сына Божьяго во имя «сына вѣчности»; правъ «человѣкъ», проклинаящій Бога, какъ Діавола; правъ о. Василій Швейскій, трисушій мертвеца невоскресшаго: «да говори же ты, проклятое мясо!»—Если Христось не воскресъ, то все человѣчество—«проклятое мясо», гниющая падаля, надъ которой «пьяныя старухи», исчадія Хаоса, справляютъ гнусную тризную плясочку и хохотомъ;—а когда отпляшутъ, отхохочутъ, то наступитъ послѣдняя тишина ничтожества, «непроглядный черный мракъ», въ которомъ Нѣкто будетъ плакать надъ погибшимъ человѣчествомъ.

Я не хочу думать, что Андреевъ окончательно повѣрилъ въ это безобразное видѣніе, какъ въ религіозную истину. Но если бы повѣрилъ, то какой выводъ сдѣлалъ бы для русской общественности, для русской революціи?

Христось есть вѣчное *да* всякому бытію, вѣчное движеніе впередъ и впередъ отъ космоса къ Логосу, отъ Логоса, Богочеловѣчества, къ Боговселенной—*да будетъ Богъ все во всемъ*.—Антихристось есть вѣчное *нѣтъ* всякому бытію, вѣчное движеніе назадъ и назадъ отъ космоса къ хаосу, отъ хаоса къ послѣднему ничтожеству,—*да будетъ все ничто въ Діаволѣ, въ Духѣ небытія*. Въ этомъ смыслѣ Христось—религіозный предѣлъ всякой революціи; Антихристось—религіозный предѣлъ всякій реакціи. Вотъ почему принявшая религію бытія, христіанская, вѣрѣе, Христова Европа—вся въ революціи; принявшая религію небытія, антирелигію, буддійская Азія—вся въ реакціи.

Религія и революція—не причина и слѣдствіе, а одно и то же явленіе въ двухъ категоріяхъ: религія—не что иное, какъ революція въ категоріи Божескаго; революція—не что иное, какъ религія въ категоріи человѣческаго. Религія и революція—не два, а одно: религія и есть революція, революція и есть религія.

Увы, я все это пишу, какъ на тонущемъ кораблѣ пишутъ письмо, чтобы запечатать въ бутылку и бросить въ море: авось, доплыветъ до земли, и кто-нибудь прочтетъ, когда писавшаго уже не будетъ въ жи выхъ.

Ибо сознаю, что никогда и нигдѣ до такой степени, какъ сейчасъ въ Россіи, не была опрокинута, вывернута наизнанку религіозная истина о революціи. Все, что можно было сдѣлать, сдѣлано, чтобы доказать, что религія есть реакція и революція есть антирелигія.

Въ счастью, вывертъ сдѣланъ слишкомъ неосторожно—перехитрили, переусердствовали: такъ перегнули дугу, что концы внизу разошедшіеся снова сходятся вверху. Получилось доказательство отъ противнаго. Именно здѣсь у Андреева въ противоположеніи религіи и революціи становится яснымъ, что антирелигія, пройдя черезъ революцію, приходитъ къ реакціи.

VII.

Если бы Андреевъ былъ послѣдователенъ и правдивъ до конца,—онъ отрекся бы отъ революціи и предался бы реакціи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему революція, борьба за свободу, когда никакой свободы нѣтъ, а есть только беспощадная и бессмысленная необходимость—«вкругъ желѣзнаго предначертанія»—для человѣчества то же, что кольцо, продѣтое сквозь ноздри быка, котораго ведутъ на бойню? Вѣдь эмпирическое рабство—неизбѣжное слѣдствіе рабства метафизическаго. Послѣ всѣхъ революцій не отойдетъ отъ человѣчества «Нѣкто въ сѣромъ», а слѣдовательно, въ сущности, ничего не измѣнится. Что было—будетъ, что будетъ—было. Соціализмъ, капитализмъ, республика, монархія—только разные положенія больного, который ворочается на постели, не находя покоя. Зачѣмъ бо-

роться, если нельзя побѣдить? Опустимъ же руки, сложимъ оружіе, умудрися, усмиримся до послѣдняго смиренія, до ничтожества. Если такова «Жизнь человѣка», то лучше быть не человѣкомъ, а звѣремъ,—не звѣремъ, а деревомъ,—не деревомъ, а камнемъ,—не камнемъ, а ничѣмъ. И кто знаетъ, можетъ быть, добрая тайна добраго діавола именно въ томъ, что онъ ведетъ человѣка сквозь всѣ проклятія, безумства и муки свободы къ этой послѣдней мудрости вольнаго рабства, къ этому послѣднему отдыху въ сладчайшей тьмѣ небытія.

«Тьма» называется послѣдній рассказъ Андреева, гдѣ террористъ говорить проституткѣ: «Пей за нашу братку. За подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью... за всѣхъ слѣпыхъ отъ рожденья... Зрячіе, выколемъ себѣ глаза... Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, погасимъ же огни и всѣ полѣземъ въ тьму... Выпьемъ за то, чтобы всѣ огни погасли. Пей, темнота!»

Это и значить: долой революцію, долой солнце свободы! Да здравствуетъ «тьма», да здравствуетъ реакція!

Таковъ исходъ буйный, трагическій, а мирный, идиллическій—именно то, что сейчасъ происходитъ въ Россіи: подъ желѣзнымъ предначертаніемъ самодержавнаго «Нѣкто въ сѣромъ»—сѣренькое житье-бытье, сѣренькое благополучіе, полуреакція, полуреволюція, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Вѣдь на что другое, а на это мы мастера—вися на вѣткѣ надъ бездоннымъ колодезцемъ, кушать малинку.

Намедни какая-то младенческая мистическая анархисточка, захлебываясь отъ восторга, сообщила мнѣ, что, при новой постановкѣ «Жизни человѣка» въ московскомъ Художественномъ театрѣ, для изображенія «непрогляднаго мрака», всю сцену сплошь затянуть чернымъ бархатомъ.

Ну такъ вотъ—«погасимъ же огни», задуетъ «Огарки», уляжемся поудобію на черномъ бархатѣ и будемъ кушать малинку: яголки рдѣютъ угольками ада въ черной тьмѣ. Немного страшно и смрадно, но зато какъ бархатно черно, и тепло, и мягко-мягко—въ обезьяньихъ лапахъ!

Да, богоборчество опошлилось,—вотъ что надо, наконецъ, понять разъ навсегда; можетъ быть, снова когда-нибудь и гдѣ-нибудь облагородится, но сейчасъ въ Россіи опошлилось оно почти до уличной пошлости—до «мистическаго анархизма»—мистическаго шарлатанства—мистическаго хулиганства. Слишкомъ легкимъ промысломъ сдѣлалось «непріятіе міра»: нынче, можно сказать, всякая бляха, у которой подвернулась нога, міра не пріемлетъ и Бога проклинаятъ. Велико долготерпѣніе Божіе, но надо же, наконецъ, и честь знать—нельзя на Бога валить всѣ наши собственные пакости.

Ежели воздаяніе загробное состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что ушедшіе видятъ здѣшніе плоды своихъ дѣлъ, то Иванъ Крамазовъ и Нише, глядя на порожденныхъ ими, несмѣтно кишашихъ сверхчеловѣковъ, должны испытывать поистинѣ адскія муки—какъ бы потопленіе въ

зловонномъ болотѣ. Былъ «москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ»—сталъ москвичъ въ антихристовой ризѣ. Кажется, самъ діаволъ могъ бы воскликнуть: «нѣтъ, никогда я не былъ такимъ лакеемъ!»

Вѣдь топтаться на мѣстѣ, изощряясь въ богохульствахъ, просто, наконецъ, скучно, такъ скучно, что хочется сказать: а что, господа, не отправить ли намъ все это «непріятіе міра» къ чорту? Не проснуться ли въ одно прекрасное утро и не смыть ли съ нашихъ лицъ балаганныя румяна и бѣлила маленькихъ титановъ-богоборцевъ? Не усмѣхнуться ли?—можетъ быть, въ усмѣшкѣ все наше спасеніе?—усмѣхнуться, встряхнуться и выздоровѣть,—можетъ быть, здоровье намъ сейчасъ нужнѣе всего? Взглянуть на міръ просто, какъ мы смотрѣли на него въ дѣтствѣ, принять міръ, прежде релягіознаго оправданія, «полюбить жизнь прежде смысла жизни». Пусть міръ ужасенъ,—онъ всетаки хорошъ; не по хорошему милъ, а по милу хорошъ,—можетъ быть, это для насъ теперь подвигъ изъ подвиговъ?

Надо, наконецъ, признать разъ навсегда, что не менѣе согласно съ человѣческимъ достоинствомъ, не менѣе благородно, чѣмъ богоборчество,—богосыновство, на худой конецъ—не менѣе, а пожалуй, и болѣе. Трудно человѣку бороться съ Богомъ, но еще труднѣе примириться съ Богомъ. Во всякомъ случаѣ, для русской революціонной общественности это—самое трудное: труднѣе, чѣмъ свергнуть самодержавіе и учредить социаль-демократическую республику, труднѣе, чѣмъ «взорвать Бога» или «поддержать руками валящееся небо»,—труднѣе всего на свѣтѣ сказать просто простыя слова: *Впрю, Господи, помоги моему невпрю*. Труднѣе, но и нужнѣе всего, ибо не совершится, можетъ быть, даже не начнется побѣда русской революціи, пока слова эти не будутъ сказаны.

А что сказать ихъ такъ неимоверно, почти сверхъ силу человѣческихъ трудно, въ этомъ, конечно, не вина одной русской революціонной общественности: ужъ слишкомъ долго принадлежала русскому правительству монополія христіанства, «воды жизни», вмѣстѣ съ водкою; слишкомъ долго религія была кощунствомъ,—неумудрено, что теперь, обратно, кощунство стало религіей.

Но путь этотъ пройденъ—дальше идти некуда.

Огромная заслуга Андреева заключается именно въ томъ, что онъ прошелъ этотъ путь до конца, до конца и безстрашно, не сберегая души своей—*потерявшій душу свою, сбережетъ ее*,—высказалъ эту кощунственную, но необходимую правду.

И какъ хотѣлось бы, чтобы онъ, первый въ русской революціонной общественности вспомнившій о Христѣ, первый же и пришелъ ко Христу. Какъ хотѣлось бы, чтобы онъ понялъ—да, можетъ быть, и понялъ уже,—что его «человѣкъ» вовсе не сверхчеловѣкъ, не титанъ, не богоборецъ, а маленькій, голенькій ребеночекъ, украденный у матери хитрымъ чудовищемъ. О, если бы ребеночка вырвать изъ обезьяньихъ лапъ!

Д. Мережковскій.

Царствованіе Александра I въ новомъ освѣщеніи.

(«Исторія Россіи въ XIX в.», изданіе А. и И. Гранатъ. Вып. I—II.)

Въ небогатой русской исторической литературѣ наиболѣе скудно представленъ отдѣлъ, посвященный исторіи Россіи въ XIX ст. Въ этомъ обстоятельстве, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Непреодолимая преграда ожидала тѣхъ изслѣдователей, которые пожелали бы приступить къ документальному изученію этой эпохи. Государственные архивы, въ которыхъ хранятся важнѣйшіе историческіе документы, относящіеся до новой русской исторіи, оставались неприступными для ученыхъ специалистовъ до самаго послѣдняго времени. Рѣдко, рѣдко, въ видѣ совершенно исключительной милости, допускались въ эти тайники немногіе избранники, твердо установившіе за собой репутацію благонадежныхъ писателей. Имъ показывали кое-какіе документы, но это отнюдь еще не значило, чтобы они могли рассчитывать на разрѣшеніе использовать все показанное для печатныхъ историческихъ трудовъ. Нужно ли удивляться тому, что при подобныхъ условіяхъ, когда историки не имѣли возможности читать многихъ историческихъ документовъ, а прочитанное урывками не смѣли воспроизводить въ своихъ сочиненіяхъ,—никому не приходило въ голову намѣреніе посвятить свою изслѣдовательскую дѣятельность изученію русской исторіи XIX столѣтія?

Всѣ какъ бы свыжились съ той мыслью, что названный отдѣлъ отечественной исторіи окончательно забронированъ отъ изслѣдовательской пытливости. И какъ встрепенулась читающая публика, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойному Шильдеру удалось пробить въ этой бронѣ первую широкую брешь своимъ трудомъ по исторіи царствованія Александра I!

Но Шильдеръ былъ не изслѣдователь, а рассказчикъ. Его большая заслуга заключалась въ томъ, что онъ извлекъ изъ открытыхъ для него архивовъ массу интереснѣйшихъ документальныхъ данныхъ и талантливо воспроизвелъ эти данныя въ своемъ живомъ и легкомъ литературномъ изложеніи. Однако, этотъ первый опытъ скорѣе раздражилъ, чѣмъ удовлетворилъ всеобщій интересъ къ новѣйшей исторіи нашей родины.

Последніе годы внесли большое оживленіе въ изученіе этой эпохи. Засовы у архивныхъ дверей поослабли. Въ короткое время было опубликовано не малое количество совершенно свѣжаго и чрезвычайно цѣннаго матеріала, впервые выглянушаго на Божій свѣтъ изъ глубины архивныхъ нѣдръ. И въ настоящій моментъ мы находимся въ самомъ разгарѣ усиленнаго собранія первоначальныхъ матеріаловъ для исторіи Россіи за XIX столѣтіе. Можетъ быть, какъ разъ въ силу этого именно обстоятельства теперь было бы несвоевременно думать о составленіи большого своднаго труда по русской исторіи XIX вѣка. Но наше общество давно уже ждетъ компетентнаго руководства по этой части, а съ другой стороны, и въ интересахъ болѣе успешности дальнѣйшихъ архивныхъ поисковъ не совсѣмъ бесполезно было бы подвести общій балансъ тому, что уже сдѣлано въ этомъ направленіи. И потому появленіе сводной «Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ» не могло не составить крупной новинки нашего книжнаго рынка, которая должна была привлечь къ себѣ оживленное вниманіе и специалистовъ, и большой публики.

Такую новинку и преподносить русскому читателю издательское товарищество А. и И. Гранатъ. Передъ нами шесть первыхъ выпусковъ этого изданія, объемлющихъ исторію Россіи за первое сорокалѣтіе XIX в. Дальнѣйшіе выпуски, какъ гласитъ проспектъ всего изданія, должны охватить остальные 60 лѣтъ XIX вѣка и начало XX в., кончая 1903 годомъ. Такимъ образомъ, передъ читателемъ пройдетъ вся новѣйшая исторія Россіи до начала русско-японской войны. Составленіе текста для этого изданія распределено между различными авторами. Это не единоличный, а коллективный трудъ. На Западѣ такого рода коллективные научно-популярныя предпріятія давно уже вошли въ обычай; укажу для примѣра на извѣстное «собраніе» Онгена или на не такъ давно законченную «Всеобщую исторію Европы», составленную французскими историками подъ редакціей Лависса и Рамбо. У насъ, если не ошибаюсь, названное выше изданіе является первымъ опытомъ въ этомъ родѣ (не считая, конечно, энциклопедическихъ словарей и учебной хрестоматіи по исторіи среднихъ вѣковъ, редактированной проф. Виноградовымъ). Недостатки и погрѣшности болѣе чѣмъ естественны и извинительны во всякомъ первомъ опытѣ; къ тому же особенно важно вскрыть и рассмотреть допущенныя ошибки именно въ началѣ всякаго дѣла. Вотъ почему со стороны критики вполне уместно отнестись къ данному интересному предпріятію съ самой строгой требовательностью, и руководителя предпріятія, думается намъ, не посятуютъ на критику за такое отношеніе.

Большой трудъ, распределенный между многими участниками, разумѣется, не можетъ быть выдержанъ въ одномъ тонѣ во всѣхъ своихъ частяхъ. Индивидуальность отдѣльныхъ авторовъ неминуемо наложитъ свой отпечатокъ на его различные отдѣлы. И, конечно, въ этомъ нѣтъ ровно никакой бѣды. Свободная многоцвѣтная игра разнообразныхъ дарованій, ученыхъ темпераментовъ, литературныхъ пріемовъ можетъ толь-

во придать всему труду особенный блескъ, особенную живость и привлекательность. Но при этомъ рѣшительно необходимо, чтобы вся эта многоцвѣтность озарялась однимъ и тѣмъ же солнцемъ строго-научнаго метода. Иначе вмѣсто многоцвѣтности получится безформенность, а богатство индивидуальныхъ оттѣнковъ превратится въ разноголосицу, которая поставитъ читателя въ положеніе безпомощной растерянности. Для успѣшности подобныхъ коллективныхъ предпріятій необходима объединяющая редація, которая, нисколько не стѣсняя свободы отдѣльныхъ авторовъ, должна тѣмъ не менѣе выработать нѣкоторые основныя методологическія положенія, обязательныя для всѣхъ участниковъ коллективнаго труда. Къ сожалѣнію, это важное условіе не было соблюдено при составленіи вышедшихъ до сихъ поръ частей новой «Исторіи Россіи въ XIX ст.». И въ результатѣ получилось нѣчто пестрое, нѣчто похожее на тѣ одѣяла, которыя шиваются изъ кусковъ разноцвѣтныхъ матерій и отъ которыхъ такъ рябитъ въ глазахъ. Что хорошо для одѣяла, то врядъ ли умѣстно въ научно-популярномъ изданіи. На-ряду съ очерками, представляющими собою спокойно-объективное сводное изложеніе историческихъ данныхъ, добытыхъ наукою,—мы встрѣчаемъ здѣсь главы чисто-памфлетнаго характера. Мы не думаемъ отрицать пользы ни научно-популярныхъ очерковъ, ни политическихъ памфлетовъ. Но «смѣшивать два эти ремесла», думается намъ, не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ. Къ сожалѣнію, этимъ памфлетнымъ налетомъ испорчены какъ разъ такія главы разбираемаго изданія, къ которымъ по свойству затронутыхъ въ нихъ темъ прежде всего обратится вниманіе читающаго общества.

И къ вѣщему сожалѣнію эти главы подписаны именемъ компетентнаго спеціалиста, М. Н. Покровскаго, котораго нельзя заподозрить въ незнакомствѣ съ правилами объективнаго анализа историческихъ данныхъ. Я разумѣю главы, посвященныя характеристикѣ царствованій Павла I и Александра I, изложенію преобразовательныхъ опытовъ правительства Александра Павловича, борьбы общественныхъ партій того времени и, наконецъ, политической идеологіи декабристовъ. Все это—весьма обширные и весьма отвѣтственные отдѣлы разбираемаго изданія. Какъ разъ по этимъ вопросамъ идетъ сейчасъ наиболѣе дѣятельная работа по собиранію и опубликованію документальныхъ матеріаловъ, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными, и потому составленіе названныхъ отдѣловъ требовало особенной осмотрительности, особеннаго напряженія критическаго такта. Отдадимъ справедливость составителю этихъ отдѣловъ; онъ обнаружилъ въ своей новой работѣ обычно присущіе ему свѣжій литературный талантъ и тонкое остроуміе въ комбинированіи матеріала; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему удалось ввести въ традиціонную картину изображаемой имъ эпохи такія новыя черточки, которыя придаютъ этой картинѣ болѣе реальныя очертанія, дѣлаютъ ее отчетливѣе и понятнѣе. Эти благіе результаты достигаются авторомъ каждый разъ, когда онъ послушно слѣдуетъ за текстомъ своихъ документальныхъ матеріаловъ. И тѣмъ въ болѣеишей степени

приходится пожалѣть о томъ, что авторъ не пожелалъ удержаться на этой надежной почвѣ документальнаго изслѣдованія и значительно испортилъ свою работу, подчинивъ требованія научнаго анализа инымъ задачамъ чисто-публицистическаго характера. Думаемъ, что отъ этого одинаково проиграли и наука, и публицистика.

Во главу угла своей работы авторъ поставилъ идею о классовомъ характерѣ политическихъ и социальныхъ движеній, наполнившихъ исторію Россіи въ теченіе первой четверти XIX ст. Взятая въ общей формѣ, эта идея вполне законна въ научномъ изслѣдованіи и вовсе не такъ уже нова для нашей исторіографіи. Скорѣе можно сказать обратное: давно уже въ нашей исторической литературѣ стало общимъ мѣстомъ то положеніе, что XVIII вѣкъ и первая половина XIX стол. составили въ нашей исторіи по преимуществу дворянскую эру, чѣмъ и объясняются всѣ особенности развертывавшихся за это время явленій общественной и государственной жизни. Пытаясь примѣнить эту точку зрѣнія къ характеристикѣ социально-политическихъ движеній первой четверти XIX ст., къ характеристикѣ преобразовательныхъ опытовъ правительства Александра Павловича и политической идеологіи декабристовъ,—авторъ является новаторомъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ онъ склоненъ, повидимому, предполагать, судя по нѣкоторымъ его полемическимъ вылазкамъ по адресу своихъ предшественниковъ.

И если что и накладываетъ на его трудъ печать своеобразія, то не столько его основная руководящая идея, сколько приемы реализаціи этой идеи на конкретномъ историческомъ матеріалѣ. Желая стать на высоту реалистической науки, и во имя этого реализма развѣчивая «либеральную романтику» прежнихъ изслѣдователей той же эпохи, авторъ, самъ того не замѣчая, сплошь и рядомъ слѣдуетъ приемамъ составителей старыхъ мелодрамъ. Какъ извѣстно, секретъ мелодраматическаго творчества заключался въ одноцвѣтномъ изображеніи индивидуальныхъ характеровъ. Ужъ если на сцену выведенъ злодѣй, то онъ не долженъ былъ совершить ни одного незлодѣйскаго поступка; онъ и стаканъ воды могъ выпить не иначе, какъ «по злодѣйски». Этотъ чисто-мелодраматическій приемъ нашъ авторъ склоненъ примѣнять къ характеристикѣ цѣлыхъ общественныхъ классовъ. Въ его исторической мелодрамѣ три дѣйствующихъ лица: феодальное дворянство, буржуазія и пролетаріатъ. Роли розданы, и ни одно изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ не смѣетъ ни на іоту выступить изъ рамокъ своего ампула. Первая четверть XIX ст. въ исторіи Россіи принадлежитъ, по мнѣнію автора, къ феодально-дворянской эрѣ, въ которой лишь едва-едва обозначаются зародыши грядущаго господства буржуазіи. Этимъ для автора предрѣшается характеристика не только общаго фона и господствующихъ тенденцій данной эпохи, но и cadaго ея отдѣльнаго эпизода, cadaго ея единичнаго дѣятеля, cadaго хотя бы самаго мелкаго жизненнаго штриха.

Все должно быть опрашено въ одинъ цвѣтъ феодально-дворянскаго со-

словнаго эгоизма, и только въ такомъ случаѣ изображаемая эпоха предстанетъ передъ нами въ своемъ истинномъ видѣ, не прикрашенномъ узорами либеральной романтики. Въ этой одноцвѣтной исторической живописи нашъ авторъ склоненъ видѣть торжество реалистической науки.

Съ нашей точки зрѣнія это—не что иное, какъ возвращеніе къ мелодраматическому трактованію историческихъ сюжетовъ въ стилѣ Карамзина. Карамзинъ мелодраматизировалъ отдѣльныхъ «героевъ», «мужей» нашей исторіи; современный историкъ мелодраматизируетъ цѣлыя общественные классы. Но приемы мелодраматизаціи при всемъ своемъ видимомъ различіи въ основѣ весьма сходны. И тамъ, и здѣсь передъ нами одно и то же стремленіе: устранить изъ исторической картины все многообразіе, всѣ прихотливые переливы подлинныхъ жизненныхъ явленій прошлаго, подмѣнить живыя историческія силы схематическими фигурами, заслонить историческую дѣйствительность ея условнымъ иконописнымъ изображеніемъ; и въ концѣ-концовъ не все ли равно, во славу какого бога сооружается такая икона,—во славу абсолютной монархіи, которую Карамзинъ слово-словилъ въ лицѣ Рюрика, Синеуса и Трувора или во славу теоріи классовой борьбы, на службу которой отдаетъ свое перо современный историкъ. Суть дѣла въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ страдаетъ историческая перспектива; суть дѣла въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ въ историческое изображеніе прошлаго вводятся злободневные, чисто-партійные мотивы и лозунги. Историческая наука превращается въ служанку политики.

Я отнюдь не собираюсь оспаривать того неоспоримаго на мой взглядъ положенія нашего автора, что всѣ общественныя движенія, разыгрывавшіяся въ Россіи въ теченіе первой четверти XIX ст., носили на себѣ отпечатокъ той среды, изъ которой они возникали, и что этой средой былъ классъ тогдашняго помѣстнаго дворянства. Но исторія—не геометрія, и ея чертежи гораздо менѣе правильны и симметричны, чѣмъ это изображается у нашего автора. Главная ошибка этого автора заключается въ томъ, что онъ беретъ слишкомъ крупныя соціальныя категоріи, отвлекаетъ отъ нихъ слишкомъ общія отличительныя черты и затѣмъ примѣняетъ эти черты къ характеристикѣ всѣхъ отдѣльныхъ эпизодовъ и отдѣльныхъ историческихъ фигуръ, не считаясь съ своеобразиемъ каждой изъ нихъ. И отсюда получается неминуемое искаженіе исторической перспективы. На самомъ дѣлѣ, соціальныя процессы представляютъ собою гораздо болѣе тонкую, извилистую, ажурную работу. Конечно, историкъ долженъ отыскивать закончѣнное единство въ этомъ многообразіи. Но отыскивать единство въ многообразіи вовсе не значитъ начисто отрицать самую наличность этого многообразія. Историческій опытъ показываетъ, напримѣръ, что и членамъ помѣстно-дворянскаго класса могутъ быть присущи при извѣстныхъ условіяхъ чисто-демократическія стремленія. Историкъ долженъ вскрыть причины этого явленія и изслѣдовать его своеобразную сущность. А наши правовѣрные сторонники теоріи классовой борьбы предпочитаютъ попро-

сту отрицать самую наличность такого явления, произвольно кромсая факты на прокрустовомъ ложѣ своей предвзятой схемы.

Пусть демократъ изъ дворянъ сохранить свою особую складку сравнительно съ демократомъ, вышедшимъ изъ глубины социальныхъ низовъ. Гораздо интереснѣе изслѣдовать своеобразие дворянскаго демократизма, чѣмъ голословно отрицать самую возможность его появленія. Въ предѣлахъ одного и того же класса жизнь создаетъ тысячи многообразныхъ оттѣнковъ и вариаций, а мы мажемъ себѣ все одной краской и еще воображаемъ при этомъ, что это-то и есть настоящая реалистическая историческая наука! Пусть воздушный шаръ, сколько бы онъ ни поднимался въ высь, никогда не выскользнетъ изъ сферы земного притяженія; все же это обстоятельство не даетъ намъ основанія отождествлять воздушный шаръ съ телѣгой, твердо стоящей на землѣ всѣми своими четырьмя колесами. И съ такимъ же правомъ мы можемъ сказать: пусть какой-нибудь декабристъ-заговорщикъ никогда не отрѣшался вполнѣ отъ своихъ классовыхъ предрасположеній; все же это еще не даетъ намъ основанія отождествлять какого-нибудь Баховскаго съ гоголевской Коробочкой, сосредоточивавшей всѣ свои помѣщичьи помыслы на томъ, какъ бы повыгоднѣе сбыть птички перья или масло и яйца. А нашъ поклонникъ теоріи классовой борьбы, характеризуя идеологію декабристовъ, проводитъ, какъ увидимъ, точь въ точь такіа параллели, не смущаясь необходимостью насиловать для этого ясный смыслъ своихъ документовъ. Неужели нашъ авторъ полагаетъ, что такимъ образомъ онъ реализуетъ на историческомъ матеріалѣ свою излюбленную теорію?

Мнѣ думается, что это не реализація, а вульгаризація его теоріи.

Не являясь правобѣрнымъ сторонникомъ теоріи классовой борьбы, я думаю въ то же время, что эта теорія вовсе не требуетъ отъ историка тенденціозной ретушевки историческихъ данныхъ. Она вовсе не требуетъ, напримѣръ, чтобы въ научно-историческомъ изображеніи и Сперанскій, и декабристы были представлены, какъ орудія рядовой дворянской массы того времени, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности первый сдѣлался, благодаря своимъ преобразованіямъ, мишенью самой острой злобы тогдашняго дворянства, а вторые—не встрѣтили въ этой массѣ никакой поддержки. Но нашъ авторъ какъ будто полагаетъ, что его теорія не допускаетъ появленія смѣлыхъ новаторовъ, вступающихъ въ конфликтъ съ ходячими воззрѣніями большинства современниковъ (Сперанскій) или даже съ своей собственной социальной средой (декабристы), и потому онъ ставитъ себѣ задачей показать, что все идейное содержаніе преобразовательнаго движенія въ Россіи въ первой четверти XIX ст. почти не выходило за черту обычныхъ стремленій тогдашняго рядового деревенскаго дворянина-помѣщика. Посмотримъ же теперь, насколько удобно накладывается эта схема на историческіе факты.

При первомъ и бѣгломъ прочтеніи статей М. Н. Покровскаго можетъ показаться, что авторъ настолько же точенъ въ собственныхъ построе-

ніяхъ, насколько безпошаденъ въ своей ироніи по отношенію къ предшествующимъ «либеральнымъ» изслѣдователямъ той же эпохи. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что, несмотря на все литературное искусство нашего автора, ему не удалось обойти тѣхъ многочисленныхъ противорѣчій, на которыя онъ былъ обреченъ своей предвзятой точкой зрѣнія. Эти противорѣчія на каждомъ шагу преслѣдуютъ внимательнаго читателя очерковъ М. Н. Покровскаго и въ концѣ-концовъ приводятъ его къ двоякому предположенію: либо невѣрна основная точка зрѣнія автора, либо эта точка зрѣнія требуетъ совсѣмъ иныхъ приѣмовъ для своей реализаціи.

Въ очеркѣ, посвященномъ царствованію Павла Петровича, набросана весьма яркая картина этого царствованія и дана чрезвычайно живая характеристика самого этого государя. Дѣло не обходится безъ полемической нотаціи—на этотъ разъ совершенно заслуженной—по адресу нѣкоторыхъ историковъ, неосновательно желавшихъ придать облику Павла I романтической характеръ.

Нашъ авторъ изображаетъ характеръ и дѣятельность этого государя вполне реальными чертами, но прежде чѣмъ закончить главу, онъ вспоминаетъ о своемъ долгѣ по отношенію къ теоріи классовой борьбы и рѣшается во что бы то ни стало вставить въ рамки этой теоріи и названнаго государя. И съ этого момента вдругъ мѣняются всѣ декорации. Въ основѣ порывистыхъ, малякальныхъ поступковъ Павла Петровича, вся несообразность которыхъ только что отчетливо была изображена авторомъ, вдругъ оказывается опредѣленная политическая «система». Такъ какъ всѣ процессы данной эпохи, по мысли автора, должны имѣть прежде всего непосредственное отношеніе къ судьбамъ дворянскаго класса и такъ какъ Павла Петровича никоимъ образомъ нельзя было бы зачислить въ продолжатели соціальной политики его матери, то при желаніи найти въ его дѣйствіяхъ «систему» остается одинъ выходъ: представить Павла Петровича борцомъ противъ дворянскихъ привилегій. Нашъ авторъ и вступаетъ на эту именно почву. Онъ приводитъ нѣсколько мѣропріятій, дѣйствительно стѣснявшихъ права дворянства, приводитъ свидѣтельства о томъ, что лишь «простонародье» любило этого государя и вотъ,—внутренняя политика Павла Петровича начинаетъ уже принимать въ глазахъ читателя подъ перомъ нашего автора очертанія какой-то «системы» опредѣленно демократическаго характера. Станнымъ образомъ взглядъ писателя-марксиста XX вѣка на дѣятельность Павла I начинаетъ какъ бы сливаться съ чисто-деревенскимъ взглядомъ тѣхъ самыхъ «крѣпостныхъ мужиковъ въ гвардейскихъ мундирахъ», которые, по словамъ М. Н. Покровскаго, едва не сорвали всего дѣла дворцовой революціи 1801 г.

Не такъ давно по поводу попытокъ нѣкоторыхъ историковъ окружить личность Павла Петровича романтическимъ ореоломъ радѣтеля о крестьянскихъ интересахъ В. И. Семеновскій въ специальной статьѣ подвергнулъ подробному анализу все законодательство и всѣ правительственныя мѣро-

пріятія этого царствованія. Изъ этой статьи нашъ авторъ могъ бы узнать, какъ трудно говорить о какой бы то ни было «системѣ» примѣнительно къ этому царствованію, исполненному во всѣхъ отношеніяхъ самыхъ безпорядочныхъ противорѣчій. На нѣсколько антидворянскихъ мѣропріятій Павла Петровича можно привести весьма немало мѣропріятій антикрестьянскихъ. Но «система» понадобилась нашему автору ради его теорій. Подъ флагомъ теорій классовой борьбы въ изображеніе Павла I, составленное историкомъ-марксистомъ, незамѣтно для него самого прокрался въ концѣ-концовъ тотъ самый романтизмъ, за который онъ только что совершенно основательно журилъ «нѣкоторыхъ историковъ».

Правда, нашъ авторъ и тутъ старается отмежеваться отъ «нѣкоторыхъ историковъ», подчеркивая *безсознательность* демократизма Павла Петровича. «Павелъ,—пишетъ нашъ авторъ (I, стр. 28),—конечно, ни на минуту не думалъ о классовыхъ противорѣчіяхъ, когда издавалъ свои указы. Онъ руководился исключительно минутнымъ капризомъ или инстинктивнымъ отвращеніемъ ко всякому стѣсненію своей личной воли... и тѣмъ не менѣе помимо и даже противъ своей воли *Павелъ не могъ измѣнить законовъ* исторіи и, сдѣлавшись врагомъ господствующаго класса, сталъ воплощеніемъ надеждъ и чаяній классовъ угнетенныхъ».—Итакъ, развивая демократическое законодательство, Павелъ не велъ какой-либо сознательной принципіальной политики, а просто явился безсознательнымъ орудіемъ историческаго процесса. Согласимся, что это положеніе болѣе научнообразно по виѣшности, чѣмъ простодушный романтизмъ «нѣкоторыхъ историковъ». Однако на повѣрку и это поясненіе не только не улучшаетъ позиціи нашего автора, но наоборотъ еще болѣе запутываетъ его въ самопротиворѣчійхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же мы получаемъ? Согласно требованіямъ научно-историческаго мышленія мы привыкли относить къ случайнымъ и преходящимъ элементамъ исторіи *личныя* свойства отдѣльных дѣятелей и наоборотъ устойчивый и законмѣрный элементъ исторіи мы усматриваемъ въ общихъ тенденціяхъ историческаго процесса. Итакъ, если авторъ утверждаетъ, что демократическій характеръ императорскаго законодательства не составлялъ личной черты Павла I, а помимо его воли и сознанія былъ ему навязанъ общей тенденціей историческаго процесса,—то, оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ долженъ признать, что той же демократической тенденціей должно было быть окрашеннымъ и императорское законодательство хотя бы ближайшихъ предшественниковъ и преемниковъ Павла Петровича,—Екатерины II, Александра I, ибо вѣдь если «Павелъ не могъ измѣнить законовъ исторіи», то и сами эти законы исторіи не могли бы измѣниться только на время царствованія Павла съ тѣмъ, чтобы получить другое направленіе при Екатеринѣ II и Александрѣ I. Но мы думаемъ, что и М. Н. Покровский не будетъ отрицать того, что социальное законодательство русской имперіи XVIII в., включая и царствованіе Екатерины II, было опредѣленно окрашено отнюдь не въ демократическій цвѣтъ, а было послѣдовательно дворянскимъ. «Дворян-

скій» характеръ мѣропріятій Александра I усердно подчеркиваетъ самъ М. Н. Покровскій, даже вдаваясь въ этомъ отношеніи въ излишнюю утрировку.—И вдругъ въ главѣ о Павлѣ Петровичѣ оказывается, что «законы исторіи» сдѣлали исключеніе только для одного *этого* государя дореформенной Россіи, сдѣлавъ изъ него помимо его воли и сознанія законодателя-демократа! Всѣхъ этихъ безвыходныхъ противорѣчій благополучно избѣгли столь презираемые М. Н. Покровскимъ «либеральные» историки, для которыхъ было ясно, что въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ Павла Петровича просто-напросто не было ни демократической, ни вообще какой бы то ни было опредѣленной «системы», что эти законодательныя мѣропріятія отражали на себѣ порывистое и неустойчивое настроеніе мятежной души Павла Петровича, а вовсе не скрытно дѣйствующія тенденціи классовой борьбы.

Думаемъ, что въ данномъ вопросѣ «либеральные историки» гораздо ближе къ историческому реализму и гораздо дальше отъ презираемаго М. Н. Покровскимъ романтизма, чѣмъ самъ нашъ историкъ-марксистъ.

Выдавъ въ лицѣ Павла Петровича демократическій аттестатъ политикѣ русской имперіи начала XIX в., М. Н. Покровскій затѣмъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ начинаетъ разрушать «легенду» о демократическихъ элементахъ общественныхъ движеній, развернувшихся въ царствованіе Александра Павловича. Наиболѣе удачнымъ мѣстомъ въ очеркахъ М. Н. Покровскаго мнѣ представляется сдѣланная имъ характеристика работъ извѣстнаго «неофіціального комитета», дѣйствовавшаго въ первые годы царствованія Александра I.—Здѣсь автору дѣйствительно удалось вполне основательно исправить нѣкоторыя преувеличенія, нѣкоторую искусственную схематизацію, установившіяся въ предшествующей литературѣ по этому вопросу. Авторъ весьма отчетливо и документально доказалъ, что между партіей «старыхъ служивцевъ», группировавшихся около сената, и молодыми совѣтниками Александра I, составившими «неофіціальный комитетъ», вовсе не существовало такой глубокой пропасти, какую предполагали прежніе историки этой эпохи. И политическія и социальныя идеи обѣихъ этихъ группъ развивались, какъ сказали бы мы теперь, въ одной и той же плоскости и если эти группы и боролись другъ съ другомъ, то это была не столько борьба двухъ противоположныхъ теченій, прогресса и застоя, Ормузда и Аримана,—сколько пикировка двухъ кружковъ, раздѣленныхъ гораздо болѣе возрастомъ и личными отношеніями, чѣмъ политическими идеалами и программами. Можетъ быть, авторъ идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что названныя группы боролись исключительно за вліяніе въ высшихъ сферахъ; на самомъ дѣлѣ между ними существовали и нѣкоторыя разногласія принципиальнаго характера, но эти разногласія во всякомъ случаѣ отнюдь не шли такъ глубоко, какъ это изображалось не разъ въ предшествующей литературѣ. Но вѣдь «неофіціальный комитетъ» и не былъ органомъ сколько-нибудь широкой общественной группы; это былъ лишь наскоро сколоченный кружокъ

интимныхъ друзей молодости Александра Павловича, помощь которыхъ оказалась для государя необходимой на первый случай. Но дальнѣйшее развитіе общественнаго движенія, направлявшееся громкими политическими событіями того времени, постепенно обостряло конфликты и углубляло идейное содержаніе преобразовательныхъ стремленій.—Историку Александровской эпохи надлежало бы отмѣтить этотъ послѣдовательный подъемъ преобразовательныхъ плановъ, этотъ усиливавшійся прибой оппозиціоннаго общественнаго настроенія. Ему предстояло отмѣтить, какъ подъ вліяніемъ развертывающихся событій отъ рядовой общественной массы начали отдѣляться наиболѣе передовые ея элементы, которые въ концѣ-концовъ подняли весьма высоко для своего времени уровень очередныхъ политическихъ требованій. Нашъ авторъ между тѣмъ увлекся совершенно противоположной задачей. Онъ поставилъ себѣ цѣлью привести и преобразовательные планы Сперанскаго и политическія стремленія декабристовъ по возможности къ тому же невысокому уровню, на которомъ останавливались преобразовательныя предположенія неофіціального комитета. Всѣ эти моменты политической эволюціи развертывались въ одной и той же соціальной средѣ, и этого обстоятельства уже достаточно въ глазахъ нашего автора для того, чтобы поставить ихъ за общую скобку. Ничего нельзя было бы возразить противъ такой постановки вопроса, если бы она отвѣчала историческимъ фактамъ. Но характерно то, что для «развѣнчанія» Сперанскаго и декабристовъ авторъ сопоставляетъ ихъ стремленія не съ политическими горизонтами ихъ современниковъ, а... съ соціально-политическими идеалами *нашего* времени. Передовыя стремленія начала XIX в. онъ мѣряетъ аршиномъ тѣхъ идеальныхъ программъ, которыя и къ началу XX ст. все еще не получили практическаго осуществленія, составляя лишь боевые лозунги передовыхъ общественныхъ группъ. Не мудрено, что при такомъ сопоставленіи радикализмъ Сперанскаго и декабристовъ тускнѣетъ и проигрываетъ, и изъ смѣлыхъ новаторовъ своей эпохи они превращаются подъ перомъ нашего историка въ выразителей самыхъ рядовыхъ стремленій современной имъ общественной массы. Но вотъ вопросъ: проясняется ли и выигрываетъ ли отъ такого приѣма историческая перспектива въ трудѣ нашего автора? Увлекаемая предвзятой задачей, авторъ весьма часто не столько анализируетъ взгляды и стремленія историческихъ дѣятелей изучаемой имъ эпохи, сколько полемизируетъ съ ними, какъ будто бы это были его непосредственные политическіе противники. Думаемъ, что интересы текущей партійной борьбы нисколько не выигрываютъ отъ такого приѣма, между тѣмъ какъ интересы точнаго историческаго анализа терпятъ несомнѣнный ущербъ.

Характеризуя политическую роль Сперанскаго въ моментъ составленія имъ его знаменитаго преобразовательнаго плана, авторъ очень хорошо обрисовываетъ ту политическую обстановку, въ которой зародилась идея этого плана. Неудачи, понесенныя Россіей въ ея первой борьбѣ съ Наполеономъ, тяжелыя экономическія послѣдствія для Россіи отъ Тильзит-

скаго мира, больно ударившія, между прочимъ, и по интересамъ помѣщичьяго класса, быстрый ростъ всеобщаго недовольства создавшимся положеніемъ,—вотъ что послужило побудительнымъ толчкомъ для возобновленія правительственныхъ работъ надъ планами государственнаго переустройства. Непокойное состояніе общества заставило правительственныя сферы расширить и углубить содержаніе своихъ первоначальныхъ преобразовательныхъ предположеній. Идея «самодержавной конституціи», которую лелѣяли въ первые годы царствованія Александра Павловича и самъ государь и члены «неофициальнаго комитета», смѣняется теперь въ сознаніи правящихъ сферъ на краткое время мыслью о необходимости формально ограничить самодержавную власть Монарха настоящими конституціонными учрежденіями. Преобразовательный планъ, составленный Сперанскимъ въ 1809 году, и представлялъ собою опытъ реализаціи этой мысли. Разбирая этотъ планъ, М. Н. Покровскій отказывается признать въ немъ смѣлый и рѣшительный поступательный шагъ въ движеніи русской политической мысли. Онъ характеризуетъ преобразовательныя предположенія Сперанскаго 1809 года всецѣло какъ хитроумный политическій маневръ, направленный на то, чтобы подъ покровомъ нѣкоторыхъ конституціонныхъ фикцій въ сущности оставить все по старому, и въ этомъ смыслѣ онъ называетъ Сперанскаго въ одномъ мѣстѣ «отдаленнымъ предшественникомъ гр. Витте» (I, стр. 52). На чемъ же основывается такая характеристика? На томъ, что конституціонному проекту Сперанскаго чужда идея парламентаризма, что въ немъ не устанавливается политической отвѣтственности министровъ, что Дума не предоставлено законодательной инициативы и что выборы въ Государственную Думу по проекту Сперанскаго являются не всеобщими и прямыми, а цензовыми и четырехстепенными (I, стр. 50—51). Читая подобныя разсужденія, невольно спрашиваешь себя: неужели ученый историкъ, раскрывая какой бы то ни было русскій политическій проектъ начала XIX столѣтія, могъ ожидать встрѣтить тамъ полное предвосхищеніе политическихъ требованій передовыхъ партій нашего времени? И неужели одного отсутствія такого предвосхищенія уже достаточно, чтобы отказать автору столѣтняго политическаго проекта въ смѣлости и рѣшительности политическаго мышленія? Наученъ ли подобный пріемъ историческихъ характеристикъ? Не есть ли это—подмѣна историческаго анализа партійной полемикой заднимъ числомъ съ давно сошедшими съ жизненной сцены дѣятелями? Да, Сперанскій не вводилъ въ своемъ проектѣ ни парламентаризма, ни четырехчленной формулы избирательнаго права, но для характеристики политическаго значенія этого проекта надлежало выяснить его отличіе не отъ современныхъ намъ передовыхъ политическихъ требованій, а отъ той постановки, какая придавалась тѣмъ же самымъ вопросамъ въ ту эпоху, когда дѣйствовалъ Сперанскій; нужно было разсмотрѣть этотъ проектъ въ связи съ той политической атмосферой, которая существовала въ руководящихъ кругахъ русскаго общества въ первое десятилѣтіе XIX вѣка, и при такой дѣйстви-

тельно *исторической* оценкѣ даннаго проекта тотчасъ же обнаружилось бы то смѣлое новаторство, которое лежало въ его основѣ. Желая подкрѣпить свою мысль о крайней умѣренности и призрачности политическихъ гарантій, представлявшихся въ проектѣ Сперанскаго народному представительству, М. Н. Покровскій обстоятельно исчисляеть все постановленія проекта, направленные на стѣсненіе правъ Государственной Думы, но въ то же время сущность самихъ этихъ правъ онъ излагаетъ неполно и неточно. Правильно упоминая о томъ, что въ проектѣ Сперанскаго Государственная Дума не получаетъ права почина въ постановкѣ вопросовъ, М. Н. Покровскій умалчиваетъ о двухъ исключеніяхъ, допущенныхъ при этомъ Сперанскимъ: 1) «когда какою-нибудь мѣрою правительства явное дѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону» и 2) «когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ»—то въ этихъ двухъ случаяхъ «законодательное сословіе» получаетъ право «собственными своими движеніемъ предложить дѣло на уваженіе». Такъ какъ Сперанскій указываетъ на эти два случая, какъ на исключеніе изъ того общаго правила, что *предложеніе закона* принадлежитъ не Думѣ, а министрамъ, то отсюда явствуетъ, что въ указанныхъ случаяхъ Сперанскій предоставляетъ Думѣ не только право запроса, но и право настоящей законодательной инициативы, т.-е. право внесенія самостоятельныхъ законопроектовъ. Ни слова не упомянулъ М. Н. Покровскій въ изложеніи проекта Сперанскаго и о другой еще болѣе существенной прерогативѣ, предоставленной этимъ проектомъ народному представительству: по проекту Сперанскаго Государственная Дума собирается ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ «безъ всякаго созыва»,—прерогатива отнюдь не настолько маловажная, чтобы о ней можно было умалчивать при характеристикѣ проекта, хотя бы указаніе на нее и нарушило стройность взгляда нашего автора на конституціонализмъ Сперанскаго. Еще менѣе основаній имѣлъ авторъ умолчать о томъ положеніи проекта, въ которомъ заключался ясно выраженный принципъ ограниченія самодержавной власти и которое было выражено Сперанскимъ въ слѣдующей формѣ: «никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи», т.-е. Государственной Думѣ. Провозглашеніемъ этого принципа Сперанскій порывалъ съ той идеей «самодержавной конституціи», которая носилась предъ мысленнымъ взоромъ членовъ неофіціального комитета и которой самъ Сперанскій нѣкогда отдалъ дань въ своихъ болѣе раннихъ политическихъ трактатахъ. Для членовъ «неофіціального комитета» казалось неосуществимымъ самое введеніе народнаго представительства въ современной имъ Россіи, и они отодвигали моментъ созданія представительныхъ учреждений въ русскомъ государствѣ въ неопредѣленное далекое будущее, ограничивая свою ближайшую задачу согласованіемъ самодержавія съ единообразнымъ порядкомъ изданія новыхъ законовъ. Сперанскій въ своихъ раннихъ политическихъ трактатахъ тоже говорилъ о «самодержавной конституціи», при которой деспотическое правленіе еще

не переходитъ въ настоящую закономѣрную монархію, но лишь окружается нѣкоторыми постоянными установленіями, которыя, не нарушая существа самодержавія, «наружною важностію своею и составомъ» постепенно приближаютъ народное мнѣніе къ началамъ истинной закономѣрной монархіи (см. «Записку объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учреждений въ Россіи»). Въ проектѣ 1809 г. Сперанскій опредѣленно и сознательно ставится на новый путь. Въ той главѣ проекта, которая названа: «Объ общемъ разумѣ преобразования», Сперанскій прямо формулируетъ задачу предстоящей реформы, какъ упраздненіе абсолютизма. Реформа,—говоритъ онъ,—можетъ пойти двоякимъ путемъ: первый путь состоитъ въ томъ, чтобы «облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія; второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ». Это не наружное, а внутреннее и существенное ограниченіе самодержавія Сперанскій и видѣлъ въ созданіи народнаго представительства, помимо котораго ни одинъ законъ не могъ бы получать силы. Эту идею онъ и положилъ въ основу проекта 1809 г. И какъ бы ни были велики тѣ ограниченія, которыми при этомъ онъ нашелъ нужнымъ стѣснить дѣятельность народнаго представительства, все же не менѣе велика и пропасть, отдѣляющая указанную основную идею проекта отъ робкихъ преобразовательныхъ предположеній первыхъ лѣтъ Александровскаго царствованія. Въ качествѣ провозвѣстника этой идеи онъ явился несомнѣнно очень смѣлымъ новаторомъ для того момента, когда онъ выступилъ съ своимъ проектомъ. Правда, мысль о конституціи была въ то время ходячей. Писались разными лицами и конституціонные проекты. Но, во-первыхъ, многіе авторы такихъ проектовъ имѣли весьма туманное понятіе о существѣ конституціоннаго права, во-вторыхъ, эти проекты представляли собою не болѣе, какъ частныя работы, лишеныя какого-либо официального характера. Проектъ Сперанскаго 1809 г. ясно и точно формулировалъ отличіе конституціонной монархіи отъ монархіи самодержавной и кромѣ того это былъ не литературно-теоретическій трактатъ, а официальный законопроектъ, предназначенный къ дѣйствительному практическому осуществленію. Своимъ проектомъ Сперанскій бросалъ перчатку не только традиціямъ абсолютизма, но и классовымъ интересамъ рядовой массы тогдашняго дворянства, несмотря на цензовой характеръ проектированной имъ избирательной системы. Конечно, съ точки зрѣнія демократическихъ идей нашего времени проектъ Сперанскаго открытъ для самыхъ сокрушительныхъ полемическихъ нападеній. Но степень радикализма этого проекта необходимо измѣрять съ точки зрѣнія рядовой дворянской массы, современной самому Сперанскому. Изъ характеристики проекта, сдѣланнаго М. Н. Покровскимъ, вытекаетъ то заключеніе, что этотъ «консервативный» проектъ, почти ни

въ чемъ не опережавшій политическія идеи «неофіціального комитета», въ то же время не могъ бы возбудить противъ себя и тогдашнее дворянское общество, благодаря своему дворянско-классовому характеру. И если рядовое дворянство и озлобилось на Сперанскаго, какъ на сокрушителя государственныхъ основъ, то лишь потому, что «конституціонные проекты Сперанскаго были мало кому извѣстны, а во всѣхъ подробностяхъ ихъ не зналъ почти никто», между тѣмъ, какъ нѣкоторые отдѣльные правительственныя мѣропріятія въ родѣ указовъ о служебныхъ правахъ дворянъ и о налогахъ на доходы съ помѣщичьихъ имѣній страшно взволновали дворянство. Но эти мѣры, по мнѣнію М. Н. Покровскаго, въ глазахъ Сперанскаго не имѣли принципиальнаго значенія (?), что и выяснилось бы для дворянства, имѣй оно возможность ознакомиться съ главнымъ конституціоннымъ проектомъ Сперанскаго (I, стр. 59).

Чтобы убѣдиться въ эфемерности всего этого построенія, читателю достаточно перевернуть двѣ странички въ очеркѣ М. Н. Покровскаго, и тогда изъ устъ того же автора читатель узнаетъ, почему и ознакомленіе съ главнымъ конституціоннымъ проектомъ Сперанскаго не могло бы заставить дворянскую массу того времени признать въ Сперанскомъ «своего» человѣка. На стр. 64 читатель узнаетъ отъ того же М. Н. Покровскаго, что наиболѣе многочисленная часть тогдашняго дворянства «и въ своемъ хозяйствѣ и въ своей политической идеологіи твердо стояла на почвѣ традиціи... она инстинктивно чувствовала, что *полицейскій произволъ* есть лучшая гарантія вѣрностнаго хозяйства въ его традиціонной формѣ... и поэтому какъ попытки выписывать машины изъ-за границы, такъ и попытки пересадить къ намъ, хотя бы на бумагѣ, заграничныя образцы государственной жизни, одинаково вызывали въ ней къ себѣ самое скептическое отношеніе». — Вотъ, вдумавшись въ это совершенно правильное замѣчаніе, пусть читатель и разсудитъ — научно ли отрицать за проектомъ Сперанскаго значеніе смѣлаго новаторскаго шага только потому, что въ его системѣ конституціонныхъ учрежденій мы не находимъ ни парламентаризма, ни «всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго» голосованія на политическихъ выборахъ?

Отрицая за проектомъ Сперанскаго значеніе такого шага, М. Н. Покровскій вполне послѣдовательно утверждаетъ затѣмъ, что между этимъ проектомъ и дѣйствительно осуществленной при Александрѣ I реформой государственныхъ учрежденій вовсе не было такой большой разницы, какъ это принято признавать. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ приемомъ изложенія историческихъ данныхъ, какового, скажемъ прямо, мы никакъ не могли ожидать отъ нашего автора. Мы не можемъ допустить мысли, чтобы М. Н. Покровскій не читалъ въ подлинникѣ акта Образованія Государственнаго совѣта 1810 года, и тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ намъ приходится указать, что онъ вводитъ своего читателя въ глубокое заблужденіе, излагая содержаніе этого правительственнаго акта.

Станнымъ образомъ не упомянувъ въ своемъ мѣстѣ о томъ, что по

проекту Сперанскаго ни одинъ законъ не могъ быть изданъ помимо согласія «законодательнаго сословія», М. Н. Покровскій еще болѣе странно-нымъ образомъ приписываетъ это положеніе Государственному совѣту 1810 г., чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. «Въ компетенцію Государственнаго совѣта 1810 г. входило, — читаемъ у М. Н. Покровскаго на стр. 54—55—прежде всего законодательство: ни одинъ новый законъ не будетъ изданъ, ни одинъ старый не будетъ отиѣненъ *безъ согласія совѣта*». Итакъ, учрежденіемъ Государственнаго совѣта въ 1810 г. въ Россіи уже было ограничено самодержавіе, и Государственный совѣтъ получилъ законодательное, а не законосовѣщательное значеніе?

Да не подумаетъ читатель, что мы имѣемъ дѣло съ опечаткой. Какъ бы для устраненія подобнаго предположенія М. Н. Покровскій затѣмъ пишетъ: «совѣту предоставлялось *все то, что въ конституціонныхъ странахъ предоставляется собранію народныхъ представителей*». Отъ этихъ собраній совѣтъ отличался только составомъ—не выборнымъ, а короннымъ. Авторъ иронизируетъ затѣмъ надъ этимъ «парламентомъ по назначенію». Увы,—мы должны сказать, что иронія заслуживаетъ всецѣло самъ нашъ историкъ-новаторъ, открывшій никогда не существовавшую русскую конституцію 1810 года и превратившій законосовѣщательный Государственный совѣтъ въ законодательный органъ. Какъ видимъ, авторъ вмѣсто анализа историческихъ документовъ предпочитаетъ либо полемизировать съ ними, либо по своему усмотрѣнію реформировать ихъ содержаніе.

Имѣя въ виду эту склонность нашего автора, читатель съ осторожностью отнесется и къ тому «новому освѣщенію», какое М. Н. Покровскій даетъ въ своемъ трудѣ политической идеологіи декабристовъ. Этому важному вопросу посвящена третья глава второго выпуска разбираемаго изданія. Она принадлежитъ перу того же автора.

Главы настоящаго изданія, посвященные декабристамъ, уже обратили на себя вниманіе критики, которая отиѣтила весьма непріятный и поверхностно-легкомысленный тонъ, какимъ авторы этихъ главъ сочили возможнымъ говорить о піонерахъ русскаго освободительнаго движенія... Источникъ этого тона сквозитъ весьма ясно чрезъ покровы quasi-научной терминологіи, которой щеголяютъ составители этихъ очерковъ. Мы не считаемъ, конечно, задачей историка *прославленіе* декабристовъ. Но мы думаемъ, что историкъ, желающій держаться научной почвы, долженъ противопоставить прославленію декабристовъ не запальчивое *поношеніе* ихъ памяти, а спокойное *изученіе* всѣхъ особенностей декабристскаго движенія. И намъ кажется, что не только уваженіе къ перенесеннымъ этими людьми страданіямъ, но и уваженіе къ требованіямъ спокойной и точной научности, которую наши авторы такъ любятъ противопоставлять «либеральному романтизму», должно было бы удержать этихъ авторовъ отъ приписыванія декабристамъ «отсутствія простой человѣчности и элементарной порядочности» (II, стр. 134).

Не трудно замѣтить, что подъ маской научности передъ нами проходятъ на этихъ страницахъ отголоски борьбы, возгорѣвшейся, очевидно, не въ стѣнахъ ученаго кабинета, а на какой-то иной аренѣ. Въ лицѣ декабристовъ наши авторы клеймятъ умѣренность, непослѣдовательность и антидемократическій духъ «либеральной буржуазіи». Передъ нами—митяговая полемика въ формѣ историческихъ очерковъ. «Научно» ли однако дворянскую молодежь начала XIX ст. дѣлать ответственной за «грѣхи» либеральной буржуазіи начала XX ст.? М. Н. Покровскій понимаетъ всю остроту этого вопроса и для того, чтобы предупредить его, самъ вноситъ поправку въ довольно прочно, по его мнѣнію, утвердившуюся (?) характеристику декабристской идеологіи, какъ буржуазной. Весь свой очеркъ онъ строитъ на той мысли, что декабристы были представителями не буржуазной, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а феодально-дворянской оппозиціи самодержавію.

Впрочемъ, эта поправка не лишаетъ его возможности затѣмъ изобличать въ лицѣ декабристовъ «русскую либеральную буржуазію» (II, стр. 113). Эту возможность онъ оставляетъ за собою при помощи приѣма, которымъ стоитъ позабавить читателя: хотя декабристское движеніе, по мнѣнію нашего автора, есть всецѣло движеніе помѣщичье, но «если (?) *буржуазный* значить *не пролетарскій*, то едва ли можно спорить, что декабристы являются типичными представителями буржуазнаго міросозерцанія» (II, стр. 102). Итакъ, декабристы М. Н. Покровскаго—весьма занимательные историческіе персонажи: они — бунтовщики-феодалы во вкусѣ Колинъи (II, стр. 104) и они же—типичные представители буржуазнаго міросозерцанія; словомъ, все, что угодно, лишь бы не социаль-демократическіе большевики. Вся характеристика декабристской идеологіи, вышедшая изъ-подъ пера нашего автора, соткана изъ подобныхъ внутреннихъ противорѣчій.

Этой характеристикѣ авторъ предпосылаетъ методологическое замѣчаніе о необходимости изучать декабристскую идеологію не только по конституціоннымъ проектамъ декабристовъ, но и по ихъ письмамъ, разговорамъ, заявленіямъ, сдѣланнымъ въ крѣпости, и тому подобнымъ матеріаламъ, представляющимъ не столько «праздничную» формулировку ихъ воззрѣній, сколько болѣе интимное и потому болѣе близкое къ истинѣ обнаруженіе ихъ истинныхъ стремленій. Ничего нельзя возразить противъ такого методологическаго положенія, но лишь при условіи соблюденія и другого еще болѣе элементарнаго методологическаго требованія: какую бы категорію источниковъ ни изучалъ изслѣдователь, будь это официальные государственные акты вроде «Образованія Государственнаго совѣта 1810 г.», будь это политическія записки частныхъ лицъ, все равно, «праздничныя» или «будничныя»,—историкъ прежде всего долженъ брать изъ этихъ источниковъ не то, что ему непременно нужно для округленія его схемы, а то, что въ этихъ источникахъ дѣйствительно находится. Въ какой мѣрѣ

слѣдуетъ нашъ авторъ этому правилу, мы увидимъ сейчасъ изъ слѣдующаго примѣра.

Для сближенія декабристовъ съ рыцарями-гугенотами «во вкусъ Коллины» онъ пользуется письмами, которые посылалъ изъ крѣпости государю и генералу Левашову «одинъ изъ наиболѣе цѣльныхъ революціонеровъ среди декабристовъ» — П. Г. Баховскій. По мнѣнію М. Н. Покровскаго, изъ этихъ писемъ явствуетъ, что Баховскій шелъ на смерть 14 декабря 1825 г. не за человѣческія права, а исключительно за привилегіи дворянства. И это доказывается тѣмъ, что названныя письма изобилуютъ указаніями на произвольныя нарушенія администраціею предоставленныхъ дворянамъ правъ. Такія указанія дѣйствительно занимаютъ не малое мѣсто въ письмахъ Баховскаго. Не буду спорить противъ того, что принадлежность къ дворянской средѣ оказала извѣстное вліяніе на складъ воззрѣній Баховскаго. Но это обстоятельство все же не освобождаетъ историка отъ обязанности при цитированіи названныхъ писемъ выяснить и самому себѣ и своему читателю истинныя намѣренія ихъ автора. И для этого вовсе не требуется какой-либо особой остроты анализа; стоитъ только прочесть эти письма безъ заранѣе составленнаго предубѣжденія, и тотчасъ же станетъ ясно, что мысль автора состоитъ не въ защитѣ дворянскихъ привилегій, а въ изобличеніи административнаго произвола, не сдерживаемаго даже и тѣми сословными привилегіями, которыя давно закрѣплены въ законѣ. Баховскій хочетъ сказать своимъ адресатамъ приводимыми имъ примѣрами: «смотрите, какъ безграниченъ произволъ, царящій въ Россіи; не говоря уже о дальнѣйшемъ расширеніи общественныхъ правъ, даже тѣ права, которыя сама Верховная власть предоставила высшему сословию еще въ XVIII ст., на каждомъ шагѣ попираются административными агентами», и въ доказательство этой мысли Баховскій и приводитъ разнообразныя факты, взятые изъ жизни. Эту-то основную тему предсмертныхъ писемъ Баховскаго и проглядѣлъ нашъ «научно-объективный» историкъ, воспользовавшійся письмами исключительно въ цѣляхъ полемической ироніи по адресу «наиболѣе цѣльнаго революціонера изъ среды декабристовъ». Изображая точку зрѣнія декабристовъ на социальныя вопросы, какъ обычную *естльмъ* тогдашнимъ либеральнымъ помѣщикамъ, М. Н. Покровскій естественно долженъ былъ придти къ отрицанію за декабристами роли социальныя реформаторовъ. Опять-таки я не буду спорить противъ того, что социальная часть преобразовательной программы декабристовъ составляла дѣйствительно ихъ ахиллесову пята, и тѣмъ не менѣе я не могу представить себѣ, какимъ образомъ удалось бы автору доказать, что социальныя идеи не только Пестеля, но и Николая Тургенева выражали собою общедворянскую точку зрѣнія того времени. Тѣ попытки доказательствъ, которыя выдвинуты въ разбираемомъ очеркѣ, приводятъ автора къ большимъ самопротиворѣчіямъ, для характеристики которыхъ достаточно указать хотя бы на слѣдующее. На стр. 100 авторъ называетъ отжившей

легендой взгляды на декабристовъ, какъ на идейныхъ предшественниковъ составителей положенія 19 февраля 1861 г., и пространно старается разъяснить, въ силу какихъ побужденій декабристы сами пустили про себя эту легенду въ своихъ мемуарахъ, составленныхъ ими уже на склонѣ лѣтъ. Разрушая эту легенду на стр. 99—100 своего очерка, авторъ полагаетъ, что социальныя идеи декабристовъ были настолько косны, что между ними и идеями Н. Милютина лежала цѣлая бездна, и 19 февраля не только не выполнило завѣтовъ 14 декабря въ сферѣ социальной реформы, но наоборотъ, «вырвало почву изъ-подъ ногъ у той политической идеи, которую пытались ввѣдрить въ сознание русскаго общества дѣятели 14 декабря». Кажется, ясно и опредѣленно. Но переверните пять страницъ и на стр. 106 вы прочтете не менѣе ясныя и опредѣленные строки такого содержанія: «можно сказать, что декабристы на сорокъ лѣтъ опередили свое время, потому что реформа 19 февраля, хотя и въ нѣсколько уже замаскированномъ видѣ, работала...» надъ созданіемъ того же типа крестьянскаго освобожденія, къ которому стремились и декабристы, т.-е. надъ созданіемъ «батрака съ надѣломъ». Когда автору нужно отгѣнить тождество социальныхъ воззрѣній декабристовъ съ общедворянскими взглядами ихъ современниковъ, тогда въ его изложеніи между 14 декабря и 19 февраля оказывается незаполнимая бездна. Когда же ему нужно отгѣнить «буржуазный» характеръ реформы 19 февраля, оказывается, что декабристы предвосхитили идеи Николая Милютина.

Допустимъ же, что социальныя идеи декабристовъ страдали неопредѣленностью и непоследовательностью; справедливость во всякомъ случаѣ требуетъ прибавить, что еще болѣе сбивчивы и неопредѣленны отзывы нашего автора о сущности этихъ идей.

Развивая свою теорію о буржуазно-дворянскомъ (характеръ декабристской идеологии, нашъ авторъ встрѣтилъ-таки одинъ узелъ, который ему пришлось при всемъ его искусствѣ не развязать, а разрубить. Я разумѣю *Русскую Правду* Пестеля. Можно допускать различныя отгѣнки въ характеристикѣ воззрѣній Пестеля. Но даже и для предубѣжденнаго человѣка оказывается весьма затруднительнымъ изобразить Пестеля сознательнымъ противникомъ демократическихъ началъ или широкой аграрной реформы. И вотъ, во избѣжаніе какихъ-либо диссонансовъ въ своемъ построеніи декабристской идеологии (кромѣ тѣхъ диссонансовъ, которыхъ самъ авторъ не замѣчаетъ и образчики которыхъ мы привели выше), М. Н. Покровский просто-напросто снимаетъ Пестеля со счетовъ, успокаиваясь на томъ утвержденіи, что Пестель представлялъ собой въ рядахъ декабристовъ совершенно исключительное явленіе, отнюдь не характерное для той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ. Никто не будетъ отрицать того, что Пестель былъ человѣкомъ исключительнаго ума и характера; имѣются у насъ указанія и на то, что не всѣ взгляды Пестеля раздѣлялись даже тѣми декабристами, которые стояли къ нему всего ближе и всего чаще испытывали

на себѣ его непосредственное вліяніе. Но если уже ставить вопросъ о размѣрахъ вліянія Пестеля на его сотоварищей и о степени типичности его взглядовъ для общедекабристской идеологіи, то отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть данъ путемъ тщательнаго фактическаго изслѣдованія, а отнюдь не въ силу заранее составленныхъ предвзятыхъ рѣшеній о томъ, что должно быть типично для декабристовъ. А фактическое изслѣдованіе показываетъ, что друзья Пестеля склонны были критиковать его программу вовсе не за ея демократизмъ, а за ея якобинизмъ, за чрезмѣрное пристрастіе Пестеля къ государственной централизаціи, въ жертву которой онъ готовъ былъ принести и областную и индивидуальную свободу. Вообще нужно сказать, что М. Н. Покровский вопреки имъ же самимъ выставленному методологическому положенію въ концѣ-концовъ слишкомъ преувеличилъ значеніе конституціонныхъ проектовъ, составленныхъ отдѣльными видными декабристами, и притомъ еще совершенно произвольно расклассифицировалъ эти проекты по степени ихъ типичности. Безъ достаточныхъ основаній снявъ со счетовъ проекты Пестеля, онъ столь же малоосновательно призналъ проектъ Никиты Муравьева во всѣхъ его частяхъ точнымъ отображеніемъ наиболѣе распространенныхъ среди декабристовъ воззрѣній.

Какъ извѣстно, Никита Муравьевъ вводитъ въ своемъ конституціонномъ проектѣ очень высокій имущественный цензъ для участія въ политическихъ выборахъ и высказывается за безземельное освобожденіе крестьянъ. Какой удобный матеріалъ для того, чтобы изобразить декабристовъ буржуазными либералами! И вотъ, имѣя передъ собой два противоположныя по направленію проекта Пестеля и Никиты Муравьева, нашъ авторъ, категорически и безъ дальнѣйшихъ справокъ, зачисляетъ проектъ Пестеля въ разрядъ чисто индивидуальныхъ произведеній одинокаго ума, а проектъ Никиты Муравьева признаетъ типичнымъ выраженіемъ общедекабристской идеологіи,—и характеристика декабристовъ готова! А между тѣмъ историческія данныя гласятъ совершенно иное. Ни тотъ, ни другой проектъ не пользовались общимъ признаніемъ въ средѣ декабристовъ. То были какъ бы два противоположные крайніе полюса политической мысли, представленные двумя систематиками изъ среды декабристовъ. Мысль рядовой декабристской массы направлялась по средней между ними линіи. И важно отмѣтить при этомъ, что критики названныхъ проектовъ изъ среды самихъ декабристовъ цѣнили въ проектѣ Пестеля какъ разъ то, что, по мнѣнію М. Н. Покровскаго, должно было идти вразрѣзъ съ общими декабристскими тенденціями, т.-е. его демократизмъ, и критиковали въ проектѣ Муравьева то, что, по мнѣнію того же автора, должно было находить самый сочувственный откликъ въ декабристской массѣ, т.-е. высокій избирательный цензъ и обезземеленіе крестьянъ. Вопреки характеристикѣ М. Н. Покровскаго, въ средѣ декабристовъ можно усмотрѣть таковыи образомъ теченіе, стремившееся сочетать конституціонализмъ Му-

равьева съ демократизмомъ Пестеля. Это теченіе не такъ-то легко уладывается въ схему, предустановленную нашимъ историкомъ, но что же дѣлать? Схемы должны вырастать изъ фактовъ, а не факты передѣлываться по схемамъ.

Въ результатѣ нашего разбора мы должны сказать, что то новое освѣщеніе, какое авторъ стремился придать эпохѣ Александра I, не озарило большею ясностью картины этого царствованія. Скорѣе, наоборотъ, пестрые блики, вновь послѣшно брошенные на эту картину, лишь спутали безъ нужды опредѣленность ея прежнихъ очертаній. И объ этомъ приходится пожалѣть тѣмъ въ большей степени, что авторъ разобранныхъ очерковъ обладаетъ всѣми данными для плодотворной научно-литературной дѣятельности—солидной эрудиціей и яркимъ литературнымъ талантомъ. Но онъ поддался искушенію превратить науку въ служанку партійной полемикѣ, и наука отомстила за себя.

А. Кизеветтеръ.

„Л и н в и д а ц і я“.

I.

Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ гостинныхъ разсказывается легенда, будто въ архивахъ департамента полиціи хранятся бумаги одного помѣщика, жившаго вблизи Серафима Саровскаго и записывавшаго свои разговоры со старцемъ, уже тогда считавшимся святымъ. Въ этихъ бумагахъ содержится будто бы рядъ предсказаній, сдѣланныхъ Серафимомъ Саровскимъ о судьбахъ Россіи. Легенда утверждаетъ, что святой старецъ предсказалъ и войну съ «желтыми людьми», и разгромъ русскихъ войскъ, и послѣдовавшую затѣмъ сильную внутреннюю смуту. Люди, рассказывающіе про эту легенду, заходятъ такъ далеко, что утверждаютъ, будто въ предсказаніяхъ саровскаго чудотворца содержится точное указаніе, что въ концѣ 1907 года смута уляжется, наступитъ успокоеніе, и Россія оправится отъ пережитыхъ ею бѣдствій.

Слѣдя за тѣмъ, какъ правительство и суды, хорошо понявшіе угрозу деклараціи о возможной отиѣнѣ несмѣняемости судей, съ лихорадочной быстротой спѣшили въ концѣ 1907 года закончить всѣ крупныя политическіе процессы, связанные съ событіями послѣднихъ лѣтъ, невольно приходить въ голову, ужъ не имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ попыткой доставить куда слѣдуетъ реальное подтвержденіе справедливости упомянутыхъ предсказаній. Декабрь мѣсяць былъ сплошь занятъ крупными политическими процессами, воскресившими передъ русскимъ обществомъ всѣ тѣни прошлаго. Не было, кажется, ни одной стороны недавней русской жизни, которая въ томъ или иномъ видѣ не фигурировала бы на судѣ. Судили «крестьянскій союзъ» и товарища министра внутреннихъ дѣлъ Гурко, судили и осудили всю соціалъ-демократическую фракцію депутатовъ второй Государственной Думы. Судятъ портъ-артурскихъ генераловъ, кievскихъ погромщиковъ, въ октябрѣ 1905 г. отвѣтившихъ на манифестъ о конституціи массовымъ избіеніемъ и грабежомъ еврейскаго населенія. Эффектно и быстро прошелъ «выборгскій» процессъ, который въ сознаніи всего русскаго общества отразился какъ судъ надъ первой Государственной Думой. По официальной обложкѣ это было «дѣло о дворянахъ С. А. Муромцевъ,

князь П. Д. Долгорукомъ, Н. А. Гредескулѣ, князь Д. И. Шаховскомъ и др., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. ст. 51 и 3 п. 1 ч. 129 ст. Угол. Улож.», но кто же не видитъ, что перечисленные въ заголовкѣ обвинительнаго акта имена—полный составъ президіума первой Думы! Запоздали нѣсколько процессы московскихъ социалистовъ-революціонеровъ и центральнаго комитета народно-соціалистической партіи...

Всѣ эти процессы принято называть ликвидационными. Слово ликвидация теперь вообще очень популярно. Если послушать, что кругомъ говорится, такъ и на самомъ дѣлѣ можно подуматъ, будто мы, дѣйствительно, переживаемъ какую-то всеобщую ликвидацию. Ликвидируется старый порядокъ, ликвидируется и революція, ликвидируются и увлеченія, и заблужденія, и старые приемы дѣйствій, и старыя соціально-политическія программы и т. д. и т. д. Да такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ ли тутъ какого-либо оптическаго обмана?

Русскія Вѣдомости (см. № 293—1907 г.) по поводу этого «ликвидационнаго урагана» говорятъ: «Почти всѣ процессы могутъ быть раздѣлены на двѣ противоположныя категоріи, и въ обѣихъ мы имѣемъ дѣло съ ликвидациями. Съ одной стороны, ликвидируется освободительное движеніе, съ другой — какъ будто дѣлается попытка ликвидировать наиболѣе бьющія въ глаза злоупотребленія стараго порядка». Московская газета подчеркиваетъ, что процессы первой категоріи происходятъ въ «обстановкѣ», которая далека отъ требованій, предъявлявшихся самимъ освободительнымъ движеніемъ: нѣтъ такъ называемаго суда общественной совѣсти». Что же касается процессовъ второго рода, то общество относится къ нимъ довольно хладнокровно, съ извѣстнымъ любопытствомъ, но безъ захватывающаго интереса: «общество не можетъ не видѣть, что наслѣдіе стараго режима старымъ же режимомъ и ликвидируется». *Русскія Вѣдомости*, какъ видимъ, скептически относятся къ этой ликвидации второго рода. Но думается намъ, что и судебные процессы первой категоріи едва ли что на самомъ дѣлѣ ликвидируютъ. И тутъ старый режимъ дѣйствуетъ старыми средствами и приводитъ къ старымъ же результатамъ.

Посмотримъ, что дали намъ всѣ эти такъ-называемыя «ликвидационныя процессы».

II.

Хронологически первымъ изъ большихъ политическихъ процессовъ шло дѣло 55 членовъ соціалъ-демократической фракціи 2-й Думы, закончившееся 1 декабря. Депутаты обвинялись по ст. 102-й, т.-е. за участіе въ сообществѣ, составившемся для «насилъственнаго посягательства на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленныхъ законами основными образа правленія». Дѣло разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ, и русское общество узнало кое-что о слѣдствіи, процессѣ и приговорѣ (11 депутатовъ оправдано, 12—сослано на поселеніе, 26—на каторгу отъ

4 до 5 лѣтъ) только изъ «сообщенія по дѣлу о членахъ социаль-демократической фракціи Государственной Думы второго созыва», неизвѣстно откуда исходящаго, но появившагося впервые въ правительственныхъ и офиціозныхъ изданіяхъ. Кто же составлялъ это «сообщеніе», кто взялъ на себя передъ русскимъ обществомъ отвѣтственность за точность сообщаемыхъ фактовъ, кто, наконецъ, вопреки ясному запрещенію закона, грозящаго уголовной карой, позволилъ себѣ огласить дѣло, разбиравшееся при закрытыхъ дверяхъ — этого мы не знаемъ. Передъ нами чрезвычайно яркій примѣръ возвращенія къ старому, возстановленія одного изъ самыхъ нежелательныхъ, противорѣчащихъ основамъ права приѣмовъ правительственного воздѣйствія на обывателей.

Столь серьезное обвиненіе, взведенное на нѣсколько десятковъ народныхъ представителей, несомнѣнно требовало гласнаго и открытаго суда. Будучи увѣреннымъ въ своей правотѣ, странно было бы считать публичное разбирательство этого дѣла опаснымъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Прокуроръ палаты г. Камышанскій восклицалъ, что онъ жалѣетъ, что двери суда закрыты, что онъ не можетъ показать народу нѣкоторыхъ его представителей во весь ихъ ростъ. Почему же онъ, сожалея объ этомъ, не возбудилъ вмѣстѣ съ подсудимыми ходатайства объ открытіи дверей? Ходатайство прокурора, надо думать, было бы уважено, и патетическій возгласъ г. Камышанскаго освободился бы отъ столь непріятнаго привкуса лицемерія. Но пойти по новой дорогѣ нехватило силъ. Было рѣшено прибѣгнуть къ старому испытанному способу закрытія дверей при политическихъ процессахъ. Но тогда надо было строго держаться буквы закона и ничего изъ процесса не оглашать, за исключеніемъ приговора, если онъ былъ объявленъ публично. Но до этого не додумались. Прибѣгли къ старому трафарету.

До революціи всѣ политическіе процессы разбирались при наглухо закрытыхъ дверяхъ. Отчеты о нихъ, и очень подробные, печатались въ иностранныхъ и русскихъ зарубежныхъ газетахъ. Но время отъ времени, неизвѣстно по какому поводу, то правительственные, то реакціонныя газеты оглашали кое-что о судьбисахъ, разыгравшихся за закрытыми дверями. Прогрессивная печать съ жадностью накидывалась на эти официальные сообщенія и, несмотря на ихъ тенденціозность, односторонность, временами брань по адресу обвиненныхъ, перепечатывала ихъ отъ буквы до буквы. И что всего курьезнѣе, провинціальныя администраторы и цензора смотрѣли на такія перепечатки, дѣлавшіяся безъ всякихъ комментаріевъ, весьма неодобрительно и часто воспрещали ихъ. Они чуяли и здѣсь крамолу и съ своей точки зрѣнія были правы. Читатель скоро научился читать: ни тенденціозность, ни односторонность, ни брань на него не дѣйствовали, и изъ правительственныхъ сообщеній онъ вычитывалъ только то, что ему было нужно. Онъ узнавалъ, что борьба за свободу идетъ, что не переведлись еще люди, жертвующіе собой за идею.

Открытый политическій процессъ, разбирающійся при свѣтѣ дня, слу-

жить несомненно проясненію общественнаго сознанія. Мнѣнія раздѣляются, на-ряду со сторонниками обвиняемыхъ смѣло раздается и голосъ людей, ихъ осуждающихъ. Общественная мысль работаетъ. При закрытыхъ дверяхъ осужденные по политическимъ процессамъ всегда превращаются въ героевъ, и это явленіе неустранимо. При системѣ микстъ, когда судебная тайна дополняется одностороннимъ оглашеніемъ отдѣльныхъ данныхъ по выбору побѣдившей стороны, результаты получаются тѣ же, пожалуй, даже хуже. Односторонняя «свобода» печати, когда говорятъ только обвинители, а обвиненные, несущіе наказаніе вынуждены молчать, производитъ чрезвычайно невыгодное впечатлѣніе для побѣдителей. И если официальное сообщеніе будетъ составлено даже со scrupulous точностью и величайшей добросовѣстностью, этому никогда не повѣрятъ...

Въ процессѣ социаль-демократической фракціи второй Думы мы имѣемъ не ликвидацію, завершившую извѣстный періодъ «преступныхъ заблужденій». Передъ нами воскресла одна изъ страницъ старой русской исторіи, и то, что дѣйствующими лицами выступили люди, носящіе новое для стараго порядка званіе членовъ Государственной думы, не внесло никакого измѣненія въ знакомую картину. Крѣпки старыя привычки и, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, онѣ стремятся вновь завладѣть положеніемъ и усѣсться поудобнѣе. Но воскресеніе старыхъ привычекъ на одной сторонѣ побуждаетъ къ тому же самому и другую сторону...

III.

Трудно усмотрѣть какую-либо «ликвидацію» и въ процессѣ о кievскомъ погромѣ. Это—все старая картинка старой русской жизни, вслѣдъ за которой будетъ поставлено, вѣроятно, немало такихъ же картинъ. Что «ликвидируетъ» кievскій судъ? Погромную эпопею? Разоблачаетъ ли онъ истинную природу нашихъ погромовъ? Пролить ли на все полный свѣтъ? Привлечены ли къ суду настоящіе виновники погрома? Пока что—мы слышимъ только ежеминутно раздающіяся изъ устъ предсѣдателя суда слова: прошу не касаться дѣйствій войскъ, прошу не говорить о полиціи, войска и полиція не находятся въ числѣ обвиняемыхъ и т. д. На скамью подсудимыхъ посажено 86 случайно вырванныхъ «чужекъ», большая часть которыхъ были, вѣроятно, простыми мародерами, грабившими на полѣ сраженія, подготовленнаго другими болѣе высоко стоящими господами, оказавшимися за дверями суда. Курьезный эпизодъ, какъ на самомъ судѣ одинъ изъ обвиняемыхъ былъ пойманъ въ ту минуту, когда залѣзъ въ карманъ къ своему сосѣду по скамьѣ и по несчастью, только дочерчиваетъ картину. И по поводу этихъ хулигановъ нѣкоторые свидѣтели — полицейскіе и адвокаты шмаковского типа, провозносятъ громкія рѣчи о революціи, жидовской наглости, возмущенномъ патриотическомъ чувствѣ толпы, отвѣтившей на красные флаги грабежомъ еврейскихъ лавокъ и убійствами безоружныхъ, беззащитныхъ людей. Приходится сдѣлать самое выгодное для Шмакова и К^о

предположеніе, признавъ, что они сами нисколько не вѣрятъ въ то, что говорятъ, и смѣются надо всѣмъ, мороча глухихъ людей. Если хоть на одинъ мигъ повѣрить, что въ еврейскихъ погромахъ выражается русскій патриотизмъ, это будетъ равносильно признанію русскаго народа гибнущей, разлагающейся расой, безсильной къ какой бы то ни было культурной борьбѣ за существованіе. Къ счастью, это не такъ... Погромы несомнѣнно организуются опытными руками и развиваются исключительно вслѣдствіе попустительства полиціи и войскъ. Чтобы прекратить погромъ даже въ Кіевѣ, достаточно было всего только роты солдатъ, и при этомъ не было бы пролито ни капли крови ни погромщиковъ, ни ихъ жертвъ.

Свидѣтель Карантбайвель далъ такое показаніе: «Около моего магазина я наблюдаю такой случай. Человѣкъ 15 солдатъ, не дѣйствуя оружіемъ, подъ предводительствомъ офицера, камнями разогнали толпу громилъ. Въ это время мимо проѣзжалъ полицеймейстеръ Цихоцкій, который, подозвавъ офицера, что-то ему сказалъ; офицеръ тотчасъ ушелъ съ солдатами, а толпа хулигановъ снова стала грабить...»

Свидѣтель Ломакинъ видѣлъ патриотическую манифестацію во главѣ съ епископомъ Платономъ. Ему на дорогѣ разстилали ковры, которые брали изъ разбитаго магазина Пеховича.— Вы видѣли, какъ громилы подходили къ драгунамъ?—спрашиваетъ свидѣтеля прис. пов. Зарудный.— Видѣлъ.— Что же они дѣлали?— Угощали драгунъ папиросами.— А погромъ продолжался? — Продолжался.

Студентъ Гене въ дни погрома во дворѣ Старокіевского участка увидѣлъ роту Миргородскаго полка подъ командой офицера. Когда студентъ попросилъ его разогнать громилъ, офицеръ отвѣтилъ: «эка важность, что тамъ жидковъ бьютъ».

Вотъ еще отрывки изъ показаній городского Ковальчука, которому, вѣроятно, предстоитъ тяжело пострадать за свою добросовѣстность: стоялъ я на дежурствѣ около Прорѣзной, когда громилы. Когда я пытался прогнать погромщиковъ, то солдаты приходили и отталкивали меня прикладами...—Что солдаты говорили вамъ?—Они говорили мнѣ, что поставлены охранять громилъ... Когда я обратился къ одному унтеръ-офицеру съ вопросомъ, почему солдаты не разгоняютъ громилъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «пошелъ вонъ, у насъ есть на это разрѣшеніе...» Я спросилъ: какое разрѣшеніе? покажи. Въ отвѣтъ на это онъ показалъ мнѣ прикладъ...

Большинство свидѣтелей, въ томъ числѣ и православныхъ, слышали отъ громилъ, что громить евреевъ дозволено было три дня... Любопытно, что городского Ковальчука всякій разъ, когда онъ заговаривалъ о войскахъ, предсѣдатель суда и прокуроръ перебывали другими вопросами. Но Ковальчукъ, заявивъ, что онъ принималъ присягу и долженъ говорить правду, набрался-таки рѣшимости и высказалъ всю свою правду. Для людей, видѣвшихъ погромы своими глазами, эта правда ничего необычайнаго не представляетъ. Вездѣ и всюду она одна и та же.

IV.

Техника погромнаго дѣла въ сущности очень проста, хотя въ то же время почти гениальна въ своей простотѣ. Недаромъ спеціалистъ по этой части ротмистръ Комиссаровъ, какъ удостовѣрилъ бывшій товарищъ министра внутр. дѣлъ членъ первой Думы кн. Урусовъ, заявилъ: «погромъ устроить можно какой угодно; хотите на десять человекъ, а хотите и на десять тысячъ». Для начала пускается въ ходъ патріотическая манифестація. Въ эту манифестацію откуда-то стрѣляютъ, такъ что стрѣляющихъ никто не видитъ. Этотъ выстрѣлъ служитъ точно сигналомъ, чтобы «разбѣжавшіеся со страху (!?) манифестанты принялись за грабежъ еврейскихъ лавокъ и за убійства отдѣльных лицъ. Такъ какъ въ первые часы «большого» погрома ни полиція, ни войска даже не показываются на улицахъ, то среди части молодежи возникаетъ мысль о самооборонѣ. Быстро организуются небольшіе отряды молодыхъ людей, вооруженныхъ револьверами, и идутъ на погромщиковъ. Тутъ погромщиками, дѣйствительно, овладѣваетъ паника: при приближеніи отрядовъ самообороны погромщики немедленно разбѣгаются. Но затѣмъ моментально происходитъ переимѣна декораций. На улицахъ появляются полиція и войска, съзади которыхъ идутъ шайки грабителей. Каждый выстрѣлъ въ погромщиковъ объявляется стрѣльбой въ войска и полицію (при этомъ какъ общее правило, раненыхъ среди нихъ почти никогда не бываетъ). Немедленно войска, руководимыя полиціей, отырываютъ огонь по самооборонѣ и по тѣмъ домамъ, въ которыхъ предполагается ея присутствіе. Когда домъ достаточно обстрѣлянъ, войска идутъ дальше, а слѣдующія за ними шайки бросаются грабить разстрѣлянные лавки и жилища и добиваютъ найденныхъ тамъ людей. Когда спрашиваютъ, почему же полиція и войска не останавливаютъ грабежей, слѣдуетъ сакраментальный отвѣтъ: войска не могутъ разорваться, они вынуждены были обороняться отъ нападеній революціонеровъ, пусть прекратятся выстрѣлы изъ домовъ, и тогда войска получаютъ возможность остановить погромъ... Настоящая сказка про бѣлаго бычка...

Специфическую особенность кіевскаго, какъ и многихъ другихъ октябрьскихъ погромовъ, составляло только то, что наканунѣ погрома, въ день опубликованія манифеста 17 октября, городъ былъ охваченъ революціонными манифестаціями, правда, не стоившими никому ни капли крови, но не свободными отъ многихъ эксцессовъ. Этими эксцессами и думаютъ воспользоваться защитники погромщиковъ, мѣшая правду съ ложью и желая выставить толпу грабителей защитниками русскаго знамени, поруганнаго революціонерами. На судѣ не было однако установлено, что Царскіе портреты были изорваны евреями и, даже наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось дознаться, что портреты рвались самими погромщиками съ провокаціонной цѣлью. Съ тою же цѣлью была выпущена изъ одного изъ полицейскихъ участковъ живая телеграмма, что 10.000 евреевъ напали на Голоосѣвскій монастырь и вырѣзали всѣхъ монаховъ. Эта телеграмма вызвала въ Кіевѣ большую панику и она въ значительной мѣрѣ

способствовала тому, что мирное кievское население довольно равнодушно отнеслось къ расправѣ съ евреями небольшихъ хулиганскихъ шаекъ.

Но несомнѣнно, что въ день опубликованія Высочайшаго манифеста о свободахъ кievская полиція и многихъ другихъ городовъ совершенно растерялась и выпустила изъ своихъ рукъ всякое управление улицей, которое немедленно перешло въ руки таившихся до тѣхъ поръ въ подпольѣ революціонныхъ кружковъ, вынесшихъ наружу свои красныя и черныя знамена. И, быть можетъ, важнѣйшая во всемъ этомъ черта та, что масса городского населенія сама нисколько не протестовала противъ революціонныхъ манифестацій и склонна была простодушно повѣрить даже въ самые фантастическіе толки о происшедшей смѣнѣ начальства и охотно подчиниться новому начальству. Когда администрація оправилась отъ неожиданности, которой былъ для нея манифестъ 17 октября и какія-то невѣдомыя ей свободы, она увидѣла, что реальная, физическая сила попржнему пребываетъ у нея въ рукахъ. Тогда-то и разыгрался «экспериментъ», отголоски котораго слышатся теперь въ кievскомъ судѣ. Если при уклоненіи полиціи отъ своихъ обязанностей, революціонеры такъ легко могли овладѣть улицей и высоко поднять свои красныя знамена, и этому никто не препятствовалъ, то то же самое, конечно, будетъ, если полиція устранится, когда черносотенные патріоты тоже выйдутъ манифестировать. Пусть-ка еврей и революціонеры узнаютъ, что такое «свобода». «Въ хотѣли—свободы, вотъ вамъ швабоды!» Психологія событія именно такова. А когда избиваемые подумали о защитѣ, появились войска...

Теперь идетъ судъ... Но будетъ ли этотъ судъ дѣйствительно «ликвидацией», т.-е. осужденіемъ эксперимента междоусобной войны, какъ орудія управления? Конечно, нѣтъ... Въ тому же обвиненные погромщики, въ томъ числѣ и убійцы, твердо увѣрены, что даже наложенныхъ наказаній имъ отбывать не придется...

V.

Затянувшійся портъ-артурскій процессъ плетется какъ-то сонно и безтолково. Время отъ времени какой-либо яркій эпизодъ прорѣжетъ густую обывательскую атмосферу, образовавшуюся вокругъ этого дѣла, обильно политая человеческой кровью. Затѣмъ опять затянется сѣрой мутью. Процессъ генеральскій. Среди свидѣтелей много генераловъ, подсудимые—генералы и судьи—всѣ старые почетные генералы. Имъ бы судить хотѣлось по-домашнему, генеральски-патріархальному. Они—люди старые, въ большихъ чинахъ, подвержены многимъ болѣзнямъ. И председатель суда уже смѣнился, и нѣсколько членовъ выбыли уже изъ состава присутствія: одинъ даже, если не ошибаемся, скончался. А тутъ приходится возиться со сложными формами судопроизводства, съ гласностью, публичкой, защитниками «молодыми людьми» изъ юристовъ, которые все чего-то горячатся. Неудивительно, что когда одинъ изъ защитниковъ началъ черезчуръ подробно допрашивать свидѣтеля генерала Горбатовскаго объ условіяхъ боя 19 де-

кабря, председатель суда прервалъ допросъ словами: «Не стоитъ. Защитникъ—человѣкъ молодой, ну и не понимаетъ» (*Гол. Москва* № 294). Председатель неоднократно вступаетъ въ дружескіе переговоры съ подсудимыми и свидѣтелями, высказываетъ свое мнѣніе по поводу того или иного факта. Все это создаетъ для залы суда очень уютную обстановку, далеко отгоняющую мысль, что въ результатъ всего этого судоговоренія можетъ получиться нѣсколько смертныхъ приговоровъ... хотя только на бумагѣ.

А между тѣмъ этотъ процессъ имѣетъ огромный общественный интересъ. Судятъ клочокъ Россіи, оторвавшійся отъ родины - матери и на чужбинѣ сохранившій всѣ специфическія прелести домашнихъ порядковъ. Невольно навертывается недоумѣнный вопросъ: почему судятъ именно ихъ, а не кого-либо другого, почему они виновнѣе прочихъ? То, что дѣлалось въ Артурѣ, творилось и творится и раньше и теперь во всѣхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ вѣдомствахъ. Положимъ, относительно Стесселя существуютъ кое-какія улики въ трусости, Стессель, Рейсъ и Фокъ не безъ основаній обвиняются въ томъ, что послѣ смерти Кондратенка вели крѣпость чуть ли не намѣренно къ сдачѣ. Но вѣдь даже и они рисковали въ крѣпости своею жизнью, тогда какъ десятки и сотни другихъ военныхъ и штатскихъ генераловъ, продѣлывающихъ буквально то же самое, что и эти герои, ничѣмъ не рискуютъ и продолжаютъ благодушествовать. Обидно становится за память настоящихъ порть-артурскихъ героевъ, имена же ихъ ты, Господи, вѣси, которые за тысячи верстъ отъ родины жертвовали своей жизнью въ фантастической, чуждой народу войнѣ, которые гибли безмолвными жертвами государственнаго разлада, отдавашаго судьбу великаго народа въ руки тупыхъ, самодовольныхъ новѣждъ. Если бы порть-артурскій процессъ былъ дѣйствительно «ликвидацией», если бы онъ могъ дать намъ ручательство, что въ будущемъ сотни тысячъ русскавъ не очутятся искупительными жертвами за чужіе грѣхи—тогда народъ могъ бы съ легкимъ сердцемъ привѣтствовать этотъ процессъ. А теперь... Начинаешь жалѣть и Стесселя, когда читаешь въ обвинительномъ актѣ такое, напримѣръ, его показаніе: «Что касается того, можно ли было допустить рѣзю на улицахъ, то, по мнѣнію обвиняемаго, физически это возможно при непремѣнномъ условіи, чтобы японцы вмѣсто разгрома внутренности крѣпости снарядами, дали ворваться внутрь войскамъ, а тогда было бы то, что было въ войну 1894—1895 годовъ; памятникъ же десяти тысячамъ китайцевъ, зарѣзаннымъ въ Артурѣ, всѣ мы видѣли и не одинъ разъ... И этотъ послѣдній актъ былъ бы произведенъ надъ моими боевыми товарищами, ранеными воинами, лежащими по разнымъ госпиталямъ. Этого обвиняемый допустить не могъ и вмѣсто дешевыхъ бумажныхъ лавровъ рѣшилъ сдать остатки героевъ послѣ взятія той высоты, владѣніе которой отдавали въ руки того, кто ея владѣетъ, и крѣпость; крѣпости Портъ-Артуръ послѣ взятія Большого Орлинаго гнѣзда не существовало».

Неужели ради Абазы, Безобразова и Алексѣева необходимо было «пронести» и «этотъ послѣдній актъ».

VI.

Во все время осады въ Портъ-Артурѣ прии́нялся только одинъ, основной и, пожалуй, неискоренимый законъ русской жизни: административная анархія. Вѣдомства, создавшіяся и воспитавшіяся на мысли, что не они для гражданъ, а граждане—для нихъ, безъ передышки грызлись другъ съ другомъ. Шла постоянная борьба властей и самолюбій, завязывались многообразныя интриги. Представители вѣдомства, никогда не чувствовавшіе себя отвѣтственными передъ гражданами и поэтому лишенные и понятія объ истинномъ патріотизмѣ, не могли и подъ дуломъ неприятельскихъ орудій оставить свои счеты. То же самое происходило и происходитъ и въ остальной Россіи. Если патріотизмъ видѣтъ въ погромныхъ звѣрствахъ, то понятно, къ чему можетъ привести такой уровень государственнаго сознанія.

Что такое Стессель? Обыкновенный, дюжинный генералъ, желающій играть роль простаго «русачка», отца-командира, не ученаго, скептически относящагося къ «десяти академіямъ», которыя окончилъ генералъ Смирновъ. Эта роль требуетъ отъ него бравурности, молодцеватости, строгости, беспощадности. Задумываться и размышлять не надо: «Я никогда не оти́гну своихъ приказаній». И вотъ на долю такого человѣка выпала чрезвычайно тяжелая, отвѣтственная роль начальника осажденной крѣпости. Силою вещей онъ, дѣйствительно, сталъ полнымъ, безапелляционнымъ властелиномъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей. Что хорошаго могло изъ этого произойти? Недаромъ говорятъ, что оцѣнка каждаго государственнаго строя дѣлается на войнѣ. Нужно ли удивляться, что бахвальство не оказалось патріотизмомъ, что самодурство не замѣнило талантовъ и знаній, что беззаконіе родило только анархію, что ложь не оказалась во спасеніе?

Стессель началъ свою дѣятельность беззаконіемъ. Вопреки многократнымъ телеграммамъ главнокомандующаго, онъ лишилъ коменданта крѣпости генерала Смирнова его правъ, скрылъ отъ него служебныя телеграммы и затѣмъ въ теченіе всей осады занимался уже частичнымъ упраздненіемъ и дискредитированіемъ власти ненавистнаго ему ученаго генерала. Это кажется невѣроятнымъ. Но еще невѣроятнѣе то, что Стессель успѣлъ и свое начальство, Куропаткина, убѣдить въ необходимости такого *coup d'état*. Вполнѣ сознавая беззаконность дѣйствій Стесселя, ген. Куропаткинъ послѣ трехъ телеграммъ пересталъ настаивать на восстановленіи генерала Смирнова въ его правахъ коменданта, что Стессель считъ молчаливымъ одобреніемъ его поведенія. Достигнуто это было очень простымъ приемомъ: при помощи безудержной лжи и бахвальства. «Не только войска,—писалъ Куропаткину Стессель—беззавѣтно вѣрять въ меня, такъ какъ я всегда между ними (я двѣ лошади въ день заѣзжаю),—вѣрять въ меня и моряки болѣе, чѣмъ въ своихъ адмираловъ. Вѣрять въ меня и населеніе». Не напоминаетъ ли это слогъ приказовъ генерала Думбадзе и вообще вся исторія отношеній Стесселя—Смирнова не представляетъ ли аналогіи съ тавриче-

скими Думбадзе—Новицими, одесскими Каульбарсъ — Григорьевыми, съ петербургскими Шауфусъ—Вендрихомъ и т. д. и т. д.?

Корреспондентъ Ножинъ счелъ долгомъ явиться къ Стесселю. Тотъ его встрѣтилъ, какъ всегда встрѣчаютъ російскіе властелины газетчиковъ. Онъ напомнилъ ему, что въ крѣпости онъ, Стессель, «царь и богъ» (и любятъ же они эти слова: начиная отъ урядника, всѣ ихъ знаютъ!) и имѣеть право его повѣснть. Когда Стессель узналъ, что Ножинъ «рекламируетъ» его соперника Смирнова, онъ повелъ на несчастнаго корреспондента настоящую травлю. Только чудомъ голова Ножина выскользнула изъ заготовляемой для нея петли. *Portions gardées* и это — обычная русская жанровая картинка.

Артурское населеніе, начиная отъ юношей 14-ти лѣтъ, образовало вольныя дружины. Настроеніе дружинъ, какъ говорилъ на судѣ воинскій начальникъ Дмитріевъ, было приподнятое и патріотическое. Дружины участвовали и въ бояхъ, платили родинѣ своею кровью. Однажды во время завтрака, когда нѣсколько дружинниковъ читали газеты, возлѣ нихъ появился Стессель, пріѣтствовавшій ихъ крупной бранью. На брань прибѣжалъ командиръ дружинъ. Влетѣло и ему. — Вы порете эту сволочь? — спросилъ Стессель командира. — Нѣтъ. — Почему? — Они этого не заслуживаютъ. — Такъ я самъ буду пороть ихъ, невѣжъ — замѣтилъ Стессель и уѣхалъ. И въ то же время—штрихъ очень характерный!—Стессель, по показанію Дмитріевского, требовалъ труда дружинниковъ для своихъ удобствъ, напр, 40 дружинниковъ въ теченіе недѣли уравнивали площадь передъ домомъ, куда Стессель хотѣлъ переѣхать. Вотъ какое употребленіе сдѣлалъ этотъ патріотъ изъ «приподнятаго и патріотическаго настроенія» жителей Артура...

Стессель посылалъ доносенія, вѣжливо выражаясь, несогласныя съ истиной. Представлялъ къ боевымъ наградамъ людей, никакимъ боевымъ заслугъ не имѣвшихъ... Не присутствуя лично ни въ одномъ сраженіи, онъ тѣмъ не менѣ докладывалъ генералу Куропаткину: «Когда бой сталъ обостряться, я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ на позиціи, я отдалъ приказаніе отступать» и т. д. Стессель закрылъ газету «Новый Край» за замѣтки, пропущенныя цензурой его собственнаго штаба. Полковникъ Вершининъ показалъ, что однажды Стессель приказалъ всему населенію въ три дня измѣнить способъ ассенизаціи города, и вмѣсто вывоза нечистотъ рыть для нихъ ямы во дворахъ, что могло бы отравить городской воздухъ. Когда комендантъ Смирновъ приказалъ занавѣшивать въ окнахъ всѣ огни, чтобы японскіе брандеры не имѣли слѣда, одинъ Стессель отказался этому подчиниться, а офицеру, напомнившему его семьѣ о существующемъ постановленіи, пригрозилъ арестомъ. Ничто такъ не чуждо сознанію нашихъ правителей, что они строже, чѣмъ кто-либо, обязаны подчиняться закону...

VII.

Другой любопытной портъ-артурской фигурой былъ генераль Фокъ. Онъ долгое время не имѣлъ никакого спеціального дѣла и, слоняясь по позиціямъ, писалъ свои «замѣтки», задѣваяющія то того, то другого изъ офицеровъ. Замѣтки эти читались въ высшихъ военныхъ артурскихъ кругахъ и производили сенсацию. Онъ вносилъ большое озлобленіе въ ряды офицеровъ и ссорилъ однихъ съ другими. Генераль Горбатовскій, задѣтый одной замѣткой Фока, написалъ контръ-замѣтку, въ которой не безъ остроумія подчеркнул, что «генераль Фокъ желаетъ, очевидно, прослыть за русскаго человѣка, страдающаго за Русь». Генераль Фокъ, дѣйствительно, очень напоминаетъ вѣнца, желающаго во что бы то ни стало прослыть истинно-русскимъ человѣкомъ. Въ тонѣ своихъ замѣтокъ онъ старается подражать Суворову и Драгомирову, онъ за панибрата съ солдатами говоритъ съ ними по простецки. Напр. ген. Горбатовскій показалъ, что, услыхавъ однажды отъ солдатъ въ объясненіе своего поступка ссылку на уставъ, Фокъ сказалъ имъ: «уставъ пишутъ извѣнники». «Фокъ ругалъ всѣхъ,—пишетъ въ своемъ показаніи ген. Ирманъ,—всѣ у него обманщики, трусы, воры. Всѣ считали это странностью, но считали это только доказательствомъ авторитета въ военномъ искусствѣ, тѣмъ болѣе, что Фокъ держалъ себя такъ, какъ будто авторитетъ его былъ безусловно незыблемъ». Однажды Фокъ выругалъ и Ирмана. Тотъ обидѣлся, но Фокъ объяснилъ мнѣ, пишетъ Ирманъ, что «не хотѣлъ меня оскорблять своей замѣткой и содержаніе ея было направлено противъ Смирнова, но выругать Смирнова онъ не имѣетъ права, потому ругаетъ меня, какъ своего подчиненнаго». Милые пошехонскіе нравы были цѣлкомъ перенесены въ портъ-артурскія твердыни...

Ген. Надѣинъ, по словамъ обвинительнаго акта, во время боя у Цзинчжоу чуть ли не въ самый моментъ нашего разгрома донесъ, что «орудія непріятеля принуждены огнемъ нашихъ батарей къ молчанію». При отступленіи шт.-кап. Высокихъ донесъ, что «всѣ орудія испорчены», тогда какъ многія достались японцамъ въ неповрежденномъ видѣ. Тяжелое пораженіе, сдачу форта № II Стессель въ приказѣ по войскамъ изобразилъ, какъ побѣду, но по свидѣтельству генер. Мехмандарова, эта ложь не обманула солдатъ: «паденіе форта произвело на войска тяжелое впечатлѣніе, они поняли, что вслѣдъ за фортомъ падеть и вся крѣпость». Донесенія Стесселя часто изобиловали ложью, и даже въ телеграммѣ Государю онъ писалъ объ отсутствіи снарядовъ, получивъ отъ начальника артиллеріи ген. Бѣлаго удостовѣреніе, что снарядовъ хватитъ еще на два большихъ штурма. Но можемъ ли мы удивляться этому, когда теперь на нашихъ глазахъ разыгрывается поразительная исторія съ опроверженіемъ военнаго министерства въ дѣлѣ варшавскаго военнаго слѣдователя д. с. с. Шіанова, производившаго слѣдствіе по поводу интендантскихъ подвиговъ генераловъ Любы, Модля и К°. Военное министерство безстрашно назвало полнымъ вымысломъ всякія сообщенія объ этомъ слѣдствіи, появившихся въ *Руси*;

а когда самъ Шановъ вынужденъ былъ сообщить, что газетныя извѣстія правильны, министерство задумало укрыться за тонкой словесной изгородью и въ то же время начало репрессіи противъ слѣдователя. Какъ послѣ этого можно судить Стесселя?

Обвинительный актъ ставить въ вину Стесселю, что передъ сдачей крѣпости «послѣ 22 декабря начальникъ укрѣпленнаго района и его штабъ какъ бы исчезли... личныя и имущественныя права мирнаго населенія Портъ-Артура по капитуляціи совершенно не были ограждены... для жонъ офицеровъ японцы назначили 18 китайскихъ арбъ, но изъ нихъ 10 были взяты для генерала Стесселя» и проч. Но развѣ не то же самое было во время октябрьскихъ погромовъ? Гдѣ былъ томскій губернаторъ, когда при бездѣйствіи полиціи и войскъ черносотенная толпа живьемъ жгла жемчужнодорожниковъ, или тверской губернаторъ, когда преступныя банды громили земскую управу, или одесскій Нейдгардъ, когда грабили и рѣзали евреевъ?

Взаимныя отношенія артурскихъ властей дышали враждой, соперничествомъ, ненавистью. Сухопутныя и морскія войска были не въ ладахъ. Когда Стессель просилъ адмираловъ о поддержкѣ, флотъ преспокойно оставался въ гавани. Ссоры Стесселя и Смирнова, Горбатовскаго и Фока пронизали собою всю артурскую жизнь. Будучи подчиненъ Смирнову, Фокъ дѣйствуетъ помимо его распоряженій. Въ критическую минуту для крѣпости по вопросу объ очищеніи батарей Б. полковникъ Лебединскій получаетъ два прямо противоположныя приказанія отъ своихъ начальниковъ: Горбатовскаго и Фока. Ген. Фокъ воевалъ съ инженерами, самъ Стессель не довѣрялъ артиллеристамъ и ихъ начальнику генералу Бѣлому. Ген. Ирманъ жалуется, что «диспозиція Цзинь-чжоускаго боя была получена черезъ нѣсколько дней послѣ боя». Но стоятъ ли говорить объ этомъ, когда самъ Куропаткинъ на судѣ показалъ, что по прибытіи въ армию въ качествѣ командующаго онъ пожелалъ вторично отправиться въ Цзинь-чжоу, но просьба его о разрѣшеніи этой поѣздки была отклонена намѣстникомъ Алексѣевымъ...

УІІІ.

То, что портъ-артурская анархія являлась только отголоскомъ анархіи всероссійской, вскрылось уже на самомъ процессѣ. Одно неосторожное слово, сказанное на судѣ ген. Куропаткинъмъ и задѣвшее С. Ю. Витте, подало поводъ къ полемикѣ, ярко обрисовавшей нашъ правящій механизмъ. Въ качествѣ свидѣтеля ген. Куропаткинъ сказалъ на судѣ: «Что касается вооруженія крѣпости, то въ этомъ отношеніи мы сдѣлали все, что могли, но орудія мы получали лишь по нѣсколько въ годъ. Заказы за границей дѣлать было запрещено, а единственный отечественный заводъ, Обуховскій, давалъ ихъ по нѣскольку штукъ въ годъ. Инженерная и техническая часть тоже была далека отъ совершенства. Но еще большая бѣда произо-

шла, когда безъ нашего вѣдома, безъ вѣдома моего и намѣстника, возникъ Дальній—великолѣпная база для непріятеля».

Графъ Витте принялъ все это на свой счетъ и представилъ объясненія, поколебать которыя бывшему военному министру не удалось. Правительство,—сказалъ С. Ю. Витте, дѣйствительно сокращало заграничные заказы, но запрета на нихъ не было. Каждый министръ заказывалъ за границей то, что ему было надобно. Министра финансовъ, особенно когда дѣло касалось государственной обороны, при этомъ и не спрашивали. Если орудія для Портъ-Артура не были заказаны за границей, то только потому, что самъ ген. Куропаткинъ *тогда* этого не желалъ. Что же касается города Дальняго, то его исторія, по словамъ С. Ю. Витте, была такова.

Занятіе китайскихъ гаваней русскимъ флотомъ въ 1897 году произошло неожиданно для министра финансовъ и шло вразрѣзъ со всѣми его планами. Когда этотъ фактъ сдѣлался ему извѣстнымъ, то онъ даже прекратилъ всякія личныя сношенія съ бывшимъ тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ покойнымъ нилѣ графомъ Муравьевымъ. За границей дѣйствія нашей дипломатіи произвели большой переполохъ и, чтобы успокоить Англію, графъ Муравьевъ поручилъ нашему посланнику въ Лондонѣ заявить, что русскія дальне-восточныя гавани будутъ открыты для торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Обѣщаніе, такимъ образомъ, было дано и его необходимо было держать. Но ген. Куропаткинъ находилъ безусловно невозможнымъ открыть доступъ иностраннымъ судамъ въ Портъ-Артуръ. Приходилось устраивать другую торговую гавань, и взгляды правительства остановились на Талиенванѣ. *Въ то время* ген. Куропаткинъ не представлялъ ни одного изъ тѣхъ возраженій противъ этого порта, которыя выдвинулъ теперь. «Напротивъ, въ протоколѣ имѣется заявленіе военного министра генералъ-лейтенанта Куропаткина, что по вопросу о постройкѣ и эксплуатаціи коммерческаго порта онъ не встрѣчаетъ возраженій противъ осуществленія намѣченныхъ въ семъ отношеніи предположеній, а лишь имѣетъ возраженіе противъ проектированнаго *порядка административнаго управленія* портомъ». Какъ характерно это замѣчаніе. На всѣ вопросы они всегда смотрѣли съ одной точки зрѣнія, «порядка административнаго управленія» и только заднимъ умомъ, послѣ японскаго погрома догадались, что тутъ была и стратегическая и политическая сторона... Въ отвѣтъ на ядовитыя возраженія С. Ю. Витте ген. Куропаткинъ только и могъ указать рядъ случаевъ, когда Витте дѣйствовалъ при помощи Высочайшихъ указовъ, минуя закономъ указанныя учрежденія...

Въ этой полемикѣ С. Ю. Витте безусловно, что говорится, уничтожилъ ген. Куропаткина. Послѣднему оставалось, дѣйствительно, или признать, что онъ заднимъ умомъ крѣпокъ, что онъ «ошибался», говоря, что за Портъ-Артуръ мы можемъ быть спокойны, какъ «ошибался» и Алексѣевъ, утѣрявшій въ «невозможности» побѣды японскаго флота надъ нашимъ, или же, что военный министръ боялся отстанвать свои взгляды и отказывался отъ необходимыхъ заграничныхъ заказовъ, соглашался на по-

стройку вредной гавани, не желая рисковать своим портфелемъ. Ген. Куропаткинъ предпочелъ замолчать. Но нельзя сказать, чтобы в образъ С. Ю. Витте вышелъ чистымъ изъ этой передраги. Онъ былъ противъ занятія Портъ-Артура и Талиенвана, онъ изъ-за этого даже поссорился съ Муравьевымъ, но когда ему приказали, онъ, откинувъ въ сторону свои взгляды, сталъ строить Дальній. Такъ во всемъ... Ни тѣмъ пониманія гражданскаго долга, истиннаго патріотизма, который неразлученъ съ мужественнымъ отстаиваніемъ того, что считаешь за истину. Сплошной сервильизмъ, позорный для людей, гибельный для народа.

Таковы были верхи. Понятно, что трудно сдерживать негодующую улыбку, когда послѣ всего этого читаешь такое, напр., показаніе ген. Куропаткина на судѣ: «При такихъ важныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась крѣпость, ген. Смирновъ могъ бы даже арестовать Стесселя, и распоряженіе это, основанное на буквѣ закона, было бы, вѣроятно, оправдано». Давая заднимъ числомъ такіе героическіе совѣты, ген. Куропаткинъ, видимо, забылъ, что въ свое время онъ поддерживалъ Стесселя. Мы не говоримъ о практической бесполезности этого совѣта. Смирновъ и адмиралъ Виренъ, узнавши о посылкѣ парламентаря, подумали было о необходимости арестовать Стесселя, Рейса и Фока. Но этотъ переворотъ, вызвавъ междоусобную войну, не спасъ бы крѣпости. Насъ интересуютъ однако другое. Можетъ ли министръ, не давшій своимъ подчиненнымъ въ самыя тяжелыя минуты ни одного примѣра гражданскаго мужества, требовать отъ нихъ съ легкимъ сердцемъ героизма? Въ Россіи, оказывается, можетъ...

IX.

Портъ-артурскій процессъ велся медленно, безтолково и нудно. Зато выборгскій былъ поставленъ какъ первоклассное художественное произведеніе: быстро, дружно, красиво. Только досадливая, чрезмѣрная бездарность обвиненія портила ансамбль, слишкомъ наклоня вѣсы на сторону высокоталантливой защиты. Помимо слабости прокуратуры, все остальное, зависящее отъ обвиняемыхъ, было безукоризненно: никакихъ затяжекъ, ни одного лишняго слова, и если прозвучали двѣ дисгармонизированныхъ ноты, то и это было вполне уместно, такъ какъ отразившееся въ нихъ коренное различіе во взглядахъ, дѣйствительно, существовало въ жизни. Процессъ далъ «правду».

Внѣшняя сторона его очень проста и цѣликомъ выражена въ обвинительномъ актѣ.

Судебное слѣдствіе ничего не прибавило къ обвинительному акту. Обвиняемые не то что не отрицали, они даже не входили въ обсужденіе тѣхъ немногихъ (тринадцати) фактовъ, которые слѣдователь и прокуратура собрали за полтора года. Сами обвиняемые взяли на себя выясненіе политической стороны дѣла, предоставивъ присяжной защитѣ освѣтить юридическую, имѣющую, какъ увидимъ ниже, первостепенное значеніе не

для личной судьбы обвиняемых, а для опредѣленія того régime-mixte, въ которомъ мы живемъ, по иѣткому слову князя Мещерскаго.

Было бы, конечно, рискованно утверждать, что для выборгскаго дѣла уже наступила «исторія» и потому возможна вполне объективная его оцѣнка. Намъ извѣстны далеко не всѣ фактическія подробности тогдашнихъ отношеній. Особенно много неяснаго въ планахъ и дѣйствіяхъ, страхахъ и надеждахъ правительства. Но все же, думается намъ, мы можемъ сдѣлать попытку объективной оцѣнки.

Х.

Хотя реакціонныя газеты и стараются изъ всѣхъ силъ представить выборгское воззваніе партійнымъ кадетскимъ актомъ, но на самомъ дѣлѣ это совершенно невѣрно. Въ партіи по этому вопросу существуютъ и существовали различныя мнѣнія, и ни одно изъ нихъ, само собою разумѣется, не могло считаться обязательнымъ. Пишущій эти строки держится того мнѣнія, что съ политической точки зрѣнія оно было ошибкой, и не только ошибкой расчета, какъ признаютъ всѣ обвиняемые, но и въ смыслѣ нѣсколько болѣе широкомъ. «Въ оцѣнкѣ момента,—говорилъ С. А. Муромцевъ,—тогда люди не расходились. Ошибались—да; но ошибались всѣ одинаково. Ошибались и наверху, ошибались и внизу, ошибались и среди членовъ Государственной Думы». «Можетъ быть,—заявлялъ на судѣ И. И. Петрунковичъ,—наши соображенія были ошибочны, но ту же ошибку раздѣляло съ нами и правительство». Того же мнѣнія держится и Ѳ. Ѳ. Кошкинъ: «Наше воззваніе осталось безрезультатнымъ въ смыслѣ непосредственныхъ практическихъ послѣдствій; народъ не пошелъ за нами». Такимъ образомъ ошибка въ расчетѣ признана всѣми, и настаивать на ней значило бы ломиться въ открытую дверь. Намъ хотѣлось бы взглянуть на вопросъ нѣсколько шире.

«Ошибка» выборгскаго воззванія заключается въ его второй части, содержащей призывъ населенія къ извѣстнымъ актамъ, но, какъ глубоко замѣтилъ С. А. Муромцевъ, ему, когда онъ прислушивается къ поднятой тревлѣ, кажется, что «въ выборгскомъ воззваніи раздражаетъ не столько вторая его часть, которая вамъ, господа судьи, представляется преступленіемъ, но первая часть воззванія, возмущающая именно тѣмъ обстоятельствомъ, что бывшіе депутаты осмѣлились указать народу на опасность, которая грозитъ самому народному представительству». Вотъ, быть можетъ, одно изъ самыхъ глубокихъ словъ, раздавшихся на процессѣ, и объясняющихъ не только возмущеніе реакціонеровъ, но и то странное на первый взглядъ обстоятельство, что воззваніе подписали и лица, не соглашавшіяся съ нимъ. По моимъ наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ тогдашняго пребыванія въ Выборгѣ, такихъ несогласныхъ было не менѣе 50-ти. На судѣ приводились имена покойныхъ Юлоса и Герценштейна, какъ подвергавшихъ воззваніе рѣзкой критикѣ и все же подписавшихъ его. Чтобы

не выходить изъ круга покойниковъ и не говорить о живыхъ, укажу еще на А. А. Муханова.

Конечно, Герценштейнъ, этотъ знатокъ русскаго бюджета, прекрасно понималъ, что роль прямыхъ налоговъ у насъ ничтожна и, что если бы члены первой Думы хотѣли разрушить финансовую основу русскаго государства, они обратились бы къ населенію не съ призывомъ не платить налоги, а хотя бы съ призывомъ не пить водки. Очень многіе—я утверждаю это на основаніи многочисленныхъ разговоровъ, которые имѣлъ тогда же съ членами Гос. Думы — отлично понимали уже 9 и 10 іюля, что воззваніе — «ошибка». Оно являлось дѣломъ рукъ людей различныхъ партій, по меньшей мѣрѣ трехъ, другъ съ другомъ далеко не солидарныхъ. Какъ всегда, каждая партія, каждая группа въ одни и тѣ же слова вкладывала разный смыслъ, произносила ихъ съ разными, подчасъ противоположными цѣлями. Въ критическія минуты жизни государствъ нерѣдко бываетъ, что представительныя учрежденія, составившіяся изъ людей различныхъ взглядовъ, берутъ въ свои руки власть. Но тогда они выдѣляютъ болѣе или менѣе однородный органъ управленія. Такъ дѣйствовали Законодательное Собраніе во Франціи въ 1792 г., Конвентъ въ 1793 г. У насъ не было и не могло быть ничего подобнаго, и большинство членовъ первой Государственной Думы вполне сознательно отрицали такой способъ дѣйствій. «Всѣхъ насъ,—говорилъ на судѣ И. И. Петрункевичъ,—объединяло одно чувство: невозможность не дать отчета, не дать совѣта народу». Но совѣтъ каждымъ можетъ толковаться, а тѣмъ болѣе воплощаться въ жизнь по-своему. И несомнѣнно, что хотя слова были одинаковы, но между совѣтами, который давали народу кадеты и, напримѣръ, социаль-демократы, не могло не быть крупнаго различія.

Намъ предстоитъ попытаться правдиво освѣтить, какъ въ то время смотрѣли авторы воззванія на смыслъ и значеніе этого акта. Ихъ объединяло то, что всѣ они «утратили всякую надежду на дальнѣйшее существованіе Государственной Думы». (И. И. Петрункевичъ). «Мы были правы,—заявляетъ Кокоскинъ,—предвидя уже тогда возможность всѣхъ дальнѣйшихъ событій вплоть до акта 3 іюня». Актъ роспуска не былъ контръ-ассигнованъ, а если подпись предсѣдателя совѣта министровъ на немъ и была, то онъ былъ опубликованъ не въ своемъ подлинномъ, а измѣненномъ видѣ *)). Условіями роспуска нарушались статьи «основныхъ законовъ» о бюджетномъ правѣ Гос. Думы. Обстановка роспуска, по словамъ И. И. Петрункевича, имѣла всѣ признаки не конституціоннаго роспуска парламента, а скорѣе свидѣтельствовала о государственномъ переворотѣ. Дума была окружена войсками, думскія двери были заперты, никого не пропускали, во дворѣ расположены пулеметы. Обстоятельства, предшествовавшія роспуску и оглашенныя на судѣ С. А. Муромцевымъ, могли только

*) Впослѣдствіи сотрудникъ *Новаго Времени* А. А. Столыпинъ сообщилъ, что актъ о роспускѣ первой Государственной Думы былъ контръ-ассигнованъ И. Л. Горемыкинымъ.

укрѣпить самыя мрачныя предположенія членовъ Думы. Въ первый же день открытія Думы председатель совѣта министровъ предлагалъ председателю Госуд. Думы поскорѣе разъѣхаться по домамъ до осени, председатель Думы бомбардировался угрожающими письмами со стороны дворянъ и въ то же время аналогичныя черносотенныя телеграммы съ возмущительной бранью по адресу Думы и призывами къ государственному перевороту ежедневно печатались въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Въ пятницу 7-го іюля, т.-е. за день до роспуска, министръ внутреннихъ дѣлъ разговаривалъ съ С. А. Муромцевымъ по телефону и настаивалъ, чтобы на понедѣльникъ 10 іюля было поставлено на повѣстку его заявленіе. Этотъ фактъ придавалъ особо одиозный характеръ всей обстановкѣ роспуска. Вотъ всё эти обстоятельства и породили такое настроеніе, которое и теперь дозволяетъ В. Д. Набокову съ полной искренностью утверждать, что 9 іюля былъ одинъ изъ несчастнѣйшихъ дней его жизни. Онъ представлялся ему, одному изъ тѣхъ, на которыхъ возложены были всё упованія и явно чрезмѣрныя надежды народа, днемъ полного крушенія народнаго представительства въ Россіи, полной отмѣны октябрьскаго манифеста. Молчать нельзя было. Надо было дѣйствовать и дѣйствовать *не съ одиночку, а съ всѣмъ вмѣстѣ, составомъ Думы*, потому что въ своемъ собственномъ сознаніи и въ сознаніи всѣхъ окружавшихъ ихъ они, бывшіе *первыми* народными представителями, не перестали еще ими быть и несомнѣнно, если бы не была созвана вторая Дума и народное представительство было бы окончательно уничтожено, надолго остались бы въ представленіи народномъ «депутатами».

Итакъ, надо было что-то сдѣлать, а такъ какъ собраніе было разнородно, то необходимо было вступить въ соглашеніе, изыскать компромиссъ. Такимъ компромиссомъ и явилось выборгское воззваніе. Рамишвили отъ имени социаль-демократической фракціи заявилъ на судѣ, что она считала отвѣтъ «слабымъ, не соответствовавшимъ силѣ удара». И. И. Петрункевичъ такими словами очертилъ настроеніе другихъ: «Я не могу сказать, чтобы мы всё были увѣрены въ томъ, что такой путь вѣренъ и цѣлесообразенъ, я не могу сказать, что мы были увѣрены въ готовности народа привести нашъ совѣтъ въ исполненіе. Но мы знали, что мы, депутаты, *должны* такъ поступать». Должны—вотъ слово, опредѣлявшее въ то время трагедію многихъ. Зная, что воззваніе—«ошибка», предвидя торжество реакціи, они все же *должны* были это сдѣлать, потому что они были одной изъ тѣхъ жертвъ, которыя Молохъ исторіи закалывалъ на алтарѣ русской свободы.

Очень многіе, не вѣря въ выборгское воззваніе, подписали его, потому что нравственное сознаніе, интересы «дальняго, а не ближняго» диктовали имъ такой шагъ. Немало было и такихъ, которые ждали и опасались кроваваго бреда въ деревняхъ и вполне искренно полагали, что, указывая народу мирный путь планомернаго пассивнаго сопротивленія, они, какъ выразился С. А. Муромцевъ, «стремятся прорыть каналы и отвести

потокъ по этимъ каналамъ отъ угрожаемыхъ имъ желищъ». Эти люди несомнѣнно были убѣждены, что рядъ заявленій въ духѣ Выборгскаго воззванія, сдѣланныхъ въ видѣ деревенскихъ приговоровъ, постановленій тѣхъ или иныхъ общественныхъ учреждений, разныхъ корпорацій, группъ, отдельныхъ извѣстныхъ лицъ могли бы побудить правительство или созвать Думу, или вообще дать непреложныя удостовѣренія въ томъ, что народное представительство не уничтожено. Были, наконецъ и такіе (на судѣ это обнаружилось изъ заявленія Рамишвили, протестовавшаго отъ имени социаль-демократовъ противъ муромцевскихъ словъ о прорытіи каналовъ), которые совершенно иначе смотрѣли на воззваніе. Они видѣли въ немъ только первый шагъ, за которымъ должны были послѣдовать другіе вплоть до вооруженнаго возстанія. Огромное большинство участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ членовъ первой Думы высказывалось рѣшительно противъ послѣднихъ предположеній.

Вотъ до чего разнообразны были взгляды и стремленія лицъ, объединившихъ свои подписи подъ однимъ и тѣмъ же документомъ, который на второй же день сталъ «историческимъ», но тѣмъ самымъ утратилъ свою непосредственную практическую дѣйственность, потому что разными людьми разнo толковался и въ разнообразныхъ комбинаціяхъ пускался въ ходъ. Общимъ было только то, что это былъ актъ протеста, заставлявшій людей думать о самыхъ основныхъ политическихъ вопросахъ русской жизни, выяснять свое къ нимъ отношеніе. Непосредственнаго практическаго результата не послѣдовало, какъ и надо было ожидать, никакого. Но для разрушенія революціонныхъ и конституціонныхъ миражей, для развитія общественнаго сознанія людей, впервые начинающихъ жить конституціонной жизнью, всѣ эти событія сдѣлали очень много.

XI.

Только партійной недобросовѣстностью могутъ быть объяснены обвиненія большинства членовъ первой Думы, подписавшихъ Выборгское воззваніе, въ желаніи вызвать въ Россіи смуту, погрузить ее въ анархію. На примѣръ Герценштейна, раскритиковавшаго въ Выборгѣ финансовое значеніе для правительства отказа отъ платежа прямыхъ налоговъ, мы уже показали, что имѣлось въ виду не нанести казнѣ и государственному строю физическій, матеріальный ущербъ, а моральнымъ давленіемъ, отказомъ въ платежѣ налоговъ или громкимъ заявленіемъ о такомъ отказѣ побудить правительство вернуться на законный путь, покинутый имъ, по мнѣнію авторовъ воззванія. Провозглашенный же въ іюлѣ отказъ въ дачѣ рекрутовъ, поставляемыхъ зимой, реальнаго значенія не имѣлъ, такъ какъ ясно было, что назначеніе срока новыхъ выборовъ въ Гос. Думу погашало непосредственную силу воззванія.

И. И. Петрупкевичъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ на судѣ: «не смуту мы хотѣли создать въ странѣ, а укрѣпить тотъ порядокъ ве-

щей, который въ данное время существовалъ и былъ санкціонированъ верховною властью,—порядокъ, который мы, какъ граждане, обязаны были защищать... не всякое дѣйствіе, совершенное въ странѣ въ извѣстный моментъ ея жизни, является уголовнымъ преступленіемъ». На это прокуроръ отвѣтилъ такими странными словами: «*тѣ цѣли*, на которыя здѣсь указывалось, *не преступны*, и эти лица привлечены не за нихъ, а за то, что для ихъ достиженія употребляли преступныя средства». Едва ли обвинительная власть вполне отчетливо сознавала смыслъ своихъ словъ.

«Тѣ цѣли»—это защита конституціи. Передъ каждымъ народомъ въ моментъ его перехода къ конституціонному строю встаетъ одинъ совершенно новый, неизвѣстный раньше вопросъ колоссальной важности. Конституціонный строй означаетъ господство закона, обязательнаго не только для гражданъ, но и для власти, обязанной такъ же твердо соблюдать конституцію и законы. Но что дѣлать, если власть, пользуясь своей силой, нарушаетъ основные законы, совершаетъ то, что называется государственнымъ переворотомъ? Какъ защищать нарушенное право, какъ оборонять законъ, какъ побудить власть возвратиться на конституціонный, законный путь? Вотъ вопросы, впервые представшіе передъ русскими гражданами, вотъ цѣли, преслѣдовавшіяся членами первой Государственной Думы. Обвинительная власть признала эти цѣли сами по себѣ не преступными. Но по уголовному уложенію, подъ одну изъ статей котораго прокуроръ насильно хотѣлъ подтянуть обвиняемыхъ, эти цѣли были не только преступны, онѣ были немыслимы, невѣроятны. До 17 октября ничто подобное выборгскому процессу не было бы мыслимо. Но [обвинительная власть, какъ бы не чувствуя этого противорѣчія, въ которомъ она бессильно бьется, продолжала примѣрять къ обвиняемымъ ст. 129-ю, одежду для субъектовъ совсѣмъ иного возраста и роста.

Если обвинительная власть сознательно произнесла свое сужденіе, что «тѣ цѣли... не преступны», она должна была глубоко вдуматься въ слѣдующія слова Ковошкина: «Намъ уже говорили нерѣдко, что мы призвали народъ къ дѣйствіямъ анархическимъ, что мы совершили актъ антигосударственный. Нѣтъ, господа судьи, пассивное сопротивленіе предполагаетъ такую высшую степень сознательнаго отношенія населенія къ своимъ обязанностямъ, такую выдержку и дисциплину, что народъ, прибѣгающій къ такому средству защиты своихъ правъ, не можетъ власть въ анархію. Это подтверждаютъ намъ и примѣры тѣхъ [западно-европейскихъ странъ, гдѣ пассивное сопротивленіе примѣнялось]. Остается, конечно, нерѣшеннымъ вопросъ, возможно ли было предполагать, что народъ въ Россіи способенъ къ такой мирной защитѣ своего права. Но несомнѣнно одно: тотъ не конституціоналистъ, который не задумывался надъ вопросомъ о защитѣ конституціи отъ ея нарушеній. Конституціонализму октябристовъ, главнымъ образомъ, потому и не довѣряютъ, что они не только не рѣшаютъ этого вопроса (сдѣлать это не такъ-то легко!), но даже не ставятъ и не хотятъ его ставить.

Что же касается власти, то она труднѣйшій вопросъ конституціоннаго права пыталась механически разрубить при помощи статьи Уголовнаго Уложенія, составленнаго въ то время, когда одна мысль о конституціи была тѣтчайшимъ преступленіемъ.

ХІІ.

Величайшая, чисто-юридическая путаница, проникающая весь процессъ, и отразила этотъ основной политическій анархизмъ. Защита обвиняемыхъ, въ лицѣ В. А. Махлакова, подчеркнула это обстоятельство. «Дѣяніе, за которое ихъ судятъ,—сказалъ краснорѣчивѣйшій нашъ ораторъ,— было немислимо въ рамкахъ того историческаго момента, когда Уложеніе составлялось. Какъ бы ни смотрѣть на воззваніе, оно по существу есть попытка дать отвѣтъ на вопросъ, какъ защитить нарушенныя права народнаго представительства; такой вопросъ не могъ быть даже поставленъ въ то время, когда писалось Уголовное Уложеніе, когда самая идея о народномъ представительствѣ была преступленіемъ».

Прокуратура преслѣдовала членовъ первой Думы по ст. 129-ой. Это давало возможность полтора года до суда держать ихъ въ состояніи политическаго безправія и помѣшать имъ предстать передъ избирательнымъ корпусомъ на выборахъ во вторую Думу, когда населеніе могло бы произнести надъ ними свой приговоръ. Но до очевидности ясно, что ст. 129-ая къ выборщикамъ примѣнена быть не можетъ. Весь процессъ вообще изобилывалъ правонарушеніями, начиная хотя бы съ того, что ихъ судили въ округѣ Петербургской палаты безъ малѣйшаго на то основанія, такъ какъ даже изъ зарегистрированныхъ слѣдственной властью 13-ти случаевъ распространенія воззванія ни одинъ не имѣлъ мѣста въ этомъ округѣ, а постановленія Сената о переводѣ дѣла также не было.

Юридическая несостоятельность всего дѣла и сказалась при установленіи палатой обвинительныхъ вопросовъ. Случай небывалый въ практикѣ нашихъ судовъ:—палата трижды измѣняла и исправляла вопросы. По обвинительному акту члены первой Думы обвинялись въ томъ, что «по предварительному между собой уговору и дѣйствуя сообща 10 іюля 1906 г. въ г. Выборгѣ *составили для распространенія* среди населенія Россіи и подписали... воззваніе... каковое было затѣмъ или самими или черезъ посредство другихъ лицъ съ *тѣхъ* и *согласія* участвовавшихъ въ упомянутомъ выше предварительномъ уговорѣ дѣйствительно распространено во множествѣ экземпляровъ въ предѣлахъ Россіи». Прокуратура утверждала, что это преступленіе предусмотрено 51-ой и 3 п. 1 части 129-ой ст. Угол. Улож. На самомъ же дѣлѣ по п. 3-ему ст. 129 карается только «виновный въ произнесеніи или чтеніи публично рѣчи или сочиненія, или въ распространенія, или въ публичномъ составленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ... къ неповиновенію или противодѣйствію закону или обязательному постановленію или законному распоряженію власти». Въ этой статьѣ имѣются въ виду только распространеніе, а никакъ не «со-

ставленіе для распространенія», караемое особо. По ст. 129-ой могли, слѣдовательно, привлекаться только тѣ 13 депутатовъ, которые были лично изобличены въ распространеніи. Мало помогала дѣлу и ст. 51-ая, говорящая о соучастникахъ. «Въ преступномъ дѣяніи, — гласить она, — учиненномъ нѣсколькими лицами, согласившимися на его совершеніе или дѣйствовавшими завѣдомо сообща, соучастниками были тѣ, которые: 1) непосредственно учинили преступное дѣяніе или участвовали въ его выполненіи; 2) подстрекнули другого къ соучастію въ преступномъ дѣяніи; 3) были пособниками, доставлявшими средства или устранявшими препятствія, или оказавшими помощь учиненію преступнаго дѣянія и т. д.». Пунктъ первый можетъ, пожалуй, имѣть примѣненіе. 169 депутатовъ «непосредственно учинили преступное дѣяніе или участвовали въ его выполненіи...» но какое? только *составленіе* воззванія для распространенія. Представлять же дѣло такъ, будто 156 депутатовъ были подстрекателями, пособниками, помощниками 13-ти депутатовъ, уличенныхъ въ распространеніи, значить идти на вѣрную натяжку. Прокурорскія слова «съ вѣдома и согласія» говорятъ вѣдь только о недонесеніи, но лица, не донесшія о распространеніи воззванія 13-ью депутатами, если даже про нихъ будетъ доказано, что они объ этомъ знали, въ силу ст. 52-ой по статьѣ 129-ой караемы быть не могутъ. Несостоятельность обвиненія, какъ указала защита, произошла отъ того, что въ противность всѣмъ началамъ права по отношенію къ обвиняемымъ въ этомъ дѣлѣ начато было слѣдствіе по 129-ой статьѣ раньше, чѣмъ *хронически* совершился хотя бы одинъ изъ тринадцати фактовъ, приведенныхъ въ обвинительномъ актѣ для доказательства распространенія. Не собраны факты подводились подъ статью закона, а собирались факты для оправданія заранѣе, априорно выставленной статьи закона.

Неудивительно, что само присутствіе палаты почувствовало слабость юридической позиціи обвинительнаго акта и въ засѣданіи 17 декабря, выбросивъ прокурорскія слова «съ вѣдома и согласія», вставила въ вопросные пункты такое невинное дополненіе: виновенъ ли NN, что вступилъ въ Выборгѣ въ соглашеніе возбудить народъ путемъ обращенія... и въ этихъ видахъ совмѣстно съ означенными согласившимися съ нимъ лицами составилъ, подписалъ и самъ или *черезъ другихъ участниковъ соглашенія передалъ другимъ лицамъ для распространенія...* Такимъ образомъ палата контрабандой хотѣла установить въ вопросныхъ пунктахъ, будто каждый изъ 156 обвиняемыхъ *передалъ* черезъ указанныхъ 13 лицъ воззваніе другимъ лицамъ, о чемъ во время судобнаго слѣдствія никѣмъ не было сказано ни слова. Понятно, что защита энергично запротестовала противъ такого нарушенія судопроизводственныхъ нормъ. Прокуроръ тоже призналъ неправильность въ постановкѣ вопросовъ, и палата вынуждена была отказаться отъ своего плана. Въ составленной ею второй редакціи вопросовъ она уже просто вернулась къ обвинительному акту, формулу котораго раньше признавала несостоятельной. По второй редакціи обвиняемымъ опять ставилось въ вину, что распространеніе воззванія происходило «съ

ихъ вѣдома и согласія». Понятно защита снова выдвинула сильныя возраженія, которыхъ палата не могла игнорировать. Въ третій разъ изменена была редакція вопросовъ. Въ этой третьей редакціи вопросъ ставился такъ: виновенъ ли NN въ томъ, что вслѣдъ за роспускомъ Госуд. Думы перваго созыва, членомъ которой онъ состоялъ, *вступилъ въ городъ Выборгъ съ другими бывшими ея членами въ соглашеніе возбудить народъ въ отказу отъ платежа налоговъ и поставки новобранцевъ посредствомъ распространенія* среди населенія воззванія... съ этой цѣлью тамъ же, въ Выборгѣ, съ согласившимися съ ними лицами составилъ и подписалъ для распространенія... воззваніе... каковое другими участниками... и было распространено?.. Тутъ, наконецъ, закончились мытарства палаты, и она съ грѣхомъ пополамъ осудила обвиняемыхъ по ст. ст. 129 и 51, хотя защита и доказывала, что слова «посредствомъ распространенія» только искусственный мостъ, положенный палатой отъ ст. 132-ой къ 129-ой. Защита явно стремилась натолкнуть палату на ст. 132-ую, гласящую: виновный въ *составленіи* сочиненія или изображенія, статьями 128 или 129 указанныхъ съ *целью распространенія* или публичнаго ихъ выставленія, если распространеніе или публичное выставленіе оныхъ не послѣдовало». По ст. 132-ая имѣла много неудобствъ. Преступленіе, ею предусмотрѣнное, подсудно было только финляндскому суду. Она не влекла за собой лишенія политическихъ правъ, тогда какъ осужденный по ст. 129-ой, хотя бы онъ былъ приговоренъ къ ничтожнѣйшему наказанію, политически становился въ силу рѣшенія сената мертвымъ человекомъ. Кромѣ того ст. 132-ая возбуждаетъ нѣкоторое разнорѣчіе. Непослѣдовавшее распространеніе—есть ли это признакъ объективный или субъективный? Прокуроръ держался перваго толкованія и находилъ, что ст. 132-ая можетъ быть примѣнена только тогда, когда распространенія вовсе не послѣдовало или когда оно послѣдовало безъ вѣдома и согласія подсудимыхъ.

XIII.

Чтобы хоть нѣсколько разобраться въ этой юридической путаницѣ и освѣтить ея политическую подоплеку, вообразимъ, что мы живемъ въ 1903 году, когда было утверждено новое Угол. Уложеніе, но когда не было еще и помину о конституціи, не существовало никакой Государственной Думы. Обвиняемые,—предположимъ, не члены Госуд. Думы, а простые русскіе обыватели. Они поѣхали въ Выборгъ, устроили тамъ нѣсколько собраній, выработали тамъ воззваніе къ народу съ приглашеніемъ не платить податей и не давать рекрутъ и привезли его въ Россію, гдѣ нѣкоторые и стали его распространять. Для простоты предположимъ, что свое предложеніе эти люди ничѣмъ не мотивировали. Мы можемъ, конечно, предположить и мотивировку, тогда вопросъ пойдетъ о ниспроверженіи существующаго строя (ст. 126). Но допустимъ, что рѣчь шла только о неплатежѣ податей и недачѣ рекрутъ и что всѣ эти лица не подписали подъ воззваніемъ своихъ именъ, предоставивъ отрывать ихъ полиція. Нача-

лось дѣло. Слѣдствіе установило, кто ѣздилъ въ Выборгъ, произвело у нихъ обыскъ, установило между ними знакомство, связи, узнало, кто предсѣдательствовалъ на собраніи, кто говорилъ, писалъ проектъ воззванія, голосовалъ, условливался о распространеніи, печаталъ, распространялъ и т. д. Прокуроръ составилъ обвинительный актъ и дѣло поступило въ судъ. По какой статьѣ привлечены обвиняемые? Не по 132-ой, но и не по 129-ой, хотя бы и подпирасмой ст. 51-ой. Уголовное Уложеніе имѣетъ для такого дѣянія вполне опредѣленную статью, 125-ую п. 1-ый, гласящую: виновный въ участіи въ сообществѣ, завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности: 1) возбужденіе къ неповиновенію или противодѣйствію закону, или обязательному постановленію или законному распоряженію власти... Отъ отвѣтственности по этой статьѣ не спасся бы никто, даже соучастники, виновные только въ знаніи, но недонесеніи, т.-е. «съ вѣдома и согласія» которыхъ дѣяніе произошло, и тѣ при помощи ст. 52-ой были бы упрятаны въ исправительный домъ или крѣпость по ст. 125-й, влекущей за собой такъ же, какъ и ст. 129-ая лишеніе политическихъ правъ. Вчитайтесь внимательно въ ст. 125-ую. Вѣдь это именно то, въ чемъ обвинялъ прокуроръ выборгцевъ, то, что описано въ вопросныхъ пунктахъ, съ такимъ трудомъ сочиненныхъ судебной палатой.

Почему же прокуратура и судъ такъ беспомощно бились между 129-ой и 132-ой статьями, прибѣгали къ явнымъ недозволительнымъ натяжкамъ, почему прямо не прибѣгли къ 125-ой статьѣ? Да, потому, что имъ пришлось бы тогда доказывать наличность «общества», устанавливать «связь» между всѣми этими лицами. Обвинительный актъ пришлось бы начать приблизительно такъ: въ 1906 году, 27 апрѣля въ городѣ Петербургѣ составилось сообщество, именуемое Государственной Думой, которое выбрало предсѣдателемъ С. А. Муромцева, товарищами кн. Долгорукова и Гредескула, секретаремъ кн. Шаховскаго... распущенное 9 июля, оно въ количествѣ нижепоименованныхъ 169 членовъ собралось въ Выборгѣ и съ цѣлью возбудить къ неповиновенію закону составило воззваніе и т. д. Вотъ когда защитѣ было бы трудно возражать, ибо въ основѣ всего процесса несомнѣнно лежитъ образованіе Государственной Думы, конституціонный переворотъ въ русской жизни, подковавшій многія старыя правовыя начала. Вотъ почему не могли найти соответствующей «статьи», почему судебная палата трижды исправляла редакцію вопросныхъ пунктовъ, почему юридическая сторона выборгскаго процесса имѣетъ столь большое политическое значеніе. Обвиняемые вовсе не хотѣли спрятаться отъ кары (кара могла имъ быть только выгодна послѣ «неудачи» воззванія), защитники не занимались юридическимъ крючкотворствомъ. Они дѣлали огромное общественное дѣло: блестяще на яркомъ примѣрѣ демонстрировали несоотвѣтствіе сохранившихся еще старыхъ уголовныхъ нормъ съ новыми началами, ворвавшимися въ жизнь.

С. А. Муромцевъ только вскрылъ глубокое значеніе этого юридическаго спора, когда сказалъ въ своемъ последнемъ словѣ: «мы получили обви-

нительный акт и обвинительный акт называется на первых строках: дѣло о такомъ-то, о такомъ-то, о такомъ-то. О комъ же? О лицахъ, составляющихъ президіумъ первой Государственной Думы. Мы поняли, что хотять судить не составителей выборгскаго воззванія, но что на судъ поставили Государственную Думу, и тогда, какъ таковыя, мы и явились сюда».

XIV.

Реакціонная печать подчеркиваетъ мягкость вынесеннаго приговора: трехмѣсячнаго заключенія. Какъ будто бы дѣло въ срокъ высадки. Будь она срокъ двѣ недѣли, суть приговора осталась бы та же. Она заключается въ той, такъ сказать, пожизненной политической смерти, на которую осужденъ цвѣтъ русской интеллигенціи и отъ которой осужденные не могутъ быть избавлены даже амнистіей. Людямъ, весь смыслъ которыхъ заключается въ общественно-политической дѣятельности, эта именно дѣятельность и закрыта. Трудно говорить о мягкости...

Что же представляетъ этотъ процессъ? Ликвидацию? Чего? Старога порядка? Понятно, нѣтъ, за ликвидацией старога порядка неизбѣжно послѣдовало бы всеобщее прощеніе политическихъ преступленій и ошибокъ, а тутъ искусственно притягивается старый уголовный законъ, чтобы показать защиту новаго, недавно установленнаго, еще хрупкаго и подверженнаго разнообразнымъ нападеніямъ конституціоннаго права. Но, быть можетъ, это полная ликвидация «революціи», породившей «конституцію?». Тоже нѣтъ. Первымъ признакомъ такой ликвидации было бы если не полное уничтоженіе Государственной Думы, то во всякомъ случаѣ лишеніе ея законодательныхъ правъ, т. е. отмѣна «конституціи». Но и этого еще нѣтъ.

Очевидно, и выборгскій процессъ, какъ и всѣ остальныя «ликвидационныя» процессы, есть только одинъ изъ фактовъ современной русской жизни, переживаемаго нами переходнаго времени, когда старое борется съ новымъ, когда путемъ борьбы, нарушенія старыхъ и новыхъ законовъ, при помощи множества жертвъ въ странѣ нарождается новое право, новое правосознаніе. Окрѣпнетъ ли оно, выдержитъ ли нашу сѣверную стужу или погибнетъ? На этотъ вопросъ отвѣтъ дастъ только жизнь...

А. С. Изгоевъ.

Великая Россія.

Изъ размышленій о проблемѣ русскаго могущества.

Посвящается Николаю Николаевичу Львову.

Одну изъ своихъ рѣчей въ Государственной Думѣ, а именно программную рѣчь по аграрному вопросу П. А. Столыпинъ закончилъ слѣдующими словами: «Противникамъ государственности хотѣлось бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія» *).

Мы не знаемъ, оцѣнивалъ ли г. Столыпинъ все то значеніе, которое заключено въ этой формулѣ: «Великая Россія». Для насъ эта формула звучитъ не какъ призывъ къ старому, а, наоборотъ, какъ лозунгъ новой русской государственности, государственности, опирающейся на «историческое прошлое» нашей страны и на живыя «культурныя традиціи», и въ то же время творческой и, какъ все творческое, въ лучшемъ смыслѣ революціонной.

Обычная, я бы сказалъ, банальная точка зрѣнія благонамѣреннаго, корректнаго радикализма рассматриваетъ внѣшнюю политику и внѣшнюю мощь государства какъ досадныя осложненія, вносимыя расовыми, національными или даже иными историческими моментами въ подлинное содержаніе государственной жизни, въ политику внутреннюю, преслѣдующую истинное существо государства, его «внутреннее» благополучіе.

Съ этой точки зрѣнія всемірная исторія есть сплошной рядъ недоразумѣній довольно сѣвернаго свойства.

Замѣчательно, что съ банальнымъ радикализмомъ въ этомъ отношеніи совершенно сходится банальный консерватизмъ. Когда радикальъ указаннаго типа разсуждаетъ: внѣшняя мощь государства есть фантомъ реакціи, идѣтъ эксплуататорскихъ классовъ, когда онъ, исходя изъ такого пониманія, во имя внутренней политики отрицаетъ политику внѣшнюю,—онъ

*) Государственная Дума. Стенографическій отчетъ. Сессія II, засѣданіе 36, 10, V, 1907 г.

въ сущности разсуждаетъ совершенно такъ же, какъ разсуждалъ В. Б. фонъ-Плеве. Какъ извѣстно, фонъ-Плеве былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые толкали Россію на войну съ Японіей, толкали во имя сохраненія и упроченія самодержавно-бюрократической системы.

Государство есть «организмъ»—я нарочно беру это слово въ новычьи, потому что вовсе не желаю его употреблять въ доктринальномъ смыслѣ такъ наз. «органической» теоріи—совершенно особаго свойства.

Можно какъ угодно разлагать государство на атомы и собирать его изъ атомовъ, можно объявить его «отношеніемъ» или системой «отношеній». Это не уничтожаетъ того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть какъ бы нѣкая личность, у которой есть свой верховный законъ бытія.

Для государства этотъ верховный законъ его бытія гласитъ: всякое здоровое и сильное, т.-е. не только юридическое «самодержавное» или «суверенное», но и фактически самимъ собой держащееся государство желаетъ быть могущественнымъ. А быть могущественнымъ значитъ обладать непремѣнно «внѣшней» мощью. Ибо изъ стремленія государствъ къ могуществу неизбѣжно вытекаетъ то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборствомъ интересовъ государствъ сильныхъ, является въ возможности (потенціально) и въ действительности (de facto) добычей для государства сильнаго.

Отсюда явствуетъ, на мой взглядъ, какъ превратна та точка зрѣнія, въ которой объединяется банальный радикализмъ съ банальнымъ консерватизмомъ или, скорѣе, съ реакціонерствомъ, и которая сводится къ подчиненію вопроса о внѣшней мощи государства вопросу о такъ или иначе понимаемомъ его «внутреннемъ благополучіи».

Русско-японская война и русская революція, можно сказать, до конца оправдали это пониманіе. Карой за подчиненіе внѣшней политики соображеніямъ политики внутренней былъ полный разгромъ старой правительственной системы въ той сферѣ, въ которой она считалась наиболѣе сильной, въ сферѣ внѣшняго могущества. А съ другой стороны, революція потерпѣла пораженіе именно потому, что она была направлена на подрывъ государственной мощи ради извѣстныхъ цѣлей внутренней политики. Я говорю: «потому, что»; но, быть можетъ, правильнѣе было бы сказать: «постолюку, поскольку».

Такимъ образомъ и въ этой области параллелизмъ между революціей и старымъ порядкомъ обнаруживается прямо поразительный!

Разсужденіе банальнаго радикализма слѣдуетъ поставить вверху ногами.

Отсюда получается тезисъ, который для обычнаго русскаго интеллигентскаго слуха можетъ показаться до крайности парадоксальнымъ:

Оселкомъ и мѣриломъ всей т. н. «внутренней» политики какъ правительства, такъ и партій долженъ служить отвѣтъ на вопросъ: въ какой мѣрѣ эта политика содѣйствуетъ т. наз. внѣшнему могуществу государства?

Это не значить, что «внѣшнимъ могуществомъ» исчерпывается весь смыслъ существованія государства; изъ этого не слѣдуетъ даже, что внѣшнее могущество есть верховная цѣнность съ государственной точки зрѣнія; можетъ быть, это такъ, но это вовсе не нужно для того, чтобы нашъ тезисъ былъ вѣренъ. Но если вѣрно, что всякое здоровое и держащееся самимъ собой государство желаетъ обладать внѣшней мощью,—въ этой внѣшней мощи заключается безошибочное мѣрило для оцѣнки всѣхъ жизненныхъ отправленій и силъ государства, и въ томъ числѣ и его «внутренней политики».

Относительно современной Россіи не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что ея внѣшняя мощь подорвана. Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной «націоналистической» газеты въ новогоднемъ «маленькомъ письмѣ» утѣшается тѣмъ, что насъ никто въ предстоящемъ году не обидитъ войной, такъ какъ мы «будемъ вести себя смирно». Трудно найти лозунгъ менѣе государственный и менѣе національный, чѣмъ это: «будемъ вести себя смирно». Можно собирать и копить силы, но великій народъ не можетъ—подъ угрозой упадка и вырожденія—сидѣть смирно среди движущагося впередъ, растущаго въ непрерывной борьбѣ міра. Давая такой пароль, наша реакціонная мысль показываетъ, какъ она изумительно беспомощна передъ проблемой возрожденія внѣшней мощи Россіи.

Для того, чтобы рѣшить эту проблему,—нужно ее поставить правильно, т. е. съ полной ясностью и въ полномъ объемѣ.

Ходячее возрѣніе обвиняетъ русскую внѣшнюю политику, политику «дипломатическую» и «военно-морскую» въ томъ, что мы были не подготовлены къ войнѣ съ Японіей. Мнѣ неоднократно, во время самой войны на страницахъ *Освобожденія* и позже, приходилось указывать, что ошибка нашей дальневосточной политики была гораздо глубже, что она заключалась не только въ методахъ, но—что гораздо существеннѣе—въ самыхъ цѣляхъ этой политики. У насъ до сихъ поръ не понимаютъ, что наша дальневосточная политика была логическимъ вѣнцомъ всей внѣшней политики царствованія Александра III, когда *реакціонная Россія*, по недостатку истиннаго государственнаго смысла, отвернулась отъ Востока Ближняго.

Въ перенесеніи центра тяжести нашей политики въ область, недоступную реальному вліянію *русской культуры*, заключалась первая ложь, *грѣховъ фэбдос* нашей внѣшней политики, приведшей къ Цусимѣ и Портсмуту. Въ трудностяхъ веденія войны это сказалось съ полной ясностью. Японская война была войной, которая велась на огромномъ разстояніи и исходъ которой рѣшался на далекомъ отъ сѣдалища нашей національной мощи морѣ. Этими двумя обстоятельствами, вытекшими изъ ошибочнаго направленія всей приведшей къ войнѣ политики, опредѣлилось наше поражение.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя въ милитарномъ отношеніи обусловили конечный итогъ войны, опредѣлили полную бессмысленность на-

шей дальневосточной политики и въ экономическомъ отношеніи. Осуществлять пресловутый выходъ Россіи къ Тихому океану съ самаго начала значило, въ смыслѣ экономическомъ, — *travailler pour l'empereur de Japon*. Успѣхъ въ промышленномъ соперничествѣ на какомъ-нибудь рынкѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, опредѣляется условіями транспорта. Совершенно ясно, что, производя товары въ Москвѣ (подразумѣвая подъ Москвой весь московско-владимірскій промышленный районъ), въ Петербургѣ, въ Лодзи (подразумѣвая подъ Лодзью весь польскій районъ), нельзя за тысячи верстъ желѣзнодорожнаго пути конкурировать не только съ японцами, но даже съ нѣмцами, англичанами и американцами. Гг. Абаза, Алексѣевъ и Безобразовъ «открывали» Дальній Востокъ не для Россіи, а для иностранцевъ. Это вытекало изъ географической «природы вещей». Въ своемъ заграничномъ органѣ я категорически возставалъ противъ дискредитированія нашей арміи на основаніи тѣхъ неудачъ, которыя она терпѣла, указывая на то, что *политика* задала *арміи*, какъ своему орудію, задачу, по существу невыполнимую *).

Теперь пора признать, что для созданія Великой Россіи есть только одинъ путь: направить всѣ силы на ту область, которая дѣйствительно доступна реальному вліянію русской культуры. Эта область — *весь бассейнъ Чернаго моря*, т. е. всѣ европейскія и азіатскія страны, «выходящія» къ Черному морю.

Здѣсь для нашего неоспоримаго хозяйственнаго и экономическаго господства есть настоящій базисъ: люди, каменный уголь и желѣзо. На этомъ реальномъ базисѣ — и только на немъ — неустанною культурною работою, которая во всѣхъ направленіяхъ должна быть поддержана государствомъ, можетъ быть создана экономически мощная Великая Россія. Она должна явиться не выдумкой реакціонныхъ политиковъ и честолюбивыхъ адмираловъ, а созданіемъ народнаго труда, свободнаго и въ то же время дисциплинированнаго. Въ послѣднюю эпоху нашего дальневосточнаго «расширенія» мы поддерживали экономическую жизнь Юга отчасти нашими восточными предпріятіями. Отношеніе должно быть совершенно иное. Нашъ Югъ долженъ излучать по всей Россіи богатство и трудовую энергію. Изъ черноморскаго побережья мы должны экономически завоевать и наши собственные тихо-океанскія владѣнія.

Основой русской виѣшней политики должно быть, такимъ образомъ, экономическое господство Россіи въ бассейнѣ Чернаго моря. Изъ такого господства само собой вытечетъ политическое и культурное преобладаніе Россіи на всемъ такъ называемомъ Ближнемъ Востокѣ. Такое преобладаніе именно на почвѣ экономическаго господства осуществимо совершенно мирнымъ путемъ. Разъ мы укрѣпимся экономически и культурно на этой есте-

*) Въ особенности рѣзко выражено это было въ переходной статьѣ № 47 *Особыхъ вѣстей* отъ 2-го мая 1904 г., гдѣ я писалъ: «русская армія побѣждала не разъ, но, если она тутъ не побѣдитъ, знайте, что передъ ней была нелѣпая задача».

ственной базѣ нашего могущества, намъ не будутъ страшны никакія внѣшнія осложненія, могущія возникнуть помимо насъ. Въ этой области мы будемъ имѣть великолѣпную защиту въ союзѣ съ Франціей и въ соглашеніи съ Англіей, которое, въ случаѣ надобности, можетъ быть соответствующимъ образомъ расширено и углублено. Историческое значеніе соглашения съ Англіей, состоявшагося въ новѣйшее время и связаннаго съ именемъ А. П. Извольскаго, въ томъ и заключается, что оно, несмотря на свою кажущуюся новизну, по существу является началомъ возвращенія нашей внѣшней политики *домой*, въ область, указываемую ей и русской природой, и русской исторіей. Съ традиціями, которыя потеряли жизненные корни, необходимо рвать сѣбло, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Но традиціи, которыя держатся сильными, здоровыми корнями, слѣдуетъ поддерживать. Въ такимъ живымъ традиціямъ относится вѣковое стремленіе русскаго племени и русскаго государства къ Черному морю и омываемымъ имъ областямъ. Донецкій уголь, о которомъ Петръ Великій сказалъ: «сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ», — такой фундаментъ этому стремленію, который значить больше самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что только на этомъ черномъ «минералѣ» можно основать Великую Россію.

Изъ такого пониманія проблемы русскаго могущества вытекаютъ важные выводы, имѣющіе огромное значенія для освѣщенія нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ текущей русской политики. Это относится какъ къ вопросамъ внутренне-политическимъ, въ томъ числѣ такъ называемымъ «національнымъ», а въ сущности «племеннымъ», такъ и къ вопросамъ внѣшне-политическимъ, съ вытекающими изъ нихъ проблемами военно-морскими. Вся область этихъ вопросовъ освѣщается совершенно новымъ свѣтомъ, если ее разсматривать подъ угломъ зрѣнія Великой Россіи. Этотъ уголь зрѣнія позволяетъ видѣть лучше и дальше, чѣмъ обычныя позиціи враждующихъ направленій и партій.

Сперва—о политикѣ общества, а потомъ о политикѣ власти.

Политика общества опредѣляется тѣмъ духомъ, который общество вноситъ въ свое отношеніе къ *государству*. Въ другомъ мѣстѣ я покажу, какъ, въ связи съ разными вліяніями, въ русскомъ обществѣ развивался и развивался враждебный государству духъ. Дѣло тутъ вовсе не въ революціи и «революціонности» въ *поллицейскомъ* смыслѣ. Можетъ быть революція во имя государства и въ его духѣ; такимъ революціонеромъ-государственникомъ былъ Оливеръ Кромвель, самый мощный творецъ англійскаго государственнаго могущества. Враждебный государству духъ сказывается въ непониманіи того, что государство есть «организмъ», который, во имя *культуры*, подчиняетъ народную жизнь началу *дисциплины*, основному условію государственной мощи. Духъ государственной дисциплины былъ чуждъ русской революціи. Какъ носители власти до сихъ поръ смѣшиваютъ у насъ себя съ государствомъ, — такъ большинство тѣхъ, кто боролся и борется съ ними, смѣшивали и смѣшиваютъ государство съ но-

сителями власти. Съ двухъ сторонъ, изъ двухъ, повидимому, противоположныхъ исходныхъ точекъ, пришли къ одному и тому же противогосударственному выводу.

Это обнаружилось въ «забастовочной» тактике, усвоенной себѣ русской революціей въ борьбѣ съ самодержавно-бюрократическимъ правительствомъ. Основываясь на успѣхъ, который имѣла стихійная «забастовка», повлекшая за собой манифестъ 17 октября, стали парализовать хозяйственной жизни упражнять какъ тактическій приѣмъ. Что означала эта «тактика»? Что средствомъ въ борьбѣ съ «правительствомъ» можетъ быть разрушеніе народнаго хозяйства. Извѣстный манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ и примкнувшихъ къ нему организацій призывалъ прямо къ разрушенію государственнаго хозяйства.

Теперь должно быть ясно, что эти дѣйствія и лозунги не были «тактическими ошибками», «нерасчитанной» пробой силъ и т. п. Они были внушены духомъ, враждебнымъ государству, какъ таковому, потому что они подрывали не правительство, а, ради подрыва правительства, разрушали хозяйственную основу государства и тѣмъ самымъ государственную мощь.

Эти дѣйствія и лозунги были внушены духомъ, враждебнымъ культурѣ, ибо они подрывали самую основу культуры,—*дисциплину труда*. Если можно въ двухъ словахъ опредѣлить ту болѣзнь, которою пораженъ нашъ народный организмъ, то ее слѣдуетъ назвать исчезновеніемъ или ослабленіемъ дисциплины труда. Въ безчисленныхъ и многообразныхъ явленіяхъ жизни обнаруживается эта болѣзнь.

Политика общества и должна *начать* съ того, чтобы на всѣхъ пунктахъ національной жизни противогосударственному духу, не признающему государственной мощи и съ нею не считающемуся, и противокультурному духу, отрицающему дисциплину труда, противопоставить новое политическое и культурное сознаніе. Идеаль государственной мощи и идея дисциплины народнаго труда—вмѣстѣ съ идеей *права* и *правды*—должны образовать желѣзный инвентаръ этого новаго политическаго и культурнаго сознанія русскаго человѣка.

Характеризуемая такимъ образомъ правильная политика общества есть проблема не тактическая, а идейная и воспитательная, на чемъ я уже настаивалъ въ своей статьѣ «Тактика или идея?» *). Великая Россія для своего созданія требуетъ отъ всего народа и прежде всего отъ его образованныхъ классовъ признанія идеала государственной мощи и начала дисциплины труда. Ибо создать Великую Россію значитъ создать государственное могущество на основѣ мощи хозяйственной.

Политика власти начертана ясно идеаломъ Великой Россіи. То состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время Россія, есть—приходится это признавать съ величайшей горечью—состояніе открытой вражды между

*) *Русская Мысль*, 1907 г., августъ.

властью и наиболѣе культурными элементами общества. До событій революціи власть могла ссылаться—хотя и фиктивно—на сочувствіе къ ней молчаливника-народа. Послѣ всего, что произошло, послѣ первой и второй Думы, подобная ссылка невозможна. Разрывъ власти съ наиболѣе культурными элементами общества есть въ то же время разрывъ съ народомъ. Такое положеніе вещей въ странѣ глубоко ненормально; въ сущности, оно есть тотъ червь, который всего сильнѣе подтачиваетъ нашу государственную мощь. Неудивительно, что политика, которая упорно закрываетъ глаза на эту основную язву нашей государственности, вынуждена давать лозунгъ: «будемъ вести себя смиренно». Государство, которое разъѣдаемо такой болѣзнью, можетъ сказать еще больше: «будемъ умирать». Но государство сильного, растущаго, хотя бы больного народа не можетъ умереть. Оно должно жить.

Положеніе осложняется еще разноплеменностью населенія, составляющаго наше государство. Съ одной стороны, если бы населеніе Россіи было одноплеменнымъ, чисто-русскимъ, существованіе власти, находящейся въ открытомъ разрывѣ съ народомъ, врядъ ли было бы возможно. Съ другой стороны, нашихъ «инородцевъ» принято упрекать въ томъ, что они заводчики революціи. Объективно-психологически слѣдуетъ признать, наоборотъ, что вся наша реакція держится на существованіи въ Россіи «инородцевъ» и имъ питается. «Инородцы»—последній психологическій ресурсъ реакціи.

Изъ вопросовъ «инородческихъ» два самыхъ важныхъ—«еврейскій» и «польскій». Разсмотримъ ихъ съ точки зрѣнія проблемы русскаго могущества.

По отношенію къ вопросу «еврейскому» власть держится «политики страуса». Она не признаетъ предмета, котораго не желаетъ видѣть. Центръ тяжести политическаго рѣшенія еврейскаго вопроса заключается въ упраздненіи такъ называемой черты осѣдлости. Съ точки зрѣнія проблемы русскаго могущества, «еврейскій вопросъ» вовсе не такъ несущественъ, какъ принято думать въ нашихъ *soit-disant* консервативныхъ кругахъ, пропитанныхъ «нововременствомъ». Если вѣрно, что проблема Великой Россіи сводится къ нашему хозяйственному «расширенію» въ бассейнѣ Чернаго моря, то для осуществленія этой задачи и вообще для хозяйственнаго подъема Россіи евреи представляютъ элементъ весьма цѣнный. Въ томъ экономическомъ завоеваніи Ближняго Востока, безъ котораго не можетъ быть создано Великой Россіи, преданные русской государственности и привязанные къ русской культурѣ евреи прямо незаменимы въ качествѣ пионеровъ и посредниковъ *). Такимъ образомъ, намъ, ради Великой Россіи, нужно создавать такихъ евреевъ и широко ими пользоваться. Очевидно, что единственнымъ способомъ для этого является по-

*) Любопытно, что это недавно доказывалось въ весьма обстоятельной статьѣ официального *Вѣстника Финансовъ*. См. статью «Ближневосточные рынки» въ № 45 въ 1907 г.

слѣдовательное и лояльное осуществленіе «эмансипаціи» евреевъ. По существу, среди всѣхъ «инородцевъ» Россіи—несмотря на всѣ антисемитическіе вопли—нѣтъ элемента, который могъ бы быть легче, чѣмъ еврей, поставленъ на службу русской государственности и ассимилированъ съ русской культурой.

Съ другой стороны, нельзя закрывать себѣ глаза на то, что такая реформа, какъ «эмансипація» евреевъ, можетъ совершиться съ наименьшимъ психологическимъ треніемъ въ атмосферѣ общаго хозяйственнаго подъема страны. Нужно, чтобы создался въ странѣ такой экономическій просторъ, при которомъ всѣ чувствовали бы, что имъ находится мѣсто «на пиру жизни». Разрѣшеніе «еврейскаго вопроса» такимъ образомъ неразрывно связано съ экономической стороной проблемы Великой Россіи: «эмансипація» евреевъ психологически предполагаетъ хозяйственное возрожденіе Россіи, а съ другой стороны явится однимъ изъ орудій созданія хозяйственной мощи страны.

«Польскій вопросъ», съ той точки зрѣнія, съ которой мы разбираемъ здѣсь вообще вопросы русской государственности, является вопросомъ политическимъ или международно-политическимъ *par excellence*. Что бы тамъ ни говорили, въ хозяйственномъ отношеніи Царство Польское нуждается въ Россіи, а не наоборотъ. Русскимъ экономически почти нечего дѣлать въ Польшѣ. Россія же для Польши ея единственный рынокъ.

Принадлежность Царства Польскаго къ Россіи есть для послѣдней чистѣйшій вопросъ политическаго могущества. Всякое государство до послѣднихъ силъ стремится удержать свой «составъ», хотя бы принудительныхъ хозяйственныхъ мотивовъ для этого не было. Для Россіи, съ этой точки зрѣнія, необходимо сохранить въ «составѣ» Имперіи Царство Польское. А разъ оно должно быть сохранено въ составѣ Имперіи, то необходимо, чтобы населеніе его было довольно своей судьбой и дорожило связью съ Россіей, было морально къ ней прикрѣплено. Это было бы важно во всякомъ случаѣ для «внутренняго» спокойствія этой части Имперіи. Но эта сторона дѣла, съ точки зрѣнія проблемы могущества, отступаетъ даже на задній планъ передъ значеніемъ, принадлежащимъ польскому вопросу въ виду того международнаго «положенія», въ которое, волею исторіи, двинута Россія.

Существуетъ въ широкой публикѣ мнѣніе, что на Царство Польское можетъ посягнуть въ удобный моментъ Германія. Это недоразумѣніе, основанное на полномъ незнакомствѣ съ политическими отношеніями Германіи. Германія не нужно ни пяди земли, населенной польскимъ народомъ. Для Германіи было бы безуміемъ ввести въ свой нѣмецкій государственный составъ новые милліоны поляковъ—и безъ того Пруссія не можетъ переварить Познани. Германія, съ ея историческими традиціями, не можетъ превратиться въ государство съ сильнымъ инородческимъ элементомъ. Боле того, она не можетъ превратиться въ государство съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ. Вотъ почему Германія не можетъ (и не

желаетъ) поглотить нѣмецкія земли Австріи. Такое поглощеніе измѣнитъ соотношеніе культурныхъ силъ, дастъ католикамъ рѣшающую силу въ Германіи.

Польская политика Пруссіи, съ точки зрѣнія международнаго положенія Германіи, представляетъ грубѣйшую ошибку, на что неоднократно указывалъ Гансъ Дельбрюкъ въ своихъ *Preussische Jahrbücher*. Эта ошибка проходитъ Германіи даромъ только потому, что русское правительство ведетъ политику, съ точки зрѣнія государственной мощи и государственной безопасности Россіи, еще болѣе ошибочную. Пруссія стремится—*per fas et nefas*—германизовать Познань; идея руссификаціи Польши въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣмцы германизуютъ (или, вѣрнѣе, стремятся германизовать) свои польскія области, совершенно несбыточная утопія. Денаціонализація русской Польши недоступна ни русскому народу, ни русскому государству. Между русскими и поляками на территоріи Царства Польскаго никакой культурной или національной борьбы быть не можетъ: русскій элементъ въ Царствѣ представленъ только чиновниками и войсками.

Обладаніе Царствомъ Польскимъ есть для Россіи вопросъ не національнаго самосохраненія, а политическаго могущества.

Польская политика Россіи, съ этой точки зрѣнія, должна быть совершенно ясна. Опираясь на экономическую приврѣзленность Польши къ Россіи, мы должны воспользоваться ея принадлежностью къ Имперіи для того, чтобы черезъ нее скрѣпить наши естественныя связи съ славянствомъ вообще и западнымъ въ частности. Польская политика должна служить нашему сближенію съ Австріей, которая теперь является по преимуществу державой славянской. Либеральная польская политика въ огромной степени подыметъ нашъ престижъ въ славянскомъ мірѣ и психологически совершенно естественно создастъ, впервые въ исторіи, моральную связь между нами и Австріей, какъ государствомъ.

Въ экономическомъ отношеніи мы будемъ даже конкурентами на Ближнемъ Востокѣ, но эта конкуренція будетъ смягчаться и сглаживаться морально-политической солидарностью.

Такова та положительная миссія, которая принадлежитъ разумной польской политикѣ Россіи въ дѣлѣ укрѣпленія ея внѣшней мощи. Но гораздо важнѣе ея отрицательная миссія или функція. Всякое здоровое, сильное государство—сказали мы выше—желаетъ быть могущественнымъ. Австрія, съ великой избирательной реформой, вступила въ періодъ своего внутренняго укрѣпленія, которое будетъ означать и ростъ внѣшней мощи Австро-Венгріи. Славянскій характеръ Австріи вовсе не гарантируетъ насъ отъ нападенія съ ея стороны, если мы будемъ оставаться слабы, такъ же какъ культурное и политическое преобладаніе германскаго элемента въ Австріи до 1866 г. не спасло ея отъ разгрома Пруссіей. Если русская Польша будетъ попрежнему очагомъ недовольства, имѣющимъ тѣснѣйшую морально-культурную связь съ австрійскими поляками, если Россія, вмѣсто того, чтобы экономически и культурно укрѣпляться въ бассейнѣ Чернаго моря, будетъ

строить ни для чего ненужный линейный флотъ, предназначенный для Балтійскаго моря и Тихаго Океана, въ одинъ прекрасный день въ Европѣ на западной границѣ можетъ назрѣть для насъ великая бѣда.

Теперь еще идея борьбы не на животь, а на смерть съ поляками торжествуетъ въ Пруссіи, но дни ея сочтены. Идея эта свершить свой кругъ и—хотя бы ради сохраненія своей *entente* съ Австріей—Германія вынуждена будетъ отказаться отъ своей польской политики. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что вообще крушеніе реакціи и торжество либерализма во внутренней политикѣ Германіи должно наступить съ безошибочностью естественнаго процесса. Въ этотъ моментъ, если мы не разрешимъ своего польскаго вопроса, не создадимъ по всей и во всей странѣ дѣйствительнаго, прочнаго примиренія власти съ народомъ, мы можемъ и неизбежно получимъ жестокий ударъ уже не съ Востока, а съ Запада. У насъ въ широкой публикѣ, а также въ военныхъ сферахъ существуетъ къ Австріи такое же легкомысленное отношеніе, какое до войны было къ Японіи. Мы склонны упиваться суворовской фразой: «австрійцы имѣютъ проклятую привычку быть всегда бѣтыми», и можемъ на собственномъ тѣлѣ испытать всю условность подобныхъ афоризмовъ. Неудачная война съ Австріей—при недоброжелательномъ нейтралитетѣ Германіи—въ лучшемъ случаѣ будетъ имѣть для Россіи своимъ результатомъ потерю Царства Польскаго, которое отойдетъ къ Австріи, и потерю Прибалтійскаго края, который отойдетъ къ Германіи. Если обладаніе русской Польшей не нужно и совершенно неинтересно для Германіи, то этого нельзя сказать о Прибалтійскомъ краѣ. Войдя въ составъ Германской имперіи, онъ сравнительно легко можетъ быть завоеванъ или, въ извѣстномъ смыслѣ, отвоеванъ для германской культуры. Латыши и эсты будутъ либо германизованы, либо оттѣснены на территорію Россіи, куда они и безъ того до сихъ поръ выселяются въ значительномъ числѣ.

Я вовсе не сомнѣваюсь въ полнѣйшемъ миролюбіи Германіи и Австріи и ихъ правительствъ. Но слѣдуетъ же понимать, что столкновения государствъ между собой въ основѣ вытекаютъ изъ конфликтовъ интересовъ и изъ соотношеній могущества, а вовсе не изъ международного бреттерства правительствъ. Мы должны были бы научиться этому изъ опыта нашей войны съ Японіей. Не говоря уже о Бисмаркѣ, даже Наполеонъ III не былъ вовсе политическимъ бреттеромъ.

Можно сказать, что всѣ нарисованныя нами перспективы суть только комбинаціи и предположенія. Но то, что слабыя государства дѣлаются добычей государствъ болѣе сильныхъ, если они не ограждены противоборствомъ ихъ интересовъ, это есть не комбинація, а своего рода «законъ исторіи». А въ столкновеніи слабой Россіи съ сильной Австро-Венгріей, при недоброжелательномъ къ намъ нейтралитетѣ заинтересованной въ нашемъ пораженіи Германіи, ни одинъ налецъ въ Европѣ не пошевелится въ нашу защиту.

Можетъ ли явиться поводъ для такого столкновенія? Мы вѣдь въ нам-

лучшихъ отношенійхъ и съ Австріей, и съ Германіей. Съ первой мы вмѣстѣ дѣйствуемъ на Балканахъ, какъ главныя великія державы, заинтересованныя въ турецкихъ дѣлахъ. Неужели изъ коопераціи можетъ возникнуть конфликтъ? По этому поводу достаточно на справку напомнить, что конфликту Пруссіи съ Австріей предшествовала кооперація этихъ государствъ противъ Даніи, что войнѣ Японіи съ Россіей предшествовала наша съ Японіей кооперація противъ Китая.

Поводъ всегда найдется, если будетъ продолжаться ослабленіе государственной мощи Россіи, которое есть неизбѣжный результатъ того, что за разрухой японской войны и революціи слѣдуетъ не возрожденіе страны конституціей, а разложеніе ея реакціей.

Сигнализировать въ-время эту опасность передъ общественнымъ сознаніемъ есть патріотическій долгъ независимой русской печати. Мы можемъ ошибаться въ томъ или другомъ конкретномъ указаніи, но суть нашего анализа—увѣ!—соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей.

Изъ международно-политическихъ перспективъ, которыя мы начертали, вытекаетъ тотъ выводъ, что наша «внутренняя» политика должна быть поставлена такъ, чтобы—безъ ущерба для нашихъ интересовъ, нашей мощи и нашего достоинства—психологически устранить самую возможность войны съ Австро-Венгріей или (худшій для насъ случай!) войны съ Австро-Венгріей и Германіей. Конечно, Россія можетъ просто добровольно сдѣлаться вассаломъ или сателлитомъ Германіи, но только—пожертвовавъ исторической миссіей, мощью и достоинствомъ государства. Такой выходъ будетъ нинимымъ рѣшеніемъ проблемы Великой Россіи. Ключъ къ дѣйствительному ея рѣшенію лежитъ въ урегулированіи русско-польскихъ отношеній. Тутъ обычно выдвигается пугало Германіи. Германія-де не потерпитъ либеральнаго рѣшенія польскаго вопроса. Не говоря уже о томъ, что принципиально никакое вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла не терпимо, гораздо важнѣе то, что одна Германія безъ Австро-Венгрии ничего противъ Россіи предпринять не можетъ. Противъ Германіи, если она не въ союзѣ съ Австро-Венгріей, Россія, даже безъ всякихъ формальныхъ союзовъ и соглашеній, *ipso facto* существующаго противоборства интересовъ, имѣетъ за себя и Францію (первоклассная сухопутная держава!), и Англію (рѣшающая сила на морѣ!).

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что неурегулированность польскаго вопроса, стоящая вообще въ связи съ реакціоннымъ характеромъ нашей внутренней политики, ставитъ насъ совершенно *à la merci* Германіи. Мы либо вынуждены въ международныхъ дѣлахъ и внутренней политикѣ слѣпо, какъ вассалъ, слѣдовать ей, либо будемъ всегда находиться подъ угрозой того, что въ удобный и желательный для себя моментъ она выдвинетъ противъ насъ Австро-Венгрію. Не слѣдуетъ—повторяемъ—въ этомъ случаѣ предаваться иллюзіямъ, что славянскій характеръ Австро-Венгрии гарантируетъ насъ отъ такого оборота дѣлъ. Пока мы не ведемъ настоящей славянской политики, пока мы держимъ Польшу въ «подвѣстномъ»

положеніи, пока мы не исполняемъ своей исторической миссіи на Черномъ морѣ, гдѣ находится естественная экономическая основа Великой Россіи,— Австро-Венгрія, даже какъ славянская держава или, вѣрнѣе, именно какъ таковая, обязана стремиться къ «расширенію» на нашъ счетъ.

А Германія изъ двухъ возможностей, каковыми являются: 1) одновременный политическій ростъ двухъ славянскихъ державъ, Австро-Венгріи и Россіи, и 2) возвышеніе на счетъ Россіи Австро-Венгріи, во всякомъ случаѣ менѣе славянской, гораздо ближе стоящей къ германскому міру державы—изъ этихъ двухъ политическихъ возможностей Германія обязана, повинаясь здравому государственному эгоизму, выбрать вторую, для нея гораздо болѣе выгодную.

Не слѣдуетъ также думать, что Германія, держава консервативная съ строго «легитимными» традиціями, будетъ—вопреки своимъ государственнымъ интересамъ—церемониться съ консервативной Россіей. Съ «легитимными» традиціями современной Германіи дѣло обстоитъ весьма своеобразно. Несмотря на весь свой прусскій легитимизмъ, Бисмаркъ упразднилъ нѣсколько весьма легитимныхъ нѣмецкихъ троновъ—не слѣдуетъ забывать, что и гессенъ-дармштатскій тронъ уцѣлѣлъ въ разгромѣ 1866 г. *исключительно* благодаря заступничеству Александра II *)—и въ борьбѣ съ Австріей не останавливался даже передъ перспективой союза съ венгерской революціей.

Всякая истинно государственная политика, хотя бы она и была во внутреннихъ вопросахъ весьма консервативна, въ борьбѣ за могущество не останавливается передъ такими мелочами, какъ «легитимность».

Изъ даннаго нами освѣщенія вопроса о великой Россіи вытекаютъ совершенно ясные выводы относительно волнующей въ настоящее время обществу морской проблемы. Въ войнѣ съ Австріей или съ Австріей и Германіей вмѣстѣ такой флотъ намъ ни въ чемъ существенномъ не поможетъ. Ни для Германіи, ни еще менѣе для Австріи дѣйствія на морѣ противъ насъ не будутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Отсюда ясно, что *балтійскій флотъ*, какъ это ни странно, *всею мѣнѣе нуженъ Россіи*.

Великой Россіи, на настоящемъ уровнѣ нашего экономическаго развитія, необходимы сильная армія и такой флотъ, который обезпечивалъ бы намъ возможность десанта на любомъ пунктѣ Чернаго моря и въ то же время абсолютно обезпечивалъ бы насъ отъ вражескаго десанта въ этой области. Другими словами, мы должны быть господами на Черномъ морѣ. Совершенно ясно, что это осуществимо только при томъ условіи, если мы изъ числа крупныхъ морскихъ державъ будемъ имѣть своимъ противникомъ тамъ въ худшемъ случаѣ одну Германію, противъ которой у насъ будетъ всегда «покрытіе» въ лицѣ Англіи и Франціи. Противъ Англіи мы и тамъ

*) Ср. Н. von Sybel. Die Begründung des deutschen Reiches. Band V (München u. Leipzig, 1890), въ особ. стр. 391—394.

бороться никогда не сможемъ. Но вѣдь вообще реальная политика утвержденія русскаго могущества на Черномъ морѣ неразрывно связана съ прочнымъ англо-русскимъ соглашеніемъ, которое для насъ не менѣе важно, чѣмъ франко-русскій союзъ. Вообще это соглашеніе и этотъ союзъ суть безусловно необходимыя *вѣщныя* гарантіи созданія Великой Россіи.

Внутреннее содержаніе этой проблемы можетъ быть дано только сочетаніемъ правильной внѣшней политики съ разумнымъ разрѣшеніемъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ.

Интеллигенція страны должна пропитаться тѣмъ духомъ государственности, безъ господства котораго въ образованномъ классѣ не можетъ быть мощнаго и свободнаго государства.

«Правящіе круги» должны понять, что, если изъ великихъ потрясеній должна выйти великая Россія, то для этого нуженъ свободный, творческій подвигъ всего народа. Въ народѣ, пришедшемъ въ движеніе, въ народѣ, конституція котораго родилась вовсе не изъ навѣяннаго извѣтѣ радикализма, а изъ потрясеннаго тяжелыми уронами государства патріотическаго духа, — въ этомъ народѣ нельзя уже ничего достигнуть простымъ приказомъ власти. Изъ скорбнаго историческаго опыта послѣднихъ лѣтъ народъ нашъ вынесъ пониманіе того, что государство есть личность «соборная» и стоитъ выше великой личной воли. Это огромное неопѣнимое и неистребимое пріобрѣтеніе и оправданіе пережитыхъ нами «великихъ потрясеній».

Теперь задача истинныхъ сторонниковъ государственности заключается въ томъ, чтобы понять и расцѣпить всѣ условія, создающія мощь государства. Только государство и его мощь могутъ быть для настоящихъ патріотовъ истинной путеводной звѣздой. Остальное — «блуждающіе огни».

Государственная мощь невозможна внѣ осуществленія національной идеи. Национальная идея современной Россіи есть примиреніе между властью и проснувшимся къ самосознанію и самодѣятельности народомъ, который становится націей. Государство и нація должны органически срастись.

Въ новѣйшей европейской исторіи есть замѣчательный и поучительный примѣръ такого сращенія.

Въ 60-хъ годахъ между націей и властью въ руководящей германской державѣ Пруссіи возгорѣлся жесточайшій конфликтъ, грозившій политической катастрофой. Власть, благодаря Бисмарку, вышла побѣдительницей изъ этого конфликта, овладѣвъ національной идеей, чего не сумѣли сдѣлать ни Стюарты въ Англіи, ни Бурбоны во Франціи. Побѣда власти, однако, не была ни униженіемъ народа, ни разрушеніемъ права. Величіе Бисмарка, какъ государственнаго дѣятеля, заключалось, между прочимъ, въ томъ, что онъ никогда не смѣшивалъ государства ни съ какими лицами. Власть и народъ примирились на осуществленіи національной идеи, и объединенная Германія, утверждающая свою внѣшнюю мощь, сумѣла орга-

нически сочетать историческія традиціи съ новыми государственными учрежденіями на демократической основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Объединеніе Германіи подѣ предводительствомъ Пруссіи, которая выбрасываетъ Австрію изъ Германіи и затѣмъ набрасывается на Францію и отнимаетъ у нея завоеванія Людовика XIV *), было рядомъ событій, въ которыхъ и современникъ, и всякій изучающій ихъ теперь, не можетъ не чувствовать какой-то роковой силы.

У Бисмарка, когда онъ ковалъ германскую Имперію, вовсе не было готоваго, до подробностей выработаннаго плана. Творецъ событій, онъ въ то же время былъ влекомъ ими. Но онъ, по крайней мѣрѣ, въ каждый данный моментъ выполнялъ свою волю и осуществлялъ дорогую ему идею. О Вильгельмѣ I нельзя сказать даже этого. Пруссійскій король, если бы дѣла совершались по его волѣ, никогда бы не былъ германскимъ императоромъ. Но онъ долженъ былъ стать имъ. Самая незамѣтная и въ то же время самая трудная и почетная борьба, которую велъ Бисмаркъ во имя государства, велась имъ не противъ оппозиціи парламента, не противъ внѣшняго врага и его дипломатіи, а противъ главы государства. И онъ, а съ нимъ вмѣстѣ германская государственность оказались побѣдителями въ этой борьбѣ.

Такова сила національной идеи, нашедшей себѣ орудіе въ государствѣ, которое стремится увеличить свою мощь. Или, наоборотъ, такова сила государства, поставившаго себѣ на службу національную идею. Это—двѣ силы, которыя, для того, чтобы перевернуть судьбы народовъ, должны найти одна другую и дѣйствовать въ полномъ союзѣ.

Часто смотрять на эти событія съ «отвлеченной» точки зрѣнія. Революціонеры видятъ въ объединеніи Германіи не торжество національной идеи, а лишь возвышеніе консервативной прусской державы—такъ понимали событія многіе старые нѣмецкіе радикалы 40-хъ гг.; такъ оцениваютъ ихъ до сихъ поръ нѣкоторые социаль-демократы. Легитимисты видятъ въ этомъ объединеніи, поглотившемъ нѣсколько легитимныхъ троновъ и въ современной Германіи утопившемъ патриархально-консервативную Пруссію съ ея старыми государственными традиціями, не столько торжество государственности, сколько побѣду страннаго, противорѣчиваго союза военно-монархической мощи съ революціонной идеей—такъ смотрѣли на событія не только ганноверскіе легитимисты; такъ чувствовали и представители стараго прусскаго духа, вродѣ генерала Роона и даже самого Вильгельма I.

Первые заблуждаются въ томъ, что не видятъ связи національной идеи съ государственной мощью. Вторые фантазируютъ о возможности по-

*) Когда Тьеръ, въ знаменитой своей поѣздкѣ по столицамъ Европы во время войны, встрѣтившись въ Вѣнѣ со своимъ другомъ историкомъ Ранке, спросилъ его, съ кѣмъ Германія послѣ паденія Наполеона ведетъ войну, Ранке отвѣчалъ: „съ Людовикомъ XIV“.

ставить государственной мощи, окрыленной національной идеей, «легитимныя» и «традиционныя» границы.

Государство должно быть революціонно, когда и поскольку этого требует его могущество. Государство не может быть революціонно, когда и поскольку это подрывает его могущество.

Это «законъ», который властвуетъ одинаково и надъ династіями, и надъ демократіями. Онъ низвергаетъ монарховъ и правительства; и онъ же убиваетъ революціи.

Понять это значитъ понять государство въ его истинномъ существѣ, заглянуть ему въ лицо, которое, какъ ликъ Петра Великаго, по слову величайшаго русскаго поэта, «прекрасно» и «ужасно».

Только, если русскій народъ будетъ охваченъ духомъ истинной государственности и будетъ отстаивать ее смѣло въ борьбѣ со всеми ея противниками, гдѣ бы они ни укрывались,—только тогда, на основѣ живыхъ традицій прошлаго и драгоценныхъ пріобрѣтеній живущихъ и грядущихъ поколѣній, будетъ создана—Великая Россія.

Петръ Струве.

Указъ 9 ноября 1906 года.

Въ ближайшемъ будущемъ третьей Государственной Думѣ предстоитъ заняться междудумскимъ аграрнымъ законодательствомъ, центральнѣйшій пунктъ котораго составляетъ указъ 9 ноября 1906 г. о мѣрахъ къ облегченію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель, а также объ укрѣпленіи въ личную собственность земель общиннаго владѣнія.

Всѣ помнить, какъ былъ встрѣченъ указъ 9 ноября въ моментъ его изданія: общественное мнѣніе съ полнымъ, кажется, единодушіемъ увидѣло въ немъ не столько мѣру аграрной политики, сколько орудіе самозащиты, оказавшейся лицомъ къ лицу передъ грозой бюрократіи и ея вдохновителей изъ среды помѣстнаго дворянства; орудіе, притомъ, не оборонительное, а наступательное; орудіе, долженствующее посѣять рознь въ средѣ самого крестьянства, въ его собственной средѣ разбудить и разнуздать эгоистическія инстинкты отдѣльныхъ группъ и единицъ и дружный натискъ объединеннаго крестьянства на владѣльческія земли замѣнить взаимною грызней крестьянъ изъ-за надѣльной земли. Этимъ, и только этимъ, общественное мнѣніе могло объяснить себѣ изданіе какъ всей вообще серіи аграрныхъ указовъ, такъ и въ частности—указа 9 ноября, по ст. 87 основныхъ законовъ, предусматривающей *экстренныя* и *неотложныя* мѣры, принимаемыя исполнительною властью въ промежуткахъ между двумя Думами; порядокъ изданія, приведшій въ изумленіе даже людей вроде проф. Билимовича, стоящихъ на одной съ правительствомъ принципиальной почвѣ и, по существу, считающихъ возможнымъ «радошно поддерживать указъ 9 ноября». Отнюдь не будучи экстреннымъ и неотложнымъ, какъ *мѣра аграрной политики*, не будучи таковымъ именно въ силу своей первостепенной важности, указъ являлся, въ самомъ дѣлѣ, экстреннымъ и неотложнымъ, какъ орудіе самозащиты, на-ряду съ военно-полевыми судами и иными подобными актами междудумскаго законодательства.

Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать теперь, что общественное мнѣніе ошибалось. Въ правительственной деклараціи, прочитанной П. А. Столыпиннымъ въ 3-ей Государственной Думѣ, аграрное законодательство стоитъ непосредственно вслѣдъ за угрозами недостаточно покорнымъ

судьямъ и недостаточно покорному педагогическому персоналу; аграрная политика правительства противопоставляется «безпорядочной раздачѣ земель, успокоенію бунта подачками», и ея смыслъ резюмируется такъ: «признаніе неприкосновенности частной собственности и, какъ послѣдствіе, отсюда вытекающее, созданіе мелкой земельной собственности, реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшенія землепользованія». Вся аграрная политика правительства—это «послѣдствіе, вытекающее» изъ признанія неприкосновенности той самой частной собственности, которой угрожали «безпорядочная раздача земель» и «успокоеніе бунта подачками». И не простое логическое слѣдствіе: земельная политика, нашедшая себѣ наиболѣе яркое и принципиальное выраженіе въ указѣ 9 ноября, потому признается осью современной внутренней политики правительства, что—какъ недавно выразился П. А. Столыпинъ—отъ успѣшнаго выполненія этой задачи будетъ зависѣть «не только экономическое положеніе сельскаго населенія»—*для этого, пожалуй, не стоило бы тревожить ст. 87-ую!*—«но и укорененіе въ его сознаніи правильныхъ общественныхъ понятій на основѣ законности и уваженія къ чужому праву». Создавать въ средѣ крестьянства собственниковъ, чтобы они уважали и помогали отстаивать помѣстную собственность,—вотъ въ чемъ признанная задача современной аграрной политики, вотъ въ чемъ объясненіе ея экстренности и неотложности.

По существу указъ 9 ноября рѣзко распадается на двѣ почти равныхъ по объему, но совершенно неравныхъ по значенію части. Одна—это раздѣлы II, III и IV, касающіеся земель подворнаго владѣнія (въ томъ числѣ, конечно, и земель, вновь поступающихъ въ таковое владѣніе изъ общиннаго); другая—раздѣлъ I, касающійся «укрѣпленія въ личную собственность» земель общиннаго владѣнія и выдѣла ихъ въ отдѣльные участки. Первая имѣетъ несравненно меньшее принципиальное значеніе, нежели вторая, и если и требуетъ критики, то не той принципиальной и, въ общемъ, отрицательной критики, съ которою неизбежно приходится подходить ко второй (или въ порядкѣ изложенія указа—первой) части указа. Критика раздѣловъ II—IV указа должна быть—я позволю себѣ такъ выразиться—доброжелательною по существу и должна носить, по преимуществу, техническій характеръ; противъ идей, лежащихъ въ основѣ этихъ трехъ раздѣловъ, едва ли приходится особенно возражать,—можно критиковать лишь намѣченные указомъ способы ихъ осуществленія.

Въ самомъ дѣлѣ: раздѣлъ IV, хотя и упоминаетъ о земляхъ общиннаго владѣнія, но касается въ сущности исключительно порядка перехода подворныхъ владѣльцевъ къ отрубному владѣнію; вмѣсто требовавшагося для этого, до сихъ поръ, единогласія, указъ допускаетъ такой переходъ по приговору, постановленному двумя третями голосовъ. По существу противъ этого едва ли могутъ быть какія-либо возраженія: если сравнивать между собою подворное отрубное владѣніе и подворное же чрезполосношнуровое, то колоссальныя преимущества перваго не могутъ подлежать

сомнѣнію; вопросъ можетъ быть развѣ только въ томъ, не слѣдуетъ ли пойти въ данномъ направленіи значительно *дальше*, чѣмъ пошелъ указъ 9 ноября, не слѣдуетъ ли предоставить половинѣ или даже меньшинству заинтересованныхъ лицъ требовать перехода на отрубные участки; вопросъ можетъ быть, далѣе, въ детальной разработкѣ того принципа, который нашелъ себѣ выраженіе въ IV раздѣлѣ указа; при этой разработкѣ должны быть установлены необходимыя правила распорядительнаго и исполнительнаго характера, въ особенности—приняты мѣры къ огражденію интересовъ тѣхъ изъ участниковъ чрезполоснаго владѣнія, которые могли бы пострадать отъ перехода къ отрубному владѣнію и отъ неразрывно связаннаго съ этимъ уничтоженія взаимнаго пастбищнаго сервитута.

Раздѣлъ III замѣняетъ создавшійся, главнымъ образомъ, на почвѣ сенатской интерпретаціи институтъ дворовой собственности на земли подворнаго владѣнія институтомъ личной собственности тѣхъ домохозяевъ, за которыми участки значатся по землеустроительнымъ и инымъ актамъ, и ихъ правопреемниковъ. Здѣсь споры по существу, разумѣется, возможны. Институтъ семейной собственности имѣетъ сторонниковъ и даже весьма авторитетныхъ сторонниковъ. Въ томъ видѣ, однако, какъ этотъ институтъ существуетъ въ настоящее время, безъ твердой почвы въ законѣ, до крайности неясный по своей юридической природѣ, въ концѣ-концовъ не столько устраняющій возможность произвола домохозяина, сколько уничтожающій въ немъ сознаніе заинтересованности и ответственности за свои дѣйствія,—этотъ институтъ уже потому едва ли имѣетъ право на дальнѣйшее существованіе, что въ корнѣ противорѣчитъ тому индивидуализму, который дѣлаетъ въ современной деревнѣ все большія и большія завоеванія. Въ принципѣ и этотъ раздѣлъ долженъ быть, поэтому, одобренъ,—вопросъ можетъ идти лишь о детальной разработкѣ даннаго принципа, въ связи, между прочимъ, съ вопросомъ о мѣрахъ къ предотвращенію легкомысленнаго отчужденія сдѣлавшихся личною собственностью земель, въ ущербъ прежнимъ соучастникамъ семейнаго владѣнія.

Трудно возражать, въ принципѣ, и противъ II раздѣла указа 9 ноября, создающаго облегченный порядокъ удостовѣренія права собственности на предназначаемыя къ отчужденію земли подворнаго владѣнія. До настоящаго времени не существовало, собственно говоря, законнаго пути установленія и удостовѣренія этихъ правъ, откуда происходили безконечныя практическія затрудненія и неудобства; разъ не было законнаго способа удостовѣренія права собственности, то не могло быть и законнаго способа отчужденія земель подворнаго владѣнія; продажи совершались въ формахъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ и, слѣдовательно, не имѣющихъ юридической силы, что открывало, разумѣется, широкій просторъ для всякаго рода злоупотребленій со стороны какъ продавцовъ, такъ и третьихъ лицъ, и неизбѣжно обезцѣнивало продаваемыя земли. Разъ отчужденіе подворныхъ земель допущено закономъ, нельзя возражать противъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поставить его на болѣе твердую, легальную

почву. Можно только сомнѣваться, не пошли ли составители указа 9 ноября слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи облегчить установленіе и удостовѣреніе права собственности на земли подворнаго владѣнія; можно въ частности сомнѣваться, какъ сомнѣвается Н. Н. Бутлеръ, въ компетентности сельскихъ сходовъ и волостныхъ правленій устанавливать и удостовѣрять наличие *права собственности* на земли подворнаго владѣнія, и опасаться могущихъ проистечь отсюда злоупотребленій: даже установить *владѣніе*, при условіяхъ нашей подворной чрезполосицы, весьма нелегкая задача, а тѣмъ болѣе — установить наличие *права собственности* на владѣемую землю. Но это — частность, хотя и существенная, и едва ли встрѣтятся особенныя затрудненія къ тому, чтобы внести въ установленный указомъ 9 ноября способъ установленія и удостовѣренія права собственности на подворные участки такіа поправки, которыя не слишкомъ усложнятъ дѣло и въ то же время послужатъ достаточною гарантіею противъ ошибокъ и злоупотребленій. Гораздо серьезнѣе другое: устраненіе формальныхъ препятствій, тормозившихъ переходъ изъ рукъ въ руки земель подворнаго владѣнія, должно идти объ руку съ мѣрами, направленными противъ скупки такихъ земель и вообще концентраціи ихъ въ рукахъ защиточнаго меньшинства, — хотя бы это меньшинство принадлежало къ крестьянскому сословию.

Но, конечно, суть дѣла не въ этихъ постановленіяхъ указа 9 ноября, и не въ томъ, что Столыпинъ имѣлъ въ виду, когда заявлялъ третьей Думѣ, что правительство, защищая свои аграрныя мѣропріятія передъ законодательными учрежденіями, ждетъ отъ нихъ «усовершенствованія, можетъ быть (можетъ быть!!) поправки въ нихъ, но въ конечномъ результатѣ твердо надѣется (твердо надѣется!) на приданіе имъ упроченной силы путемъ законодательнаго утвержденія». Суть дѣла, конечно, въ первомъ раздѣлѣ, касающемся «укрѣпленія» и выдѣла земель общиннаго владѣнія.

Когда мнѣ пришлось писать объ этомъ «мѣропріятіи» подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что опубликованнаго указа, я настаивалъ на томъ, что оцѣнка его, — оцѣнка принципиально-отрицательная — должна быть дана «совершенно независимо отъ принципиальнаго отношенія къ вопросу объ общинномъ землевладѣніи, независимо отъ того или другого взгляда на грядущую экономическую эволюцію нашей деревни». На той же точкѣ зрѣнія съ самаго же начала стоялъ и продолжаетъ стоять и главный, въ настоящее время, работникъ партіи народной свободы, по земельной части, Н. Н. Бутлеръ — самъ отнюдь не сторонникъ общиннаго землевладѣнія: критикуя указъ 9 ноября и намѣчая тѣ постановленія, которыя могли бы заставить его, и онъ признаетъ необходимымъ «отрѣшиться отъ всякаго предвзятаго взгляда, отъ желанія непременно поддержать ее или разрушить». И мы оба оказались совершенно правы — правы не только теоретически, но и фактически. Однимъ изъ первыхъ выступилъ съ самымъ рѣшительнымъ осужденіемъ указа 9 ноября въ его части, касающейся «укрѣпленія», кн. Е. Н. Трубецкой, самъ рѣшительный противникъ общины и сторонникъ мелкой

крестьянской личной собственности: «способъ упраздненія общины,—писалъ онъ, также подъ свѣжимъ впечатлѣнiемъ указа,—таковъ, что онъ долженъ вызвать негодованiе въ особенности среди противниковъ общины и сторонниковъ частной крестьянской земельной собственности». Одними изъ первыхъ выступили съ самымъ рѣшительнымъ осужденiемъ указа видный теоретикъ аграрнаго вопроса въ русскомъ марксизмѣ, П. П. Масловъ, и другой писатель, стоящiй на той же идейной и теоретической почвѣ, С. Н. Прокоповичъ. На самыхъ, можно сказать, послѣднихъ дняхъ одинъ изъ ораторовъ оппозицiи въ 3-ей Государственной Думѣ, въ рѣчи своей по поводу правительственной декларацiи разоблачившiй дѣйствительный смыслъ аграрныхъ начинанiй правительства, открыто заявилъ, что онъ самъ — «поклонникъ» хуторскаго хозяйства. Выступившiй съ подобнымъ же разоблаченiемъ въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* А. С. Изгоевъ подчеркиваетъ свое личное убѣжденiе, «что развитiе среди крестьянъ началъ земельной собственности—явленiе неизбѣжное, прогрессивное и желательное». Ученикъ Д. И. Пихно, проф. Билимовичъ, всецѣло стоящiй на той же принципиальной почвѣ, на какой стоитъ правительство, опредѣленно заявляющiй, что «друзья свободнаго индивидуальнаго сельскаго хозяйства должны радостно поддерживать» ту часть указа 9 ноября, которая направлена къ ликвидацiи общины, въ рѣшенiи одного изъ затронутыхъ данною частью указа вопросовъ видитъ смѣшенiе «правильнаго съ крайне уродливымъ и ложнымъ», въ рѣшенiи другого усматриваетъ «ясный отпечатокъ поспѣшнаго и крайне необдуманнаго законодательнаго творчества послѣдняго времени»; какъ мы увидимъ ниже, онъ критикуетъ самыя существенныя постановленiя указа почти въ тѣхъ самыхъ выраженiяхъ, въ какихъ критиковалъ ихъ, въ свое время, пишущiй эти строки.

На самыхъ послѣднихъ дняхъ мнѣ попала въ руки небольшая статья *) берлинскаго профессора О. Э. Аугагена, одного изъ лучшихъ на Западѣ знатоковъ русскаго сельскаго хозяйства и русскихъ аграрныхъ отношенiй и—что для насъ въ данную минуту наиболѣе интересно—рѣшительнаго сторонника какъ принциповъ индивидуальной собственности и отрубнаго владѣнiя, такъ и самыхъ героическихъ способовъ проведенiя этихъ принциповъ въ жизнь. Проф. Аугагенъ готовъ примѣнить къ русскому общинному крестьянству принципы прусскаго законодательства о регулированiи землевладѣнiя: подвергать раздѣлу цѣлую общину, разъ требованiе объ этомъ предъявлено меньшинствомъ ея членовъ. «Крестьянинъ,—говоритъ онъ,—воспитанный въ общинѣ, долженъ быть принудительнымъ путемъ приведенъ къ своему собственному благу (muss eben zu seinem Wohle gezwungen werden)». Почтенный профессоръ упускаетъ при этомъ изъ виду, что принудительное уничтоженiе общиннаго землевладѣнiя,—это и съ юридической, и съ бытовой точки зрѣнiя совсѣмъ не то, что проведенное

*) „Die Zukunft der russischen Landwirtschaft“, въ издаваемой I. Wolf'омъ *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*.

прусскимъ аграрнымъ законодательствомъ принудительное уничтоженіе чрезполосности и сервитутныхъ отношеній между *личными земельными собственниками*. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ поборникъ принциповъ подворнаго владѣнія и героическихъ способовъ «насажденія» этого послѣдняго самымъ рѣшительнымъ образомъ критикуетъ указъ *съ точки зрѣнія интересовъ самого подворнаго владѣнія*: онъ критикуетъ самый порядокъ «укрѣпленія» и выдѣла, установленный указомъ 9 ноября, порядокъ, гдѣ активная роль предоставлена земскому начальнику, этому Mädchen für Alles русской бюрократіи, такъ блистательно доказавшему свою неспособность къ хотя бы формальному исполненію даже и ранѣ лежавшихъ на немъ, гораздо менѣ сложныхъ и трудныхъ обязанностей; онъ совершенно основательно предостерегаетъ и противъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приведетъ превращеніе отдѣльныхъ членовъ общины въ частныхъ собственниковъ, вкрапленныхъ среди земель общинной владѣнія: владѣлецъ десятковъ парцеллъ, разбросанныхъ среди общинной земли, будетъ стоять въ такихъ же отношеніяхъ къ остальному крестьянству, въ какихъ стоитъ къ нему сосѣдній помѣщикъ-землевладѣлецъ, и будетъ терпѣть со стороны послѣдняго все то, что терпѣть въ послѣднее время помѣщикъ.

Мы знаемъ, что правительство во что бы то ни стало хочетъ провести черезъ Государственную Думу свои предположенія и свои указы, направленные къ разрушенію общины и къ созданію на ея мѣсто мелкой крестьянской собственности. Мы знаемъ и то, что правительству, устами одного изъ видѣйшихъ представителей преобладающей въ третьей Думѣ партіи, г. Шубинскаго, обѣщана поддержка какъ въ данномъ частномъ вопросѣ, такъ и во всей вообще его земельной политикѣ. Мы знаемъ, что оппозиція въ третьей Думѣ бессильна, и останется бессильною, даже если къ ней примкнуть лучшіе изъ октябристовъ—тѣ, кто стоитъ, дѣйствительно, на почвѣ манифеста 17 октября, а не на почвѣ послѣдняго циркуляра или разъясненія. Но думское большинство, можетъ быть, всетаки задумается надъ тѣмъ, чего отъ него ожидаетъ увѣренное въ его повиновеніи правительство, если убѣдится въ томъ, что критика аграрныхъ указовъ и предположеній г. Столыпина и его сотрудниковъ—отнюдь не синонимъ оппозиціи во что бы то ни стало; что отрицательное отношеніе къ растерзанію общины отнюдь не синонимъ увлеченія общиной и общинными порядками; что критиковать и отвергать тѣ или другія изъ задуманныхъ или уже проведенныхъ въ жизнь аграрныхъ мѣръ правительства можно и должно даже и тѣмъ, кто стоитъ на одной съ правительствомъ принципиальной почвѣ, кто одинаково съ нимъ смотритъ на будущность нашего крестьянства и на условія возможнаго его процвѣтанія. Если же думское большинство останется послушнымъ указующему персту,—пусть оно знаетъ, на что оно идетъ, и пусть меньшинство категорически и очевидно для всѣхъ сниметъ съ себя отвѣтственность за то, чему оно не имѣетъ силы помѣшать.

Но желательно, чтобы меньшинство сняло съ себя и другую отвѣтственность: отвѣтственность за беспочвенную критику, за аргументы, бьющіе дальше цѣли, за доводы, которые сами собой напрашиваются на возраженія, за предложенія, вытекающія изъ «желанія во что бы то ни стало поддерживать общину».

Критикуя указъ 9 ноября, какъ и всю вообще аграрную политику нынѣшняго правительства, приходится считаться съ тѣмъ, что стремленіе къ выходу изъ общины,—это не выдуманный, а дѣйствительный фактъ, какъ дѣйствительный фактъ—наличность, вообще, теченій внутри самой общины, благопріятствующихъ ея разрушенію; вопросъ только въ томъ, какъ сильны или слабы эти теченія. Гдѣ община стремится къ разрушенію, тамъ ея нельзя и не слѣдуетъ поддерживать искусственными мѣрами; гдѣ есть общинники, желающіе выйти изъ общины, ихъ нельзя и не слѣдуетъ удерживать въ общинѣ насильно. Если—во что я лично вѣрю—община имѣетъ въ себѣ задатки жизни, ее и не къ чему поддерживать извнѣ: она сама сумѣетъ постоять за себя, она сама выживетъ, хотя бы изъ нея и вышли извѣстные, не уживающіеся въ общинѣ элементы.

Критикуя указъ 9 ноября, приходится считаться и съ тѣмъ, что этотъ указъ дѣйствительно стоитъ, принципиально, на той самой почвѣ, на какую стали составители положеній 19 февраля и которая нашла себѣ выраженіе въ ст. 12 общаго положенія о крестьянахъ, статью 106 положенія о выкупѣ распространенной на окончательно выкупленные надѣльные земли. Составители положеній 19 февраля создали чрезвычайно запутанное положеніе, предоставивъ каждому общественнику, участвовавшему въ выкупѣ общиною надѣльной земли, право требованія въ частную собственность участка земли, соразмѣрнаго какой-то неудовимой *«доля въ приобрѣтеніи земли»*; составители указа 9 ноября сдѣлали крайне неудачную попытку выйти изъ этого запутаннаго положенія или, вѣрнѣе, разрубить завязанный освободительнымъ законодательствомъ гордиевъ узелъ. Но принципиальная сущность дѣла отъ этого не измѣняется: положенія 19 февраля не создали, конечно, общины, но они были основнымъ закономъ, въ теченіе почти полулѣта регулировавшимъ земельныя отношенія внутри освобожденной отъ крѣпостной зависимости деревни; они создали такіе прецеденты и сдѣлались основой такихъ приобрѣтенныхъ правъ, съ которыми нельзя не считаться при разрѣшеніи, въ томъ или иномъ смыслѣ, вопроса о выходѣ изъ общины. Но считаю необходимымъ оговориться тутъ же: *не положенія 19 февраля создали общину*, и потому вытекающіе изъ нихъ логическіе и юридическіе выводы приемлемы постольку, поскольку они могутъ быть согласованы съ правами самой общины, какъ юридическаго лица, не положеніями 19 февраля созданнаго и не отъ положеній 19 февраля заимствовавшаго свое право на общинную землю.

Критикуя указъ 9 ноября, необходимо самымъ серьезнымъ образомъ считаться и съ тѣми хозяйственными соображеніями, которыя выставляются его защитниками. Было бы большою ошибкой, критикуя указъ, осно-

ывать эту критику на простомъ отрицаніи такихъ вещей, какъ отрубное владѣніе, хуторское хозяйство, свобода въ распоряженіи надѣльной землею и т. п. Конечно, то огульное увлеченіе хуторами и отрубными участками—хутора въ западномъ краѣ, хутора въ центрѣ, хутора въ Сибири, хутора, можетъ быть, на Новой Землѣ или въ средне-азиатскихъ пустыняхъ!—это увлеченіе, появившееся по мановенію начальства, было бы смѣшно, если бы не было... преступно. Но отрицать, что хуторское расселеніе и отрубное владѣніе, при извѣстной комбинаціи топографическихъ и хозяйственныхъ условій, представляетъ большія преимущества предъ череполосицей и длинноземельемъ; что извѣстные моменты преобразованія основъ крестьянскаго хозяйства требуютъ устраненія принудительнаго хозяйства и предполагаютъ свободу индивидуальнаго распоряженія землею, — это значитъ аргументировать доводами, стрѣляющими дальше цѣли, это значитъ вредить тому дѣлу, которое защищаешь. Если община имѣетъ право на существованіе—а я лично убѣжденъ, что она его имѣетъ,—то только потому, что она отнюдь не является синонимомъ череполосицы и длинноземелья, что она отнюдь не имѣетъ своимъ необходимымъ послѣдствиемъ принудительнаго хозяйства; но и наоборотъ: уничтоженіе, а тѣмъ паче, растерзаніе общины, отнюдь не синонимы хуторскаго расселенія, отрубнаго владѣнія и свободы хозяйственнаго распоряженія землею...

Принципиально, повторяю, нельзя и не слѣдуетъ отрицать необходимости законовъ, предусматривающихъ и регулирующихъ выходъ изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ, равно какъ и переходъ отъ общиннаго къ подворному владѣнію, поскольку этотъ выходъ и этотъ переходъ дѣйствительно являются требованіями жизни, а не измышленіями послушныхъ администраторовъ, а тѣмъ болѣе—не мѣрами «внутренней политики», въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Критикуя указъ 9 ноября, нужно критиковать не столько то, *что* этотъ указъ, по своей основной идеѣ, долженъ былъ достигнуть, сколько то, *какъ* составители указа разрѣшили поставленную ими себѣ задачу; критиковать не столько *идею* указа, сколько намѣченные указомъ *способы ея осуществленія*. И въ этой критикѣ, мнѣ кажется, нельзя быть достаточно строгимъ и даже рѣзкимъ.

Критиковать указъ 9 ноября можно и слѣдуетъ съ двойной точки зрѣнія: съ точки зрѣнія справедливости и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Критикуя указъ, можно ставить себѣ вопросъ: въ какой мѣрѣ онъ отвѣчаетъ тѣмъ насущнымъ хозяйственнымъ задачамъ, изъ которыхъ должна исходить и съ которыми должна считаться всякая аграрная политика; и можно ставить себѣ вопросъ: въ какой мѣрѣ права и интересы лицъ, выходящихъ изъ общины и поощряемыхъ въ этомъ правительствомъ, согласованы съ правами и интересами общины, какъ цѣлаго, и тѣхъ изъ членовъ общины, которые не желаютъ выходить изъ ея состава.

Становясь, сначала, на хозяйственную точку зрѣнія, приходится признать, что созданная указомъ 9 ноября форма череполоснаго общинноподворнаго владѣнія—это худшая изъ всѣхъ мыслимыхъ формъ землевладѣнія.

Въ цитированной выше интересной статьѣ А. С. Изгоевъ дѣлаетъ попытку выставить аграрную политику предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина какъ непосредственное продолженіе тѣхъ принциповъ, которые пятью годами раньше проповѣдовалъ Гродненскій губернаторъ П. А. Столыпинъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Гродненскій губернаторъ, для поднятія благосостоянія Россіи, признавалъ необходимымъ сдѣлать крестьянина самостоятельнымъ мелкимъ собственникомъ, уничтоживъ сервитуты, размежевавъ чрезполосныя земли и создавъ для этого хутора. «Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, — говоритъ А. С. Изгоевъ, — свой гродненскій опытъ распространялъ на всю Россію; спасеніе Россіи онъ по-прежнему видитъ въ созданіи класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, крѣпкихъ людей земли, ведущихъ хуторское хозяйство». Очень можетъ быть, что г. Изгоевъ правъ въ своемъ, впрочемъ не очень лестномъ для П. А. Столыпина, предположеніи: не очень лестномъ, потому что вѣдь не велика честь для вершителя судебъ необъятной Россіи исходить изъ узкаго «опыта» гродненскаго губернатора. Но прежде всего: Изгоевъ, мнѣ кажется, нѣсколько преувеличиваетъ, въ данномъ случаѣ, значеніе личной инициативы и личной убѣжденности вышшняго предсѣдателя совѣта министровъ: вѣдь идея превращенія русскихъ крестьянъ въ мелкихъ земельныхъ собственниковъ пропагандировалась еще С. Ю. Витте, предсѣдателемъ столь на шумѣвшаго въ свое время особаго совѣщанія; вѣдь основанные на этой идеѣ землеустроительные проекты перешли къ П. А. Столыпину, ни болѣе ни менѣе, какъ отъ гг. Стишинскаго и Гурко, и идея превращенія крестьянъ въ мелкихъ личныхъ собственниковъ звучала въ рѣчахъ представителей правительства не только въ третьей, но и съ первой Думѣ. Но главное: можетъ быть, предсѣдатель совѣта министровъ г. Столыпинъ, дѣйствительно, остается вѣрней своимъ гродненскимъ идеямъ, когда онъ инструктируетъ землеустроительныя комиссіи, когда онъ ликвидируетъ государственный земельный фондъ, когда онъ всю Россію и Сибирь собираетъ рѣзать на хуторскіе участки. Но онъ безусловно, хотя, вѣроятно, не сознательно, измѣняетъ этимъ идеямъ, когда подноситъ къ подписи и затѣмъ отставиваетъ указъ 9 ноября: потому что этотъ указъ создаетъ и, весьма возможно, увѣковѣчиваетъ именно то, противъ чего гродненскій губернаторъ боролся всѣми силами своего убѣжденія.

Какъ извѣстно, указъ 9 ноября совершенно раздѣляетъ два момента: «укрѣпленіе въ личную собственность», по требованію отдѣльнаго домохозяина, «причитающейся ему части» владѣемой имъ на общинномъ правѣ земли, и выдѣлъ укрѣпленной въ собственность земли, по возможности къ одному мѣсту. Первоначально, значить, душевой надѣлъ укрѣпляется въ личную собственность въ томъ самомъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ моментъ предъявленія соответственнаго требованія, т.-е., какъ правило, въ видѣ десятковъ длинныхъ и узкихъ полосъ, разбросанныхъ вперемежку съ землями общиннаго владѣнія. Переходъ укрѣпившаго за собою землю

домохозяина къ отрубному владѣнію можетъ послѣдовать внѣ передѣла не иначе, какъ по его требованію; такой переходъ, значить, не послѣдуетъ, если ему почему-либо выгодно остаться въ чрезполосномъ владѣніи. По требованію общества выдѣлъ къ одному мѣсту можетъ послѣдовать только при общемъ передѣлѣ. Но если общество принадлежитъ къ числу издавна не совершающихъ коренного передѣла, или если оно просто не собиралось производить передѣла? Составители указа 9 ноября какъ будто бы толкуютъ тѣ общины, гдѣ послѣдуетъ «укрѣпленіе», на передѣлъ или, точнѣе, на передѣлы, каждый разъ, когда понадобится отдѣлаться отъ чрезполосности съ новоявленнымъ чрезполоснымъ собственникомъ (а такіе собственники вѣдь могутъ появляться, когда имъ вздумается, хотя бы вслѣдъ за только что законченнымъ передѣломъ!); но именно только *какъ будто бы* толкуютъ: вѣдь по закону 8 іюня 1893 г. передѣлы могутъ происходить не чаще, чѣмъ черезъ 12 лѣтъ, и тотъ же законъ, пока не отмѣненный, даетъ земскому начальнику власть и вовсе не допускать передѣла; какимъ же образомъ можетъ общество добиться выдѣла къ одному мѣсту укрѣпленной въ собственность земли, если это будетъ противорѣчить видамъ укрѣпившаго ее домохозяина? А затѣмъ, вѣдь даже и при обоюдномъ согласіи и при отсутствіи формальныхъ препятствій, выдѣлъ отнюдь не такая простая вещь, какъ воображаютъ себѣ нынѣшніе фанатики хуторского расселенія и отрубного владѣнія. И если, опять-таки, такой выдѣлъ окажется почему-либо невозможнымъ или затруднительнымъ, то дробная чрезполосность земель личнаго владѣнія съ землями общины такъ и останется на неопредѣленное время.

Итакъ, по указу 9 ноября въ личную собственность укрѣпляются надѣльные полосы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ими пользовался отдѣльный общественникъ въ моментъ заявленія требованія о выдѣлѣ, — и только когда-нибудь впослѣдствіи имѣетъ послѣдовать, а можетъ и вовсе не послѣдуетъ, замѣна ихъ однимъ или немногими округленными участками. Такая замѣна, притомъ, тѣмъ легче можетъ вовсе не послѣдовать, что разъ въ извѣстномъ обществѣ земля будетъ укрѣплена за нѣсколькими или многими домохозяевами, то остается совершенно невыясненнымъ вопросъ, какъ согласовать требованіе о выдѣлѣ къ одному мѣсту, предъявленное частью или однимъ изъ нихъ, съ собственническими правами другихъ, не предъявляющихъ такого требованія: указъ, какъ будто, не устанавливаетъ для послѣднихъ обязанности подчиняться требованію первыхъ; значить, — либо наличность, вперемежку съ землями общиннаго владѣнія, образовавшихся по указу 9 ноября полосъ личнаго владѣнія, принадлежащихъ однимъ изъ бывшихъ общинниковъ, послужитъ непреодолимымъ препятствіемъ къ переходу другихъ на отрубные участки, — либо, напротивъ, этимъ «собственникамъ» придется передвигаться съ мѣста на мѣсто всякій разъ, когда кѣмъ-либо будетъ предъявлено требованіе о выдѣлѣ къ одному мѣсту и когда для этого придется дѣлать общую подвижку всѣхъ полосъ. А пока не послѣдуетъ выдѣла, до тѣхъ поръ, по указу 9 но-

ября, фиксируется какъ разъ то самое чрезполосное и мелкополосное, или, какъ его называютъ въ западномъ краѣ, шнуровое владѣніе, съ которыми такъ убѣжденно боролся гродненскій губернаторъ и предсѣдатель гродненскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Когда противникамъ общиннаго владѣнія и уравнительнаго землепользованія возражаютъ, что вѣдь и въ Малороссіи или юго-западномъ краѣ крестьянское хозяйство поставлено отнюдь не лучше, чрезполосица не меньше, а отдѣльный домохозяинъ не свободнѣе въ хозяйственномъ распоряженіи «собственной» землею,—они видятъ въ этомъ недостойный отводъ со стороны возражающихъ; они съ негодованіемъ восклицаютъ: да какое же это подворное владѣніе!... Это такая же община, только безъ уравнительныхъ передѣловъ. И вотъ, указомъ 9 ноября создается и, весьма вѣроятно, во многихъ случаяхъ увѣковѣчивается именно такая уродливая форма земле-владѣнія, какой послѣдовательные и дѣйствительно убѣжденные поклонники подворнаго владѣнія, вроде А. П. Никольскаго съ одной, А. И. Скворцова — съ другой стороны, даже не соглашаются признать за подворное владѣніе. И даже не такая форма, а гораздо худшая. Вѣдь указомъ 9 ноября создается чрезполосность земель общиннаго владѣнія съ полосами выдѣлившейся изъ этого владѣнія частной собственности. Авторы указа—какъ неоднократно отмѣчалось въ повременной печати—даже не задумались при этомъ надъ сложными вопросами, вытекающими изъ чрезвычайно трудной и даже, мнѣ думается, неразрѣшимой задачи: согласовать принадлежащее общинѣ право хозяйственнаго распоряженія угодьями, остающимися въ ея владѣніи, съ личнымъ правомъ и индивидуальнымъ усмотрѣніемъ чрезполосныхъ съ общиною личныхъ собственниковъ: можетъ ли личный «собственникъ» засѣять, чѣмъ ему вздумается, свои чрезполосные участки, можетъ ли онъ при этомъ огородить ихъ и такимъ образомъ перегородить общинныя земли? Или же онъ обязанъ въ хозяйственномъ отношеніи подчиняться устанавливаемымъ общиною распоряжкамъ?... Это—только одинъ вопросъ изъ безконечной цѣпи вопросовъ, вытекающихъ изъ чрезполосности земель общиннаго владѣнія съ выдѣлившимися изъ нихъ шнурами, владѣемыми на частномъ правѣ. Такого рода условія землевладѣнія, говоря словами Н. Н. Бутлера, «несовмѣстимы съ хозяйственною самостоятельностью общины, съ одной стороны, и выдѣлившагося домохозяина—съ другой: либо домохозяинъ долженъ подчиниться хозяйственнымъ порядкамъ, установленнымъ въ общинѣ, либо община должна сообразоваться съ условіями хозяйства, заведенными выдѣлившимся домохозяиномъ; эта взаимная зависимость исключаетъ какія-либо преимущества смѣшаннаго общинно-подворнаго владѣнія передъ чисто общиннымъ»; и въ концѣ-концовъ «при такомъ владѣніи недостатки общины напротивъ еще усмиваются, а средства къ ихъ ослабленію уничтожаются». Средства къ ихъ ослабленію уничтожаются, между прочимъ, потому, что угроза новыми требованіями объ «укрѣпленіи» со стороны большинства домохозяевъ будетъ серьезнѣйшимъ препятствіемъ для передѣла, при которомъ могла бы

быть уменьшена наличная череполосица; недостатки усиливаются, во-первыхъ, потому, что крестьяне, остающіеся въ общинѣ (а можетъ быть, какъ выше отмѣчено, и сами «укрѣпившіе»), будутъ постоянно находиться подъ угрозой всеобщей передвижки, вызванной требованіями о выдѣлѣ укрѣпленныхъ въ собственность земель къ одному мѣсту; а во-вторыхъ, еще и потому, что домохозяинъ, съ выгодой для себя и съ ущербомъ для общины укрѣпившій за собою свой надѣлъ,—это естественный врагъ общины, и владѣнія этого-то естественнаго врага будутъ десятками полосъ величены въ земли общиннаго владѣнія и въ свою очередь охвачены общинными землями.

Еще хуже, конечно, обстоятъ дѣло, если подойти къ вопросу съ точки зрѣнія справедливости. Правительство, всѣми силами возставшее противъ принудительнаго отчужденія у крупныхъ землевладѣльцевъ въ пользу малоземельныхъ крестьянъ, стало въ данномъ случаѣ на путь принудительнаго отчужденія... въ пользу большеземельныхъ у малоземельныхъ крестьянъ. Такой крикъ вырвался у пишущаго эти строки подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ указа 9 ноября,—и почти въ тѣхъ же словахъ оцѣниваетъ данную сторону указа проф. Билимовичъ, одинъ изъ тѣхъ, кто, въ принципѣ, «радно поддерживаетъ» указъ: «правительство,—говоритъ онъ,—въ данномъ случаѣ стало на путь отвергаемаго имъ для другихъ лицъ принудительнаго отчужденія,—и притомъ отчужденія земли у малоземельныхъ крестьянъ въ пользу крупноземельныхъ».

Какъ, конечно, извѣстно читателю, указъ 9 ноября различаетъ два случая: одинъ—общины, болѣе 24 лѣтъ не совершавшія коренныхъ передѣловъ; другой—гдѣ со времени послѣдняго передѣла прошло менѣе указанного срока. Общины первой категоріи признаются фактически перешедшими къ подворному владѣнію, и потому въ личную собственность укрѣпляется *вся* надѣльная земля заявившаго соответственное требованіе домохозяина, въ какомъ бы отношеніи количество ея ни стояло къ наличному составу его семьи. Въ общинахъ второго рода въ личную собственность выходящаго изъ общины домохозяина укрѣпляется земля, отведенная ему по послѣднему передѣлу,—если же составъ его семьи со времени передѣла сократился, то укрѣпленію подлежитъ такое количество земли, какое причитается, на основаніяхъ дѣйствовавшей при послѣднемъ передѣлѣ разверстки, на наличное число разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ.

Остановимся сначала на первомъ случаѣ. Правильно ли признавать общины, гдѣ 24 года не было кореннаго передѣла, фактически-перешедшими къ подворному владѣнію? Мнѣ кажется, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь при томъ до крайности предвзятомъ отношеніи къ общинѣ, какое характеризуетъ современныя правительственныя сферы. Въ Саратовской губерніи, по даннымъ, собраннымъ Б. Р. Качоровскимъ, число безпередѣльныхъ общинъ за время съ 1890 по 1900 гг., значить, *болѣе чѣмъ* черезъ 24 года со времени выхода крестьянъ на волю, сократилось съ 42,2 до 33,6%; значить, сотни об-

щинъ, болѣе 24 лѣтъ не производившихъ коренного передѣла, оказались однако *передѣльными* общинами. Но дальше: вѣдь община, кромѣ коренного передѣла, могла проявлять свою жизнеспособность и разнообразными другими способами; вѣдь передѣла не было, можетъ быть, просто потому, что его не допускалъ проникнутый ненавистью къ общинѣ земскій начальникъ, которому законъ 8 июня 1893 года далъ въ этомъ отношеніи фактически-неограниченныя полномочія; вѣдь въ общинѣ, болѣе 24 лѣтъ не производившей коренного передѣла, какъ разъ въ самое послѣднее время могла идти упорнѣйшая борьба за передѣлъ,—особенно упорная именно потому, что вліятельному меньшинству общественниковъ удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ особенно несоразмѣрное количество земли. И вотъ, является указъ 9 ноября и предоставляетъ однодушному или двухдушному, по наличному составу семьи, домохозяину укрѣпить за собою въ собственность хотя бы пять или шесть душевыхъ надѣловъ, когда-то отведенныхъ ему на бывшій налицо, въ моментъ передѣла, значительно бѣльшій составъ семьи. Является затѣмъ циркулярное «разъясненіе», предоставляющее желающему выйти изъ общины домохозяину укрѣпить за собою и душевые надѣлы, доставшіеся ему по послѣдовавшимъ послѣ передѣла переверсткамъ,—хотя законъ 8 июня 1893 года не допускаетъ переверстокъ и хотя, по смыслу самого указа 9 ноября, общины, гдѣ были только переверстки, должны признаваться безпередѣльными. Казалось бы, достаточно льготъ будущимъ мелкимъ личнымъ собственникамъ, этимъ излюбленнымъ дѣтищамъ современной бюрократіи? Оказывается, недостаточно. А вдругъ признаваемая безпередѣльною община осмѣлится не признать себя безпередѣльною и постановитъ приговоръ о передѣлѣ раньше, чѣмъ тотъ или другой общественниковъ предъявитъ требованіе объ «укрѣпленіи»? Казалось бы, дѣло ясно: община признала, что она есть община, и значить желающій выйти изъ нея долженъ получить столько земли, сколько ему будетъ причитаться по новой разверсткѣ. Такъ нѣтъ же: бюрократія, такъ рѣшительно перешагнувшая черезъ букву закона, когда ей понадобилось признать не производившую коренныхъ передѣловъ общину не-общиною, въ данномъ случаѣ, въ угоду своимъ «излюбленнымъ людямъ», ухватывается за букву закона и въ томъ же циркулярномъ разъясненіи заявляетъ: нѣтъ-съ, позвольте: вѣдь по закону 8 июня приговоръ о передѣлѣ дѣйствителенъ лишь съ того момента, когда онъ утвержденъ земскимъ начальникомъ; а до тѣхъ поръ—спѣшите, излюбленные люди, заявляйте требованія объ укрѣпленіи, и вы можете укрѣпить за собою хоть шесть, хоть восемь душевыхъ надѣловъ,—спѣшите, потому что когда земскій начальникъ утвердитъ приговоръ о передѣлѣ, вамъ достанется только на двѣ или на три души.

На первый взглядъ правильнѣе разрѣшенъ вопросъ о томъ количествѣ земли, какое выходящій изъ общины можетъ «укрѣпить» за собою, для общины, гдѣ передѣлы были. Правда, неразрѣшеннымъ остается вопросъ о долѣ участія выходящаго изъ общины въ выкупѣ «укрѣпляемой» въ

собственность земли: если я имѣю право укрѣпить за собою землю, доставшуюся мнѣ, положимъ, пять дѣтъ тому назадъ, по новому передѣлу, — значитъ я укрѣплю за собою землю, которую сорокъ дѣтъ выкупали *другіе*. Но съ этимъ, пожалуй, ничего не подѣлать, — въ данномъ случаѣ, можетъ быть, приходилось разрубать гордиевъ узелъ, за невозможностью точно установить долю каждаго общественника въ выкупѣ общественной земли.

Если же оставить это въ сторонѣ, то, казалось бы, мысль указа 9 ноября правильна: разъ допустить выдѣлъ изъ общины независимо отъ общаго передѣла, то, пожалуй, нѣтъ другого выхода, какъ предоставить каждому укрѣпить за собою столько, сколько ему причитается на основаніяхъ послѣдней разверстки. Но... что значитъ «на основаніяхъ разверстки»? Придирчивые критики истолковывали это, на первый взглядъ довольно ясное, выраженіе указа въ смыслѣ льготномъ для выдѣляющихся и направленномъ въ ущербъ остающимся въ общинѣ; критики менѣе придирчивые, вродѣ пишущаго эти строки, полагали, что «основанія разверстки» — это значитъ «основанія разверстки», и больше ничего. Явилось уже упоминавшееся циркулярное «разъясненіе», и оказалось, что «основанія разверстки» — это значитъ не основанія разверстки, а нѣчто совсѣмъ иное, — именно размѣръ разверсточной доли: если передѣлъ по работникамъ былъ 20 дѣтъ тому назадъ, и, скажемъ, на каждаго изъ 200 работниковъ досталось по 3 десятины; если теперь въ общинѣ имѣется 300 работниковъ и, значитъ, на каждаго причитается по двѣ десятины, то сколько земли причитается къ укрѣпленію на основаніяхъ послѣдней разверстки? По циркуляру оказывается — *по три* десятины. Но вѣдь если на такихъ основаніяхъ изъ общины выдѣлится, скажемъ, треть общественниковъ, если они увесутъ съ собою, каждый, по 3 десятины, то остальнымъ двумъ третямъ останется уже только — легко вычислить — по $1\frac{1}{3}$ десятины?... Ну такъ что же изъ этого — лишь бы развивалась мелкая личная собственность, столь милая сердцу нашихъ правителей...

И, наконецъ, вѣдь и тѣ, какъ оказывается, болѣе нежели скромныя гарантіи интересовъ остающихся въ общинѣ, какія установлены указомъ для общинъ, гдѣ были коренные передѣлы, тоже имѣютъ лишь условный характеръ: указъ 9 ноября предоставляетъ заявившему требованіе объ укрѣпленіи домохозяину удержать за собою не только «причитающуюся», но и не причитающуюся землю, — за послѣднюю онъ долженъ только заплатить обществу «по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину предоставленныхъ въ надѣлъ данному обществу угодій», т.-е. по цѣнѣ, существовавшей почти полвѣка тому назадъ. *Здѣсь* уже въ полномъ смыслѣ слова принудительное отчужденіе, и притомъ по явно несправедливой оцѣнкѣ; насколько она несправедлива, видно уже хотя бы изъ того, что *общество*, если оно не желаетъ или не можетъ выдѣлить своего бывшаго сочлена «по возможности къ одному мѣсту», должно заплатить ему уже не по первоначальной выкупной цѣнѣ, а «по оцѣнкѣ, установленной волостнымъ судомъ», — значитъ, не по когда-то бывшей, теперь завѣдомо

слишкомъ низкой, а по дѣйствительной, вѣроятно, въ нѣсколько разъ болѣе высокой цѣнѣ.

Я хотѣлъ оставаться совершенно спокойнымъ въ критикѣ указа 9 ноября. Это мнѣ не удалось—рѣзкая несправедливость этого указа, обусловленная стремленіемъ его составителей во что бы то ни стало поощрить тѣхъ, кто желаетъ образовать контингентъ мелкихъ личныхъ собственниковъ, такъ велика и такъ рѣзка, что о ней нѣтъ возможности говорить спокойно... И полезна ли эта несправедливость хотя бы съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя ставятъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ видъ, что ставятъ, себѣ составители указа? *Нѣтъ*, не полезна, а скорѣе вредна. «Какъ ни желательно,—говоритъ по нѣсколько иному, но аналогичному поводу многократно цитированный мною г. Билимовичъ,—содѣйствіе разверстанію вредной чрезполосности, расселенію на хутора и т. п., но помощь имъ должна состоять въ облегченіи обитѣна земель и другихъ специальныхъ мѣрахъ; земельный фондъ не долженъ раздаваться ради этихъ цѣлей обезпеченнымъ въ ущербъ наиболѣе нуждающейся части хозяевъ». У г. Билимовича рѣчь идетъ о *государственномъ* земельномъ фондѣ. Между тѣмъ указъ 9 ноября поощряетъ выходъ изъ общины даже не за счетъ государственныхъ земель, а *за счетъ земель, принадлежащихъ общинѣ* и долженствующихъ, по буквѣ и смыслу закона, по существу самой общины, служить источникомъ равномѣрнаго земельного обезпеченія всѣхъ ея членовъ. И это не только до возмутительности несправедливо,—это и крайне нецѣлесообразно съ точки зрѣнія тѣхъ прямыхъ задачъ, какія ставили себѣ составители указа: вѣдь если желающимъ обратиться въ личныхъ собственниковъ предоставлены особыя выгоды, въ ущербъ остающимся въ общинѣ, то «укрѣпленіе» и выходъ изъ общины изъ способа устраниенія «недостатковъ въ землепользованіи» и изъ средства улучшенія хозяйства, какими они должны и только и могутъ быть по идеѣ указа, превращаются въ простую спекуляцію: выходить изъ общины будутъ затѣмъ, чтобы закрѣпить за собою случайный излишекъ земли, а то и просто, чтобы попользоваться деньгами со своихъ однообщественниковъ; превращаться въ собственниковъ будутъ сплошь и рядомъ, можетъ быть и въ видѣ правила, не лучшіе, наиболѣе хозяйственные, а худшіе, наиболѣе беззапѣтчивые элементы; не наиболѣе крѣпкіе, а, наоборотъ, наиболѣе слабые, тѣ, которые, можетъ быть, подъ напоромъ кредиторовъ, будутъ укрѣплять за собою землю только для того, чтобы перепродать ее, быть можетъ, тѣмъ же кредиторамъ. Неужели въ *этомъ* можно видѣть цѣль «насажденія» мелкой крестьянской собственности?...

Печать прогрессивныхъ направленій осуждала указъ 9 ноября, между прочимъ, въ силу того соображенія, что «торжество возвѣщенныхъ въ немъ идей грозило бы крайнимъ осложненіемъ земельной реформы». *Этотъ* аргументъ, разумѣется, для правительства неубѣдителенъ — скорѣе, наоборотъ; неубѣдителенъ онъ и для современнаго думскаго большинства. Но вѣдь борьба съ малоземельемъ необходима и помимо широкихъ плановъ

земельной реформы. Отъ этой борьбы не отказывается, по крайней мѣрѣ на словахъ, и нынѣшнее правительство; она входитъ и въ программу большинства партій и группъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго думскаго большинства. А между тѣмъ сколько-нибудь широкое примѣненіе указа 9 ноября осложнитъ не только широкую земельную реформу,—оно до крайности затруднитъ и вообще борьбу съ малоземельемъ. «При наличности общины,—справедливо говоритъ Н. Н. Кутлеръ,—государство могло не считаться со случаями малоземелья, обусловленными не недостаточностью крестьянскаго надѣла, а неравномѣрностью его распредѣленія. Малоземелье, какъ слѣдствіе послѣдней причины, не требовало особыхъ мѣръ со стороны государства: устраненіе его являлось задачей самой общины. Но когда каждому члену общины предоставляется требовать укрѣпленія своего общиннаго пая въ личную собственность, то неравномѣрность распредѣленія земли въ общинѣ закрѣпляется навсегда, и она лишается возможности противодѣйствовать малоземелью отдѣльныхъ своихъ членовъ. Потерявъ въ общинѣ своего естественнаго союзника въ борьбѣ съ малоземельемъ, государство затрудняетъ и осложняетъ этимъ борьбу и для себя: землю надо найти не для цѣлыхъ общественныхъ союзовъ, а для отдѣльныхъ личностей; можно найти землю только внѣ фонда надѣльныхъ земель, хотя бы во многихъ мѣстностяхъ онъ оказался достаточнымъ для предотвращенія малоземелья». О расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, путемъ ли передачи соответственной части казенныхъ или банковскихъ земель, или путемъ переселенія, придется думать тамъ, гдѣ малоземелье могло быть устранено, просто, путемъ передѣла; съ требованіями о землѣ обратятся къ правительству всѣ тѣ малоземельные элементы внутри общинъ, которые до сихъ поръ могли надѣяться на передѣлъ. Мало того: съ требованіями о землѣ обратятся къ государству—неизбѣжно—многіе и изъ большеземельныхъ: именно всѣ тѣ, кто подъ давленіемъ нужды «укрѣпить» землю только для того, чтобы обезземелиться, чтобы продать свою новоявленную собственность...

Въ мою задачу совершенно не входитъ проектировать тотъ законъ, который могъ бы быть предложенъ оппозиціей и тѣмъ болѣе принятъ нынѣшнимъ думскимъ большинствомъ, взаимѣнъ указа 9 ноября. Интересующихся детальною разработкой вопроса въ направленіи *de lege ferenda* я позволю себѣ отослать къ прекраснымъ работамъ Н. Н. Кутлера, напечатаннымъ въ сборникѣ «Аграрный вопросъ» и въ недавнихъ номерахъ *Вѣстника Народной Свободы*,—работамъ, одинаково далекимъ какъ отъ безпринципнаго преклоненія передъ совершившимся фактомъ, такъ и отъ чрезмѣрно-доктринерскаго отрицанія его во что бы то ни стало. Мнѣ хотѣлось бы только замѣтить, въ заключеніе настоящаго очерка, тѣ исходные пункты, которые, мнѣ кажется, должны имѣться въ виду при просмотрѣ указа 9 ноября,—пункты, одинаково приемлемые какъ для умѣренныхъ сторонниковъ общины, такъ и для благоразумныхъ сторонниковъ

мелкой крестьянской собственности,—сторонниковъ по убѣжденію, а не по приказанію начальства.

Прежде всего: если мелкая личная крестьянская собственность имѣтъ преимущества передъ общиннымъ владѣніемъ, то только въ формѣ болѣе или менѣе округленнаго, сведеннаго если не въ одинъ, то въ очень небольшое число участковъ, отрубнаго владѣнія, въ хозяйственномъ отношеніи ничѣмъ не связаннаго съ землями ни общинъ, ни другихъ частныхъ владѣльцевъ. Поэтому «укрѣпленіе» въ личную собственность по-лосѣ общинной земли, перемѣшанныхъ съ землями общиннаго владѣнія, не должно быть допускаемо ни въ какомъ случаѣ; «укрѣпленіе» и «выдѣлъ», по возможности къ одному иѣсту», должны быть соединены въ одинъ актъ—актъ выдѣла изъ общиннаго владѣнія округленныхъ и пригодныхъ для самостоятельнаго веденія хозяйства отрубныхъ участковъ подворнаго владѣнія или личной собственности.

Далѣе: постановленія, касающіяся выдѣла изъ общины, должны быть таковы, чтобы не тормозить, но въ то же время и не поощрять такого выдѣла никакими внѣшними приманками, въ особенности же приманками за счетъ тѣхъ, кто остается въ общинѣ. Слѣдуетъ твердо помнить, что такого рода приманки не только являются крупною и ничѣмъ не оправдываемою несправедливостью по отношенію къ большинству членовъ общины, но что онѣ въ корнѣ извращаютъ самый смыслъ выхода изъ общины. Только при полномъ отсутствіи такихъ приманокъ, при полномъ безпристрастіи закона и его исполнителей по отношенію какъ къ выходящимъ изъ общины, такъ и къ остающимся въ ней, выходъ изъ общины можетъ стать, дѣйствительно, средствомъ для образованія самостоятельныхъ, способныхъ къ хозяйственному прогрессу единицъ, а не простою спекуляціею на разницу въ размѣрахъ землепользованія или въ стоимости «укрѣпляемой» въ личную собственность земли.

Затѣмъ: общинѣ должно быть предоставлено право замѣнять выдѣлъ земли въ собственность тѣмъ, кто изъ нея выходитъ, денежнымъ вознагражденіемъ въ безобидномъ для обѣихъ сторонъ размѣрѣ, лучше всего—опредѣляемомъ безпристрастнымъ судомъ, причемъ при опредѣленіи размѣра вознагражденія должны быть приняты въ соображеніе и выкупные расчеты. Это, ииѣ кажется, вытекаетъ уже изъ соображеній юридическаго характера: если ст. 12 общаго положенія воздала для отдѣльныхъ домохозяевъ нѣкоторое «приобрѣтенное право», то она не уничтожила и не могла уничтожить *правъ общины*, какъ юридическаго лица, владѣщаго общинною землею; и этому лицу должно быть предоставлено рѣшить, предпочитаетъ ли оно удовлетворить уходящаго изъ его среды общественника выдѣломъ въ натурѣ извѣстной части общаго достоянія, или же вознаградить его соотвѣтственною суммою денегъ. Но и независимо отъ этого, вѣдь, если каждый общинникъ долженъ пользоваться правомъ свободнаго выхода изъ общины, то изъ этого отнюдь не вытекаетъ его право уносить съ собою часть общинной земли: «естественнаго права» на

землю не признають—надо полагать!—и авторы указа 9 ноября; если нужно сдѣлать выходъ изъ общины экономически возможнымъ, то эта, пожалуй, вполне законная цѣль будетъ вполне достигнута выдачею выходящему денежной суммы, равноцѣнной стоимости причитающейся ему доли земли. А съ другой стороны: вѣдь если надо позаботиться о выходящемъ, то надо вѣдь подумать и объ остающихся въ общинѣ; надо предусмотрѣть возможность случаевъ, когда выдѣлъ какой бы то ни было части угодій будетъ слишкомъ невыгоденъ для нихъ въ хозяйственномъ отношеніи, и въ такихъ случаяхъ предоставить общинѣ давать уходящимъ, взаменъ земли, денежное вознагражденіе.

И наконецъ: предоставляемое выходящему изъ общины право «укрѣпленія» за собой и выдѣла причитающейся ему доли общинной земли должно быть приурочено къ общему передѣлу общинныхъ земель. Это, во-первыхъ, потому, что лишь при общемъ передѣлѣ есть возможность безобидно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, — для общины и для тѣхъ, кто изъ нея выходитъ — опредѣлить ту долю общинной земли, которая причитается послѣднимъ, въ соответствіи съ наличнымъ составомъ какъ всего общества, такъ и данной семьи; только этимъ путемъ будетъ избѣгнута грубая несправедливость по отношенію къ общинѣ, какъ цѣлому, только при этомъ условіи выходъ изъ общины перестанетъ быть привилегіей тѣхъ, въ чьемъ владѣніи случайно оказались несообразно большія доли общинной земли, и станетъ въ зависимость отъ тѣхъ мотивовъ, которыми онъ, дѣйствительно, и долженъ опредѣляться, — отъ степени развитія въ отдѣльныхъ участникахъ индивидуализма и хозяйственной инициативы, можетъ быть, дѣйствительно не находящей себѣ въ рамкахъ общины достаточнаго простора. И, во-вторыхъ, выдѣлъ къ одному или къ немногимъ мѣстамъ участковъ, укрѣпляемыхъ въ личное владѣніе, невозможенъ безъ такого или иного измѣненія землепользованія остающихся въ общинѣ членовъ; «удовлетвореніе требованій выдѣляющихся во всякое время, по справедливому замѣчанію опять-таки Н. Н. Кутлера, было бы равносильно лишенію остающихся въ общинѣ членовъ возможности вести какое-либо хозяйство; единственный моментъ, когда община можетъ произвести выдѣлъ безъ затрудненій и стѣсненій для своихъ членовъ—это моментъ передѣла». Необходимо только регулировать дѣло такимъ образомъ, чтобы передѣлъ не могъ быть оттягиваемъ на неопредѣленное время: предоставить желающимъ выдѣла, разъ ихъ набралось болѣе или менѣе значительное число, право требовать передѣла въ теченіе не слишкомъ продолжительнаго, закономъ установленнаго срока, при нежеланіи же общины подчиниться этому требованію, безотлагательно получить соответственное денежное вознагражденіе, сообразованное съ наличнымъ составомъ ихъ семействъ и рассчитанное хотя бы на тѣхъ основаніяхъ разверстки, какія были приняты общиною при послѣднемъ передѣлѣ.

А. Науфманъ.

Третья Дума.

Еще ни разу третья Государственная Дума не засѣдала при ясномъ свѣтѣ дня. Она родилась въ полутемный, сырой и холодный ноябрьскій день. Вздрагивая отъ жесткихъ ласкъ сѣвернаго вѣтра, не весело качаютъ своими голыми вершинами вѣковыя деревья Потемкинскаго сада и машутъ они длинными черными вѣтвями, точно посылаютъ кому-то послѣднее, прощальное привѣтствіе. Туманъ ползаетъ между стволами, стелется по длиннымъ аллеямъ, припадаетъ холодной влажной грудью къ невысокимъ стѣнамъ благаго дворца. Ни разу еще солнце не засмѣялось, не заглянуло въ просторныя окна думской залы.

Здѣсь, какъ въ театрѣ, льется изъ старинныхъ, блѣднаго золота, украшенныхъ Екатерининскими орлами люстръ яркій, щедрый, но мертвенный и искусственный электрическій свѣтъ. Не онъ ли придастъ третьей Думѣ характеръ чего-то ненастоящаго, какаго-то зрѣлища, далекаго и чуждаго? Быть можетъ, и первая Дума была театромъ, трагическимъ дѣйствомъ, разыгрывавшимся не только на глазахъ всего народа, но и при непосредственномъ участіи этого народа, какъ когда-то игрались трагедіи. Тамъ дѣйствующія лица и хоръ, и толпа—все было связано однимъ порывомъ, едва ли даже не мистическимъ. Теперь эта связь порвалась, ушла куда-то вглубь, спряталась. Думскіе подмостки стали тѣсными и тоже отошли вглубь. Нѣтъ больше историческаго дѣйства, есть только черныя слухи китайскихъ тѣней.

Для журналиста это впечатлѣніе усиливается еще и чисто внѣшними условіями. Новыя правила выбросили насъ—кромѣ немногихъ избранныхъ—за бортъ парламентской жизни, сдѣлали насъ публикой, обособили отъ менѣе видныхъ, но часто наиболѣе важныхъ кулуарныхъ впечатлѣній. Мы не можемъ подойти ближе, присмотрѣться, уловить отдѣльныя черточки, простую, а не трибунную психологію депутатовъ. А въ этой Думѣ это было бы особенно интересно, такъ какъ тѣ, кто, благодаря закону 3 іюня, явились хозяевами Таврическаго дворца, во многихъ отношеніяхъ для насъ такъ же непонятны, какъ непонятна душевная жизнь какихъ-нибудь племенъ, живущихъ на другомъ полушаріи. Первые Думы были полны

интеллигенціей, давно сумѣвшей проявиться, высказать и дѣлами и словами все свое міросозерцаніе. Это была все та же интеллигенція, создававшая печать, журналистику, литературу. Это были все старые знакомые, близкіе и понятные, даже при полномъ политическомъ разногласіи. Но третьи выборы распахнули двери къ политической дѣятельности для другихъ, совершенно не сходныхъ съ прежними избранными.

Отъ этого несходства легко отдѣлаться огульнымъ осужденіемъ, острымъ словомъ, злобной и пренебрежительной кличкой. Такая кличка цѣпко впиалась въ новыхъ хозяевъ еще раньше, чѣмъ они пришли въ Таврическій дворець. Надо отдать должное Маркову 2-му, удачное пустилъ онъ въ ходъ слово. И всетаки хочется за старымъ названіемъ «зубры» найти человѣческія лица, особыя примѣты, индивидуальности,— не говоря уже о теченіи или пластвѣ, выбросившемъ этихъ людей на поверхность. Какъ они намъ ни чужды, какъ бы ни казались намъ непривлекательны и нежизненны ихъ взгляды, мысли и домогательства, но вѣдь и они вскормлены все той же русской дѣйствительностью, которую мы такъ страстно жаждемъ обновить, перестроить, пересоздать.

Парламентъ встаетъ передъ нашими глазами, точно громадная раскрытая книга, гдѣ мы читаемъ обо всемъ, что есть въ народѣ просвѣтленнаго и затемненнаго, мощнаго и дряхлаго, умнаго и тупого, духовнаго и звѣринаго, творческаго и бессмыльнаго. И когда исторія безстрастной рукой переворачиваетъ эти страницы, передъ нами проходятъ все переживанія и возможности, силетающіяся въ многомилліонной народной душѣ.

Сейчасъ страницы покрыты путаными и темными письменами. Едва ли не яснѣ всего выступаютъ на нихъ слова, сказанныя депутатомъ Келеповскимъ. Именно такой человѣкъ, какъ онъ, грубый, темный, у котораго мозги шевелятся съ такимъ усиліемъ, точно онъ сдвигаетъ не мысли, а тяжелые необтесанные камни, именно онъ и долженъ съ циничной откровенностью сказать:

— Справедливость заключается въ томъ, чтобы воздавать всякому той мѣрою, которой онъ мѣритъ.

Этотъ принципъ отмщенія, это злобное око за око съ первыхъ же дней нависло надъ третьей Думой, слышалось въ рѣчахъ правыхъ ораторовъ, въ торжествующихъ кликахъ, которыми сопровождался эти рѣчи. Упоеніе побѣдой, сознаніе, что ненавистная оппозиція въ меньшинствѣ, такъ кружили головы, что порой засѣданія Думы принимали характеръ пляски надъ поверженными тѣлами враговъ. Гоготанье г. Келеповскаго, междометія гр. В. Бобринскаго, ухарскія восклицанія г. Пуришкевича, выкрикиванья г. Крупенскаго, шуточки г. Маркова 2-го,— все это придавало Думѣ непривычный характеръ, который переносился и на суть думскихъ отношеній. Зажать ротъ противникамъ, не дать имъ высказаться до конца, поставить надъ преніями гильотину, въ видѣ закрытія списка, или ограниченія времени, не пустить ихъ въ комиссіи, все это безпренятственно продѣлывалось новымъ думскимъ большинствомъ.

Правые, все время твердившіе о порядкѣ и твердой власти, сами на каждомъ шагѣ нарушали порядокъ и не признавали единственной, но зато несомнѣнной думской власти,—власти председателя. Да и самъ Хомяковъ точно терялся подъ ихъ бурнымъ напоромъ. Полуприкрывъ лицо рукой, поглядывалъ онъ на правыя скамьи, откуда неся беспорядочный шумъ, гулъ, смѣхъ, крики, нерѣдко заглушавшіе оратора, и, быть можетъ, порой въ душѣ председателя третьей Думы вспыхивала зависть къ властному авторитету председателя первой Думы. Было что-то въ спокойномъ, величавомъ голосѣ Муромцева, что подчиняло и укрощало не только Аннина но даже самого Аладина. Несмотря на всю страстность, на всю ликорадостность Думы перваго призыва, въ ней была внутренняя дисциплина, свидѣтельствующая прежде всего о глубокомъ пониманіи своей отвѣтственности.

Съ тѣхъ поръ наше представительство необыкновенно опростилось. Нынѣшняя, дворянская дума оказалась гораздо менѣе благовоспитанной, чѣмъ первая, «мужицкая» дума. Точно изъ старыхъ помѣщичьихъ домовъ они привезли съ собою закаменѣлыя традиціи и ухватки какихъ-то гоголевскихъ, дореформенныхъ типовъ.

Пуришкевичъ, неизмѣнно опьяненный самъ собой, неупорно держимый потокомъ собственныхъ рѣчей, лепечетъ что-то о томъ, что онъ «говоритъ не только для Россіи, но и передъ всѣмъ міромъ, передъ Европой». И кажется, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ закричитъ срывающимся голосомъ, какъ 30,000 курьеровъ бѣгутъ къ нему на пятый этажъ. Но уже изъ-за бесмертнаго лица И. А. Хлестасова выглядываетъ трагическое лицо Поурщина-Альфонса XIII: «Для блага русскаго народа я работаю не менѣе 18 часовъ въ сутки». «Васъ прошу не аплодировать, вы оскорбляете меня своими аплодисментами».

И рядомъ вертится Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ пріятель, онъ кланяется, онъ улыбается, его спина гнется въ сторону министерскихъ креселъ съ совершенно юношеской гибкостью. Съ румяныхъ, ласковыхъ устъ каждую минуту готово сорваться священное слово—ваше превосходительство!

— Я никогда не позволю себѣ задавать нескромные вопросы, кто и какъ истратитъ эти деньги. Я увѣренъ, я совершенно увѣренъ, я считаю своимъ долгомъ быть увѣреннымъ, что эти деньги будутъ истратены правительствомъ на пользу населенія.

Такой страстной почтительностью провизана при этомъ и вся фигура и сладкій голосъ, что хочется поскорѣе разгадать: гдѣ же тутъ спрятаны мертвыя души?

Вотъ въ рѣчахъ Маркова 2-го нѣтъ никакихъ загадокъ, ничего сиританаго. Развязный до ухаинства, онъ любитъ острить и самъ первый смѣется своимъ тяжелымъ, дубинообразнымъ шуткамъ. Для него нѣтъ ни трудностей, ни сомнѣній. Все упрощено до пещерной простоты. Въ доброе старое время изъ него вышелъ бы отличный щедринскій градоначальникъ, изъ

тѣхъ, что всю силу души вкладывали въ пожарную команду. Летать бы ему, стоя на дрожжахъ, съ рукой на отлетѣ, съ пожара на пожаръ... Но времена переѣнились, и Марковъ 2-й призванъ уже не къ пожарной, а къ государственной дѣятельности.

Впрочемъ, онъ и самъ признался, что онъ не знатокъ государственныхъ дѣлъ, а только скромный «любитель государства». Почему-то въ стенограммѣ это удачное словечко замѣнено несладнымъ—государстволюбомъ. И напрасно. Самъ Марковъ и его соратники—именно любители, ставшіе ответственными актерами большого и сложнаго государственнаго дѣйства. И не потому только, что они неопытны въ парламентской техникѣ, путаются въ голосованіи, не умѣютъ слушать, не особенно складно умѣютъ говорить. Нѣтъ, это любительство заложено гораздо глубже, исходитъ изъ полной непривычки думать, обобщать, охватывать мыслью жизнь государственнаго организма въ его цѣломъ. Не безъ простодушія гордятся они этой непривычкой, считая, что такъ и надо, что книжный опытъ затѣмняетъ опытъ житейскій. Еще на августовскомъ земскомъ съѣздѣ Марковъ 2-й говорилъ съ обычнымъ хихиваньемъ:

— Мы, слава Богу, черпаемъ свои знанія не изъ книжекъ Долгоруковыхъ и Шаховскихъ, а прямо изъ жизни.

Но парламентъ—не дворянское собраніе и не дворянскій съѣздъ. Есть у него свои требованія и своя выучка, отъ которой не уйти даже самобытнѣйшимъ изъ истинно-самобытныхъ людей. Тутъ нельзя отдѣлываться ни выкриками, ни манифестаціями, ни патриотическими цитатами. Надо прежде всего научиться логикѣ, надо умѣть отстаивать и доказывать свои мысли. Конечно, когда нехватаетъ аргументовъ, у большинства есть аргументъ неопровержимый—голосованіе. Но хотя г. предсѣдатель совѣта министровъ и сказалъ, что нельзя превращать Государственную Думу въ древній циркъ, въ зрѣлище для толпы, однако на немъ самомъ видно, какъ невольно каждый, вступившаго на думскую трибуну, захватываетъ это сознаніе всенародности, публичности всякаго произнесеннаго въ этой залѣ слова, всякой, хотя бы вскользь брошенной мысли. Это едва ли не единственное во всей Россіи мѣсто, гдѣ даже сторонники простого и обнаженнаго насилія чувствуютъ острую потребность во что бы то ни стало дать этому насилію и логическое обоснованіе и моральную опору. Въ этомъ стремленіи главный трагизмъ нынѣшняго парламента; быть можетъ, въ немъ же таится источникъ спасенія для юнаго, но уже тяжело больного русскаго народнаго представительства.

Эта открытая, не канцелярская, а дѣйствительно политическая работа будитъ въ людяхъ честолюбіе, волю къ власти, онирающуюся уже не на мелкое сословное самодурство, не на простое—чего моя нога хочетъ, а на нѣчто болѣе широкое и, если хотите, болѣе благородное. Даже самый дикій португей-юнкеръ не можетъ явиться въ Думу съ аралникомъ въ рукахъ, не можетъ тычками загонять «братцевъ-мужичковъ» къ баллотировочнымъ ящикамъ. Если онъ желаетъ занять хоть какое бы то ни было

мѣсто, имѣть хоть какое бы то ни было вліяніе—а это желаніе уже грызеть душу десятка маленькиѣхъ людей, копошащихся на правомъ флангѣ,—ему приходится искать не только хорошихъ словъ, но даже и, хоть плохонькиѣхъ, да мыслей. Больше того, надо найти дорогу къ общественному мнѣнію, къ тому самому общественному мнѣнію, которое до 17 октября считалось чѣмъ-то несуществующимъ, какой-то черной нежитью, вызывающей высокоумное пренебреженіе людей, держащихъ въ своихъ рукахъ громы земные. Какъ бы ни старались эти руки загнать въ могилу все, что вышло послѣ 1905 г. изъ подполья на поверхность жизни,—пока существуетъ Дума, имъ всетаки приходится признавать существованіе общественнаго мнѣнія и даже не безъ тревоги заглядывать ему въ глаза. Официальная, офиціозная, оплачиваемая и просто поощряемая печать никогда не вызвала столько и расходовъ, и вниманія со стороны правительства, какъ сейчасъ.

Какъ испугался въ Думѣ правый депутат Новицкій, когда въ отвѣтъ на его простоватое предложеніе отложить всѣ продовольственные вопросы и ассигновки до принятія земской реформы, раздалась горячая и укоризненная рѣчь Шингарова.

— Да я... да что... да я готовъ мужичкамъ не 7, а 77 милліоновъ дать,—растерянно выкрикивалъ Новицкій.

Но мужицкая «гора», эти неподвижные, молчаливые, послушные крестьяне, наполняющіе собой всю верхнюю правую часть думскихъ скамеекъ, угрюмо слушали эти запоздалые выкрики. Зато слова Шингарова они подчеркнули шумными и неожиданными аплодисментами, вызвавшими не малый переполохъ среди правыхъ диктаторовъ.

Даже Марковъ, этотъ типичнѣйшій представитель прусскаго юнкерства, привитаго къ самобытному корню русскаго помѣстнаго дворянства, быстро освободился въ Думѣ отъ привычки обзывать крестьянъ дикарями, ворами, пьяницами. Давно ли, на съѣздѣ въ Москвѣ, кн. Волконскому пришлось остановить потокъ этихъ ласковыхъ эпитетовъ не менѣе ласковымъ напоминаніемъ о библейскомъ Хамѣ, забывшемъ, чьи труды его вскормили и вспоили. Въ Думѣ такихъ напоминаній дѣлать не приходится. Здѣсь и Марковы не только государстволюбы, но и народолюбы.

Эта, съ позволенія сказать, любовь, конечно, довольно примитивнаго свойства и отмѣчена самымъ плоскимъ, самымъ раздѣтымъ демагогизмомъ. Но и въ ней сказывается повелительность парламентской жизни, которая требуетъ отъ народныхъ представителей умѣнья все облечь въ извѣстныя идейныя формы. И еще требуетъ она отъ нихъ умѣнья работать. Приходится учиться, иначе попадешь въ то шутовское положеніе, которымъ отмѣчены всѣ дѣловыя выступленія третьей Думы, начиная съ перваго доклада о 7 милліонахъ на продовольствіе, когда цѣлая коммиссія не замѣтила, не сообразила, а можетъ быть и не знала, что такимъ путемъ этого кредита испрашивать нельзя. Любопытно, что, когда Колюбакинъ просто, ясно и спокойно указалъ и эту неправильность и какъ надо поступить, то горячѣе

всего возражалъ противъ «пустой формалистики» гибкой конституционалистъ гр. Уваровъ. Но комиссія загнала Думу въ такой тупикъ, что, несмотря на отчаянное и упорное стремленіе большинства поступать какъ угодно, только бы не такъ, какъ предлагаетъ партія народной свободы, пришлось послушаться Колубакина и направить докладъ по указанному имъ пути. Тѣмъ болѣе, что даже министерскій чиновникъ къ этому применилъ.

Та же участь постигла мелкій, но характерный докладъ финансовой комиссіи объ отѣнѣ личной подати въ Измайльскомъ уѣздѣ. Г. Крупенскій былъ въ непривычной роли докладчика. До сихъ поръ онъ произносилъ, вѣрнѣе, выкрикивалъ съ трибуны, а еще чаще съ мѣста, одну, много двѣ фразы, да и то скорѣе рѣшительныя, чѣмъ связныя. И вотъ какіе-то шутники навязали этому отважному рыцарю стараго строя обязанность докладчика. Тутъ уже нельзя было однимъ прыжкомъ вспорхнуть отъ мѣста къ трибунѣ, крикнуть, и вторымъ прыжкомъ упорхнуть обратно. Надо какъ-нибудь развить, обосновать, изложить сущность дѣла и даже отвѣтить потомъ аргументами на аргументы оппонентовъ. Баронъ Мейендорфъ указалъ, что проектъ лишаетъ земскіе и городскіе совѣты права раскладки налоговъ, такъ какъ по этому проекту податной инспекторъ можетъ поставить свое единоличное veto надъ рѣшеніями коллегіи. Эти дебаты дали возможность Пуришкевичу выступить въ защиту самоуправленія. Но даже его выпады противъ чиновничьей опеки не натолкнули бѣднаго г. Крупенскаго на истинный путь, и онъ не нашелъ ничего умнѣе, какъ заявить, что надъ проектомъ долго думали министерскіе чиновники, а если они ничего лучше не придумали, значить и придумать нельзя.

Но оказалось, что для Думы канцеляріи не авторитетъ. Проектъ отправленъ назадъ въ комиссію, и Крупенскому придется снова выступать докладчикомъ, снова исполнять, несвойственную его природѣ, роль человека, обязаннаго что-то докладывать и излагать. Быть можетъ, тамъ, въ интимной замкнутости финансовой комиссіи, его на этотъ разъ услѣбуютъ подготовить къ нелегкому дѣлу.

До сихъ поръ, отчасти благодаря положенію прессы, отчасти изъ-за недовѣрчивой сдержанности депутатовъ, эта интимность соблюдалась довольно строго. Жизнь комиссій, эта едва ли не важѣйшая часть всей парламентской жизни, оставалась скрытой таинственнымъ флеромъ недосказанности и полусвѣдѣній. Правое большинство, захватившее комиссіи въ свои руки, вообще не особенно долюбливаетъ прессу. Но неутомимые всезнайки-репортеры всетаки добрались и до этихъ невидныхъ источниковъ думскаго бытія. И та вялость, та безтолочь, то настроеніе комиссіонной дѣятельности, о которой рассказываютъ репортеры, даетъ интересное объясненіе несообщительности депутатовъ. Дѣйствительно, пока сообщать почти что и нечего. Нагородили комиссій въ полтора раза больше, чѣмъ ихъ было въ прежнихъ двухъ Думахъ, а что будутъ дѣлать эти 23 комиссіи, оставалось полувзвѣстнымъ. Не только въ Думѣ спорили

о томъ, чѣмъ должна заниматься комиссія государственной обороны—врагами вѣшними или врагами внутренними,—но и «внутри» комиссія безъ конца разсуждала о своихъ правахъ и компетенціяхъ. Комиссія по исполненію росписи, очевидно, исходя изъ той же почтительной скромности, которую изливаетъ на каедрѣ гр. Уваровъ, весь ноябрь и декабрь спорила о томъ—прилично ли разсматривать цѣлесообразность отдѣльных статей росписи. Не будетъ ли вѣжливіе ограничиться бухгалтерской провѣркой? Все таки рѣшили дерзнуть на разсмотрѣніе по существу и въ январѣ собираются приступить къ дѣлу *).

Но о ходѣ комиссіонныхъ работъ краснорѣчивѣе всего говорятъ внесенные въ Думу доклады о 7 милліонахъ и о подати въ Измаильскомъ уѣздѣ. Въ счастью, до сихъ поръ идетъ дождь изъ мелкихъ законопроектовъ, которые, быть можетъ, окажутся школой, дадутъ не только вѣшній навыкъ къ думской работѣ, но и вспашутъ дѣйственные мозги людей, не привыкшихъ утруждать себя отвлеченностями.

Впрочемъ, и въ комиссіяхъ иногда вспыхиваютъ проблески другихъ возможностей. То—спокойное, но язвительное препирательство съ министромъ финансовъ объ условныхъ кредитахъ, израсходованныхъ вопреки законамъ, о неизбежности которыхъ самъ г. Коконцевъ тутъ же въ комиссіи долго и вѣско распространялся. То—кто-нибудь изъ оппозиціи не выдержитъ и произнесетъ укоризненную, искреннюю, а главное проникнутую такимъ общегосударственнымъ пониманіемъ рѣчь, что даже самые неизбежно правые депутаты слушаютъ его съ угрюмымъ недоумѣніемъ. Отрывисто, оторванно звучатъ эти рѣдкія рѣчи. Нѣтъ на нихъ отклика. Но разъ, когда одинъ изъ членовъ партіи народной свободы, съ неожиданной даже для него самого горячностью, разразился въ аграрной комиссіи цѣлой филиппикой и потомъ съ горечью корилъ себя, оглядывая своихъ примолкнувшихъ слушателей, онъ почувствовалъ, что чья-то рука ложится на его плечо и дружескій голосъ говорить:

— Не забывайте, что въ Думѣ вы не будете такъ одиноки, какъ здѣсь...

Онъ съ удивленіемъ обернулся. За нимъ стоялъ одинъ изъ видныхъ и популярныхъ октябристовъ.

Тускло и блѣдно пока въ третьей Думѣ. Точно жизнь сузилась, обмельчала, затаилась.

И все таки на сѣромъ пологѣ нескладныхъ будней вспыхнуло яркимъ пожаромъ могучее, неумирающее, всегда творческое народное самосознаніе. И все таки въ книгу жизни третьей Думы вписана такая пламенная, такая жгучая страница, отъ которой расправляется душа, уставшая отъ безстыдныхъ воплей бликушъ патріотизма.

* Всѣ свѣдѣнія о комиссіяхъ почерпнуты мною изъ газетъ, и я всадѣло оставляю ихъ на отвѣтственности репортеровъ. А. В.

Речь Родичева шагнула далеко за предѣлы парламентскаго событія, она стала событіемъ общественнымъ, быть можетъ, даже національнымъ. И не только тѣ, кто имѣли счастье слышать это до экстаза вдохновенное слово, но и тѣ, кто просто читали его въ печати, не могли не испытывать глубокаго чувства облегченія.

Русская интеллигенція въ своей безграничной любви къ родинѣ полна какой-то монашеской, аскетической стыдливости, боится даже произнести слова любовь, патриотизмъ, національность. Родичевъ переступилъ черезъ эту ложную робость, онъ властно поднялъ передъ народными представителями запачканное знамя національной гордости и показалъ, на какихъ незыблемыхъ твердыхъ права, закона и справедливости должно быть водружено это знамя.

Больше того. Онъ воскресилъ лучшія традиціи славянофильства, заговорилъ о томъ, что Россія можетъ и должна стать очагомъ славянской мысли, славянскаго самосознанія.

И бодрящее, свѣжее вѣяніе глубокой и жизненной національной идеи пронеслось надъ затихшей, пораженной, покоренной думскою залой.

А. Вергежскій.

Литературныя замѣтки.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ *Русской Мысли* (1907 г., IV) намъ приходилось уже говорить о *Жизни человека* Л. Андреева, теперь опять привлекая къ себѣ вниманіе на сценѣ Художественнаго театра. Последній, сообразуясь съ духомъ пьесы, отрѣшился отъ своего обычного реализма и воплотилъ произведеніе г. Андреева въ чертахъ легкихъ и намекающихъ, далъ тѣни людей, схему существованія, призракъ вещей. Возникло жуткое впечатлѣніе кошмара, такъ что, напримѣръ, «Балъ у чело-вѣка» походилъ на паннихиду и сквозь личину веселья показывала жизнь свое трагическое лицо, и пляской смерти были наши прозаическіе танцы. Эта, столь часто помимаемая нынѣ, стилизація была вполне умѣстна, и если бы не артистъ, очень дурно исполнявшій Нѣкоего въ сѣромъ, спектакль создалъ бы стройное впечатлѣніе мистики и фатума. И недаромъ въ наши дни театръ повернулъ въ сторону отъ прежняго натурализма, отказался отъ внутренне-безплодной попытки воспроизводить обыденную жизнь: сама жизнь въ такомъ удвоеніи и повтореніи не нуждается, да и современные зрители не смотрятъ на рампу какъ въ зеркало,—имъ нужно увидѣть со сцены не будничное лицо дѣйствительности, а ея ликъ, ея символъ, ея *другое*. Какъ бы мы ни идеализировали значеніе театра, нельзя отрицать, что онъ—великая игрушка, а психологическій смыслъ и цѣнность игрушки заключаются именно въ томъ, что она незакончена, что она неготова, что она предлагаетъ не самую вещь, а ея идею; педагоги давно уже знаютъ, какъ равнодушны дѣти къ такимъ игрушкамъ, которыя слишкомъ похожи на свой реальный прототипъ. И тѣ взрослые дѣти, которыя послѣ житей-скаго дня отдають свой вечеръ обаянію вымысла, не найдутъ себѣ удовольствія и отрады въ точной копіи съ опостылѣвшаго подлинника. Для того чтобы они могли простить театру его пошлую технику, всѣ эти гримы и кулисы, мишуру и бутафорію, и для того чтобы они могли простить ему еще болѣшій грѣхъ—его кощунство, его игру въ людей, игру въ жизнь и смерть, для этого театръ долженъ принять возвышенный характеръ мисте-римъ. Вѣдь, строго говоря, нужна только пьеса, а не ея осязательное воплощеніе на сценѣ: оно является лишь уступкой нашей слабости, нашему

стремленію къ иллюстрированности, къ ребяческой книгѣ съ картинками. Мы бессильны въ абстракціи, и оттого мысль поэта, безотносительная и общая, размѣнивается для насъ на всю эту ложь и дѣланность представленія, на все это зрѣлище, или, по-старинному, «позорище»...

Но именно тѣмъ, что Художественный театръ въ значительной степени сдѣлалъ изъ «Жизни человѣка» мистерію и намѣтилъ ее какъ бы художественнымъ пунктиромъ, онъ еще болѣе оттѣнилъ, прикрытую необычной формой, внутреннюю банальность этой пьесы, которая не стоитъ своей постановки. Какое эстетическое празднество было бы, если бы *такъ* играли твореніе истинно-значительное!

Обобщенія драмы, ея философія были бы чѣмъ-то общающимъ въ устахъ развитого юноши; но писатель, взрослый умомъ и талантомъ, долженъ былъ бы дать нѣчто болѣе тонкое и глубокое. Жизнь г. Андреевъ описалъ внѣшнюю: бѣдность, богатство, смерть близкихъ, смерть самого героя,—всяческія катастрофы. Это обычная черта нашего автора: для того чтобы услышать жизнь, она должна звонить ему во всѣ колокола; для того чтобы увидѣть жизнь, она должна показать ему свои кричація краски,— для звуковъ тихихъ, для оттѣнковъ нѣжныхъ, Леонидъ Андреевъ, особенно въ своей послѣдней формаци, глухъ и слѣпъ. Порогъ раздраженія лежитъ для него очень высоко. Онъ воспринимаетъ поздно, онъ воспринимаетъ только шажкомъ. Онъ—писатель-максималистъ. Неумимый въ собираніи элементарныхъ ужасовъ, ихъ завзятый коллекціонеръ, всегда имѣющій наготовѣ ящикъ Пандоры, онъ питается потрясающимъ, живетъ одними событіями и накопляетъ ихъ груды,—чѣмъ больше, тѣмъ для него лучше; онъ силенъ въ беллетристической ариеметикѣ. Отдѣлываетъ онъ детально, на мелочи смотреть въ лупу; но предметъ его отдѣлки, то, надъ чѣмъ онъ пристально работаетъ,—всегда крупно. Въ жизненной кунстамерѣ онъ замѣчаетъ только слона,—и этотъ оптический грѣхъ не меньше, а больше той противоположной ошибки, въ которую впалъ крыловскій герой.

Оттого и Человѣкъ въ его драмѣ находится подъ властью внѣшняго и рѣзкаго: онъ неожиданно, сразу, переносится отъ нищеты къ роскоши, переѣзжаетъ къ ней на автомобилѣ (о которыхъ такъ часто говорятъ въ пьесѣ); потомъ онъ снова теряетъ богатство, и у него убиваютъ сына камнемъ, изъ-за угла. Мы видимъ все, что идетъ *на* него; мы не видимъ, что идетъ *отъ* него. Въ пьесѣ нѣтъ психологіи,—единого на потребу. Въ пьесѣ все грубо, не только очертанія. Правда, г. Андреевъ и хотѣлъ показать, что мы—игрушка въ рукахъ судьбы, что мы—только манекены, которыми движетъ Нѣкто въ сѣромъ; правда, въ этомъ и состояло его художническое намѣреніе,—но это нисколько не оправдываетъ его. Вѣдь самъ человѣкъ не сознаетъ, не слышитъ, что за его спиной стоитъ Сѣрый, вѣдь безмолвное дѣйствіе послѣдняго на насъ претворяется въ нашу душу,—ея-то во всякомъ случаѣ никто изъ насъ не вынетъ, и если мы—куклы, маріонетки, то куклы одушевленные, съ иллюзіями, съ богатымъ внутреннимъ міромъ, и давно уже устами мудрыми сказано про человѣка,

что онъ—тростникъ мыслящій. Въ пьесѣ г. Андреева есть тростникъ, но нѣтъ мысли. Оттого единственный тонкій и внутренний моментъ, который могъ бы углубить плоскую драму Леонида Андреева, только намѣченъ мимоходомъ, брошенъ случайно, а не развитъ: это—потеря Человѣкомъ своего таланта. Здѣсь—настоящая трагедія; но какъ разъ мимо нея нашъ авторъ быстро прошелъ, потому что легче и способнѣе для него дать въ руки Нѣкоему въ сѣромъ камешъ и пробить имъ голову сына человѣческаго, нежели показать, какъ изсякаетъ живая душа, какъ перестаетъ въ ней бить вдохновенный ключъ дарованія и какую роль въ этомъ изсякновеніи играетъ Нѣто.

Лишивъ жизнь человѣка и свою пьесу психологін, г. Андреевъ не покаялъ изъ-за этого, въ чемъ настоящій трагизмъ бытія. Вѣдь въ томъ, что Человѣкъ утратилъ свое богатство съ автомобилями и потерялъ семейное горе, нѣтъ необходимости и типичности. Что же, если бы всего этого не случилось, если бы сынъ героя былъ не убитъ, а, напримѣръ, женился на богатой дѣвицѣ (что бываетъ не менѣе часто...), то, значить, Человѣкъ помолился бы Нѣкоему, не прогляя бы своей жизни и она была бы въ его глазахъ счастлива и прекрасна, и вся трагедія пошла бы прахомъ? По г. Андрееву какъ будто выходитъ, что такъ; для него драматичны одни исключенія жизни, а не ея правило. Онъ не думаетъ, что трагедію надо искать не въ этой смѣнѣ событій, не среди кровавыхъ праздникоу существованія, а въ его будняхъ. Не только царство Божье, но и трагедія не внѣ насъ, а внутри насъ. И больше типичнаго матеріала для жизни человѣка, всякаго человѣка, нашелъ бы писатель, если бы онъ погрузился въ глубину психическихъ состояній, если бы онъ подсмотрѣлъ, какъ внутренне мѣняется человѣкъ, вращаясь вокругъ своей собственной оси, какъ уходитъ его прозрачное и призрачное дѣтство, какъ незаметно перестраивается его душа и онъ не узнаетъ себя и другихъ и въ то же время чувствуетъ въ себѣ и въ другихъ нѣчто знакомое, старое, и вотъ сплываются краски, и малчуга кака-то фантазмагорія, и перестаетъ различать реальность отъ призрака, себя отъ среды, и въ глубокомъ недоумѣніи и удивленіи передъ собою и передъ всѣмъ погружаешься въ послѣднюю загадку—въ послѣднее забытѣе, какъ это хорошо изобразилъ и самъ г. Андреевъ въ пятой картинѣ своего «представленія», когда въ дикій кошмаръ сплетается вся прожитая жизнь, безобразными старухами свидываются нѣжныя дѣвушки, когда-то въ бѣлыхъ платьяхъ танцовавшія на балу, и слышатся звуки отзвучавшихъ мелодій, и воскресаютъ въ безумномъ ураганѣ всѣ радости и боли, всѣ дары и удары...

Вообще, какъ намъ уже приходилось говорить, пьеса г. Андреева не представляетъ собою проникновенія въ тайники духа. И въ глазахъ читателя эта художественная и философская слабость не возмѣщается тѣмъ, что авторъ вставилъ жизнь человѣка въ рамку пошлости и взялъ на себя дешевую задачу сатиры. Въ увлеченіи послѣдней и ради нея онъ написалъ Балъ у Человѣка; здѣсь герой совершенно забытъ, имъ писатель не

интересуется, а вмѣсто него онъ такъ много вниманія отдастъ неинтереснымъ гостямъ, которые все время, все долгое время говорятъ о богатствѣ Человѣка; такъ много занять ими авторъ, что въ концѣ-концовъ кажется, будто и самъ онъ присутствуетъ на бадю у своего Человѣка, среди гостей.

Невыдержанная, нецѣльная пьеса г. Андреева, перемежающая безъ синтеза моменты реальныя и символическія, хочеть двигаться подъ знакомъ Нѣкоего въ сѣромъ,—но этотъ мистическій ореолъ скоро блекнетъ, потому что Нѣкто вышелъ у автора очень риторичнымъ (впрочемъ, риторика щедро рассыпана по всей драмѣ и, напримѣръ, мечты Человѣка во второй картинѣ поражаютъ своей книжностью, и цвѣты тамъ все бумажныя, и олеографію представляютъ собою всѣ эти бѣлыя мраморныя виллы въ роцѣ лимоновъ и кипарисовъ и норвежскіе замки, и золотой кубокъ, изъ котораго пили викингы). Нѣкто говоритъ красиво, ритмично, но его философія такъ элементарна и скучна, что иной разъ подозрѣваешь, не кроется ли подъ его загадочной сѣрой пеленою умный гимназистъ. Онъ, таинственный, великій, божественный, довольно словоохотливъ; при этомъ онъ только и говоритъ, что о счастьи или несчастьи,—между тѣмъ, если бы онъ, дѣйствительно, былъ тотъ Нѣкто, котораго имѣлъ въ виду Леонидъ Андреевъ, то онъ долженъ былъ бы стоять неизмѣримо и несоизмѣримо выше этихъ ничтожныхъ человѣческихъ понятій счастья или несчастья,—онъ долженъ былъ бы ихъ совсѣмъ не понимать. У г. Андреева Нѣкто думаетъ какъ Человѣкъ, ничѣмъ отъ послѣдняго не отличается. Съ такимъ Нѣкто можно и потягаться, можно и договориться. Андреевскій Нѣкто не только сѣрый, но и узкій. Авторъ изъ своего Человѣка незаконно, нетипично сдѣлалъ позитивиста, но позитивистомъ оказался у него и Нѣкто,—и оба движутся они въ одной плоскости, именно въ плоскости.

Бѣдная мыслью, пьеса г. Андреева недостойна той постановки, какую ей дали въ Художественномъ театрѣ, но эта постановка и то талантливое и трогательное, что безспорно есть всетаки въ самой драмѣ, соединились въ одно сильное впечатлѣніе.

Въ третьемъ альманахѣ «Шиповника» тотъ же авторъ напечаталъ рассказъ «Тьма», который лишній разъ подтверждаетъ, что г. Андреевъ не хочеть быть вѣрнымъ и послушнымъ жизни, а все выдумываетъ и сочиняетъ. Можно иногда признавать его выдумки красивыми, но онъ никогда не убѣдительно, и никогда этотъ писатель не бываетъ обязательнымъ и неоспоримымъ. Въ данномъ случаѣ, въ данномъ рассказѣ хитро придуманная психологія только завела Леонида Андреева въ грязный вздоръ. Если исключить отдѣльные штрихи въ самомъ концѣ очерка, то все остальное окажется притязательной бессмыслицей, которая обволакиваетъ собою основную мысль о томъ, что никому нельзя быть хорошимъ, покуда есть плохіе, что въ этомъ грязномъ мірѣ, среди порочныхъ и несчастныхъ людей, насъ оскверняетъ наша собственная чистота и мы должны сложить ее къ ногамъ тѣхъ, кто не соблюлъ

себя въ нашей провѣтой тьмѣ. Эта идея, очевидно, поразила сознание г. Андреева, и вотъ изъ нея онъ выткалъ свой отвратительный узоръ. Писателемъ руководила дедукція, а не жизнь. Последнюю онъ хотѣлъ приладить къ первой, но отъ этого получилась смерть. Фигуры мертвыя, слова и поступки не мотивированныя, натурализмъ гадкій,—но только все это мертвенное и отталкивающее прикрито яркостью словъ и выразительностью жестовъ, такъ что иногда, на мигъ, и можетъ возникнуть иллюзія, будто здѣсь есть нѣчто живое. Но его на самомъ дѣлѣ нѣтъ. И не могутъ его замѣнить всѣ эти излюбленныя Андреевымъ вычурности, напримѣръ, эти олицетворенія сна, то «обиженнаго», то «восхищеннаго», то «взвизгивающаго»: «такой мягкой тамъ, на улицѣ, теперь онъ не гладилъ ласково по лицу волосатой шерстистой ладонью, а крутилъ ноги, руки, растягивалъ тѣло, точно хотѣлъ разорвать его».

Нельзя разсматривать міръ какъ сюжетъ и насильственно привлекать его живое содержаніе какъ иллюстрацію къ авторскому домыслу,—а это часто дѣлаетъ г. Андреевъ. Нельзя безнаказанно сплетать, хотя бы искусною рукою, кольца собственныхъ измышлений и придумывать души, а это часто дѣлаетъ г. Андреевъ. Одинокій, отвернувшійся отъ жизни, онъ любить становиться внѣ ея; но за это можетъ случиться, что онъ уйдетъ и жизнь не замѣтитъ его.

Въ томъ же альманахѣ «Шиповника» помѣщены другіе рассказы, гораздо болѣе талантливыя, чѣмъ «Тьма» Леонида Андреева. Въ тонкихъ и четкихъ линіяхъ, скорѣе черточкахъ и точкахъ, выдержаны прекрасныя страницы Ив. Бунина «Астма». Одухотворена здѣсь болѣзнь, которая «обвивается вокругъ шеи»; и предчувствіе смерти, и самая смерть претворены въ психологію, подавляющую своей трагической вѣроятностью. Астма души, и читатель, который дышитъ, невольно переживаетъ состояніе больного землемѣра, которому въ дыханіи отказано. «Боже мой, какое невыразимое счастье—дышать! Думать, смотрѣть, двигаться—это дивно, сладко, но дышать... люди даже и представить себѣ не могутъ, чего они лишатся, утративъ блаженство пить этотъ божественный напитокъ жизни!» Сильное впечатлѣніе отъ рассказа г. Бунина было бы еще неотразимѣе, если бы въ началѣ, тамъ, гдѣ въ жуткомъ сіяніи отчетливой лунной ночи смерть мерещится землемѣру то въ видѣ бѣлой лошади, то въ видѣ нищенки, былъ болѣе сжато и сосредоточенно осуществленъ синтезъ настроенія,—теперь же читатель слагаетъ его самъ, и какъ-то нелегко дается ему эта работа воссоединенія многихъ, порою излишнихъ и утонченныхъ деталей. Кромѣ того, чувствуется вліяніе Чехова—и въ томъ фонѣ пошлости, на которомъ выступаетъ никогда не пошлѣющая Смерть, и въ отдѣльныхъ штрихахъ жанра и психологическаго анализа, и даже въ мало-убѣдительной фигурѣ лавочника Ивана Павлова, который роднымъ каждому покойника такъ выражаетъ свое соболѣзнованіе—вѣжливо, кротко, радостно: «нигдѣ честь поздравить съ новопреставленнымъ»... Но въ особенности нарушаетъ цѣль-

ность очерка то, что основной его моментъ, ужасъ удушешя, физическіе тиски астмы, которая дѣлаетъ свое дѣло, чтобы потомъ уступить честь и мѣсто давно поджидающей смерти,—этотъ психо-физиологическій моментъ авторъ безъ достаточной органичности, почти внѣшне, соединилъ съ мотивами много, философскаго порядка и заставилъ своего героя (но не своихъ читателей) много думать о человѣческомъ безсиліи, завидовать звѣрю, испытывать жуткій восторгъ передъ жизнью звѣриной, передъ живой и страшной силой міра, въ которомъ затеривается хилый человѣкъ,—заставилъ его читать книгу Іова и мыслить его скорбныя мысли и потомъ восторженно покориться Богу: все это важно и высоко, но имѣетъ самостоятельное значеніе и нестройно входитъ въ общую ткань разсказа.

Какъ всегда, хрустальны и дѣломудренны дорогія строки Бориса Зайцева. Нѣжной мелодіей звенить его «Сестра»—вѣетъ «ласковый вѣтерокъ любви и дружбы», груститъ обиженное сердце отъ того, что уходитъ жизнь, но сильнѣе грусти и смерти любовь, и когда молодая мать склоняется надъ своею дѣвочкой, такое чувство наполняетъ, переполняетъ ея кроткую и простившую душу, что этого нельзя сказать словами,—нужно молчаніе и молитва. Оттого, когда эта женщина, эта Маша, сразу всѣмъ намъ ставшая сестрою, свѣшиваетъ изъ окна свою бѣлую руку, братъ дѣлуетъ ее въ ладонь,—«благовѣрно, будто прикладывается къ золотой ризѣ». Она, Маша, «очень устала въ жизни», и самая жизнь куда-то уплыла, все передвинулось и все неуклонно движется къ смерти, которая, вѣрно, въ такую непробудную ночь, «тихо разгуливаетъ по всѣмъ нашимъ службамъ и старымъ «личардамъ», и около тети Агніи она гуляетъ и все тянется дать ей свою чашу: темную чашу гибели».

Вообще, трудно передавать содержаніе зайцевскихъ разсказовъ,—да его и нѣтъ, этого обыденнаго «содержанія», а есть человѣческая музыка, и хочется только читать и выписывать всѣ эти ласкающія слова. «Вотъ ты мнѣ и скажи: такъ, родились мы съ тобой, жили сестрой и братомъ, и любили другъ друга, и люди мы ничего себѣ; а однако, главнымъ образомъ, страдаемъ... и умремъ, надъ нами все будетъ такая же ночь, да могила еще сверху. Какъ ты думаешь, къ чему все это? Такъ себѣ, зря или не зря?»... Безпомощныя, робкія дѣти міра, они прижимаются другъ къ другу, и братъ хотѣлъ бы отвѣтить сестрѣ,—но какой братъ знаетъ навѣрное отвѣтъ на эти вопросы, кто можетъ обѣщать и сказать что-нибудь утѣшающее или хоть безутѣшное? И они сидятъ въ недоумѣніи и тоскѣ, но потому что они чувствуютъ себя правыми передъ жизнью и смертью, потому что они любили: «это ничего, что намъ плохо, право это ничего». «Ну, пусть, пусть мы умремъ всѣ, но мы такъ любили, такъ любили». И въ душѣ, въ усталой, но любовной душѣ зарождается какой-то дивный псаломъ: «Да будетъ. Намъ дано жить въ тоскѣ и скорби, но дано и быть твердыми—съ честью и мужествомъ пронести свой духъ съвозъ эту юдоль, неугасимымъ пламенемъ—и съ спокойной печалью умереть; отойти въ вѣчную обитель ясности. Это непреложно, и это даетъ сердцу миръ и

твердость. И тишина теперь, не есть ли она отображеніе той вѣчной тишины, что ждетъ насъ? Боже, Боже, пусть будетъ всегда такъ въ нашемъ усталомъ сердцѣ».

О «Творимой легендѣ» Федора Сологуба удобнѣе будетъ сказать, когда будетъ законченъ весь романъ, частью котораго она является. Но и теперь уже видно, что это—произведеніе, совершенно необычное, во многихъ отношеніяхъ необязательное и даже больное: но ему нельзя отказать въ одномъ и главномъ—въ высокой талантливости, въ красотѣ ритмической прозы, какъ-то странно соединяющей вычурность и простоту. «Легенда» не стремится къ убѣдительности и правдоподобию, тѣшитъ себя игрой фантастики и реального, и міръ предстаетъ въ ней въ волшебствѣ различнаго освѣщенія, потому что разными взорами смотреть на него солнце—этотъ сологубовскій Змій, или Драконъ, то пламенный, то тихій. Въ романѣ ясно намѣчено то, что занимаетъ теперь мысль Федора Сологуба: «роговая противорѣчивость» жизни, «неизбѣжность грѣхопаденія во всякомъ мыслимомъ мірозданіи», «мистическая пропія». Тамъ, какъ это еще глубже проявлено въ замѣчательной драмѣ автора «Побѣда смерти», жизнь выступаетъ (употребляя образъ самого писателя) и въ обликѣ Дульциней, и въ обликѣ грубой Альдонсы, которую идеализировалъ и въ Дульцинею претворялъ высоко-лирическій духъ Донъ-Кихота. Такими словами начинаетъ Сологубъ свое произведеніе: «Беру кусокъ жизни, грубой и бѣдной, и творю изъ него сладостную легенду, ибо я—поэтъ. Коснѣй во тьмѣ, тусклая, бытовая, или бушуй яростнымъ пожаромъ,—надъ тобою жизнь, я, поэтъ, воздвигну творимую мною легенду объ очаровательномъ и прекрасномъ». Воздвигъ ли зодчій свою сладостную легенду изъ матеріала жизни, осуществилъ ли онъ этотъ вѣчный замыселъ,—объ этомъ, повторяю, умѣстнѣе будетъ судить, когда въ законченныхъ линіяхъ поднимется все его странное построеніе.

Въ исполнившемся 26 декабря 1907 г. тридцатилѣтію со дня кончины Некрасова приуроченъ выходъ книги В. Максимова о его литературныхъ дебютахъ (Спб., 1908 г., изданіе *Нашей Жизни*). Она имѣетъ целью восполнить дѣйствительный пробѣлъ въ критической литературѣ о знаменитомъ поэтѣ—анализъ его раннихъ произведеній, преимущественно стиховъ и драматическихъ опытовъ. Г. Максимовъ исходитъ изъ той мысли, что «пора вступить на путь изученія творчества Некрасова въ извѣстной исторической перспективѣ, такъ какъ только при этомъ условіи возможно вполнѣ объективное къ нему отношеніе». Далекое нельзя сказать, чтобы г. Максимовъ въ своемъ разборѣ проявилъ глубину и самостоятельность критической мысли; но въ тѣсныхъ историко-литературныхъ предѣлахъ онъ выполнялъ свою задачу вполнѣ успѣшно. Въ особенности интересны страницы, посвященные библиографически-рѣдкому, забытому сборнику Некрасова «Мечтанія и звуки». Авторъ изслѣдованія дѣлаетъ любопытныя сопоставленія, которыя показываютъ, какъ вліяли на пѣвца «Убогой и нарядной» Жуковскій, Бе-

недвѣтствъ, Пушкинъ, Лермонтовъ. Въ конечномъ выводѣ г. Максимовъ утверждаетъ, что уже первые опыты некрасовской лиры обѣщали будущаго поэта-гражданина и что, такимъ образомъ, отпадаютъ все упреки, посылаемые Некрасову въ неискренности, «намѣренномъ либеральничаньи» и угожденіи духу времени.

Оттого, хотя и заслоненный другими, болѣе сильными художниками, Некрасовъ всетаки пережилъ его, это свое время, и остался для новыхъ поколѣній. Они цѣнятъ его; даже такой представитель ихъ, такой утонченный модернистъ, какъ Бальмонтъ, эстетически призналъ Некрасова—за то, что душа его прошла «сѣвозъ строй» и изъ городского безобразія умѣла творить образы. И все же ясно, что поэтъ Петербурга, съ его пошлостью и пороками, Некрасовъ сдѣлался въ силу рокового недоразумѣнія, повинаясь жестокому напрузу жизни, невольно и неохотно, что первѣе въ немъ была та истинная, здоровая поэзія, которая рождается отъ прикосновенія къ народу и землѣ—и такой гнетущей тоской по родинѣ, по духовной родинѣ звучитъ у него этотъ призывъ: «ахъ, уйдите, уйдите со мной въ тишину деревенскаго поля!»

...Земля моя родная
 Вся подъ дождемъ рыдала безъ конца,—

горестно восклицалъ творецъ «Мороза», и она все рыдаетъ кровавыми слезами, и уже потому одному Некрасовъ, поэтъ болѣющей родины, поэтъ рыдающей Россіи, еще сохраняетъ для насъ всю свою трагическую современность...

Ю. Михенвальдъ.

Журнальное обозрѣніе.

«Если бы меня спросили, какое чувство опредѣляетъ теперешнюю Россію, я не колеблясь бы отвѣтилъ: ненависть». Эта фраза, принадлежащая талантливому перу г. Елпатьевскаго (*Русское Богатство*: «Люди союза 17 октября»), быть можетъ, наиболѣе полно освѣщаетъ господствующее настроеніе, огненной точкой приковываетъ къ себѣ и воплощаетъ весь тотъ ужасъ, которымъ пропитана наша повседневная жизнь. «Мужикъ не бунтуетъ, не смотритъ звѣремъ... Фабричный не бастуетъ, не строитъ баррикады, но кому-то грозитъ кулакомъ... Помѣщикъ бросаетъ усадьбу и снимаетъ номера въ губернскихъ меблированныхъ комнатахъ... Бунецъ, мѣщанинъ, священникъ... Кажется, всѣ ненавидятъ другъ друга, — министерство, союзъ русскаго народа, политическія партіи, сословныя группы...» И тысячи ручьевъ питаютъ это разлившееся море ненависти, тысячи причинъ порождаютъ ее. Освободительное движеніе всколыхнуло всю русскую жизнь, и густое, тягучее тѣсто, на которое она была похожа, подъ вліяніемъ времени, столкнувшихся интересовъ, обрушившихся несчастій, стало принимать болѣе опредѣленныя формы. Совершается процессъ кристаллизаціи, различныя группы и слои населенія самоопредѣляются—и это самоопредѣленіе, идущее ускореннымъ темпомъ, само по себѣ является немаловажной причиной той розни и раздраженія, которыя царствуютъ всюду. Самый трусливый, самый напуганный обыватель не можетъ никуда уйти отъ политики; она вторгается въ его частную жизнь, проникаетъ въ ту скорлупу, въ которую онъ хотѣлъ бы спрятаться, настоятельно требуетъ отвѣта и притомъ отвѣта рѣшительнаго.

Нельзя уже быть просто пассивнымъ, какъ это полагалось въ доброе, старое время,—необходимо такъ или иначе засвидѣтельствовать свое активное самоопредѣленіе. Люди перестаютъ раздѣляться на честныхъ и безчестныхъ, трудящихся и лѣнтяевъ, политическая вражда стерла всѣ привычныя перегородки и ввела упрощенное дѣленіе. На фонѣ тяжелыхъ соціальныхъ условій, хроническихъ голодовокъ въ деревнѣ и все возрастающей, непомерной и непереносимой дороговизны жизни въ городѣ каждый день передъ вами проходятъ простыя, но поучительныя исторіи. Вчера

вы бесѣдовали въ кабинетѣ съ маляромъ, который жаловался на то, что пришлось записаться въ союзъ русскаго народа подъ условіемъ, въ противномъ случаѣ, отказа отъ работы въ томъ учрежденіи, гдѣ онъ постоянно работаетъ. Сегодня въ редакціи вы слышали горькія сѣтованія чиновника архива министерства, уволеннаго по третьему пункту и безъ всякихъ объясненій вслѣдствіе какого-то нелѣпаго и безсмысленнаго доноса. Завтра въ обществѣ вы встрѣтитесь съ прокуроромъ, уволеннымъ также безъ прошенія и также по чьему-то доносу за то, что онъ будто бы подастъ въ тюрьмѣ руку политической заключенной. Стоитъ ли послѣ этого говорить о десяткахъ тысячъ такъ называемыхъ «неблагонадежныхъ», о той безработницѣ, о томъ голодѣ, который толкаетъ людей, выбитыхъ изъ колен, на ужасныя рѣшенія и безумные поступки.

Процессъ самоопредѣленія происходитъ въ глубоко ненормальной обстановкѣ, и поэтому-то взаимное раздраженіе и рознь достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ жгучей ненависти. «На официальномъ языкѣ это называется успокоеніемъ Россіи,—пишетъ г. Елпатьевскій.—И въ этомъ есть доля правды, такъ какъ именно то успокоеніе Россіи, которое идетъ вотъ уже два года, неизбѣжно связано съ пробужденіемъ и широкимъ распространеніемъ чувства ненависти въ населеніи. Цифра 100 тысячъ крамольниковъ, конечно, небольшая цифра для 140 миллионной Россіи, но если принять во вниманіе, что у каждаго крамольника есть отецъ, мать, сестры, братья, дѣти, есть, наконецъ, люди, связанные съ нимъ дѣловыми и всякими иными отношеніями, то количество «привлекаемыхъ» и «недовольныхъ» людей возрастетъ въ значительной мѣрѣ и будетъ звучать гораздо болѣе внушительно. Нужно помнить, что не только путешествіе въ Сибирь, но и передвиженіе изъ губерніи въ губернію людей подъ статьей и безъ статьи—не увеселительная прогулка съ тросточкой, что люди разоряются, гибнутъ ихъ дѣла, что голодаютъ не только тѣ, которые высланы или бродятъ, скитаются по Россіи, но и семьи ихъ, что ужасъ идетъ теперь по Россіи, и чувство ненависти разливается пропорціонально жестокости, примѣняемой во имя успокоенія общества.

Самыя формы этого успокоенія... Было отмѣчено, что отъ еврейскихъ погромовъ страдали, разорялись не одни евреи, а и русскіе, даже истинно русскіе, такъ или иначе связанные съ евреями коммерческими отношеніями. Отъ военныхъ положеній, чрезвычайныхъ охранъ и вообще исключительныхъ законовъ страдаютъ не только крамольники и анархисты, но все населеніе и опять-таки, случается, и истинно русскіе люди, у которыхъ разстрѣливаются дома, разгоняются жильцы, прекращаются торговые дѣла. А потомъ система круговой отвѣтственности, которая проводится правительствомъ въ его борьбѣ съ крамолой, по которой карается не только виновный, а и все окрестъ его стоящее; когда карается не только произведшій выстрѣлъ, а разстрѣливается весь домъ, сносятся съ лица земли дѣльныя деревни и кварталы, когда, какъ въ Елизаветполѣ, секвеструются дѣльные кварталы—больше 70 домовъ,—эта система,—дѣлающая виновникомъ

за отдѣльный фактъ и цѣлый коллективъ, — семью, деревню, кварталъ, цѣлую національность, евреевъ или армянъ, или грузинъ, — эта система словно нарочно придумана для того, чтобы безпокоить широкіе слои населенія, чтобы втянуть въ водоворотъ всю Россію, чтобы, выражаясь правительственнымъ языкомъ, вырастали все новыя и новыя головы на гидрѣ ненависти и анархіи.

Не одно это «успокоеніе» родитъ ненависть, его родитъ, и быть можетъ еще въ большей степени, то отсутствіе всякаго закона, которое вотъ уже два года установилось въ Россіи, которое разнесло по вѣтру старыя привычныя нормы людскихъ взаимоотношеній и не дало новыхъ, которое обнажило интересы всѣхъ и не защитило ничьихъ интересовъ, предоставило ихъ голой, неприкрытой, ничѣмъ не урегулированной взаимной враждѣ».

Страшно подумать, до какихъ размѣровъ доходитъ эта взаимная ненависть. Въ ноябрьской книгѣ *Образованія* помѣщенъ мало художественный, можетъ быть надуманный, но все же характерный рассказъ Арцыбашева «Докторъ». Къ раненому во время погрома полицеймейстеру пригласили единственнаго въ городѣ русскаго доктора. И у постели умирающаго, въ ожиданіи необходимыхъ инструментовъ, въ окружающей темнотѣ передъ докторомъ появляются спутанныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненно яркія видѣнія прошедшаго дня: окровавленные тѣла мужчинъ, знакомыя дѣвушки, изнасилованныя и замученныя до смерти, беременныя женщины, животы которыхъ вснарывали погромщики и набивали ихъ пухомъ изъ подушекъ... Мучительная и запутанная борьба происходитъ въ душѣ доктора; чувство долга, сознаніе профессиональной отвѣтственности борются въ немъ съ омерзѣніемъ, доходящимъ до гадливости ко всѣмъ тѣмъ, кто является виновниками видѣнныхъ имъ ужасовъ. Шатаясь, выходитъ онъ въ залу и въ хаотическомъ томленіи, близкомъ къ отчаянію, говоритъ женѣ полицеймейстера, красивой и страдающей молодой женщинѣ, свое ужасное: не могу!

«Тихо кругомъ, — пишетъ г. Елпатьевскій, — такъ тихо, что слышно хрипѣніе обнявшихся въ предсмертной схваткѣ враговъ. Поблескиваютъ зарева далекихъ пожаровъ, доносятся выстрѣлы браунинговъ, взрывы бомбъ, стоны изъ тюремъ и ссылокъ. Но тихо кругомъ, ненависть не кричитъ. Кричить гнѣвъ, вопить ярость, — ненависть молчитъ. Она какъ змѣя безшумно ползетъ по землѣ, она какъ пожаръ стелится по сухой землѣ. Вспыхнетъ какъ свѣчка, елочка, далеко освѣтитъ землю огромное пламя хлѣбной скверды, и опять огонь безшумно охватываетъ землю, травка за травкой, кустикъ за кустикомъ. Она ползетъ подъ землей, какъ тотъ торфяной пожаръ, который охватываетъ огромныя пространства, но котораго не видно, не слышно. Земля холодна подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ внутри огонь. Тамъ можно ходить по грибы, собирать бруснику, устранивать веселые пикники, — только изрѣдка душная гарь и змѣйки дыма вырываются изъ разрѣзовъ земли... Тихо и холодно кругомъ».

Въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* извѣстный П. А. Тверской опубликовалъ свою дѣловую переписку съ покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Поводомъ къ этой перепискѣ послужило переселеніе духоборовъ съ Кавказа въ Канаду, начавшееся въ 1898 г. и обратившее на себя всеобщее вниманіе; движеніе это объяснялось въ печати правительственными религиозными преслѣдованіями и приписывалось главнымъ образомъ Побѣдоносцеву. Духоборы обратились къ автору статьи за помощью, и онъ изслѣдовалъ всевозможными путями, до личной поѣздки на мѣста ихъ жительства, ихъ положеніе и надежды на будущее. «Всего больше поразила меня ихъ разрозненность, абсолютное отсутствіе какой-либо общей цѣли, плановъ и предположеній,—пишетъ онъ,—это была ладья «безъ руля и безъ вѣтриль», плывшая совершенно на авось. Немногіе сопровождавшіе ихъ интеллигенты, пытавшіеся облечь стремленія духоборовъ въ извѣстныя теоретическія формы, не пользовались между ними никакимъ авторитетомъ и поражали меня своей дѣтской непрактичностью и отсутствіемъ какой-либо дѣловой работоспособности; они были непригодны до очевидности къ какому-либо руководству—да и всѣ они очень скоро покинули Канаду и духоборовъ на произволь судьбы.

Естественные же вожаки изъ ихъ собственной среды были всѣ сосланы въ Сибирь еще до переселенія, такъ что въ Канадѣ очутилась только сѣрая масса безъ какого бы то ни было руководства, масса быстро деморализировавшаяся и распадавшаяся на части. Всѣ они съ какимъ-то суевѣрнымъ почтеніемъ относились къ «Петрушѣ» Веригину, находившемуся гдѣ-то въ Якутскѣ или Березовѣ; кромѣ него упоминали и о другихъ сосланныхъ, семьи которыхъ были въ Канадѣ».

П. А. Тверской рѣшилъ придти имъ на помощь и написалъ большое письмо въ 1900 г. къ Побѣдоносцеву, въ которомъ подробно излагалъ ужасное положеніе переселенцевъ и просилъ оказать содѣйствіе въ разрѣшеніи возвращенія къ нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Съ первымъ же оборотомъ почты Тверской получилъ отказъ.

Было ясно, что Америка «изолировала православное населеніе отъ вреднаго вліянія вѣроучителей» лучше, чѣмъ это могъ сдѣлать Сахалинъ или даже самыя отдаленныя мѣста Сибири. Отказъ диктовался такимъ образомъ мстью за прошлое, мстью мелкой и ненужной, хотя и обрѣзавшей переселенцевъ на дальнѣйшія бѣдствія. Тѣмъ не менѣе г. Тверской не ограничился этимъ, и между нимъ и Побѣдоносцевымъ завязалась переписка, которая и напечатана теперь съ оговоркой Тверского о томъ, что онъ не знаетъ, насколько корреспондентъ былъ съ нимъ искрененъ. О послѣднемъ обстоятельстве лучше всего можетъ судить читатель, если онъ приметъ во вниманіе несомнѣнное значеніе г. Тверского въ американской печати, то, что американская печать усиленно интересовалась Побѣдоносцевымъ,—и, наконецъ, то, что все это хорошо было извѣстно послѣднему.

Всѣ письма Побѣдоносцева полны жалобами на то, что ему приписы-

вають то вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Россіи, котораго онъ не имѣеть. «Я ничего не могу и даже меня вовсе нѣтъ,—пишетъ онъ;—всѣ дѣла идуть помимо меня, хотя и въ высшей степени отвѣчая моимъ желаніямъ, но ужъ это Божья милость ко мнѣ. Самъ же я, за старостью лѣтъ, лежу и едва дышу, переживъ свою славу, свою силу; и мнѣ остается только созерцать поворотъ колеса судьбы, впрочемъ, ѣдущей туда именованно, куда я всегда желалъ». «Вы обращаетесь ко мнѣ,—пишетъ онъ далѣе,—подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ, которое вотъ уже лѣтъ восемнадцать тяготитъ ко мнѣ и изъ всей Европы и Америки и даже изнутри Россіи... Къ несчастію утвердилось всюду фантастическое представленіе о томъ, что я являюсь какимъ-то первымъ по фараонѣ лицомъ въ нашемъ правительствѣ и сдѣлали меня козломъ отпущенія за все, чѣмъ тѣ или другіе недовольны въ Россіи и на что тѣ или другіе негодуютъ. Такъ взвалили на меня и жидовъ, и печать, и Финляндію, и вотъ еще духоборовъ—дѣла, въ коихъ я не принималъ никакого участія,—и всякія распоряженія власти, въ коихъ я нисколько не повиненъ».

Что касается политики, направленной противъ сектантовъ, то всѣ репрессіи въ этомъ отношеніи Побѣдоносцевъ относить на счетъ министерства внутреннихъ дѣлъ. «Если бы дѣлами сектантовъ не завѣдывало министерство внутреннихъ дѣлъ, не знающее характера и сущности сектъ,—дѣло мало-по-малу обдѣлывалось бы церковными средствами». «Духоборческое дѣло—читаемъ мы въ другихъ письмахъ—какъ и многое у насъ,—дѣло невѣдѣнія, невѣжества и равнодушія мѣстныхъ властей... Въ сущности одна страна въ мірѣ, гдѣ люди могутъ жить свободно въ своей вѣрѣ,—это Россія. Вѣрьте, что всѣ случаи дикаго насилія и преслѣдованія только дѣло безурядицы (полицейской и всякой), господствующей у насъ на необозримыхъ пространствахъ». Удивляясь намѣренію кавказскихъ молочанъ переселиться въ Америку, Побѣдоносцевъ восклицаетъ: «Чего они хотятъ? Вездѣ имъ хуже будетъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ и въ законахъ и въ администраціи множество прорѣхъ, помощью коихъ люди пользуются свободой...» Получивъ сѣверо-американскую газету, въ которой изображены были ужасы суздальской монастырской тюрьмы, К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ въ письмѣ къ г. Тверскому: «И у насъ пишутъ такой же вздоръ, ничего не зная, только чтобы пустить сенсаціонную новость. Туда отсылають иногда разныхъ совсѣмъ неистовыхъ священниковъ и монаховъ, кои хуже сумасшедшихъ, но коимъ мѣста нѣтъ въ домѣ умалишенныхъ».

Опубликованныя письма несомнѣнно разбиваютъ тотъ цѣльный образъ фанатика, какимъ казался многимъ Побѣдоносцевъ. Настоящій фанатикъ не станетъ скрывать своихъ дѣйствій и намѣреній, прятаться за чужой спиной и сваливать съ себя отвѣтственность. Побѣдоносцевъ приписываетъ репрессіи по отношенію къ сектантамъ министерству внутреннихъ дѣлъ и невѣжеству мѣстныхъ властей. Между тѣмъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ онъ всемірно и энергично настаивалъ самъ на виѣшательствѣ

свѣтской власти въ борьбѣ съ расколомъ. Достаточно упомянуть о томъ, что это онъ рекомендовалъ въ видѣ общей мѣры «выселеніе сектантскихъ руководителей по приговорамъ сельскихъ обществъ или по представленіямъ губернаторовъ», что въ 1889 г. онъ обращался къ министерству внутреннихъ дѣлъ (тому самому министерству, которое онъ въ перепискѣ съ г. Тверскимъ называетъ «не знающимъ характера и существа сектъ») съ просьбой «оказывать духовенству содѣйствіе въ его дѣятельности къ ослабленію штундизма». Менѣе чѣмъ кто-либо онъ довѣрялъ тѣмъ духовнымъ мѣрамъ воздѣйствія, на которыя лицемѣрно ссылается въ своихъ письмахъ, и отлично долженъ былъ понимать, что нельзя же говорить о свободѣ вѣры тамъ, гдѣ, по его же собственному признанію, «люди пользуются свободой вслѣдствіе прорѣхъ въ законодательствѣ и администраціи». Въ новомъ видѣ и освѣщеніи передъ читателемъ воскресаетъ всероссійскій палладіумъ свободы, который знаменитый сатирикъ, какъ извѣстно, усматривалъ во всемогущей взяткѣ. Что касается до мнимаго невмѣшательства К. П. Побѣдоносцева въ дѣла внутренней политики, то это обстоятельство, противорѣча его собственному утвержденію, что онъ принималъ участіе въ дѣятельности цѣлаго ряда правительственныхъ учрежденій, откуда исходили многія важныя мѣры и законодательные проекты, можетъ быть опровергнуто каждымъ, кто жилъ и дѣйствовалъ въ Россіи въ теченіе долгихъ лѣтъ безпросвѣтной реакціи. О вліяніи на печать К. П. Побѣдоносцева можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ главноуправляющихъ по дѣламъ печати, М. П. Соловьевъ былъ всецѣло креатурой и ставленникомъ Побѣдоносцева. Объ ужасахъ судальской тюрьмы читатель можетъ судить по статьѣ Пругавина, помѣщенной въ *Русской Мысли*.

Еще не настало время окончательной характеристики К. П. Побѣдоносцева, но несомнѣнно, что онъ является однимъ изъ яркихъ и типичныхъ представителей цѣлой полосы русской исторіи.

Въ послѣдней книгѣ журнала *Былое* (закрытаго теперь навсегда) помѣщена интересная статья г. Иванчина-Писарева: «Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ», рисующая писателя съ той стороны, которая до сихъ поръ была скрыта отъ широкой читающей публики. Гл. Ив. Успенскій, человѣкъ съ большою совѣстью и съ напряженнымъ развитіемъ чувства чести, искавшій въ людяхъ того равновѣсія, той гармоніи цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, которой онъ не находилъ въ себѣ, естественно, испытывалъ постоянное тяготѣніе къ тѣмъ людямъ, которые были беззавѣтно преданы родинѣ и которые, какъ онъ самъ любилъ выражаться, «выпрямляли» его душу.

— Ну, что я?—говорилъ онъ, напримѣръ, про свою литературную дѣятельность. — Пишу ради лавочки! Иной разъ и хочется размахнуться, да вспомнишь прачку, мясника, шляпку съ перомъ для Алекс. Вас.—и

начнешь строчить: «Солнце склонялось къ западу... По небу катилось облако... точно бревно къ плотамъ на Ветлагѣ»...

Въ общеніи съ видными революціонерами Гл. Ив. Успенскій почерпалъ бодрость духа, онъ преклонялся передъ ними, какъ преклонялся, наприм., передъ «дѣвухой монашескаго типа», олицетворявшей для него дорогой образъ В. Фигнеръ, старался помогать имъ въ нуждѣ и несчастіи, и съ ихъ стороны пользовался большой взаимной привязанностью.

Самъ Успенскій по своей натурѣ не могъ быть активнымъ революціонеромъ. Однажды въ Вержоловѣ по предписанію изъ Петербурга онъ былъ подвергнутъ тщательному обыску.

Ротмистръ, производившій обыскъ, заинтересовался тѣмъ, въ какихъ революціонныхъ предпріятіяхъ могъ участвовать этотъ скромный чело-вѣкъ, по паспорту значившійся учителемъ.

— Какой же я революціонеръ, — изумился Успенскій, — такъ искренно я изумился, да и въ самомъ дѣлѣ, какой же я революціонеръ? — что жандармы переглянулись, что-то пошптали другъ другу, и ротмистръ торжественно провзнесъ:

— Вы свободны... Въ Петербургъ разберутъ...

Другой разъ Успенскій былъ подвергнутъ допросу въ Самарѣ за разговоры съ семинаристами въ мѣстной гостиницѣ, которые подслушалъ какой-то деревенскій кулакъ-доносчикъ.

— Какъ же это, Гл. Ив., вели такіе неосторожные разговоры съ семинаристами, — спросилъ полковникъ.

— Это не я, а кн. Мещерскій, — отвѣтилъ Гл. Ив.

— Какъ Мещерскій?

— Да, Мещерскій. У меня былъ въ рукахъ его «Дневникъ», и я читалъ его отзывы о духовенствѣ. Жандармы кое-что уловили — всѣ слова Мещерскаго, а не мои.

— Смальковъ расхохотался, — рассказывалъ Успенскій, — а всетаки попросилъ меня дать показанія на бумагѣ. Я принялся писать. Такое, знаете, смѣшливое настроеніе охватило меня, что у меня вышелъ преселенскій фельетончикъ. Я изобразилъ, какъ мы сидимъ въ номерѣ, а къ сосѣдней двери прилипло ухо кулака... За нимъ еще два... Каждое съ жадностью голоднаго сыщика ловить... слова Мещерскаго. Привелъ и преступныя цитаты. Никогда такъ живо и легко не писалось!

Дважды въ своей жизни Гл. Ив. пытался принять болѣе активное участіе въ рискованныхъ предпріятіяхъ и оба раза въ высшей степени неудачно. Первый разъ зимою 1877 г. ему была поручена, исключительно по его настояніямъ, причемъ онъ ставилъ даже вопросъ о довѣрїи, операція «снятія съ поста городского» при попыткѣ освободить изъ литовскаго замка одного изъ видныхъ лавристовъ, Е. С. Симановскаго.

Въ 5 часовъ утра всѣ «заговорщики» были у литовскаго замка. Побѣгъ не состоялся, потому что, какъ оказалось впоследствии, Симановскому не удалось подпилить тюремную рѣшетку и выскочить изъ окна въ

переулокъ, гдѣ стоялъ знаменитый рысакъ «Варваръ». Тѣмъ не менѣе Гл. Ив. выполнилъ возложенное на него порученіе. Минута въ минуту, какъ было условлено,—разсказывалъ онъ,—я подошелъ къ городовому, вынулъ папироску и говорю: вы не курите? Покуриваю, говорить, а вамъ не спичку ли? Да. Онъ зажегъ спичку, и мы закурили. Скажите, какъ пройти ближе на Садовую?—спросилъ я.—Городовой сталъ объяснять. Я оказался такимъ непонятливымъ (вѣдь такъ полагается по программѣ?), что все переспрашивалъ: сначала, говорить, направо, а потомъ налево?... Всячески старался, да вотъ не вышло!

Другой разъ нѣкто Г., саратовскій уроженецъ, увлекся мыслью, что при крестьянскомъ невѣжествѣ достаточно имени мнѣческаго «Константина», чтобы организовать бунтъ. Не встрѣчая въ саратовскихъ кружкахъ сочувствія, мысль эта оставалась платонической мечтой ея автора, пока судьба не столкнула послѣдняго съ Успенскимъ. Писатель, въ характерѣ котораго въ тѣ годы, по словамъ Иванчина-Писарева, сказывался временами какой-то игривый задоръ, пустился вмѣстѣ съ Г. въ нелѣпное предпріятіе.

Дѣло происходило зимой въ Тульской губерніи въ началѣ 70-хъ гг.

— Мы рѣшили попробовать,—разсказывалъ Гл. Ив.—Ну-ка, давайте, говорю, пустимъ въ ходъ Константина!... Распредѣлили роли. «Константиномъ будете вы, говорить Г., а я вродѣ какъ его молочный братъ—мамкинъ сынъ». Досталъ онъ мнѣ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, чтобы его высочество не замерзло въ дорогѣ въ своемъ пальтишѣ на сторожковомъ мѣху, а себѣ—короткій полушубокъ по колено и треухъ на голову. Вы видали Г.? Нѣтъ. Нельзя сказать про него: «одно изъ славныхъ русскихъ лицъ». А въ этомъ костюмчикѣ съ своимъ кривымъ глазомъ вышелъ... истинный мамкинъ сынъ! Раздобыли лошаденку съ дровнями и поѣхали. Я лежу въ саняхъ, закрывшись изъ скромности воротникомъ, а мамкинъ сынъ—на облучкѣ, въ валенкахъ.

Лошаденка дрянная, не царскаго завода. Былъ воскресный день. Вотъ приѣзжаемъ въ первую деревню, мой лейбъ-кучеръ приворотилъ къ кабаку. Я лежу, закрылся поплотнѣе, а мамкинъ сынъ пошелъ въ кабакъ. Что онъ тамъ говорилъ, что дѣлалъ—не знаю, только выходитъ изъ кабака въ сопровожденіи двухъ-трехъ мужиковъ и несетъ бутылку воды со стаканчикомъ. Снялъ шапку. «Отвѣдайте, говорить, ваше высочество!» Меня такъ и обдало жаромъ. Вѣдь не скоро привыкнешь къ такому титулу! Я взялъ стаканъ, стараясь по возможности скрыть свое царское обличье. А мамкинъ сынъ, вижу, подмигиваетъ мужикамъ; поднялъ руку и произнесъ загадочно: «Будетъ—что будетъ. Не долго ужъ ждать». Онъ почтительно взялъ у меня пустой стаканъ, ушелъ въ кабакъ, за нимъ мужики. Прескверное, скажу вамъ, положеніе: быть высочествомъ и лежать въ дровняхъ въ ожиданіи своего кучера! Угостивши вѣрнопопданныхъ остатками воды, мамкинъ сынъ вернулся, наконецъ, вскочилъ на облучокъ, а на крыльцѣ кабака—уже съ пятокъ мужиковъ. «Помалкивай, ребята! Знай:

будетъ ваша!» крикнуть онъ и съ этими словами стегнулъ лошаденку. Такъ мы проѣхали еще двѣ-три деревни. Г. былъ великодушнѣе! Какая выдержка! Какое умѣнье плести что-то несурзное, загадочное. Кажется, вотъ несуетьрная чепуха, а суетьрные умы что-то улавливають, въ простыхъ сердцахъ загорается надежда... Меня охватила даже оторопь, взмолился: «Разжалуйте, говорю, въ простые смертные!» Заночевали гдѣ-то ужъ попросту. На утро двинулись въ обратный путь. Вотъ посмотрите, что сегодня выйдетъ!—сказалъ Г.,—я предупредилъ, что поѣдемъ назадъ.— Въ этотъ разъ уже не заворачивали по кабакамъ. И вдругъ, представьте, у одной околицы—цѣлая толпа!... встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью! Я закутался поплотнѣе. Вижу: снимали шапки, опускаются на колѣни. Г. остановилъ лошадь—толпа хлынула къ санямъ. «Рано, православные—говорить мамкинъ сынъ,—рано! Нельзя ему обозначиться! Молчокъ, ребята, молчокъ!» Я лежу, думаю: унеси, Владычица! Вдругъ: «Ваше высочество, обнадѣжьте ихъ милостивыми словами!» Что тутъ дѣлать? Пробормоталъ что-то не своимъ голосомъ. Ужъ и натерпѣлся я страху!—говорилъ Гл. Ив. и съ большою тоскою въ голосѣ прибавилъ: А вѣдь мамкинъ-то сынъ правъ оказался!

Въ этомъ году появился цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій о Павлѣ I. Едва ли не самымъ цѣннымъ изъ нихъ является работа г. Чижа, печатающаяся въ *Вопросахъ Философiи и Психологiи* и представляющая изъ себя тщательный психологическiй анализъ характера несчастнаго императора. Прежде всего при описанiи самой наружности Павла авторъ статьи замѣчаетъ, что рѣзкая покатость лба и вообще прогнатизмъ всего лица, далеко превосходящiй границы нормы, долженъ остановить на себѣ вниманiе опытнаго наблюдателя.

«По самому строенiю черепа Павелъ I долженъ былъ выдѣляться изъ средняго уровня слабостью вниманiя или апперцепцiи, у него не могли достигнуть должнаго совершенства задерживающiе центры, онъ не могъ управлять сочетанiями представленiй, не могъ объединять, регулировать, сводить къ единству всѣ свои умственные акты; у него не было вслѣдствие неправильности черепа мѣста, гдѣ должны происходить эти процессы».

«Несовершенство умственной дѣятельности Павла I,—пишетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—его неспособность къ анализу, неспособность къ сочетанiямъ въ формѣ сужденiй, неспособность вырабатывать общiя идеи и главное крайняя слабость апперцепцiи и потому неспособность къ послѣдовательному сочетанiю представленiй и идей для достиженiя заранѣе намѣченныхъ цѣлей, доказываются тѣмъ, что, находясь въ самыхъ лучшихъ условiяхъ для плодотворной дѣятельности въ продолженiе 20 лѣтъ, онъ не сдѣлалъ чего-либо полезнаго, чего-либо заслуживающаго одобренiя».

Главной особенностью умственной дѣятельности Павла I являлось, несомнѣнно, преобладанiе сочетанiя представленiй по контрасту. Самыя противоположныя представленiя и идеи мирно уживались въ умѣ этого госу-

даря, и онъ рѣшительно не замѣчалъ ни смѣшнаго, ни опаснаго въ сочетаніяхъ другъ друга исключяющихъ рядовъ представленій. Извѣстна фраза его о томъ, что по утрамъ онъ хотѣлъ бы быть Фридрихомъ II, а по вечерамъ Людовикомъ XIV. Недѣлю спустя послѣ того, какъ онъ провозгласилъ себя главою церкви, онъ въ прусской формѣ и въ далматикѣ парадировалъ передъ московскимъ архіереемъ. Всю жизнь порицая распущенность нравовъ, гордясь своей семейной жизнью, Павелъ I афишировалъ свою связь съ *dame de ses pensées*, во время поѣздокъ къ которой одѣвались мантии мальтійскаго ордена, основнымъ требованіемъ котораго было цѣломудріе. Французскій аристократизмъ сочетался съ прусскимъ капральствомъ и неограниченнымъ самодержавіемъ. «Сильное вліяніе чувствованій на умственную дѣятельность и преобладаніе сочетаній по контрасту вполне объясняетъ намъ, почему Павелъ I, обладавшій хорошей памятью и образованіемъ, имѣлъ самыя неправильныя сужденія о самыхъ важныхъ дѣлахъ, смѣшивалъ дѣйствительность съ продуктами своего воображенія, рядомъ съ вѣрными, мѣткими и остроумными сужденіями высказывалъ то, что приближенные между собой называли «галиматьей».

Г. Чижъ относитъ характеръ Павла I къ тому разряду характеровъ, которые описываетъ Malapert: эти лица всегда возбуждены, одно волненіе быстро переходитъ въ другое; они очень беспокойны, боязливы; ихъ симпатіи и антипатіи всегда живы и измѣнчивы, увлеченія разнообразны, но быстро мѣняются; возбужденіе скоро смѣняется истощеніемъ; эти лица — раздражительны, часто мѣняютъ свои планы, агрессивны, даже злы, легко гнѣваются; гнѣвъ иногда ведетъ къ насиліямъ; крайняя веселость смѣняется мрачной печалью. Въ умственной дѣятельности этихъ лицъ замѣчается отсутствіе равновѣсія, системы и глубины; они увлекаются новыми идеями, любятъ парадоксы, неразумительны и непрактичны. Слабость воли, какъ преобладающая черта, гордость, боязливость и гнѣвъ, какъ преобладающія чувствованія — таковы основные признаки характера Павла I.

«Характеръ Павла I былъ бы намъ непонятенъ, — пишетъ г. Чижъ, — если бы Фулье не указалъ на значеніе соотношенія между анаболическими и катаболическими процессами. У Павла I рѣзко преобладали катаболическіе процессы: всѣ психическія состоянія его быстро возникали, скоро протекали и быстро исчезали. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный, не обиженный природою, а потому рядомъ съ злобою и жестокостью онъ проявлялъ благодушіе, былъ любезенъ и даже фамилляренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокъ и грубъ. Однимъ словомъ, въ душѣ Павла I возникали самыя различныя состоянія, и потому тотъ, кто видѣлъ его любезнымъ и благодушнымъ, могъ считать его добрымъ человѣкомъ. Всѣ психическія состоянія быстро возникали и были поэтому поверхностны; Павелъ I, такъ сказать, не имѣлъ времени хорошенько обдумать, обстоятельно анализировать ни одного своего психическаго состоянія; сейчасъ же возникало другое и часто совершенно противоположное; веселье смѣнялось гнѣвомъ, гнѣвъ боязнью и т. д.

Въ жизни этого государя насъ поражаетъ безпардонность, калейдоскопичность психическихъ состояній, сочетаніе самыхъ разнообразныхъ желаній и мыслей. Прусское капральство непонятнымъ образомъ сочеталось съ французскою ученостью; въ одномъ лицѣ уживался рыцарь и капраль; желаніе быть справедливымъ или, по крайней мѣрѣ, разговоры о справедливости уживались съ ежедневнымъ поруганіемъ самой элементарной справедливости. Павелъ I отъ всѣхъ требовалъ подчиненія, а самъ не хотѣлъ подчиняться никакимъ законамъ.

Г. Чижа подробно анализируетъ отношенія, существовавшія между Екатериной и Павломъ, и приходитъ къ тому убѣжденію, что мнѣніе историковъ, приписывавшее образованіе характера Павла неправильности этихъ отношеній между матерью и сыномъ, глубоко ошибочно. Работа г. Чижа еще не закончена; окончаніе ея будетъ посвящено описанію послѣднихъ дней царствованія и гибели Павла I. Въ беллетристической формѣ описаніе это нашло себѣ мѣсто въ романѣ Энгельгардта: «Оправленный тронъ», помѣщенномъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*; несмотря на явную глубочность этого романа, нѣкоторыя сцены, какъ, наприм., сцена убійства Павла заговорщиками съ вѣдома цесаревича Александра, производятъ сильное впечатлѣніе.

Ө. Арнольдъ.

Законодательство и жизнь.

Судъ надъ членами первой Думы и общественное его значеніе.—Реакція въ Думѣ и въ земствѣ.—Послѣднія земскія собранія.—Земство и переселенческій вопросъ.—Экономическая дѣятельность земства.—Мелкія сельско-хозяйственныя общества.—Профессиональные союзы.—Отрицательныя стороны нивѣйшей народной жизни.—Пьянство и борьба съ нимъ.—Походъ противъ высшей школы.—25-лѣтній юбилей А. И. Южина.

Конецъ 1907 года далъ русскому обществу поразительное зрѣлище двухъ одновременныхъ представительныхъ собраній, изъ которыхъ одно формально было облечено высокою властью, но на дѣлѣ носило въ себѣ явные признаки внутренняго безсилія, другое находилось на скамьѣ подсудимыхъ, но своею духовною силою властвовало надъ обществомъ. Съ появленіемъ послѣдняго на общественной сценѣ, оно тотчасъ привлекло къ себѣ главное вниманіе и главный интересъ, такъ какъ оно не только олицетворяло собою воспоминаніе о недавнихъ еще свѣтлыхъ народныхъ надеждахъ, не сбывшихся на этотъ разъ, но и какъ бы воскрешало въ народномъ сознаніи тѣ идеалы, носительницей которыхъ была первая Дума. Въ этомъ воскрешеніи и въ наглядномъ сопоставленіи первой Думы съ третьей, того времени съ настоящимъ, и состоитъ по нашему мнѣнію главное значеніе происходившаго 12—18 декабря процесса о Выборгскомъ воззваніи. Онъ далъ возможность бывшимъ депутатамъ первой Думы снова выступить на общественную арену, съ которой они были удалены, и во всеуслышаніе высказать тѣ завѣтныя мысли о задачахъ истиннаго народнаго представительства, которыя, несмотря на видимое ихъ крушеніе, и по сейчасъ сохранились, не утративъ своей силы, въ глубинѣ народнаго сознанія. По вѣрному выраженію одного изъ подсудимыхъ, князя Баратова, они пришли теперь на судъ не какъ обвиняемые, а какъ обвинители. «Судъ народа насъ оправдалъ,—сказалъ другой депутатъ, Дятцъ,—и если мы говоримъ теперь, передъ судомъ, то лишь потому, что черезъ судъ мы говоримъ съ народомъ и со своими избирателями». А бывший предсѣдатель первой Думы С. А. Муромцевъ сказалъ: «спасибо тѣмъ, кто поставилъ этотъ процессъ, за то, что въ настоящіе тяжелые дни онъ открылъ возможность съ такой яркостью оживить въ общественномъ сознаніи идею первой Государственной Думы».

Въ рѣчахъ теперешнихъ подсудимыхъ Россія еще разъ услышала голосъ своихъ первыхъ избранниковъ, и могла снова провѣрить, къ кому лежитъ ея сердце, съ кѣмъ она и по сю пору остается солидарной, съ этими ли первыми излюбленными ея людьми, или съ нынѣшней искусственно-составленной помѣщичьей Думой. Въ сравненіи съ этимъ «обращеніемъ къ народу» само Выборгское воззваніе отступаетъ на второй планъ, и то, что на судѣ касалось именно его, имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку объясненіями подсудимыхъ разъяснено было взаимоотношеніе первой Думы и правительства и вообще политическое положеніе въ моментъ роспуска. Подсудимые вышли изъ суда осужденными и, несмотря на блистательно доказанную ихъ защитниками непримѣнимость къ данному случаю 129 ст. Угол. Ул., они были осуждены именно по этой статьѣ, лишаящей ихъ права политической и общественной дѣятельности, но передъ судомъ общественнаго мнѣнія они были не только оправданы, но и поставлены на высоту едва ли не большую противъ той, на которой они стояли во время первой Думы. Но еще важнѣе моральнаго удовлетворенія, полученнаго самими подсудимыми, было бодрящее дѣйствіе, произведенное ихъ процессомъ на общество. «Въ залѣ засѣданій, — какъ выразилась *Речь*, — во всю свою ширь развернулась самая яркая полоса нашей исторіи, ослѣпившая взоръ, привыкшій уже къ современнымъ сумеркамъ». Въ такомъ бодрящемъ возбужденіи русское общество очень нуждалось въ послѣднее время, когда сумерки все усиливающейся реакціи, отупляющимъ образомъ дѣйствуя на общество, грозятъ перейти въ полную ночную тьму. Реакціонное направленіе настоящаго момента отличается отъ того, какое было раньше, не только тѣмъ, что оно съ еще большей откровенностью проявляется въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ представителей правительства, но и тѣмъ, что оно приобрѣло господство въ выборныхъ учрежденіяхъ, какъ будто представляющихъ собою народное мнѣніе. Такимъ образомъ съ виду можетъ казаться, что правительственная реакція находитъ себѣ сочувствіе и поддержку въ народѣ, который или «отрезвѣлъ» отъ временнаго увлеченія, какъ говорятъ одни, или испугался революціи, какъ говорятъ другіе. Но усиленіе реакціонныхъ элементовъ въ нынѣшнихъ «представительныхъ» учрежденіяхъ: Государственной Думѣ и земствѣ, вовсе не доказываетъ никакого «отрезвленія» народа или отказа его отъ стремленій, высказывавшихся имъ раньше, а лишь то, что эти учрежденія представляютъ собою не народъ, а ничтожное привилегированное меньшинство. Что правительство и само не вѣритъ въ измѣненіе общенароднаго настроенія, доказывается съ одной стороны тѣмъ, что оно сочло необходимымъ для образованія послушной Думы издать избирательный законъ 3 іюля, а съ другой — повсемѣстнымъ сохраненіемъ исключительныхъ положеній и все усиливающимися репрессивными мѣрами всякаго рода. Можно, пожалуй, сказать, что земское положеніе осталось то же, однако составъ и направленіе земства за послѣднее время очень сильно измѣнились въ сторону реакціи. Но дѣло въ томъ, что земское положеніе 1890 года даетъ дворянству не меньшее,

если не большее преобладание въ земствѣ, чѣмъ законъ 3 іюля—въ Государственной Думѣ. Такимъ образомъ земство и раньше не было дѣйствительнымъ представительствомъ населенія и, если это не отражалось на его составѣ и дѣятельности съ 1890 года до послѣдняго времени и выразилось только теперь, то причину этого нужно видѣть главнымъ образомъ въ томъ, что реакціонная часть дворянства, и прежде составлявшая въ немъ большинство, вообще мало интересовалась общественнымъ дѣломъ, пока оно ограничивалось лишь вопросами мѣстнаго земскаго хозяйства, затрогивавшаго землевладѣльческіе интересы лишь съ точки зрѣнія большей или меньшей величины земскаго сбора. Но когда на очередь былъ поставленъ вопросъ такой капитальной важности для дворянскаго землевладѣнія, какъ вопросъ о принудительномъ отчужденіи помѣщичьихъ земель, причемъ оказалось, что эту мѣру проводили тѣ же люди, которые раньше вели прогрессивную политику и въ земствѣ, то дворянско-помѣщичье большинство проснулось отъ своей апатіи и сплотилось въ своемъ неудовольствіи противъ этихъ прогрессивныхъ земцевъ, въ которыхъ оно стало видѣть своихъ непримиримыхъ враговъ, посягающихъ на самые существенные его интересы. Это неудовольствіе получило особенно рѣзкій характеръ и превратилось въ ненависть въ связи съ крестьянскими волненіями и разгромами помѣщичьихъ усадебъ, и съ подозрѣніями о подстрекательствѣ крестьянъ со стороны земскихъ служащихъ, такъ называемаго третьяго элемента, противъ котораго въ особенности и направило свою разрушительную работу новое реакціонное земство. Въ то же время либеральные элементы земства, можетъ быть, не дали достаточно энергическаго отпора на земскихъ выборахъ сплотившимся реакціонерамъ, такъ какъ вниманіе ихъ было отвлечено отъ земскихъ дѣлъ болѣе широкими политическими задачами: выборами въ Государственную Думу, работой въ самой Думѣ и партійной борьбой, сосредоточенной около нея. Нельзя не имѣть въ виду также, что очень многіе и самые талантливые и популярныя земцы были устранены отъ земской дѣятельности привлеченіемъ ихъ къ судебной отвѣтственности частью за Выборгское воззваніе, частью по другимъ поводамъ. Какъ бы то ни было, земство, какъ и Государственная Дума, измѣнились въ желательномъ для правительства направленіи. Но приобрѣло ли черезъ это правительство какую-нибудь поддержку? Конечно никакой, потому что ни земство, ни Дума въ своемъ настоящемъ видѣ не имѣютъ никакой моральной силы, ибо эта сила дается только солидарностью съ народомъ, которой нѣтъ ни у Думы, ни у земства. Тѣ общественные слои, которые играютъ теперь главную роль въ томъ и другомъ, сами требуютъ себѣ поддержки правительства въ борьбѣ ихъ съ большинствомъ народа и только и держатся благодаря этой поддержкѣ. Конечно, правительство не встрѣчаетъ себѣ въ настоящее время оппозиціи ни въ Думѣ, ни въ земствѣ; но вѣдь оппозиція была бы еще меньше, если бы и то и другое были вовсе сведены къ нулю; однако пустое мѣсто, конечно, не давало бы опоры. Въ сферѣ политики, какъ и въ сферѣ физическихъ явле-

ній, опираться можно только на то, что само по себѣ стоитъ прочно и что представляетъ нѣкоторое сопротивленіе оказываемому давленію. Даже само дворянское большинство и примыкающіе къ нему реакціонные элементы, несмотря на все, что сдѣлано для нихъ правительствомъ, всетаки недовольны и не проявляютъ того ликующаго настроенія, которое появилось было у нихъ въ началѣ при поворотѣ правительственной политики. Теперь и то рѣзкое, злобное отношеніе, которое было въ прошлогоднихъ земскихъ собраніяхъ къ земскимъ людямъ и дѣламъ прежняго склада, во многихъ мѣстахъ смѣняется привычной для дворянства индифферентностью къ земскому дѣлу. Изъ многихъ мѣстъ приходятъ извѣстія, что въ земскихъ собраніяхъ участвовало не болѣе половины всѣхъ гласныхъ; другія собранія разѣхались, не рассмотрѣвши большого числа докладовъ; и вообще нынѣшняя сессія многихъ собраній была очень непродолжительна; такъ напр., въ Твери, гдѣ въ прежнее время губернское собраніе рѣдко кончалось, не использовавши всего законнаго двадцатидневнаго срока, въ нынѣшнемъ году оно продолжалось всего девять дней и было закрыто за недостаткомъ законнаго числа гласныхъ. И въ самой дѣятельности собраній не было того неуклонно разрушительнаго характера, какъ въ прошломъ году. Замѣтны были нѣкоторыя колебанія. Такъ, напр., Вологодское губернское собраніе, вопреки прошлогоднему постановленію, согласилось на созывъ въ 1908 году врачебнаго и агрономическаго сѣздовъ, ассигновавъ на это необходимыя средства. Кишиневское губернское собраніе, упразднившее въ прошломъ году всякую агрономическую организацію, теперь рѣшило сдѣлать большія затраты на улучшеніе и распространеніе посѣвовъ кукурузы, для чего на первый разъ ассигновало 10,000 рублей на приглашеніе специалиста изъ Америки, предположивъ въ будущемъ избрать особую комиссію, которая вмѣстѣ съ уѣздными управами должна будетъ выполнить рядъ мѣропріятій въ этомъ направленіи. Другія земства дѣлали тоже попытки къ удовлетворенію дѣйствительныхъ народныхъ нуждъ, преимущественно въ сферѣ народнаго образованія и экономическихъ мѣропріятій. Такъ, Уфимское земское собраніе постановило открыть въ каждомъ уѣздѣ по школѣ повышеннаго типа имени цесаревича Алексѣя и ассигновать 6,000 руб. на устройство народныхъ библиотекъ; Калужское ассигновало крестьянскимъ обществамъ губерніи 15 т. руб. на травосѣяніе и 200 р. на развитіе пчеловодства. Казанское уѣздное собраніе рѣшило при содѣйствіи мѣстнаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ организовать юридическую помощь крестьянскому населенію, ассигновавъ на это 200 руб. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ велась упорная борьба между реакціонерами и прогрессивными или умѣренными гласными, причѣмъ побѣда иногда оставалась на сторонѣ послѣднихъ. Такъ, въ Полтавскомъ губернскомъ собраніи вопросъ объ организаціи общеобразовательныхъ курсовъ для народныхъ учителей прошелъ незначительнымъ большинствомъ: реакціонеры, изъ которыхъ выдавался молодой Бочубей, доказывали, что курсы съ такими руководителями, какъ намѣченные управой М. М. Ковалевскій, Д. Н. Овсянко-

Куликовскій и Грушевскій, будутъ угрожать спокойствію губерніи, и управѣ пришлось пообщать, что списокъ лекторовъ будетъ измѣненъ. Въ томъ же полтавскомъ собраніи предложеніе объ ограниченіи въ земской фельдшерской школѣ числа евреевъ было замѣнено порученіемъ управѣ выработать проектъ учрежденія стипендій для христіанъ. Обвиненіе субсидируемой земствомъ газеты *Хуторянинъ* въ сепаратизмъ, выразившемся въ изданіи приложений на малороссійскомъ языкѣ, встрѣтило сильный отпоръ и было отвергнуто. Ходатайство монархическаго блока о субсидіи на союзническую читальню отклонено, но въ то же время отказано въ помощи и общественной библиотекѣ, получавшей ее много лѣтъ. Въ Нижегородскомъ губернскомъ собраніи такого же рода борьба окончилась полной побѣдой реакционеровъ, особенно выразившейся въ постановленіи собранія по поводу издававшейся земствомъ *Земской газеты*. Губернаторъ оштрафовалъ редактировавшаго газету члена управы за нарушеніе обязательныхъ постановленій, выразившееся въ статьяхъ «Государственная Дума» и «отзывы о книгахъ». На жалобу управы министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что губернаторъ былъ въ правѣ наложить штрафъ. Находя такое толкованіе невѣрнымъ и не видя возможности при такихъ условіяхъ издавать газету, управа предлагала ее прекратить. Прогрессивная часть собранія поддерживала это предложеніе, но большинство нашло, что губернаторъ былъ правъ, что газету слѣдовало оштрафовать, потому что она проводила взгляды, противные интересамъ землевладѣльцевъ. «Мы платимъ деньги, — сказалъ гласный Л. А. Пушкинъ (потомокъ поэта), — а на нихъ пропагандируютъ, какъ насъ разорить». Собраніе рѣшило газету продолжать, но, разумѣется, въ другомъ направленіи. Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ борьба съ «революціей» выразилась въ формѣ крупныхъ денежныхъ ассигновокъ. Такъ, Екатеринославское земское собраніе, выслушавъ при своемъ открытіи рѣчь губернатора объ убійствахъ революціонерами полицейскихъ, постановило ассигновать 10,000 руб. на усиленіе полиціи и борьбу съ грабежами и въ помощь жертвамъ революціи, а также ходатайствовать о реорганизаціи слѣдственнаго дѣла и упрощеніи (?) судопроизводства въ политическихъ дѣлахъ. Еще дальше въ этомъ направленіи пошло Одесское уѣздное земское собраніе, экстренно созванное для обсужденія предложенія уѣзднаго исправника объ ассигнованіи 29,705 рублей на содержаніе одного новаго становаго пристава, одного полицейскаго надзирателя и пятидесяти конныхъ стражниковъ. Управа полагала ограничиться первыми двумя должностями, не видя надобности въ увеличеніи числа стражниковъ. Но собраніе большинствомъ 18 голосовъ противъ 16 (нѣмцевъ и крестьянъ) приняло предложеніе исправника въ полномъ объемѣ и ассигновало сполна просимую сумму. Очевидно въ тѣхъ же противореволюціонныхъ видахъ чрезвычайное елисаветградское земское собраніе ассигновало 25 т. руб. для выдачи пособій сельскимъ обществамъ на предметъ высылки порочныхъ ихъ членовъ. Самозащита землевладѣльческаго класса играетъ, конечно, важную роль и въ томъ горячемъ участіи, которое въ послѣднее время земство

приняло въ переселенческомъ вопросѣ. Извѣстно, что въ октябрѣ въ Харьковѣ специально по этому вопросу собирався земскій съѣздъ, въ которомъ кромѣ земцевъ Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Черниговской и Херсонской губерній, участвовали также инспектора сельскаго хозяйства, непрѣжные члены землеустроительныхъ комиссій, начальникъ переселенческаго управленія, переселенческіе агенты, агрономы и, наконецъ, председатель и членъ управы общеземской организаціи. Хотя и председатель съѣзда, князь Голицынъ, и представитель правительства, начальникъ переселенческаго управленія г. Глинка, заявили, что ни земство, ни правительство не имѣютъ въ виду рѣшать путемъ переселеній аграрнаго вопроса и что задача съѣзда только урегулировать существующее стремленіе къ переселенію, однако практическія разсужденія съѣзда свелись къ тому, чтобы вмѣсто принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, гдѣ живутъ нуждающіеся въ землѣ крестьяне, переправить послѣднихъ въ возможно большемъ количествѣ на киргизскія земли, отчужденіе которыхъ «не должно встрѣчать препятствія въ недостаткѣ средствъ и противодѣйствія со стороны туземцевъ». Признавая, что переселенческое дѣло должно находиться въ рукахъ центральныхъ правительственныхъ органовъ, съѣздъ вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ заключенію о необходимости участія въ этомъ дѣлѣ и земствъ, и въ частности общеземской организаціи, той самой, которая до сихъ поръ имѣла своей задачей продовольственную помощь населенію мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ. Вопреки тому недовѣрчивому отношенію, какое выражено было правительствомъ къ общеземской организаціи при началѣ ея дѣятельности, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда всякое общее участіе земствъ въ продовольственномъ дѣлѣ признавалось неблагонамѣреннымъ, теперь представитель правительства на съѣздѣ, г. Глинка высказалъ свое полное согласіе съ необходимостью широкаго участія земства въ переселенческомъ дѣлѣ. Со своей стороны представитель общеземской организаціи, кн. Г. Е. Львовъ, признавалъ, что какъ санитарная, такъ и продовольственная часть при переѣздахъ переселенцевъ должна быть передана въ вѣдѣніе общеземской организаціи. Въ такомъ смыслѣ и состоялось постановленіе съѣзда, который однако не ограничился этимъ, но включилъ въ свою задачу и устройство переселенцевъ на мѣстахъ ихъ новаго поселенія. Дѣятельность съѣзда и вообще переселенческій вопросъ были предметомъ усиленнаго вниманія и бывшихъ послѣ него губернскихъ собраній. Черниговское, Полтавское и Нижегородское отнеслись очень сочувственно къ новому направленію дѣятельности общеземской организаціи и постановили примкнуть къ ней, избравши для участія въ ней своихъ уполномоченныхъ; напротивъ, Тульское собраніе отказалось отъ участія въ общеземской организаціи; Кишиневское собраніе тоже отказалось, мотивировавъ свой отказъ тѣмъ, что общеземская организаціи дѣйствуетъ въ настоящее время внѣ сферы земскихъ полномочій. Характерны также постановленія нѣкоторыхъ собраній, какъ, напр., Балужскаго и Базанскаго,

которые оба по своему составу, особенно последнее, вовсе не принадлежат къ либеральнымъ, отказавшихся отъ выбора делегатовъ въ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, на предварительное разсмотрѣніе котораго переданъ министерскій проектъ земской реформы. Последнее собраніе указало и мотивъ своего отказа, состоящій въ томъ, что разсмотрѣніе этого проекта принадлежитъ Государственной Думѣ.

Мы приводимъ этотъ фактъ въ доказательство того, что даже и въ политической сферѣ дѣйствія земскихъ собраній не однообразно реакціонны. Есть даже и такія собранія, которыя высказываютъ принципиально-демократическія и либеральныя мысли, какъ, напр., Новоузенское, постановившее возбудить ходатайство объ увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ и отъ второго, недворянскаго сѣзда. Наконецъ, есть земства, лучшимъ примѣромъ которыхъ можетъ служить Московское уѣздное, которыя вполне сохранили прежнія традиціи земскаго либерализма. Главной заботой послѣдняго земства въ настоящее время является достиженіе всеобщаго обученія въ Московскомъ уѣздѣ, которое, какъ въ настоящее время точно вычислено, будетъ достигнуто въ теченіе семи лѣтъ устройствомъ 130 «комплектовъ», т.-е. отдѣленій съ нормой 50 учениковъ при одномъ учителѣ. Уѣздная управа испрашиваетъ на развитіе школьнаго дѣла субсидію отъ министерства въ 62 т. р. Что касается до выборовъ земскихъ управъ, то само собой разумѣется, что въ большинствѣ земствъ избранъ реакціонный составъ управъ, соответствующій направленію собраній. Какъ на самую чувствительную потерю для земства слѣдуетъ указать на отказъ отъ земской службы извѣстныхъ прогрессивныхъ земскихъ дѣятелей: председателя Нижегородской губернской управы А. А. Савельева и члена ея Г. Р. Вилевейна. На мѣсто ихъ избраны лица совѣтъмъ другаго направленія. Въ нѣкоторыхъ губернскихъ управахъ переизбраны прежніе председатели. Въ Калугѣ большинство новой управы прогрессивное. Были случаи и неутвержденія вновь избранныхъ председателей уѣздныхъ управъ, напр., И. А. Демерта въ Чистополѣ и г. Петерсона въ Ветлугѣ. Въ Костромѣ даже въ дворянскомъ собраніи одержала верхъ либеральная часть дворянства, и 51 голосомъ противъ 43 въ губернскіе предводители былъ избранъ раньше бывшій предводителемъ и устранимый во время выборовъ въ Государственную Думу П. В. Шулениковъ. Впрочемъ, практическаго значенія это избраніе не можетъ имѣть, такъ какъ, за неутвержденіемъ кандидата, должны быть произведены новые выборы. Въ томъ же собраніи избраны были двѣнадцать уѣздныхъ предводителей, изъ которыхъ восемь не утверждены, какъ подписавшіе прошлагоднее постановленіе о принятіи въ среду костромскаго дворянства лицъ, исключенныхъ дворянствомъ нѣкоторыхъ губерній за подписаніе выборскаго воззванія. Изъ этого короткаго обзора всетаки можно видѣть, что прогрессивныя земскія традиціи не вездѣ и не совсѣмъ заглохли, и намъ кажется, что прогрессивныя партіи должны въ настоящее время обратить на земство серьезное вниманіе, пожалуй не меньшее, чѣмъ на выборы въ Государственную Думу, притомъ не только

въ цѣляхъ непосредственной пользы населенія, но и въ цѣляхъ его политическаго развитія. Конечно, область земской дѣятельности гораздо менѣе широка, чѣмъ область Государственной Думы, но она ближе къ населенію и захватываетъ большій кругъ лицъ, непосредственно въ ней участвующихъ. Поэтому и оцѣнка населеніемъ земскихъ дѣятелей проще и распространяется на большее число лицъ. А такъ какъ распрежденіе людей прогрессивнаго и реакціоннаго направленія въ земствѣ очень близко совпадаетъ съ ихъ распреденіемъ въ сферѣ общей политики, да и сама земская дѣятельность въ настоящее время носить на себѣ сильную политически-партийную окраску, то населенію можетъ на земскихъ дѣлахъ вырабатывать и свое общее сужденіе о значительномъ числѣ людей, принадлежащихъ къ той или другой партіи, и устанавливать свои партійныя симпатіи и антипатіи. Не надо забывать и того очень важнаго обстоятельства, что въ сферѣ земской дѣятельности населеніе встрѣчается не только съ самими земцами, но и съ еще ближе стоящими къ народу представителями такъ называемаго третьяго элемента, общественно-политическая фязіономія которыхъ тоже подвергается его критикѣ и тѣмъ способствуетъ выработкѣ народнаго представленія объ идеалѣ общественнаго дѣятеля. Несмотря на возникшее въ послѣднее время гоненіе на третій элементъ, земство, конечно, не можетъ обойтись безъ учителей, врачей, фельдшеровъ и даже агрономовъ, которыхъ приходится иногда вновь приглашать туда, гдѣ они были упразднены. Конечно, земство новаго направленія старается замѣнить всѣхъ самостоятельныхъ работниковъ послушными чиновниками. Но вотъ тутъ-то и происходитъ въ народномъ мнѣніи та дифференцировка третьяго элемента, которая, въ виду тѣсной связи между общими убѣжденіями челоуѣка и характеромъ его практической дѣятельности, значительно способствуетъ развитію и организаціи народнаго сознанія и по отношенію къ обще-политическимъ его симпатіямъ. Было бы особенно важно установить прочную связь между земской дѣятельностью и населеніемъ на почвѣ экономической, тѣмъ болѣе, что въ этой области за послѣднее время въ самомъ народѣ проявилось довольно сильное самостоятельное движеніе. Одною изъ формъ этого движенія были организовавшіяся въ деревнѣ мелкія сельскохозяйственныя общества. Люди, близко знакомые съ деревенскою жизнью, утверждаютъ, что за послѣдніе годы все въ ней сильно измѣнилось и не только въ томъ смыслѣ, что она взбудоражена разными революціонными идеями и стремленіями, но и въ смыслѣ мирнаго исканія новыхъ способовъ улучшенія своего положенія. Прежнія косность и равнодушіе ко всему, что не касается интереса минуты, исчезли.

Крестьяне серьезно стараются улучшить свое хозяйство и обращаются къ новымъ способамъ его веденія: плугъ повсюду смѣняетъ соху, травосѣяніе распространяется все болѣе, и къ нему переходятъ одна деревня за другой; въ крестьянскомъ хозяйствѣ появляются даже искусственныя удобрения. Многое въ этомъ направленіи было сдѣлано при содѣйствіи прежняго земства и земскихъ агрономовъ. А въ послѣднее время замѣ-

чается значительное распространение среди крестьянства разных мѣстных мелких сельскохозяйственных обществъ, разнпожающихся какъ съ помощью, такъ и безъ помощи земства.

Съ развитіемъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ средѣ ихъ возникъ вопросъ объ образованіи ихъ союзовъ. Опытъ такого союза сдѣланъ былъ въ Петербургской губерніи подъ названіемъ центрального сельско-хозяйственного общества. Въ виду нѣкоторыхъ тактическихъ соображеній оно названо было не союзомъ, такъ какъ это названіе не нравилось администраціи и могло задержать утвержденіе, и по тѣмъ же соображеніямъ въ уставъ его было внесено, что членами его могутъ быть не только общества, но и отдѣльныя лица. Но другой § устава ограничилъ права частныхъ лицъ, которыя имѣютъ лишь совѣщательный голосъ и не могутъ быть избираемы на должности.

Послѣ этого уставъ былъ утвержденъ, и въ центральное общество вошли пять мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ Петербургскаго уѣзда, пять Шлиссельбургскаго и два Царскосельскаго, избравшія каждое троику представителей. Въ числѣ задачъ центрального общества поставлено содѣйствіе учрежденію новыхъ обществъ и товариществъ. Дальнѣйшая дѣятельность его будетъ, конечно, зависѣть отъ отношенія къ нему главнаго управленія землеустройства и земледѣлія и земства, къ которымъ общество обратилось съ ходатайствами о субсидіи. Эта зависимость и составляетъ главную опасность для такого рода начинаній, вслѣдствіе крайней измѣнчивости взглядовъ и правительственныхъ властей и земства. Уже и теперь попытка учрежденія въ Вологдѣ союза сельско-хозяйственныхъ обществъ вродѣ Петербургскаго и съ почти такимъ же уставомъ не могла осуществиться, такъ какъ проектъ устава не былъ утвержденъ мѣстной администраціей. Еще болѣе недовѣрчивое отношеніе къ себѣ администраціи встрѣчаетъ другой видъ народной самопомощи, устройство профессиональныхъ союзовъ, тоже сильно распространяющихся въ послѣднее время. Несомнѣнно профессиональное движеніе развилось бы въ рабочей средѣ и гораздо больше, если бы оно не встрѣчало препятствій не только со стороны хозяевъ-фабрикантовъ, но и со стороны правительственныхъ властей. Дѣятельность профессиональныхъ союзовъ, помимо основного закона о нихъ, изложеннаго въ Высочайшемъ указѣ 4 марта 1906 г., регулируется въ настоящее время циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 30 ноября 1907 г., въ которомъ министръ сообщаетъ, что по внесеннымъ имъ въ Правительствующій сенатъ вопросамъ: 1) имѣютъ ли профессиональныя общества право устраивать: а) публичныя собранія и в) чтенія, концерты и т. п. въ цѣляхъ усиленія средствъ обществъ и 2) имѣютъ ли право профессиональныя общества составлять капиталы для выдачи пособій своимъ членамъ во время стачекъ,—а эти вопросы Сенатъ отвѣтилъ такъ: по 1-му вопросу, законъ, говоря о публичныхъ собраніяхъ, предусматриваетъ возможность устройства ихъ лишь отдѣльными лицами, но не цѣлыми обществами и въ немъ не содержится

указаній на право профессиональных обществ устраивать публичные собранія, а потому слѣдуетъ признать, что имъ этого права не предоставлено; равнымъ образомъ не могутъ они устраивать и спектаклей, концертовъ и т. п., такъ какъ все это суть публичныя собранія. Этимъ разъясненіемъ очевидно значительно ограничивается свобода дѣятельности профессиональных союзовъ и затрудняется возможность пріобрѣтенія ими необходимыхъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется и значеніе болѣе благоприятнаго отвѣта на другой вопросъ, по которому Сенатъ призналъ, что профессиональныя общества могутъ выдавать своимъ членамъ пособие изъ образованныхъ для этой цѣли капиталовъ также и во время стачекъ, такъ какъ по закону 2 декабря 1905 г. стачки, мирно протекающія, считаются дѣяніемъ не наказуемымъ, кромѣ случаевъ, перечисленныхъ въ этомъ законѣ. Все же это напоминаніе очень важно, такъ какъ изданные во время освободительнаго движенія законы въ настоящее время очень легко забываются на практикѣ. Со времени изданія закона 4 марта 1906 г. Россія покрылась цѣлой сѣтью профессиональных союзовъ (или обществъ, по официальной терминологіи, такъ какъ союзы, т.-е. соединенія обществъ этимъ закономъ запрещены), начиная съ такихъ крупныхъ, какъ петербургскій союзъ рабочихъ по металлу, до мелкихъ, насчитывающихъ лишь десятковъ-другой членовъ. По даннымъ организаціонной комиссіи по созыву предполагавшагося всероссійскаго съѣзда профессиональных союзовъ, лѣтомъ 1907 года въ Россіи считалось 652 союза съ 246,272 членами. Въ дѣйствительности число союзовъ было больше, такъ какъ въ эту цифру не вошли сибирскіе и прибалтійскіе союзы; зато число членовъ, если считать только правильно платившихъ, было несомнѣнно меньше. Во всякомъ случаѣ, профессиональныя союзы имѣлись во всѣхъ отрасляхъ производства, какъ фабричнаго, такъ и ремесленнаго. Въ профессиональныхъ организаціяхъ остались только сельско-хозяйственныя рабочіе. Дѣятельность разныхъ профессиональных союзовъ въ разныхъ мѣстахъ при разномъ составѣ и различныхъ условіяхъ съ самаго начала пошла неровно. Нѣкоторые болѣе сильныя и болѣе культурныя союзы пытались стать на почву непосредственнаго воздѣйствія на условія экономическаго положенія рабочихъ массъ. Въ Лодзи посредничество профессиональнаго общества рабочихъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ привело къ улаженію конфликтовъ между хозяевами и рабочими на многихъ фабрикахъ. Закрытое нынѣ профессиональное общество рабочихъ печатнаго дѣла пыталось урегулировать взаимоотношеніе владѣльцевъ петербургскихъ типографій и ихъ рабочихъ, организовавъ смѣшанную тарифную комиссію, въ которую вошли какъ представители владѣльцевъ, такъ и уполномоченные отъ профессиональнаго общества. Комиссія эта очень серьезно и обстоятельно разсматривала поставленные ей вопросы, преимущественно касающіеся внутренняго распорядка въ типографіяхъ, и по нѣкоторымъ изъ нихъ, наприм., о пріемѣ и увольненіи рабочихъ, о выборныхъ собраніяхъ рабочихъ, о явкѣ на работы и уходѣ съ работъ, пришла къ соглашенію, хотя это

соглашеніе и не было потомъ закрѣплено. Союзъ рабочихъ по металлу препринималъ анкету на фабрикахъ и заводахъ о причинахъ конфликтовъ между предпринимателями и рабочими. Собраніе представителей болѣе крупныхъ союзовъ Петербурга предполагало произвести еще болѣе обширную анкету для обследованія вообще быта и условій труда петербургскихъ рабочихъ. Обсужденіемъ этихъ условій занимались и делегатскія собранія союзовъ; наприм., на одномъ изъ такихъ собраній общества рабочихъ по металлу рѣшено было энергично бороться противъ сверхурочныхъ работъ. Нѣкоторые союзы однородныхъ профессій издавали сообща печатные органы: *Профессиональный Вѣстникъ* и болѣе спеціальные: *Трудъ Печатника*, *Рабочій по металлу* и друг. Однако вся такая дѣятельность союзовъ была далеко не достаточна для привлеченія въ нихъ не только большинства рабочихъ, но даже и значительнаго ихъ числа, и если въ Петербургѣ развитіе профессиональнаго движенія всетаки шло впередъ, то въ провинціи оно шло гораздо медленнѣе, и число союзовъ и ихъ участниковъ послѣ первыхъ вспышекъ часто начинало ослабѣвать или и вовсе падать. Такъ, наприм., по извѣстіямъ изъ Царицына, при общемъ числѣ тамъ рабочихъ разныхъ профессій, доходящемъ до 30 тысячъ, въ концѣ 1906 года было 1,450 человекъ, участвующихъ въ профессиональныхъ организаціяхъ, а въ концѣ 1907 г.—800 человекъ. Главною причиною такого упадка конечно репрессіи администраціи. Но и помимо ихъ существуютъ и внутреннія причины,—это неразвитость и, какъ слѣдствіе ея, индифферентизмъ значительной части рабочей массы. Впрочемъ, и въ этомъ индифферентизмѣ важную роль играетъ конечно неразрѣшеніе, хотя бы и незаконное, общихъ собраній. Поэтому большинство руководящихъ союзовъ правленій и совѣтовъ пришли къ заключенію о необходимости обратить въ настоящее время главные свои усилія на культурно-просвѣтительную дѣятельность, которая, какъ они надѣются, поможетъ сплотить рабочихъ одной профессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять ихъ умственный уровень, отвлечь ихъ отъ пьянства и т. п. Къ числу видовъ такой культурной дѣятельности, кромѣ изданія своихъ печатныхъ органовъ, должны быть отнесены: устройство библиотекъ и читаленъ, организація общедоступныхъ лекцій и совмѣстныхъ чтеній, организація кружковъ самообразованія, устройство рабочихъ клубовъ, литературныхъ вечеровъ, спектаклей, концертовъ. Нельзя не признать этотъ путь разумнымъ, хотя и на немъ профессиональные дѣятели несомнѣнно будутъ наталкиваться на многія препятствія. Правительство въ послѣднее время становится все болѣе явно несочувствующимъ профессиональному движенію, что и выражается въ неразрѣшеніи однихъ союзовъ и въ массовомъ закрытіи другихъ. Мы уже указывали на закрытіе общества рабочихъ печатнаго дѣла, едва ли не самой культурной изъ профессиональныхъ организацій. Многочисленные случаи закрытія союзовъ были и въ другихъ мѣстахъ по всей Россіи. Въ Новочеркасскѣ тоже закрытъ союзъ печатнаго дѣла на томъ основаніи, что онъ «препятствуетъ выполненію заказовъ».

Въ Екатеринославѣ два союза (одинъ тоже печатный) закрыты за то, что не дали администраціи доказательства отрицательнаго факта «непричастности къ революціонной дѣятельности». Витебское губернское объ обществахъ присутствіе въ одно засѣданіе постановило закрыть десять профессиональных обществъ. Въ Костромской губерніи подверглись огульному гоненію всѣ профессиональные союзы, какъ заподозрѣнные въ осуществленіи заранѣе намѣченной программы такъ называемой социаль-демократической партіи». Логически рассуждая, преслѣдованіе профессиональных союзовъ правительственными властями можетъ показаться страннымъ, такъ какъ союзы эти именно стремятся къ мирному урегулированію рабочаго движенія, и во многихъ случаяхъ вліяніе ихъ способствовало благополучному окончанію забастовокъ. Но исторически, такое отношеніе понятно, такъ какъ оно входитъ въ общую сферу того реакціоннаго направленія, зачатки котораго были уже и въ кульминаціонный моментъ освободительнаго движенія и которое съ тѣхъ поръ постепенно усиливалось. Уже и тогда нереформированный еще Государственный Совѣтъ высказывалъ, что «свобода союзовъ и стачекъ не соответствуетъ условіямъ нашего государственнаго строя». Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ все того же страха за потрясеніе основами государственнаго строя, законъ 4 марта 1906 года, данный à contre sens, какъ и многіе изданные тогда законы, скоро потерялъ свою реальную силу, и что раньше дѣлалось вслѣдствіе отсутствія закона, то теперь стало дѣлаться, несмотря на законъ. И практическіе результаты для профессиональных союзовъ получились тѣ же, — они стали загоняться въ подполье. Но подпольныя, нелегалizadasныя организаціи, при существующемъ составѣ профессиональных обществъ, при ихъ вовсе не конспиративныхъ дѣлахъ и при невозможности для нихъ при такихъ условіяхъ имѣть сколько-нибудь достаточныя средства, не могутъ существовать; активной поддержки и содѣйствія профессиональнымъ союзамъ со стороны общества тоже почти не замѣчается, хотя теоретическій интересъ къ нимъ проявилъ «Общество содѣйствія русской промышленности», которое нынѣшней осенью обсуждало дѣйствующія правила объ открытіи и закрытіи профессиональных обществъ и пришло къ заключенію, что вѣдать это дѣло должны судебныя учрежденія и въ частности окружныя суды. Больше всего профессиональными обществами интересуются и стремятся дѣятельно сблизиться социаль-демократы. Съ ихъ партійной точки зрѣнія, это, конечно ихъ, — право и обязанность, но едва ли ихъ участіе полезно для самихъ профессиональных обществъ прежде всего уже потому, что оно еще болѣе усиливаетъ подозрительность и недоброжелательство къ нимъ правительственной власти. А затѣмъ и отношеніе социаль-демократической партіи къ профессиональнымъ обществамъ таково, что едва ли оно будетъ способствовать какъ дѣловому развитію самихъ обществъ, такъ и развитію внутренняго сознанія ихъ членовъ. Партія, какъ видно изъ резолюцій, принятыхъ на конференціяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, на которыхъ преобладали большевики, считаетъ нужнымъ

подчинить профессиональные союзы своему партийному влиянию и руководству, для чего признать участие членов партии в союзах обязательным, самые же союзы группировать под руководством органа, объединяющего принадлежащих к партии членов отдельных союзов. Если бы это было достигнуто, то получилось бы партийное единение различных по профессии союзов и вместе с тем внутреннее разделение союзов одной профессией. Иначе отнеслись к этому вопросу меньшевики, высказавшиеся в своем собрании, бывшем послѣ конференціи, против установленія постоянного взаимнаго представительства, но признавшіе болѣе целесообразнымъ устройство совѣщаній представителей, когда потребуется согласованіе дѣятельности обѣихъ, т.-е. партийной и профессиональной, формъ организаціи. Это отношеніе, конечно, гораздо правильнѣе, но и у меньшевиковъ на первомъ планѣ являются интересы партии, а не союзовъ самихъ по себѣ. Между тѣмъ даже для политическаго воспитанія членовъ профессиональныхъ союзовъ желательнымъ было бы участіе въ нихъ такихъ людей, которые бы поставили себѣ главною задачею помогать самому профессиональному движенію даже безъ отношенія его къ программамъ и формуламъ той или иной партии. Партийность придетъ потомъ сама собою не черезъ навязываніе извнѣ выработанныхъ уже и готовыхъ ученій, а путемъ естественнаго развитія сознанія, критики и выбора, подобно тому, какъ мы говорили и по отношенію къ земству. Конечно, для этого развитія свободной критики въ народѣ чрезвычайно важно и желательно распространеніе всякаго рода союзовъ, въ которыхъ люди встрѣчаются на почвѣ обсужденія близкихъ имъ общихъ дѣлъ. И такіе союзы въ настоящее время образуются повсюду, гдѣ ихъ появленіе и распространеніе не задерживаются внѣшнею силой. Мы остановились на двухъ ихъ формахъ: профессиональныхъ союзахъ и мелкихъ сельскохозяйственныхъ обществахъ. Но есть много другихъ формъ, наприм., потребительныя общества, кредитныя товарищества и различныя артели и другіе виды коопераціи.

Базалось бы, что направленіе народной энергіи именно на выработку и развитіе мирнымъ путемъ лучшихъ формъ экономической жизни должно бы возбуждать сочувствіе правительственныхъ круговъ даже въ смыслѣ воздѣйствія такимъ путемъ на политическое успокоеніе народа. Оказывается, что на этотъ счетъ могутъ быть и другіе взгляды. Такъ, по словамъ *Ръчи*, когда кооперативное движеніе стало развиваться въ Петербургѣ, то хозяева-лавочники, рѣшивъ бороться съ нимъ, возложили свою надежду на правыя фракціи Государственной Думы и постановили на собраніи обратиться въ послѣднимъ съ просьбою внести запросъ по поводу кооперативныхъ лавокъ, «подрывающихъ благосостояніе частной торговли в промышленности и имѣющихъ въ своей основѣ тенденцію осуществить социализмъ». Съ такимъ «жупеломъ» не мудро, если ходатайство петербургскихъ лавочниковъ и не останется бесплоднымъ.

При такихъ условіяхъ естественно, что во многихъ случаяхъ здоровая народная энергія не находитъ себѣ примѣненія въ жизни и перерождается у однихъ въ кулачество, а у другихъ—въ тѣ беспорядочныя стремленія,

которые въ концѣ-концовъ нерѣдко выражаются въ безшабашномъ хулиганствѣ и пьянствѣ. Последнее, по отзывамъ даже людей вовсе не склонныхъ къ огульнымъ обвиненіямъ «мужика», очень распространено въ крестьянской и рабочей средѣ. Извѣстно, что вопросъ о пьянствѣ вдругъ выросъ за последнее время и возбудилъ особенный интересъ какъ въ Думѣ, гдѣ его очень энергично, хотя и довольно наивно, пропагандировалъ депутатъ Челышевъ, такъ даже и въ такомъ инертномъ учрежденіи, какъ Государственный Совѣтъ. Сомнительно, конечно, чтобы изъ этого возбужденія могло выйти что-нибудь реальное. Извѣстно, что доходомъ отъ вина покрывается цѣлая третья часть нашего государственнаго бюджета; такимъ образомъ финансовое вѣдомство прямо заинтересовано въ томъ, чтобы этотъ доходъ, а слѣдовательно, и потребление вина не уменьшалось, а увеличивалось, т.-е. чтобы народъ платилъ изъ своихъ средствъ за водку какъ можно больше, слѣдовательно, чтобы на другія потребности, дѣйствительно нужныя, у него оставалось меньше. Таково безвыходное противорѣчіе, въ которое ставитъ государство наша питейная система. Представляя всѣ невыгоды косвенныхъ налоговъ вообще, питейный налогъ отличается отъ всѣхъ нихъ еще тѣмъ, что, уплачивая другіе налоги, потребитель, хотя и по сравненію дорогой цѣнѣ, но все же приобретаетъ нѣчто для себя полезное, тогда какъ въ данномъ случаѣ онъ болѣе чѣмъ втридорога покупаетъ вещь въ лучшемъ случаѣ бесполезную, а въ большинствѣ случаевъ вредную. Притомъ и распределеніе этого налога крайне неправильно: онъ не только почти всей массой своей ложится на бѣднѣйшую часть населенія, но и распределеніе его между отдѣльными лицами таково, что больше всего его платятъ именно люди наиболѣе слабые физически и нравственно. Эта сторона дѣла теоретически не представляетъ ничего труднаго для разрѣшенія. Питейный налогъ долженъ быть отмененъ и замѣненъ другимъ болѣе справедливымъ. Но такъ какъ выдумать такой справедливый налогъ, не коснувшись имущественныхъ интересовъ господствующихъ теперь классовъ, очень трудно, то едва ли можно ожидать отъ теперешнихъ Думы и Государственнаго Совѣта какой-либо дѣйствительно серьезной мѣры въ этомъ направленіи. Борьба съ народнымъ пьянствомъ объявляется только на словахъ; зато, повидимому, мы готовы вступить въ новую полосу борьбы съ народнымъ просвѣщеніемъ,—по крайней мѣрѣ, появляются уже нѣкоторые симптомы того, что и къ просвѣщенію начинаетъ примѣняться полицейская точка зрѣнія. Характернымъ симптомомъ такого взгляда является, напримѣръ, требованіе удостовѣренія личности отъ посѣтителей петербургской публичной бібліотеки. Продолжаютъ закрываться различныя просвѣтительныя учрежденія, вродѣ закрытаго на дняхъ народнаго дома харьковскаго общества грамотности. Повидимому, увѣнчается успѣхомъ и предпринятый реакціонерами походъ противъ высшей школы. По этому поводу въ *Московскомъ Ежегодникѣ* № 49 была напечатана статья кн. Е. Н. Трубецкаго, имѣющая большое значеніе, какъ сужденіе человѣка, стоящаго близко къ университету и вполне освѣдомленнаго объ университетскихъ дѣлахъ и въ то же время

никоимъ образомъ не могущаго быть заподозрѣннымъ въ какомъ-либо нравственномъ потворствѣ безпорядкамъ, нарушающимъ правильный ходъ университетскаго ученія. Указавъ на предпринятую въ *Новомъ Времени* кампанію противъ университетской автономіи, ничѣмъ по существу не отличающуюся отъ той, какая была въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, авторъ справедливо обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что именно только теперь университетскіе безпорядки, продолжавшіеся постоянно при прежнемъ режимѣ, прекращаются самими студентами, вслѣдствіе внутренней потребности перейти къ правильному и спокойному занятію наукой. «Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ кн. Трубецкой,—вопреки очевидности, среди правыхъ до сихъ поръ распространено мнѣніе, будто основной причиной безпорядковъ является университетская автономія. Вообще ихъ самоувѣренность равняется только ихъ незнанію. Весь прошлогодній запросъ объ университетскихъ дѣлахъ въ Государственномъ Совѣтѣ покоился на томъ предположеніи, что въ университетахъ еще существуетъ инспекція. О ея упраздненіи Высочайшимъ указомъ составители запроса не знали. Какъ бы ни были нелѣпы обвиненія въ бездѣйствіи власти, они опасны потому, что исходятъ изъ сферъ вліятельныхъ. Правые, дѣйствительно, могутъ добиться назначенія новаго министра, который «разъяснитъ» автономію и возстановитъ «старый порядокъ». Тѣмъ самымъ они подольютъ масла въ огонь, готовый угаснуть. А въ результатѣ университетъ возвратится въ то ужасное состояніе, въ какомъ онъ былъ при Боголѣповѣ, Ванновскомъ и Зенгерѣ. Въ университетѣ, какъ и всюду, хроническое военное положеніе плодитъ хроническую смуту». Въ настоящее время перемѣна министра уже составляетъ совершившійся фактъ. Бывшій министръ просвѣщенія П. М. фонъ-Кауфманъ и его товарищъ О. П. Герасимовъ уволены, и на мѣсто министра назначенъ А. Н. Шварцъ. Безъ сомнѣнія, эта перемѣна лицъ выражаетъ собою и перемѣну направленія. Нельзя, конечно, и ранѣе было ожидать, чтобы общая политика правительства имѣла одинъ характеръ, а по отношенію его къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ—другой. Поэтому ошибочно было рассчитывать на то, что автономія университетовъ поставитъ ихъ въ положеніе какъ бы экстерриторіальности. Въ этомъ случаѣ подтверждается та же связь частнаго съ общимъ, которую мы видимъ всюду, и также приходится сдѣлать тотъ выводъ, что и въ дѣлѣ высшаго образованія—правильная и прочная постановка его зависитъ главнымъ образомъ отъ установленія правильной общегосударственной политики. Это является еще лучшимъ мотивомъ для того, чтобы никому не уклоняться отъ того хотя бы и небольшого участія въ общеполитическихъ дѣлахъ, которое каждый въ предѣлахъ своего права долженъ считать своей обязанностью. По этому поводу нельзя не указать на неправильность, между прочимъ, и того мнѣнія, нерѣдко высказываемаго людьми вовсе не враждебными ни студентамъ, ни университету, что студенты должны устранить себя отъ всякой политики и заниматься исключительно наукой. Говорящіе такъ забываютъ, что цѣль пребыванія студентовъ въ высшемъ учебномъ заведеніи

не есть только приобретённые научныхъ свѣдѣній, но и подготовка себя къ дѣятельности практическаго работника и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданина. Къ этому готовятся и юристъ, и медикъ, и будущій педагогъ, техникъ, инженеръ и т. д. Люди, получившіе уже достаточное развитіе, не могутъ не сознавать связи ихъ будущей дѣятельности съ общимъ ходомъ политической жизни въ странѣ и не имѣть своихъ политическихъ симпатій и антипатій, и не выражать ихъ такъ или иначе. И не только не могутъ, но и не должны. Мы всё вообще слишкомъ склонны пребывать въ выжидательномъ положеніи. Часто слышится голоса: «при такихъ условіяхъ ничего нельзя дѣлать, надо переждать». Въ такихъ словахъ мы видимъ большую и вредную ошибку. Условія для дѣла не есть что-нибудь независимое отъ самаго дѣла. Они не сваливаются съ неба, а создаются тою же человѣческою работой, подготовительной работой, которая именно сейчасъ и нужна. Чтобы строить новое зданіе на мѣстѣ, засыпанномъ старымъ мусоромъ, нужно не дожидаться, пока онъ самъ собою куда-то исчезнетъ; такое ожиданіе приведетъ лишь къ тому, что онъ будетъ накопляться все больше и больше. Нужно самимъ строителямъ приняться за очистку и подготовку мѣста. Не приходите въ отчаяніе и не опускайте рукъ отъ того, что сдѣланное вами сегодня разрушается завтра. Продолжайте то же и завтра, и послѣ завтра, даже если сдѣланное вами будетъ опять разрушено. Особенно не пытайтесь работать Богу и мамонѣ, не возлагайте надеждъ на то, что на старомъ мусорѣ или изъ него можно построить что-нибудь новое. Борьба безнадежна, говорите вы; но пассивное выжиданіе еще безнадежнѣе. И надо разъ навсегда признать, что безнадежная въ данную минуту борьба остается все-таки обязательною. Погибшіе при Фермопилахъ не менѣе славны въ исторіи, чѣмъ побѣдившіе при Саламинѣ. Что же, скажете вы, неужели надо попусту кричать и дѣлать демонстраціи? Нѣтъ, хотя иногда и крикъ, исходящій отъ сердца, не крикъ отчаянія, а крикъ негодованія и призыва, можетъ стать пророческимъ гласомъ предтечи, вопіющаго въ пустынѣ; но, главное, нужно спокойно, не въ спокойствіи равнодушія, а въ спокойствіи рѣшимости, продолжать безустанно подготовительную работу развитія и организаціи народнаго сознанія и народной воли.

В. Линдъ.

24-го января исполнилось 25-лѣтіе артистическаго служенія А. И. Южина (кн. Сумбатова). Онъ неразрывно связалъ свое имя со сценой Малаго театра и бережно пронесъ черезъ всю свою дѣятельность его славныя традиціи. Артистъ образованный и глубоко культурный, сильный и въ бытовыхъ роляхъ, и въ героическихъ, онъ создалъ рядъ живыхъ образовъ и художественно воплотилъ созданія многихъ поэтовъ.

Редакція нашего журнала, издавна связанная съ Александромъ Ивановичемъ его сотрудничествомъ и дружбой, приноситъ уважаемому артисту и писателю свои душевные поздравленія и своей горячій привѣтъ.

Ред.

Иностранная политика.

Что принесет 1907 г. Россіи въ международномъ мірѣ? Этотъ вопросъ невольно заслоняется тѣми надеждами, слишкомъ часто кратковременными, и разочарованіями, которыя мы переживаемъ, думая о судьбахъ нашей страны. И всетаки, какъ бы ни были сильны и жгучи эти переживанія, мы не можемъ отказаться отъ потребности уяснить себѣ взаимодействие между послѣдними внутренними событіями и всемірно-исторической картиной, которая открывается передъ глазами современнаго изслѣдователя.

Какъ отразились русскія событія послѣдней эпохи въ европейскомъ и общественномъ мнѣніи? Можно, конечно, сказать, что послѣднее есть только абстракція, только идеальная равнодѣйствующая совершенно разнородныхъ социальныхъ и культурныхъ силъ. И всетаки подобная средняя оцѣнка существуетъ, и мы можемъ замѣтить, какъ она измѣняется. Всѣмъ памятенъ тотъ тонъ напряженнаго и тревожнаго ожиданія, который господствовалъ въ сужденіяхъ о нашихъ дѣлахъ западной публицистики въ эпоху русско-японской войны, осложненную глубокимъ внутреннимъ кризисомъ; всѣмъ памятны и надежды, связанныя съ введеніемъ въ Россію конституціоннаго порядка,—порядка, который долженъ былъ лишить Россію характера какого-то чужероднаго тѣла въ семьѣ европейскихъ государствъ. Далѣе рядъ разочарованій. Разочарованіе прежде всего въ русскомъ революціонномъ движеніи, которое вырождалось въ социальный бандитизмъ, разочарованіе въ силахъ общества, которое не смогло создать устойчивую позицію, отмежеванную отъ революціи и реакціи. Разочарованіе въ правительствѣ, которое со своей стороны не способно установить примиреніе интересовъ свободы и порядка. Все это иногда сопровождалось какъ бы временнымъ возрожденіемъ надеждъ, что кризисъ всетаки пройдетъ. Какъ характерна была, напримѣръ, прошлою осенью перемена въ тонѣ *Times*, которое, какъ бы внезапно озаренное, стало очень склонно считать Столыпина провиденціальнымъ человѣкомъ, призваннымъ спасти Россію! Но и этотъ расчетъ оказывался невѣрнымъ; выборы во вторую Думу обнаруживали истинное настроеніе страны, а исторія этой Думы доставила только нѣсколько новыхъ весьма вѣщныхъ доказательствъ, съ какими трудностями—внѣшними и внутренними—связано созданіе конституціоннаго режима у насъ.

Актъ 3-го іюня встрѣтилъ очень сочувственную оцѣнку въ консервативной нѣмецкой прессѣ. Знаменитый профессоръ Шиманъ привѣтствовалъ его какъ возвратъ къ разуму и порядку: правительство сознало, что масса населенія Россіи совершенно не подготовлена къ политической жизни;

представить ей въ дальнѣйшемъ такое же вліяніе на эту политическую жизнь, которымъ оно пользовалось по старому избирательному закону — значить колебать все зданіе соціального строя. Сильное правительство, опирающееся на олигархическое представительство—таковъ рецептъ, рекомендованный для насъ другою императоромъ Вильгельмомъ. Но и въ Германіи, а тѣмъ болѣе въ Англіи и Франціи, достаточно часто можно было встрѣтиться съ пониманіемъ того, насколько это механическое пережѣченіе правъ въ сторону сравнительно малочисленныхъ соціальныхъ группъ мало въ себѣ заключаетъ задатковъ истиннаго умиротворенія страны.

Результатъ выборовъ въ третью Думу не явился неожиданностью, какъ и то странное, нѣсколько двусмысленное положеніе, которое эта Дума заняла. Достаточно вспомнить хотя бы блестящій анализъ, которому подвергла *Тетрз* программу октябристской фракціи. Какъ можетъ вновь собранное народное представительство балансировать между волей правительства и желаніями населенія? Замерли ли съ другой стороны тѣ силы, которыя потрясли до основанія русскій государственный механизмъ, или это только временное затишье? Острый кризисъ переходитъ въ хроническій, но онъ попрежнему не имѣетъ ничего общаго съ нормальнымъ состояніемъ. А пока это такъ, Россія остается для западной Европы невыясненной величиной— не только для ея мыслителей и публицистовъ, но и для ея государственныхъ людей и дипломатовъ. Какъ долженъ котироваться ея удѣльный вѣсъ на дипломатическомъ рынкѣ? Какую способность сопротивленія она окажетъ угрозамъ съ западной или восточной границы? Очевидно, Россія въ этомъ смыслѣ въ настоящую минуту далеко не представляется такой опредѣленной величиной, какъ Германія, Франція или Англія, и даже, быть можетъ, она въ этомъ отношеніи уступаетъ Австро-Венгріи, которая тоже въ своемъ родѣ есть дипломатическій сфинксъ переживаемаго момента.

А между тѣмъ міровая конъюнктура складывается такъ, что Россія должна занять въ ней совершенно опредѣленное положеніе. Теперь уже мы не можемъ раздѣлять стариннаго представленія, котораго, впрочемъ, весьма цѣпко держатся въ нѣкоторыхъ кругахъ—будто вѣдѣнная политика фабрикуется ловкими комбинаціями и гениальными приѣмами лицъ, стоящихъ у кормила правленія. За этой кажущейся игрой капризовъ и крупныхъ или мелкихъ самолюбіи мы научились видѣть дѣйствіе великихъ историческихъ силъ, глубокихъ экономическихъ и культурныхъ переворотовъ. И чѣмъ больше осложняется жизнь современнаго государства, чѣмъ болѣе многообразными связями серѣпляется она съ жизнью другихъ странъ—тѣмъ менѣе приложимо это старое представленіе о всемогуществѣ дипломатинъ, воспитанное на воспоминаніи о династическихъ спорахъ и войнахъ XVIII вѣка. Новыя силы, выдвинутыя на международную сцену, колеблютъ постоянно столь легко нарушаемое равновѣсіе и вызываютъ запросы на новыя группировки. Въ этомъ, быть можетъ, лучшій залогъ относительной прочности мира. Мы видѣли, какъ беспомощна оказалась въ этой трагической проблемѣ вторая гаагская конференція, хотя она оставила несомнѣнно свой слѣдъ въ болѣе второстепенныхъ вопросахъ техники международного общенія и

Въ этомъ смыслѣ не заслуживаетъ того презрительнаго и насмѣшливаго отношенія, которымъ она сопровождалась. Мы видимъ, какъ среди самого социализма, который весь основанъ на идеѣ международной солидарности угнетенныхъ классовъ, проповѣдь конкретнаго антимилитаризма, проповѣдь Эрве и отчасти Жореса встрѣтила рѣзкій отпоръ; въ смыслѣ пониманія современной проблемы войны и мира, урокъ Штудтгарта стоитъ урока, полученнаго на гаагской конференціи. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должны мы остановиться на предстоящей перегруппировкѣ. Старая система европейскаго равновѣсія держалась на противоположности двойственнаго союза Россіи и Франціи тройственнаго—Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, и на «блестательной изолированности» Англіи. Эта система возникла тогда, когда главное вниманіе дипломатіи поглощено было европейскими дѣлами и когда еще не было войны китайско-японской, испано-американской, англо-бурской, союзнической войны въ Китаѣ и, наконецъ, самой ужасной и кровавой изъ нихъ—русско-японской. За послѣднія 20 лѣтъ дипломатическій горизонтъ необычайно расширился; онъ охватываетъ весь земной шаръ, международная жизнь становится въ истинномъ смыслѣ мировой.

Какова же эта новая группировка, на которой должно держаться мировое равновѣсіе? Мы видимъ ея безостановочное развитіе. Съ одной стороны, выходитъ изъ своей изолированности Англія; она еще не союзница Франціи, но уже связана съ ней политикою «сердечнаго соглашенія». Съ другой стороны, Италія не выходитъ изъ тройственнаго союза, но въ ея традиционныхъ отношеніяхъ къ Франціи происходитъ рѣзкій и очевидный переломъ. Что осталось отъ кристіанскихъ традицій галлофобства, отъ попользованій во Франціи возстановить свѣтскую власть папы надъ Римомъ. Все это *tempi passati*, и итальянское общественное мнѣніе несомнѣнно ближе къ Франціи, чѣмъ къ Германіи и въ особенности къ Австро-Венгріи, съ которой подготавливается, новидимому, ожесточенная борьба за адриатическое побережье Балканскаго полуострова. Далѣе, несомнѣнно могущественнымъ факторомъ международной жизни стала Японія. Въ моментъ ея перваго активнаго выступленія, послѣ симонсевскаго договора, она имѣла противъ себя Россію, Германію и Францію и встрѣчала поддержку лишь со стороны Англіи. Теперь она связана съ Англіей союзнымъ договоромъ, антагонизмъ съ Франціей также разрѣшился извѣстнымъ раздѣленіемъ интересовъ, выразившимся въ франко-японскомъ договорѣ 1907 г., а послѣдняя русско-японская конвенція ликвидируетъ тяжелое наслѣдіе портсмутскаго мира.

Правда, вся эта конъюнктура не носитъ еще характера полной прочности и законченности. Мы не знаемъ, напримѣръ, какое положеніе въ ней займутъ Соединенные Штаты, центръ тяжести внѣшней политики которыхъ все болѣе и болѣе перемѣщается отъ Атлантическаго океана къ Тихому—перемѣщеніе, которое, очевидно, будетъ еще болѣе заврѣплено прорытіемъ Панамскаго канала. Есть нѣкоторые признаки, что на смѣну недавнему рововому по своимъ послѣдствіямъ антагонизму Россіи и Японіи выступитъ другой, имѣющій создать другіе трагическіе конфликты—японско-американскій. Но это во всякомъ случаѣ дѣло не очень близкаго

будущаго. Основой современной конъюнктуры является, во-первыхъ, англо-французское сближеніе, во-вторыхъ, англо-германскій антагонизмъ. Въ этомъ отношеніи нечего довряться ходячему языку дипломатіи и банальнымъ любезностямъ. Визиты, которыми обмѣнялись императоръ Вильгельмъ и король Эдуардъ, далъ поводъ и англійской и нѣмецкой прессѣ въ многочисленныхъ и краснорѣчивыхъ статьяхъ засвидѣтельствовать близость обѣихъ державъ и обоеихъ родственныхъ народовъ. Но вѣдь достаточно отвлечься отъ этихъ этикетныхъ формулъ и вдуматься въ истинное положеніе вещей, чтобы понять, насколько англо-германскій антагонизмъ основанъ на реальныхъ силахъ. Противъ кого осуществляетъ Германія, руководимая здѣсь самимъ императоромъ, свою программу созданія военно-морского флота? Противъ кого направленъ девизъ, начерченный на германскомъ павильонѣ всемірной выставки 1900 года: «наше будущее на морѣ»? Кто является опаснѣйшимъ конкурентомъ для англійской индустріи? Мы не знаемъ, конечно, насколько удастся германской имперіи разрѣшить проблему своихъ колониальныхъ интересовъ имперіализмомъ, но мы видимъ, насколько устремлены въ эту сторону ея помыслы.

Едва ли здѣсь имѣетъ силу обычно приводимое возраженіе, что во внѣшней политикѣ дѣйствуетъ не германскій народъ, а германское правительство. Пусть будетъ такъ; но и соотношеніе реальной силы и характеръ конституціоннаго режима таковы, что Германія, какъ государство, во внѣшнемъ мірѣ направляется волей идущей сверху; можетъ быть, когда-нибудь Германія и перейдетъ къ режиму, болѣе обезпечивающему вліяніе и права народнаго представительства, болѣе ограничивающему «regis voluntas», которыя въ глазахъ Вильгельма есть «suprema lex»—но это вопросъ во всякомъ случаѣ не завтрашняго дня. Въ международномъ мірѣ мы имѣемъ передъ собою Германію не Бебеля, а графа Бюлова. А сверхъ того послѣ январскихъ выборовъ 1907 г. въ рейхстагъ, послѣ ослѣпительнаго и неожиданнаго успѣха, который выпалъ на долю «готтентотскому блоку», приходится ввести нѣкоторыя оговорки въ утвержденіе, будто колониальный имперіализмъ не имѣетъ никакой почвы въ общественномъ мнѣніи Германіи. И когда мы все это представимъ себѣ, мы поймемъ болѣе и англофобію пангерманистовъ, которые обрушиваются на «коварный Альбионъ» съ несравненно большей рѣзкостью, чѣмъ на наслѣдственнаго врага—Францію. Въ этомъ отношеніи необыкновенно поучительна вся исторія марокскихъ осложненій, которая послужила новымъ звеномъ, соединяющимъ Францію и Англію и даже базисомъ для «тройственнаго западнаго союза», какъ окрестили съ нѣкоторой преувеличенной торжественностью состоявшееся соглашеніе Англи, Франціи и Италіи по вопросу о Марокко и смежныхъ районахъ Средиземнаго моря.

Въ этой группировкѣ какое мѣсто должна занять Россія? Положеніе ея носило характеръ весьма запутанный и полный противорѣчій. Съ одной стороны—традиціонный союзъ Франціи, санкціонированный миллиардами французскихъ капиталовъ, отданныхъ Россіи,—союзъ, въ которомъ и событія въ Россіи и эволюція французской политической жизни съ 1899

сдѣлали основательную трещину. Съ другой стороны—еще болѣе традиционная враждебность къ Англіи, питаемая нелѣпыми легендами о возможномъ походѣ Россіи въ Индію, долго культивируемая и на столбцахъ *Новаго Времени* и на страницахъ англійской джингоистской прессы. Наконецъ, русско-германскія отношенія, отмѣченныя какой-то интимностью, которая, впрочемъ, расходится съ официальной внѣшней политикой. Занять какое-нибудь положеніе для Россіи, болѣе определенное, чѣмъ чистый нейтралитетъ, представлялось рано или поздно неизбѣжнымъ,—и эта неизбѣжность была поставлена нашимъ пораженіемъ въ японской войнѣ. Въ сущности говоря, результаты этой войны вообще принудили Россію перемѣнить свою внѣшнюю политику. Оказывалось, что дипломатія «приказнаго строя» стоитъ вполне на уровнѣ другихъ сторонъ нашей государственной жизни, поражена общимъ недугомъ. Несомнѣнно, послѣ этого въ нашей иностранной политикѣ произошелъ переломъ, и мы, не останавливаясь въ настоящую минуту надъ соображеніями о его прочности, должны отмѣтить только непосредственные результаты. Въ этой области 1907 годъ не прошелъ даромъ: два первостепенныхъ событія во внѣшней жизни Россіи заставляютъ его отмѣтить.

Во-первыхъ, ликвидированіе наслѣдія русско-японской войны. Всѣмъ памятно, какія тяжелыя осложненія въ этомъ отношеніи стояли передъ нимъ въ декабрѣ 1904 года. Надо отдать справедливость нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что оно, начиная съ досрочной эвакуаціи Манчуріи и кончая русско-японскими конвенціями и въ частности наиболее важной изъ нихъ, рыболовной, создало основу для мирнаго и не противорѣчающаго интересамъ и достоинству Россіи *modus vivendi* на Дальнемъ Востокѣ. И прочность этихъ русско-японскихъ отношеній тѣсно связана съ другимъ капитальнымъ фактомъ истекшаго года—англо-русской конвенціей.

Извѣстно, что эта конвенція носитъ совершенно конкретный характеръ и касается разграниченія англо-русскихъ интересовъ въ Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ: она не упоминаетъ и о Дальнемъ Востокѣ и о европейскихъ отношеніяхъ. И всетаки значеніе ея громадно: удаляя спорные вопросы, нѣкоторые изъ нихъ весьма острые, какъ, напримѣръ, персидскій, создавая въ Азіи извѣстную англо-русскую солидарность, конвенція открываетъ путь къ дальнѣйшему сближенію и даже союзу, который долженъ явиться естественнымъ завершеніемъ франко-русскаго союза. Въ послѣдней рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ Грея указывается, что договоръ заключаетъ въ себѣ хотя и не выраженное прямо намѣреніе измѣнить взаимную политику Англіи и Россіи относительно другъ друга. Въ сущности говоря, эта конвенція опредѣляетъ то мѣсто, которое Россія должна занять въ современной мировой конъюнктурѣ. Она обезпечиваетъ—поскольку вообще дипломатическія комбинаціи могутъ обезпечивать—миръ на Дальнемъ Востокѣ, она же служитъ надежной гарантіей его въ Европѣ. И этотъ актъ нисколько не теряетъ въ своемъ историческомъ смыслѣ отъ того, что онъ не связанъ ни съ какими внѣшними проявленіями какого-нибудь антагонизма между Россіей и Германіей, что онъ, напротивъ того, слѣдовалъ за

свиданіемъ въ Свинемюнде. Искусственное охлажденіе было бы здѣсь такъ же неумѣстно, какъ и искусственная близость, которая въ одно время пропагандировалась въ противовѣсъ франко-русскому союзу. Важно, что англо-русское сближеніе, развитое и укрѣпленное, весьма поможетъ Россіи сохранить самостоятельное положеніе относительно Германіи.

Конечно, русская дипломатическая хроника за 1907 г. не исчерпывается этими фактами и не всѣ части этой хроники могутъ быть оцѣнены одинаково; не будемъ вспоминать о злосчастномъ инцидентѣ г. Гартвига въ Тегеранѣ, но трудно объяснить вообще, что министерство иностранныхъ дѣлъ такъ радикально покончило съ нездоровыми традиционными дальневосточными авантюрами, въ политикѣ, касающейся Балканскаго полуострова, такъ держится за ирриштегскую программу и вообще за старые приемы, которые, казалось бы, уже осуждены исторіей. Весьма тягостное впечатлѣніе произвела австро-русская нота отъ 1 октября по македонскому вопросу. Это ли способъ возстановить наше вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ? Растущая германизация Ближняго Востока ставитъ неотложные вопросы, и здѣсь сближеніе Россіи, Англии и Франціи можетъ оказать великія услуги дѣлу мира и цивилизаціи. Наконецъ, не выяснившіеся еще переговоры относительно *statu quo* на Балтійскомъ морѣ заставляютъ также опасаться, какъ бы они не стѣснили свободу дѣйствія Россіи и не послужили къ задержкѣ англо-русскаго сближенія. Будемъ надѣяться, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ не отступитъ здѣсь отъ общихъ началъ своей политики.

Къ несчастью, однако, не эти ошибки—самыя важныя, которыя приходится принимать во вниманіе, изучая современное положеніе Россіи въ международномъ мірѣ. Каковы бы ни были достоинства дипломатическаго аппарата, онъ не можетъ замѣнить того воздѣйствія, которое оказывается всѣмъ ходомъ государственной и общественной жизни. Между тѣмъ есть стороны во внутреннемъ управленіи Россіи, которыя отражаются непосредственно во внѣ. Достаточно указать на нашу окраинную политику. Въ основѣ избирательнаго закона 3-го іюня лежитъ глубокое недовѣріе къ представительству иноплеменныхъ элементовъ, и въ этомъ смыслѣ были сравнены столь непохожія по культурному типу области, какъ Польша и Кавказъ. И духъ этого закона вполне соответствовалъ общимъ чертаніямъ правительственной политики, надъ послѣдствіями которой въ международной сферѣ приходится очень и очень задумываться. На Кавказѣ намъ угрожаетъ новый подъемъ центробѣжныхъ силъ, могущій вызвать самыя несвоевременныя осложненія съ Турціей. Еще непонятнѣе общій характеръ административной дѣятельности въ Польшѣ и общее отношеніе къ польскому вопросу, выразившееся и въ объясненіяхъ предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ. Казалось бы, именно теперь, когда польско-германскій конфликтъ чрезвычайно обостряется, когда въ Германіи и Пруссіи были поставлены вопросы объ ограниченіи польскаго языка на общественныхъ собраніяхъ и о принудительномъ отчужденіи польскихъ имѣній—казалось бы, именно теперь мудрая и благожелательная политика можетъ не только за-

лѣчить многія стародавнія раны, но и чрезвычайно укрѣпить положеніе Россіи въ славянскомъ мірѣ, и этимъ облегчить разрѣшеніе возможныхъ осложненій въ будущемъ, которыя могутъ быть связаны съ перетѣнами въ судьбѣ Австро-Венгріи. Все это однако совершенно не принимается во вниманіе, и такіе факты, какъ закрытіе матицы, повидимому доказываютъ, что нынѣшній моментъ будетъ окончательно упущенъ. И что уже совершенно непонятно—можно думать, что мѣстная администрація гораздо менѣ боится германизаціи русской Польши, чѣмъ предоставленія культурной самостоятельности польскому населенію! Все это въ ту минуту, когда въ Австріи начинается объединеніе славянскихъ элементовъ, вызванное отчасти именно этими нѣмецкими законопроектами. Очень можетъ быть, что здѣсь въ нашихъ дѣйствіяхъ нѣтъ даже определенной системы и определенной идеи, а есть только примѣненіе общихъ, столько лѣтъ практиковавшихся, приемовъ безъ мысли о послѣдствіяхъ. Этотъ упрощенный взглядъ понятенъ, когда онъ высказывается какими-нибудь безответственными партіями, еще вполнѣ невинными и лишенными какого-нибудь политическаго развитія; но онъ не можетъ не вызывать изумленія, когда мы встрѣчаемся съ его отраженіями въ правительственной средѣ. Тамъ тоже, повидимому, думаютъ, что закрытіе матицы есть лишь мѣра административнаго благоразумія, одна изъ обычныхъ мѣръ, находящихся въ арсеналѣ защиты общественнаго спокойствія и порядка.

Но дѣло, конечно, не только въ окраинной политикѣ, которая непосредственно соприкасается съ международными проблемами; дѣло во всемъ внутреннемъ строѣ русской жизни. Дѣло прежде всего въ той глубокой неопредѣленности, которая до сихъ поръ царитъ относительно нашего будущаго и которая наше настоящее превращаетъ въ царство какихъ-то случайностей. Намъ говорятъ: Россія переживаетъ переходное время—этотъ процессъ естественъ и неизбѣженъ. Да, но не надо забывать, какими потерями, матеріальными и культурными, мы уплачиваемъ, когда этотъ процессъ безнадежно затягивается, какую дезорганизацію онъ несетъ съ собой. И здѣсь важно для насъ не установленіе исторической ответственности—вѣроятно, для него не настало время,—важно прежде всего пониманіе и учетъ между прочимъ того, насколько связано положеніе Россіи въ международномъ мірѣ съ ея внутренней судьбой. Утвержденіе такой связи едва ли кѣмъ-нибудь теоретически, отвлеченно будетъ оспариваться, но вѣдь оно должно быть продумано въ совершенно конкретной формѣ. Закладывая основу аграрной реформы, помогая образованію экономически сильнаго крестьянства, идя навстрѣчу требованіямъ рабочаго класса, дѣлая общедоступной начальную школу, обезпечивая въ странѣ ту сумму гражданской свободы, безъ которой невозможны порядокъ и миръ, работаютъ въ интересахъ, имѣющихъ великое международное значеніе. И европейское общественное мнѣніе это прекрасно понимаетъ, хотя оно иногда и заблуждается въ оцѣнкѣ законодательныхъ и административныхъ средствъ, которыми отвѣчаютъ на запросы русской жизни; такъ, наприм., отнеслось оно—и вовсе не только съ теоретическимъ интересомъ—къ ноябрьскимъ аграрнымъ законамъ по 87 ст. о

выходѣ изъ общины. Пусть тутъ была иллюзія, будто такимъ способомъ можно создать «Kraftiger Bauernstand»—вѣдь русскія аграрныя отношенія до сихъ поръ остаются въ значительной мѣрѣ загадкой для западныхъ странъ,—но ясно сознавалось, насколько глубоки имущественныя и социальныя переищенія въ Россіи будутъ имѣть международные результаты. И если положеніе о Государственной Думѣ совершенно изъѣмлетъ внѣшнюю политику изъ ея вѣдѣнія, то вся органическая работа, въ которой народное представительство участвуетъ по нашимъ основнымъ законамъ, есть крупный факторъ, еще въ гораздо большей мѣрѣ опредѣляющій, какое мѣсто будетъ занимать Россія среди другихъ государствъ Европы въ ближайшемъ будущемъ, чѣмъ даже работа русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, какими бы достоинствами эта послѣдняя ни отличалась. Будемъ надѣяться, что сознаніе этого не чуждо по крайней мѣрѣ значительной части состава наличной Государственной Думы.

Мы видѣли, изъ какихъ элементовъ слагается новая мировая конъюнктура. Эпоха блистательной изолированности проходитъ не для одной Англіи; современная война—и въ особенности война между европейскими великими державами,—была бы такой великой мировой катастрофой, что противъ нея должны быть приняты сугубыя гарантіи. И въ этомъ процессѣ установленія европейскаго равновѣсія Россія есть необходимый элементъ; сама исторія выдвигаетъ союзъ Россіи, Франціи и Англіи. Сила и авторитетъ Россіи въ международномъ мѣрѣ, при этихъ условіяхъ, являются несомнѣннымъ благомъ не только съ національной точки зрѣнія. Но сила эта не можетъ быть только матеріальной. Необходимо въ корни разрушить то традиціонное предубѣжденіе, которое всетаки періодически выплываетъ, что Россія, заключая въ себѣ стихію непережитаго варварства, представляетъ постоянную угрозу западной культурѣ. Оно всплываетъ, несмотря на то, что русское искусство и русская наука уже перестали быть terra incognita, несмотря на всѣ откровенія, которыя дали западнымъ обществамъ представители нашего національнаго гения. Пусть они часто опережали европейскую мысль, но все же какое разстояніе отдѣляетъ эти вершины отъ всей массы? «Вы имѣете интеллигенцію,—говорилъ какъ-то Леруа Болье, которая живетъ въ XXI вѣкѣ, но вашъ народъ еще не пережилъ XV столѣтія». Вѣрна или невѣрна эта характеристика, она отражаетъ то чувство недоумѣнія и недовѣрія, съ которымъ встрѣчаютъ «свѣтъ съ востока».

Эта пропасть не заполняется въ дни или года, но политическій опытъ западныхъ народовъ указываетъ намъ, какое значеніе имѣютъ здѣсь формы правового государства—тѣ формы, въ которыхъ только и можетъ быть окончательно преодолѣно противорѣчіе Россіи и Европы, противорѣчіе, воскресить идеализацію котораго въ XX вѣкѣ есть дѣло совершенно безнадежное и устранить которое одинаково важно и въ интересахъ общеевропейскихъ, и въ интересахъ русской культуры.

С. Иотляревскій.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Январь

1908 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія.—Политическая экономія.—Публицистика.—Естествознаніе. II. Спискокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го декабря 1907 г. по 1-е января 1908 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Валерій Брюсовъ. Пути и перекутья. Собраніе стиховъ. Т. I.—*Алексій Ремизовъ.*
1) Лимонарь сирѣчь лугъ духовный. 2) Прудъ.

Валерій Брюсовъ. Пути и перекутья. Собраніе стиховъ. Томъ I. К-во Скорпионъ. Ц. 2 руб. Въ печати появился первый томъ собранія стиховъ В. Я. Брюсова. Крупный и общепризнанный въ настоящее время, быть можетъ, лучший поэтъ современности давно уже требуетъ всесторонней и тщательной оцѣнки, которой не можетъ быть мѣста въ этой краткой рецензіи.

Мы ограничимся только тѣмъ, что напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ ту странную и поучительную судьбу, которая до самаго послѣдняго времени преслѣдовала небольшие сборники поэтическихъ произведеній Брюсова, и отмѣтимъ тѣ маленькія, скорѣе техническія погрѣшности, которыя, на нашъ взглядъ, допустилъ авторъ, выпуская впервые въ свѣтъ полное собраніе своихъ сочиненій.

Въ 1895 году вышла первая книжка стихотвореній Брюсова подъ заглавіемъ *Chefs d'Оeuvre*; эти стихи встрѣтили не только неблагоприятные отзывы критики, которая твердила, что она ихъ не понимаетъ, но и всеобщее, единодушное глумленіе. Смѣхотворныя пародіи Влад. Соловьева, напечатанныя въ *Вѣстникъ Европы*, заучивались наизусть даже тѣми, кто никогда не видалъ самыхъ стихотвореній Брюсова. Надо замѣтить, что поводъ къ подобному рода отношенію подалъ отчасти и самъ Брюсовъ: на-ряду съ прелестными, глубоко поэтическими стихотвореніями въ той же книжкѣ фигурировало знаменитое одностопное: „О закрой свои блѣдныя ноги“, сдѣлавшееся почти апокроеическимъ. Было ли это своеобразнымъ глумленіемъ надъ читающей публикой, или въ этомъ сказался молодой задоръ, о которомъ съ высоты пережитаго времени и достигнутой славы Брюсовъ вспоминаетъ, быть можетъ, теперь съ легкой улыбкой,—во всякомъ случаѣ тогда эти выходы мало способствовали успѣху начинающаго поэта.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени имъ были выпущены въ свѣтъ, кромѣ *Chefs d'Оeuvre*, четыре книги стихотвореній. Эти книги подъ заглавіемъ *Me eum esse*, *Tertia Vigilia*, *Urbi et Orbi*, и *Stephanos*—дѣйствительно представляли изъ себя тѣ пять ступеней, по которымъ поднимался все выше и выше молодой поэтъ. Съ каждымъ новымъ сборни

комъ на глазахъ изумленнаго читателя росло и ерѣпло настоящее поэтическое дарованіе, высоко къ небу подымался священный огонь поэтического таланта.

Юношеская порывистость, горькія раздумья и тревожныя жванія уступали мѣсто зрѣлому и выстраданному творчеству, волнующіе сердце намеки выливались въ мощные и сильные образы полнозвучнаго и чеканнаго стиха. Многогранность творчества Брюсова понятнѣе изумительна, и, быть можетъ, никто изъ современниковъ не могъ бы съ большимъ правомъ сказать про себя:

На островѣ мечты, гдѣ статуи, гдѣ пѣсни
Я нелѣдиль пути въ огняхъ и безъ огней,
То поклонялся тѣмъ, что ярче, что тѣлеснѣй,
То трепеталъ въ предчувствіи тѣней.

И странно полюбилъ я мглу противорѣчій
И жадно сталъ искать сплетеній роковыхъ;
Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихи.

Но для современности Брюсовъ особенно, быть можетъ, дорогъ, какъ пѣвецъ ея отраженныхъ миговъ, ея будней, ея большихъ городовъ, ея смутныхъ, но настойчивыхъ исканій и тревогъ. Широкая публика мало по-малу начинала прислушиваться къ голосу поэта, противъ воли училась любить и понимать его.

Немаловажную роль въ этомъ отношеніи сыграло, несомнѣнно, и общее направленіе молодой поэзіи, пріучившее публику къ той „изысканности русской медлительной рѣчи“, о которой писалъ Бальмонтъ. Мы убѣждены, что теперь, перечитывая юношескія стихотворенія Брюсова, средній читатель съ удивленіемъ задается вопросомъ, что находилъ онъ въ нихъ когда-то непонятнаго и особенно экстравагантнаго. Незамѣтно была одержана побѣда, и правъ былъ Брюсовъ, замѣчая въ свое время:

Я знаю бѣглость ночи и зныи,
Молюсь увѣренно зорѣ и маю,
Что въ будущемъ восторжествуемъ мы,—
Я знаю.

Полнаго расцвѣта своего таланта достигъ Брюсовъ въ книгѣ стихотвореній, озаглавленной *Urbi et Orbi*. Ледъ равнодушія и насмѣшекъ публики былъ сломанъ окончательно и, кажется, безповоротно. Какъ-то вдругъ, незамѣтно, Брюсовъ дѣлается общепризнаннымъ поэтомъ. Толстые журналы отзываются о немъ почти съ неизмѣнной похвалой, стихи его попадаютъ въ хрестоматію и различные сборники, появляются критическіе очерки, посвященные разбору его произведеній; правда, ихъ не много, но здѣсь уже играетъ роль чрезвычайная трудность оцѣнки поэта, идущаго впередъ крупными шагами, и къ тому же, если такъ можно выразиться, слишкомъ современнаго, чтобы можно было отнестись къ нему съ необходимымъ безпристрастіемъ.

Въ предисловіи къ собранію стиховъ Брюсовъ замѣчаетъ, что онъ избѣгалъ исправлять свои юношескіе стихи, зная, какъ опасно передѣлывать въ пору полной зрѣлости дарованія художественныя произведенія, созданныя при господствѣ иныхъ взглядовъ и переживаній; внесенныя же въ текстъ измѣненія и дополненія были сдѣланы въ различныхъ стихотвореніяхъ вскорѣ послѣ ихъ напечатанія. Мы лишены возможности сравнить напечатанныя въ лежащей передъ нами книгѣ стихи съ первоначальной ихъ редакціей, такъ какъ прежніе сборники стиховъ Брюсова

большей частью уже распроданы. Но насколько намъ не измѣняетъ память, нѣкоторыя стихотворенія измѣнены такъ, что, по нашему мнѣнiю, отъ этого проигрываетъ ихъ непосредственность. Для примѣра можно указать на стихотворенiе, озаглавленное „Скиом“. Жаль также, что „взыскательный художникъ“ выпустилъ въ полномъ собранiи своихъ стиховъ нѣсколько прелестныхъ вещицъ, какъ, напр., стихотворенiе „На дачѣ“. Съ внѣшней стороны изданiе „Путей и перепутьевъ“ производитъ прекрасное впечатлѣнiе.

Ө. Арнольдъ.

Алексѣй Ремизовъ. 1) Лимонарь сирѣчь лугъ духовный. Изд. Оры 1907 г., 132 стр. Ц. 60 к. и 2) Прудъ. Изд. „Сиріусъ“, Спб., 1908 г., стр. 284. Ц. 1 р. 25 к. Недавно вышедшій отдѣльной книгой „Прудъ“ написанъ раньше „Лимонаря“, который появился весной прошлаго года. „Прудъ“ печатался въ „Вопросахъ жизни“ въ 1905 г., такъ что между нимъ и „Лимонаремъ“ разстоянiе двухъ лѣтъ. И за эти два года Алексѣй Ремизовъ такъ выросъ, такъ опредѣленно нашелъ себя, что о „Прудѣ“ можно говорить, какъ о пройденномъ этапѣ его дороги.

Со времени „Посолони“ (1906 г.) его дорога повернула въ дремучій заповѣдный боръ сказокъ и сказанiй, и здѣсь онъ нашелъ въ себѣ такія заговорныя слова, которыя расколдовали въ полузабытомъ лѣсу оцпегнѣвшую жизнь. И она зазеленѣла юными, свѣжими ростками, зацвѣтѣла цвѣтами сказокъ „Посолони“—и нельзя различить въ краскахъ этихъ цвѣтотвъ, какія—отъ весенняго лѣса, какія отъ сѣдой старины, какія отъ сказочной души самого сказочника.

Въ „Прудѣ“ нѣтъ живой жизни. Онъ—мертворожденное дитя, которое лишь нѣкоторыми чертами своими предвѣщаетъ то, чего можно было ждать отъ другихъ дѣтей отца его. Онъ не будитъ въ душѣ ничего отвѣтнаго, не заражаетъ, не пугаетъ даже, несмотря на вереницу страшныхъ образовъ, напоминающихъ съѣздъ калѣкъ у стѣнъ монастыря въ престольные праздники, при чемъ каждый изъ нихъ хочетъ, чтобы люди и Богъ какъ можно страшнѣе восприняли ужасы ихъ искалѣченности.

Но если и становится страшно, по прочтенiи книги, за человѣческiя судьбы, отразившiяся въ этомъ „Прудѣ“, то это ужъ какъ результатъ размысленiй, на какія наталкиваетъ книга.

Послѣ размысленiя вѣришь автору, что такія существованiя есть и что они—сплошной кошмаръ, и вѣришь, что авторъ съ головой окунулся въ этотъ кошмаръ, долго носилъ его въ себѣ, прежде чѣмъ подѣлиться имъ съ читателемъ.

Но мы остаемся холодны и не можемъ преодолѣть утомленiя и порожденнаго имъ желанiя стряхнуть съ себя кошмарные образы, уйти отъ нихъ подальше. Не по нервной слабости, не по черствости душевной уйти, не по безгнѣвости къ тому, что дѣлается въ подпольѣ. Каждый изъ насъ читалъ Достоевскаго, и какъ ни душно то подземелье, куда онъ ведетъ насъ за своими полпольными людьми, желанiя бѣжать отъ нихъ у насъ не возникаетъ. Можетъ быть, потому, что въ подполье имѣетъ право вести лишь тотъ, кто самъ уже не боится ужасовъ, кто обрѣлъ среди нихъ не безнадежность, а высшую свою надежду.

Есть страницы въ „Прудѣ“, отъ которыхъ остается физическое впечатлѣнiе какой-то гнойной раны. Эти страницы сами по себѣ сильны и художественны. Но не художественъ приемъ нагроможденiя потрясающихъ и подавляющихъ образовъ. Послѣ нѣсколькихъ страницъ „Пруда“ нервы устаютъ и уже никакъ не реагируютъ на то, что всѣ въ этой

книги опозорены, истерзаны, растоптаны и что нетъ для нихъ правды ни на землѣ, ни выше.

Одна строчка въ „Лимонарь“ (въ „гнѣвѣ Ильи Пророка“) „Земля! Ты будь мнѣ матерью, не торопись обратить меня въ прахъ!“—говоритъ больше о трагизмѣ земного жребія человѣка, чѣмъ все изображенное въ „Прудѣ“, съ прибавленіемъ всѣхъ воззваній къ Богородицѣ, всѣхъ воплей о пощадѣ и о томъ, что ея нѣтъ.

Мѣстами въ безформенной темной глыбѣ „Пруда“ блещутъ драгоценныя камни—живая роса будущихъ „Посолони“ и „Лимонаря“. Про „землю обѣтованную“, про „крылья бѣлыя“, про осень, которая такъ говоритъ о себѣ:

...Я золотомъ и тусклымъ серебромъ устлала всѣ дороги,
Въ моихъ глазахъ послѣдній жаркій трепетъ заблесталъ—
Я ухожу отъ васъ...

Любите же меня, любите!

И всюду, гдѣ Ремизовъ говоритъ о природѣ, онъ—поэтъ, поэтъ несомнѣнный и такой своеобразный.

А культура съ ея неизбежными, неисчислимыми человѣческими жертвами—въ глазахъ Ремизова—тотъ же загнившій прудъ у Андроньевскаго монастыря, который онъ описываетъ въ романѣ, прудъ, охраняемый блудниками монахами и каменнымъ изображеніемъ дьявола, „оплеванного и опозореннаго людьми“—ибо и дьяволъ не такого смраднаго, гноящагося и въ то же время маленькаго зла ожидалъ отъ людей, какимы они пропитали свою жизнь.

Тѣмъ паэосомъ автора, какимы окружены семейныя событія кушцовъ Огорѣлышевыхъ, они выносятся въ центръ круга, необозримо большаго, чѣмъ семейная жизнь. Семейная хроника глубости, мучительства, всякихъ паденій, извращеній и поочередной гибели всѣхъ становится исторіей человѣка на землѣ, исторіей человѣчества, которому осталась только одна молитва:

„Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставилъ? (Слова, которыми кончается одна изъ главъ „Пруда“).

— А тамъ на небесахъ (въ отвѣтъ на эту молитву) была великая тьма,—прибавляетъ онъ въ концѣ книги, законченной образомъ все еще—какъ въ девятый часъ—распятаго, до нынѣ невоскресшаго Христа.

И вслѣдъ за этой тьмою, какъ алые лучи весенней зари—Посолонь и Лимонарь.

О „Посолони“ писали въ прошломъ году въ *Русской Мысли* (привѣтствовали ее радостно и горячо, какъ она этого заслуживала). „Лимонарь“ меньше извѣстенъ въ публикѣ, чѣмъ она. Заглавіе его не знакомымъ съ древне-русскою литературой (а русский читатель въ большинствѣ своемъ въ этой области отгѣнно необразованъ) показалось „декадентскимъ“; главная прелесть вещи заключается въ чудѣ оживленія духа древней поэзіи и тонкаго, органическаго претворенія въ формы, близкія и понятныя современности.

Щедрый избытокъ образовъ, ихъ фантастичность, ихъ быстрая смѣна—все, что дѣлаетъ утомительнымъ „Прудъ“, стало въ „Лимонарь“ его главною красотою.

Въ романѣ его образы метались разъединенные, какъ сухіе листья, и вмѣстѣ съ ними метался въ напрасной надеждѣ объединить ихъ самъ авторъ.

Здѣсь онъ—творецъ, въ томъ заключающемъ бури творческомъ спокойствіи, въ какомъ человѣкъ имѣетъ право сказать: да будетъ! созда-

нѣмъ своимъ, дать имъ плоть и кровь и вдохнуть въ нихъ дыханіе жизни—душу живу.

Красотою свѣтятся, красотою живыхъ цвѣточныхъ тканей, живыхъ человѣческихъ лицъ, а не восковыхъ страшилищъ „Пруда“, всѣ апокрифы Лимонаря.

Первый апокрифъ „О безуміи Иродіадиномъ, какъ на землѣ зародился вихрь“, вводитъ насъ въ книжку сильнымъ аккордомъ, сразу и музыкальнымъ, и красочнымъ:

„Ударила крыльями бѣлогрудая райская птица, пробудила ангеловъ. Спихватились ангелы, полетѣли печальные на четыре стороны, во всѣ семьдесятъ и двѣ страны понесли вѣсть.

Бѣлые цвѣты!“

И этотъ внутренній музыкальный ритмъ, сопровождаемый тонко соотвѣтствующей ему красотой словеснаго созвучія и красочнаго сплетенія образовъ, до конца книги ни разу не покидаетъ автора.

У Ремизова—поскольку онъ поэтъ, а не романтикъ—есть рѣдкій и драгоценный даръ оживлять слова (въ противоположность тѣмъ поэтамъ и—увы!—многочисленнымъ въ наши времена, чье одно прикосновеніе умерщвляетъ и ту банальную жизнь, какая есть у слова въ просторѣчьи). Ремизовскія же слова и ихъ сочетанія живутъ живою и въ то же время сказочно-яркою жизнью.

Онъ окропилъ языкъ современной литературы водами древнихъ потайныхъ ключей, долго хоронившихся отъ нашихъ полусвѣщенныхъ бульгуроу глазъ и забившихъ навстрѣчу вѣщему взору.

Въ движущихся картинахъ апокрифа выдержанъ тотъ наивный, ярко контрастный въ своихъ краскахъ, выпукло-опредѣленный въ контурахъ стиль древней церковной живописи, которая примитивными средствами умѣла достигать такого впечатлѣнія и реальности и глубокой религиозной настроенности.

Въ гнѣвъ „Ильи пророка“ рядомъ съ драмою на небесахъ и въ аду изъ-за того, что Іуда укралъ у задремавшаго апостола Петра ключи и перенесъ въ адъ всѣ сокровища рая,—развивается земная драма безпомощности и гибели человѣка передъ грозными силами стихій.

...Нѣтъ новаго хлѣба, нѣтъ обновъ. Погибла крупа. Погибъ солодъ. Не будетъ ни каши, ни квасу...

Прелестенъ, но уже въ другихъ, нѣжныхъ, точно просвѣчивающихъ насквозь по блѣдно-золотому фону краскахъ апокрифъ „О мѣсяцѣ и звѣздахъ, и откуда они такіе“.

Тамъ хотя и говорится, что воздвиглись на землѣ цѣлыя сѣрыя горы отъ сѣрыхъ—и въ добрѣ и въ злѣ сѣрыхъ—дѣлъ человѣческихъ—есть уже для Ремизова на землѣ тростинка дѣвочка Марія Египетская, выпросившая себѣ золотую нитку отъ ризъ Господнихъ—ту золотую нитку, отъ которой и мѣсяцъ, и звѣзды съ ихъ красотою, и души, пожелавшія сгорѣть въ подвигѣ.

Кромѣ Маріи Египетской, есть и еще одно, что связываетъ Ремизова по новому съ жизнью. Раньше съ этимъ для него была соединена могила, черви смрада (въ „Прудѣ“).

Въ апокрифѣ (о страстяхъ Господнихъ) онъ такъ говоритъ о смерти:— Она не отходила отъ него неутолимая—Смерть прекрасная.

Не отчаяніе она родитъ въ немъ, а, вопреки всему, вопреки ужасному описанію разложившагося тѣла Христа, будитъ смиренную молитву разбойника:

— Помяни меня, Господи, егда придеши во царствіе Свое.

Распространившаяся мода быть христианами и вытекшей отсюда для многих современных литераторовъ обычайъ все поминать имя Божіе повелѣлъ къ тому, что, когда встрѣчаешь теперь слова священнаго писанія въ свѣтской книгѣ, становится жутко, какъ было въ дѣтствѣ, когда смотрѣлъ на картину торгующихъ во храмѣ.

По Ремизовъ—воддунъ и язычникъ—имѣетъ право употреблять ихъ по всему „Лимонарю“, и какъ правдиво его безвѣріе, такъ правдивы и его молитвы.

В. Малахѣева-Мировичъ.

ИСТОРИЯ.

Карлъ Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.—Проф. Александра Трачевскій. Наполеонъ I. Первые шаги и консульство.

Карлъ Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Изданіе журнала „Русское Богатство“. Перев. съ нѣмецкаго А. Н. Анненской. Ц. 30 к., стр. 132. Пылкій участникъ въ годы своего студенчества въ революціонномъ движеніи 48—49 годовъ въ южной Германіи, счастливо ускользнувшій отъ жестокой расправы побѣдоносныхъ прусскихъ усмирителей, позднѣе эмигрировавшій въ Сѣв. Америку и быстро выдвинувшійся тамъ въ качествѣ мирнаго политическаго дѣятеля (настолько, что черезъ нѣкоторое время явился на родину въ качествѣ посланника Соединенныхъ Штатовъ), Карлъ Шурцъ въ прошломъ году издалъ воспоминанія о періодѣ своей жизни съ 1846 до 52 года. Въ этихъ воспоминаніяхъ, встрѣченныхъ съ большимъ интересомъ нѣмецкой публикой, даются яркія картины революціонныхъ настроеній, быстро охватившихъ нѣмецкое студенчество и интеллигенцію въ 48 году. Подъ перомъ автора оживаютъ драматическіе моменты „безумныхъ“ лѣтъ. Читатель видитъ, какъ доктринерскій революціонизмъ интеллигенціи, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ политическаго опыта у выступившихъ на арену борьбы слоевъ населенія, губитъ всѣ плоды 48 года. Эти страницы воспоминаній необычайно поучительны для современнаго русскаго читателя. Точно рассказъ идетъ не о 1848 годѣ въ Германіи, а о 1905—1906 годахъ въ Россіи. Переводчица очень удачно выбрала для перевода только нѣсколько главъ, относящихся къ студенческимъ годамъ Шурца и его участію въ революціи. Въ ея мастерскомъ переводѣ всѣ эти главы читаются съ захватывающимъ интересомъ и съ неослабвающимъ вниманіемъ къ развертывающимся событіямъ. „Воспоминанія“ начинаются съ осени 1846 года: Шурцъ—еще „страшно застѣнчивый юноша, до того застѣнчивый, что чувствовалъ себя хорошо исключительно въ кругу семьи или самыхъ близкихъ знакомыхъ“. О своемъ будущемъ думаетъ онъ съ полнымъ спокойствіемъ. Воображеніе рисуетъ ему „профессуру по исторіи и блестящую литературную дѣятельность“... По наступилъ 48-й годъ. Фридрихъ Вильгельмъ IV на умѣренныхъ требованія „Соединеннаго ландтага“ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ и его роспускомъ. Само правительство толкаетъ общественное мнѣніе на революціонный путь. И дѣйствительно, провозглашеніе республики во Франціи было сигналомъ для стихійнаго возбужденія во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Молодой Шурцъ, какъ большинство студенчества, изъ сантиментальныхъ мечтателей о „вѣчной братской любви“ (стр. 5) превращается въ пламеннаго агитатора. Затѣмъ мы находимъ въ воспоминаніяхъ Шурца картину реакціи. Когда національное собраніе выразило свои симпатіи къ

борющемся населенію Вѣны, то черезъ нѣсколько дней королевскимъ указомъ засѣданія его были отсрочены и перенесены изъ столицы въ провинціальный городъ. Національное собраніе, наконецъ, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи выпустило воззваніе къ народу съ призывомъ не платить налоговъ. Исторія „пассивнаго сопротивленія“ въ Пруссіи извѣстна; оно не удалось и доставило правительству новую „безкровную побѣду“. Мы упрекали учредительное собраніе, пишетъ авторъ, за то, что въ эти критическія минуты оно „ограничивается малодушною политикою пассивнаго сопротивленія“ (стр. 41). Совершенно тѣ же упреки, которые сыпались со стороны нашихъ большевиковъ на первую Государственную Думу послѣ Выборгскаго воззванія.

Нѣсколько раньше, когда Фридрихъ Вильгельмъ IV отказался, вопреки постановленію франкфуртскаго національнаго собранія, принять императорскую корону, началось возстаніе во многихъ мѣстахъ Германіи. Авторъ „Воспоминаній“ принималъ участіе въ народномъ ополченіи сначала въ Пфальцѣ, потомъ въ Баденѣ, защищалъ крѣпость Рапштатъ и при взятіи ея пруссаками въ послѣдній моментъ бѣжалъ и тѣмъ спасся отъ разстрѣла. Послѣ этого онъ былъ нѣкоторое время въ Швейцаріи, гдѣ имъ были выработаны и впоследствии приведены въ исполненіе проектъ освобожденія изъ смирительнаго дома своего друга, осужденнаго на пожизненное заключеніе, нѣмецкаго поэта и ученаго Кинкеля. Нельзя безъ замиранія сердца читать страницы, гдѣ описываются побѣги сначала самого автора, а потомъ Кинкеля.

Чрезвычайно близкое сходство многихъ драматическихъ моментовъ 1848—49 годовъ въ Германіи съ только что пережитыми нами событіями, необычайная простота, искренность и непосредственность передачи переживаній и впечатлѣній авторомъ и достоинства самого перевода обезпечиваютъ успѣхъ „Воспоминаній нѣмецкаго революціонера“.

Л. Френкель.

Проф. Александръ Трачевскій. Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. 1769—1804. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к. Лежащая передъ нами книга представляетъ популярную біографію Наполеона, основанную однако на самостоятельной разработкѣ матеріала, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи. Проф. Трачевскій нѣсколько лѣтъ работалъ въ архивахъ въ Парижѣ и Петербургѣ и даже издалъ важнѣйшія бумаги этихъ архивовъ въ „Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества“.

Обширныя данныя, добытыя авторомъ, подтвердили его взглядъ на Наполеона и его дѣятельность. Проф. Трачевскій говоритъ, что „слѣдуетъ доискиваться не столько личной окраски, внесенной Наполеономъ I въ событія, сколько его безсознательнаго служенія дѣлу времени“ (пред., стр. VIII). Вся его дѣятельность, по мнѣнію автора, представляетъ результатъ переходной эпохи послѣ революціи: „Въ данномъ случаѣ роковой историческій законъ воплотился въ почти мифологическомъ гигантѣ, котораго не даромъ горячо ненавидѣли столпы старины, какъ „исчадіе революціи“... Въ этомъ смыслѣ иныя созданія Наполеона, даже во внутренней политикѣ, живутъ и теперь. Вообще же его дѣятельность послужила источникомъ тѣхъ всестороннихъ движеній, которыя наполнили весь только что истекшій вѣкъ“ (пред., стр. X).

Въ томъ же предисловіи проф. Трачевскій говоритъ о томъ, какъ часто съ новой силой возрождался интересъ къ личности и дѣятельности Наполеона. Этотъ интересъ связанъ съ умственнымъ теченіемъ

Европы: сначала „вниманіе цѣлаго поколѣнья занимала Наполеоновская легенда“. Затѣмъ, когда развитіе естественныхъ наукъ и эволюціонная теорія смѣнили былой романтизмъ, исчезъ и интересъ къ Наполеону, какъ ко всякому герою. Но въ концѣ вѣка снова возрождается эстетизмъ, символизмъ, стремленіе къ воплощеніямъ. Карлейль проводитъ „героепоклонство“, и Наполеонъ снова становится любимымъ героемъ, воплощеніемъ великой эпохи. На-ряду съ этимъ политическія событія также способствовали возрожденію такого интереса къ Наполеону: дѣятельность Наполеона „Малаго“ воскресила образъ Наполеона Великаго, Седанъ заставилъ вспомнить о его побѣдахъ, наконецъ, установленіе республики возродило интересъ ко всей революціонной эпохѣ, конецъ вѣка привелъ къ подведенію итоговъ всему истекшему столѣтію,—и взоры всѣхъ снова обратились къ Бонапарту. У насъ, въ Россіи, въ настоящую эпоху, когда создается, по словамъ проф. Трачевскаго, „Россія новая“, вполне естествененъ интересъ къ эпохѣ Наполеона, такъ какъ „невольно сравниваютъ наши вождедѣнія съ идеалами, возвѣщавшими наступленіе XIX в.“ (пред., стр. III).

„Изъ дали цѣлаго вѣка,—говоритъ авторъ,—передъ нами рѣзко вырисовывается знакомая и дѣтямъ фигура „капральчика“ въ сѣрой шинели, въ треуголѣ, надѣтой шиворотъ-навыворотъ, съ сложенными на груди руками, съ пронзительнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ про-странство“ (стр. III). Таковъ его виѣшний образъ. Проф. Трачевскій старается вызвать передъ читателями и его внутренній образъ, со всеми его достоинствами и недостатками, съ страстной жаждой дѣятельности, непоколебимой энергіей, съ его военнымъ гениемъ и дипломатическимъ макиавеллизмомъ, со всеми интригами, коварствомъ, завистью и деспотизмомъ. Проф. Трачевскій указываетъ на то, что возвыситься и прославиться своими гениальными побѣдами „капральчикъ“ могъ только въ ту, полную переменъ и неожиданностей, бурную революціонную эпоху.

Наполеонъ, по мнѣнію многихъ современниковъ, является „исчадіемъ революціи“. И сначала Наполеонъ служитъ дѣлу революціи, помогая Франціи и Европѣ сбросить съ себя одряхлѣвшія цѣпи стараго порядка. Затѣмъ политика Наполеона мѣняется. Развивается политика мірдержавія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цезаризма. Утомленная, обезсиленная долгой борьбою Франція послѣ революціи отдавала себя покорно въ руки деспота, дававшего ей миръ, естественныя границы, міровую славу и новый кодексъ. Наполеонъ и въ этомъ былъ только выразителемъ, создани-емъ, а не создателемъ новой эпохи.

Въ разбираемой книгѣ проф. Трачевскій останавливается только на первыхъ шагахъ и консульствѣ,—эпоха имперіи составитъ самостоятельное изслѣдованіе.

Если бы авторъ не злоупотреблялъ порою слишкомъ громкими фразами, вычурными литературными оборотами и названіями, его книга сильно выиграла бы. Въ общемъ проф. Трачевскій умѣетъ излагать живо и интересно, хотя виѣшняя политика Наполеона разработана полнѣе и тщательнѣе, чѣмъ внутренняя.

Въ началѣ книги, въ предисловіи, авторъ даетъ очень подробную библиографію по эпохѣ Наполеона, которая можетъ быть очень полезна для желающихъ подробнѣе и серьезнѣе познакомиться съ вопросомъ.

Въ общемъ книга проф. Трачевскаго можетъ быть доступна самому широкому кругу читателей, благодаря своей популярности и недорогой цѣнѣ.

О. Рудченко.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Августъ Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и ученіе.

Августъ Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и ученіе. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Майзеля и В. Серезникова, подъ редакціей В. Базарова. Изд. товарищества „Знаніе“. Стр. 227. Спб., 1906 г. Ц. 60 к. Книжка эта появилась въ Германіи въ 80-хъ годахъ и переведена теперь, повидимому, только въ виду высокаго курса имени Бебеля на книжномъ рынкѣ. Авторъ совершенно не справился съ задачей—дать популярное и ясное изложеніе системы Фурье. Въмѣсто переработки огромнаго матеріала въ цѣляхъ доступнаго изложенія основныхъ положеній и доводовъ ученія, Бебель запутываетъ читателя въ фантастическихъ аналогіяхъ, вычисленіяхъ и формулахъ великаго французскаго утописта, ограничиваясь почти однѣми цитатами. Къ тому же изложеніе Бебеля вовсе не опирается на дѣйствительное знакомство съ первоисточниками о Фурье и фурьеризмѣ, что также не могло не сказаться на достоинствахъ работы. Въ немногихъ только случаяхъ Бебель прерываетъ цитаты для того, чтобы отмѣчать связь нѣкоторыхъ взглядовъ Фурье съ положеніями современнаго такъ называемаго научнаго социализма.

Л. Шифъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Винаверъ. Конфликты въ первой Думѣ.—„Наканунѣ пробужденія“. Сборникъ статей по еврейскому вопросу. I. В. Гессена, М. Б. Ратнера и Л. И. Штернберга.

М. Винаверъ. Конфликты въ первой Думѣ. Спб., 1907 г. Стр. 184. Ц. 60 к. Для первой русской Государственной Думы еще не скоро наступитъ время суда. Отдѣльные шаги ея уже и сейчасъ, правда, представляются явно ошибочными. А въ свѣтъ исторической перспективы обнаружатся, безъ сомнѣнія, множество ускользающихъ отъ нашего взгляда крупныхъ и мелкихъ недочетовъ. Трудно сказать, каковъ будетъ общій итогъ. Въ одномъ только можно быть смѣло увѣреннымъ: потомство преклонится предъ тою „холодной уравновѣшенностью“, за которую тогдашній думскій центръ подвергался такимъ легкомысленнымъ и несправедливымъ упрекамъ. Сохранить въ это замѣчательное, но все же смутное время такую ясность программы, такую опредѣленность директивъ, такую твердость въ ихъ осуществленіи—могла только политическая организація столь выдающагося личнаго состава, какъ первая парламентская кадетская фракція. Отличительною чертою партіи явилось именно то, что она уже тогда отдала себѣ полный отчетъ въ тѣхъ особыхъ путяхъ, которыми должно идти народное представительство. Это обнаружилось воочию не далѣе, какъ черезъ нѣсколько дней послѣ открытія Думы, когда *М. М. Ковалевскій* поднялъ вопросъ о роли ея въ качествѣ „посредника между царемъ и народомъ“. Отъ имени своей фракція *Ив. И. Петрункевичъ* категорически высказался противъ самой постановки подобнаго вопроса. „Мы не превратимъ Думу,—сказалъ онъ,—изъ *законодательнаго* учрежденія въ учрежденіе для подачи ходатайствъ за народъ. Мы не желаемъ быть ходатаями, мы хотимъ быть законодателями“. И въ этихъ словахъ выражалась глубоко продуманная идея. Сознаніе необходимости придерживаться чисто конституціонныхъ формъ сообщено было лидерами всей

массѣ депутатовъ. Именно оно и положило ту рѣзкую грань, которая отдѣляла въ первой Думѣ ка-детовъ отъ всѣхъ прочихъ партій, какъ справа, такъ и слѣва. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить хотя бы о той позиціи, которую заняла небольшая группа демократическихъ реформъ. Болѣе умѣренная по своей программѣ, чѣмъ ка-деты,—какъ часто она, неожиданно для самой себя, являлась инициаторомъ самыхъ рискованныхъ проектовъ и предложеній! Парламентскому центру приходилось напрягать всю свою бдительность для того, чтобы разсѣивать, по возможности, надвигавшіяся на Думу съ различныхъ сторонъ грозовыя тучи.

Брошюра г. *Винавера* и знакомитъ насъ съ закулисной стороною той тяжелой работы, которую должна была продѣлать партія народной свободы, задавшаяся цѣлью поставить новое законодательное учрежденіе на конституціонные рельсы. Въ литературѣ о первой Государственной Думѣ эта интересная книжка заполняетъ весьма существенный пробѣлъ. Написанная съ большимъ подъемомъ, она проникнута отъ начала до конца опредѣленной руководящей идеей и даетъ отвѣтъ на множество вопросовъ, въ которыхъ трудно было разобраться далеко не одной только широкой публикѣ. Заглавіемъ книжки ея богатое содержаніе не исчерпывается. Излагая событія, энергичнѣйшимъ участникомъ которыхъ онъ самъ былъ, авторъ не пригоняетъ механически своего разсказа къ имѣвшимъ въ дѣйствительности мѣсто конфликтамъ. Брошюра разсматриваетъ всю совокупность явленій и фактовъ, характеризующихъ стройный тактической планъ, съ которымъ конституционалисты-демократы вошли въ первую Государственную Думу, и рисуетъ попутно тѣ препятствія, которыя партія приходилось въ борьбѣ за него преодолевать.

Само собой разумѣется, что центр тяжести своего изложенія г. *Винаверъ* долженъ былъ сосредоточить на критикѣ дѣятельности тѣхъ разношерстныхъ элементовъ, которые объединились въ Думѣ подъ общимъ именемъ *трудоу группы*. Не совсѣмъ объективно по формѣ, но очень убѣдительно по существу, авторъ разрушаетъ здѣсь легенды, образовавшіяся вокругъ главнѣйшихъ шаговъ дѣятельности перваго русскаго парламента. Это относится прежде всего къ отвѣтному адресу Государственной Думы на тронную рѣчь. Многіе органы печати не жалѣли въ свое время красокъ для того, чтобы изобразить давленіе, оказанное въ этомъ вопросѣ на ка-детовъ лѣвѣе ихъ стоящими партіями. Неопровержимыя данныя устанавливаютъ крайнюю неосновательность и грубую тенденціозность всѣхъ подобныхъ утвержденій.

Въ образѣ дѣйствій *трудоуиковъ* опредѣленно выступала наружу только одна мысль,—провести демаркаціонную линію между собой и ка-детами. Брошюра лишь бѣгло указываетъ на то горячее поощреніе, которое подобная тактика встрѣчала извнѣ. Но сколько-нибудь ясной картины движущихъ причинъ этого любопытнаго во всѣхъ смыслахъ явленія мы не получаемъ. Да въ границахъ избранной г. *Винаверомъ* темы это едва ли и возможно было сдѣлать.

Предъ нами вопросъ, заслуживающій, по своей громадной важности, спеціального критическаго изслѣдованія. Исторія покажетъ, какой непоправимый вредъ нанесло всему дѣлу русской свободы сектантское упорство общественныхъ группъ, обанкротившихся на проповѣди бойкота и сосредоточившихъ затѣмъ всю свою психологію на томъ, чтобы лишитъ к.-д. партію плодовъ одержанной ею грандіозной избирательной побѣды. Изъ этихъ преимущественно круговъ исходили и тѣ директивы, которыхъ придерживались неизмѣнно *трудоуики*. Вотъ почему вся ихъ

кампанія въ Думѣ и страдала столь явно отсутствіемъ какой-либо творческой политической идеи. Это было такое же самое, лишенное внутреннихъ побудительныхъ причинъ, а подсказываемое чисто обывательскими мотивами, стремленіе отмежеваться отъ кадетовъ, какое обнаруживаютъ у насъ, особенно передъ выборами, нѣкоторыя прогрессивныя газеты. Низкій уровень нашего политическаго развитія ни въ чемъ не сказывается съ такою силой, какъ въ этой наивной, но далеко не безопасной игрѣ. Именно она и привела къ процвѣтанію того грубаго декламационнаго жанра, который совсѣмъ было отучилъ широкую публику отъ сколько-нибудь объективной оцѣнки элементарныхъ фактовъ нашей дѣятельности.

Поскольку эта безумная, — но далеко еще тогда не достигшая своего кульминаціоннаго пункта, — тактика отразилась на дѣятельности трудовой группы въ первомъ русскомъ парламентѣ, она ярко охарактеризована и сурово заклеймена г. Винаверомъ.

Г. Штільманъ.

Наканунѣ пробужденія. Сборникъ статей по еврейскому вопросу I. В. Гессена, М. Б. Ратнера и Л. Я. Штернберга. Спб., 1906 г. Стр. 187. Ц. 30 к. Авторы сборника съ разныхъ сторонъ обрисовываютъ вопиющее безправіе 6-милліоннаго еврейскаго народа, выдѣляющееся чернымъ пятномъ даже на темномъ фонѣ правового положенія всего населенія Россіи. Большая часть статей сборника принадлежитъ Гессену. Анализируя „временныя“ законодательныя мѣры по еврейскому вопросу, изданныя въ мрачную, реакціонную эпоху 80-хъ и 90-хъ годовъ „впредь до законодательнаго пересмотра“, авторъ рѣзко подчеркиваетъ всю ихъ противорѣчивость, случайность и произвольность. Г. Ратнеръ въ статьѣ „Современная постановка еврейскаго вопроса“ формулируетъ это отношеніе власти къ цѣлому народу, какъ грубо-утилитарное: „различныя группы населенія распредѣляются въ отношеніи цѣли и средства“. Авторъ справедливо указываетъ, что даже съ незаконной утилитарной точки зрѣнія подобная политика несостоятельна, губительно отражаясь на политической и хозяйственной жизни всей страны.

Какъ ни безнадежно самое законодательство о евреяхъ, практическое его примѣненіе невѣжественными, не въ мѣру усердствующими мѣстными властями представляетъ еще болѣе мрачную картину. Краснорѣчивъ ужъ самый фактъ систематической отмѣны сенатомъ безчисленныхъ постановленій мѣстной администраціи, толкующей всякое сомнѣніе о правахъ евреевъ, въ pendant къ тенденціи самаго законодательства, въ неблагоприятномъ для послѣднихъ смыслѣ. Г. Гессенъ приводитъ совершенно невѣроятные факты изъ области примѣненія законовъ о евреяхъ. Особенно замѣчательенъ случай съ евреемъ Майминымъ, домъ котораго одной половиной входилъ въ черту города, другой же половиной находился внѣ ея, т. е. внѣ черты осѣдлости. Въ этомъ случаѣ, какъ въ фокусѣ, отразилась вся чудовищность и дикость ограничительныхъ законовъ о евреяхъ. Г. Гессенъ даетъ достойную саркастическую оцѣнку этого необикновеннаго факта. „Слѣдовало бы, конечно, — замѣчаетъ онъ, — по всей справедливости разрѣшить Маймину право жительства въ одной половинѣ, а въ другую предоставить право временнаго вѣзда, но витебское губернское правленіе, опасаясь, повидимому, что Майминъ не воздержится отъ соблазна нарушать законъ и будетъ проводить въ запрещенной половинѣ дома слишкомъ много времени, свыше мѣры надобности, постановило выселить его вообще изъ принадлежащаго ему дома. Прошло однако нѣсколько лѣтъ... и правительствующій сенатъ, убѣ-

дившись, что налоги въ пользу гор. Полоцка уплачиваются Майминымъ со всего дома, разрѣшилъ ему всетаки вернуться въ родное пепелище“.

Г. Ратнеръ указываетъ, въ какой мѣрѣ эта полная зависимость еврейскаго населенія отъ благоусмотрѣннѣ органовъ администраціи вноситъ въ жизнь внутреннее моральное разложеніе, какъ система „кормленія“ развращаетъ обѣ стороны—администрацію и евреевъ, живущихъ въ атмосферѣ подкупа и униженія. На моральной сторонѣ проклятаго вопроса останавливается также г. Штернбергъ, приводящій рядъ поистинѣ ужасающихъ случаевъ надругательства надъ личностью евреевъ на законномъ основаніи.

Л. Шифъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

А. М. Никольскій. Въ защиту теоріи полового подбора.

А. М. Никольскій. Въ защиту теоріи полового подбора. 22 стр., in 8°. Харьковъ, 1907 г. Дарвиновская теорія полового подбора въ настоящее время имѣетъ все менѣе и менѣе сторонниковъ. Все чаще и чаще появляются то отдѣльныя статьи, то отдѣльныя главы большихъ сочиненій по біологіи животныхъ, въ которыхъ теоріи возникновенія и развитія вторичныхъ половыхъ признаковъ, обоснованной Дарвиномъ, отводится немало мѣста, удѣляется немало вниманія, но не съ тѣмъ, чтобы развить ее, а для того, чтобы докончить ту безпощадную критику ея, которая начата знаменитымъ соотечественникомъ творца этой теоріи—Уоллесомъ.

Въ 1906 г. появилась въ Запискахъ Геогр. Общ. статья В. А. Фаусека „Біологическія изслѣдованія въ Закаспійской области“ (Зап., т. XXVII, 1906 г.), въ которой этотъ ученый на основаніи собственныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ животными въ Закаспійской области, приходитъ, подобно Уоллесу, къ отрицанію полового подбора. По мнѣнію Фаусека, яркая окраска не играетъ никакой роли во взаимоотношеніяхъ самцовъ и самокъ; яркая окраска есть лишь орудіе устрашенія противъ самцовъ того же вида. Съ этой точки зрѣнія наиболее ярко окрашенный самецъ отпугиваетъ отъ самки другихъ, менѣе ярко окрашенныхъ, и такимъ образомъ получаетъ больше шансовъ спариться и оставить поколѣніе, къ которому перейдутъ его признаки, чѣмъ послѣдніе. Хвостъ павлина, яркіе наросты индюка, яркая окраска самцовъ фазана имѣютъ именно эту цѣль устрашенія противника, а не прельщенія самки.

Въ защиту теоріи полового подбора на основаніяхъ, данныхъ Дарвиномъ, и выступаетъ противъ Уоллеса и Фаусека профессоръ харьковскаго университета А. М. Никольскій.

Онъ не признаетъ правильною аргументацію Уоллеса. Всякій разъ, какъ животное по тѣмъ или другимъ причинамъ принуждено бываетъ скоплять въ себѣ запасъ питательнаго матеріала, этотъ матеріалъ отлагается въ видѣ жировыхъ образованій, и избытокъ пластическаго матеріала не выражается непременно въ развитіи яркой окраски наружныхъ покрововъ. Какъ только животное становится упитаннымъ, оно дѣлается только болѣе жирнымъ, а не ярко окрашеннымъ. Нерѣдко бываетъ такъ, что старый, слабый и тощій самецъ бываетъ гораздо болѣе ярко окрашенъ, чѣмъ молодой и упитанный. Это—противъ Уоллеса.

Противъ Фаусека же говорить то обстоятельство, что яркія окраски и выставленіе ихъ напоказъ никогда не пускаются въ ходъ противъ

того пола, къ которому принадлежит ихъ носитель. Павлины никогда не распускаютъ хвоста передъ павлинами же, а только передъ павами, индюки передъ индѣйками и т. д.

Пугать же яркими окрасками самца того же вида не имѣло бы никакого значенія, такъ какъ тѣми же красками обладаетъ и тотъ индивидъ, котораго хотятъ испугать; такую окраскою животное никогда бы не испугало своего соперника, помимо того, также, какъ перестала бы пугать всѣхъ та собака, которая постоянно ходила бы съ оскаленными зубами.

Такимъ образомъ, новая попытка замѣнить половой подборъ естественнымъ, сдѣланная В. А. Фаусекомъ, вызываетъ не менѣе возраженій, нежели попытка Уоллеса, и старая теорія Дарвина остается неопровергнутой.

Въ заключительныхъ словахъ своей статьи авторъ приводитъ соображенія въ области, близкой къ затронутому вопросу, могущія заинтересовать и большій кругъ читателей, чѣмъ тотъ, для котораго она предназначена (специалисты зоологи).

Разбирая вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ основательны возраженія противъ теоріи полового отбора и останавливаясь на томъ аргументѣ противниковъ ея, что до сихъ поръ не доказанъ самый фактъ выбора самками наиболѣе красиваго самца, Никольскій пытается разрѣшить общій вопросъ: что можетъ считаться красивымъ у человѣка и у животнаго съ точки зрѣнія ихъ самихъ? Отвѣтъ, который даетъ на этотъ вопросъ авторъ реферлируемой брошюры, конечно, давно уже намѣченъ эстетикою натуралистической школы, но въ естествознаніи, если не ошибаемся, онъ формулируется впервые г. Никольскимъ. По его мнѣнію, *то, въ чемъ наиболѣе рельефно отражается окружающая индивида природа*, то считается красивымъ: у человѣка—все то, что на самомъ дѣлѣ существуетъ и всюду находится подлѣ насъ: цвѣты, зелень, вода, солнце, у животныхъ—обычная обстановка той среды, въ которой они живутъ. Напр. у голенастыхъ птицъ красивымъ считается то, что похоже на болотныя растенія, ихъ окружающія, напр. метелки камыша, которыя изображаютъ украшающія ихъ длинныя узкія перья, у куриныхъ птицъ (индюки, куры) красные наросты, которые представляютъ красный цвѣтъ ягодъ, играющихъ въ ихъ жизни не послѣднюю роль и т. д.

Само по себѣ это положеніе, конечно, отнюдь не безспорно, какъ не безспорны и другія утвержденія А. М. Никольскаго. Можно пожалѣть, что авторъ не развилъ своей мысли подробнѣе.

В. Муравевичъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.

- Автобиографическія записки Ив. Мих. Съчкова. М., 1908 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Бахъ, А.** Экономическіе очерки. М., 1907 г. Ц. 15 к.
- Верезинъ, Н.** Украина. Спб., 1907 г. Ц. 40 к.
- Верезинъ, Н.** Начальная географія. Спб., 1908 г. Ц. 60 к.
- Вернштейнъ, Э.** Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Спб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Временеръ, М.** Венерич. болѣзни. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Врюсовъ, В.** Пути и перепутья. Собр. стих. Т. I. Изд. „Скорпионъ“. М., 1908 г. Ц. 2 р.
- Веселовскій, Юрій.** Новый изобразитель дѣтской психологіи.—Изъ современныхъ скандинав. литературъ. Гл. I и II. М., 1907 г.
- Волховскій, Ф.** Швейцарская военная система. М., 1908 г. Ц. 20 к.
- Виллей, Эдм.** Избирательное законодательство въ Европѣ. Перев. съ франц. Спб., 1908 г. Ц. 75 к.
- Гарднеръ, В.** Стихотв. Спб., 1908 г. Ц. 75 к.
- Глинскій, В.** Борьба за конституцію 1612—1861 гг. Спб., 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Гринъ, А.** Шапка невидимка. Спб., 1908 г. Ц. 80 к.
- Добросклонскій, С.** Опытъ оцѣнки питательнаго достоинства „Голодныхъ хлѣбовъ“. Спб., 1907 г.
- Доллеанъ, Эд.** Робертъ Оуэнъ. Пер. съ франц. Спб., 1908 г. Ц. 50 к.
- Dr. Mentor Bounatian.** Geschichte der Handelskrisen in England.—Wirtschaftskrisen und Ueberkapitalisation. München, 1908 г.
- Дымовъ, О.** Земля цвѣтетъ. М., 1907 г. Ц. 1 р.
- Записки горнаго института императрицы Екатерины II. Спб., 1907 г.
- Ковалевскій, П.** Мираданіе. Спб., 1908 г. Ц. 80 к.
- Кожевниковъ, П.** Рассказы. М., 1908 г. Ц. 80 к.
- Константенъ, Ж.** Растенія и среда. Перев. съ франц. подъ редакц. Б. Тимряева. Изд. *Русская Мысль*. М., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котляревскій, Н.** Литературныя направления Александровской эпохи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Курловъ, Е.** За идею и др. рассказы. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Лебедевъ, А.** Дѣтская и народная литература. Вып. I. Ц. 50 к.—Что читать крестьянамъ. Н.-Нов., 1908 г. Ц. 12 к.
- Лебедянскій, С.** Продовольственные столовые. Пенза, 1907 г.
- Лучанскій, П.** Стихотв. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Максимовъ, В.** Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Материалы для оцѣнки земель Вологодской губерніи.** Т. II. Вып. I и вып. II. Вологда, 1907 г. Ц. 2 р.
- Мерингъ, Фр.** Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго. Спб., 1908 г. Ц. 60 к.
- Метерлинкъ, Т.** III. Спб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Модернисты, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ.** Одесса, 1908 г. Ц. 40 к.
- Минскій, Н.** Полное собр. стихотв. Т. I, II, III, IV. Спб., 1907 г. Ц. по 1 р.
- Нечаевъ, А.** Работа подземной воды. М., 1908 г. Ц. 40 к.
- Новорусскій, М.** Земля и ся жизнь. Спб., 1908 г. Ц. 40 к.

- Петровская, Нина.** Sanctus amor. Рассказы. М., 1908 г. Ц. 60 к.
- Переселение и заготовка земель для переселенцев.** Спб., 1907 г.
- Погодинъ, А. Л.** Главныя теченія польской политической мысли. Спб., 1908 г. Ц. 3 р.
- Ратнеръ, М.** Аграрный вопросъ и социаль-демократія. М., 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Рекедъ, И.** Народная школа въ арміи. М., 1907 г. Ц. 5 к.
- Рожковъ, Н.** Отъ самовластиа къ народовластию. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.
- Соціалистическая исторія.** Подъ ред. Жана Жореса (1789—1900). Т. I, учрежд. собраніе (1789—1791). Жана Жореса. Перев. Е. Бартевовой, М. Львовой и Н. Тютчева. Спб., 1908 г. Ц. 2 р.
- Сильванскій, Н.** Феодализмъ въ древней Руси. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Степнякъ-Кравчинскій, С.** Собр. соч., ч. IV. Андрей Кожуховъ. Перев. съ англ. Ф. Степнякъ. 3-е изд. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Сухановъ, Н.** Земельная рента и новы земельнаго обложенія. М., 1908 г. Ц. 85 к.
- Труды перваго всероссійскаго съѣзда спиритуалистовъ.** М., 1907 г. Ц. 3 р.
- Украинскій, В.** Крестьянская община и аграрная реформа. М., 1908 г. Ц. 50 к.
- Фальбекъ, проф.** Современный парламентаризмъ. Перев. съ франц. Спб., 1908 г. Ц. 40 к.
- Ферри, Энрико.** Преступные типы въ искусствѣ и литературѣ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, Д. и М. Якобій.** Къ пересмотру аграрной программы и ея основанія. М., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Чарнолускій, В.** Къ школьной реформѣ. М., 1908 г. Ц. 30 к.
- Чарнолускій, В.** Ежегодникъ народной школы. Вып. I. М., 1907 г. 1 р. 50 к.
- Шершеневичъ, Г.** Общее ученіе о правѣ и государствѣ. М., 1907 г. Ц. 40 к.
- Шпицеръ, С.** Рассказы. Спб., 1908 г. Ц. 60 к.
- Щербаковъ, С.** Курсъ космографіи для средн. учебн. завед. Н.-Нов., 1907 г. Ц. 1 р. 10 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: <i>Валерій Брюсовъ</i> . Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. I.— <i>Алексій Ремизовъ</i> . 1) Лимонарь сырѣчь дугъ духовный. 2) Прудъ .	1
Исторія: <i>Карлъ Шурицъ</i> . Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера.— <i>Проф. Александръ Трачевскій</i> . Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. . . .	6
Политическая экономія: <i>Августъ Бебелъ</i> . Шарль Фурье, его жизнь и ученіе	9
Публицистика: <i>М. Винаверъ</i> . Конфликты въ Первой Думѣ.—„Наканунѣ пробужденія“. Сборникъ статей по еврейскому вопросу. <i>И. В. Гессена</i> , <i>М. Б. Ратнера</i> и <i>Л. Я. Штернберга</i>	9
Естествознаніе. <i>А. М. Николскій</i> . Въ защиту теорія полового подбора.	12

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1907 г. по 1 января 1908 г.